

НИК. СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ

РАССКАЗЫ О КНИГАХ

НИК. СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ

РАССКАЗЫ О КНИГАХ

На суперобложке изображена фарфоровая чернильница «Библиофил», работы завода А. М. Миклашевского в с. Волокитино, Глуховского уезда, Черниговской губ. (1839—1862)

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ
ПАЛАТА

НИК. СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ

РАССКАЗЫ
о КНИГАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОЙ КНИЖНОЙ ПАЛАТЫ
М О С К В А — 1 9 5 9

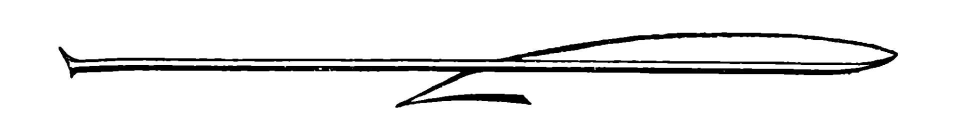
Редактор
Ю. И. Масанов

Оформление книги
художника
М. Эльцуфена

Жене моей —
Софье Петровне Близниковской
автор.

Вместо предисловия

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ВЛАСТЬ КНИГИ

Когда смотришь на полки с книгами, накопленными за много лет собирательства, вспоминаются не только их содержание, их авторы и издатели, но и обстоятельства, при которых эти книги появились на свет, последующая судьба многих из них, порой столь же интересная, как и сама книга.

Каждая из них напоминает еще и о том — как, когда и от кого попала она к вам на полку. Книги — это многие, многие часы потраченного на их поиск времени, разные города нашей страны, разные люди.

Это — пятые и шестые этажи старых ленинградских домов, это — тихие переулки Арбата и тупички Замоскворечья. Это — глаза людей, расстающихся с книгами. Глаза порой равнодушные, а иногда и печальные...

Последнее не относится к книгам новым, сегодняшним, чаще всего прозаически приобретаемым в магазинах. Речь идет о книгах старых, вернее старинных. Вовсе не значит, что новые, сегодняшние книги менее любимы. Нет, нет! Каждая новая книга со временем станет и старой, и старинной. Молодость проходит не только у людей.

Но эти, ныне уже старинные книги,— постепенно исчезают, становятся редкими. Такие книги надо искать, за ними надо охотиться, иногда более терпеливо, чем за самым ценным зверем. Путей для книжных находок не мало. Надо быть только внимательным и любопытным. И надо, конечно, увлечься своеобразной романтикой книжного следопыта.

Собиратели иногда могут оказать значительные услуги науке своими находками. Несколько лет назад пытливые советские ребятишки обнаружили где-то на чердаке целый архив своего любимого писателя Аркадия Гайдара и торжественно вручили эту находку Литературному музею.

Литературовед Ираклий Андроников разыскал племянницу дореволюционного собирателя А. Бурцева, хранившую у себя чемодан какого-то дядиного «хлама». Среди этого «хлама» он обнаружил автографы Пушкина, Лермонтова и ряда других известных писателей и поэтов.

Не так давно мне тоже удалось поспособствовать приобретению музеем Московской государственной консерватории драгоценной рукописи — партитуры оперы великого русского композитора М. П. Мусоргского на текст «Женитьбы» Н. В. Гоголя. Рукопись эта находилась у одной старушки, не знавшей куда ее деть. Газета «Известия» потом, в специальной статье, отмечала значимость находки.

Я никогда не был в Париже. По рассказам Анатоля Франса я знаю (так же, как знаете и вы), что берег Сены уставлен ларями букинистов. В этих ларях часами роются любители, разыскивая нужные им книги.

В 20—30 годах нашего века Моховая улица и улица Герцена в Москве, книжные палатки у Китайгородской стены, Литейный проспект в Ленинграде были похожи на этот берег парижской Сены.

В книжных лавках и на развалах, которые на этих улицах встречались на каждом шагу, так же часами рылись Анатолий Васильевич Луначарский, вечно веселый Демьян Бедный, многие другие писатели, ученые, артисты и люди самых разнообразных профессий. Они перебирали горы старых, запылившихся книг, выискивая нужные и дорогие сердцу.

Даже в трудные 1919—1920 годы торговля книгами не прекращалась. В книжные лавки хлынул новый покупатель, не имевший ранее доступа к книгам, покупатель жадный и требовательный. Были «лавки писателей», «лавки поэтов», за прилавками которых стояли в качестве продавцов сами писатели и поэты. Среди них были Сергей Есенин, Владимир Лидин, Николай Ашукин и многие, многие другие. Торговали не только печатными книгами, но и книгами своих стихов, переписанных собственноручно. Писатели лично знакомились со своими читателями. Когда-нибудь об этом надо рассказать отдельно и подробно.

Бурный рост новой советской литературы, увеличивающаяся день ото дня продукция наших издательств, выпускающих заново и многие старые книги,— притушили нужду в уличных книжных развалах. Книга переехала в большие благоустроенные магазины и традиционное, приятное сердцу старых собирателей название «книжная лавка», хранят теперь только «книжные лавки писателей» в Москве и Ленинграде.

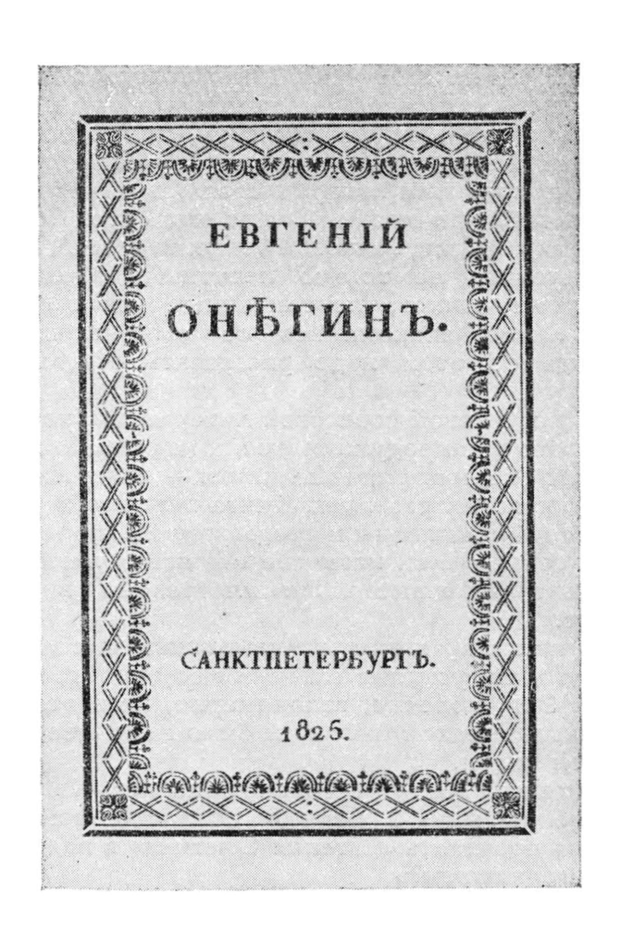
Но и в них старая антикварная книга занимает только скромные уголки, уступив главное место книге новой, сегодняшней. Это, конечно, закономерно, но в этом не должно проявляться какой бы то ни было недооценки старой, антикварной книги.

Старая книга! Меня часто спрашивают: «А зачем вам Пушкин непременно в первом прижизненном издании? Разве нельзя прочитать «Евгения Онегина» в издании позднейшем, сегодняшнем?»

Что можно на это ответить? Конечно, Пушкина можно и нужно читать в любом издании. И, может быть, в самом позднем издании его прочитать даже полезней. Мы найдем тут интересные познавательные предисловия и примечания, иногда великолепные иллюстрации. Кроме того, тщательно выверен текст, восстановлены строчки, зачеркнутые или изуродованные цензурой. Все это верно!

Но люди любознательны, и многих интересует — каким именно впервые тот же «Евгений Онегин» предстал перед глазами читателей.

Пушкин в первых прижизненных изданиях поражает своей суровой ясностью и простотой. «Онегин» первого издания, в скромных на вид маленьких тетрадочках — главах, в простых и таких милых обложках, иногда может совершенно по-новому быть прочитан вами. Как-то вот между вами, читателями, и гениальным создателем этого

1. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. Обложка первой главы первого издания.

произведения ничто не стоит. Ничто не мешает, не отвлекает. Ни рисунки, ни примечания, ни предисловия. Вот просто — слово Пушкина и вы — его читатель. Доказать это трудно. Тут немножечко, может быть, от поэзии, но ведь и «Евгений Онегин» не проза...

У Максима Горького в воспоминаниях о писателе Н. Г. Гарине-Михайловском есть место, где Горький спрашивает его: верен ли ходячий анекдот, будто бы Гарин где-то у себя в деревне однажды засеял целых сорок десятин только одними семенами мака?

Притчи
Эссоповы
на латинском и руском
языкѣ
купе оные стихами .
изобрази
совокупноже брань
жаб и мышей
Гомером
древле описана
со изрядными въ обоихъ книга
лицами и с толкованиемъ
Въ Амстердамѣ
напечатася
оу Ивана Андреева
Тесинга.
Лѣта 1700.

2. «Притчи Эссоповы». Титульный лист книги, напечатанной в Амстердаме в 1700 г.

Гарин сначала возмутился, начал всячески отрицать это, а потом, рассказывает Горький: «...хлопнув меня по плечу маленькой крепкой рукой, он сказал с восхищением:

— Но если бы вы, батенька, видели этот мак, когда он зацвел!» [1].

Я не знаю человека, который оставался бы равнодушным, держа в руках какое-нибудь изделие русского печатного станка XVII-го, XVIII-го или начала XIX века. Даже у наиболее скептически настроенных быстро сходит с лица ироническая улыбка, когда они перелистывают, скажем,

3. «Ведомости». Страница первой русской печатной газеты 1703 г.

«Притчи Эссоповы» 1700 года, напечатанные в Амстердаме собственным типографщиком Петра I Иоганном Тессингом, или комплект петровских же «Ведомостей» 1703 года, первой русской печатной газеты.

Я просто не верю, когда люди начинают бравировать своим равнодушием к старым книгам. Я точно знаю, что это неправда.

Величие русской литературы, ее героическое прошлое, на основе которого растет и развивается наша новая, советская литература,— все это, выраженное в вечно живых свидетелях — книгах, не может не затронуть самых нежнейших струн человеческого сердца.

Но кроме сердца у человека есть еще разум и знания, на развитие которых книга,— новая она или старая — все равно, оказывает решающее влияние. Книга — верный друг и помощник.

Здесь уместно припомнить разговор, происшедший у писателя Виктора Шкловского с одним библиофилом, который не занимался научно-исследовательской работой, а был известен просто как собиратель и страстный любитель книг.

В. Б. Шкловскому как-то потребовались сведения, насколько я помню, о ком-то из литературного окружения художника П. Федотова. Наведя безрезультатные справки у разных ученых, вплоть до академиков, В. Б. Шкловский обратился по телефону к этому книголюбу. Случайно, или не случайно, вопрос не в этом, но книголюб тут же дал нужные, исчерпывающие сведения.

Последовала некая пауза, после которой В. Б. Шкловский сказал: «Ведь, вот как получается, дорогой товарищ: я звонил многим в Москве, и никто, кроме вас, ответить мне не сумел. Теперь я вижу, что не только вы собрали книги, но и книги собрали вас...»

Эта мысль В. Б. Шкловского заслуживает внимания.

Книга щедро расплачивается за любовь к ней. Книга учит даже тогда, когда вы этого и не ждете, и, может быть, не хотите. Власть книги огромна.

У ПОЛКИ СТАРЫХ КНИГ

Полка старых, старых книг. Тех самых книг, о которых иногда говорят: «Читать эти книги невозможно — устаревший язык, устаревшие мысли».

Что касается языка — не спорю. Обороты речи в годы Радищева, Новикова, молодого Крылова были тяжеловаты. Однако ни у кого из них нельзя было найти и таких «шедевров», какими блеснул недавно один наш современный киножурнал, напечатав чей-то литературный сценарий, в котором герой в одном месте «разглядывает поджатые губы дочери, опускает глаза в тарелку и ест», а в другом — «поднимает глаза к небу, свертывает набок бугристый нос» [2].

В книгах даже времен Петра Первого не ели собственные глаза, опущенные в тарелку, а если и сворачивали набок бугристые носы, то не сообщали об этом читателям.

4. «Новая манера укреплению городов». Гравированный фронтиспис книги, напечатанной в 1711 году в Москве.

Кстати, начиная с книг времен именно Петра I, давайте с вами и посмотрим — во всякой ли старой книге устаревшие мысли. Вот, что это, например, такое? Читаем заглавие: «Новая манера укреплению городов, учиненная чрез господина Блонделя, генерала-порутчика войск короля французского». Книга была впервые напечатана в Париже в 1683 году, переведена же на русский и напечатана в Москве «в лето 1711-ое» [3].

По содержанию эта старая книга представляет собою нечто вроде учебника фортификации — военно-инженерной науки, чрезвычайно интересовавшей Петра.

Метод собирания материалов для этой книги французским генерал-поручиком, на сегодняшний взгляд, был чрезвычайно своеобразен, так как автор предварительно объездил полмира, изучая военные укрепления различных государств, в том числе и России.

Для нас особо интересны его высказывания о московском государстве времен 1657—1660 годов.

Блондель пишет: «...я хотя и не видал Казани и Астрахани, однако ж знаю, что *они не имеют иных фортификаций, разве простую кирпичную ограду с башнями*».

Указав таким образом на слабейшие места в обороне древней Московии, генерал-поручик Блондель счел необходимым сделать тут же и некое предупреждение своим соотечественникам: «А по Днепру крепости, кои я сам видел,— таковы ж и для того *зело удивляюсь мужеству народа сего, как* он в таких некрепких городах — Киеве, Могилеве и Смоленске — *мог выдерживать долговременные осады и погубить много тысяч неприятелей, обороняя себя*».

Как видно, автор книги генерал-поручик Блондель коечто соображал и не только в вопросах фортификации.

Через сто с небольшим лет после выхода его книги французский император Наполеон пренебрег предупреждением господина Блонделя и, понадеявшись исключительно на то, что русские города «не имеют иных фортификаций, разве только кирпичную ограду с башнями»,— разбил свое войско и свою славу о несокрушимое мужество русского народа, который, несмотря на отсталость в укреплении городов, и на этот раз сумел «погубить много тысяч неприятелей, обороняя себя».

И еще через сто с лишним лет о мужество советского народа разбились полчища Гитлера. Это же несокрушимое народное мужество является и сегодня главнейшим «секретным оружием» Советского государства, которое, борясь за мирную жизнь на земле, не позволяет разговаривать с собой языком диктата или с пресловутой «позиции силы».

Следует добавить, что сегодня и речи нет об отсталости советского народа не только в фортификации, но и в некоторых других областях. Какая уж тут отсталость! В ясную погоду советские «спутники» и космическая ракета наблюдались в небе из многих городов земного шара.

Спора нет, что на Западе есть тоже не мало хороших вещей и есть чему поучиться. Все дело в верном критическом отборе и кое в чем другом, более глубоком.

А нет ли об этом в стареньких книгах? Что вот это такое? «Трутень» — сатирический журнал, издания 1769 года. Его издавал один из славнейших просветителей 18-го века, русский сатирик и публицист Николай Иванович Новиков. Уже самый эпиграф журнала говорит о направлении его

ТРУТЕНЬ,
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ
ИЗДАНІЕ,
на
1769 годъ,
МѢСЯЦЪ МАЙ.

Они работаютъ, а вы ихъ трудъ ядите.
Г. Сумар. въ XLIII. притчѣ, I. книги.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

5. «Трутень». Титульный лист первого издания сатирического журнала Н. И. Новикова 1769 г.

сатирического жала: «Они работают, а вы их труд ядите». «Они» — это крепостные крестьяне, а «ядящие их труд» — дворяне-помещики [4].

Журнал поднимался до подлинных сатирических высот, не стесняясь намекнуть, что главным «трутнем» была сама Екатерина II.

Издатель журнала был сатириком-патриотом и, смело выступая против российского рабства и крепостничества, беззаконий и безобразий, ни на миг не забывал, что страна, о которой он пишет,— его родина. Он едко высмеивал людей, которые, побывав за границей, раболепно преклонялись перед иностранными обычаями.

На одной из страниц журнала можно найти такое, например, объявление: «Молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего

разума и который, объездив с пользой,— возвратился уже совершенной свиньей — желающие смотреть могут его видеть безденежно по многим улицам сего города».

Сатириком-патриотом был и молодой Иван Андреевич Крылов. В своем журнале «Почта духов» в 1789 году Крылов беспощадно бичевал дворян-помещиков, фаворитов императрицы, лихоимство, взяточничество и многое другое [5].

Достанем с полки этот журнал и полистаем. В письме девятом «Почты духов» мы находим слова, из которых видно, что молодой Крылов в равной степени презирал и тех писателей, которые представляли из себя «льстецов, сокрывающих пороки своих одноземцев», и тех, которые «ругают свое отечество без всякой другой причины, как только чтобы показать остроту своего пера».

Позвольте, позвольте, когда это напечатано? Почти сто семьдесят лет назад? А не кажется ли вам, что, будь это помечено сегодняшним числом,— мысли Крылова отнюдь нельзя было бы считать устаревшими?

Не будем делать никаких выводов: они ясны. Мне хотелось только доказать, что иногда и очень старые книги могут быть самыми современными собеседниками.

В ГОРОДЕ КНИГИ

Москва — город книги. В Москве стоит памятник первопечатнику Ивану Федорову, который в 1564 году напечатал «Апостол», первую на Московии русскую датированную книгу. Проходя по бывшей Никольской улице (ныне улица 25-го Октября), можно увидеть причудливое здание «Печатного двора»,— когда-то типографии, в которой набирался и печатался «Апостол».

Разумеется, вид здания с годами изменился, так как «Печатный двор» горел, восстанавливался, расширялся и перестраивался.

Из этой типографии в 1703 году вышла первая русская печатная газета «Ведомости о военных и иных делах». Отсюда в 1708 году вышли первые две русские книги, напечатанные новым гражданским шрифтом, введенным царем Петром Первым. До этого книги печатались древними церковно-славянскими литерами.

Новые книги назывались «Геометрия» и «Приклады, како пишутся комплименты разные». «Приклады» были первым русским письмовником, содержащим образцы для

написания писем «поздравительных», «заступительных», «просительных», «сожалительных», «утешительных» и других.

В последней четверти 18-го века в Москве развернул свою издательскую деятельность один из первых русских просветителей Николай Иванович Новиков. В Москве вышел первый русский сельскохозяйственный журнал «Сельский житель» (1778), под редакцией Андрея Болотова, и первый русский журнал по вопросам искусства — «Журнал изящных искусств» (1807), под редакцией И. Буле, профессора Московского университета.

В Москве родились Пушкин и Лермонтов, Грибоедов и Достоевский, Герцен и Островский.

В Москве Гоголь напечатал первую часть «Мертвых душ» и в Москве же, в припадке безумия, сжег вторую часть этой бессмертной поэмы.

В Москве — дом Льва Толстого. В Москве жили и умерли — Максим Горький, Алексей Толстой и Владимир Маяковский.

Москва — колыбель русской печатной книги и русской литературы. Может быть поэтому в Москве так много любителей и собирателей книг. В книжных магазинах Москвы — толпы народа. За подписными изданиями — очереди.

Впрочем, книгу любят во всей стране. Когда, по роду своей профессии артиста, я приезжаю в тот или иной город на гастроли, люди, прослышавшие, что я старый собиратель книг, забрасывают меня вопросами.

Книгу любят и собирают ученые, писатели и художники, врачи и инженеры, рабочие и колхозники. В Москве не найти квартиры, в которой не было бы полки, этажерки, шкафа, а иногда и стеллажей во всю стену, заполненных книгами. Пройдите в любой поезд дальнего следования, отходящий от Москвы: первое, что вы увидите в руках пассажиров, — это книги.

В связи с этим вспоминается такой эпизод. Не так давно в Ленинграде (тоже — город книги!) мне удалось разыскать человека, пожелавшего расстаться с комплектами журналов «Современник» и «Отечественные записки» некрасовского периода. Эти драгоценные издания чрезвычайно громоздки — свыше двухсот объемистых томов. Кстати, именно эта громоздкость и принудила владельца расстаться с журналами.

Встал вопрос: как перевезти более двадцати полновеснейших пачек книг в Москву? Паковать в ящики, зашивать, сдавать в багаж?

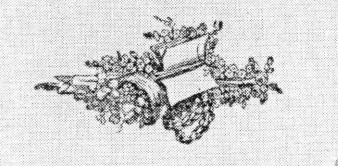

СЕЛЬСКОЙ
ЖИТЕЛЬ,
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
Въ пользу деревенскихъ жителей служащее
ИЗДАНІЕ.
Часть I.

Печатано въ Типографіи Императорскаго Московскаго Университета
1778 гда.

6. «Сельский житель». 1778 г. Титульный лист.

ЖУРНАЛЪ
ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУСТВЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ
НА 1807 ГОДЪ
И. ѲЕОФ. БУЛЕ,
Надворнымъ Совѣтникомъ и Профессоромъ Публичнымъ Ординарнымъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.
ПЕРЕВОДЪ
НИКОЛАЯ КОШАНСКАГО.
ЧАСТЬ I.

МОСКВА, 1807.
Въ Университетской Типографіи.

7. «Журнал изящных искусств». 1807 г. Титульный лист.

Опытные люди сказали:

— Ничего этого не надо. Провезете с собой в вагоне. Только не заворачивайте пачки в бумагу, чтобы было видно — книги!

И, действительно, когда я, сопровождаемый шестью носильщиками, ввалился в вагон, мой, отнюдь не «ручной багаж», не только не вызвал ворчания или протестов пассажиров, а наоборот мне оказали всяческую помощь. Пачки разложили по всем купе вагона, а попробовавшую что-то заметить проводницу седоусый полковник убедил одной фразой:

— Дорогая моя, да ведь это же книги! Вы не видите, что ли?

В Москве не мало книжных собраний, составленных из редких, замечательных книг. Чудеснейшие библиотеки у писателей Леонида Леонова, Вл. Лидина, В. Б. Шкловского. Уникальную коллекцию книг русских поэтов хранит у себя профессор И. Н. Розанов, старейший из книголюбов. Замечательные книги по военному делу собрал инженер-экономист одного из московских учреждений А. М. Макаров. К нему за справками обращаются со всех концов страны. Большая и интересная библиотека по театру у критика Н. Д. Волкова. Хорошие русские иллюстрированные издания собраны у врача-хирурга Ю. М. Вальтера.

Список этот можно продолжить до размера «адрес-календаря» книголюбов.

Сам я собираю книги свыше тридцати пяти лет и неудивительно, что за такой срок у меня накопилось не мало счастливых находок. Основная тема моего собирательства — история русской журналистики. Я «гонялся» за всеми русскими литературными альманахами и сборниками, начавшими появляться на Руси с 18-го столетия [6].

Альманахи и сборники — это как бы отдельные номера журналов, издаваемых не периодически, а от случая к случаю. Различные литературные школы и направления находили в них удобную форму для своих выступлений.

Во втором разделе моей библиотеки собраны русские журналы, преимущественно литературные. Оба эти вида изданий взаимно дополняют друг друга.

В третьем разделе библиотеки находятся отдельные книги и собрания сочинений писателей и поэтов. Здесь предпочтение отдается первым прижизненным и ранним изданиям.

В этой части библиотеки не мало примечательных и интереснейших книг, художественных и публицистиче-

8. «Мертвые души» Н. В. Гоголя. Литогр. обложка первого прижизненного издания 1842 г. Обложку рисовал Н. В. Гоголь.

СОВРЕМЕННИКЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АЛЕКСАНДРОМЪ ПУШКИНЫМЪ.

ПЕРВЫЙ ТОМЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.

1836.

9. «Современник». Титульный лист журнала, издававшегося в 1836 году А. С. Пушкиным.

ских. Некоторые из них уничтожены рукой палача, некоторые сожжены самими авторами, некоторые редки по множеству иногда очень сложных причин. Имеются автографы, альбомы, гравюры, рисунки, карикатуры.

Есть, конечно, и обыкновенные книги, нужные для работы и справок по политическим, литературным, книговедческим вопросам, по вопросам театра, искусства. Произведения советских писателей во многих случаях — с дарственными надписями авторов.

Особым почтением пользуются работы библиографов, как дореволюционных, так и советских: их недаром называют «лоцманами книжных морей»...

Возвращаясь к периодическим изданиям, надо заметить, что этот раздел для собирательства весьма трудный. Хорошие книги хранят у себя все, но даже записные книголюбы редко собирают журналы и газеты. Поэтому комплекты

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

[illegible] съ 1847 года [illegible]

ТОМЪ I

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

[illegible]

1847

10. «Современник». Титульный лист журнала, издававшегося с 1847 года Н. А. Некрасовым и И. Панаевым.

журналов, особенно старых лет издания, почти ненаходимы.

Журналы «Современник» и «Отечественные записки», комплекты которых я привез из Ленинграда, заслуживают всяческого внимания.

«Современник» был основан в 1836 году А. С. Пушкиным. Но только один этот 1836 год его выпускал и редактировал сам Пушкин. В январе следующего 1837 года он был убит. В этот год журнал продолжали издавать друзья поэта — П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, А. А. Краевский, В. Ф. Одоевский и П. А. Плетнев. Далее, с 1838 года, «Современник» находился в руках одного П. А. Плетнева почти в течение десятилетия. Журнал отражал в эти годы идеологию незначительной и замкнутой группы литераторов и был малочитаемым органом.

В 1847 году «Современник» приобрел поэт-демократ Н. А. Некрасов, который, вместе со своим компаньоном, журналистом И. Панаевым и группой лучших русских писателей, сумел сделать его самым передовым, самым прогрессивным литературным журналом.

В «Современнике» приняли ближайшее участие молодые Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, А. И. Герцен, Д. В. Григорович. Решающее значение имело участие в журнале В. Г. Белинского, несколько позже Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Журналу пришлось вести открытую войну с царской цензурой, которая на пятой книжке 1866 года прекратила его существование.

Не упав духом, Н. А. Некрасов нашел выход из положения. Он заключил договор с А. А. Краевским, издававшим в то время осторожно-либеральный журнал «Отечественные записки». С января 1868 года лагерь Некрасова становится фактическим хозяином этого журнала, и «Отечественные записки» превращаются в идейного продолжателя «Современника». Журнал стал «властителем дум» тогдашней молодежи и сыграл не малую роль в русском освободительном движении.

«Отечественные записки» издавались до четвертой книжки 1884 года, на которой царское правительство навсегда запретило этот орган.

Значительный интерес представляет журнал другого замечательного писателя — Ф. М. Достоевского — «Время», позже переименованный в «Эпоху».

Ф. М. Достоевский начал его издавать в 1861 году, вместе со своим братом Михаилом, верным другом и помощником. Благополучно вышло по 12 книжек в 1861 и 1862 году, но на четвертой книжке 1863 года за статью «Роковой вопрос», написанную публицистом Н. Страховым,— журнал был запрещен правительством.

После долгих и упорных хлопот Ф. М. Достоевскому удалось возобновить журнал с января 1864 года, но уже под названием «Эпоха». Однако именно в этом году Ф. М. Достоевского постигает тяжелая беда: умирают его жена и брат Михаил. Достоевский крайне тяжело переживает эти потери. Отчасти поэтому и по другим, более глубоким причинам, журнал хиреет и на второй книжке следующего 1865 года прекращает свое существование.

Кроме Ф. М. Достоевского, печатавшего в журнале лучшие свои произведения, в нем не раз выступали: Апполон

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый подъ редакціею М. Достоевскаго

ТОМЪ I

ПЕТЕРБУРГЪ

1861

11. «Время». Титульный лист журнала, издававшегося при ближайшем участии Ф. М. Достоевского.

Григорьев, А. Майков, Я. Полонский, А. Н. Островский и другие. Печатались произведения Н. Некрасова и М. Салтыкова-Щедрина. Позже «Эпоха» и «Время» вели резкую полемику с «Современником». Материалы этой полемики чрезвычайно интересны для характеристики литературной борьбы 60-х годов.

В мою библиотеку попали, по-видимому, редакционные комплекты «Времени» и «Эпохи». Страницы их испещрены надписями, носящими характер гонорарной разметки. В ряде случаев раскрываются анонимные авторы статей и заметок.

Из периодики 19-го века мне удалось также подобрать комплекты таких журналов, как «Телескоп» и «Молва», в которых начинал свою литературную деятельность молодой В. Г. Белинский, «Библиотека для чтения» — журнал,

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА,
издаваемая
Барономъ Дельвигомъ.
ТОМЪ I.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографіи Карла Крайя.
1830.

12. «Литературная газета», издававшаяся с 1830 года Антоном Дельвигом.

издававшийся А. Смирдиным, «Невский зритель», выходивший при ближайшем участии декабристов К. Рылеева и В. Кюхельбекера, «Московский телеграф» Николая Полевого, чудесный экземпляр «Литературной газеты» А. Дельвига, комплекты герценовских «Полярной звезды», «Колокола» и многих других изданий, до казанского «Заволжского муравья» 1832—1834 годов включительно.

Особую группу составляют русские сатирические журналы. Здесь, начиная от журналов 1769—1774 годов, изданных Н. И. Новиковым, Михаилом Чулковым, Федором Эминым, Василием Рубаном, несколько позже — молодым И. А. Крыловым, до летучих сатирических листков 1858—1859 годов, «Искры» В. Курочкина и ее попутчиков — «Арлекина», «Гудка», «Занозы» и ранее «Искры» вышедшего «Весельчака»,— все являлось предметом неустанной собирательской заботы. Не пропущены революционные са-

ВЪ ЧЕМЪ МОЯ ВѢРА?

Льва Толстаго.

МОСКВА.

1884

13. Л. Н. Толстой. «В чем моя вера?» Титульный лист книги. Сожжена цензурой.

тирические журналы 1905 года, журналы более поздние, до полного комплекта нашего «Крокодила» включительно.

Перечислять эти журналы нет особой нужды. Каждый из них имеет свою историю и заслуживает отдельного рассказа.

Вообще, на вопрос «какие книги считаются наиболее примечательными», ответить не легко. Из букета самых разнообразных цветов трудно выбрать — какой кому больше нравится.

Выше я говорил, что есть книги, уничтоженные царской цензурой, и поэтому ставшие редкими. Иные же стали редкими из-за того, что их печатали в малом количестве экземпляров.

Есть одна книга, которая стала редкостью по обеим этим причинам сразу. Это — книга Льва Николаевича Тол-

стого «В чем моя вера?». Издана она в Москве в 1884 году[7].

Мимо этой книги можно было бы пройти, ее не заметив, если бы не цена, выставленная на обложке: «25 рублей». В 1884 году на двадцать пять золотых рублей можно было купить корову. Как могла невзрачная книжечка в 200 страниц стоить такие деньги?

Оказывается, эту книгу Льву Николаевичу Толстому царское правительство разрешило напечатать всего только в количестве 50 экземпляров и непременно по такой высокой, запретительной цене. Цензура была обеспокоена, как бы книга не попала в руки читателей из народа.

Однако и этой меры показалось мало. По напечатании — все пятьдесят экземпляров книги были арестованы и почти все сожжены.

По сохранившейся в архиве официальной справке этой книги Толстого уцелело несколько экземпляров, по следующему списку:

«Взят автором — один, у московского генерал-губернатора кн. В. Долгорукова — один, представлен государю-императору — один, министру внутренних дел гр. Д. Толстому — один, обер-прокурору Св. Синода К. Победоносцеву — два, взято начальником Управления Е. Феоктистовым — два, генерал-адъютантом кн. Орловым — один». Всего — девять[8].

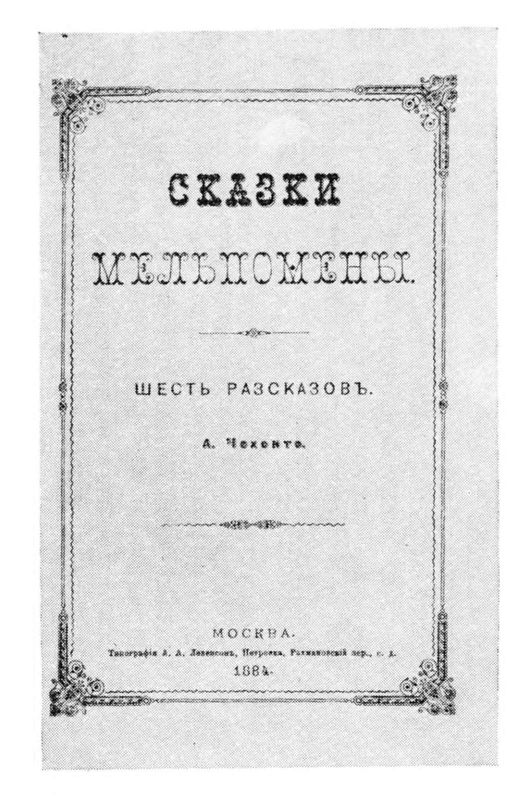
Можно думать, что кроме этого сохранилось еще не более одного-двух экземпляров. Ко мне попал экземпляр, принадлежавший моему другу, художнику и искусствоведу С. П. Яремичу, который подарил его мне вместе с личным письмом к нему Л. Н. Толстого. Письмо касается фотографии русского художника Н. Н. Ге.

Содержание книги «В чем моя вера?» известно, но сама по себе она, как документ эпохи, представляет немалый интерес. Надо ли напоминать, что эта книга — величайшая библиографическая редкость.

А посмотрите сколько, например, очарования в маленькой книжечке с причудливым названием «Сказки Мельпомены»...[9] Автором книги обозначен «А. Чехонте». Вы, конечно, знаете, что это — псевдоним Антона Павловича Чехова. Книжечка, изданная в Москве в 1884 году,— первая книжка его рассказов.

Книжечка эта очень редка. Ну, кто же тогда из собирателей-книголюбов мог угадать, что «А. Чехонте» станет Антоном Чеховым, классиком русской литературы?

Только третью книгу своих рассказов, вышедшую в 1887 году, Чехов подписал своим именем. Книга называлась

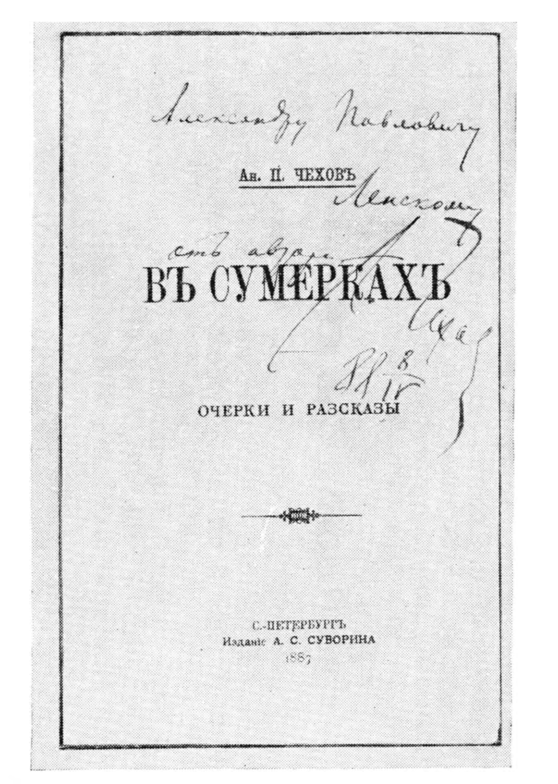
СКАЗКИ
МЕЛЬПОМЕНЫ.

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ.

А. Чехонте.

МОСКВА.
Типографія А. А. Левенсонъ, Петровка, Рахмановскій пер., с. д.
1884.

14. А. Чехонте. «Сказки Мельпомены» Обложка первой книги рассказов А. П. Чехова.

Ан. П. ЧЕХОВЪ

ВЪ СУМЕРКАХЪ

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе А. С. СУВОРИНА
1887

15. А. П. Чехов. «В сумерках». Титульный лист с дарственной надписью автора артисту А. П. Ленскому.

«В сумерках». У меня имеется экземпляр этой книги с дарственной надписью автора замечательному русскому драматическому артисту Александру Павловичу Ленскому.

Артист и режиссер Ленский был гордостью Московского Малого театра. Театр этот был и остается украшением столицы нашей Родины — Москвы.

А с Москвы я эту главу начал, Москвой и заканчиваю.

ПОГОВОРИМ С НАРОДОМ!

«Не зная прошлого — невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего» — говорил Максим Горький [10].

Огромными тиражами печатаются у нас произведения советских писателей и поэтов, но и «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Радищева, впервые появившееся в 1790 году, вызывает большой интерес у советских читателей. Основанная по инициативе А. М. Горького серия «Библиотека поэта», в которую входят стихи Державина, Рылеева, Кюхельбекера, Шевырева, Веневитинова и многих других дореволюционных поэтов, имеет громадный успех.

Достаточно взглянуть на цифры тиражей этих книг и на количество переизданий, чтобы в этом убедиться.

Однако издать заново произведения всех поэтов, писателей и публицистов прошлого, разумеется, трудно. Поэтому старая книга должна пользоваться самым пристальным вниманием со стороны книготоргующих организаций.

С огорчением надо признать, что состояние торговли букинистической и, в особенности, антикварной книгой у нас далеко еще не на высоте. Сделаем попытку разобраться в этом вопросе.

В «Большой советской энциклопедии» слово «букинист» объяснено следующим образом: это «торговец старыми (подчас антикварными) книгами».

Но если торговля «старыми» книгами в Москве и Ленинграде (на периферии она почти отсутствует!) более или менее налажена, то книга «антикварная», или «старинная» поставлена в такие условия, что ни о какой продаже и покупке ее, даже хотя бы «подчас», не может быть и речи.

Каково же различие между «старой» и «антикварной» книгами?

Выше уже говорилось о невероятном у нас спросе на книгу вообще. Даже тридцатитысячные тиражи для многих книг считаются «камерными» и не могут полностью удовлетворить спроса.

В то же время далеко не все, и по материальным, и по жилищным условиям, имеют возможность, прочитав купленную книгу, оставить ее навсегда в своей личной библиотеке. Многие, прочитав книгу, несут ее в специальные букинистические магазины, где со скидкой в 15—20 процентов могут продать ее и на полученные деньги купить другую.

Возвращенная книга начинает свою вторую, третью, иногда, десятую и двадцатую жизнь, попадая к новым читателям. Тираж ее, таким образом, удваивается, удесятиряется. Букинистическая торговля — полезное и нужное дело!

Вот именно такая книга называется «старой». Старой, потому, что одновременно с ней существует, или только что существовала в продаже, точно такая же новая книга.

В дореволюционное время такая «старая» книга расценивалась, как правило, дешевле номинала и носила более точное название: «подержанная книга».

«Антикварная» книга — это книга старинная, не имеющая точно такого же собрата среди новых, неподержанных книг. Это — прижизненные и ранние издания наших классиков, альманахи и журналы, произведения забытых поэтов и писателей прошлого, старинные научные книги, сатирические журналы эпохи Радищева и Новикова, описания путешествий «Коломбов Российских», ранние русские иллюстрированные издания, народные лубочные книги и многие, многие другие.

Покупатели таких книг, чаще всего, не просто читатели. Это — собиратели и любители, ученые, литературоведы, критики, писатели, артисты, художники.

Путь антикварной, старинной книги в магазин одинаков с путем книги «подержанной». Она тоже, с течением времени, перестает быть кому-то необходимой, может быть, становится использованной для научного исследования и поступает в букинистический магазин, ожидая следующего читателя. Стареют и умирают владельцы книжных собраний, их наследники несут книги в букинистический магазин, и книга опять живет — книга бессмертна!

И, вдруг, в отношении именно старинной, антикварной книги, на путях ее вечного обращения, у нас, почему-то, воздвигли ряд чисто бюрократических препятствий.

Для букинистической торговли установлены нормы так называемой «оборачиваемости товара». Не так давно эти нормы были сроком в 90 дней, потом в 40 и, не знаю, как сейчас, но одно время эти сроки были снижены, чуть ли не до 31 дня. Это значит, что каждая купленная букинистическим магазином старинная книга должна быть продана не позднее 31 дня с момента ее покупки. Если она «залежится» сверх данного срока, это рассматривается как срыв финансового плана.

Где-то позабыли, что книга не колбаса и не мясо, хотя нужда в ней не меньшая. Книга, по природе своей, не может быть одинаковой. Одна тут же «отрывается с руками», и срока для ее «оборачиваемости» достаточно 10 минут с момента появления ее на прилавке. Другая книга, в особенности антикварная, может и должна ждать покупателя год и более.

В 14-м букинистическом магазине Могиза, когда-то едва ли не лучшем в Москве, старинная книга «Лоции Каспийского моря» пролежала одиннадцать лет. Она служила примером «плохой» работы магазина при всех его бесчисленных ревизиях. Директор не чаял, как сбыть ее с рук.

Но вот однажды в магазин вошли представители Академии наук. Они спросили, нет ли, случайно, в магазине книги, именуемой «Лоции Каспийского моря». Узнав, что книга имеется, они почти затанцевали от радости, чуть ли не перецеловали директора и продавцов магазина. «Вам даже невдомек,— говорили они,— какую услугу оказываете вы науке. Книги этой нет ни в одном книгохранилище. Без нее срывалась специальная экспедиция Академии на Каспийское море!»

Думается, что один этот факт в жизни магазина не менее значителен, чем все прибыли, полученные от перепродажи книг с «повышенной оборачиваемостью», отнюдь не всегда служащей показателем их полезности.

Основным мотивом для пренебрежительного отношения к старинной книге служит разговор о том, что-де «наша задача обслужить массы, а не заниматься редкостями, интересующими только кучку снобов-библиофилов».

Я вообще не понимаю в применении к книголюбию слова «снобизм», что же касается понятий «кучка» и «масса», то мне думается, что они не совсем ясны тем, кто их в этом случае употребляет. Никто не уверит меня в том, что «кучка» читателей, интересующаяся, скажем, старыми изданиями Белинского, менее заслуживает заботы,

чем целая толпа, жаждущая познакомиться с новым изданием похождений Шерлока Холмса.

Культура нашей страны идет вперед такими семимильными шагами, что статистические подсчеты количества занимающихся той или иной отраслью знания могут дать совершенно неожиданные результаты. Директор Московского планетария может привести такие цифры роста числа людей, интересующихся межпланетным пространством, что все литературные представления о каких-то «чудаках астрономах», в одиночестве сидящих по ночам у телескопов, покажутся просто смешными.

Как раз именно такими «чудаками астрономами» сейчас скорее выглядят некоторые вершители нашей книжной торговли, упорно цепляющиеся за старые, отжившие представления о «снобах-библиофилах».

Для доказательства этого вспомним, что советские драматурги любят иногда вкладывать в уста действующих в их пьесах директоров и секретарей парткомов фразу: «Давайте, поговорим с народом!»

Вот, давайте, «поговорим с народом» и мы. Как это сделать? В ответ на ряд написанных мною статей о старых книгах я получил несколько десятков откликов. Разумеется, ни сами статьи, ни их автор, не могли претендовать на большее, но, как говорится, и «в капле воды отражается жизнь океана». Вот выдержки из некоторых писем. Пишет, например, П. С. Краснов из Москвы:

«Я работаю на фабрике мастером по ремонту оборудования, а в свободное время изучаю творчество А. С. Грибоедова. Мне удалось подобрать небольшую личную библиотеку, в которой около ста экземпляров отдельных изданий «Горя от ума». Кроме того, я составил краткий указатель всех изданий этой комедии».

Далее автор письма запрашивает о различных изданиях «Горя от ума» и сам указывает некоторые, весьма редкие дореволюционные издания, которые ему удалось найти.

А вот что пишет А. Овчаров из Горьковской области:

«Мне двадцать восемь лет — я работаю учителем русской литературы. С детства люблю книги. Личную библиотеку собираю давно. Есть у меня и редкие книги. Мне удается здесь, в нашем районе, находить книжные клады, и часто у людей, никакого отношения к книгам не имеющих. Для меня было большой радостью узнать, что в Вашей работе «Рассказы о книгах» можно будет что-то прочитать об А. В. Луначарском. Как мало мы, читатели молодого поколения, знаем об этой яркой, неповторимой личности!

Не можете ли Вы мне сообщить — не входит ли в чьи-нибудь планы написать о нем отдельную, специальную работу или воспоминания?»

Письмо инженера-металлурга Н. А. Мезенина из Нижнего Тагила начинается так:

«Я сам по профессии инженер, очень люблю книги, собираю личную библиотеку. Кроме того, пытаюсь привить культуру чтения нашей рабочей молодежи, хотя мне и самому 30 лет. Я подготовил лекцию «Горький — читатель». В ней я привожу много названий книг и фамилий авторов и, конечно, как лектор,— должен иметь хотя бы краткие сведения о каждом авторе и книге. Известно из биографии Горького, что в 1877 году при окончании учения он получил в награду, вместе с евангелием и похвальным листом, «Басни Крылова» и книгу с таинственным названием: «Фата — Моргана».

Автора последней книги я не мог установить. Обращался в Библиографический отдел Библиотеки имени В. И. Ленина,— тоже ответили незнанием. Не можете ли Вы мне сообщить имя автора этой книги, а также о чем эта книга повествует?»

К стыду своему, я тоже не ответил — какую именно «Фата — Моргану» подарили молодому Алексею Максимовичу. Во всяком случае не роман Коцюбинского, вышедший под таким заглавием много позже.

А вот письмо из города Керчи. Его написал Н. Н. Березовский:

«Я в прошлом наборщик,— сейчас пенсионер. Мне посчастливилось набирать книги М. Горького, Д. Фурманова, А. Толстого, Демьяна Бедного и многих других замечательных авторов. Сейчас я страстно люблю читать воспоминания, литературные мемуары, а в нашей, и притом обширной, городской центральной библиотеке, упоминаемой литературы чрезвычайно мало. Не могу достать книг Десницкого о Горьком, Ермилова о Чехове, Чуковского о Некрасове. В нашем городе, с населением свыше 100 тысяч, есть неплохие книжные магазины, а вот магазина букинистической книги нет. Хотя бы отдел открыли — необходимость явная!»

Нет нужды приводить цитаты из многих других подобных же писем, но вот еще одно, которое написал Ю. Г. Еремин из Мурманской области, работник геологоразведочной партии на Вуд-озере:

«С недавних пор я тоже увлекся собиранием и изучением старых книг. Изучение, конечно, здесь понятие отно-

Очень благодаренъ за при-
сылку портрета. Онъ на-
поминаетъ одно изъ выраже-
ній лица нашего друга. И это
пріятно вспоминать, пріятно
мнѣ тоже знать, что вы
приславшій этотъ пор-
третъ, вы понимали
душу милаго прекраснаго.
Я васъ тоже знаю и
съ самой хорошей сторо-
ны по разсказамъ Ник. Ник.
По франц. поговоркѣ:
Друзья нашихъ друзей
наши друзья.
Еще разъ благодарю васъ
Л. Толстой.

13 Іюня 1895

16 Факсимиле письма Л. Н. Толстого к искусствоведу С. П. Яремичу.

сительное. Я люблю разбирать заметки и исследования литературоведов, что-то тоже искать, сравнивать. Большую часть своего досуга я стал проводить за книгой. И чем больше узнаешь, тем богаче кажется наша литература. Меня чрезвычайно интересует судьба незнакомых, неизданных и мало известных книг, а также неизвестные или забытые документы о жизни и творчестве писателей.

Чем мы дальше движемся вперед, год за годом, тем труднее восстанавливать картины прошлого. Было бы неплохо, если бы журналы и газеты почаще бы обращались к читателям со статьями о книгах. Необходимо также объяснить, куда обращаться за справками, за советами. Ведь много ценностей уничтожается по незнанию, что это — ценность. Сколько можно было бы спасти важных документов из отбросов на утиль.

Нельзя без волнения читать о поисках Ираклием Андрониковым документов к творчеству и биографии М. Ю. Лермонтова. А как иногда делаются открытия? До недавнего времени не знали места смерти и погребения поэта-декабриста Одоевского. Теперь на Черноморском побережье Кавказа, в местечке Лазаревском, стоит надгробный памятник поэту. Открыл все это дело редактор местной газеты.

У нас мало издается мемуарной литературы. А спрос на нее должен быть большой. Особенно сейчас, когда интерес к литературе сильно возрос. До недавнего времени мы, молодежь, выросшая в 30—40-х годах, мало знали о таких талантах, как Бунин, Есенин, Рахманинов, Шаляпин и т. д. О Рахманинове у меня был даже спор с друзьями, которые уверяли меня, что это композитор XVIII века. Такая, с позволения сказать, «осведомленность», не украшает нас. А в том, что нам небезынтересны судьбы книг, судьбы писателей, композиторов, художников — можно не сомневаться. Я надеюсь прочитать еще немало интересных статей тех писателей-книголюбов, к которым вы обратились с призывом».

Это письмо, мне кажется, намечает, кстати, тот круг вопросов, которыми, хотя бы частично, должны были заниматься библиографические отделы наших многочисленных «толстых» журналов.

Ответы на литературоведческие запросы читателей, описания старых книг, судьба их авторов, любопытные автографы, вопросы оформления и иллюстраций к книгам, биографии забытых писателей прошлого, история революционной подпольной литературы,— все это очень интересует советских читателей.

Всему этому можно было бы посвятить даже специальный журнал. Весьма возможно, что он помог бы и выявлению ценных затерянных литературных и исторических документов и, во всяком случае, помог бы издательствам и книготорговым организациям познакомиться с теми требованиями, которые выдвигает сегодня пытливый ум многих советских книголюбов.

У нас уже много лет выходит замечательное издание — «Литературное наследство». Однако это издание, равного которому по богатству материалов не было ранее и у нас, а сейчас нет и в Европе,— издание академическое, рассчитанное на специалистов-литературоведов. Это, так сказать, «университет» литературоведения, далеко не всем доступный, даже и по цене.

Кто-то довольно метко сказал, что у нас литературоведы пишут, главным образом, друг для друга. К сожалению, в этом есть доля правды.

Необходим печатный орган, посвященный книжному собирательству, понятный и доступный самым широким кругам советских читателей.

Мне кажется, что приведенные здесь письма (в редакциях газет и журналов их, разумеется, во много раз больше) ставят этот вопрос в порядок дня.

Старое и неверное представление о «снобах-библиофилах» должно быть забыто.

КАКИЕ СОБИРАТЬ КНИГИ?

Редакцией «Комсомольской правды» было получено от читателя А. Громадченко (инструментальщика шахты «Южная — 1» г. Шахты, Каменской области) такое письмо:

«В нашем доме живет много молодежи. Все они комсомольцы, хорошо зарабатывают, хорошо одеваются. У многих есть свои личные библиотеки. Так, например, у комсомольца Владимира Ливерко имеется триста книг, у Григория Лубенченко — около четырехсот и т. д. Иногда ребята спорят: какие книги лучше собирать? Одни гоняются за иностранной литературой, особенно за сочинениями Дюма, Конан-Дойля.

Купит такой книголюб «Королеву Марго» и бегает, хвастает по всему дому.

А вот библиотека другого комсомольца. Здесь больше классики марксизма-ленинизма, сочинения Пушкина, Гон-

чарова, Флобера, Тургенева, Горького, Гайдара. Этому товарищи нередко говорят: «Зачем нужно было покупать эти книги, ведь их можно взять в библиотеке?»

Как же правильно комплектовать домашнюю библиотечку?»

«Комсомольская правда» поручила мне на это письмо написать ответ. Ответ был напечатан в «Комсомольской правде», но в несколько сокращенном виде [11]. Привожу его здесь полностью:

Какие книги надо читать и какие из них стоит собирать и хранить у себя в домашней библиотеке, вне зависимости от ее размера,— будь то всего-навсего одна полка книг, целый шкаф их, или набитые ими стелажи во всю стену?

Прежде всего, мне кажется, что это два разных вопроса. На первый из них, наиболее серьезный — «что читать» — в одной статье ответа не дашь. Это дело целой особой отрасли библиографии — отрасли, носящей название «рекомендательной библиографии».

Как ни странно, у нас с вопросом рекомендательной библиографии дело обстоит пока не блестяще. Из старых дореволюционных пособий для примера можно назвать классический труд Н. А. Рубакина «Среди книг». Этот труд в свое время был отмечен В. И. Лениным.

Однако труд Н. А. Рубакина во многих своих частях, безнадежно устарел, а нового, такого же капитального пособия, пока не создано. Даже специальный журнал под очень ясным, раскрывающим его содержание названием, а именно «Что читать?» — начал выходить только с апреля 1958 года.

Дело рекомендательной библиографии — дело сложное. Здесь учитывается и возраст читателя, и степень его развития, и образование, и многое другое.

Единственный общий рецепт, который можно дать без боязни, что он покажется чересчур наивным, один: книги надо читать хорошие. И здесь вовсе не должен возникать вопрос, какими авторами они написаны — отечественными или иностранными.

Сочинения Максима Горького давно уже принадлежат всему миру, сочинения Шекспира — не менее дороги нам, чем англичанам. Сведущие люди даже говорят, что у нас Шекспира печатают и ставят в театре куда больше и чаще, чем у него на родине.

Следовательно, вопрос этот сам по себе отпадает, и все дело заключается только в качестве и значимости тех или иных произведений.

Но, конечно, произведения русского писателя для русских, как и английского для англичан, всегда будут ближе, роднее. И я легко могу представить себе человека, читавшего Толстого и вовсе незнакомого, скажем, с сочинениями Диккенса. Но я даже во сне не мыслю увидеть нашего советского читателя, прочитавшего Диккенса, но не знающего, что на свете есть «Война и мир» Толстого, «Мертвые души» Гоголя или «Тихий Дон» Шолохова.

Не так плохо, что молодежь шахты «Южная — 1» читает сочинения Александра Дюма и даже Конан-Дойля. Было бы плохо, если бы они читали только это. Еще хуже, если бы они не читали вовсе.

Власть книги огромна. Если человек первоначально пристрастился к чтению пусть даже средних по качеству книг, от них он неминуемо придет к книгам хорошим. Пути читателя к книге и книги к читателю — не всегда гладкие, проторенные пути.

Когда-то Н. А. Некрасов мечтал:

«Эх! Эх! Придет ли времечко,
Когда (приди желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет»[12].

Не все знают, что «Блюхер» — это генерал Блюхер, победитель Наполеона при Ватерлоо. Его лубочные портреты были в свое время ходовым базарным товаром. «Глупый Милорд» — это в своем роде знаменитая лубочная книга «Повесть о приключениях английского милорда Георга». Скомпоновал ее и впервые напечатал в 1782 году русский лубочный писатель Матвей Комаров, или, как он себя называл, «Житель города Москвы». Он же был автором и издателем другой, популярной в свое время лубочной книги,— «История российского славного вора и разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина».

Оба эти «творения» Матвея Комарова, и «Каин», и «Милорд», были когда-то популярнейшими лубочно-базарными книгами, выдержавшими множество изданий.

Что же принесли эти книги: вред или пользу? Надо сказать, что и то и другое. Вред потому, что они были явлением внелитературного порядка, а пользу — вследствие того, что они же были одними из первых, очень немногих книг, которые начали проникать в народ. Они прокладывали тот первоначально весьма шаткий мостик, который с годами креп все больше и больше, а после Октябрьской революции превратился в широкую столбовую дорогу для Белинского и Гоголя, которых народ понес с базара домой, забыв навсегда «Милорда глупого».

Этой стороной вопроса очень интересовался Л. Н. Толстой. Он считал, что деятельность Матвея Комарова, лубочного писателя 18-го века, заслуживает внимательного изучения.

Сейчас Матвеи Комаровы, разумеется, не нужны. И если иногда роль этого своеобразного «мостика» сегодня для кого-то выпадает на «Шерлока Холмса» — это не страшно.

Хотя... Разрешите именно по этому поводу рассказать эпизод из действительной жизни. Лет двадцать тому назад я был на гастролях в Ленинграде вместе с талантливейшей эстрадной балетной парой А. и М.

Мать балерины, милейшая женщина, осталась в Москве в их квартирке, в полном одиночестве. В одно, совсем непрекрасное утро, из Москвы в Ленинград пришло трагическое известие, что мать балерины убита неизвестными злоумышленниками, по-видимому впущенными в квартиру ею самой. Убийство обнаружили соседи, обратившие внимание на то, что квартира не открывается уже двое суток.

Взявшиеся за расследование работники уголовного розыска по началу встали в тупик. Никаких следов! Ни отпечатков пальцев, ни орудия убийства — ничего! Даже обычной цели ограбления нет: взяты были какие-то пустяки.

Факт казался загадочным. Кто же убил? Враги? Но какие же враги у мирной актерской семьи, очень любимой всеми окружающими?

Случайно работник уголовного розыска обратил внимание на книги, занимавшие один из книжных шкафов. Это была исключительно приключенческая, вернее «сыщицкая» литература.

Всякого рода «Шерлоки Холмсы» были подобраны в значительном количестве.

Этими «приключениями» весьма увлекался молодой муж — партнер балерины, и у него было большое знакомство среди молодых людей, любителей таких же книг.

Любители продавали ему книги, обменивались. Было два-три постоянных поставщика. Надо ли говорить, что именно эти «поставщики» и оказались убийцами. Двое парнишек, еще несовершеннолетних, начитались всей этой уголовщины и решили «от теории перейти к практике». Характерно, что они действовали в резиновых перчатках, чтобы не оставить отпечатков пальцев. Значит, явно уже руководствовались «литературой».

Парнишек, конечно, тут же нашли, но что пользы? Это, с позволения сказать, «увлечение», стоило жизни человеку и исковеркало жизнь им самим.

Я не делаю никаких выводов, а просто рассказываю факт. Он уже двадцатилетней давности и сейчас вряд ли даже возможен. Кроме того, я никак не причисляю себя к лагерю врагов так называемого «приключенческого жанра» в литературе. По этому поводу ведутся сейчас горячие дискуссии, которые, в общем, сводятся к правильному решению: есть приключенческая литература хорошая, полезная, а есть плохая и вредная. Первой, к сожалению, мало, второй — много. Дело опять за «рекомендательной библиографией» и за журналом «Что читать?» Конкретно посоветовать в этом деле должны они.

Перейдем ко второму вопросу: из каких же книг должна составляться так называемая «домашняя библиотека»?

В основе собирательства, мне думается, лежат три принципа. Собственно принципов два, третий — не принцип, а глупость, и, иногда, даже кое-что похуже. Я говорю о бессмысленном собирательстве книг. Оно диктуется порой корыстными целями (книги — деньги!), порой — желанием похвастаться (смотрите, какой я культурный!), порой известного рода модой (у Марьи Васильевны целый шкаф книг — все переплеты в тон обоям!)

В последнем случае люди чаще всего не обои покупают в тон книгам, а книги в тон обоям.

Не будем говорить о таких людях. Их, к счастью, не так уж много.

Есть еще один, очень распространенный тип собирателей, это — «собираю библиотеку сыну, он еще маленький, вырастет — поблагодарит».

Это хорошее, трогательное, мудрое собирательство. Но оно, конечно, особое.

Вернемся к принципам. Повторяю, в основе,— их два. Первый — это рабочая библиотека. Библиотека — инструмент. Книги, которые нужны повседневно для работы. Книги — помощники.

Состав такой библиотеки диктуется, прежде всего, профессией: у литературоведа — библиотека литературоведческая, у инженера — техническая, у человека, занимающегося самообразованием,— общеобразовательная. В такие библиотеки входит и политическая литература, так как вне политики у нас не существует ни литературоведов, ни инженеров, ни вообще людей, претендующих на звание образованных.

Мне кажется, что как раз здесь — все ясно. Перейдем к последнему принципу собирательства.

Это — книги любимые. Прочитанные и ставшие любимыми. Книги, о которых знаешь, что к ним еще вернешься не раз, будешь читать снова и снова. Книги-друзья, самые задушевные собеседники, самые лучшие советчики в жизни. Словом — любимые книги.

Умирающий Пушкин, на вопрос врача, не желает ли он видеть кого-либо из приятелей, посмотрел на полки книг и сказал:

«Прощайте, друзья!»

Это были последние слова поэта.

Кто может быть другом и сколько должно быть друзей — сказать трудно. Друзей выбирают разумом и сердцем. Но их непременно выбирают, не берут в друзья первого встречного.

Как-то Маяковскому на диспуте подали записку: «Мы с товарищами читали ваши стихи и ничего не поняли». Маяковский ответил:

«Надо иметь умных товарищей»[13].

Думается, что этим ответом поэта можно руководствоваться (в значительной мере) и в выборе друзей — книг. Надо иметь умных друзей!

Есть такое древнее изречение: «Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу тебе, кто ты».

Как же можно сказать «кто ты», если друзья у тебя только «Виконт де Бражелон», «Королева Марго» и «Шерлок Холмс»? Кто же ты? Помощник Холмса, доктор Ватсон? Или герцог Де Гиз?

Не будем, однако, излишне строги. Повторяю, что страшного в этом ничего нет и это пройдет. Когда-то в дни далекой юности я читал «Похождения Рокамболя» Понсона дю Террайля. И думалось мне тогда, что интереснее и умнее нет книг на свете. Как-то недавно я пробовал вновь полистать «Рокамболя» и хохотал до слез — до того там все наивно!

Как видите — прошло...

«ТОЛЬКО НЕ ВОСПОМИНАНИЯ»

Так называется одна из статей В. В. Маяковского, написанная им для юбилейного номера «Лефа», посвященного десятилетию Великой Октябрьской революции[14].

В этой статье он писал, что всякие «вечера воспоминаний» ему «не по душе», что, вместо этих «вечеров», он предпочел бы объявить или «утро предположений», или «полдень оповещений», но... и далее сам не обошелся без воспоминаний.

Без воспоминаний трудно, очевидно, обойтись вообще, а в особенности когда они касаются такой громадины, как Маяковский. О нем всякая, даже самая маленькая подробность, не может показаться ненужной.

Я встречался с Владимиром Владимировичем множество раз: и выступая в тех же «торжественных» концертах, в которых выступал и он, и бывая у общих знакомых, и, наконец, просто за биллиардом в актерском клубе.

Никакой особой близостью к нему я похвастаться не смею, но относился он ко мне весьма дружелюбно. Для эстрадного фельетониста имя Маяковского тогда было неистощимой «злобой дня», и он, зная, что я частенько упоминаю его в своих выступлениях, не в пример многим другим, столь же знаменитым товарищам, не обращал на это ровно никакого внимания и лишь иногда, встречаясь где-нибудь, говорил:

— Питаетесь мной, как червь яблочком...

Осенью, то ли 1928-го, то ли 1929-го года, мне, приехавшему на гастроли в Ленинград, довелось жить с Маяковским в одной гостинице. Общий наш друг режиссер Давид Гутман, проживавший в то время тоже в Ленинграде, пригласил и его, и меня, и еще ряд товарищей в гости. Маяковский любил актеров, эстрадников, циркачей (клоуну Виталию Лазаренко он даже кое-что писал для репертуара), и пришел в эту компанию, по-видимому, не без удовольствия.

Из писателей, кроме него, были Л. В. Никулин, Виктор Ардов, Валентин Стенич и кто-то еще.

Мне в те дни посчастливилось, и я приобрел у одного старого библиографа его довольно значительную коллекцию альманахов и сборников 18-го и 19-го столетий.

Альманахи и сборники я всегда собирал с особенной страстью. Для меня эта вновь приобретенная коллекция была уже не первой и отнюдь не последней. Я, что назы-

вается, «ершил» экземпляры, добиваясь для своего собрания полноты и лучшего вида. Однако и в этом моем «заходе» были чудесные вещи: комплекты «Северных цветов» Дельвига, «Невского альманаха» Аладьина, «Полярной звезды» Бестужева и Рылеева, «Мнемозины» Кюхельбекера и Одоевского, «Для немногих» Жуковского, все литературные сборники Некрасова, редчайшие альманахи поэтов-радищевцев, сожженная царской цензурой «Вятская незабудка» и множество других, тех самых, о которых когда-то Пушкин сказал, что они — «сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о ее движениях и успехах» [15].

За столом разговор некоторое время вертелся вокруг этой моей находки. Единомышленников по книжному собирательству не было ни одного, и все «испытанные остряки», во главе с самим Владимиром Владимировичем, подтрунивали над моей «страстишкой», называя меня «старьевщиком», «шурум-бурумщиком» и так далее. Поэт громогласно процитировал самого себя:

«Ненавижу всяческую мертвечину —
Обожаю всяческую жизнь!»

Я отбивался, как мог. Зная неравнодушие Маяковского ко всякого рода автоматическим ручкам, я вынул из кармана великолепное перо, подаренное мне ко дню рождения Демьяном Бедным, с выгравированной надписью: «Смирнову — Сокольскому — от Демьяна».

Маяковский впился в ручку и, явно завидуя, стал внимательно изучать ее механизм. В то время перья эти были большой редкостью.

— Не завидуйте, Владимир Владимирович,— старался подтрунить и я,— со временем и вам такую же надпишут!

Последовали ядовитая пауза и ответ Маяковского:

— А мне кто ж надпишет-то? — Шекспир умер! [16].

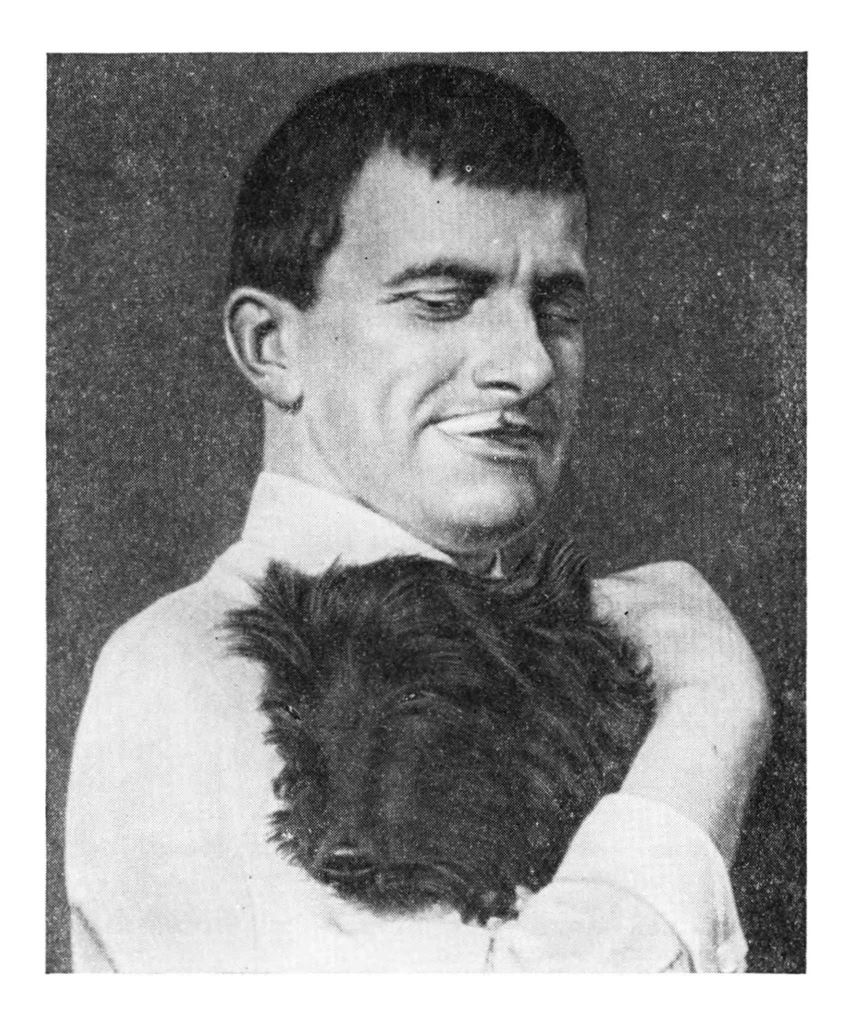
Разошлись по домам. Мне с Маяковским было по дороге, но в пути он предупредил меня, что идет прямо ко мне.

— Зачем, Владимир Владимирович? Четвертый час ночи!

— А вот, посмотрю, что за дрянь вы там накупили...

Зашли в номер. Альманахи и сборники были разложены у меня корешками вверх на огромном диване, на креслах, на полу.

Маяковский разделся, снял пиджак, выгрузив предварительно из карманов огромное количество папирос, и вплотную подсел к книгам.

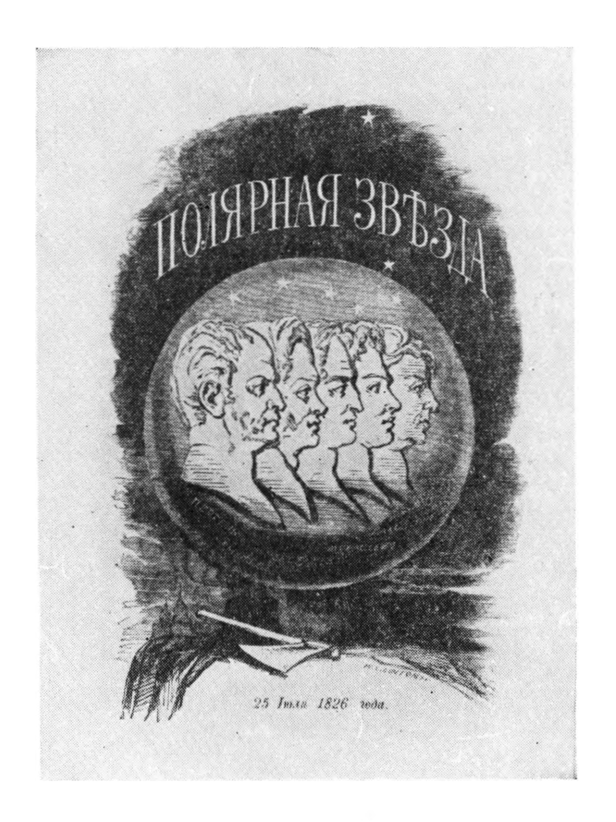

17. В. В. Маяковский.

— Не обращайте на меня внимания. Делайте свое дело!

Дела у меня не было никакого, и я вскоре просто уснул самым блаженным образом.

Утром, часов в одиннадцать, моим глазам представилась незабываемая картина. В комнате плавали облака табачного дыма. Порядок, в котором я уложил альманахи и сборники, был полностью нарушен. Видно было, что их перелистали все до единого, а сидящий в той же позе Маяковский,

18. «Полярная звезда». Фронтиспис к сборнику, издававшемуся А. И. Герценом.

набросав в пепельницу гору окурков, то что называется, «добивал» последние альманахи...

Удивленный до крайности, я подсел к Владимиру Владимировичу и в ту же минуту имел удовольствие убедиться, что его знаменитое «Ненавижу всяческую мертвечину» — к старой русской книге, к ее творцам и создателям, никакого отношения не имеет. Он не только уважал и любил старую книгу, но, что гораздо важнее, хорошо ее знал.

Об имеющихся у меня альманахах и сборниках, об участвовавших в них поэтах и писателях он рассказал мне больше, чем знали многие специалисты.

Так, он тут же указал мне на весьма любопытную подробность, что в ряде альманахов, изданных после восстания декабристов (например, «Жасмин и роза» 1830 года), стихи казненного Рылеева, несмотря на строжайший запрет

19. «Жасмин и роза».
Обложка альманаха 1830 г.

цензуры даже упоминать это имя в печати, неуклонно продолжали появляться за его полной подписью. Царская цензура явно «прошляпила», и имя огненного декабриста продолжало напоминать о себе в некоторых из этих маленьких, очаровательных, с ладонь величиной книжках.

— А ведь многие из альманахов с именем Рылеева,— сказал Маяковский,— выходили после декабрьских событий на правах «сборников песен для народа». Стоило бы на досуге разобраться — случайность ли это?

Прощаясь, я шутливо спросил:

— А как же, Владимир Владимирович, ваши вчерашние «старьевщик», «шурум-бурумщик»?

Маяковский ответил:

— Да ведь я же думал, что у вас, чертей-библиофилов, книги-то неразрезанные!

Как известно, Маяковскому всю его жизнь пытались поставить на вид его якобы отрицательное отношение к прошлому русской литературы, пренебреженье к классикам.

Это была неправда, и поэтому Маяковский приходил в ярость. Еще в 1924 году, выступая на диспуте о задачах литературы и драматургии, он говорил:

— «Вот Анатолий Васильевич упрекает в неуважении к предкам, а я месяц тому назад, во время работы, когда Брик начал читать «Евгения Онегина», которого я знаю наизусть, не мог оторваться и слушал до конца и два дня ходил под обаянием четверостишия:

«Я знаю: жребий мой измерен,
Но, чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я» [17].

Именно таким я знал Маяковского. И когда любители воспоминаний приводят известный ответ Маяковского на анкету о Некрасове, с которой в 1919 году обращался к писателям Корней Чуковский, я не спорю, я просто знаю — в чем дело.

Напомню, что вопрос был такой: «Не было ли в вашей жизни периода, когда поэзия Некрасова была для вас дороже поэзии Пушкина и Лермонтова?»

Маяковский ответил: «Не сравнивал, по полному неинтересу к двум вышеупомянутым» [18].

Для меня в этом ответе, помимо всем знакомой склонности молодого Маяковского к эпатажу, звучит не нелюбовь его к Пушкину и Лермонтову, а сохранившаяся у него до конца жизни ненависть ко всякого рода анкетам, в том числе, конечно, и к этой.

ПАМЯТКА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В залах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в 1957 году была устроена чудесная выставка, посвященная сорокалетию советской книги, графики и плаката.

На этой выставке больше всего поражали цифры. СССР занимает сейчас первое место в мире по количеству книг, выпускаемых на душу населения. На 86 языках наро-

дов СССР и на 38 языках зарубежных народов советская страна за сорок лет напечатала двадцать миллиардов книг, далеко оставив за собой и по тиражам, и по количеству названий, Америку, Англию, Францию и другие зарубежные страны [19].

20 миллиардов книг! Эта цифра становится особенно поразительной, если представить себе на мгновение, что такое миллиард вообще. Цифры оживают путем сравнения.

Как-то, перелистывая старый юмористический журнал «Будильник» за 1900 год, я обратил внимание на своеобразный «юбилей», который попытались шутливо отметить досужие юмористы этого журнала. Оказывается, что примерно только в 1900 году истек всего-навсего первый миллиард минут с начала летоисчисления по нашему календарю. Другими словами, миллиард минут — это тысяча девятьсот лет!

Если выпускать каждую минуту днем и ночью только одну книгу, то на двадцать миллиардов книг потребовалось бы, в грубом подсчете, сорок тысяч лет! Советские типографии напечатали двадцать миллиардов книг за четыре десятилетия.

И каких книг! Рассматривая их, люди ходили по этой выставке, как зачарованные. Начиная от отдельных прижизненных изданий сочинений Владимира Ильича Ленина, изданий, ставших давно уже библиографическими редкостями, было выставлено великое множество книг научных, философских, технических, сельскохозяйственных, справочных, художественных, детских. Русские классики, классики иностранные, современные советские и зарубежные писатели были представлены широко и богато. Совсем, совсем не плохо работает наша полиграфическая промышленность! Продукция, в особенности последнего десятилетия, блещет красотой внешнего оформления, разнообразием переплетов, высоким качеством бумаги и печати. Некоторые книги являются образцами полиграфического искусства. Среди советских художников-иллюстраторов есть мастера, не имеющие себе равных во всей прежней истории русских иллюстрированных изданий. Иногда и не только русских.

На выставке участвовали 235 советских издательств, экспонировавших свыше 12 тысяч книг на всех языках народов СССР. Можно было бы, конечно, отметить и ряд недостатков, но организаторы выставки — Министерство культуры СССР, Библиотека имени В. И. Ленина и Всесоюзная книжная палата — проделали такую громадную

работу, за которую нельзя не быть благодарным. Подобная выставка, несомненно, должна была бы быть постоянной.

Отдельно о выставленных плакатах. Ярки и чрезвычайно убедительны и сегодня плакаты дней Великой Отечественной войны работы художников Кукрыниксы, Б. Ефимова и других. Особое впечатление производили плакаты времен Гражданской войны. Смотришь на них — и вспоминаешь молодость: борьбу с разрухой, голодом, победы над Деникиным, Врангелем...

С некоторыми плакатами встречаешься, как с добрыми старыми друзьями, настолько они врезались в память. Некоторые из таких плакатов узнаешь прямо сердцем.

Вернувшись домой, я вспомнил, что у меня есть нечто похожее, о чем, пожалуй, стоит рассказать.

Тысяча девятьсот двадцатый год. Разбитые вдребезги героической Красной Армией полчища генерала Деникина окопались в Крыму. На полуострове, под руководством недоброй памяти барона Врангеля, начал организовываться так называемый «Третий поход Антанты» против молодой Республики Советов.

Главные силы Красной Армии в это время были брошены на борьбу с панской Польшей, и банды Врангеля сначала добились некоторых успехов.

Центральный Комитет Партии и Советское правительство решили покончить с Врангелем до зимы. 27-го сентября 1920 года был создан Южный фронт под командованием М. В. Фрунзе.

О полном разгроме врангелевских полчищ, о легендарном взятии Перекопа сложено не мало рассказов и песен. Владимир Ильич оценивал победу над Врангелем, как одну из самых блестящих побед Красной Армии.

Ни щедрая помощь Антанты, ни созданные французскими инженерами неприступные укрепления Перекопского вала и Чонгара не помогли барону Врангелю. Шестнадцатого ноября 1920 года последние остатки белогвардейщины были сброшены Красной Армией в Черное море.

Как всегда, победоносным успехам своей Армии помогала вся Советская страна, напрягшаяся, как один человек, в героическом усилии: рабочие ковали оружие, крестьяне везли хлеб, женщины, наравне с мужчинами, несли все тяготы войны.

Не отставали от других писатели, художники, артисты, в частности и артисты эстрады, представители наиболее доходчивого и мобильного искусства.

20. Демьян Бедный. С оригинала работы художника И. И. Бродского. На портрете дарственная надпись поэта

Коммунистическая партия придавала огромное значение агитационной работе на фронте. Броские плакаты художников, злободневные песни, хлесткие частушки, веселые рассказы считались немаловажным оружием.

Незадолго до общего наступления я приехал с эстрадной бригадой в политотдел одной из дивизий. В Красной Армии артистов очень берегли и особенно близко к фронту не пускали. Однако работы оказалось по горло: пять-шесть выступлений в день были отнюдь не в диковинку.

В первый же день приезда обвешанный револьверами комиссар дивизии поинтересовался:

— Как, насчет «барона» что-нибудь ядовитенькое имеется?

— Да вот, товарищ комиссар, частушки приготовили — послушайте:

Врангель наш куда-то вылез,
Вот не ждали молодца:
Тятя, тятя — наши сети
Притащили мертвеца!

и так далее.

Комиссар выслушал частушки и глубокомысленно заметил:

— Ничего, в общем... Конечно, не Пушкин...

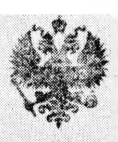
— Как не Пушкин? — возразили мы.— На пятьдесят-то процентов, во всяком случае, Пушкин! Так и писали: две строчки мы, а две строчки Пушкин...

Комиссар рассмеялся и сказал:

— Ну, раз наполовину — Пушкин,— давайте. Оно, может быть, целого-то Пушкина белый гад и не заслуживает. Любопытно вот, чем Демьян Бедный порадует? Говорят тоже приехал...

И Демьян не заставил себя дожидаться. Популярность у него в то время была огромна. Почти ежедневно на страницах «Правды» печатались его хлесткие, злободневные, доходчивые фельетоны. Работал он неутомимо и молниеносно. Чуточку по-народному грубоватые, сочные, остроумные и верно нацеленные стихи его в первые годы революции были неоценимы. Демьяна читали в деревне, в окопах.

Его ядреные раешники заучивали наизусть, порой посвоему дополняя и переделывая. Он был по-настоящему народным поэтом.

МАНИФЕСТ
барона фон-ВРАНГЕЛЯ.

Ихь фанго ан. Я нашинаю.
Эс ист для всех советских мест,
Для русский люд из краю в краю
Баронский унзер манифест.
Вам мой фамилий всем известный:
Ихь бин фон-Врангель, герр барон.
Я самый лючший, самый шестный
Есть кандидат на царский трон.
Послюшай, красные зольдатен:
Зашем ви бьетесь на меня?
Правительств мой—все демократен,
А не какой нибудь звиня.
Часы с поломанной пружина—
Есть власть советский такова.
Какой рабочий от машина
Имеет умный голова?
Какой мужик, разлючный с полем,
Валяйт не будет дурака?
У них мозги с таким мозолем,
Как их мозолистый рука!
Мит клейнем, глюпеньким умишком
Всех зогенаннтен простофиль
Иметь за власть?! Пфуй, это слишком.
Ихь шпрехе: пфуй, дас ист цу филь!
Без благородного сословий
Историй русский—круглый нуль.
Шлехьт! не карош порядки новий!
Вас Ленин ошень обманулы!
Ви должен верить мне, барону.
Мой слово—твердый есть скала.
Мейн копф ждет царскую корону,
Двухглавый адлер—мой орла.
Святая Руссланд... гейлих' эрде...
Зи лигт им штербен, мой земля.
Я с белый конь... фом вейсе пферде...
Сойду цум альтен стен кремля.
И я скажу всему канальству:
—„Мейн фольк, не надо грабежи!
Слюжите старому начальству.
Вложите в ножницы ножи!"
Вам будут слезы ошень литься:
—„Порядок старый карашо!"
Ви в кирхен будете молиться
За мейне руссише душа.
Ви будет жить благополучно
И целовать мне сапога.
Гут!
„Подписал собственноручно"
Вильгельма—кейзера слуга.
Барон фон-Врангель, бестолковой
Антантой признанный на треть:
—„Сдавайтесь мне на шестный слово.
А там... мы будем посмотреть!"

Южный фронт.
8 октября 1920 г.

Баронскую штучку списал и опубликовал
Демьян Бедный.

21. «Манифест барона фон-Врангеля». Листовка со стихами Д. Бедного.

Приехав в штаб Южного фронта, он напомнил о себе, как говорится, «весомо и зримо». Однажды утром мы были разбужены шумом летающих аэропланов. Было их, кстати сказать, тогда очень немного, и летчики называли их «летающими гробами». Не известно, как они держались в воздухе! Я убежден, что первые паровозы времени Стефенсона, поставленные сейчас рядом с современными тепловозами, возбудили бы меньшее удивление, чем «летающие гробы» времен гражданской войны, продемонстрированные рядом с «ТУ-104». Однако, они летали!

На этот раз «гробы» разбрасывали и над своими и над вражескими окопами летучку с новыми стихами Демьяна Бедного «Манифест барона Врангеля»[20]. Летучка была «украшена» двуглавым орлом и, как рассказывали, у белых была первоначально принята всерьез. Только по ярости белогвардейских офицеров солдаты поняли, что это за «манифест». В наших частях летучку встретили дружным хохотом. Среди бойцов было не мало участников войны с немцами, и эти бойцы сумели растолковать кое-какие немецкие выражения, вмонтированные Демьяном в текст «Манифеста». Впрочем, слова Врангеля: «Мейн копф ждет царскую корону» — были понятны и без перевода. Зато эти немецкие словечки как нельзя лучше характеризовали иноземную сущность белого барона, опиравшегося на помощь Антанты.

— Молодец Демьян! — говорили красноармейцы.— И посмешил, и покурить прислал...

Табак тогда у наших красноармейцев был, а вот с бумагой дела были действительно неважные. Посмеявшись и кое-что запомнив из «Манифеста», красноармейцы пустили его на «цыгарки».

По появившейся у меня уже тогда собирательской привычке, я не «скурил» демьяновский «Манифест», а бережно сохранил в своей библиотеке. Сейчас эта памятка гражданской войны чрезвычайно редка.

КНИГА БЕЗ ЗАГЛАВИЯ

Вместо заглавия на обложке этой примечательной книжки напечатано следующее стихотворение:

«На все и время и пора,
Не мило нынче нам, что нравилось вчера.

Бывало к книге предисловье,
Необходимое условье. —
Теперь из ста чтецов один
Едва ль прочесть его решится:
И нету автору причин
Над предисловием трудиться.
Но над заглавьем лоб — мозоль
Еще и нынче, сочинитель,
Без титла книги, ma parole,
Не купит школьник, ни учитель.
Поэма тут!.. А титла нет!
Беда-бедой! — ...На смех народа —
Ступай без титла книга в свет:
В семье не без урода».

Это же стихотворение повторено еще раз на заглавном листе книги. Далее следует лист с кратким посвящением «Карлу Викторовичу Гроссгейнриху», а на обороте листа: «Санктпетербург. В типографии К. Неймана. 1838». Следуют 146 страниц с различными стихотворениями и на последнем листочке одна строка: «Поэт заснул». На задней обложке напечатано четверостишие:

«Пока герой поэмы спит,
Взгляну на барометр народа,
Журналов ртуть, на чем стоит,
Ждет буря ли мой труд, иль ясная погода?»

Вот и все. О том, кто автор книги, нигде нет даже намека.

Книжка была для меня счастливой находкой, так как редкость ее известна библиофилам, хотя многие из них, в том числе и я, понятия не имели — кто же автор этого забавного издания. Впрочем и не только забавного. Стихи, напечатанные в книжке, совсем неплохие. Кроме того, среди них есть одно с названием «На погребение Пушкина». В книжке, разрешенной цензурой 11-го января 1838 года, почти только через год после смерти великого поэта, это весьма интересно.

Значение находки увеличивалось еще тем, что на обложке книги рукой известного филолога Я. К. Грота было написано: «Получил в дар от племянницы автора Стефаниды Николаевной Бакуниной 2-го марта 1884 года, по поводу заметок, напечатанных в «Новом времени» 29-го февраля и сегодня 2 марта. Я. Грот»

Ключи к выяснению имени автора были получены, и вот я в Библиотеке имени В. И. Ленина листаю огромнейший фолиант своеобразного официоза старой царской России — газеты «Новое время».

Мелькают события ушедшей жизни, канувшие в Лету имена... Но вот, на ветхом от времени листе газеты № 2875,— заметка самого издателя А. С. Суворина, у которого среди множества недостатков имелось одно достоинство: он был страстным книголюбом. Оказывается, ему также попалась эта книга без названия, и вопросы, которые он поднимал по поводу ее, слово в слово занимали и меня. Вот его заметка, в слегка сокращенном виде:

«Я до настоящей недели не знал одного литературного курьеза. Это русская книжка без заглавия, изданная в Петербурге в 1838 году. На обложке ее и на заглавном листе стоят следующие стихи (мной они уже приведены выше — Н. С.-С.).

В книге 41 русское стихотворение, 9 французских, 3 немецких и одно итальянское. На последней странице книги всего одна строка: «Поэт заснул».

Вы видите, что тут вся внешность оригинальна и даже внутренность, ибо автор свободно пишет по-французски, по-немецки и даже по-итальянски. Из некоторых стихотворений мы убеждаемся, что автор военный человек, он участвовал в походе за Балканы в 1829 году, был при взятии Варшавы в 1831, путешествовал по Германии и по Италии и т. д.

Мы узнаем еще, что у него был дядя и что этому дяде был другом и тоже дядей сам Кутузов, о котором наш неизвестный поэт говорит:

«Кутузов друг и дядя твой,
Победный вождь брегов Дуная,
То балагурил, то смешил,
Толпу игриво забавляя».

К характеристике дяди автора относятся и следующие стихи:

«О, дядя мой!
Делили дружно жизнь с тобой:
Мелецкий, Дмитриев, игривый
Певец Буянова и дядюшка Шишков,
Твой брат и тьма других певцов...»

Кто же этот дядя автора? Русский барин-хлебосол, у которого бывали Каменский, Остерман, Попов (секретарь Потемкина), Завадовский, Багратион?

Между стихами этой курьезной книжки есть переводы из Байрона, из «Ада» Данте, из Анакреона, есть небольшие стихотворения, стихи на победы русских и проч. Наиболее выдающееся стихотворение «На погребение Пушкина». Его конечные строки даже несколько смелы по тому времени:

«Герой, победами стяжавший славу мира,
Вельможа, властелин — забудутся скорей,
Чем память Пушкина и песнь его и лира —
Ему нетленный мавзолей».

Итак, требуется определить, кто автор этой книжки и кто его знаменитый дядя?»

В конце заметки Суворин обращается уже с собственным шутливым четверостишием по этому поводу к известному в то время библиофилу П. А. Ефремову:

«Ефремов, друг живых цветов и мертвых книг,
Украдь из банковских работ единый миг,
А то и полчаса и расскажи нам плавно,
Кто дядя автора, кто автор беззаглавный?»

На все эти вопросы А. С. Суворина ответил, однако, не П. А. Ефремов, а упомянутый выше академик — филолог Я. К. Грот. В том же «Новом времени» от 2-го марта (№ 2877) за подписью Грота было напечатано следующее:

«Автор стихотворений, о которых ваш хроникер сообщил вам заметку, напечатанную во вчерашнем номере «Нового времени», мне достаточно достоверно известен: это был Илья Модестович Бакунин, родившийся в 1800 году и убитый, или, вернее, смертельно раненый в войне с горцами на Кавказе — когда именно покуда не могу вам сказать. Он был внук служившего при Екатерине II в иностранной коллегии Петра Васильевича Бакунина — Меньшого (был еще старший брат того же имени, игравший на дипломатическом же поприще более важную роль). Мать Ильи Модестовича, урожденная Голенищева-Кутузова, родная сестра Логина Ивановича Голенищева-Кутузова, которого, следовательно, и разумеет поэт, говоря о своем дяде».

Тут мне пришлось временно прервать чтение ответа Я. К. Грота и попытаться найти более полные сведения

о Бакуниных. Надо было установить: какое, собственно, они имели отношение к великому полководцу Михаилу Илларионовичу Кутузову? Покопавшись в словарях, я определил следующее. Логин Иванович Голенищев-Кутузов, дядя автора книги, был племянником и другом Михаила Илларионовича Кутузова. Логин Иванович не был чужд литературе, переводил Кука, Лаперуза и других. У него в доме и бывали, упоминаемые в стихах автора, поэт Ю. А. Нелединский-Мелецкий, В. Л. Пушкин, И. И. Дмитриев, А. С. Шишков и, наконец, сам Михаил Илларионович Кутузов, полководец.

Одним из родственников поэта, о котором идет весь этот рассказ, был декабрист В. М. Бакунин.

Вернемся к сообщению Я. К. Грота. Он пишет, что В. Гроссгейнрих, которому поэт посвятил свою «беззаглавную» книгу,— известный в литературе полиглот, был учителем И. М. Бакунина. О Гроссгейнрихе мы знаем из биографии поэтессы Елизаветы Кульман, также писавшей стихи на многих языках и тоже его ученицы.

В заключение Я. К. Грот говорит, что Илью Модестовича Бакунина, автора книги, он знал лично и встречался с ним в доме М. Корфа.

Вот, как будто, все, если я что-нибудь не напутал в дядях и племянниках.

О потраченных часах не жалею, так как и книга, и ее автор, и, в особенности, его окружение, чрезвычайно интересны. Печаталась книга явно не для продажи и, очевидно, в малом количестве экземпляров, почему и стала большой редкостью.

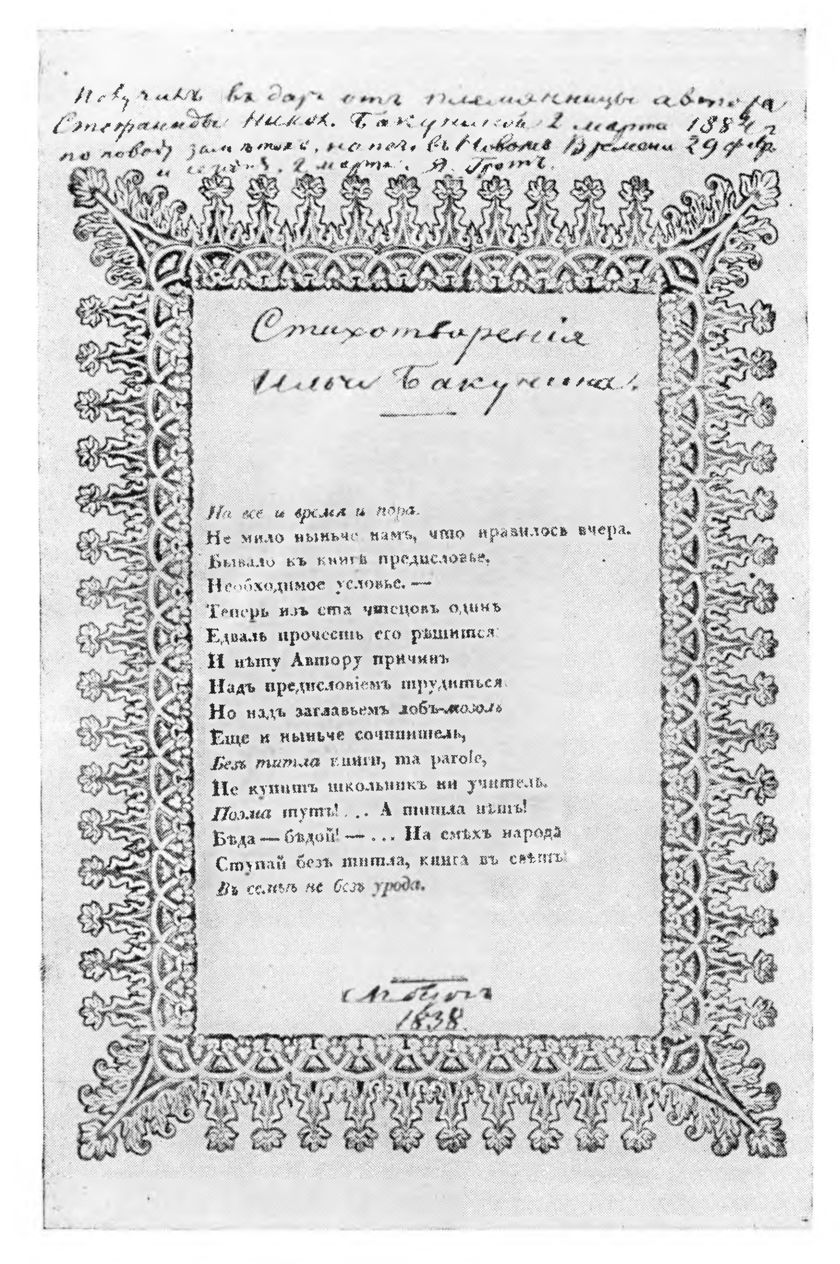
Однако в книге это вовсе не самое важное. Вообще, мои довольно частые указания на редкостность тех или иных книг должны быть правильно поняты. Редкость — отнюдь не главное достоинство книги. Важен ее литературный или исторический интерес.

Книга пустая и неинтересная по содержанию, как бы редка она не была, не заслуживает даже упоминания о том, что она «редкая».

В качестве примера могу сказать, что у меня есть такая, с позволения сказать, «редкость».

Один из моих родственников когда-то был заведующим типографии. В день его юбилея наборщики типографии набрали, напечатали и переплели в книгу всякого рода поздравления и пожелания, обычно полагающиеся юбиляру.

Книга эта была напечатана всего в одном экземпляре и являлась, следовательно, редчайшей, но надо ли говорить,

Получилъ въ даръ отъ племянницы автора Стефаниды Никол. Бакуниной 2 марта 1884 г. по поводу замѣтки, напеч. въ Новомъ Времени 29 февр. и сегодня. 2 марта. Я. Гротъ.

Стихотворенія Ильи Бакунина.

На все и время и пора.
Не мило нынче намъ, что нравилось вчера.
Бывало къ книгѣ предисловье,
Необходимое условье. —
Теперь изъ ста чтецовъ одинъ
Едваль прочесть его рѣшится;
И нѣту Автору причинъ
Надъ предисловіемъ трудиться.
Но надъ заглавьемъ лобъ-мозоль
Еще и нынче сочинитель,
Безъ титла книги, ma parole,
Не купитъ школьникъ ни учитель.
Поэма тутъ!... А титла нѣтъ!
Бѣда — бѣдой! — ... На смѣхъ народа
Ступай безъ титла, книга въ свѣтъ!
Въ семьѣ не безъ урода.

СПбургъ
1838.

22. *Обложка книги стихотворений И. Бакунина с надписью Я. Грота*

что подобная «редкость» не нужна никому, может быть даже и самому юбиляру.

В дореволюционное время существовали, правда, собиратели именно подобного рода «редкостей». Их называли собирателями «геннадиевского толка», по имени библиографа Г. Н. Геннади, выпустившего в 1872 году справочник под названием «Русские книжные редкости». Наряду с хорошими книгами, Геннади описал ряд ничтожных изданий, возведя их в категорию «величайших библиографических редкостей».

Собственно, если проанализировать его работу серьезно,— вина Геннади была может быть и не столь велика, но он, что называется, «попал в анекдот», и с тех пор людей, занимающихся бессмысленным накоплением каких попало «редких» книг, стали звать «геннадиевцами», или «собирателями редкостёв», намекая этим на безграмотность таких библиоманов.

В противовес «геннадиевцам», существовали собиратели «ефремовского толка», по имени другого библиографа и книголюба — П. А. Ефремова, библиотека которого славилась полнотой, подбором хороших книг и свидетельствовала о незаурядном вкусе собирателя.

Разумеется, точные «границы предмета» наметить трудно во всем, и не редко «ефремовцы» (да и сам Ефремов) тряслись над какой-нибудь чепухой, а «геннадиевцы» ловили чудесные книги, на которые «ефремовцы» не обращали внимания.

Книга — вещь тонкая, и достоинства ее порой раскрываются не сразу.

К таким именно книгам принадлежит, по моему мнению, книга без заглавия, о которой рассказано здесь.

В заключение хочется привести замечательные слова Виссариона Григорьевича Белинского, относящиеся к старинным книгам:

«Нет ничего приятнее, как созерцать минувшее и сравнивать его с настоящим. Всякая черта прошедшего времени, всякий отголосок из этой бездны, в которую все стремится и из которой ничто не возвращается, для нас любопытны, поучительны и даже прекрасны. Как бы ни нелепа была книга, как бы ни глуп был журнал, но если они принадлежат к сфере идей и мыслей, уже не существующих, если их оживляют интересы, к которым мы уже холодны — то эта книга и этот журнал получают в наших глазах такое достоинство, какого они, может быть, не имели и в глазах современников: они делаются для нас живыми летописями

прошедшего, говорящею могилою умерших надежд, интересов, задушевных мнений, мыслей.

Вот почему всякая книга, напечатанная у Гари, Любия и Попова гуттенберговскими буквами, в кожаном переплете, порыжелом от времени, возбуждает все мое любопытство; вот почему, увидевши где-нибудь разрозненные номера «Покоющегося трудолюбца», «Аглаи», «Лицея», «Северного вестника», «Духа журналов», «Благонамеренного» и многих других почивших журналов, я читаю их с какою-то жадностью и даже упоением.

Не худо иногда напомнить старину в пользу и поучение настоящего времени; не худо, к слову и кстати, воскрешать черты прошедшего, иногда для смеха, а иногда и для дела» [21].

Так говорил Белинский. Если бы это не было нескромным, я с наслаждением взял бы эти слова в качестве эпиграфа к своим рассказам.

«НИКТО НЕ ОБНИМЕТ НЕОБЪЯТНОГО»

Козьма Прутков в своих «Плодах раздумья» говорил: «Три дела, однажды начав, трудно кончить: а) вкушать хорошую пищу, б) беседовать с возвратившимся из похода другом и в) чесать, где чешется» [22].

Отбросив прутковскую иронию, книголюбы-собиратели могли бы сюда добавить еще и четвертое дело, которое так же, однажды начав, трудно кончить: это рассказывать об интересных книгах, встреченных ими на своем собирательском пути.

Для понимания этого шутливого сравнения попытаемся сначала разобраться в природе потребности такого рассказывания.

Писатель Владимир Лидин напечатал в «Новом мире» рецензию о моей работе «Книжная лавка Смирдина». Сам книголюб и собиратель, В. Г. Лидин пишет в рецензии:

«Любовь к книгам бывает двоякая, как это показывают примеры собирательства. Для одних собирание книг является коллекционерством, ревнивой жадностью собрать все редкое. Эти гарпагоны уносят в свое хранилище собранное и любуются им наедине, не принося ни малейшей пользы людям, в такой сложнейшей и интереснейшей области, как история книги.

Вторая категория собирателей — это люди, глубоко чтущие книгу, знающие ее историю и исполненные жела-

ния приохотить к книге возможно большее число людей, заинтересовать их ее судьбой, приучить уважать и любить книгу»[23].

Думается, что в последних словах Владимира Лидина заключается важнейший принцип книжного собирательства, осмысленного, нового, я бы сказал, советского собирательства.

В самом деле, если отбросить личную и, конечно, очень важную пользу, которую получает сам книжник-коллекционер от общения со своими книгами, помогающими его собственному развитию и образованию, то что же остается на долю окружающих, которых, к тому же, иногда, призывают уважать вашу страсть к книгам?

Конечно, обществу небезынтересно появление каждого нового образованного и начитанного человека: чем их будет больше, тем лучше. Но, неужели, это — все?

Можно, разумеется, добавить, что каждый любитель-коллекционер помогает сохранять редкую, порой исчезающую книгу. Возможно, что библиотека, собранная вами, попадет когда-нибудь в государственные хранилища и таким путем увеличит их богатства.

Это тоже чрезвычайно важно, но отнюдь не настолько, чтобы говорить только об этом. Как бы ни была замечательна и обширна библиотека того или иного собирателя, она не может идти даже и в отдаленное сравнение с тем, что уже хранится в библиотеках имени В. И. Ленина, имени Салтыкова-Щедрина, библиотеке Академии наук и в других многочисленных государственных книгохранилищах.

Если собиратель порой и найдет десяток-другой (даже больше!) книг, отсутствующих в этих библиотеках,— они не могут играть сколько-нибудь решающего значения для тех сказочных богатств, которые в них хранятся.

Следовательно, прав писатель Владимир Лидин, говоря, что одна из важнейших задач книжного собирательства — это «желание приохотить к книге возможно большее число людей, заинтересовать их ее судьбой, приучить уважать и любить книгу».

Если вам удалось найти какие-либо, действительно интересные и редкие издания, у вас не может не появиться желания показать их и рассказать о них другим. Иначе вы не настоящий книголюб, не настоящий «болельщик» книги.

Показывайте собранные вами сокровища, как бы скромны они не были. Не стесняйтесь, хвастайтесь книгами. Это — единственное нужное и полезное хвастовство. Не

ищите какой-то особой и непременно печатной трибуны для рассказов о найденных вами книгах. Вас с великой охотой выслушают на любой читательской конференции, где угодно.

Для этого только узнайте сами о своих книгах все, что можно узнать, начиная с их содержания и кончая всеми подробностями появления их на свет.

Я еще раз почувствовал, что каждый библиофил может быть полезен, когда на одном из заседаний журналистов писатель Лев Никулин рассказывал, что при работе над своим романом «России верные сыны» он пользовался кое-какими материалами из моей библиотеки.

Как же получилась у меня самого вот эта книга «Рассказов о книгах»?

С первых дней моего книжного собирательства я сразу же взял за правило заводить на каждую, казавшуюся мне чем-либо примечательной, книгу — карточку, кстати, довольно большого формата.

На эту карточку я вписывал сразу же название книги и те сведения о ней, которые либо я знал, либо вычитал из каких-нибудь библиографических источников. Весьма часто карточка эта оставалась долгое время пустой и, кроме наименования книги, ничего не содержала. Это значило, что сначала я ничего об этой книге не знал, не нашел. Когда же узнавал те или иные факты — это сейчас же отражалось на карточке.

Выработалась уже какая-то своя система поисков сведений о книгах, об их авторах, о подробностях появления книги на свет, о цензурных с ней перипетиях и о многом другом. Не забывались и обстоятельства, которые сопровождали нахождение мной той или иной книги, люди, которые ее отдали,— где, когда, почему.

Все это записывалось на карточки, которых скопилось, в конце-концов, довольно значительное количество.

Как-то я попробовал почитать друзьям некоторые из этих записей. Сначала дома, потом на собраниях книголюбов, в редакциях газет и журналов, наконец, просто зрителям, пришедшим в театр послушать мои эстрадные фельетоны.

В разных аудиториях по-разному, где лучше, где хуже, но, мне показалось, что рассказы слушаются без скуки. Это и навело на мысль приготовить сборник «Рассказов о книгах», включив в него соответственно обработанные сведения с моих карточек.

Сведения эти иногда не новы, но они приведены в таких источниках, которые разыскать не так легко.

Небольшая часть собранных здесь рассказов была напечатана ранее в некоторых журналах и газетах, в частности, в «Известиях», «Литературной газете», «Комсомольской правде», в газете «Литература и жизнь», в журналах «Огонек», «Смена», «Новый мир», «Литературное наследство», «Культура и жизнь» и других. В большинстве случаев, по газетным и журнальным условиям, рассказы мои были напечатаны в несколько сокращенном виде.

Составляя сборник рассказов, я не связывал себя рамками какой-либо одной эпохи или века. Мне показалось, что рассказ о книге петровского времени чудесно уживается рядом с рассказом о книгах более поздних и даже наших годов.

Сейчас, перелистывая этот сборник, среди множества сомнений я испытываю одно, наиболее мучительное: мне кажется, что я еще не все рассказал. Кажется, что выбрал для рассказов не те книги, что другие были бы интересней.

Среди изданий нашего советского периода тоже много замечательных книг, уже ставших библиографическими редкостями. Я не рассказываю о них потому, что их хорошо помнят еще сами читатели. Я не рассказываю также о книгах ныне здравствующих авторов. Они сами могут сделать это неизмеримо лучше. Всеволод Иванов, например, не так давно напечатал увлекательнейшую историю всех, когда-либо им написанных книг. Кто же мог бы сделать это так же талантливо?

По недостатку более точных сведений, я пока не рискнул взяться за рассказ о такой замечательной книге, как первый том первого русского издания «Капитала» Карла Маркса, выпущенного в 1872 году издательством Н. П. Полякова[24]. Однако материалы для такого рассказа сами по себе чрезвычайно интересны. Любопытны фигуры переводчиков труда Карла Маркса — Г. А. Лопатина и Н. Ф. Даниельсона. Заслуживает внимания личность издателя Н. П. Полякова. Тупые царские цензоры не поняли взрывного значения книги Карла Маркса, и она была допущена к обращению как в подлиннике, так и в переводе. Цензор Скуратов, поставивший на книге невежественную резолюцию: «Книгу эту немногие прочтут в России, а еще менее поймут ее», запретил приложить к «Капиталу» портрет его автора, объясняя это тем, что «деятельность Маркса, известного социалиста и председателя интернационального общества, весьма двусмысленна, между тем дозволение портрета его при сочинении «Капитал» можно было бы принять за выражение уважения к личности автора».

КАПИТАЛЪ.

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

СОЧИНЕНІЕ

КАРЛА МАРКСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА I. ПРОЦЕССЪ ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ Н. П. ПОЛЯКОВА.

1872

23. К. Маркс «Капитал». Титульный лист первого русского издания 1872 г.

Что «Капитал» в России «прочтут немногие», царская цензура явно не угадала. Книга, напечатанная немалым для своего времени трехтысячным тиражом, была быстро раскуплена, а в газетах и журналах появилось свыше ста пятидесяти статей о «Капитале».

Спохватившаяся цензура распорядилась запретить новое издание книги Маркса и внесла «Капитал» в списки книг, «не дозволенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях»[25].

Первое издание «Капитала» на русском языке, выпущенное в 1872 году,— одна из тех библиографических редкостей, которые приобрели характер реликвии.

Любопытно, что напечатанная, но задушенная цензурой еще в типографии, книга сочинений Свифта, так же в издании Н. П. Полякова, по-видимому, тоже переведена Г. А. Лопатиным, переводчиком «Капитала».

Это предположение можно сделать на основании письма Ф. Энгельса к К. Марксу от 23-го ноября 1873 года. Сообщая Марксу о 2 и 5 главах «Капитала», переведенных Лопатиным, он тут же добавляет: «Теперь он переводит английские вещи для Полякова». Других переводов с английского в издании Полякова не появлялось, очевидно речь идет о Свифте[26].

В книге, кроме известных произведений великого сатирика: «Сказка бочки», «Путешествие Гулливера», помещен ряд мелких сочинений Свифта, до сих пор еще не переизданных на русском языке[27].

О степени редкости этой книги можно судить по докладу старейшего ленинградского книжника Ф. Г. Шилова, который считал, что ее уцелел всего только один экземпляр[28].

Ко мне книга попала из библиотеки проф. В. Саводника.

Большой интерес так же представляет имеющееся у меня редчайшее издание, озаглавленное «Ежемесячное сочинение Пифагор, содержащее в себе изображение славной жизни и деяний сего великого гения древности, с ясным топографо-историческим описанием всех современных ему народов, их обыкновений, богослужения, таинств и достопамятностей и с картинным представлением всех важнейших происшествий древних времен» (Москва, 1804). Это — первая попытка напечатания у нас в России труда Пьера Сильвена Марешаля, одного из ближайших соратников деятеля французской революции Гракха Бабефа, организатора знаменитого «Заговора равных».

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ СОЧИНЕНІЕ

ПИѲАГОРЪ,

Содержащее въ себѣ изображеніе славной жизни и дѣяній сего великаго Генія древности, съ яснымъ Топографо-Историческимъ описаніемъ всѣхъ современныхъ ему народовъ, ихъ обыкновеній, богослуженія, таинствъ и достопамятностей, и съ картиннымъ представленіемъ всѣхъ важнѣйшихъ произшествій древнихъ временъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА, 1804

ВЪ Университетской Типографіи,

у Любія, Гарія и Попова.

24. «Ежемесячное сочинение Пифагор» 1804 г. Титульный лист.

Под видом описания путешествия Пифагора в книге изложены запретные положения учения Бабефа — ненависть к тиранам и тирании, проповедь общности имуществ, отрицание частной собственности.

В фигуре Пифагора легко угадывается портрет самого Гракха Бабефа.

Я не рассказал любопытнейшей истории этой книги потому, что это сделал гораздо лучше меня проф. Ю. Г. Оксман, долго и внимательно изучавший находящийся у меня экземпляр. В своей статье «Из истории агитационно-пропагандистской литературы 20-х годов XIX века» (в сборнике «Очерки из истории движения декабристов», М., 1954) он написал об этой книге весьма подробно.

Мне попалась в руки и другая редчайшая книга XVIII века, требующая самого пристального внимания.

Книга эта называется «Пригожая повариха, или похождения развратной женщины». Автор ее Михаил Чулков — издатель сатирических журналов, соперничавших с новиковскими «Трутнем» и «Живописцем», один из первых русских этнографов, собирателей песен и сказок. О Михаиле Чулкове (и Василии Левшине) написал подробное исследование Виктор Шкловский [29].

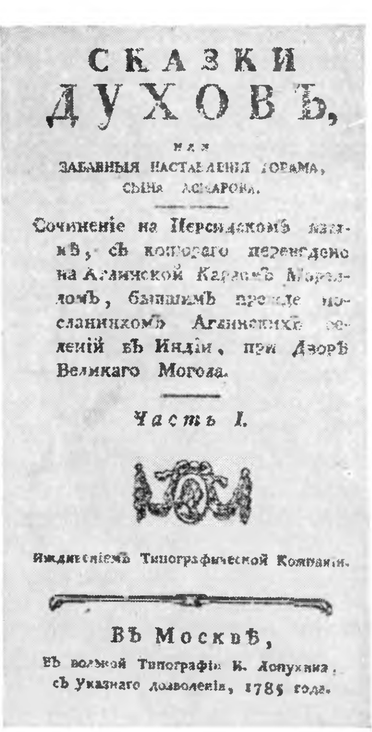
«Пригожая повариха» (издана в 1770 году, в Спб.) — это русский роман, написанный в жанре т. н. «плутовских романов». Роман остался незаконченным, и есть основания полагать, что в образе купеческой жены, любящей сочинительствовать (одна из героинь романа),— подразумевалась сама «матушка-государыня» Екатерина II. И книга эта, и автор ее Михаил Чулков также заслуживают подробного рассказа.

Великий полководец А. В. Суворов говаривал, что «Пригожая повариха» — его любимая книга. Этим он вовсе не пытался ознакомить окружающих с его собственным литературным вкусом, а намекал на свое согласие с автором романа, нарисовавшего «матушку-государыню» в самом неприглядном виде.

Весьма часто этого своеобразного «подтекста» в высказываниях и поведении великих людей не замечали, или не хотели замечать их позднейшие биографы.

Так, среди многочисленных анекдотов об И. А. Крылове, существуют воспоминания о нем библиографа И. П. Быстрова, лично знавшего великого баснописца. И. П. Быстров рассказывает, например, что «Иван Андреевич любил читать романы в старинных переплетах и, чем роман глупее, тем он больше нравился нашему поэту» [30].

ПРИГОЖАЯ
ПОВАРИХА,
или
ПОХОЖДЕНІЕ
РАЗВРАТНОЙ ЖЕНЩИНЫ.
Часть I.
Въ Санктпетербургѣ 1770 года

СКАЗКИ
ДУХОВЪ,
или
забавныя наставленія Горама,
сына Асмарова.
Сочиненіе на Персидскомъ языкѣ, съ котораго переведено на Аглинской Карломъ Мореломъ, бывшимъ прежде посланникомъ Аглинскихъ селеній въ Индіи, при Дворѣ Великаго Могола.
Часть I.
Иждивеніемъ Типографической Компаніи.
ВЪ Москвѣ,
Въ вольной Типографіи И. Лопухина,
съ Указнаго дозволенія, 1785 года.

25. М. Чулков «Пригожая повариха». Титульный лист издания 1770 г.

26. «Сказки духов». Титульный лист запрещенного издания 1785 г.

Среди этих «глупейших романов» П. И. Быстров назвал на первом месте «Сказки духов», напечатанные в шести частях «иждивением типографической компании» Н. И. Новикова в Москве, в 1785 году [31].

Случайно это редчайшее издание попало ко мне на полку, и даже при беглом ознакомлении с ним, легко убеждаешься, что «Сказки духов» — одно из самых смелых и вольнодумных сочинений того времени.

Повествование ведется от лица некоего Горама, написавшего это сочинение якобы на персидском языке. Указывается, что с персидского «Сказки духов» переведены на английский Карлом Мореллом. Русский переводчик не указан вовсе. Весьма возможно, что все эти сведения выдуманы от начала до конца и служат лишь маскировкой для подлинного автора книги.

«Вера этого Горама,— пишет вышеозначенный Карл Морелл,— приближается к естественной религии, которая выше христианской и магометанской».

Архиепископ Платон, которому Екатерина II в 1786 году поручила пересмотреть все издания Н. И. Новикова, оказался куда дальновиднее библиографа И. П. Быстрова и признал «Сказки духов» сочинением «сумнительным и могущим служить к разным вольным мудрствованиям, а потому к заблуждению и разгорячению умов» [32]. Книги были мгновенно изъяты и уничтожены.

Так вот, оказывается, какими «глупейшими» романами увлекался баснописец И. А. Крылов!

По словам биографов, он, видите ли, «не любил медицины и вегда, как только начинал чувствовать себя под влиянием хандры, обращался к чтению нелепых романов. Это было единственное средство к восстановлению его здоровья» [33].

Я бы с наслаждением изучил, а после подробнейшим образом рассказал о каждом из таких «нелепых» лекарств, которыми прогонял свою хандру великий русский сатирик.

Хотелось бы так же рассказать... Впрочем, я кажется, действительно никогда не закончу эту свою книгу. Я начал главу с одного изречения Козьмы Пруткова, а время уже вспомнить другое, его же: «Никто необъятного обнять не может»...

И это радостно, что мир книг необъятен! Радостно, что их на свете так много, что даже на рассказы о них не хватит человеческой жизни.

Эта человеческая жизнь без книг — не имела бы права именоваться жизнью.

Хочется повторить слова Анатоля Франса. Не стесняюсь это сделать, так как искренне убежден, что великие люди для того и говорят свои слова, чтобы люди обыкновенные их повторяли.

Слова эти такие:

«Когда пробьет мой час, пусть бог возьмет меня с моей стремянки, приютившейся у полок, забитых книгами...» [34].

В этом пожелании Анатоля Франса меня не устраивает только слово «бог».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Горький М. Сочинения. Т. 17. М., ГИХЛ, 1952, стр. 69.
2. Примеры взяты из статьи И. Алатарева «В кривом зеркале».— «Известия», 1957, № 306.

3. Новая манера, укреплению городов учиненная чрез господина Блонделя, генерала порутчика войск короля французского, преж сего учителя в математике господина князя делфина, сына его величества. Напечатана в Париже по указу королевскому лета 1683 от рождества Христова. (На обороте тит. л.: Переведена же на российский язык повелением царского величества и напечатана в Москве лета 1711 в марте месяце). 4°. Гравир. фронтиспис; 11 л. чертежей; загл. лист, 2 нен., 76, 2 нен. стр. (6 чертежей в тексте).

Перевел книгу Иван Зотов под редакцией самого Петра I. См. Пекарский, П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 2. Спб., 1862, № 204; Быкова, Т. А. и Гуревич, М. М. Описание изданий гражданской печати. М., 1955, № 49. (Приводимые из книги цитаты, в ней на стр. 6).

4. Трутень. Еженедельное издание на 1769 год. Спб. Май — декабрь. 8°. 284 стр.

То же. На 1770 год. Январь — апрель. 8°. 136 стр.

То же. Печатано вторым тиснением. С гравир. виньетками на загл. л. Спб., 1769—1770.

5. Подробнее о «Почте духов» и библиографическое описание журнала — см. здесь же, стр. 206—212.

6. Библиография альманахов и сборников XVIII и XIX в. является темой моей специальной работы, которая, в предварительном виде, была опубликована в 1956 году. (См. Смирнов-Сокольский, Ник. Русские литературные альманахи и сборники XVIII и XIX вв. Предварительный список. М., Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956. 162 стр.). В настоящее время мною готовится подробное описание альманахов этого периода.

7. Толстой, Лев. В чем моя вера? М., тип. И. Кушнерева, 1884. 8°. Загл. л., 205, 1 нен. стр. Цена 25 рублей.

8. См. «Лит. наследство», т. 22/24, стр. 508.

9. Чехонте, А. Сказки Мельпомены. Шесть рассказов. М., тип. А. Левенсон, 1884. 8° (малая). 96 стр.

10. Горький, М. О библиотеке поэта.— Сочинения. Т. 26. М., ГИХЛ, 1953, стр. 178. Эта же мысль настойчиво проводится М. Горьким в ряде других статей: «За работу!», «История фабрик и заводов», «Знать прошлое — необходимо» и др.

11. См. «Комсомольская правда», 1958, № 3, 4 янв.

12. Цитата из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Глава «Сельская ярмонка».— Собр. соч. Т. 2. М., Гиз, 1930, стр. 374.

13. Кассиль, Л. На капитанском мостике.— Альманах с Маяковским. М., 1934, стр. 255.

14. Маяковский, В. Полн. собр. соч. Т. 12. М., ГИХЛ, 1937, стр. 191.

15. Пушкин, А. С. Об альманахе «Северная Лира». Собр. соч. в одном томе. М., ГИХЛ, 1949, стр. 1296.

16. В свое время этот ответ Маяковского был широко известен. Напечатан в книге «Живой Маяковский». Вып. 3. М., 1930, стр. 15.

17. Маяковский, В. Полн. собр. соч. Т. 12, М., ГИХЛ, 1937, стр. 74.

18. Там же, стр. 24.

19. Подробные статистические данные приведены в журнале «Курьер ЮНЕСКО», февраль 1957 г.

20. Напечатан на серой оберточной бумаге, на одной стороне листа, размером 45 × 15 см. Датировано «Южный фронт, 5-го октября 1920 г.» Стихи Д. Бедного после перепечатаны во всех собраниях его сочинений.

21. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1953, стр. 200.

22. Козьма Прутков. Сочинения. Под ред. П. Н. Беркова. М.-Л., «Academia», 1933, стр. 165.

23. Лидин, Вл. В гостях у Смирдина.— «Новый мир», 1958, № 3, стр. 260.

24. Маркс, Карл. Капитал. Критика политической экономии. Пер. с немецкого. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. Спб., Изд. Н. П. Полякова, тип. Мин-ва путей сообщения, 1872. 8°. XIII, 678 стр.

25. Сведения приводятся по статье «Великое произведение научного коммунизма».— «Правда», 1952, № 100, 9 апреля.

26. Миронов, А. Уникальная книга.— «Московский книжник», 1936, № 185.

27. Книга заглавного листа не имеет. Содержание: Сказки бочки. Записки П. П.— дьячка сего прихода. Сельская почта. Скромное предложение. Путешествие Гулливера. Наставления прислуге. Разоблаченный Бикерстаф. Странный сон. Размышления над ручкой метлы. 8°. XVI, 484 стр.

28. Хроника ЛОБ. Л, 1931, стр. 58. ЛОБ — Ленинградское общество библиофилов. Возможно, что эта книга Свифта имеется и в других книгохранилищах.

29. Шкловский, Виктор. Чулков и Левшин. Л., 1933.

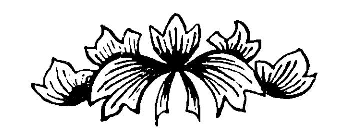
30. Быстров, И. П. Отрывки из записок моих об И. А. Крылове.— «Северная пчела», 1846, № 64.

31. Сказки духов, или забавные наставления Горама, сына Асмарова. Сочинение на персидском языке, с которого переведено на английский Карлом Мореллом, бывшим прежде посланником английских селений в Индии, при дворе великого Могола. Ч. I—VI. Иждивением типографической компании. В Москве, в вольной типографии И. Лопухина, с указного дозволения, 1785 года. 8° (малая). 258, 280, 299, 272, 273, 330 стр.

32. Лонгинов, М. Новиков и московские мартинисты. М., 1867, стр. 036.

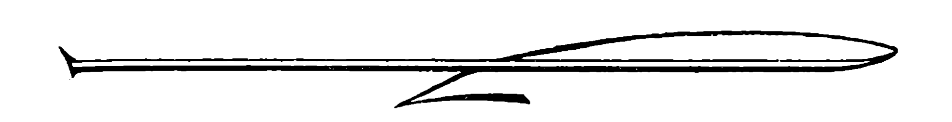
33. Кеневич, В. Примечания к басням Крылова. Спб., 1878, стр. 285.

34. Франс, А. Собр. соч. Т. 1. М., 1957, стр. 345.

Грозное оружие

ГРОЗНОЕ ОРУЖИЕ

> В курганах книг,
> похоронивших стих,
> железки строк случайно обнаруживая,
> вы
> с уважением
> ощупывайте их,
> как старое,
> но грозное оружие.
>
> *Вл. Маяковский.*

В «курганах книг», написанных людьми предыдущих поколений, понятие «старого, но грозного оружия» как нельзя более подходит к книгам великого русского писателя — революционера Александра Николаевича Радищева.

Направленные против самодержавия, рабства и крепостничества, книги Радищева более ста лет были «жупелом» для царского правительства, которое не только беспощадно уничтожало все издания сочинений Радищева, вышедшие при его жизни, но и позже яростно пресекало попытки некоторых смельчаков-издателей напечатать их вновь.

Начиная с 1790 до 1905 года книги Радищева жгут на кострах или перемалывают на бумажных фабриках.

Однако от каждого такого «аутодафе», устроенного царской цензурой для книг Радищева, всегда оставалось несколько считанных экземпляров, припрятанных и почитателями революционных идей автора «Путешествия из Петербурга в Москву», и некоторыми ревностными книголюбами.

С этих уцелевших экземпляров снимались многочисленные рукописные копии, которые потом, переходя из рук в руки, делали свое революционное дело. Имея в виду именно это распространение сочинений Радищева в списках, Пушкин писал: «Радищев, рабства враг — цензуры избежал!»

Революция 1905 года на время сбила цензурные оковы с сочинений Радищева, но по-настоящему широко, полно и научно произведения его дошли до народа только в наше, советское время. Огромными тиражами, во всех видах и вариантах напечатаны и продолжают печататься книги Радищева.

Советские люди знают и высоко чтут писателя, который «нам вольность первый прорицал».

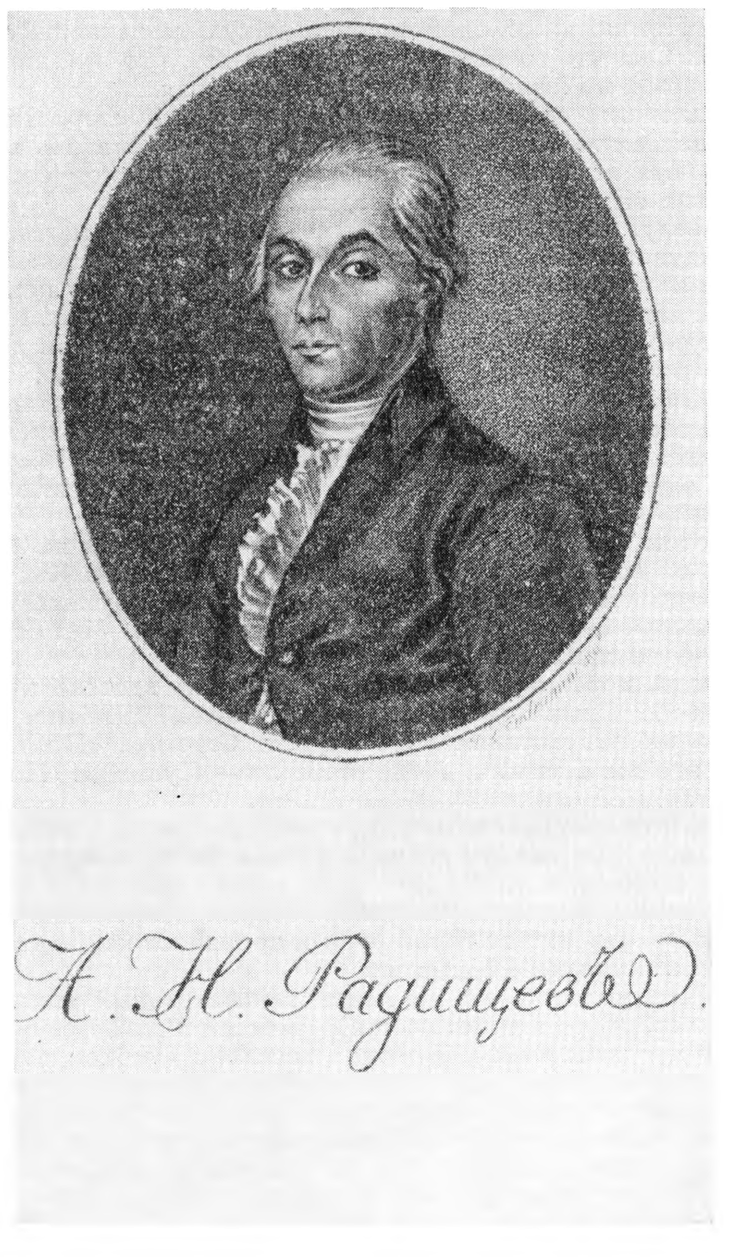
Но чем больше сейчас выпускается новых книг Радищева, чем богаче и роскошней их одежда, печать и бумага, тем драгоценней становятся те немногие, скромные на вид, уцелевшие экземпляры его «Путешествия из Петербурга в Москву» и других произведений, напечатанные при жизни писателя, или после его смерти, до 1905 года.

Книги эти — замечательные реликвии истории развития русской общественной мысли, истории революционного движения в России.

Иметь экземпляр «подлинного Радищева» всегда было заветной мечтой каждого библиофила, начиная с самого Пушкина. До наших дней сохранилось первое издание «Путешествия из Петербурга в Москву» из личной библиотеки поэта, с его собственноручной надписью: «Экземпляр, бывший в Тайной канцелярии, заплачен 200 рублей. А. Пушкин».

Судьба каждого уцелевшего экземпляра «потаенного Радищева» чрезвычайно любопытна и полна самого романтического интереса.

Много лет назад, начав собирать старые русские книги, я поставил себе целью во что бы то ни стало найти «всего Радищева». Старые, седые антиквары, узнав о моем намерении, стали встречать меня ироническими улыбками. Известный книжник Павел Петрович Шибанов, «Шаляпин книги», как его называли, весьма сердито сказал мне:

27. Гравированный портрет А. Н. Радищева из «Собрания оставшихся сочинений» 1807 г. Грав. Вендрамини

— Помню я, молодой человек, какую-то историю с синицей. Она что-то там пыталась зажигать, что именно — я уже забыл, но история весьма поучительная...

Милейший человек Павел Петрович! К старости его беззаветная любовь к книге начала уже переходить в манию, хотя именно против маньячества в книжном собирательстве он сам выступал неоднократно.

Заведуя крупнейшим книжно-антикварным магазином «Международной книги» в Москве, он начал припрятывать более или менее редкие и замечательные книги от покупателей. Прятать не для кого-нибудь, а просто от всех. Когда вы подходили к нему с горкой отобранных книг, он делал такое печальное лицо, что вам становилось неловко.

— Ну зачем вам «Полтава» Пушкина? — вдруг начинал «советовать» Павел Петрович.— Подумаешь, прижизненное издание! И вид у книги не первоклассный — явно «усталый» экземпляр. Подождите, найдете для себя безукоризненный.

Потом, вдруг, увидя помеченную им же самим на книге цену, он всплескивал руками и начинал кричать: Как тридцать рублей! За такую книгу? За такой изумительный экземпляр? Это ошибка! Я должен проверить! — Вы оставьте книгу и приходите завтра!

Люди, хорошо его знавшие, давали ему вдоволь накричаться и... шли платить в кассу. Огорченный Шибанов провожал их напутствиями: Да вы хоть берегите «Полтаву»! Ведь это же Пушкин! Понимаете ли — Пуш-кин! Первое издание!

Многие собиратели очень обязаны Павлу Петровичу Шибанову. Он как бы делился с ними своей неистощимой любовью к книгам.

О книгах Радищева Шибанов говорил непременно складывая молитвенно на груди руки и произнося каким-то свистящим шопотом: Ра-ди-щев!

Более молодой, но не менее замечательный книжник-антиквар, ныне здравствующий Алексей Григорьевич Миронов продавал книги, наоборот, весело, с улыбкой, радуясь вместе с вами находке.

— Лишь бы книга попала в хорошие руки! — говорил он при этом. Именно ему я обязан лучшими книгами в своей «Радищевиане». Однако для того, чтобы собрать ее полностью (книги прижизненные и отпечатанные до 1905 года), тридцати с лишком лет поисков нехватило. Я так и не нашел пока двух, правда не самых главных, книг Радищева: «Офицерские упражнения» и «Письмо к другу».

Ниже делается попытка изложить историю и сделать подробное описание всех отдельно вышедших до 1905 года книг Радищева, с указанием обстоятельств, сопровождавших их появление в свет и некоторыми другими подробностями. Работа разбита на главы, из которых каждая посвящена отдельным книгам Радищева, в хронологическом порядке их выхода в свет.

ПЕРВАЯ КНИГА РАДИЩЕВА

Первой отдельно изданной печатной работой А. Н. Радищева был перевод с французского [1], сделанный им после возвращения (в конце 1771 года) в Россию из Лейпцига, куда он был отправлен Екатериной II для «изучения юридических наук».

Определенный, после возвращения из-за границы, на службу протоколистом в Сенат, с присвоением ему чина титулярного советника, молодой Радищев быстро разочаровывается не только в службе, но и во всех попечениях Екатерины II о «благоденствии» своих подданных. Не удовлетворяясь только чиновничьей деятельностью, Радищев ищет возможности попробовать свои силы в литературно-общественных делах.

Обратившись в основанное в 1768 году «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на российский язык», Радищев получает для перевода труд французского публициста, историка и политического мыслителя аббата Мабли (1709—1785), ярого противника просвещенного абсолютизма, проповедывавшего в некоторых своих произведениях «уже прямо коммунистические теории» [2]. Произведение Мабли в переводе Радищева называлось «Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастия греков».

Не говоря уже о том, что с сочинениями Мабли, как и со многими другими произведениями французских просветителей, Радищев познакомился еще будучи в Лейпциге, выбор именно этого труда для перевода далеко не случаен. Вопрос о судьбе греческого народа, находившегося в то время под турецким владычеством, был для России весьма актуальным, связанным с происходившей тогда (1768—1774) Русско-турецкой войной. Рабство греческого народа наталкивало Радищева на мысли о рабстве крепостных крестьян в России.

РАЗМЫШЛЕНIЯ
О ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРIИ,
или
О ПРИЧИНАХЪ БЛАГОДЕНСТВIЯ
И НЕСЧАСТIЯ
ГРЕКОВЪ;
сочиненiе г. Аббата де Мабли.
Переведено съ Французскаго.

Иждивенiемъ Общества старающагося о напечатанiи книгъ. Продается въ луговой Миллiонной улицѣ, у книгопродавца К. В. Миллера.

Цѣна коп.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академiи наукъ.
1773 года.

28. «Размышления о греческой истории» соч. аббата де Мабли. Титульный лист. Перевод А. Н. Радищева.

Первое издание книги Мабли на французском языке было осуществлено в 1749 году; второе, значительно переработанное — в 1766. Радищев, читавший оба издания книги, делает перевод по второму.

Этой своей работой Радищев начинает активную борьбу против усердно распространявшегося тогда мнения о якобы просвещенном характере самодержавного правления Екатерины II.

Радищев не только переводит книгу Мабли. Он снабжает ее семью собственными примечаниями, одно из которых начинается более чем смелыми для того времени словами: «Самодержавство — есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние».

Полностью это примечание занимает в книге всего двадцать строк, но оно, по определению Г. П. Макогоненко,

«было по сути краткой политической статьей. Оно сразу включало Радищева в начатую просветителями борьбу»[3].

Напечатан был этот перевод «Обществом, старающемся о напечатании книг», созданным в 1773 году передовым деятелем русского просвещения Николаем Ивановичем Новиковым, в то время уже издателем нашумевших сатирических журналов «Трутень» и «Живописец».

Перевод Радищева вышел в 1773 году в Петербурге. Напечатана книга была без имени переводчика в количестве 650 экземпляров. В архиве Академии наук имеются две расписки Радищева в получении гонорара за перевод: одна от 7-го мая 1773 года на 60 рублей данных ему «в зачет», а другая, от 6-го декабря того же года, на 45 рублей «остальных».

Трудно установить — почему именно эта книга Радищева стала столь большой библиографической редкостью. Отнюдь не только сравнительно малый тираж этому причиной. Надо думать, что после трагедии, разыгравшейся с Радищевым в 1790 году, в связи с его книгой «Путешествие из Петербурга в Москву», все печатные труды его, в том числе и перевод «Размышления о греческой истории», всячески изымались и уничтожались, как по линии официальной, так и по собственному почину держателей книг «крамольного» автора: обнаружение таких книг при обыске не сулило ничего приятного их владельцам.

За долгие годы книжного собирательства я видел эту книгу в частном собрании только у одного, ныне покойного, И. Д. Смолянова, много поработавшего над библиографией Радищева. Из прижизненных изданий Радищева у него была лишь эта книга, но он весьма дорожил ею.

Оказавший мне помощь в приобретении «Размышлений» А. Г. Миронов удостоверяет, что он, почти за полувековый период работы с антикварной книгой, впервые провел этот труд Радищева через свои руки.

«ОФИЦЕРСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ»[4]

Упомянутые выше две расписки Радищева в получении гонорара за перевод книги Мабли имеют одну, весьма важную подробность.

Первая из расписок от 7-го мая 1773 года подписана «Титулярный советник Александр Радищев», а вторая, от 6-го декабря того же года, имеет подпись: «Штаба его сия-

тельства графа Якова Александровича Брюса обер-аудитор Александр Радищев»[5].

Эта перемена титулов ясно говорит о том, что в период между двумя этими расписками, Радищев бросает службу в Сенате и определяется в армию, по той же юридической части, в качестве прокурора. По мнению Радищева и его ближайших друзей, соучеников по Лейпцигу А. М. Кутузова и А. К. Рубановского, также ушедших из Сената, служба в армии давала больше досуга для их самостоятельной деятельности.

Однако служба в штабе Брюса, командира финляндской дивизии, дислоцированной тогда на Карельском перешейке, оказалась тяжкой. Сопровождавшие разбирательство проступков военнослужащих неизбежные шпицрутены, битье кнутом и батогами, с «вырыванием ноздрей» и прочим членовредительством, достававшимися на долю основной массы рекрутчины из крепостного крестьянства,— все больше и больше открывали глаза Радищеву на страдания народа.

Здесь он, между прочим, встречается с одним из своих подчиненных по работе, аудитором Тобольского полка поручиком Федором Кречетовым, будущим организатором вольнодумного общества, за которое поручику после пришлось расплачиваться казематами Шлиссельбурга[6].

Глубоко принципиальный в каждом своем поступке, Радищев не хотел прийти в армию несведущим в армейских делах человеком.

С этой целью он, в том же «Собрании, старающемся о переводе иностранных книг», берет для перевода, а, следовательно, и для изучения, военно-технический труд неизвестного немецкого автора под названием:

«Офицерские упражнения», в 4-х частях. На части первой имеется подзаголовок: «Упражнения пехотных офицеров, от капитана до прапорщика, в окружных местах их гарнизона». Часть вторая содержала «Упражнения пехотных офицеров от капитана до прапорщика вне их гарнизона», часть третья — «Упражнения пехотных офицеров от полковника до капитана вне их гарнизона», часть четвертая — «Маневры одного батальона, на восемь плутонгов разделенного, которые равномерно могут представить восемь батальонов, восемь бригад или восемь дивизионов».

Приведенные здесь заглавия отдельных частей этого перевода дают представление о характере и содержании второго, отдельно вышедшего печатного труда Радищева.

Переводя книгу, Радищев хотел помочь среднему офи-

церскому составу русской армии, в то время почти лишенному каких-либо руководств в своем ратном деле.

Перевод был осуществлен Радищевым в 1773—74 годах. Сохранились его расписки в получении за перевод первых двух частей 84 рублей, а за две последующие — 70 рублей. Книги были напечатаны тем же новиковским обществом, дела которого к этому времени настолько пошатнулись, что напечатанные в 1773 году первые две части, а вскоре за тем и две последующие, из типографии не были выпущены. Известен только один экземпляр первых двух частей, датированный 1773 годом. Он был преподнесен Екатерине II. Все остальные сохранившиеся экземпляры имеют дату на выходном листе: «1777 год»,— и уже без марки новиковского общества.

Напечатанные в количестве 650 экземпляров «Офицерские упражнения» стали чрезвычайной редкостью. К предполагаемым причинам этого, изложенным мною при описании радищевского перевода Мабли, следует еще добавить узко-специальный характер «Офицерских упражнений», не способствовавший охоте книголюбов хранить эти книги в своих библиотеках.

Мне так и не удалось достать ни одной части «Офицерских упражнений» — второго печатного труда Радищева.

«ЖИТИЕ УШАКОВА»

Следующая отдельно изданная книга Александра Радищева появилась в свет только в 1789 году, примерно через шестнадцать лет после первых двух указанных выше книг.

Называлась она «Житие Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений» [7]. Книга состоит из двух частей. В первой помещено «Житие Ушакова», написанное Радищевым, во второй — «размышления» самого Ушакова (они были написаны на французском и немецком языках): 1. О праве наказания и о смертной казни; 2. О любви; 3. Письма о первой книге Гельвециева сочинения о разуме.

Вторую часть Радищев не только перевел, но и отредактировал с внесением многого от себя [8].

Федор Васильевич Ушаков — один из товарищей Радищева, посланный вместе с ним в Лейпциг для изучения юридических наук. Он оказал большое влияние на Радищева, был «вождем его юности».

Вся книга об Ушакове, по существу, повесть,— первое художественное произведение Радищева, появившееся в печати. Об обстоятельствах, предшествовавших выходу в свет этой книги, необходимо сказать несколько слов.

Осенью 1773 года, когда Радищев продолжал еще оставаться обер-аудитором при штабе Брюса, вспыхнуло крестьянское восстание, возглавленное «мужицким царем» Емельяном Пугачевым. Позже Пушкин писал: «Весь черный народ был за Пугачева. Духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства» [9].

Однако и среди дворян, в особенности из офицерства, было не мало переходивших на сторону Пугачева. Перепугавшаяся Екатерина II мобилизовала армейские части для подавления восстания. В ноябре 1774 года «мужицкий царь» Емельян Пугачев был пойман и доставлен в Москву, а 10 января 1775 года — казнен.

Несмотря на жестокую расправу над участниками восстания, оно оказало громадное влияние на развитие общественной мысли и было своего рода «университетом» для революционного мировоззрения Радищева.

Служба в армии Радищеву становится невмоготу. Он уходит в отставку, женится на Анне Васильевне Рубановской и почти три года нигде не служит. Только в 1777 году он поступает в Коммерц-коллегию, где сближается с А. Р. Воронцовым, вельможей, не убоявшимся позже, после ссылки Радищева за книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», всячески поддерживать писателя.

С 1780 года Радищев назначается на службу в столичную таможню, где занимает должность сначала помощника, а потом и управляющего до самых дней грозы, разразившейся над ним как автором «Путешествия из Петербурга в Москву».

Все эти годы Радищев сосредоточенно работает над созданием новых литературных произведений. В 1780 году он пишет «Слово о Ломоносове», в 1781—1783 годах работает над созданием первого русского революционного стихотворения — оды под названием «Вольность». Он ничего не печатает, бережет. Позже эти произведения войдут фрагментами в его книгу-подвиг «Путешествие из Петербурга в Москву», давно уже им задуманную. Не печатает он и написанное в 1782 году «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске». Оно тоже позже выйдет отдельной, оттиснутой в собственной его типографии, книгой.

За эти годы в печати точно известна только одна статья Радищева, появившаяся без его имени в журнале «Беседующий гражданин» в 1789 году.

Статья называлась: «Беседа о том, что есть сын отечества».

В какой-то мере эта тема является и темой книги «Житие Ушакова». После подавления крестьянского антифеодального восстания, вопросы воспитания юношества являлись одной из главных «забот» императрицы. Выпущенная по ее повелению книга «О должностях человека и гражданина» поучала, что первой обязанностью «сына отечества» является «повиновение». Всякого рода «роптания, худые рассуждения, поносительные и дерзкие слова против государственного учреждения и правления, суть преступление...» В противовес этому русские просветители выдвигали свою систему воспитания, основанную на теориях Руссо.

Радищев в «Житие Ушакова» делает шаг вперед, и, приводя в качестве своеобразного примера студенческий бунт в Лейпциге против жестокого обращения надзирателя Бокума, предлагает воспитывать «сынов отечества» в духе непримиримой ненависти к поработителям.

О революционности и смелости высказанных в книге суждений лучше всего свидетельствует письмо сотоварища по образованию Радищева — А. М. Кутузова, которому посвящена эта книга. В своем письме на имя Е. И. Голенищевой-Кутузовой последний пишет: «Книга наделала много шуму. Начали кричать: какая дерзость, позволительно ли говорить так и прочее и прочее. Но как свыше молчали, то и внизу все умолкло...»[10]

И «свыше» и «внизу» молчали, однако, не долго. С момента ареста Радищева 30-го июня 1790 года и уничтожения его «Путешествия» все произведения писателя усердно изымались, как из продажи, так и из частных собраний.

Получилось даже так, что книга «Житие Ушакова» стала значительно более редкой, чем само «Путешествие». Если уцелевших экземпляров последнего насчитывается сейчас библиографами все-таки около четырнадцати, то «Житие Ушакова» известно в количестве всего пяти-шести, включая и находящийся в моей библиотеке экземпляр.

Логика подсказывает причину такой разницы. «Житие Ушакова» возбуждало у современников интерес несравнимо более слабый, чем «Путешествие». Если для утайки последнего стоило даже рискнуть, то охотников рисковать ради «Жития Ушакова» было куда меньше. Отсюда, как

мне думается, и меньшее количество дошедших до нас экземпляров этой книги.

«Житие Ушакова» было продано поэту Демьяну Бедному, примерно, в 1930 году московской Книжной лавкой писателей, куда этот экземпляр поступил из собрания известного библиофила доктора А. П. Савельева.

Обстоятельства, при которых книга эта перешла от Демьяна Бедного в мою библиотеку, как мне кажется, не лишены интереса и я позволю себе рассказать о них здесь.

* *
*

Не все, может быть, знают, что скончавшийся в 1945 году замечательный советский поэт Демьян Бедный (Ефим Алексеевич Придворов) был большим знатоком и страстным любителем книги. Свою огромную (свыше тридцати тысяч томов) библиотеку он собирал несколько десятков лет и, доведя ее до совершенства в смысле полноты и подбора, отдал в Государственный литературный музей (Москва).

— Устраивай книги на место, пока сам еще жив. Не оставляй их сиротами!

Так, примерно, говаривал мне поэт, до самозабвения влюбленный в русскую литературу и в русскую книгу. Но отдав свою великолепную библиотеку в музей, он заскучал и... начал собирать книги снова. Буквально за несколько дней до смерти Демьян Бедный еще путешествовал по букинистическим магазинам, похохатывая и радуясь той или иной находке.

Знал он книгу, как сейчас знают только немногие. Не было такого вопроса в русской литературе, на который бы не ответил Демьян Бедный. От допетровских старинных «Вечерей душевных» до новой современной книги, вышедшей только вчера,— все знал и любил этот самобытный, талантливый русский поэт.

— Ефим Алексеевич,— обратился я раз к нему, будучи тогда еще сравнительно молодым собирателем,— как вы думаете, стоит ли мне взять «Житие Ушакова» Радищева в издании 1789 года?

Я не обратил внимания на паузу, которую сделал Демьян, прежде чем ответить. Он знал, что я беспрекословно слушаю его советы — взять или не взять ту или иную книгу, и частенько звонил мне сам, рекомендуя: в такой-то лавке есть такая-то книга — возьми!

Он любил людей, ценящих книгу, и мог возненавидеть человека, небрежно с ней обращающегося. Он был рыцарем книги!

На этот раз, после паузы, он спросил, как бы совсем равнодушно:

— Где это тебе предлагают Радищева?

— Да вот, в Лавке писателей,— отвечаю,— только дороговато просят. Радищев-то, Радищев, но, все-таки «Житие Ушакова» это же не «Путешествие из Петербурга в Москву»! Как вы посоветуете?

И опять я не обратил внимания ни на сверлящие глаза Демьяна, ни на то, что поэт и на этот раз оставил мой вопрос без ответа.

За ночь раздумья я, все-таки, решил взять книгу и часов в 12 дня пошел в лавку. Велико же было мое изумление, когда мне заявили, что Демьян Бедный часов в 8 утра, за час до открытия лавки, дежурил у ее дверей, вошел первым, купил «Житие Ушакова» и просил передать, если кто меня увидит, чтобы я немедленно явился к нему на квартиру в Кремле. Через несколько минут Демьян пушил меня на все корки.

— Книгу, конечно, я взял себе! — гремел он.— Может быть это и не красиво, и не этично — пожалуйста! Но собиратель, который смеет советоваться — взять или не взять ему «Житие Ушакова» Радищева — обладать этой книгой не имеет права. Можно не знать многого, но не знать, что каждая прижизненная книга Радищева — веса золота, значит не знать ничего! Собирай марки! Коллекционируй подштанники великих людей, но не смей думать о книгах!

Позже в мою библиотеку пришло и само «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева и многое другое, но все мои собирательские радости не могли изгнать из памяти тех огорчительных дней, которые пережил я, попавшись Демьяну, как карась на муху...

— И не отдам! — гудел Ефим Алексеевич,— пока не увижу, что ты хоть что-нибудь знаешь о книгах! И не заикайся — срам!

Года три после этого, когда возникал какой-нибудь «книжный вопрос», Демьян ехидно говорил:

— А вот спросим у знаменитого библиофила Сокольского!

Иногда, удовлетворенный ответом, он добродушно подшучивал:

— Вот, вот, еще лет пяток и выманит он у меня «Житие Ушакова»!

ЖИТІЕ

ѲЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА

УШАКОВА,

съ

приобщеніемъ нѣкоторыхъ его

сочиненій.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

въ Императорской Типографіи

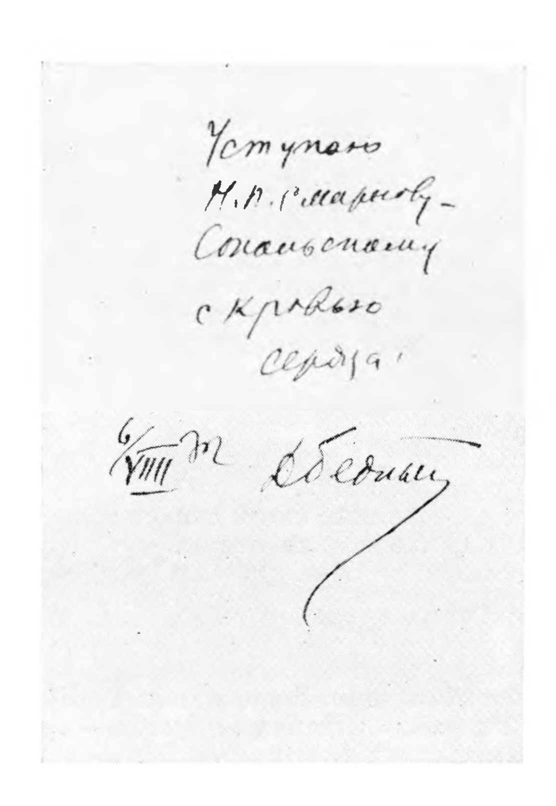
1789 года.

29. А. Н. Радищев.
«Житие Федора Васильевича Ушакова». 1789 г.
Титульный лист книги.

Выманить удалось чуточку раньше. Надо заметить, что у меня хорошая память, развитая, вероятно, профессинально, как у артиста. Как-то, копаясь в книгах Демьяна Бедного (редко кому позволял он это делать!), я обратил внимание на маленькую книжку издания 1827 года — «Фемида». В книжке говорилось о правах и обязанностях лиц женского пола в России, и представляла она собою нечто вроде свода судебных узаконений по женскому вопросу [11].

Для работы над каким-то фельетоном для «Правды» Демьяну потребовалась именно эта книга. Звонок:

— Слушай, «знаменитый библиофил», нет ли у тебя, случайно, книжки «Фемида» 1827 года?

30. Дарственная надпись Демьяна Бедного на книге А. Н. Радищева «Житие Ушакова».

Я затаил дыхание. Как? Я видел книгу у самого Демьяна на полках, а он ее разыскивает? Он, считающий незнание книг собственной библиотеки — самым смертным грехом на земле? Ну, сейчас грянет бой!

Дипломатично ответил, что сию минуту приеду. Приехал с вопросом:

— А разве у вас, Ефим Алексеевич, нет этой книги?

— Да нет, понимаешь-ли! Ищу ее лет десять — ну не попадается, да и только. Книжка-то чепуховая, а вот нужна. У тебя-то она есть?

— У меня, Ефим Алексеевич, ее нет, но у одного моего знакомого собирателя она имеется. Собиратель, правда,

чудной: книг насбирал уйму и даже не знает — какие у него есть, каких нет...

— Кто это безграмотное чудовище?

— Да вы его знаете, Ефим Алексеевич! Это — известный поэт Демьян Бедный. Книга у него дома в четвертом шкафу, на второй полке, а он, видите ли, ее десять лет у других разыскивает...

Пауза была тяжелая, как камень. Демьян молча открыл несгораемый шкаф, в котором у него хранились наиболее редкие книги, достал радищевское «Житие Ушакова», сел за стол, раскрыл книгу и, вынув самопишущее перо, все еще молча, написал на обратной стороне переплета:

«Уступаю Смирнову-Сокольскому с кровью сердца! Демьян Бедный».

Молча отдал мне книгу, и я, так же молча, унес домой драгоценный подарок поэта.

Сейчас его собственные книги стихов тоже стоят у меня на полках, как на жердочках птицы.

Но это грозные, суровые птицы. Орлы!

Подаренная Демьяном Бедным книга «Житие Федора Васильевича Ушакова» издания 1789 года — одна из самых замечательных русских книг в моей библиотеке.

ПЕРВЕНЕЦ ВОЛЬНОЙ ТИПОГРАФИИ РАДИЩЕВА

Когда всеми правдами и неправдами Радищеву удалось провести через цензуру (как именно, будет рассказано в следующей главе) рукопись «Путешествия из Петербурга в Москву», перед ним встал вопрос: где же ее напечатать?

Радищев обратился к известному московскому типографщику С. Селивановскому. Опытный типографщик, прочитав рукопись, понял, «чем она пахнет», и печатать категорически отказался. Что было делать? Обращаться к Николаю Ивановичу Новикову, крупнейшему издателю и просвещеннейшему деятелю того времени, не имело смысла. В этот год положение самого Новикова было уже весьма критическим, и он, несмотря на близкое знакомство с Радищевым, печатать такую книгу никогда бы не согласился.

Радищев решается завести собственную типографию. В материалах следствия по поводу издания «Путешествия» имеется такое его собственноручное показание: «Прошлым летом (1789) — получил я стан типографский от Шнора и с литерами, за который ему еще всех денег не отдал; но не мог начать печатание прежде прошлой зимы (1789—1790). Первую книжку в один лист на оном я напечатал под заглавием «Письмо к другу в Тобольске»[12], вторую «Путешествие»[13].

Это — исчерпывающие документальные данные обо всем, что было напечатано в собственной «вольной» типографии Радищева за недолгий срок ее существования.

Помещалась типография в последнем перед арестом жилище Радищева в Петербурге, близ Владимирской церкви на улице Грязной, позже Николаевской, а ныне — Марата. Кстати, почему улица, на которой печаталась книга «Путешествие из Петербурга в Москву», называется сейчас улицей имени Марата,— объяснить трудно. Носящие имя Радищева в городе Ленина бывшая Преображенская площадь, улица того же названия и бывший Церковный переулок, никакого отношения к Радищеву никогда не имели[14].

Первенец «вольной» типографии Радищева, оттиснутый им на шноровском станке «для пробы», полностью называется «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске, по долгу звания своего». Это маленькая брошюра в 14 страниц напечатана без имени автора и датирована 1790 годом. На вид она чрезвычайно скромна.

«Письмо» было написано под свежим впечатлением реального события, происшедшего в Петербурге 7-го августа 1782 года — открытия памятника Петру Великому работы скульптора Фальконе. «Письмо» так и начинается: «Вчера происходило здесь с великолепием посвящение монумента Петру Первому».

Воздавая должное заслугам Петра, патриотически отмечая его заслуги перед отечеством, Радищев проводит в «Письме» чрезвычайно смелую мысль, что «мог бы Петр славнее быть, вознесяся сам и вознеся отечество свое, утверждая вольность частную».

Непримиримый враг самодержавия, Радищев тут же делает вывод, что «вольностей» этих напрасно ждать от царей, каковыми бы они ни были. «До скончания мира,— говорит он в «Письме»,— примера, может быть не будет, чтобы царь упустил добровольно что ли <бо> из своея власти...»

Екатерина II, прочитав с негодованием «Путешествие из Петербурга в Москву» и пожелав тут же ознакомиться с другими сочинениями Радищева, по поводу «Письма к другу» «соизволила начертать» такие слова: «Сие сочинение такожде господина Радищева и видно из подчеркнутых мест, что давно мысль ево готовилась по взятому пути, а французская революция — ево решила себе определить в России первым подвизателем»[15].

Не установлено точно — кому адресовал это свое «Письмо» Радищев. В примечаниях к академическому изданию его сочинений 1938 года высказывается предположение, что адресатом мог быть Александр Васильевич Алябьев, назначенный в 1787 году губернатором в Тобольск. Думается, что гораздо более заслуживает внимания сообщение советского литературоведа А. Старцева, утверждающего, что «другом, жительствующем в Тобольске» является один из ближайших сотоварищей Радищева по обучению в Лейпциге — Сергей Николаевич Янов. В 1782 году, в год написания «Письма», Янов был отправлен в качестве директора экономии отдаленного тобольского наместничества. Доказательства, приводимые А. Старцевым весьма убедительны[16].

Брошюра «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске» — одна из редчайших книг во всей «Радищевиане». Оттиснутая «в виде пробы» перед началом печатания «Путешествия из Петербурга в Москву», она не могла не привлечь после ареста Радищева внимания властей и, вне всякого сомнения, беспощадно истреблялась. В настоящее время книги этой известно не более 6—7 экземпляров.

Мне так и не удалось найти ее. Из собирателей-книголюбов, имеющих «Письмо к другу» в своих собраниях, я знаю только двоих — это писатели Леонид Леонов и Владимир Лидин.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ «ПУТЕШЕСТВИЯ»

История этой многострадальной книги Радищева — история удивительная, почти напоминающая историю живого существа.

Черновая рукопись была написана рукой Радищева, а переписывал ее набело таможенный надзиратель Царевский, один из подчиненных Радищеву по службе его дру-

ПУТЕШЕСТВІЕ,

изъ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

„Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно.
и лаяй,,

Тилемахида, Томъ II. Кн: XVIII. сти: 514.

1790.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

31. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Титульный лист первого прижизненного издания 1790 г.

зей — единомышленников. Считаясь заранее с возможными придирками цензоров, Радищев «умягчил» некоторые, наиболее острые места. Однако это мало удовлетворило цензора Андрея Брянцева и он вычеркнул более половины книги.

Печатая книгу, Радищев восстановил все вычеркнутые страницы, равно как и большинство им же самим «умягченных» мест и уже в таком виде подал ее обер-полицмейстеру на предмет окончательного разрешения книги «на выпуск».

Обер-полицмейстер Никита Иванович Рылеев «подмахнул» разрешение, явно не читая книги, в чем после, когда началось следствие, встав на колени, сознался императрице. «За крайней глупостью» Никиты Рылеева, дело лично против него не возбуждалось.

«Вольная типография» Радищева была устроена у него в доме «по-семейному»: наборщиком был таможенный надсмотрщик Богомолов, тискали крепостные, корректуру держал сам автор.

Начали печатать «Путешествие» в январе 1790 года и к маю «выдали» 650 экземпляров готовой книги [17].

Едва первые экземпляры дошли до первых читателей, как молва о книге загудела набатом. Так смело и дерзко восстать против рабства, против крепостного права и самодержавия никто не смел до этого не только в печати, но даже в мыслях!

Прочитавшая «Путешествие» императрица немедленно повелела разыскать автора анонимной книги. Закипело следствие.

Схвачен был книгопродавец Зотов [18], которому Радищев дал для продажи первые пятьдесят экземпляров книги и из лавки которого ее получили первые читатели. На допросе Зотов назвал имя Радищева, и в 9 часов пополудни 30 июня 1790 года автор «Путешествия» был доставлен к петербургскому коменданту Чернышеву для препровождения в Петропавловскую крепость.

Дальнейшая судьба Радищева известна. Он был приговорен к смертной казни, «милостиво» замененной ему ссылкой на десять лет в Сибирь. Книга его предана сожжению, для чего было велено отобрать ее у всех купивших, а также и у получивших в дар от автора.

Однако основной тираж издания Радищев успел сжечь сам. После ареста книгопродавца Зотова ему уже было ясно, что книга не избежит рук палача, и ее сохранение может только повредить ему. На допросе в Тайной канце-

лярии у Шишковского Радищев вел себя мужественно и умно.

Нет нужды останавливаться на подробностях этого следствия, равно как и на значимости книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Все это много раз уже рассказано в трудах литературоведов.

Жизни и творчеству великого писателя-революционера посвящено много отдельных специальных исследований.

Любопытно, как сами представители царского правительства расценивали книгу Радищева при первом ее появлении и позднее, когда делались попытки переиздать «Путешествие».

Передо мной три документа, кстати сказать, не часто приобщаемые к многочисленным биографиям Радищева. Первый из них — это «Именной указ, данный Сенату о наказании коллежского советника Радищева» 4 сентября 1790 года. В указе говорится, что книга «под названием «Путешествие из Петербурга в Москву» наполнена самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование противу начальников и начальства и, наконец, оскорбительными и неистовыми изражениями противу сана и власти царской... За таковое его преступление осужден он Палатою уголовных дел СПБ-ской губернии, а потом и Сенатом нашим, на основании государственных узаконений, к смертной казни».

Далее в указе говорится, что в связи «со всеобщей радостью» по поводу «вожделенного мира со Швецией» повелевается освободить Радищева от «лишения живота» и сослать «в Илимский острог на десятилетнее, безисходное пребывание» [19].

Второй документ датирован 21 апреля 1873 года, то-есть написан более чем через восемьдесят лет после указа Екатерины II.

Министр внутренних дел Тимашев, по поводу напечатанных П. А. Ефремовым в 1872 году сочинений Радищева (о судьбе этого издания подробно будет рассказано ниже), в своем «представлении» комитету министров отметил: «Почти все сочинения Радищева, вошедшие в первую часть, особенно же «Путешествие из Петербурга в Москву», носят на себе характер политического памфлета на существовавший при Екатерине II порядок вещей и вообще на весь государственный строй в монархиях, пропитанного либеральными фантазиями времени первой фран-

цузской революции. Правда, что некоторые из учреждений, на которые с ожесточением нападает Радищев, относятся частью не к настоящему, а уже минувшему порядку вещей, но начало самодержавной власти, монархические учреждения, окружающие престол, авторитет и право власти светской и духовной, начало военной дисциплины, составляют и доныне основные черты нашего государственного строя и управления. Даже изображение в беспощадно резких чертах прежних злоупотреблений помещичьей власти нельзя признать уместными, имея в виду, что противопоставляемые сословия помещиков и крестьян, несмотря на измененные юридические отношения, продолжают существовать и соприкасаться между собой и воспроизведение прежних кровавых обид и несправедливостей может только вызвать чувство мести и препятствовать водворению мирных правомерных отношений сословий на новых началах. Столь же предосудительны крайне резкие и односторонние нападки на цензурные учреждения в их принципе, так как эти учреждения продолжают существовать рядом с дарованными печати льготами. При этом автор в ожесточенных выходках против цензурных учреждений старается заподозрить законодательную власть в эгоистических видах самосохранения»[20].

Третий документ, относящийся к радищевскому «Путешествию из Петербурга в Москву», написан 17-го мая 1903 года, через тридцать лет после процитированного тимашевского «представления» и через сто тринадцать лет после появления первого издания книги. Другой министр внутренних дел — В. К. Плеве по поводу попытки П. Картавова (ниже будет рассказано и о ней) издать «Путешествие» сделал комитету министров такое «представление»:

«Вредный характер этого сочинения, объясненный комитету министров в записке министра внутренних дел (Тимашева) от 21 апреля 1873 года сохранился и в представленном ныне издании его. И здесь, как и в издании 1872 года (ефремовском — Н. С.-С.) особенное внимание обращает на себя помещенная в статье «Тверь» ода «Вольность». В статье «Выдропуск» автор трактует о необходимости уничтожения придворных чинов, осуждает царей... Автор отрицательно относится к существующему у нас монархическому строю, подрывает авторитет и право власти светской и духовной и даже осуждает деятельность вселенских соборов»[21].

Таковы эти три документа.

Расправа над Радищевым и его «Путешествием» в 1790 году, как мы знаем, не остановила взрывного действия книги. Книгу стали усердно переписывать, и даже за одно прочтение рукописной копии или сохранившегося печатного издания «Путешествия» предлагали немалые деньги.

«Путешествие из Петербурга в Москву» издания 1790 года стало одной из самых знаменитых и самых примечательных русских книг. Судьба уцелевших экземпляров этого издания чрезвычайно интересна для книговедов, и они внимательно следят за путями каждого из них.

Последний по времени список экземпляров первопечатного «Путешествия» сделан Я. Л. Барсковым при переиздании этого произведения издательством «Academia» в 1935 году.

Привожу этот список здесь, с несколько сокращенными примечаниями составителя, но с поправками, которые внесло время. Список этот [22] теперь выглядит так:

1. Экземпляр с автографом Пушкина, бывший в Тайной канцелярии, по справедливому замечанию Я. Л. Барскова, самый ценный. По его сведениям находился в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград). Ныне он передан Институту русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом).

2. Экземпляр Д. Н. Анучина, описанный им в брошюре «Судьба первого издания «Путешествия» Радищева» (М., 1918) — в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве.

3. Экземпляр К. М. Соловьева, описанный в каталоге его библиотеки, составленном Ю. Битовтом,— там же.

4. Экземпляр П. В. Щапова (о нем будет рассказано особо) — в Государственной публичной исторической библиотеке в Москве.

5. Экземпляр, бывший ранее в Чертковской библиотеке,— там же. Ныне передан Пушкинскому Дому.

6. Экземпляр гр. П. С. Уваровой. Находился в свое время в библиотеке Московского исторического музея. В 1933 году был объявлен, как продающийся, в каталоге «Международной книги» (каталог № 21 — Москва 1933 год). Экземпляр был куплен одним из американских университетов (не гарвардским ли, в каталоге библиотеки которого ныне значится «Путешествие»?)

7. Экземпляр Пушкинского Дома, бывший там и до получения «Путешествия» с автографом Пушкина.

8. Экземпляр без выходного листа, приобретенный Музеем Революции в Москве в 1928 году у гр. Бойчевской.

9. Экземпляр, хранящийся в Радищевском музее в Саратове. Музей организован потомками Радищева — Н. и А. Боголюбовыми. Предоставленный ими экземпляр «Путешествия» любопытен тем, что в нем страницы 349—369 прошиты шнуром и запечатаны сургучной печатью. Братьями Боголюбовыми сделана надпись: «Печать должна быть неприкосновенна». На запечатанных страницах находится часть главы «Тверь» с одой «Вольность». Только при этом условии было разрешено экспонировать «Путешествие» в музее, открытом в 1885 году. К книге Радищева и в эти годы продолжали еще относиться, как к бочке с порохом.

10. Экземпляр Ф. Мазурина, проданный П. П. Шибановым красноярскому собирателю Г. Юдину. Ныне находится в библиотеке конгресса в Вашингтоне.

11. Экземпляр, взятый А. С. Сувориным у Щапова для перепечатки, испорченный и, якобы оставшийся у Суворина. Библиотека Суворина поступила в Государственную публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Однако «Путешествия» в суворинском собрании не было. Судьба его неизвестна. Мое мнение — экземпляр не восстанавливали и он погиб при перепечатке.

12. Экземпляр, проданный П. П. Шибановым собирателю В. А. Харитоненко. Дальнейшая судьба экземпляра Я. Л. Барскову была неизвестна. Ниже рассказано, как этот экземпляр попал в мое собрание.

13. Экземпляр, предложенный каким-то полковником из Полтавы П. П. Шибанову. Экземпляр дефектный. Дальнейшая судьба его Я. Л. Барскову была неизвестна. По-видимому, он не существует.

14. Экземпляр М. А. Синицына. Я. Л. Барскову судьба экземпляра неизвестна. По словам П. П. Шибанова, он вряд ли существует в природе, так как библиотека Синицына сгорела.

15. Экземпляр В. М. Лазаревского, по словам Шибанова, находится в Одесской публичной библиотеке. Там ли он сейчас?

16. Экземпляр Д. П. Трощинского. Библиотека его была продана букинисту Г. Федорову. Судьба экземпляра неизвестна.

17. Экземпляр петербургского библиофила Дурова. Был у И. Остроглазова, после — у Н. и В. Рогожиных. Судьба этого экземпляра Я. Л. Барскову была неизвестна. Однако за эти годы экземпляр нашелся. Я его увидел примерно в 1949 году у ленинградского собирателя Кантора (изда-

тельство «Аквилон»), показавшего мне этот экземпляр незадолго до своей смерти. Экземпляр купил Н. Старицын, агент по покупкам Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Теперь экземпляр находится в этом государственном хранилище.

18 и 19. Экземпляр, бывший у А. Е. Бурцева (перепечатанный им в его каталоге) и экземпляр Ярославского общественного собрания. Судьба экземпляров неизвестна.

Таков список Я. Л. Барскова, с некоторыми поправками. Из списка видно, что более или менее точно известное число экземпляров на сегодня (отбросив невыясненные) — тринадцать, из которых два находятся за границей.

Среди этих тринадцати — два вновь найденных: мой и дуровский. Местонахождение их Я. Л. Барскову было неизвестно.

К ним необходимо добавить еще один (четырнадцатый) совершенно никому ранее неизвестный экземпляр, приобретенный в Москве в 1946 году Государственным литературным музеем у Е. Ф. Обуховой, которая получила его от родственников Радищева [23].

К списку экземпляров «Путешествия», судьба которых неизвестна еще и сегодня, можно добавить экземпляр, бывший в собрании покойного С. П. Дягилева. Экземпляр остался за рубежом. Сведения об этом напечатаны в парижском журнале «Временник Общества друзей русской книги» (1938, № 4).

Судьба находящегося у меня экземпляра «Путешествия из Петербурга в Москву» тесно связана с историей перепечатки этой книги издателем А. С. Сувориным в 1888 году. О самой перепечатке рассказывается ниже в особой главе, но некоторые подробности, касающиеся непосредственно самой книги Радищева, с которой эта перепечатка делалась, стоит припомнить здесь.

Когда А. С. Суворин, благодаря личным связям, добился наконец разрешения издать «Путешествие» в количестве ста экземпляров «для любителей и знатоков», он захотел перепечатать книгу «из строки в строку» непременно с подлинника 1790 года.

Редкость этого подлинника и тогда была совершенно исключительной. Суворин обратился к старейшему московскому книжнику А. Астапову с просьбой поискать для него «Путешествие» во временное пользование у кого-нибудь из московских библиофилов, владеющих этой книгой.

Выбор А. Астапова пал на известного в то время собирателя Павла Васильевича Щапова, дружившего со старым букинистом [24].

Страстный книголюб П. В. Щапов с трудом поддался на уговоры и, что называется, с трясущимися от страха руками, с тысячей предупреждений и оговорок предоставил свой безукоризненный экземпляр «Путешествия» издания 1790 года для перепечатки.

Полученный таким образом экземпляр Суворин сдал в свою типографию, забыв предупредить работников о значимости и ценности книги. В типографии для удобства набора и по неведению книгу расшили по листам, листы замусолили и порвали. Книга, которой так дорожил П. В. Щапов, была погублена.

Суворин, узнав об этом, пришел в ужас. Немедленно, скрытно от Щапова, были организованы поиски нового экземпляра. Привлеченный на помощь московский антиквар П. П. Шибанов дал объявление с предложением 300 рублей за подлинник «Путешествия».

Отклик был только один. Какой-то отставной полковник из Полтавы по телеграфу предложил книгу не за 300, а за 500 рублей. По телеграфу же его попросили приехать в Москву, что он незамедлительно и исполнил, заявившись в один прекрасный день к Шибанову со всеми своими «чадами и домочадцами».

Привезенный им экземпляр был безобразный: выходной лист — фальшивый, тиснутый грубо на «американке», нехватало страниц и т. д. Полковника жестоко разочаровали и он, в ярости (как мне потом уже рассказывал сам Шибанов) порвав не оправдавшую его надежд книгу, отбыл в Полтаву.

Время шло, а предложений не было. Узнав о несчастьи с книгой, и без того больной Щапов от огорчения слег в постель. Тогда дали объявление в «Русских ведомостях» (№ 56 за 1888 год) о том, что предлагают за «Путешествие» совсем уже неслыханную по тому времени цену — полторы тысячи! Но и на это объявление предложений не поступило. К Суворину пришел на помощь петербургский собиратель В. М. Юзефович, служивший в Главном управлении по делам печати.

Он отдал Суворину свой экземпляр, как говорили, примерно за тысячу рублей.

Экземпляр был в новом, более позднем переплете, но настолько хорош, что все же удовлетворил Щапова. Однако вся эта история не прошла ему даром. Болезнь Ща-

1,500 РУБ. ЗА РАДИЩЕВА,
«Путешествіе изъ Петербурга въ Москву 1790 года». Экземпляръ долженъ быть во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненъ. Предложенія адресовать письменно на № 10579, въ Справочное Бюро «Н. Доничъ», Москва, Софійка. 1278—1—1

32. Объявление в «Русских ведомостях» с предложением 1500 рублей за первое издание «Путешествия» А. Н. Радищева.

пова обострилась, и он вскоре умер. Замечательная его библиотека вместе с «Путешествием» Радищева поступила по завещанию в Московский исторический музей. В настоящее время она находится в Государственной исторической библиотеке.

Года полтора спустя после описанных событий к Шибанову из провинции приехал какой-то священник, который привез ему экземпляр Радищева, желая получить за него, если не объявленные Сувориным полторы тысячи, то хотя бы обещанные Шибановым триста рублей. Внешне экземпляр имел неказистый вид. По словам священника, он, не зная ценности книги, отдал ее для забавы детям. По счастью «игрушка» детям быстро надоела и они, выдрав ее из переплета и чуть попортив уголки на некоторых страницах, тут же о ней и забыли.

Экземпляр был абсолютно полон и легко поддавался реставрации.

Реставратор-переплетчик подобрал к книге подходящую по эпохе «одежду», искусно нарастил уголки страниц, и Шибанов в своем каталоге № 34 за 1890 год объявил продажу «Путешествия».

Книгу тут же купили известные богачи Харитоненко, которые, некоторое время спустя, преподнесли ее, как мне рассказывали, артисту Модесту Ивановичу Писареву, редактору полного собрания сочинений Островского.

М. И. Писарев умер в 1905 году. Его библиотека (свыше 10 тысяч томов) долго хранилась наследниками, но в 1918 году была куплена студенческой книжной лавкой Петроградского университета и распродана в розницу. «Путешествие» купил книгопродавец Романов. Продержав книгу у себя примерно до начала тридцатых годов, он продал ее в московскую Книжную лавку писателей, откуда она, пройдя еще через одни руки, попала ко мне.

Последний владелец хорошо знал ценность книги Радищева, но, на мое счастье, сам оказался неуемным любителем приключенческой литературы. Сохранившиеся у меня от юношеских увлечений всякого рода Луи Жаколио, Хаггарты, а, главное, пресловутый «Рокамболь» Понсона дю-Террайля — решили дело, и мы расстались с любителем этой литературы весьма довольные друг другом.

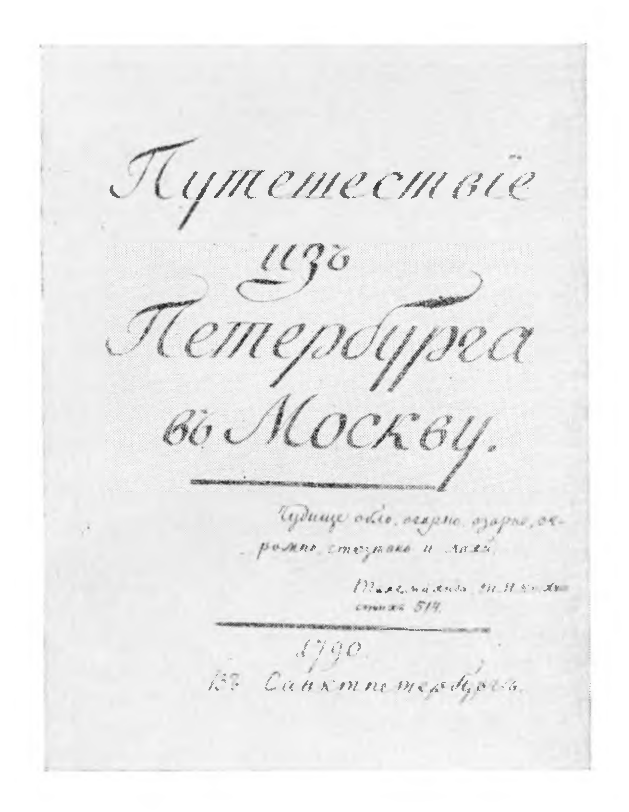
О степени редкости первопечатного «Путешествия» писали многие библиографы, и нет нужды повторять их.

Не часто встречались на книжном рынке и ранние рукописные экземпляры «Путешествия» Радищева — так называемые «списки», сыгравшие, как известно, наиболее значительную роль в ознакомлении читателей с этим сочинением писателя-революционера. Речь идет о списках конца XVIII и первых лет XIX века. Я. Л. Барсков в упомянутой выше работе описал около тридцати пяти таких списков, среди которых есть чрезвычайно интересные, с различными разночтениями.

По всей вероятности, такие же ранние рукописные экземпляры «Путешествия» сохранились и кроме описанных Я. Л. Барсковым, но их очень немного. За 35 лет собирательства мне они встретились раза четыре-пять, и только два из них были действительно ранними. Лучший я уступил Алексею Максимовичу Горькому, весьма интересовавшемуся этими списками.

Оставшийся у меня список внешне представляет из себя толстую тетрадь (448 листов) в четвертую долю листа, переплетенную в современный полукожанный переплет. Бумага голубоватая, время переписки — 1800-ый год.

Переписчик, видимо образованный человек, решил внести кое-какие сокращения. Так, например, в главе «Хотилов», после слов «О истинные сыны отечества, возрите окрест вас и познайте заблуждение ваше», имеется примечание переписчика: «Далее софизм — переписки не стоящий» и следует пропуск до слов «вот что я прочел в замаранной грязью бумаге». Есть кое-какие и другие мелкие сокращения.

Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.

1790
въ Санктпетербургѣ

33. А. Н. Радищев.
«Путешествие из Петербурга в Москву».
Титульный лист рукописного экземпляра.

Подобного рода сокращения, а иногда и дополнения или примечания переписчиков, встречаются почти во всех списках и бывают, порой, весьма любопытны.

Ранние «списки» и, в особенности, уцелевшие первопечатные экземпляры «Путешествия из Петербурга в Москву» 1790 года — чрезвычайно волнующие документы. Эта книга русского писателя свыше ста лет мерещилась царскому правительству действительно как «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй».

Так неожиданно обернулись эти слова из «Телемахиды» Тредьяковского, которые Радищев взял в качестве эпиграфа для «Путешествия».

ПЕРВОЕ ЛЕГАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

Первое посмертное и до 1907 года единственное легальное собрание сочинений Александра Радищева было издано его наследниками — сыновьями в шести частях в следующей последовательности: часть первая — в 1807 году, части вторая и третья — в 1809, и части четвертая, пятая и шестая — в 1811 году[25].

Разумеется, ни «Путешествие из Петербурга в Москву», ни «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске» в этих шести томиках напечатаны не были, а «Житие Ушакова» вошло в весьма урезанном и «исправленном» цензурой виде.

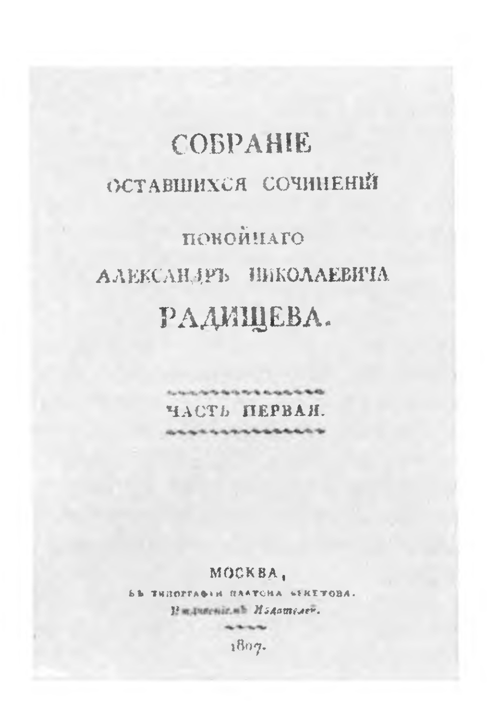
Зато подавляющее большинство остальных произведений Радищева вошло в это издание и впервые предстало перед читателем в печатном виде. Выход в свет собрания сочинений Радищева был большим событием. Особенно важна первая часть, вышедшая в 1807 году. В ней были собраны поэтические произведения 1780—1790-х и начала 1800-х годов, игравшие значительную роль в борьбе просветительной литературы этого времени с литературой карамзинского направления.

Все томики были напечатаны в типографии и под наблюдением одного из замечательных московских издателей начала XIX века Платона Бекетова. Издание вышло весьма изящным.

К первой части был приложен портрет Радищева, гравированный Вендрамини.

Однако последующая судьба издания оказалась также трагичной. Об этом повествует прошение, поданное «на высочайшее имя» сыном писателя Павлом Александровичем Радищевым в августе 1860 года. Прошение начинается такими словами: «Всемилостивейший государь! Родитель мой Александр Николаевич Радищев оставил после себя сочинения, которые были напечатаны нами, его наследниками в 1807, 1809 и 1811 годах в Москве, но в 1812 году, во время нашествия неприятеля, были истреблены и мы не могли воспользоваться их изданием, и с тех пор они не были перепечатаны».

Далее следовала просьба о разрешении напечатать сочинения Радищева вновь. Но она, как и следовало ожидать, осталась без последствий. Хотя со дня выхода в свет пер-

СОБРАНІЕ

ОСТАВШИХСЯ СОЧИНЕНІЙ

ПОКОЙНАГО

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧА

РАДИЩЕВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ПЛАТОНА БЕКЕТОВА.

Иждивеніемъ Издателей.

1807.

34. «Собрание оставшихся сочинений» А. Н. Радищева, издания 1807—1811 гг. Титульный лист первой части.

вого издания «Путешествия» прошло семьдесят лет, не только само «Путешествие», но и все другие произведения Александра Радищева, ненадолго увидевшие свет в 1807—1811 годах, были строго запретными. Пожар 1812 года, истребивший почти весь тираж издания «Собрания оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева», в этом отношении сыграл как нельзя более на руку царскому правительству. Книги писателя-революционера были словно обречены пробивать себе дорогу к читателю только через пламя костров и пожаров.

Уцелевшие полные экземпляры этого издания — несомненная библиографическая редкость. Особо редки экземпляры с портретом. Именно такой экземпляр я раздобыл в московской Книжной лавке писателей в первые годы ее существования.

«ПУТЕШЕСТВИЕ» В ИЗДАНИИ ГЕРЦЕНА

Только через 68 лет после уничтожения первого издания «Путешествия из Петербурга в Москву» вышло в свет второе полное издание этого главного произведения Радищева. Его издал Александр Герцен в Лондоне в 1858 году.

Основав в 1853 году «Вольную русскую типографию» в Лондоне, Герцен, наряду с «Полярной звездой» и «Колоколом», начал печатать ряд революционных книг, об издании которых в России не могло быть и речи. Среди этих книг было и «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, напечатанное Герценом в одном томе с работой историка князя М. Щербатова «О повреждении нравов в России»[26]. Обоим произведениям предпосланы предисловия А. И. Герцена.

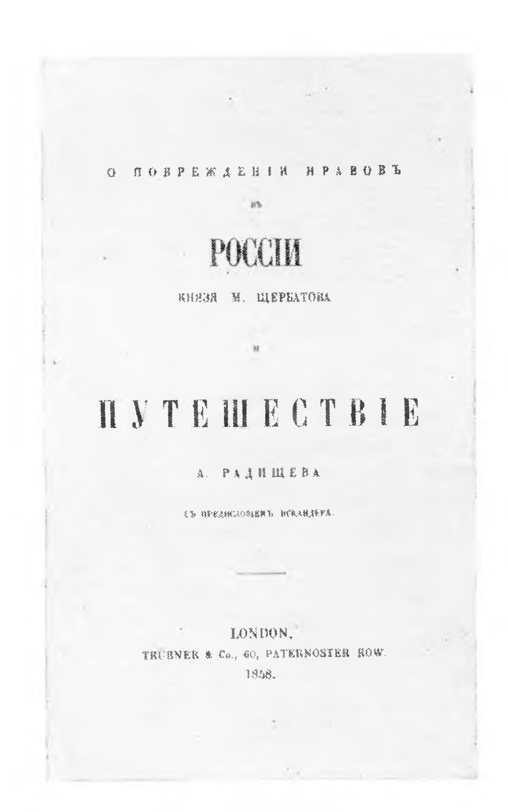
Все издания лондонской «Вольной русской типографии» предназначались не только для русских эмигрантов или лиц, приезжавших на время за границу. Назначением этих изданий и, в первую очередь, «Полярной звезды» и «Колокола», было — непосредственно влиять на русское общество. С этой целью произведения герценовского печатного станка всеми способами экспортировались в Россию для нелегального распространения.

О самоотверженной переброске напечатанных Герценом изданий через русскую границу можно было бы написать увлекательный приключенческий роман.

Тут было использовано все: двойное дно в чемоданах, специальные костюмы с искусственными горбами и животами, полые внутри костыли и протезы и многое другое.

Обмануть бдительных жандармов и таможенных надсмотрщиков было трудно, но все-таки возможно.

«Мы посмотрим,— писал А. Герцен,— кто сильнее — власть или мысль. Мы посмотрим кому удастся — книге ли пробраться в Россию, или правительству не пропустить ее»[27]. Победила книга! Издания Герцена проникали в Россию и играли огромную роль в борьбе демократических сил с царским самодержавием. Разумеется, количество таких книг не могло быть велико, хранение и распространение их было делом весьма опасным. «Путешествие», изданное Герценом в Лондоне, рассматривалось, в особенности до Октябрьской революции, как редкость.

О ПОВРЕЖДЕНІИ НРАВОВЪ
ВЪ
РОССІИ
КНЯЗЯ М. ЩЕРБАТОВА
И
ПУТЕШЕСТВІЕ
А. РАДИЩЕВА
СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ ИСКАНДЕРА.

LONDON,
TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.
1858.

35. «Путешествие» А. Н. Радищева в издании А. И. Герцена, 1858 г. Титульный лист.

По всей вероятности, Герцен печатал «Путешествие» по одному из рукописных экземпляров, завезенных кем-нибудь за границу. В напечатанном им тексте есть кое-какие разночтения по сравнению с первым прижизненным изданием этого произведения. В ряде случаев «подновлен язык».

В предисловиях Герцен дает сжатые характеристики Радищева и Щербатова, говоря, между прочим, что «оба они представляют собой два крайних воззрения на Россию времен «Екатерины». И, конечно, только о мечтах Радищева Герцен пишет: «Это наши мечты, мечты декабристов».

Герценовское издание,— фактически, второе издание «Путешествия из Петербурга в Москву» — приобретено мною еще в первые годы революции. Тогда найти его не представляло большого труда. Сейчас книга стала весьма редкой.

«ПУТЕШЕСТВИЕ» В ИЗДАНИИ СПЕКУЛЯНТА

Третье по счету, а в России второе издание «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева было напечатано в 1868 году в Петербурге книгопродавцем Н. А. Шигиным с явно спекулятивной целью [28].

Зная большой интерес читателей к «Путешествию», ловкий книгопродавец решил заработать на запретном имени писателя-революционера, представив его произведение в таком виде, чтобы никакая цензура не могла опротестовать появление в свет этой книги.

В безграмотно составленном предисловии Шигин, прежде всего, поспешил выставить самого себя преданнейшим слугой престола, признающим всю «злонамеренность» Радищева и прочих людей, «которые, не имея возможности знать высоких причин и соображений монарха, хотят, как будто, упредить державную волю» и тем-де впадают в пропаганду, носящую «противозаконный характер».

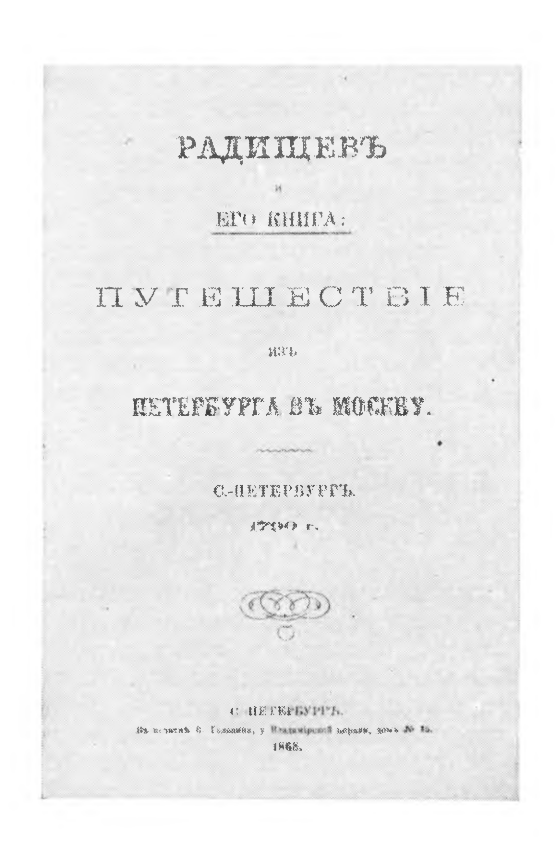
После такого откровенно реакционного предисловия, в книге на 63 страницах напечатано нечто вроде биографии А. Н. Радищева, написанной по заказу издателя писателем И. А. Кущевским, впоследствии получившим известность своим романом «Николай Негорев, или благополучный россиянин», опубликованным в «Отечественных записках» в 1871 году [29].

Биография Радищева, написанная Кущевским, по всей вероятности, так же правлена «верноподанным» издателем и поэтому, несмотря на сочувственный Радищеву тон, оставляет жалкое впечатление.

Далее в книге следует самое «Путешествие из Петербурга в Москву», поданное, как сообщает издатель, «в выдержках». Все эти «выдержки» и «поправки» сделаны издателем таким образом, что от произведения Радищева ровно ничего не осталось. Никакая, даже самая злейшая цензура, не смогла бы так изуродовать и выхолостить «Путешествие».

Вся эта оскорбительная для памяти Радищева затея носила название: «Радищев и его книга «Путешествие из Петербурга в Москву».

Царская цензура, всполошившаяся было при появлении этого издания, сначала наложила арест на книгу, но по рассмотрении ее разрешила к продаже. Спекуляция Шигину удалась полностью.

РАДИЩЕВЪ

и

ЕГО КНИГА:

ПУТЕШЕСТВІЕ

изъ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1790 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

36. «Путешествие» А. Н. Радищева.
Титульный лист спекулятивного издания 1868 г.
Издатель — книгопродавец Шигин.

Нехитрая игра издателя на запретном имени Радищева была сурово встречена газетами и журналами. «Вестник Европы», «Неделя», «Голос», «Дело», «Иллюстрированная газета», «Санктпетербургские ведомости» и другие поместили статьи, выражавшие возмущение проделкой Шигина [30].

Во всей этой истории была и одна несомненно положительная сторона. Спекуляция Шигина привлекла пристальное внимание к имени Радищева и позволила ряду литераторов под видом рецензий на изданную книгу напомнить общественности о подлинных фактах из биографии писателя и о его труде — подвиге, именуемом «Путешествие из Петербурга в Москву».

Даже царское правительство не могло не реагировать на вспыхнувший интерес к книге Радищева и предприняло шаги якобы ослабляющие цензурный запрет на «Путешествие из Петербурга в Москву». Что из этого получилось — мы увидим из описания следующей попытки издать сочинения Радищева в 1872 году.

Книгу, изданную книгопродавцем Шигиным, трудно причислить к так называемым «библиографическим редкостям», однако уже в наше время она почти исчезла с книжного рынка. Мало кто из серьезных книголюбов сохранял у себя на полках это, скомпрометированное отзывами прессы, издание. Мне удалось найти его с немалым трудом.

ЕФРЕМОВСКОЕ ИЗДАНИЕ «ПУТЕШЕСТВИЯ»

В конце шестидесятых годов, ознаменованных подъемом общественного движения, а частично и под влиянием ряда критических статей, вызванных спекулятивным изданием «Путешествия» Радищева книгопродавцем Шигиным, Главное управление по делам печати решило сделать вид, что в отношении разрешения на издание сочинений писателя-революционера «лед тронулся». В 1868 году Петербургский цензурный комитет был извещен, что «высочайшим повелением» запрещение, наложенное на «Путешествие» Радищева указом 1790 года, снято, с тем, однако, чтобы «новые издания сего сочинения подлежали общим правилам действующих узаконений о печати» [31].

Последняя оговорка делала все это «высочайшее повеление» явной ловушкой, в которую и попался известный книголюб-библиограф П. А. Ефремов, затеявший в 1872 году издание всех сочинений Радищева, включая и «Путешествие» [32].

П. А. Ефремов был близок к известному в те годы либеральному издательскому товариществу, возглавлявшемуся Н. П. Поляковым, при участии В. И. Яковлева и других. Книжным складом товарищества значился магазин Черкесова в Петербурге. Издательство имело некоторое отношение к революционному кружку «чайковцев», делавшему попытки использовать легальные возможности для революционной пропаганды. Книги, издававшиеся Н. П. Поляковым, не раз привлекали внимание цензуры. Это были «Капитал» Карла Маркса (первый том, Спб.,

1872), сочинения В. В. Берви-Флеровского, «История рационализма в Европе» Уильяма Лекки, переводы сочинений Свифта, Дидро, Лассаля и т. д. Большинство этих книг не вышло за порог напечатавших их типографий, когда же некоторые из них прорывали цензурные рогатки, это вносило большое волнение и беспокойство в ряды «пресекающих и охраняющих».

Именно это издательство и приступило к изданию собрания сочинений А. Н. Радищева в двух томах, включая и «Путешествие из Петербурга в Москву». Редактор издания П. А. Ефремов, не слишком доверяя «высочайшему повелению» о легализации Радищева, на всякий случай сделал кое-какие смягчения и пропуски, однако и они не спасли издание от когтей цензуры.

Начальником Главного управления по делам печати был в то время только что назначен тоже известный библиофил и библиограф М. Н. Лонгинов, автор книги «Новиков и московские мартинисты».

Один из наивных друзей Ефремова, узнав о назначении Лонгинова на эту должность, поспешил поздравить Ефремова словами:

«Теперь-то уж, благодаря Михаилу Николаевичу, ваше издание несомненно увидит свет...»

На что более проницательный Ефремов, знавший крайнюю реакционность Лонгинова, ответил: «По-моему, оно увидит не только свет, но и дым...», — намекая этим на «свет и дым» того костра, на котором, по предчувствию редактора, будут гореть сочинения Радищева [33].

Предчувствие не обмануло Ефремова: 27-го апреля 1872 года на издание был наложен арест и 23-го мая Цензурный комитет просил прокурора возбудить судебное преследование против Н. П. Полякова, как лица, ответственного за издание.

Официальное «представление» министра внутренних дел Тимашева по поводу этого издания мной приведено в главе о первопечатном «Путешествии» 1790 года. «Представление» датировано 21 апреля 1873 года, а уже 9-го мая того же года состоялось постановление комитета министров о полном уничтожении всего издания, арестованного в типографии.

Протокол от 11-го июня 1873 года гласит, что «полицмейстер 3 отделения Спб. полиции полковник Львов, приняв из типографии, бывшей Неклюдова, хранившуюся в оной книгу под заглавием «Сочинения Александра Николаевича Радищева, тт. 1 и 2, редакция П. А. Ефремова, изд.

кн. маг. Черкесова», отпечатанную 25 апреля 1872 года в количестве 1985 экземпляров, доставил таковую на картонную фабрику Крылова, где означенная книга, в присутствии ст. инспектора типографий, надв. советника Малоземова — уничтожена посредством обращения в массу сего 11-го июня в количестве 1960 экземпляров. Пять экземпляров оставлены не уничтоженными для представления в Главн. управление по делам печати, а двадцать были препровождены в оное в апреле сего года»[34].

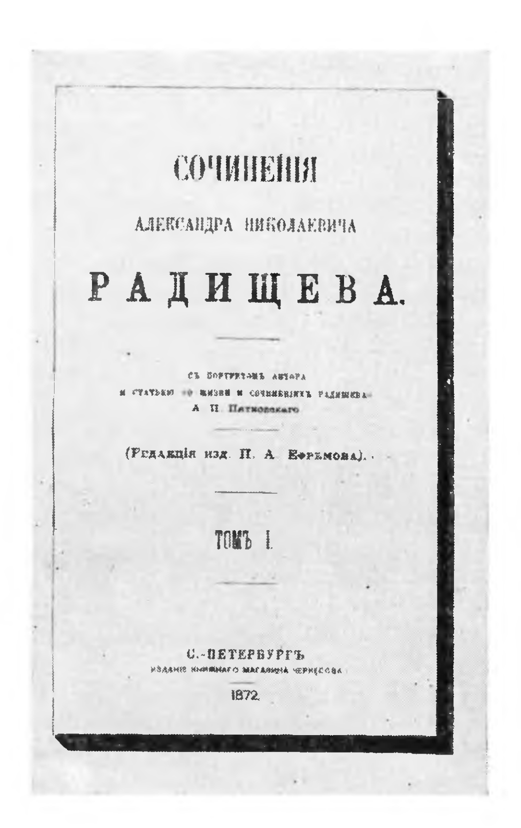
Таково официальное свидетельство об уничтожении «ефремовского Радищева».

Предчувствуя гибель издания, П. А. Ефремов ошибся только в способе его уничтожения, хотя ходили упорные слухи, что оно, вопреки протоколу, было все-таки сожжено на стеклянном заводе. Но это — уже деталь. Такой же деталью является и то обстоятельство, что кроме 25 экземпляров, не уничтоженных официально, еще 15 экземпляров было выкрадено из типографии буквально под носом городовых букинистом-книгоношей, шутливо прозванным библиофилами «Гумбольдтом».

Эти пятнадцать экземпляров купил у него по высокой цене сам Ефремов.

Разумеется «ефремовский Радищев» стал большой библиографической редкостью. Особенно редки экземпляры с обложками, выходным листом, портретом Радищева, предисловием Ефремова и его библиографическими примечаниями, помещенными в конце второго тома. В большинстве случаев, все это в попадающихся экземплярах отсутствует. Можно предположить, что такие неполные экземпляры идут не из числа оставленных цензурой 25-ти экземпляров, а именно из тех пятнадцати, которые выкрал из типографии букинист-книгоноша и продал Ефремову. Это подтверждается и тем, что я видел экземпляр издания, к которому подклеены рукописный выходной лист, предисловие редактора и его же библиографические заметки. Сделано все это рукой самого Ефремова, вынужденного, очевидно, таким именно образом пополнять доставшиеся ему неполные экземпляры.

Впрочем, отсутствие на некоторых книгах подобного же «опасного» заглавного листа и вообще каких бы то ни было указаний на автора, происходит, иногда, и по другим причинам. Мне довелось видеть экземпляр «ефремовского Радищева» тоже без выходного листа, портрета и прочего, но взамен этого был вклеен специально отпечатанный лист с заглавием: «Жития святых апостолов».

СОЧИНЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

РАДИЩЕВА.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА
И СТАТЬЕЮ О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ РАДИЩЕВА
А. П. Пятковскаго

(Редакція изд. П. А. Ефремова).

ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА ЧЕРКЕСОВА

1872.

37. Обложка сожженного цензурой собрания сочинений А. Н. Радищева, издания 1872 г. под редакцией П. А. Ефремова.

Это же заглавие было тиснуто на кожаном корешке книги и на верхней крышке ее переплета. Подобная «маскировка» делалась владельцами нелегальных книг в расчете на то, что в случае обыска такая «загримированная» книга не привлечет внимания полиции.

Кстати, абсолютно во всех уцелевших экземплярах «ефремовского Радищева» отсутствует анонсированная на заглавном листе первого тома статья А. П. Пятковского «О жизни и сочинениях Радищева». Она к моменту ареста издания не была даже еще и написана, чему у меня имеются документальные доказательства, на которых стоит остановиться.

Дело в том, что мне с «ефремовским Радищевым» особенно посчастливилось. Кроме давно имевшегося у меня

прекрасного и абсолютно полного экземпляра, мне довелось набрести на личный экземпляр самого редактора сочинений Радищева — П. А. Ефремова. По присущей ему манере, он «наростил» такой же полный экземпляр сочинений Радищева не только вырезанными из различных журналов и газет статьями о Радищеве, всеми появившимися в виде брошюр его биографиями, но и рядом документов, вроде повесток редактору из цензуры с приглашением явиться «для объяснений», писем и записок от издательства Н. П. Полякова по поводу различных технических вопросов, связанных с редакцией и печатанием сочинений Радищева, писем А. Н. Пыпина, принимавшего некоторое участие в издании и т. д. и т. п.

Из этой переписки видно, что статья о Радищеве, которая должна была быть приложена к сочинениям, заказывалась помимо Пятковского еще В. Я. Стоюнину и А. Н. Пыпину, но оба они от написания ее категорически отказались.

Согласившийся написать статью А. П. Пятковский безнадежно подводил со сроками. По-видимому, издательство решило, что статью можно будет приложить уже после окончания верстки и печати книги, однако, статья до самого ареста, наложенного на издание, так и не была написана.

Кроме переписки по этому и другим вопросам, связанным с изданием, к экземпляру приложена также переписка Ефремова с Министерством юстиции, в котором ему с трудом удалось получить на некоторое время хранившееся там подлинное «Дело Спб — ской Уголовной палаты о суде над Александром Радищевым». На основании этого «дела» к напечатанному Ефремовым «Путешествию» дано было особое приложение, в котором изложены документы допроса Радищева, замечания Екатерины II и прочее.

Внешне описываемый экземпляр представляет из себя два толстенных тома, замечательно переплетенных в красивые полукожаные переплеты. Трудно переоценить богатство приложений, сделанных Ефремовым к своему экземпляру. Смело можно сказать, что все напечатанное о Радищеве, примерно, до 1880 года в газетах, журналах, в отдельных, всеми давно забытых брошюрах,— все это приложено к ефремовскому экземпляру. Здесь собрано и множество ценнейших мелочей: объявление о предложении 1500 рублей за подлинный экземпляр «Путешествия», объявление о самом ефремовском издании, газетные заметки о наложении на издание ареста. Приложены к экземпляру

и совершенно ненаходимые вещи, например, отдельный оттиск знаменитого экспромта Радищева, найденного Ефремовым и напечатанного им же первоначально на отдельном листочке в ничтожном количестве экземпляров «для друзей»:

«Ты хочешь знать, кто я? Что я? Куда я еду? —
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх,
В острог Илимский еду».

Только позже этот экспромт Радищева стал широко известен. Наконец, в описываемом экземпляре имеется и более значительный печатный документ. Считается, что первое полное издание оды «Вольность» Радищева появилось в печати только в 1906 году в издательстве «Сириус» по списку Ефремова, полученному им от сына Радищева. В своем, уничтоженном цензурой собрании сочинений Радищева, Ефремов поместил эту оду в значительно сокращенном виде, заменив все выброшенные «опасные» строчки многоточиями.

Однако опять-таки для себя и своих друзей, он отпечатал в 1872 году несколько (говорят десять) экземпляров оды «Вольность» полностью, без пропусков. Фактически это и было действительно первое полное издание оды «Вольность». Два таких оттиска «Вольности» Ефремов приложил к описываемому экземпляру. Не боюсь сказать, что они чрезвычайно редки.

Экземпляр в целом содержит ценнейший материал для изучения жизни и творчества писателя.

Собрание сочинений А. Н. Радищева под редакцией П. А. Ефремова — по счету — издание второе, а «Путешествие», отпечатанное в нем,— в России третье издание, а если учесть зарубежное герценовское, то четвертое.

ЕЩЕ ДВА ЗАРУБЕЖНЫХ ИЗДАНИЯ «ПУТЕШЕСТВИЯ»

Интерес к Радищеву, связанный с подъемом революционного движения 1860—1870-х годов, побудил зарубежные издательства попытаться удовлетворить возросший спрос

читателей на «Путешествие из Петербурга в Москву», путем использования каналов, обычных для заграничной нелегальной литературы.

С этой целью издательство Э. Л. Каспровича, обосновавшееся в Лейпциге, напечатало в 1876 году в типографии Г. Ушмана в Веймаре одно за другим два издания книги Радищева [35].

На первом издании стоит год 1876, на втором, полностью повторяющем первое, год издания не указан. По всей вероятности, второе издание напечатано со стереотипа первого, и к нему припечатан один только новый заглавный лист.

Первое издание вышло в серии «Международная библиотека» в качестве тома XVII, а второе — в серии «Собрания материалов для истории возрождения России». Впрочем, обе книги продавались и отдельно.

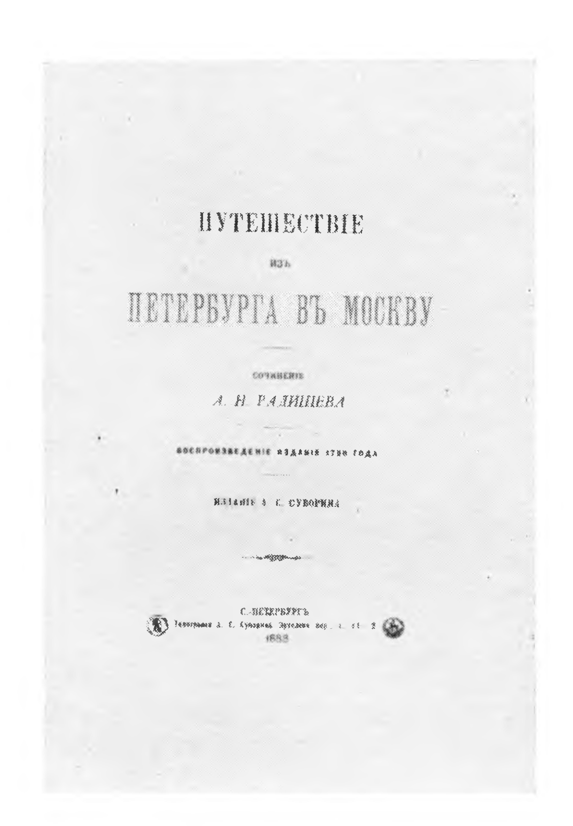
По тексту оба эти одинаковые издания полностью повторяют издание Герцена 1858 года, с его же предисловием (только без подписи). Никакого особого интереса оба издания Э. Л. Каспровича не представляют.

Обе эти книги — по счету пятое и шестое издания «Путешествия из Петербурга в Москву». Издания эти сейчас довольно редки. Мне их подарил упомянутый выше радищевовед И. Д. Смолянов, пользовавшийся для своей работы некоторыми книгами из моего собрания.

СУВОРИНСКАЯ КОПИЯ «ПУТЕШЕСТВИЯ»

В 1888 году, через пятнадцать лет после уничтожения собрания сочинений Александра Радищева, напечатанного П. А. Ефремовым, издателю А. С. Суворину, как уже говорилось выше, удалось напечатать полностью «Путешествие из Петербурга в Москву» исключительно «для знатоков и любителей» в количестве только ста экземпляров [36]. Большего тиража цензура не разрешила.

В качестве еще одного непременного условия, поставленного цензурой А. С. Суворину, было обязательство издателя продавать книгу Радищева никак не дешевле 25 рублей за экземпляр, цены для своего времени весьма значительной. Этими двумя условиями цензура ограничивала возможность широкого распространения «Путешествия» и появления его в руках массового читателя.

38. «Путешествие» А. Н. Радищева. Титульный лист суворинской копии. Напечатано в 1888 г.

Книга была напечатана в количестве ста экземпляров по такой расценке: 45 экземпляров на слоновой бумаге малого формата — по цене 25 рублей за экземпляр, 30 — на японской бумаге малого формата — по цене 50 рублей и 25 экземпляров на японской бумаге большого формата — по цене 60 рублей.

У меня, правда, имеется экземпляр, напечатанный тем же набором, но на обыкновенной, простой бумаге, никак не похожей ни на слоновую, ни на японскую. Возможно, что экземпляр этот из числа тех, которые надо было сдавать в качестве «обязательных» Управлению по делам печати. Незначительное количество их печаталось сверх официального тиража.

Набиралась книга с одного из экземпляров «Путешествия» издания 1790 года, и этот экземпляр в типографии был

испорчен, о чем рассказано подробно выше (см. «Первое издание «Путешествия из Петербурга в Москву»).

Типография А. С. Суворина допустила и еще одну ошибку при наборе и печатании этой книги: на обложке и на выходном листе перепутала инициалы Радищева — вместо А. Н. напечатала А. И. Пришлось к каждому экземпляру приложить второй выходной лист и вторую обложку с исправленной ошибкой.

Затея Суворина имела сенсационный успех. Книга, несмотря на непомерную по тому времени цену, была расхватана в два дня.

Разумеется, для широкого читателя книга Радищева попрежнему оставалась недоступной.

Суворинская перепечатка была первым легальным, не уничтоженным цензурой изданием «Путешествия» в России. По счету оно в России четвертое, а вместе с зарубежными — седьмое издание этого сочинения Радищева.

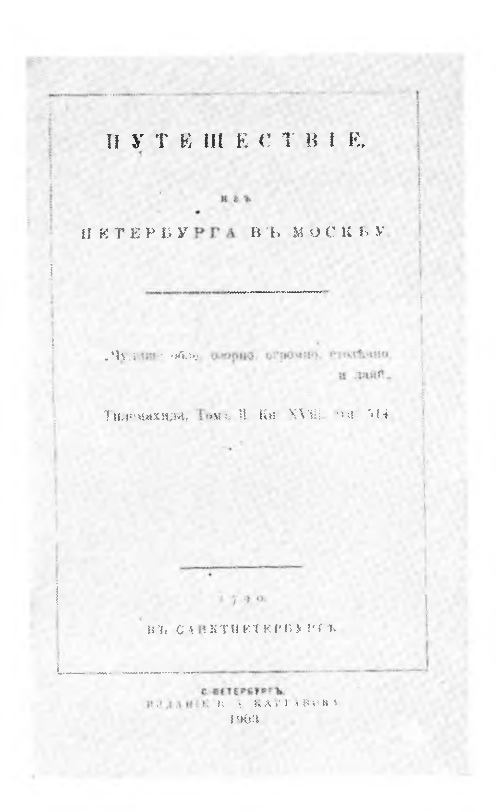
Напечатанное в количестве всего ста экземпляров суворинское издание «Путешествия» не могло не стать редким.

ПОСЛЕДНЕЕ, УНИЧТОЖЕННОЕ ЦЕНЗУРОЙ, ИЗДАНИЕ «ПУТЕШЕСТВИЯ»

После удавшейся Суворину попытки напечатать «Путешествия» Радищева в 1888 году, через три года такую же удачную попытку совершил петербургский собиратель-книголюб А. Е. Бурцев, тот самый, о находке замечательной коллекции автографов которого не так давно сообщал в «Литературной газете» Ираклий Андроников.

Обладая пестрой по своему составу, но весьма значительной библиотекой, Бурцев осуществил ряд любительских изданий многотомных описаний своего собрания, с перепечаткой в них полного содержания некоторых редких книг.

В числе этих редких книг он дважды перепечатал полностью радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву». Первый раз в 1889 году в своем «Дополнительном описании библиографически-редких, художественно-замечательных книг и драгоценных рукописей» (том 5-й) и во второй раз — в 1901 году, тоже в томе пятом «Библиографического описания редких и замечательных книг». Издавал Бурцев свои «Описания» крайне беспорядочно, всегда в количе-

ПУТЕШЕСТВІЕ,

изъ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

„Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй."

Тилемахида, Томъ II. Кн. XVIII. стх. 514.

1790.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ П. А. КАРТАВОВА
1903

39. «Путешествие» А. Н. Радищева. Обложка последнего, уничтоженного цензурой перед революцией 1905 года издания.

стве 100—150 экземпляров «не для продажи», и я, собрав почти все его каталоги, до сих пор путаюсь в их хронологической последовательности.

Какого-либо общественного значения его перепечатки не имели, цензурой они не преследовались, а так как перепечатки эти не представляют собой отдельных изданий сочинений Радищева, то в их общем счете, на котором я попутно останавливаюсь, они не упоминаются.

Гораздо интереснее последнее перед 1905 годом отдельное издание «Путешествия», напечатанное петербургским книгопродавцом и издателем ряда собственных библиографических работ П. А. Картавовым.

Соблазненный, по-видимому, удачами Суворина и Бурцева, которым цензура разрешила перепечатку «Путешествия», П. А. Картавов решил «рискнуть» и в 1903 году в

Петербурге напечатал это сочинение Радищева в количестве 2900 экземпляров [37].

Затея была чисто коммерческой. Издатель предполагал выпустить книгу в продажу по цене 20 рублей за экземпляр на веленевой бумаге и по 10 рублей — на обыкновенной.

П. А. Картавов не учел, что цензура великолепно понимала разницу между изданиями, напечатанными в количестве ста экземпляров и предназначенными для узкого круга, и изданием, рассчитанным уже на массового читателя, которого царское правительство в 1903 году, в самый канун первой русской революции 1905 года, особенно оберегало от взрывного действия сочинений Радищева.

Весь тираж картавовского издания был немедленно арестован в типографии. «Представление комитету министров» по поводу этого издания, сделанное министром внутренних дел В. К. Плеве, мною уже приведено дословно в главе о первом издании «Путешествия». По этому «представлению» комитет министров 10 июня 1903 года вынес решение о полном запрещении и уничтожении книги. 8 июля 1903 года весь тираж ее (2860 экземпляров) был перемолот в бумажную массу в типографии петербургского градоначальника [38].

Оставленные для Управления по делам печати сорок экземпляров издания Картавова, по-видимому, все, что от него уцелело. На антикварном рынке «картавовский» Радищев считается более редким, чем «ефремовский», хотя в тех немногих случаях, когда он попадался, расценивался значительно дешевле.

Это было последнее перед революцией 1905 года издание «Путешествия из Петербурга в Москву», уничтоженное по постановлению царской цензуры.

Нашел я «картавовского Радищева» чисто случайно в одном из книжных магазинов, работники которого не имели ни малейшего представления о значимости этой книги.

«ПОТОМСТВО ЗА МЕНЯ ОТОМСТИТ!»

Радищев был выслан в Илимск в конце 1790 года. Путь шел через Москву. От Москвы до Илимска считалось 6788 верст. Весть о смерти Екатерины II дошла до Илимска в декабре 1796 года. Вступивший на престол Павел I, стремившийся дезавуировать все мероприятия своей матери, «помиловал» Радищева, разрешив ему пребывание в селе

Немцово Калужской губернии. Пребывание было безвыездное и под неусыпным надзором полиции — то есть та же ссылка. «Милость» Павла I оказалась весьма относительной.

Окончательное освобождение пришло лишь 15 марта 1801 года, когда на престол воссел следующий самодержец — Александр I. Освобождение было подано как «высочайшая милость», хотя в 1800 году закончился срок наказания, определенный Радищеву Екатериной II.

Радищев приехал в Петербург больной, измученный, но непримиримый. Он был определен на службу в Комиссию по составлению законов, где попытался отстаивать свои революционные взгляды. Председатель Комиссии гр. Завадовский весьма недвусмысленно напомнил ему о Сибири.

Затравленный, нервно-раздраженный Радищев ответил на эту угрозу самоубийством. 11 сентября 1802 года его не стало. Царские попы с церковного амвона прокляли его имя, как имя самоубийцы.

Незадолго до смерти Радищев написал свои последние слова: «Потомство за меня отомстит!» [39].

И потомство жестоко и по заслугам отомстило палачам Радищева. Буря Великой Октябрьской социалистической революции не только навсегда смела с трона последнего российского самодержца, но и подняла проклятое попами имя Александра Радищева на недосягаемую высоту.

Сейчас даже смешно читать глупейшие разглагольствования махрового реакционера М. Н. Лонгинова, который в 1868 году в «Русском архиве» пробовал изрекать такие «истины»: «Собственно-литературный талант Радищева ничтожен. Язык его решительно варварский, чудовищный и для его эпохи. Читать его «Путешествие» могут только литературные археологи и люди, одаренные особым любопытством» [40].

Невдомек было М. Н. Лонгинову, что когда с народом говорят о его нуждах, о вольности, о презрении к рабству и поработителям — нет такого языка в мире, который не был бы близок и понятен народу!

Впрочем, цену таланта Радищева сам Лонгинов и ему подобные знали прекрасно. Недаром более ста лет они боялись его имени, как огня. Буржуазное литературоведение сознательно записывало Радищева в число людей, которые якобы «известны гораздо более своим несчастьем, нежели литературными трудами». Еще бы! Ведь по словам Лонгинова, Радищев боролся с «некоторыми недостатками тогдашних порядков», но в числе этих «некоторых недо-

статков» было рабство, самодержавие и весь класс поработителей, к которому принадлежал и сам Лонгинов.

Признавать литературный талант Радищева никак не входило в его интересы.

Однако Радищев — «рабства враг» не только «цензуры избежал». Талант его победил и ту ложь, которую пыталось нагородить вокруг его имени дореволюционное литературоведение, приписывая ему то «подражательство», то «идейное одиночество», то еще что-нибудь похожее. Ничто не помогло!

Владимир Ильич Ленин, говоря о национальной гордости великороссов, поставил имя писателя Александра Радищева на первое место.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Размышления о греческой истории, или о причинах благоденствия и несчастия греков; сочинение г. аббата де Мабли. Переведено с французского Иждивением Общества, старающегося о напечатании книг. Продается в луговой Миллионной улице, у книгопродавца К. В. Миллера. Цена 60 коп. В Санктпетербурге, при Императорской Академии Наук, 1773 года. 8⁰. На заглав. листе — гравированная виньетка с девизом «Согласием и трудами». (Подпись: Г. Н. Саблин). Загл. л., 235 стр.

2. Маркс, К. и Энгельс, Ф. Сочинения. Т. XIV. М., 1931, стр. 18.

3. Макогоненко, Г. П. Радищев и его время. М., 1956, стр. 145.

4. Офицерские упражнения. Ч. I—IV. Переведено с немецкого языка. При И. А. Н., 1777 года. 8⁰. Ч. I. Загл. л., 3, 110 стр.; ч. II. Загл. л., 111—188 стр.; ч. III. Загл. л., 78, 2 стр.; ч. IV. Загл. л., стр.79—152. К изданию приложено 28 гравир. фигур.

Издание описано по работе В. П. Семенникова «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг». Приложение к «Русскому библиофилу», 1913, стр. 59.

5. См. работу В. П. Семенникова, указанную в предыдущем примечании, стр. 8.

6. О Ф. Кречетове — см. журн. «Былое», 1906, № 4, стр. 43.

7. Житие Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений. В Санктпетербурге при Императорской типографии, 1789 года. 8⁰. 228 стр., включая загл. л.

8. Радищев, А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. Л., Изд. АН СССР, 1938, стр. 463.

9. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. Т. 8. М.-Л., Изд. АН СССР, 1949, стр. 357.

10. Барсков, Я. Л. Переписка московских масонов 18 века. П., 1915, стр. 65.

11. Васильев, Илларион. Фемида, или начертание прав, преимуществ и обязанностей женского пола в России, на основании существующих законов. М., в Универс. тип., 1827. 16⁰. 96 стр.; 1 л. илл.

12. Письмо к другу, жительствующему в Тобольске, по долгу звания своего. С дозволения Управы благочиния. В Санктпетербурге, 1790. 8⁰ (малая). 14 стр.

13. См. статью Я. Л. Баркова в кн.: Радищев, А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Т. 2. Материалы к изучению «Путешествия». М.-Л., «Academia», 1935, стр. 304.

14. Ульянинский, А. И. Радищев в Петербурге. Л., 1939, стр. 17.

15. Радищев, А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. Л., Изд. АН СССР, 1938, стр. 461.

16. Старцев, А. Университетские годы Радищева. М., «Сов. писатель», 1956, стр. 171.

17. Путешествие из Петербурга в Москву: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй». Телемахида, том II. Кн: XVIII, сти: 514. 1790. В Спб-ге. 8°. Загл. л., 2 нен., 453 стр.

18. Книгопродавец Зотов был ставленником Радищева, который так же, как и в вопросе с типографией, поняв, что никто другой печатать его книгу не станет, и завел типографию собственную, решил позаботиться и о книжной лавке со своим человеком во главе. Таким своим человеком у Радищева был книгопродавец Зотов. Сведения об этом см. в книге: Бабкин, Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.-Л., Изд. АН СССР, 1952, стр. 80.

19. Цитируется по книге Д. С. Бабкина, указанной в предыдущем примечании, стр. 282.

20. Глав. упр. по делам печати, 1872, II отд., дело № 81. Спб-ский Ценз. ком-т, 1872, дело № 54.

21. Глав. упр. по делам печати, 1902, III отд., дело № 47 и № 68.— Спб-ский Ценз. ком-т, 1902, № 105.

22. См. кн.: Радищев, А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Т. 2. Материалы к изучению «Путешествия». М.-Л., «Academia», 1935. Список Баркова взят мною в качестве отправного пункта, дающего хотя бы приблизительную историю судьбы каждого экземпляра. Я попытался установить фактическое наличие «Путешествия» в наших госхранилищах сегодня. В Ленинграде я обнаружил всего четыре экземпляра: три в Пушкинском Доме: а) с автографом Пушкина, б) с печатью Чертковской библиотеки и в) экземпляр неизвестно откуда и когда поступивший; в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина — всего один экземпляр, дефектный, без одного листа, в позднейшем ледериновом переплете. Узнать — откуда и когда он поступил — не удалось. В Москве имеются: в Б-ке им. В. И. Ленина — три, в Гос. истор. б-ке — один, в Лит. музее — один, в Музее революции — один. Где есть еще — не знаю.

23. См. статью: Вайншенкер, П. Л. О недавно обнаруженном первопечатном экземпляре «Путешествия из Петербурга в Москву».— «Известия АН СССР. Отд. лит. и яз.», т. XI, вып. 5, 1952, стр. 421.

24. Об этом см. Ульянинский, Д. В. Среди книг и их друзей. М. 1903, стр. 57.

25. Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева. Ч. I—VI. М., в тип. Платона Бекетова. Иждивением издателей, 1807—1811. 8-° (малая). Ч. I. 1807. Гравир. портрет А. Радищева (подп. Вендрамини) Шмуцтитул, 197 стр., включ. загл. л., 7 нен. стр.; ч. II. 1809. 194 стр., включ. загл. л.; ч. III. 1809. 151 стр., включ. загл. л.; ч. IV. 1811. 181 стр., включ. загл. л.; ч. V. 1811. 157 стр., включ. загл. л.; ч. VI. 1811. 167 стр., включ. загл. л.

26. «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева с предисловием Искандера. Лондон, Трюбнер и К°, 1858. 8°. XIV, 2 нен., 2, 340 стр. («Путешествие» занимает стр. 97—331).

27. «Лит. наследство», т. 39/40, 1941, стр. 170.

28. Радищев и его книга: Путешествие из Петербурга в Москву.

Спб. 1790 г. Спб., в печатне В. Головина, 1868. 8° (малая). Загл. л., IV, 256 стр.

29. Имя Кущевского, как автора предисловия, впервые раскрыто П. Н. Берковым в книге: Радищев. Статьи и материалы. Л., Изд. Ленингр. ун-та им. А. А. Жданова, 1950, стр. 290.

30. В статье П. Н. Беркова «К цензурной истории «Путешествия» Радищева», напечатанной в книге, указанной в предыдущем примечании, на стр. 292 приводится библиографический список всех рецензий на книгу в издании Шигина.

31. См. статью П. Н. Беркова, указанную в примечании 30.

32. Сочинения Александра Николаевича Радищева. С портретом автора и статьей «О жизни и сочинениях Радищева» А. П. Пятковского. (Редакция изд. П. А. Ефремова) Т. 1. С.-Петербург, Издание книжного магазина Черкесова, тип. Н. Неклюдова, 1872.

Обложек и выходного листа для второго тома не напечатано. 8°. Гравир. портрет Радищева (с гравюры Вендрамини, приложенной к изданию 1807—1811 г.) Шмуцтитул, загл. л., 2 нен. («Несколько слов об издании»), 2 нен. (Оглавление), 292 стр.

То же. Т. 2. 424 стр.

33. См. брошюру «Памяти П. А. Ефремова». М., 1908, стр. 12 и далее.

34. См. кн.: Радищев, А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Т. 2. Материалы к изучению «Путешествия». М.-Л., «Academia», 1935, стр. 343.

35. Путешествие из С.-Петербурга в Москву А. Радищева (1790). Лейпциг, Э. Л. Каспрович, 1876. (Имя автора, заглавие и имя издателя — повторены на немец. языке). На последней странице: Веймар. Типография Г. Ушмана и К°. 8° (малая). 239 стр., включ. загл. л. То же. Изд. 2-е [Б. г.]. В остальном — полное стереотипное повторение.

36. Путешествие из Петербурга в Москву. Сочинение А. Н. Радищева. Воспроизведение издания 1790 года. Изд. А. С. Суворина. Спб., 1888. 4° Шмуцтитул, загл. л., 10 нен., 453 стр. (Загл. л. и обложка повторены, ввиду опечатки в инициалах Радищева).

37. Путешествие из Петербурга в Москву. «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй». Телемахида, том II, кн. XVIII. Сти: 514. 1790 в Санктпетербурге. (На обложке: Спб., Изд. П. А. Картавова, 1903). На последней странице: Спб., Коммерческая типография. 8°. 182 стр., включ. загл. л.

38. См. об этом примечание № 21.

39. Благой, Д. Д. История русской литературы XVIII в. Изд. 2. М., 1951, стр. 552.

40. «Русский архив», 1868, № 11, стб. 1811.

О НЕКОТОРЫХ КНИГАХ XVIII ВЕКА

“НОВИКОВ И МОСКОВСКИЕ МАРТИНИСТЫ„

Я достал книгу, которая необходима каждому интересующемуся литературой XVIII-го века, неразрывно связанной с именем русского просветителя Николая Ивановича Новикова. Книга эта весьма известна и, хотя напечатана всего в количестве 800 экземпляров, на книжном рынке встречается.

Книга, о которой идет речь, называется «Новиков и московские мартинисты». Напечатана она в Москве в 1867 году. Автор этого исследования — М. Н. Лонгинов [1].

По обилию фактического материала о Н. И. Новикове книга не устарела и сейчас, а когда-то была вообще единственным исследованием о деятельности этого замечательного человека, сыгравшего такую огромную роль в развитии русского просвещения.

В книге этой... Впрочем, мне повезло, и я имею возможность дать рассказать о ней, причем весьма подробно, самому автору. Дело в том, что книга Лонгинова попалась мне с весьма любопытным приложением: собственноручным письмом автора к Николаю Ивановичу Тургеневу, декабристу, сыну известного масона Ивана Петровича Тургенева, близкого знакомого самого Новикова.

Н. И. Тургенев в момент ареста декабристов оказался за границей и, будучи заочно приговорен к смертной казни, провел жизнь в эмиграции. Лишь при Александре II он был амнистирован и трижды посетил родину: в 1857, 1859 и 1864 годах. Он умер в 1871 году 82-летним стариком в своей вилле Вербуа, в окрестностях Парижа. После него осталось немало трудов, посвященных, главным образом, вопросам освобождения крестьян и государственного устройства.

Что и говорить — адресат интересный. Не менее интересно и письмо к нему М. Н. Лонгинова, написанное накануне выхода в свет книги «Новиков и московские мартинисты». Впрочем, вот это письмо, публикуемое впервые:

«Милостивый государь, Николай Иванович!

На днях я получил от В. С. Порошина [2] письмо, в котором он передает мне ваш поклон. Мне чрезвычайно лестно и приятно видеть такой знак памяти и внимания с вашей стороны, и я спешу выразить вам за него душевную мою признательность. Я уверен, что вы не сомневаетесь в глубоком моем к вам уважении, соединенном с чувствами искренней личной приязни моей, возникших во время столь живых в моей памяти бесед наших в Москве, в 1859 году. Такие воспоминания не умирают никогда.

В то время я занимался исследованиями о Новикове и его круге, судьбой которых вы интересовались по самому их предмету. Все это были робкие, отрывочные попытки, иначе не могло и быть в деле совершенно темном и новом. С тех пор я получил документы первой важности, рассеявшие весьма значительно этот мрак и сам приобрел гораздо более достаточные познания по разнородным предметам деятельности Новикова и его друзей.

При помощи всего этого я еще три года назад составил довольно обширный свод известий, который хотел напечатать. Но тут получены были мной еще важные материалы, и я остановился печатанием. С весны 1864 года я не жил в Москве; две зимы провел в Туле и три лета в деревне Крапивинского уезда. Последнее время я усиленно занимался своим трудом и кончил обширное исследование под

40. Николай Иванович Новиков. С оригинала работы художника Д. Левицкого (?) (масло).

заглавием «Новиков и московские мартинисты» (как ни неправильно название мартинистов, но я решился употребить его как общепринятое).

В нем соединено все, что известно о Новикове, от его рождения до смерти, и все, что дошло до нас о совокупной деятельности его и его друзей с 1779 по 1792 годы, по делам филантропическим, издательским, типографским, книгопродавческим, педагогическим, ученым, масонским,

розенкрейцерским, а для объяснения двух последних категорий в тексте есть краткое объяснение мистицизма, теософии и алхимии и изложение главных черт истории древнего и новейшего масонства, судеб его в России с 1734 года, нового тамплиерства, или «строгого наблюдения», розенкрейцерства и иллюминатства.

Таким образом, становятся понятны перевороты и отношения в русском масонстве и розенкрейцерстве времен новиковских.

Все вышеизложенные события и все имеющее до них отношение изложены в строгой хронологической последовательности, погодно. Исследование мое будет состоять приблизительно из 35 или 40 печатных листов текста, снабженного более чем 1500 примечаний библиофильских, библиографических и т. п., и разделяется на 25 глав. Кроме того, в приложениях поместятся тексты главнейших документов.

На днях я переезжаю опять в Москву и приступаю к печатанию своей книги, экземпляр которой буду иметь честь доставить вам по выходе ее в свет.

Мне совестно беспокоить вас просьбою. Но если вам будет свободная минута, вы очень обязали бы меня доставлением сведений о числе, месяце и годе рождения и кончины Ивана Петровича и Андрея Ивановича Тургеневых. Александр Иванович помечен у меня: род. 28 марта 1784, ум. 3 декабря 1845. Так ли это? Год вашего рождения обозначен у меня 1789, но числа и месяца нет.

О Сергее Петровиче и о вашей матушке сведений я не имею вовсе.

Не знаю, известно ли вам, что Иваном Петровичем, кроме книги Иоанна Масона (1783), переведены с немецкого: Соч. Арндта «Об истинном христианстве», в 5 частях (1784). 2. «Апология или защищение вольных каменщиков» (1784).

Это я узнал наверно. Ему же приписываю я перевод с латинского «Избранных сочинений блаженного Августина» в 4 частях (1786). Не известно ли вам что-либо о майоре Оболдуеве, переводчике с немецкого «Карманной книжки для вольных каменщиков», (1780 и 1783) и «Братских увещаний к некоторым братьям свободным каменщикам» (1784)?

Еще раз прошу извинить мою докучливость, но меня так занимают эти вопросы, что я увлекаюсь ими невольно.

За себя и от имени всех любителей русской литературы и истории, приношу вам благодарность за бумаги, касаю-

41. Факсимиле первой страницы письма М. Н. Лонгинова к Н. И. Тургеневу.

щиеся Карамзина, о высылке которых извещает меня В. С. Порошин. Черты жизни Карамзина, разъясняемые Тургеневым,— дело истинно важное и, так сказать, достолюбезное. Благодарю бога, что одарен чувством понимания подобной гармонии имен и что люблю их, как желательно было бы встретить почаще в нашем забывчивом и легкомысленном обществе.

В заключение осмелюсь выразить еще одно желание, искреннее и горячее. Где теперь бумаги Александра Ивановича? Как было бы хорошо издать их, с вашими указаниями! Одна «хроника русского», которую можно было бы теперь печатать без пропусков, чего стоит! Корреспонденция его должна быть кладом. Верьте, есть люди, которым дороги эти покойники, дорога мысль увековечить их имена. Пройдет наша литературная горячка, и обратятся к этим истинным образцам вкуса и просвещенной деятельности. От вас зависит многое для того, чтобы в данную минуту не оказалось недостатка в памятниках славного прошедшего.

С глубочайшим почтением и истинною преданностью имею честь быть вашим покорнейшим слугой М. Лонгинов.

Село Красное, 3-го октября 1866».

Таково собственноручное послание автора исследования о Н. И. Новикове — М. Н. Лонгинова. На первый взгляд в письме нет ничего особенного. Может показаться даже, что пишет его весьма серьезный ученый, поставивший целью дать картину жизни прославленного своими делами и страданиями деятеля просвещения XVIII-го столетия. Не забудем, что о Новикове писал Белинский, как о «необыкновенном и, смею сказать, великом человеке» [3].

Не скупится на похвалы в своей книге и М. Н. Лонгинов. Однако в какую именно сторону они направлены?

В приведенном здесь письме характер деятельности Новикова обрисовывается так, что его труды, видите ли, были: «филантропические, издательские, типографские, книгопродавческие, педагогические, ученые», а главное: «масонские, розенкрейцерские, тамплиерские, иллюминатские». В исследовании М. Н. Лонгинова эта мысль получает еще большее развитие. Новиков в книге Лонгинова — это мистик, масон, алхимик, теософ. Лонгинов предпринимает все возможное, чтобы сделать в своей книге понятными «перевороты и отношения в русском масонстве и розенкрейцерстве времен новиковских».

Вот, оказывается, в чем главная задача «исследования» Лонгинова!

Даже по содержанию письма видно, что он в своей книге не уделяет и строки Новикову — писателю, сатирику, врагу крепостного права, врагу Екатерины II. Не просветителем, а насадителем мистицизма в России рисует Лонгинов в своей книге Николая Ивановича Новикова. За мистицизм, видите ли, его и покарала императрица!

«Он никогда не был собственно писателем,— пишет

Лонгинов о Новикове,— образование Николая Ивановича было самое скудное».

Совершенно забыто, что Новиков был блестящим журналистом, чья полемика с «Госпожей Всякой Всячиной», то есть с самой императрицей, бесила ее куда больше, чем все розенкрейцеры и тамплиеры вместе взятые.

У нас еще продолжают и сегодня спорить, кто является автором знаменитого «Отрывка путешествия в...» — Новиков или Радищев? А Екатерина II не спорила — ей это было совершенно не важно. Важно было, что «Отрывок» был напечатан в журнале Новикова «Живописец», и в этом «Отрывке», как много позже писал Добролюбов, «слышится уже ясная мысль о том, что вообще крепостное право служит источником зол в народе» [4].

Екатерина II вовсе не была настолько недальновидной, чтобы не понимать — куда метили и «Письма к Фалалею», и новиковские «Пословицы Российские», в которых совсем не таким уже эзоповским языком говорилось и о том, что «Близ царя — близ смерти» или «Седина в бороду, а бес в ребро».

Да и кто не понимал, в чей адрес говорится:

«Имея седину в голове, женщина, я чаю искушением же беса, начинает думать, будто она в состоянии сочинять стихи и прозу, марает любовные сказочки, кропает идиллии, эклоги и другие мелкие сочинения, но успехов не видит...»

Или: «Старая и беззаконно проводившая дни свои женщина имела сына, которому хотя и за тридцать лет было, но он еще ничему не учился, ничего не делал и был неотступно подле своей матери. Она его ласкала, нежила, баловала и сделала наконец сущего тунеядца; беспрестанно уговаривала его жениться, но урод, заключая, что все на свете женщины, так злобны и беспокойны, как злобна его мать, никогда не соглашался на женитьбу...» [5]

Какая тут мистика? Намек на матушку-государыню и ее сынка-урода Павла Петровича — достаточно прямолинеен.

Подлинное лицо Новикова давно было ясно Пушкину, Белинскому, Добролюбову, Чернышевскому и Герцену. И именно в противовес им Лонгинов создает свое «исследование», в котором Новиков объявляется всего лишь издателем, книгопродавцем, мистиком и масоном. В остальном он-де «верноподданный» выполнитель «просвещенных предначертаний» государыни, лишь под конец жизни запутавшийся в мистико-масонских делах.

Концепция была создана хитро и ловко и на много лет увлекла по этому пути почти все дореволюционное литературоведение. Даже Г. В. Плеханов пошел на поводу у этой реакционной легенды, так же придавая «масонству» Новикова главное и решающее значение. Советским исследователям пришлось не мало потрудиться, чтобы правильно оценить деятельность Н. И. Новикова.

* *
*

Кем же был автор книги «Новиков и московские мартинисты»?

Михаил Николаевич Лонгинов — библиограф и книголюб, автор множества заметок и статей о книжной старине. В круг литераторов он попал с детства. Его репетитором по русскому языку был молодой Гоголь[6].

В свое время в обществе его любили. Он был веселый, общительный молодой человек, прославившийся как автор неприличных по содержанию стихотворений. Это было в начале пятидесятых годов. Его называли «поэт не для дам», и книжечку таких «опусов» он напечатал в Карлсруэ. Позже, став губернатором и сановником, он усердно скупал и уничтожал эти грехи своей юности.

В свое время Лонгинов был дружен с Некрасовым, хвалил Белинского, сочувственно отзывался о Чернышевском. Журнал «Современник» охотно печатал его библиографические заметки. Играл он в либерала усерднейшим образом, и в заметках его проскальзывали иногда мотивы защитника свободы печати.

К концу пятидесятых годов он резко порывает связи с демократическим и либеральным лагерями и переходит к Каткову, сотрудничает в «Московских ведомостях», «Русском вестнике» и других реакционных органах. Тон его заметок и исследований меняется.

По всему видно, что он делает это ради чиновничьей карьеры, которая быстрыми шагами идет в гору. В 1866 году он предводитель дворянства в Крапивинском уезде, в 1867 году — губернатор в Орле и, наконец, в 1871 — начальник Главного управления по делам печати, главный цензор русской литературы.

С яростью ренегата Лонгинов обрушил всю силу своего мракобесия на несчастную печать. Его свирепость удивляла даже видавших виды старых цензоров. Уничтожение книг стало его манией.

В 1872 году он спалил сочинения Радищева в издании Ефремова. Даже реакционное «Новое время» он обвинял «в сочувствии учениям социалистов». Поставленный на «охранение нравственности и порядка», Лонгинов показал свое лицо откровенного крепостника и стремился уничтожить все проявления прогресса. Гибель журнала «Искра»— его рук дело.

Скабичевский, попробовавший лично вступиться за свою, приговоренную Лонгиновым к сожжению книгу, так писал о нем Некрасову: «Признаюсь, видал я скотов на свете много, но такого скота мне не случалось еще видеть. Как только смотришь на него, то закипает такая злоба, что чувствуешь, с каким бы сладострастием влепил бы в его щеку здоровую пощечину. Признаюсь, после такой аудиенции я дал себе слово никогда к генералам не ходить, хотя бы дело шло о сожжении, не только моей книги, но всего моего семейства и меня самого»[7].

Действовал Лонгинов чрезвычайно активно и даже пробовал организовать своего рода движение против «нигилизма». В «Литературном наследстве» (т. 22-24) есть любопытное сообщение профессора П. Н. Беркова о том, что Лонгинов пытался поставить во главе этого «движения» писателя И. С. Тургенева.

Впрочем, И. С. Тургенев писал о нем:

«Лонгинов, автор «Попа...» — сквернейший по всей Руси губернатор. Публично лаявший на царя за эмансипацию (освобождение крестьян.— Н. С.-С.) — сделан начальником нашей несчастной прессы!! — ничего хорошего ожидать нельзя...»[8].

Ничего хорошего нельзя было ожидать и от его «исследования» о русском просветителе XVIII-го века Николае Ивановиче Новикове. Оно оказалось глубоко реакционным.

В январе 1875 года Лонгинов умер, и его замечательная библиотека (единственное, что у него было замечательного!) в настоящее время находится в Пушкинском Доме.

* *
*

Интересующиеся литературным наследием Н. И. Новикова, особенно его журнальной деятельностью, поставлены сейчас в значительно лучшие условия, чем это было в начале моего собирательства.

Работа Г. П. Макогоненко «Николай Новиков и русское просвещение XVIII-го века» дает исчерпывающую ха-

рактеристику деятельности замечательного писателя-сатирика. Сатирические журналы Новикова сейчас заново переизданы под редакцией проф. П. Н. Беркова.

Работа того же П. Н. Беркова «История русской журналистики XVIII-го века» обстоятельно знакомит со всеми журналами, как самого Новикова, так и его окружения. Кроме того, под редакцией Г. П. Макогоненко изданы «Избранные сочинения» Н. И. Новикова. В этой книге собраны все лучшие статьи, фельетоны и другие произведения Н. И. Новикова и, в частности, перепечатано третье издание «Живописца», резко отличное от первого, переизданного П. Н. Берковым [9].

Образ Новикова встает во всех этих работах в своем настоящем виде.

Новиков был приговорен Екатериной II к «нещадной казни», замененной 15-ю годами заключения в Шлиссельбургской крепости. Он был в заключении до смерти самой Екатерины II и вышел из крепости больной и разбитый.

Мне удалось собрать комплекты почти всех сатирических журналов, изданных Новиковым. Первый из них назывался «Трутень». Он выходил с 1-го мая 1769 года по 27 апреля 1770 года. В качестве эпиграфа Новиков взял слова из басни А. Сумарокова: «Они работают, а вы их труд ядите». Но, начиная с десятого листа, эпиграф пришлось снять и заменить новым: «Опасно наставленье строго, где зверства и безумства много». В этом журнале Новиков с исключительной смелостью полемизировал с Екатериной II. Журнал был закрыт по распоряжению императрицы. Однако Новиков успел напечатать второе тиснение этого журнала в 1770 году. Оба издания весьма редки [10].

После закрытия «Трутня» Новиков анонимно, через подставное лицо, издает журнал «Пустомеля», который на второй книжке прекращает свое существование. Журнал был запрещен Екатериной II, разгадавшей издателя. Выходил журнал в течение июня — июля 1770 г.

Этот журнал особенно редок, и я его знаю лишь по перепечатке А. Н. Афанасьева, сделанной в 1858 году. И в этом журнале Новиков продолжал линию, взятую им в «Трутне».

Не очень понятно, почему Екатерина II разрешила Новикову, после запрещения двух первых журналов, издавать еще третий, едва ли не самый злой. По-видимому, она не оставляла надежды увлечь издателя на путь «улыбательной» сатиры. Журнал носил название «Живописец». Он

42. «Живописец» (1772—1773 гг.) Титульный лист первого издания журнала Н. И. Новикова.

выходил так же листами с апреля 1772-го по июнь 1773-го года, после чего был закрыт.

Журнал имел огромный успех и выдержал несколько переизданий. Первая его часть за 1772 год была напечатана дважды. Она была выпущена вторично при выходе в свет второй части в 1773 году. Книгопродавцы считают это двумя изданиями «Живописца» — первым и вторым.

В 1775 году Новикову удалось выпустить третье издание «Живописца», отличное по содержанию от предыдущих. Это как бы собрание сочинений самого Новикова, который напечатал в этой книге свои статьи из «Трутня», «Пустомели» и «Живописца». Это обстоятельство убедительно доказывается Г. П. Макогоненко.

В 1781 году уже в Москве Новиков выпускает четвертое издание «Живописца», повторяющее третье.

Пятое издание вышло после ареста Новикова в Петербурге в 1793 году. Оно напечатано купцом Г. Зотовым, с третьего или четвертого издания, но с некоторыми сокращениями, очевидно, цензурного характера.

Много позже, уже в 1829 году, была напечатана еще раз одна только первая часть «Живописца» (с первого издания), в типографии Пономарева. Издание это явно «торгового» порядка.

Последним сатирическим журналом Новикова был журнал «Кошелек». Он издавался с 8-го июля по 2-ое сентября 1774 года и был закрыт на 10 номере. Время наступило более строгое, и сатира в этом журнале не поднималась до высот «Трутня» и «Живописца».

Журнал чрезвычайно редок, мне с огромным трудом удалось найти его.

При собирании новиковских сатирических журналов нельзя было пройти мимо журналов, сопутствовавших им в эти же годы. Среди них были журналы и прогрессивного характера, и журналы «верноподданнические», сатирическая линия которых вполне соответствовала желаниям Екатерины II.

К прогрессивным журналам этого времени принадлежат: «И то и сио» (1769) и «Парнасский щепетильник» (1770) — два журнала издававшиеся М. Д. Чулковым. Далее — «Адская почта или переписка хромого беса с кривым» — журнал одного автора Федора Эмина (в 1788 году журнал был переиздан сыном Эмина, под новым заглавием — «Курьер из ада»). Далее — «Смесь» (1769), журнал Л. И. Сичкарева (издатель установлен П. Н. Берковым[11]) и редчайший ежедневный листок, издававшийся с 1-го марта по 4 апреля 1769 года офицером В. В. Тузовым. Листок этот назывался «Поденщина или ежедневные издания».

Все эти журналы чрезвычайно интересны.

К журналам менее прогрессивного или вовсе «верноподданнического» направления принадлежат: «Всякая всячина» и продолжение: «Барышек Всякой всячины» (1769—1770), «Полезное с приятным» (1769) — журнал преподавателей Кадетского корпуса И. Румянцева и И. Тейльса, «Вечера» (1772—1773) — журнал литературного кружка М. Хераскова и, наконец, три журнала В. Г. Рубана, весьма недаровитого писателя: «Ни то, ни сио» (1769; вторично напечатан в 1771 году), «Трудолюбивый муравей» (1771) и сборник «Старина и новизна» (1772—1773).

43. «Кошелек» 1774 г. Титульный лист сатирического журнала Н. И. Новикова.

Кроме этого, выходил еще курьезный, полуграмотный журнальчик «Мешанина Катоноскарроническая» (1773).

Таким образом, появление и деятельность целого ряда сатирических журналов, лучшие из которых, во главе с новиковскими, сумели встать в оппозицию к мыслям Екатерины II об «улыбательной» сатире, закончились закрытием последнего новиковского же журнала «Кошелек» в 1774 году. Этот год был годом разгара крестьянского восстания, положившего конец либеральным заигрываниям императрицы.

Кроме сатирических журналов, Новиков издавал ряд журналов (не говоря о газете) самых различных видов. Один из них (кстати сказать, редчайший из всех новиковских журналов) — «Санктпетербургские ученые ведомо-

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЯ

УЧЕНЫЯ

ВѢДОМОСТИ,

на 1777 годъ.

№. I.

Печатаны иждивенiемъ Книгопродавца К. В. Миллера,
въ Типографiи Вейтбрехта и Шнора.

44. «С.-Петербургские ученые ведомости» 1777 г. Титульный лист первого русского библиографического журнала.

сти на 1777 год» — фактически был первым русским библиографическим журналом. Его вышло всего 22 номера, и он почему-то совсем исчез с книжного горизонта.

Впрочем, в отношении новиковских журналов это вовсе неудивительно. Подавляющее большинство его изданий было оппозиционного характера. Так, в этом журнале, например, первой книгой, о которой дана рецензия, является «Наказ» Екатерины II, в то время книги почти запрещенной. Неумеренные похвалы журнала «Наказу» носят почти издевательский характер. Возможно, что журнал за это подвергся репрессиям, которые и сделали его редким.

Так же весьма интересен и редок новиковский журнал, носящий название «Модное ежемесячное издание, или библиотека для дамского туалета». Он издавался в 1779 году, в год переезда Новикова из Петербурга в Москву. Четыре его книжки вышли в Петербурге, а остальные восемь в Москве.

МОДНОЕ
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНIЕ,
или
БИБЛIОТЕКА,
для
ДАМСКАГО ТУАЛЕТА.

ЧАСТЬ I.

Съ Генваря по Апрѣль мѣсяцъ.

Въ Санктпетербургѣ.
Печатано
въ вольной Типографiи Вейтбрехта и Шнора
1779 года.

45. «Модное ежемесячное издание». 1779 г. Титульный лист первого русского журнала для женщин.

Это — первый женский журнал в России. Ничего «модного» в нем нет, если не считать двенадцати гравированных картинок, изображающих щеголих в нарочито карикатурном виде. В остальном — журнал чисто литературный, рассчитанный на читательниц.

Очень редок и очень интересен журнал, носящий название «Городская и деревенская библиотека, или забавы и удовольствия разума и сердца в праздное время». В этом журнале, издававшемся с 1782 года в течение пяти лет, Новиков возобновил сатирическую деятельность, напечатав в нем свои знаменитые «Пословицы российские», едва ли не самое смелое его произведение по сатирической остроте и направленности. Вышло за пять лет всего 12 книжек журнала. Может быть, именно поэтому комплект его было трудно собрать.

Менее интересны журналы, также издававшиеся Новиковым (в некоторых он был только издателем): «Утренний свет» (1777—1780), «Московское ежемесячное издание» (1781), «Вечерняя заря» (1782) и «Покоящийся трудолюбец» (1785). Был еще детский журнал и прибавления к «Московским ведомостям», которых я не сумел найти. Зато исторические издания Новикова — «Повествователь древностей российских» (вышла всего одна книжка) и многотомная «Древняя российская вифлиофика» — стоят у меня на полках.

Наличию у себя довольно значительного собрания журналов XVIII-го века я обязан покойному ленинградскому книжнику-антиквару Семену Николаевичу Котову, страстно любившему и много лет их собиравшему. К деятельности Николая Ивановича Новикова он относился со священным трепетом и, зная, что я также чту его имя, незадолго до своей смерти уступил мне всю коллекцию. Позже я сам много лет дополнял ее.

Вообще, старые книжники всегда с глубочайшим уважением относились к памяти Н. И. Новикова. Старейший из них — А. А. Астапов — владел живописным портретом Николая Ивановича работы либо Левицкого, либо Боровиковского (об этом спорят до сих пор). Это — одно из семи повторений портрета, находящегося в Третьяковской галерее. Все они зарегистрированы В. Я. Адарюковым. В своих воспоминаниях Астапов пишет, что портрет «...подарила мне княгиня Белосельская-Белозерская, с условием, чтобы его никому не продавать: я вам дарю его, говорила она, потому что мои года на уклоне, а я его почитала и верю вам, что вы так же его уважаете»[12].

По смерти А. А. Астапова портрет попал к приемнику его, книжнику А. М. Михайлову, после — к книжнику А. Г. Миронову и, наконец, ко мне.

Кроме газеты и журналов, Новиков издал огромное количество книг самого разнообразного содержания. Его личные труды: «Опыт исторического словаря о российских писателях» (Спб., 1772), «Древняя российская идрография» (Спб., 1773) и другие — весьма интересны. В. П. Семенниковым составлен библиографический указатель изданиям Н. И. Новикова[13]. В указателе 944 названия. Для своего времени — это грандиозная цифра. Самой светлой памяти заслуживает этот талантливый труженик у всех людей, любящих русскую литературу, русскую книгу.

Владимир Ильич Ленин в 1918 году, заботясь о монументальной пропаганде, предложил поставить памятники

46. «Щеголиха на гуляньи». Гравюра из «Модного ежемесячного издания» Н. И. Новикова 1779 г.

русским просветителям, писателям, ученым, революционерам. Из числа просветителей XVIII-го века им были названы две фамилии: Радищева и Новикова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лонгинов, М. Н. Новиков и московские мартинисты. Исследование... М., тип. Грачева, 1867. 8°, 384, 176 стр.
2. Порошин, Виктор Степанович, доктор философии, проф. московского ун-та (1809 или 1811—1868).
3. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1953, стр. 53.
4. Добролюбов, Н. А. Полн. собр. соч. Т. 2. М.-Л., 1935, стр. 170.
5. Обе цитаты из «Пословиц российских» — см. Новиков, Н. И Избранные сочинения. М.-Л., ГИХЛ, 1951, стр. 235 и 236.

6. Подробно о М. Н. Лонгинове — см. Чуковский, К. Некрасов. Статьи и материалы. Л., «Кубуч», 1926, стр. 291.

7. Там же, стр. 295.

8. Первое собрание писем И. С. Тургенева. Спб., 1884, стр. 201.

9. Книги эти: 1. Макогоненко, Г. П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.-Л., ГИХЛ, 1951; 2. Берков, П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.-Л., 1952; 3. Сатирические журналы Н. И. Новикова. Ред., вступит. статья и коммент. П. Н. Беркова. М.-Л., Изд. АН СССР, 1951; 4. Новиков, Н. И. Избранные сочинения. Подгот. текста, вступит. статья и коммент. Г. П. Макогоненко. М.-Л., ГИХЛ, 1951.

10. Этот и все далее упоминаемые в настоящем рассказе журналы описаны в книгах, перечисленных в предыдущем примечании и у А. Н. Неустроева в его «Историческом разыскании...» Спб., 1875.

11. «Смесь» была издана вторично в 1771 году. Оба издания весьма редки.

12. К 50-летию книгопродавческой деятельности А. А. Астапова. М., 1912, стр. 39.— Статья В. Я. Адарюкова — см. «Русская книга девятнадцатого века». Ч. 2-я. М., Гиз, 1935, стр. 498.

13. Семенников, В. П. Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и Типографической компании. Пг., Гиз, 1921.

«О ВСЕХ, И ЗА ВСЯ»

Маленькая, на вид невзрачная книжечка издания 1787 года. Книжечка состоит из двух частей. Первая озаглавлена: «Открытие нового издания, души и сердца пользующего. О всех, и за вся, и о всем ко всем; или российский патриот и патриотизм». Вторая часть представляет из себя первый номер журнала. На заглавном листе его напечатано: «В 1786 год новый. Новое издание: Не всио и не ничево. Лист первый. В первое число генваря. В Санктпетербурге»[1].

Первая часть является своего рода издательским проспектом, описывающим, примерно, сорок различных предположенных к выпуску изданий, немногие из которых в то время уже вышли в свет. В частности, вышел в свет и первый номер журнала «Не всио и не ничево», который прилагался к проспекту.

Проспект предлагал все эти издания от имени некоего общества, цели и задачи которого явствовали из его названия: «Всенародно вольно к благоденствованию составляющееся общество».

Все перечисленные в проспекте издания были политико-просветительного характера.

История этой примечательной книжечки более чем любопытна. Первым, обратившим на книжечку внимание, еще в дни появления ее в свет, был митрополит петербургский и новгородский Гавриил. «Его высокопреосвященство» отнюдь не вникал в содержание книги, но фраза, помещенная на заглавном листе — «О всех и за вся», навела его на размышление. Как известно, эти слова входят в церковную службу.

Митрополит немедленно послал запрос полицмейстеру: — Нет ли в оном издании какого-либо кощунства? Его, собственно, беспокоила только эта сторона дела.

Полицмейстер снесся с Управой благочиния и установил, что книга напечатана в типографии Овчинникова без какого-либо цензурного просмотра и разрешения.

Таким образом, слова, выставленные издателем на заглавном листе проспекта, оказались для него роковыми. Закипело следствие, которое установило, что автором и издателем книги, равно как и организатором общества, насчитывавшего свыше сорока членов, является отставной поручик Федор Кречетов.

Когда познакомились поближе с его находившимися еще в рукописях сочинениями, а также с некоторыми мыслями, которые он, не стесняясь говорил вслух, — пришли в ужас!

Оказалось, что под самым носом полиции, на «Невской перспективе», в доме 153 проживает человек, задумавший «потрясти действующие законы Российской империи». Человек этот видел спасение государства в уничтожении самодержавия, в установлении конституционного правления. Он требовал уничтожения крепостного права, просвещения для народа, ограждения его от произвола казнокрадов и взяточников.

Кречетов был немедленно арестован и препровожден «куда следует», его сочинения изъяты, а «зловредные» проспект и журнал беспощадно истреблены.

К делу подоспели доносы недоброжелательных лиц, которые показали, что Кречетов не стесняется говорить громко «злонамеренные» речи. Так, на чье-то замечание о том, что «по милости государыни везде училища заведены»,

ОТКРЫТІЕ

НОВАГО ИЗДАНІЯ.

ДУШИ И СЕРДЦА

ПОЛЬЗУЮЩАГО.

О всѣхъ, и за вся,
и о всѣмъ ко всѣмъ;

или

Россійской

ПАТРІОТЪ,

и

ПАТРІОТИЗМЪ.

47. «Открытие нового издания» 1787 г. Титульный лист проспекта. Издал поручик Федор Кречетов.

Въ 1786 й годъ новой.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ

НЕ ВСЮ, И НЕ НИЧЕВО

листъ первый

Въ первое число Генваря.

Объявленіе о изданіи семъ.

Сіе сочиненіе праздничное, опредѣленное въ свѣтъ ко изданію въ 1785 году Ноября въ 24 день, то есть въ Тезоименитство ВЕЛИКІЯ ЕКАТЕРИНЫ II, ИМПЕРАТРИЦЫ Россійскія, въ соотвѣтственность и въ достопамятность ЕЮ творимыхъ человѣчеству благодѣяній.

Въ Санктпетербургѣ.

48. «Не всио и не ничево» 1786 г. Титульный лист первого и единственного номера журнала. Издал поручик Федор Кречетов.

Кречетов во всеуслышание заявил: «Этими училищами государыня только по губам помазала. Какие это училища? Вот я заведу училище такое, что наберу множество людей, да и баб до тысячи, а как совсем это учрежу, то стану приглашать к себе солдат и уговаривать, что б они командиров всех перевязали и крестьян сделали вольными»[2].

Как всегда в доносах, вымышленное переплеталось с правдивым, но «злонамеренность» поручика была установлена. Не являясь крупным писателем своего времени, но начитанный и хорошо образованный Кречетов по духу своему был последователем Новикова и Радищева. Какими бы наивными и невыполнимыми не казались сейчас его «прожекты», но это была программа действий человека,

который болел о горе народа, стремился облегчить его, изнемогавшего в невежестве и рабстве, тяжкую участь.

В настоящее время известно, что Федор Кречетов был лично знаком с Радищевым, служил почти два года под его началом в Финляндской дивизии. Радищев был обер-аудитором (прокурором). Кречетов — аудитором просто. Страдания рекрутов, преимущественно из крепостных крестьян, обоим открыли глаза на беды народа.

Последнее заключение генерал-прокурора по делу арестованного Кречетова гласит:

«Он не хочет, чтобы были монархи, а заботится более о равенстве и вольности для всех вообще, ибо он между прочим сказал, что раз дворянам сделали вольность, для чего ж не распространить оную и на крестьян, ведь они такие же человеки».

Дело Кречетова тянулось в общей сложности до 1794 года. Первоначально он был заключен в Петропавловскую крепость как важнейший государственный преступник. Содержать его было приказано «под крепчайшей стражей, не допуская к нему никого, так и писать ему не давая». Дело его еще не считалось оконченным, и на поручика продолжали возводить все новые и новые обвинения.

Наконец, в ночь на 25-ое декабря 1794 года, фельдъегерь доставил секретного узника в Шлиссельбургскую крепость, где он и был помещен в верхнем этаже, в камере № 5, с «высочайшим повелением» о содержании его без срока «наикрепчайше, наблюдая, чтоб он никаких разговоров и сообщения ни с кем не имел».

Подавший на него донос парикмахер Малевинский в награду получил «вольную» и двести целковых. Некоторые из лиц, близких к Кречетову и его обществу, были сосланы в Сибирь.

Шесть лет пробыл Кречетов в каменном мешке Шлиссельбурга. В 1801 году, по случаю вступления на престол Александра I-го, его освободили больного, разбитого, неспособного к труду. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Впрочем, что судьба! Даже самое имя поручика Кречетова было вытравлено из памяти. Когда в 1898 году литературовед Е. А. Ляцкий нашел в библиотеке П. М. Дмитриева сохранившийся экземпляр первого номера журнала «Не всио и не ничево», а также рукопись подготовленных к печати пяти его следующих номеров, он опубликовал все это без указания имени автора: оно было ему неизвестно [3]. До этого, в 1875 году, проспектом «Открытие но-

вого издания» крайне заинтересовался А. Н. Неустроев, но и он не сумел раскрыть имени составителя.

Имя Федора Кречетова впервые назвал М. Корольков в апрельском номере журнала «Былое» за 1906 год. Он же опубликовал о Кречетове ряд архивных документов. Более подробно о деле поручика Кречетова сообщил Н. Чулков в «Литературном наследстве»[4]. По его мнению, как проспект «Открытие нового издания», так и первый номер журнала «Не всио и не ничево» — величайшая библиографическая редкость. Н. Чулков называет всего три экземпляра, имеющиеся в Москве: экземпляр Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, принадлежавший ранее Д. В. Ульянинскому, экземпляр Государственной публичной исторической библиотеки (из собрания Щапова) и экземпляр Н. Ю. Ульянинского, по которому, кстати, он и делал свою работу. Этот экземпляр после смерти Н. Ю. Ульянинского попал в мою библиотеку.

И журнал и проспект, изданные Федором Кречетовым, имеют историческое значение. Н. В. Здобнов в «Истории русской библиографии» писал о кречетовском проспекте: «Для истории русской библиографии чрезвычайно важным является факт использования Кречетовым библиографии в качестве одного из средств пропаганды своих просветительских идей и стремлений, а так же тот факт, что книгоиздательский проспект Кречетова был первым в России конфискованным и уничтоженным библиографическим изданием».

Несомненный интерес представляет и первый напечатанный номер журнала «Не всио и не ничево», в котором помещены только программы и объяснение целей и задач «Всенародно вольно к благоденствованию составляющегося общества».

В неопубликованных номерах журнала, рукописи которого найдены Е. А. Ляцким, находились литературные произведения в стихах и прозе, а также некое подобие протоколов заседаний общества, самая попытка организации которого заслуживает тщательного изучения.

* *
*

Имя поручика Федора Кречетова продолжает привлекать внимание советских исследователей. В свете этого, нельзя не остановиться на появившейся в журнале «Вопросы истории» (№ 3 за 1956 год), статье К. Сивкова и С. Папаригопуло «О взглядах Федора Кречетова».

Авторы статьи, опираясь, между прочим, и на высказывания Г. В. Плеханова, взяли на себя задачу доказать, что «Кречетов был вольнодумцем и просветителем, но не революционером». Поэтому, пишут они, «характеристику Кречетова как последователя и единомышленника Радищева — нельзя признать правильной».

Мне думается, что взгляды Кречетова до сих пор еще недостаточно изучены. Публицистика его была чрезвычайно своеобразна. Так, например, в сочинениях его имеется множество ссылок на священное писание, но митрополит Гавриил утверждал, что толкует он его посвоему и понимает «худо». Кречетов на каждом шагу восхваляет и цитирует «Наказ» Екатерины II и законы Российской империи, однако, по мнению генерал-прокурора Самойлова и заплечных дел мастера Шешковского, делает он это так же «извращенно и весьма превратно». При обыске Кречетова находят у него сочинения и выписки «в коих вольность похваляется, а самодержавие осуждается».

Вообще, я не вижу предмета спора. Знака равенства между Радищевым и Кречетовым, ни в революционном, ни в литературном отношениях не ставилось ни в одной работе, упоминающей фамилию вольнодумного поручика.

Но быть «вольнодумцем и просветителем» в России конца XVIII-го века — это тоже не мало. Этого не показалось мало и Екатерине, заточившей поручика Кречетова в Шлиссельбург.

Мне кажется, что название «последователь и единомышленник Радищева» следует понимать шире. Шире настолько, чтобы вновь не вернуться к порочному разговору о якобы «идейном одиночестве» писателя-революционера А. Н. Радищева.

Что же касается высказываний Г. В. Плеханова, то нельзя забывать (при всем безмерном уважении к его работам), что о московском периоде деятельности Н. И. Новикова он, например, писал:

«Он (Новиков.— Н. С.-С.) громко и восторженно пел замогильную песню, а более или менее образованные разночинцы с удовольствием слушали ее и дружным хором подхватывали ее кладбищенский припев»[5].

«Образованные разночинцы» более позднего времени — Белинский, Чернышевский и Добролюбов — держались совершенно иных и куда более верных взглядов на «пение» Н. И. Новикова, как в московский, так и в петербургский периоды его замечательной деятельности.

Вольнодумец и просветитель XVIII-го века поручик Федор Кречетов заслуживает благодарности потомства и вне всяких сравнений его подвига с подвигом Александра Радищева.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Открытие нового издания, души и сердца пользующего. О всех, и за вся, и о всем ко всем; или российский патриот и патриотизм. (Без года и места печати). 12^0. (17 × 10 см.). 40 стр., включ. загл. л.

К этому приброшюровано:

В 1786-й год новый. Новое издание Не всио и не ничево. Лист первый. В первое число генваря. Объявление о издании сем. Сие сочинение праздничное, определенное в свет ко изданию в 1785 году ноября в 24 день, то есть в тезоименитство великие Екатерины II, императрицы российские, в соответственность и в достопамятность ею творимых человечеству благодеяний. В Санктпетербурге. 12^0. 8 нен. стр.

К изданию приброшюрованы два-три чистых листочка бумаги, на которых, по мысли издателя, лицо, получившее этот проспект, подписывалось и давало подписаться своим знакомым. Экземпляр с подписями должен был быть отослан Кречетову, взамен чего он высылал новый экземпляр журнала и издания, требуемые подписавшимися. На моем экземпляре имеется такая рукописная приписка чернилами: «По сему открытию сочинения получать и к благодействованию согласие составляет» — подпись (неразборчиво).

Цена листа журнала объявлена в 5 копеек. Напечатано первого листа и «Открытия» — 1000 экземпляров.

2. Все цитаты из протоколов допроса Кречетова и свидетелей взяты из статей М. Королькова и Н. Чулкова. Первая — в журнале «Былое», 1906 г., апрель, вторая — в «Лит. наследстве», т. 9-10, стр. 453. См. также: Берков, П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.-Л., 1952, стр. 359.

3. Новое издание Не всио и не ничево. Журнал 1786 года. Текст с предисловием Е. А. Ляцкого. М., Унив. тип., 1898. (Оттиск из «Чтений в О-ве истории и древностей российских»).

4. См. примечание 2.

5. Плеханов, Г. Сочинения. Т. 22. М.-Л., 1925, стр. 327.

ПЕРВЕНЦЫ РУССКОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В наше советское время название «провинция» вовсе потеряло свое значение и звучит нелепо, а порой просто обидно. Небывалый расцвет всей нашей необъятной Родины, множество новых городов (и каких городов!), возникших на пустых ранее местах, — все это потребовало заменить слово «провинция» каким-то новым, более правильным словом. Слово это еще не найдено, и бытующее иногда название «периферия», разумеется, ни в какой мере не соответствует тому, что приходится видеть сегодняшнему путешественнику по новой, преображенной советской стране.

Какая там «периферия»! В Запорожье, на месте жалкого когда-то городишки, строится и наполовину уже выстроен проспект домов-гигантов. Длина этого проспекта будет 26 километров!

Сорок-пятьдесят лет — много для человеческой жизни и немного для истории. Однако совсем недавно провинция еще была именно такой провинцией, о которой писал Глеб Успенский, что и события-то в «богоспасаемых» городах ее происходили всегда какие-то несуразные: то «вдруг, нежданно-негаданно, налетит по железной дороге Рубинштейн, Давыдов» — с концертами, то просто на улицу и тоже «вдруг, забежит волк и перекусает возвращающихся с концерта меломанов...» [1].

Можно представить себе, какими же были эти «богоспасаемые» города за сотню и более лет до Глеба Успенского!

Однако и тогда в городах этих билась живая человеческая мысль, которая порой весомо напоминала, что «не место красит человека, а человек место»...

Не ахти как велик был город Ярославль в годы Екатерины II, но именно в стенах этого города вырос российский актер Федор Волков и было заложено основание первого русского театра. Этому же городу Ярославлю принадлежит честь выпуска первого провинциального литературного журнала в России, носившего название «Уединенный пошехонец» [2].

Молчавшая до 1786 года русская провинциальная пресса обрела голос, прозвучавший, правда, пока еще весьма робко.

Нельзя не согласиться с ярославским поэтом-демократом Л. Н. Трефолевым, посвятившим «Уединенному пошехонцу» отдельную работу, что не следует слишком строго относиться к малым литературным достоинствам этого первого провинциального журнала. Никому не придет в голову, например, рассматривать ботик Петра I с точки зрения современного развития корабельного искусства. Он ценится как «дедушка» русского флота [3].

Можно оказать такое же уважение и «дедушке» провинциальной печати — журналу «Уединенный пошехонец». Кстати, название его взято от заштатного городка Ярославской губернии — Пошехонье. Название этого городка стало в какой-то мере нарицательным для всякого захолустья. У меня есть любопытная и остроумная книга, выпущенная в Петербурге в 1798 г. Василием Березайским: «Анекдоты древних пошехонцев». Это смешные историйки о наивных провинциалах, несколько напоминающих виландовских «абдеритов», унаследовавших это прозвище от жителей древнегреческого городка Абдера.

Привившееся название «пошехонец» было позже неоднократно использовано М. Е. Салтыковым-Щедриным [4].

К сожалению, в самом ярославском журнале «Уединенный пошехонец» сатирические нотки не получили развития. Художественная часть его была самого «верноподданнического» характера. Ценными являются только описания городов и уездов Ярославской губернии и всякого рода местные материалы.

«Душой» журнала и его фактическим организатором и редактором был некий Василий Демьянович Санковский. Еще студентом Московского университета он проявил себя как ревностный сотрудник журналов Хераскова «Полезное увеселение» (1760—1762) и «Свободные часы» (1763). Вскоре, в 1764 году, он предпринял издание собственного журнала «Доброе намерение», выходившего в Москве.

Получив в Ярославле место секретаря Приказа общественного призрения, Санковский был «взыскан милостью» ярославского наместника Мельгунова. С его разрешения и при участии трех ярославских чиновников — Н. Ф. Уварова, А. Н. Хомутова и Н. И. Коковцева, он открыл типографию, в которой начал печататься «Уединенный пошехонец».

На всякий случай, в качестве сотрудника и духовного цензора журнала привлекли архиепископа Арсения. Архиепископ напечатал в нем ряд своих проповедей. Вообще «благочинию» открывали самую широкую дорогу, наперед заявляя, что ничего «сумнительного» в затеваемом журнале печататься не будет.

Кроме указанных лиц в журнале участвовали педагоги, чиновники. Тираж журнала, по всей вероятности, был незначителен, чем и объясняется то обстоятельство, что он давно уже является большой редкостью, вовсе исчезнувшей с книжного рынка.

С огромным трудом удалось мне найти для своей библиотеки хороший и полный экземпляр этого издания в двух томах, заключающих в себе все двенадцать номеров. Если отбросить всякого рода восхвалительные оды и проповеди — остальная половина журнала не лишена интереса и для современного читателя.

Журнал издавался и следующий 1787 год, но уже под другим заглавием: «Ежемесячное сочинение, издаваемое в Ярославле». Его так же вышло 2 части, чуть меньшего объема. Этого журнала, издававшегося теми же сотрудниками, но с несколько иной программой, Неустроев не нашел ни в одной библиотеке, а описал его по сведениям, сообщенным поэтом Л. Трефолевым. Журнал «Ежемесяч-

УЕДИНЕННЫЙ ПОШЕХОНЕЦЪ

Ежемѣсячное сочиненіе

на 1786. годъ.

Содержащее въ себѣ разные извѣстія о достопамятныхъ произшествіяхъ, случившихся въ здѣшней странѣ издревле и нынѣ; благотворительные и человѣколюбивые дѣяніи, оказанные частными людьми къ общественной пользѣ; разные духовные, Философическіе, Нравоучительные, Историческіе, до нашего Отечества и до иныхъ государствъ относящіеся, такъ же до естественной Исторіи домоводства и до наукъ принадлежащіе сочиненіи.

ЧАСТЬ I.

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ
Печатано съ указнаго дозволенія
1786. года.

Изъ Книгъ Тертія
Борисоволокова.

49. «Уединенный пошехонец». Титульный лист первого русского провинциального журнала. Издан в Ярославле в 1786 г.

ное сочинение» Неустроев рассматривает как отдельный, самостоятельный орган, имеющий лишь косвенное отношение к «дедушке» русской провинциальной прессы — «Уединенному пошехонцу» 1786 года.

В истории русской журналистики «Уединенному пошехонцу» принадлежит определенное место. Иметь его в своей библиотеке — заветная мечта каждого книголюба.

* *
*

При внешне похожих обстоятельствах, но, как говорится, «на совершенно других дрожжах», возник и другой первенец русской провинциальной журналистики, имевший честь быть первым литературным органом Сибири. Журнал этот издавался в 1789—1791 годах и носил несколько причудливое название «Иртыш, превращающийся в Ипокрену»[5]. Издавался он в городе Тобольске и выходил, начиная с сентября 1789 года, ежемесячными книжками, примерно, по 60 страниц в каждой. На двенадцатой книжке, вышедшей в августе следующего 1790 года, журнал прекратился, очевидно, следуя принятому тогда большинством периодических органов обыкновению ограничиваться только годом существования.

Однако с января следующего 1791 года «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» начал выходить вновь и выдал подписчикам еще двенадцать книжек, прекратившись в декабре этого же года уже окончательно.

Таким образом, всего было выпущено в свет 24 книжки этого журнала, а не 28, как долгое время уверяли многие библиографы, считавшие, что перерыва в издании журнала не было, а просто 4 книжки за сентябрь-декабрь 1790 года сделались недоступной библиографической редкостью[6].

По отношению к этим четырем книжкам такое определение было неверным, так как их вовсе не существовало, но по отношению ко всему комплекту первого литературного журнала Сибири — такое определение абсолютно справедливо. «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» — редчайшее русское издание.

Выше говорилось, что внешние обстоятельства возникновения журнала были сходны с обстоятельствами появления ярославского «Уединенного пошехонца»: меценатствующий наместник способствовал возникновению журнала, была организована первая в городе «вольная типография», печатавшая журнал, нашелся профессионал-литератор, ставший «душой» издания.

ИРТЫШЪ

ПРЕВРАЩАЮЩІЙСЯ ВЪ ИПОКРЕНУ,

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ СОЧИНЕНІЕ,

издаваемое

отъ

Тобольскаго главнаго народнаго училища.

МѢСЯЦЪ СЕНЬТЯБРЬ

1789 года.

Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги науки,
И счастье дома находить.

Ода къ Фелицѣ напечат. въ 1 част. соб. люб. рос. сл.

* *

ВЪ ТОБОЛЬСКѢ

въ Типографіи Тоб. купца Вас: Корнильева.

50. *«Иртыш, превращающийся в Ипокрену». Титульный лист первого русского журнала, изданного в Сибири.*

Все так же, только люди в Тобольске были совершенно иными, чем в Ярославле. Да и город был тоже отличен. Тобольск стоял в центре караванных путей из Сибири в Россию, из Европы в Китай и Бухару. Справедливо Тобольск называли сибирской столицей.

Наместником-губернатором был просвещенный и либерально настроенный Александр Васильевич Алябьев, женатый на близкой родственнице русского просветителя XVIII-го века Н. И. Новикова. А. В. Алябьев был отцом выдающегося композитора Александра Александровича Алябьева.

В годы издания журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» через Тобольск проезжал высланный «государственный преступник» Александр Радищев. Губернатор Алябьев, не убоявшись немилости Екатерины II, ласково встретил писателя-изгнанника, обошелся с ним, как с равным, дал ему возможность отдохнуть в Тобольске.

Пребывание Радищева в Тобольске в годы издания «Иртыша» дало повод предположить его участие в этом журнале. К сожалению, документального подтверждения этому не найдено, хотя сотрудничество Радищева в «Иртыше» и не было бы удивительным.

Организатором «вольной типографии» в Тобольске, начавшей печатание первого сибирского журнала, был купец Василий Корнильев, владевший бумажной фабрикой, понимавший пользу просвещения и желавший всячески ему содействовать. В журнале «Зеркало света» можно найти известие о пожертвовании им в то время пяти тысяч рублей на устройство училищного дома в Тобольске. При этом, Корнильев вовсе не принадлежал к крупным сибирским богачам.

В семье Корнильевых родилась дочь Марья Дмитриевна Корнильева, которая в 1809 году вышла замуж за директора Тобольской гимназии Ивана Павловича Менделеева и подарила миру гениального русского ученого — Дмитрия Ивановича Менделеева [7].

Первой книгой, напечатанной в типографии Василия Корнильева в год ее открытия под покровительством и при содействии губернатора Алябьева, была популярная в то время английская повесть, переведенная с французского — «Училище любви».

Переводчиком этой книги, а потом и инициатором выпуска в свет «Иртыша, превращающегося в Ипокрену» являлся поэт Панкратий Платонович Сумароков, игравший такую же роль в этом журнале, как и В. Д. Санков-

ский в «Уединенном пошехонце». К счастью для сибиряков, он был человеком других, несравнимо более прогрессивных убеждений.

Судьба Панкратия Сумарокова сложилась крайне несчастливо. В 1785 году, получив в 19 лет чин гвардейского офицера, он совершил непростительную шалость, которая стоила ему дворянского звания и пятнадцати лет высылки в Сибирь.

Хорошо образованный, уже печатавшийся в журналах, молодой Панкратий Сумароков на свою беду был и недурным рисовальщиком. Подстрекаемый приятелем своим, вахмистром того же гвардейского полка Куницыным, поэт-художник, шутки ради, нарисовал сторублевую ассигнацию. Сумарокову и в голову не приходило, что легкомысленный Куницын сбудет ассигнацию в гостином дворе какому-то торговцу.

Узнав об этом, Сумароков пришел в ужас и позвал другого своего приятеля Ромберга — посоветоваться. Но что мог посоветовать ему Ромберг, к тому же столь же молодой, как и он? Решили дожидаться событий, которые и не замедлили развернуться.

Купец, принявший ассигнацию вечером, при скудном освещении, утром, разглядев подделку художника, поднял тревогу на весь гостиный двор. Нашлись люди, видевшие Куницына, и дело быстро раскрылось. Надо ли говорить, что и Сумарокова, нарисовавшего ассигнацию, и Куницына, ее сбывшего, и Ромберга (за то, что знал и не донес) — арестовали, разжаловали, лишили дворянского звания и отправили в Сибирь.

Как ни доказывали Екатерине II отсутствие злонамеренности в поступке юноши, как ни заступались за нашалившего Сумарокова друзья и товарищи по полку, Екатерина была неумолима. Носились слухи, весьма похожие на правду, что в бумагах Сумарокова, к тому же, нашли стихи его, написанные в не слишком «верноподданническом» духе, которые, по-видимому, и решили все дело. Сумароков оказался в Тобольске [8].

На его счастье, наместник А. В. Алябьев, великолепно понимавший истинную причину высылки Сумарокова, кстати, родственника известного поэта и драматурга А. П. Сумарокова, постарался всячески облегчить участь юноши.

Он устроил его на службу, дал возможность заниматься литературным трудом и помог в организации журнала. Но Панкратий Сумароков, хотя и принимал в журнале бли-

жайшее участие, официально не был ни его издателем, ни редактором. Журнал издавался при Тобольском главном народном училище на средства Приказа общественного призрения.

В предисловии к «Иртышу» так рассказывается цель издания журнала: «Находя весьма нужным доставить учителям свойственное званию их упражнение, посредством коего и среди исполнения возложенной на них почтенной должности, достигли бы и они дальнейших способностей, к вящему усовершенствованию столь изящного заведения, Тобольское главное народное училище предприняло издавать ежемесячник, наполняя оный всякого рода сочинениями, так и переводами в стихах и прозе».

Но учителей этого училища, участвовавших в журнале было всего четверо: Воскресенский, Лафинов, Набережный и Прудковский. Главным сотрудником журнала являлся Панкратий Сумароков. Участвовала в журнале и горячо любившая его сестра Наталия Платоновна Сумарокова, красивая молодая женщина, поехавшая в добровольную ссылку с целью облегчить участь брата.

Нашлись и другие сотрудники: Бельшев, Бауэр, Дягилев, Гладков, Трунин, Смирнов, Северяков, Флоренский и другие — все чиновники, военные и ученики Тобольского училища. Наряду с Сумароковым, наиболее деятельное участие в журнале принимал прокурор И. И. Бахтин, не лишенный литературных способностей человек. К тому же он был настроен прогрессивно, и его резкие обличения крепостного права в журнале обращали на себя внимание.

«Иртыш, превращающийся в Ипокрену», вообще, был весьма интересным по содержанию изданием. Любопытным его сотрудником был некий Апля Маметов, знаток Бухары, а также Михаил Алексеевич Пушкин, дальний родственник А. С. Пушкина. Судьба М. А. Пушкина была столь же печальна, как и судьба Панкратия Сумарокова. Он был так же несправедливо заподозрен в фабрикации фальшивых ассигнаций и выслан в Тобольск.

Журнал печатался в количестве 300 экземпляров и расходился туго, несмотря на помощь со стороны наместника. Оставшиеся нераспроданными экземпляры раздавались ученикам в виде награды, предусмотренной уставом народного училища. Для этого номера журнала переплетались в четырехкопеечные переплеты.

Журнал давал убыток, хотя сотрудничество подавляющего большинства участников было бесплатным. Людей,

желавших сохранить комплекты «Иртыша» в своих библиотеках, в Сибири было, очевидно, совсем мало, и журнал вовсе исчез с книжного рынка.

После прекращения издания журнала, по распоряжению Алябьева было решено несколько полных его комплектов представить в дар «разным знаменитым особам, пребывающим в Санктпетербурге и Москве». Особами, которым было определено подарить «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», были П. В. Завадовский, Г. Р. Державин, О. П. Козодавлев, Е. Р. Дашкова, И. В. Гудович, Н. П. Шереметев, П. В. Лопухин и М. М. Херасков.

Все восемь комплектов решено было предварительно переплести в зеленые сафьяновые переплеты с золотым обрезом, на что было истрачено 120 рублей ассигнациями за счет Тобольского Приказа общественного призрения.

Один из этих комплектов (которых, возможно, было заготовлено больше) попал в мою библиотеку. Любопытно, что нашелся он не сразу, а по томику из разных книжных лавок и в течение более десятка лет. В комплекте шесть томов, по четыре номера в каждом.

По сведениям В. Семенникова, годом позже начала издания журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» в той же тобольской типографии Корнильева печатался другой журнал, значительно менее интересный, носивший название «Журнал исторический, выбранный из разных книг». Издавался он в 1790 году, и вышло его две части по 13 печатных листов в каждой. Этого журнала нет ни в одном хранилище.

По окончании издания «Иртыша» П. П. Сумароков в течение 1793 и 1794 гг. издавал уже самостоятельно другой журнал, под названием «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей». Вышло ее 12 частей, но журнал этот к теме настоящего рассказа уже отношения не имеет.

Возвращаясь к первенцу русской сибирской журналистики «Иртышу, превращающемуся в Ипокрену», нельзя не подивиться мужеству сотрудников его — Сумарокова, некоторых других и, в особенности, прокурора Бахтина не убоявшихся выступать в то время против крепостного права. Общий либеральный порядок, заведенный в Тобольске наместником А. В. Алябьевым, играл здесь не последнюю роль.

Читая такие, например, бахтинские строки, обращенные к дворянам, как:

«А вы, что за скотов, подобных вам приемля,
Ни бедных жалобе, ни воплю их не внемля,
Употребляя власть вам данную во зло,
На всяк час множите несчастливых число...»,

или такую эпиграмму:

«Как будто за разбой вчерашнего дня, Фрол,
Боярин твой тебя порол;
Но ништо, плут тебе! Ведь сек он не без дела:
Ты чашку чая нес, а муха в чай влетела!»

— невольно думаешь, что за нечто подобное литераторов из Петербурга и Москвы в то время, не стесняясь и не медля, высылали в Сибирь. Не было ли причиной подобного послабления сибирякам, что их уже высылать было некуда? Не наоборот же — в Петербург или в Москву?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Успенский, Г. Неплательщики.— Собр. соч. Т. 3. Спб., 1883, стр. 36.

2. Уединенный пошехонец. Ежемесячное сочинение на 1786 год, содержащее в себе известия о достопамятных происшествиях, случившихся в здешней стране издревле и ныне; благотворительные и человеколюбивые деяния, оказанные частными людьми к общественной пользе; разные духовные, философические, нравоучительные, исторические, до нашего Отечества и до иных государств относящихся, так же до естественной истории, домоводства и до наук принадлежащие сочинения. Ч. I—II. В Ярославле, печатано с указного дозволения 1786 года. 8⁰. В части I — шесть книжек — 396 стр., в ч. II — тоже шесть книжек — 397-782 стр.

3 Статья Л. Трефолева в «Русском архиве», 1879, кн. 3, стр. 88-135. По указанию в каталоге Л. И. Жевержеева («Опись моего собрания». Пг., 1915, № 2466) Л. Трефолев переиздал «Уединенного пошехонца» на 304 страницах, с печатью только на одной стороне листа. Никогда этого переиздания не видел и нигде о нем, кроме каталога Жевержеева, не читал.

4. Книга Василия Березайского «Анекдоты, древних пошехонцев» вышла в Петербурге в 1798 году. Второе издание ее «поправленное, с прибавлением повестей о Щуке и о походе на Медведя и с присовокуплением забавного словаря» — было осуществлено в 1821 году, третье издание — в 1863 году. Книга имела огромный успех и считается «зачитанной». Анекдотами Березайского широко пользовались эстрадные рассказчики, вплоть до Павла Вейнберга. Эти забавные историйки, почерпнутые из народного творчества, или, как пишет сам Березайский, «от нянюшек и мамушек», хорошо знал М. Е. Салтыков-Щедрин. Понятием «пошехонцы» он широко пользовался.

Христофор Виланд (1733—1813), немецкий писатель. Его книга «История абдеритов» вышла впервые на русском языке в 1793-1795 гг. в Москве в 2-х частях. Это — такие же анекдотические историйки о жителях г. Абдера, наивных провинциалах, головотяпах, способных «в трех соснах заблудиться».

Слова в немецкой литературе «абдериты» и в русской «пошехонцы» — адэкватны по значению.

5. Иртыш, превращающийся в Ипокрену. Ежемесячное сочинение, издаваемое от Тобольского главного народного училища. Месяц сентябрь [— декабрь] 1789 года. В Тобольске, в тип. тобольск. купца Вас. Корнильева. 8⁰. Кн. 1. 61 стр.; кн. 2. 65 стр.; кн. 3. 64 стр.; кн. 4. 63 стр.

То же. 1790 год. Месяц генварь [— август]. 8⁰. Кн. 5. 56 стр.; кн. 6. 59 стр.; кн. 7. 64 стр.; кн. 8. 62 стр.; кн. 9. 64 стр.; кн. 10. 64 стр.; кн. 11. 60 стр.; кн. 12. 63 стр.

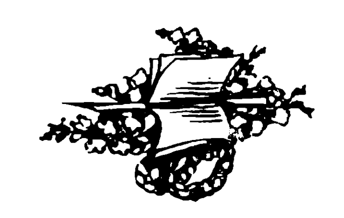
То же. 1791 год. Месяц генварь [— декабрь]. 8⁰. Кн. 1. 64 стр.; кн. 2. 52 стр.; кн. 3. 52 стр.; кн. 4. 56 стр.; кн. 5. 67 стр.; кн. 6. 63 стр.; кн. 7. 61 стр.; кн. 8. 55 стр.; кн. 9. 59 стр.; кн. 10. 44 стр.; кн. 11. 50 стр.; кн. 12. 48 стр.

Ненумерованные страницы (оглавление и погрешности) не указаны.

6. Сведения о журнале см. в кн.: Дмитриев-Мамонов, А. И. Начало печати в Сибири. Печать в Тобольском наместничестве в конце XVIII столетия. Изд. Акмолинского Обл. стат. ком-га. Омск, 1891. См. также: «Русский библиофил», 1911, № 7, стр. 23; Неустроев, стр. 549.

7. См. Младенцев, М. Н. и Тищенко, В. Е. Дмитрий Иванович Менделеев, его жизнь и деятельность. Т. 1. М.-Л., АН СССР, 1938, стр. 4 и след.

8. Подробная биография П. Сумарокова, составленная его сыном Павлом, напечатана в книге: Стихотворения Панкратия Сумарокова. Спб., 1832.

"ФЕАТР ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ"

Книга эта, изданная в Петербурге в год выхода в свет радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790), имеет, по обычаю времени, длиннейшее многословное название: «Феатр чрезвычайных происшествий истекающего века, открыт и представлен очам света в следующих созерцаниях: Проказы езуитов и францисканских монахинь; Странное приключение одного маркиза при целовании папского туфля; Гибельная участь дочери французского купца; Злость священника; Невинно повешенный, получивший жизнь; Бродящее мнимое приведение по ночам; Посрамленное легковерие ученых; Уничтоженная гордыня гишпанца на Руси; Разврат учителя француза; Плоды коварства; Храбрость росса; Посрамление невежды и проч.»

Далее стоят какие-то непонятные инициалы: «Т... П... О...» и идут выходные данные книги: «С дозволения управы благочиния, во граде св. Петра, печатано при императорской типографии 1790 года»[1].

Года через два после того, как я приобрел эту книгу, я встретил другой экземпляр этой же книги, несколько отличный от имеющегося у меня первого. Книга была напечатана на лучшей бумаге, и вместо непонятных инициалов на заглавном листе на обороте его значилось: «Издание Главного Народного Санктпетербургского училища учителя Павла Острогорского».

Кроме того, вслед за заглавным листом, шли еще два листа добавочных, не имеющихся в первом моем экземпляре. На этих двух листах было напечатано пышнословное посвящение книги генерал-аншефу графу Ивану Петровичу Салтыкову, «истинному любителю и покровителю науки и упражняющихся в оной».

Было ясно, что передо мной особый, «подносной» экземпляр этой книги. То, что он отпечатан на лучшей бумаге, меня не удивило: так и должно было быть. Но почему автор с общего тиража снял свою фамилию, а также «посвящение»,— показалось необычным.

Решил заняться этой книгой, тем более, что библиограф Битовт, описавший «Феатр» (без расшифровки имени автора) в каталоге библиотеки К. М. Соловьева, снабдил описание примечанием, что книга — «редкость, не бывшая в продаже на нашем антикварном рынке»[2].

Фамилия автора книги мне стала теперь известна, но сведения о нем, которые давал «Словарь» Г. Н. Геннади, были весьма скудными: «Острогорский Павел Петрович, учитель логики и красноречия в юнкерской школе при Сенате». Все! Сочинений у Острогорского по словарю Геннади, оказалось всего два: переведенная с немецкого книжка «Испытание свойств чая и кофе» (1787 г.) и этот самый «Феатр», с расшифрованными инициалами «Т... П... О...» — это значит «Трудами Павла Острогорского». В сноске Геннади давал драгоценное указание: «О нем упомянул Н. Греч в своих записках»[3]. Искать стало уже много легче.

Были положены на стол «Записки» Греча, из которых выяснилось, что сам автор записок учился в Юнкерской школе у Пяти углов и что директором в ней был в 1801 году А. Н. Оленин.

«В третьем классе,— пишет Греч,— преподавал логику и красноречие Павел Петрович Острогорский, человек

неглупый, умевший красно говорить и внушавший ученикам уважение и необходимый страх. Мы его очень боялись, хотя он не был суров, ни даже строг. Острогорский в молодости вздумал быть писателем и напечатал в 1790 году книгу под заглавием «Феатр чрезвычайных происшествий». ...Карамзин отделал ее по заслугам в «Московском журнале». Несмотря на это, она вышла в 1793 году вторым тиснением. Острогорский никогда не говорил о ней. Мы вздумали было представить ему в числе школьных работ выписки из этой книги и просить его мнения о них, но побоялись»[4].

Самым ценным в воспоминаниях Греча было, конечно, указание на рецензию Карамзина в «Московском журнале». На существование ее указывал и Губерти, но он назвал «Феатр» сборником «грязных, пошлых и вполне бессмысленных нелепостей» и писал, что книга «превосходит кажется прочие одного с ней рода, как цинизмом содержания, так и множеством опечаток». После этого не хотелось читать рецензию Карамзина.

Но тут я вспомнил, что сам Губерти был реакционных взглядов и писал, например, о Радищеве как о человеке «вызвавшем справедливое негодование». Это заставило меня заглянуть в «Московский журнал» Карамзина, проверить — что там написано о «Феатре»[5].

Рецензия Карамзина о «Феатре» оказалась много сдержаннее, но в общем мало чем отличалась от вышеприведенных высказываний Губерти. Карамзин главным образом обрушивался на язык автора, который якобы не позволил ему «прочитать и пяти страниц сей книги».

Однако в этой рецензии мое внимание остановило сообщение Карамзина, что «присланные в Москву экземпляры сей книги почти все в один день были проданы».

Это было чрезвычайно важное сообщение. Очень немногие книги в то время так быстро раскупались. Разговор о «циничности» сочинения Острогорского оказался значительно преувеличенным, да и, кроме того, ряд книг примерно того же времени и действительно «клубничного» характера, вроде сочинения Г. Громова «Нежные объятия в браке и потехи с любовницами продажными» (Спб., 1799), отнюдь не раскупались в один день.

Тут явно было что-то другое, не только сделавшее книгу «раскупаемой в один день», но и заставившее автора снять свое имя с общего тиража и выбросить посвящение ее генерал-аншефу Салтыкову.

С книгой несомненно что-то случилось, что-то доста-

ѲЕАТРЪ

чрезвычайныхъ произшествій

изтекающаго вѣка,

ОТКРЫТЪ

и

ПРЕДСТАВЛЕНЪ ОЧАМЪ СВѢТА

въ слѣдующихъ созерцаніяхъ:

проказы Езуитовъ и Францисканскихъ монахинь; Странное приключеніе одного Маркиза при цѣлованіи Папскаго туфля; Ужасная кончина одного Агличанина; Гибельная участь дочери Французскаго купца; злость священника; невинно повѣшенный, получившій жизнь; бродящее мнимое привидѣніе по ночамъ; посрамленное легковѣріе ученыхъ; уничиженная гордыня Гишпанца на Руси; развратъ учителя Француза; плоды коварства; храбрость Росса; посрамленіе невѣжды, и проч.

Съ дозволенія Управы Благочинія.

Во Градѣ С. Петра,

печатано въ Императорской Типографіи

1790 года.

51. «Феатр чрезвычайных происшествий». Титульный лист книги П. Острогорского. Уничтоженное издание 1790 г.

вило ей скандальную известность, до смерти перепугавшую автора. Даже и через 10 лет после этого он не терпел о ней упоминания.

Прочитав внимательно книгу, я многое понял. По содержанию «Феатр» представляет собою типичный сборник различных коротеньких историек-анекдотов на самые различные темы. Таких сборников насчитывалось немало в XVIII и начале XIX-го века. Частично это были переводы, частично собственные сочинения автора-составителя.

Однако подбор этих коротеньких рассказов в книге «Феатр чрезвычайных происшествий» оказался весьма тенденциозным. Вне всякого сомнения, автор принадлежал к вольнодумно настроенным людям.

Правда литературный талант Павла Острогорского, как и вольнодумство его, были не на очень большой высоте,

но если он в 1790 году писал в своей книге о духовенстве, что «пока обуявшее суеверие допустит царствовать этой бесплодной праздности, пока не водворится в человечестве беспристрастный светильник ума, пока, говорю, просвещением не разодрана будет завеса невежества и не сбросится постыдная для рода человеческого личина...» — то такого рода высказывания для своего времени нельзя не признать безусловно мужественными.

Если человек пишет о «прислужниках святейшего папы», что они — «те пресмыкающиеся твари, которые только знают «дай», а что значит «отдай» совсем недоумевают», если мы находим в книге слова, что «богачи — жадная пучина, пожирающая все сокровища мира, желающая себе всего, а другим ничего», если видим, что автор книги негодует против испанского лекаря, посмевшего заявить, что-де «русским языком только с попугаями говорить можно», то и Карамзин и, тем более, Губерти не убедят нас, что такая книга была раскуплена в один день только якобы из-за «циничности» ее содержания.

Остальные «созерцания» «Феатра» типичны для целого ряда книг того времени. Здесь и осуждение «французского воспитания», и борьба с космополитизмом, выражающимся в уродливом преклонении перед заграницей, и многое другое.

Основное направление книги Острогорского было антиклерикальным, что и вызвало ее преследование со стороны Екатерины II, считавшей попов и монахов опорой трона. Много позже того, как я догадался о судьбе этой книги, я прочитал в обзоре собрания редких книг Библиотеки Академии наук такое сообщение Е. И. Бобровой о «Феатре»:

«...было запрещено сочинение П. Острогорского, хранящееся в Отделе рукописей и редкой книги, изданное в Петербурге в 1790 году: «Феатр чрезвычайных происшествий». Книга состоит из пятнадцати отдельных рассказов, излагающих самые разнообразные приключения, куда включены эпизоды из жизни распутных монахов и священников. Книга эта была очень быстро распространена, и в XVIII веке она уже считалась большой редкостью»[6].

Год 1790-ый, год появления в свет великой книги Радищева, был грозным годом для литературы. Неудивительно, что когда вышли первые, еще «подносные» экземпляры «Феатра», то сведущие люди, посмотрев книгу, предупредили автора, что ничего хорошего для него от этого сочинения получиться не может. Перепуганный

АНЕГДОТЫ
ИЛИ
ДОСТОПАМЯТНѢЙШІЯ
ИСТОРИЧЕСКІЯ СОКРО-
ВЕННЫЯ ДѢЯНІЯ
ОТТОМАН-
СКАГО ДВО-
РА
СОЧИНЕННЫ
Членами Парижской Академіи наукЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

СЪ дозволенія Управы Благочинія

На иждивеніи трудившагося въ преложеніи

ВО ГРАДѢ СВЯТАГО ПЕТРА.
1787 года.

52. «Анегдоты Оттоманского двора». Титульный лист книги П. Острогорского. Неоконченное издание 1787 г.

Острогорский снял свою фамилию и посвящение с напечатанного тиража. Книгу быстро расхватали, и на долю цензуры, арестовавшей ее, осталось не так много экземпляров.

По-видимому, уже через три года (в 1793-м), ситуация несколько изменилась, и Острогорский (а может его издатели) сумели выпустить второе издание, буквально повторяющее первое. Ни имени автора, ни каких-либо посвящений в книге второго издания тоже не было. Очевидно, Острогорский навсегда распростился с литературой и предпочел карьеру педагога. Никаких других книг, подписанных его именем, я уже нигде не нашел.

Зато мне удалось разыскать его книгу, вышедшую раньше «Феатра чрезвычайных происшествий». Она назы-

вается «Анегдоты или достопамятнейшие исторические сокровенные деяния Оттоманского двора. Сочинены членами Парижской академии наук».

Вышла книга «Во граде святого Петра» в 1787 году «на иждивении трудившегося в преложении». В книге такое же пышнословное «посвящение», на этот раз — графу А. С. Строганову. Подписано оно инициалом «П... О...»[7].

По слогу и характеру книги видно, что это тот же Павел Острогорский. Книга как-то проскочила мимо библиографов, зарегистрировавших ее, как «перевод неизвестного автора».

Содержание книги ничем не отличается от ряда других таких же книг с описаниями «тайн оттоманского двора», но в предисловии переводчика мое внимание остановила следующая сентенция:

«Государство, управляемое властью, порабощенную страстям, не может иметь постоянного спокойствия. Государь, удовлетворяя собственным страстям, не радит о выгодах подданных. Часто без нужды общественной возбуждаются войны, сопровождаемые пагубными следствиями для народа; а иногда междуусобное возмущение, отвергающее скипетр правления, возгорается».

Хотя это и было сказано по адресу Оттоманской империи, но легко могло быть отнесено к Екатерине II. Тут намеки и на обилие ее «собственных страстей» и на «войны, сопровождаемые пагубными следствиями для народа», и на «междуусобное возмущение, отвергающее скипетр правления», весьма похожее на только что с трудом подавленное ею крестьянское восстание.

Хотел этого Павел Острогорский или не хотел, но сентенция эта для своих лет прозвучала более чем смело.

Недаром и эта книга тоже сейчас мало известна. Издание осталось незаконченным, и вряд ли судьба его была благополучной. Напуганный грозой, разразившейся над головой автора «Путешествия из Петербурга в Москву», П. П. Острогорский раз и навсегда бросил свои литературные упражнения.

Я рад, что попытался вырвать из забвения его имя. Мне кажется, оно стоит этого.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Точное заглавие книги приведено в тексте рассказа. Размер ее в 8⁰. В ней 152 и 2 ненумерованные страницы. О «Феатре» см.: Сопиков, В. С. Опыт российской библиографии, № 12777; Губерти, Н. В.

Материалы для русской библиографии. Вып. 2, № 144; Березин-Ширяев, Я. Материалы для библиографии... Спб., 1873, стр. 289; Битовт, Ю. Редкие русские книги и летучие издания XVIII в. М., 1905, № 2293.

2. Битовт, Ю. Каталог библиотеки К. М. Соловьева. М., 1914, № 908.

3. Геннади, Г. Справочный словарь о русских писателях и ученых. Т. 3. М., 1908, стр. 92.

4. Греч, Н. Записки.— «Древняя и новая Россия», 1879, т. 1, стр. 188.

5. «Московский журнал», изд. 2-е, ч. 2, 1802, стр. 84.

6. «Труды БАН СССР и Фунд. Б-ки обществ. наук АН СССР», т. 2, М.-Л., 1955, стр. 51.

7. Издана в 2-х томах, размером в 8°. В 1-м томе две книги: в I-ой — 134 стр., во II-ой — 71 стр. Во 2-м томе (в третьей книге) — 214 стр.

По-видимому, предполагалось издать книгу четвертую 2-го тома, но о выходе ее в свет сведений не имеется. Венгеров, описавший «Анегдоты» (см. его «Русские книги», № 2403), указывает такое же количество частей и страниц. Имени Острогорского Венгеров не расшифровал.

«ДОН ПЕДРО ПРОКОДУРАНТЕ»

В сборнике «Советская библиография», выпуск 1 (18) 1940 года, напечатана статья Ю. Масанова «Литературные мистификации». В этой статье термин «литературная мистификация» определяется так: «Это литературные произведения, приписываемые действительными авторами другим реально существующим лицам — писателям или поэтам, фактически не принимавшим никакого участия в данном сочинении, непричастным к его созданию и авторству»[1]. Далее автор правильно утверждает, что «по самому факту своего возникновения и развития — литературная мистификация есть средство литературной полемики, общественно-политической сатиры и противоцензурной маскировки».

Среди многих примеров литературных мистификаций советскому читателю наиболее знакома книга, напечатан-

ная издательством «Academia» в 1933 году,— «Письма и записки» Оммер де Гелль, француженки, в свое время, действительно, реально существовавшей и якобы встречавшейся с Лермонтовым.

Однако Оммер де Гелль никогда в жизни не писала никаких «Записок» и не имела никакого отношения к Лермонтову. Как было установлено Н. О. Лернером, автором этих записок является П. П. Вяземский, сын поэта Петра Вяземского, друга Пушкина. Даже факсимиле, приложенное к книге под видом подлинного автографа Оммер де Гелль, написано собственноручно автором этой мистификации [2].

Сами по себе «Записки» сделаны настолько искусно, так ловко использованы факты из жизни Лермонтова и самой Оммер де Гелль, что все они долго входили в биографию великого поэта и в романы, ему посвященные.

«Записки» Оммер де Гелль были переведены и на французский язык и изданы во Франции.

Вспоминается другая литературная мистификация — значительно ранее изданная, чрезвычайно редкая, но хорошо известная литературоведам книга. Называется она: «Дон Педро Прокодуранте, или наказанный бездельник. Комедия, сочинения Кальдерона де ла Барка, с гишпанского на российский язык переведена в Нижнем Новгороде». Книга без имени переводчика, напечатана в Москве в 1794 году и в свое время вызвала не мало шума [3].

Знатоки творений знаменитого испанского драматурга Кальдерона напрасно стали бы искать у него подлинник указанного выше перевода. Они не найдут у него и произведения, похожего на «Дон Педро Прокодуранте», которое могло бы послужить хотя бы канвой для вольной переделки.

Чтобы объяснить появление на свет этой удивительной подделки под Кальдерона, вышедшей, как мы увидим ниже, в одном и том же году в двух изданиях, нам придется углубиться в весьма далекие времена.

«В старину живали деды веселей своих внучат» — так, кажется, поется в «Аскольдовой могиле». Многие «деды» жили, конечно, в свое время чрезвычайно весело, но далеко не каждому из таких «дедов» их внукам, правнукам и праправнукам стоит завидовать. Это, разумеется, в тех случаях, когда сами эти внуки и праправнуки порядочные люди, а не такие же стяжатели и воры, каким был, например, здравствовавший в те далекие годы некий П. Н. Прокудин, занимавший в городе Нижнем Новгороде, ныне

Горьком, должность директора экономии — должность не столь крупную, сколь выгодную. Вверенные его «заботам» государственные крестьяне обирались им до нитки. Государственные доходы от солеварниц, государственные поборы с знаменитой нижегородской ярмарки, доверенные его попечениям,— все служило предметом бессовестного обогащения несусветного взяточника и плута Прокудина. Не было меры подлости в аферах этого «эконом-директора». Беззастенчиво расхищалась государственная казна, еще более беззастенчиво обирались люди.

Шутя со своими приятелями, он сам любовно называл себя «шельмой». Шельмой он и был в самом деле. Прокудин, что называется, кормил и поил весь чиновный мир губернии, сам широко давал взятки людям, от которых зависел. Даже собственную красавицу-жену он, при случае, не прочь был подтасовать для услуг лицам из высшего начальства, смотревшим за это сквозь пальцы на его беззакония.

Что это было за «высшее начальство» — можно себе легко представить! Вспоминаются слова гоголевского Собакевича, говорившего Чичикову: «Один там только и есть порядочный человек — прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья...»

Современник Прокудина князь И. М. Долгоруков в своих «Записках» рассказывает о Прокудине:

«Жена за ним была дворянка, простая, но прекраснейшая женщина всего Низового края. Он давал ей полную волю и не ревновал ни к кому, держал открытый и прихотливый стол, кормил то на серебре, то на фарфоре, принимал толпы гостей во всякое время дня, имел к умножению соблазна домовую церковь, в которой из одной роскоши и тщеславия пели обедню на придворный манер и в то же время его собственные певчие с большим искусством. Поп и дьячек одевались в бархат, фимиам курился, а свечи горели в серебряных утварях. Дом его во всех смыслах был в той стороне образчик светского великолепия в столицах. Владея подгородной деревней, он в ней имел и предлагал разные сельские увеселения. Там выстроен был Эрмитаж, в котором он потчевал знатнейших городских чинов за подъемными приборами на машинах. Все его презирали как вора примеченного, и все, однако, к нему езжали»[4].

Очевидно, это было настолько в нравах времени, что далее князь Долгоруков, занимавший в Пензе видное положение, не стесняясь пишет: «Он имел особенную при-

ДОНЪ ПЕДРО
ПРОКОДУРАНТЕ,
или
НАКАЗАННОЙ БЕЗДѢЛЬНИКЪ,
КОМЕДІЯ,
сочиненія
Калдерона де ла Барка.

Съ Гишпанскаго на Россійской языкъ переведена
въ Нижнемъ Новѣгородѣ.

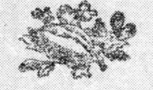
Съ Указнаго Дозволенія.

МОСКВА,
Въ Университетской Типографіи
у Ридигера и Клаудія.
1794.

53. «Дон Педро Прокодуранте». Титульный лист комедии Я. П. Чаадаева. Первое издание 1794 г.

ДОНЪ ПЕДРО
ПРОКОДУРАНТЕ,
или
НАКАЗАННОЙ БЕЗДѢЛЬНИКЪ,
КОМЕДІЯ,
сочиненія
Калдерона де ла Барка.

Съ Гишпанскаго на Россійской языкъ переведена
въ Нижнемъ Новѣгородѣ.

Второе Изданіе.

Съ Указнаго Дозволенія.

МОСКВА,
1794.

54. «Дон Педро Прокодуранте». Титульный лист второго издания. Напечатано в том же 1794 г.

чину меня отлично угощать: брат его родной был в Пензе в том звании, в каком он тут, а я, греха не потаю, вкушал крайнее удовольствие в его доме, потому что с женой его было не скучно. Она была из тех прелестных женщин, на которую один взгляд по писанию уже прелюбы творит».

Наш рассказ был бы чрезвычайно печальным, если бы все люди, подобно автору этих «Записок» Долгорукову, с одной стороны, негодовали против взяточника и вора Прокудина, а с другой, без всякой брезгливости пили и ели на его краденые деньги, да еще были не прочь «творить прелюбы» с его супругой.

Порядочный человек, наконец, нашелся в лице Якова Петровича Чаадаева, отца знаменитого впоследствии П. Я. Чаадаева, ближайшего друга Пушкина, автора «Философических писем», за напечатания одного из которых был закрыт в 1836 году журнал «Телескоп».

Яков Петрович Чаадаев, человек старинного дворянского рода, сам не чуждый литературе, великолепно понимая, что Прокудина «голыми руками» не взять, решил прибегнуть к испытанному оружию — сатире.

Это он — автор пьесы «Дон Педро Прокодуранте», вскрывшей все злоупотребления Прокудина. Фамилия испанского писателя Кальдерона была взята для маскировки. В комедии под видом Дона Педро Прокодуранте, имя и фамилия которого, кстати, весьма сходны с фамилией и именем Прокудина, выведен и беспощадно разоблачен во всех своих жульнических комбинациях господин эконом-директор.

Действие происходит якобы в Испании, действующие лица носят испанские имена, но все это было сделано настолько остроумно-прозрачно, что не оставалось ни одного самого наивного читателя, который не догадался бы в чем дело.

Полны гнева персонажи комедии Чаадаева, когда, вступаясь за обираемых несчастных крестьян, они рассказывают о взятках и поборах, собираемых с нижегорцев. Один из персонажей комедии не оставляет и тех, которые не брезговали «хлебосольством» Прокудина. В зло написанном монологе этот персонаж говорит:

«Если бы такого человека, каков есть Дон Педро Прокодуранте ни в один честный дом не пускали, то другие, опасаясь того же, от плутовства бы своего воздерживались».

В монологе тут же приводится пример, как один из знатных гостей Прокодуранте откровенно признавался:

«Я знаю, что все, что не вижу у него, есть грабленое, но сие ведь не портит вкуса нежных на столе его яств и драгоценных вин, коими нас он потчивает».

«Да разве ж соучаствовать в грабленном похвально?» — вопрошает лицо, произносящее этот монолог, и далее продолжает:

«Не стыдно ль от известного мошенника принимать краденое и питаться через то кровью бедных ограбленных им людей?»

Не забыты в комедии ни супруга Прокудина, прекрасная «Дорфиза», ни ближайшие его прихлебатели и помощники.

Написана комедия для своего времени смело и остро, и она не могла не произвести огромного впечатления. Прокудину не помогли все его связи, так как имя Кальдерона хорошо защищало подлинного автора от посягательств готовой придти на помощь цензуры.

Разъяренный Прокудин начал скупать все отпечатанные экземпляры комедии и уничтожать. Разумеется, мера эта не могла принести успокоительных для него результатов.

Комедия стала хорошо известна, и, по-видимому, Прокудину не поздоровилось.

Единственное, чего он достиг — это то, что превратил уцелевшие экземпляры комедии «Дон Педро Прокодуранте» для позднейшего времени в большую библиографическую редкость.

Библиограф М. Н. Лонгинов, рассказывая в 1856 году, в «Современнике», некоторые, изложенные мною выше подробности об этой книге, сообщенные ему лично сыном автора, П. Я. Чаадаевым, между прочим, говорит, что Петр Яковлевич «с большим любопытством прочел эту комедию, которая так редка, что он и его родные не могли никогда ее отыскать, несмотря на все свои старания, так что о ней существовало только семейное предание»[5].

Книга действительно чрезвычайно редка. Особенно редка она во втором издании, о котором только вскользь упоминают библиографы, как о никогда не виданной книге.

Это второе издание (у меня есть оба) ничем не отличается от первого, кроме нового титульного листа, на котором весьма крупно значится: «Издание второе», но зато не указана типография, как это сделано на первом. Год издания показан тот же — 1794-й[6].

По всему видно, что на самом деле никакого второго издания не было. Просто к той же самой книге подклеили

новый титульный лист с указанием: «Издание второе». Вне всякого сомнения, что это одна из мер, предпринятых автором комедии против разъяренного Прокудина. Когда последний начал скупать и уничтожать экземпляры комедии, Яков Петрович Чаадаев решил его добить, выпустив на рынок остаток тиража комедии с новым титульным листом, на котором нарочито крупным шрифтом значилось: «Издание второе».

Разумеется, этим господина эконом-директора Прокудина, столь похожего на неприглядного героя комедии «Дон Педро Прокодуранте», можно было довести до удара, которого он, впрочем, и заслуживал.

Оба издания комедии — чудесная памятка из истории русской обличительной сатиры и великолепный документ, доказывающий наличие литературных мистификаций как средства противоцензурной маскировки.

Все это, конечно, «дела давно минувших дней» и «преданья старины глубокой», но, как говорил Н. С. Лесков в «Левше»: «преданья эти нет нужды торопиться забывать».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Масанов, Ю. Литературные мистификации — «Советская библиография», № 1 (18), 1940, стр. 126.

2. Интересные подробности, устанавливающие несомненное авторство П. П. Вяземского — см. «Лит. наследство», т. 45-46, стр. 761.

3. Дон Педро Прокодуранте, или наказанный бездельник. Комедия, сочинения Кальдерона де ла Барка. С гишпанского на российский язык переведена в Нижнем Новгороде. С указного дозволения. Москва, в универс. тип. у Ридигера и Клаудия, 1794. 8⁰. 126 стр., включая тит. л.

То же. Второе издание. М., 1794.— Размер книги и количество страниц — те же. Типография не указана.

4. «Русский библиофил», 1914, № 2, стр. 73.

5. «Современник», 1856, т. 58, № 7, отд. 5, стр. 1; о редкости этой книги — см. Геннади, Г. Русские книжные редкости. Спб., 1872, № 85; Губерти — ч. 2, стр. 526, № 181; Остроглазов, № 51.

6. Уступивший мне второе издание этой книги собиратель Л. И. Жевержеев, в своем каталоге пометил экземпляр «уникальным». Я не проверял, имеется ли именно это издание в хранилищах Москвы и Ленинграда, но в витрине Горьковского краеведческого музея — выставлено именно второе издание. Видел в июне 1957 г.

«ОЛЕНЬКА»

В моей библиотеке есть одна редкая книжка, написанная для театра и имеющая некоторое отношение к литературным мистификациям.

Книжка называется «Оленька, или Первоначальная любовь». Местом печати указано село Ясное, год издания — 1796-ой. Заглавный лист украшен довольно милой виньеткой, причем, то, что она отгравирована именно для этой книги,— весьма сомнительно. Бросается в глаза и то, что обычный гриф — «Печатано с указного дозволения» — помещен на титульном листе нарочито крупным шрифтом. Ни автора, ни типографии не указано [1].

«Оленька, или Первоначальная любовь» — пьеса со стихами и песнями, нечто вроде оперы, весьма наивного, если не сказать более, содержания. Описавший эту книгу библиограф Губерти приводит надпись на имеющемся у

него экземпляре, сделанную в 1831 году рукой одного из предыдущих владельцев книги, такого содержания: «Ныне пишут помягче этого и поскладней, а это немножко дурковато»[2].

Пожалуй, лучшей рецензии на эту книгу трудно и придумать. Книга, может быть, и не заслуживала бережного хранения, если бы не ряд обстоятельств, делающих ее весьма интересным документом.

Давно известно, что автор этой пьесы — князь А. М. Белосельский-Белозерский, отец поэтессы княгини Зинаиды Волконской, член многих ученых обществ, русских и иностранных, автор ряда трудов по вопросам искусства и автор стихотворений, напечатанных во французских журналах.

Как он мог оказаться автором пьесы, о которой мнение, что она написана «немножко дурковато», можно считать вполне справедливым, на первый взгляд кажется совершенно непонятным.

Библиограф Губерти, потративший восемь печатных страниц своего труда на пересказ наивнейшего содержания самой оперы, не уделил и двух строк подробностям появления этого издания на свет, хотя все подробности были ему известны.

Об этой истории рассказывает Петр Андреевич Вяземский в своей «Записной книжке». Рассказ его написан настолько живо, что хочется привести его целиком, тем более, что он весьма не длинен. Вяземский пишет:

«Князь Белосельский (отец милой и образованной кн. Зинаиды Волконской) был, как известно, любезный и просвященный вельможа, но бедовый поэт. Его поэтические вольности были безграничны до невозможности. Однажды в Москве он написал оперетку — «Оленька». Ее давали на домашнем и крепостном театре А. А. Столыпина. Не придворная, а простая дворовая труппа его отличалась некоторыми художественными актерами, которые после заняли почетные места в императорском московском театре. Помню, между прочим, одного из них — Лисицына: он был очень забавен в комических ролях простачков и долго смешил московскую публику.

Оперетка кн. Белосельского была приправлена пряностями самого соблазнительного свойства. Хозяин дома, в своем нелитературном простосердечии, а, может быть, и вследствие общего вкуса стариков к крупным шуткам, которые кажутся им тем более забавны, чем они не очень целомудренны, созвал московскую публику к представле-

55. «Оленька, или Первоначальная любовь» 1796 г. Гравированный титульный лист оперы А. М. Белосельского-Белозерского.

нию оперы Белосельского. Сначала все было чинно и шло благополучно.

> Благопристойности ничто не нарушало,
> Но Белосельский был не раз бедам начало.

Вдруг посыпались шутки, даже и недвусмысленно прозрачные, а прямо набело и наголо. В публике удивление и смущение. Дамы, многие, вероятно, по чутью, чувствуют что-то неловко и неладно. Действие переходит со сцены в публику: сперва слышен шопот, потом ропот. Одним словом, театральный скандал в полном разгаре. Некоторые мужья, не дождавшись конца спектакля, поспешно с женами и дочерьми выходят из зала. Дамы, присутствующие здесь без мужей, молодые вдовы, чинные старухи следуют этому движению. Зала пустеет. Слухи об этом представлении доходят до Петербурга и до правительства. Спустя недели две (тогда не было ни железных дорог, ни телеграфов) Белосельский тревожно вбегает к Карамзину и говорит ему: «Спаси меня: император Павел Петрович повелел, чтобы немедленно прислали ему рукопись моей оперы. Сделай милость, исправь в ней все подозрительные места, очисти ее, как можешь и как умеешь».

Карамзин тут же исполнил желание его. Очищенная рукопись отсылается в Петербург. Немедленно в таком виде, исправленную и очищенную, предают ее, на всякий случай, печати. Все окончилось благополучно: ни автору, ни хозяину домашнего спектакля не пришлось быть в ответственности» [3].

Из рассказа Вяземского явствует, что печатный экземпляр «Оленьки» является плодом совместного труда Белосельского и Карамзина, причем задача обоих была совершенно ясной: переделать первоначальный «соленый» текст оперы в произведение возможно более невинное и глупое. Только такой текст мог убедить императора Павла I, что поступившие к нему доносы на непозволительность оперы — ложны.

С этой целью текст оперы был и напечатан якобы в селе Ясном, а на самом деле в Москве, с нарочито крупно набранной надписью: «С указного дозволения».

Таким образом, книга «Оленька, или Первоначальная любовь», издана с целью обмануть, в сущности, только одного человека — императора Павла I.

Эта совместная «операция» Белосельского и Карамзина, по рассказу Вяземского, окончилась полной удачей. То, что

потомки посчитают эту пьесу «немножко дурковатой» — мало беспокоило ее создателей. Цель их была куда более существенной: отвратить от себя гнев Павла I.

Нет ничего удивительного, что книга эта весьма редка. По сути дела, она была издана для одного человека — императора. Ни печатать ее большим тиражом, ни, тем более, заботиться о распространении книги — отнюдь не входило в интересы ее авторов.

И, мне думается, напрасны догадки некоторых библиографов о том, что якобы годом позже было осуществлено второе издание «Оленьки», напечатанное будто бы в Москве. Этого издания я не видел, никто из библиографов его не описал. Все указывают только на книжку, изданную в селе Ясном в 1796 году. Как мне кажется (не ручаюсь!), — это и есть единственное московское издание.

Редкая книжка эта не лишена интереса для историков русского театра.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Оленька, или Первоначальная любовь. Село Ясное, 1796. С указного дозволения. 8^0. Загл. л. с гравир. виньеткой, 61 стр.

2. Губерти, Н. В. Материалы для русской библиографии. Ч. 2, стр. 573, № 198. Сведение о надписи на книге «Оленька» — стр. 580.

3. Вяземский, П. А. Собрание сочинений. Т. 8. Спб., 1883, стр. 393. До этого было напечатано в «Русском архиве», 1875, № 12, стр. 442.

АРЕСТОВАННАЯ КОМЕДИЯ

В 1798 году, во времена Павла I, вышла из печати комедия известного поэта и драматурга Василия Васильевича Капниста «Ябеда»[1]. Сюжет «Ябеды» был подсказан В. Капнисту личными его переживаниями и злоключениями на собственном судебном процессе, проигранном им в Саратовской гражданской палате по поводу какого-то имения.

«Ябеда» Капниста занимает значительное место в истории русской драматургии.

Одна из первых обличительных комедий на нашей сцене, она явилась предшественницей грибоедовского «Горя от ума» и гоголевского «Ревизора».

Сам Капнист находился под непосредственным влиянием «Недоросля» Фонвизина.

Комедия зло обличала произвол и взяточничество, царившие в судах того времени. Уже фамилии действующих лиц говорили сами за себя: Кривосудов, Хватайко, Кохтев...

Один из героев комедии, председатель суда Кривосудов, поет, например, такие куплеты:

«Бери! Большой в том нет науки,
Бери, что только можно взять,
На что ж привешаны нам руки,
Как не на то, чтоб брать! Брать! Брать!»

Комедия была написана в 1793—1794 годах, еще при Екатерине II, но годы эти были такие, что автор не рискнул выступить с ней перед зрителями и читателями. Только при Павле I, 22-го августа 1798 года, она впервые была представлена в Петербурге.

Успех у зрителей комедия имела громадный. Ряд фраз из «Ябеды» был тут же подхвачен и некоторые из них вошли в поговорки. «Законы святы, да исполнители лихие супостаты» — повторяли потом много лет.

Позже В. Г. Белинский, который был не высокого мнения о поэтическом таланте Капниста, писал о его комедии, что она «принадлежит к исторически важным явлениям русской литературы как смелое и решительное нападение сатиры на крючкотворство, ябеду и лихоимство, так страшно терзавшие общество прежнего времени»[2].

Одновременно с постановкой комедии на сцене Капнист решил ее напечатать, для чего обратился к придворному поэту Ю. А. Нелединскому-Мелецкому со следующим письмом:

«Милостивый государь мой, Юрий Александрович!

Досады, которые мне и многим другим наделала ябеда, причиной, что я решился осмеять ее в комедии; а неусыпное старание правдолюбивого монарха нашего искоренить ее в судах, внушает мне смелость посвятить сочинение мое его императорскому величеству. Препровождая оное вашему превосходительству, аки любителю российского слова, покорнейше прошу узнать высочайшую волю, угодно ли будет усердие е. и. в. и благоволит ли он удостоить меня всемилостивейшим позволением украсить в печати сочинение мое, одобренное уже цензурою, священным его именем.

Имею честь быть и проч. В. Капнист.

Спб. Апреля 30 дня 1798 г.»[3].

Хотя цензура и разрешила комедию, но весьма основательно изуродовала ее, выбросив, примерно, восьмую часть текста вовсе.

На письмо В. Капниста последовал следующий ответ Нелединского-Мелецкого:

«Его императорское величество, снисходя на желание ваше, всемилостивейше дозволяет сочиненную вами комедию под названием «Ябеда», напечатать с надписанием о посвящении оного сочинения августейшему имени его величества. С совершенным почтением и преданностью честь имею пребыть вашим, милостивый государь мой, покорнейшим слугой Юрий Нелединский-Мелецкий. В Павловске, июня 29 дня 1798 г.»

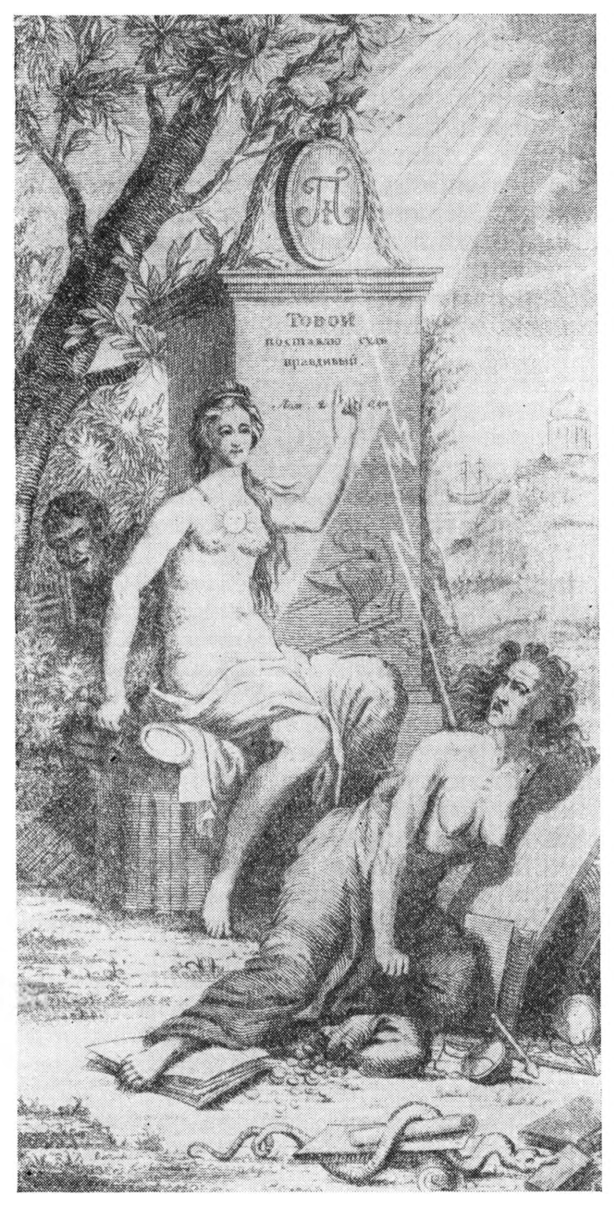
Получив разрешение, Капнист подарил право печатания комедии понравившемуся ему актеру А. М. Крутицкому, исполнителю роли Кривосудова в комедии.

В том же 1798 году актер Крутицкий очень быстро успел напечатать комедию в количестве более 1200 экземпляров. Несколько экземпляров сверх этого Крутицкий напечатал в качестве «подносных», на особой бумаге. В эти экземпляры, а также в какую-то часть общего тиража, он, кроме гравированного фронтисписа и посвящения комедии Павлу I, добавил еще страницы, на которых были напечатаны вышеприведенное письмо Нелединского-Мелецкого к Капнисту и письмо самого Капниста к актеру Крутицкому, издателю «Ябеды». Письмо это таково:

«Милостивый государь мой, Антон Михайлович!

Препровождая вам при сем комедию мою «Ябеду», прошу покорно принять от меня право к напечатанию оной в пользу вашу. Верьте, милостивый государь мой, что к сему побуждаюсь я единственно желанием доказать перед всеми уважение, которое к дарованиям вашим ощущаю, и надеждою, что сочинение мое также благосклонно принято будет от вас читателями, как зрителями принято было. Есмь с истинным почтением и т. д. В. Капнист. 1798 г. Сентября 30-го дня».

Привожу текст этих любопытных писем потому, что «особые» экземпляры «Ябеды», в которых они напечатаны, представляют большую библиографическую редкость. Почти все библиографы указывают число страниц в ней 135, т. е. описывают «обыкновенные» экземпляры, без приведенных выше писем, тогда как в «особых» экземплярах страниц 138. На добавочных страницах и были напечатаны указанные два последних письма.

56. «Ябеда» В. Капниста. Гравированный фронтиспис к первому изданию комедии 1798 г.

Появление «Ябеды» на сцене, вызвав восторг одной части зрителей, пробудило ярость и негодование у другой. К этой второй части принадлежали крупные бюрократы-чиновники, увидевшие в образах комедии свои собственные портреты. На автора посыпались доносы, адресованные на имя самого Павла I. Торопливый в своих решениях, Павел тут же приказал комедию запретить, напечатанные экземпляры арестовать, а автора сослать в Сибирь.

Комедия прошла в театре всего четыре раза. Вышедшие к этому времени в свет печатные ее экземпляры в количестве 1211 были немедленно арестованы. По этому поводу сохранился любопытный документ такого содержания:

«Милостивый государь, Дмитрий Николаевич (Неплюев — Н. С.-С.)!

По высочайшей воле государя-императора, отобранные мною от господина Крутицкого, иждивением его напечатанные 1211 экземпляров комедии «Ябеды», при сем имею честь препроводить вашему превосходительству. Барон фон дер Пален»[4].

Подобные дела при Павле I делались быстро. Комедию запечатали сургучем в сундуке цензуры, а автора ее Капниста фельдегерские кони помчали в Сибирь.

Но вечером того же дня, как рассказывают некоторые, Павел пожелал, вдруг, проверить правильность своего «повеления». Он приказал дать этим же вечером комедию у себя, в «Эрмитажном» театре.

Трепещущие актеры разыграли комедию, причем в зрительном зале находилось всего два зрителя: сам Павел I и наследник его Александр.

Эффект был совершенно неожиданный. Павел хохотал, как безумный, часто аплодировал актерам, а первому же попавшемуся на глаза фельдъегерю приказал скакать по дороге в Сибирь за автором.

Возвращенного с дороги Капниста всячески обласкал, возвел в чин статского советника и до своей смерти оказывал ему покровительство[5].

Так ли это было точно или нет, документов по этому поводу не сохранилось, но то, что напечатанная комедия была арестована, а автор едва не угодил в Сибирь,— правда. Правда и то, что Павел I после, действительно, оказывал некоторое покровительство Капнисту. Впрочем, «покровительство» это не распространялось на комедию «Ябеда». К представлению и к печати она все-таки дозволена не была и увидела снова свет рампы только в

1805 году, далеко не сразу даже после смерти Павла I. Находившиеся же под арестом экземпляры комедии появились в продаже несколько раньше, получив «амнистию» в 1802 году. Подтверждением этому служит хранящаяся сейчас в Пушкинском Доме расписка актера Крутицкого, издателя комедии. Текст этой расписки таков: «Тысяча восемьсот второго года, июля 12 дня получил я из канцелярии его превосходительства г. действительного тайного советника и сенатора Трощинского следующие мне в отдачу по высочайшему повелению экземпляры комедии «Ябеда» сочинения Капниста, всех числом 1211 — в чем и подписуюсь: Российского придворного театра актер Антон Крутицкий»[6].

Имеющийся у меня экземпляр «Ябеды» принадлежит к числу «подносных», печатавшихся обычно в самом ничтожном количестве. В этом экземпляре имеется, как уже говорилось выше, великолепный гравированный фронтиспис и добавочный лист с письмами Нелединского-Малецкого и Капниста. Отпечатана вся книга на особой, плотной бумаге. Это сделало экземпляр комедии весьма массивным, более чем вдвое толще всех прочих ее экземпляров. Книга переплетена в роскошный золототисненный, зеленого цвета марокен с золотым обрезом.

Таких экземпляров я ни в одной библиотеке не видел и имею основание думать, что если он не уникален, то во всяком случае особо редок. Попал он ко мне из собрания покойного библиографа Н. Ю. Ульянинского, при жизни всегда «ахавшего и охавшего» вокруг этой своей замечательной находки.

Весь остальной тираж комедии, в свою очередь, подразделялся на два вида:

а) Полные экземпляры, с количеством страниц 138, с хорошими отпечатками гравюры. Эти экземпляры отличаются от моего «подносного» только качеством бумаги.

б) Экземпляры на худшей бумаге (иногда даже не одинакового цвета), с гравюрой, отпечатанной плохо и слепо, явно с «усталой» доски. Во многих экземплярах эта гравюра отсутствует вовсе. Количество страниц в этой части тиража — 135. Нет страниц 137—138 с письмами Нелединского-Мелецкого и Капниста.

Дореволюционные антиквары знали эту разницу между двумя видами издания комедии и ценили «Ябеду» с 138 страницами значительно дороже, считая книгу большой редкостью, в то время как обыкновенные экземпляры, с количеством страниц 135, расценивали от рубля до трех,

в зависимости от наличия или отсутствия гравюры. Редкостью такие экземпляры не считались.

Между двумя указанными видами издания «Ябеды», кроме разного количества страниц, качества бумаги и качества отпечатка гравюры, существует еще одно различие: некоторые страницы второго вида набраны заново тем же шрифтом, с весьма незначительными разночтениями: в одном случае исправлена опечатка, в другом допущена новая; в одном случае концовочная линейка длиннее, в другом — короче и так далее.

Подобная разница в наборе некоторых страниц одного и того же издания в 18 и первой половине 19-го веков была отнюдь не редким явлением. Мы уже знаем, что считалось в обычае печатать некоторые книги непременно в нескольких видах: какое-то количество особо роскошных или «подносных» экземпляров, затем часть тиража на хорошей бумаге «для любителей и знатоков» и, наконец, простые экземпляры — для продажи.

«Подносные» экземпляры печатались иногда с большими полями, иногда на шелку или на бумаге другого цвета.

Разумеется, каждая перемена бумаги, изменение полей, изъятие гравюр (если они были в тексте),— требовали новой приправки набора, иногда и переверстки. При этом могли происходить частичные изменения: замена букв, украшений, а иногда и полная перемена набора той или иной страницы.

Библиографы знают, например, что книга «Торжествующая Минерва» 1763 года печаталась вообще сразу двумя наборами, с некоторой разницей в украшениях. Менялся набор частично или полностью в некоторых книгах времен Петра Первого. Это происходило иногда по причине значительного тиража книг, при котором литеры набора «уставали», сбивались.

Да мало ли, наконец, какие случайности могли быть в процессе печатания книги? Техника была примитивная, печатали не торопясь, с оглядкой. Замечали опечатку — исправляли, замечали, что лист начал давать плохие оттиски,— останавливались, меняли приправку, иногда шрифт. Все это никого не удивляло, и все считали книгу, вышедшую под одним заглавным листом, с одной и той же датой печатания — одним изданием, а не несколькими.

Совершенно иначе отнесся к этим особенностям типографской техники прошлого киевский литературовед, доцент А. И. Мацай. В выпущенном недавно исследовании

о «Ябеде» В. Капниста А. И. Мацай, основываясь исключительно на мелких типографских «разночтениях», замеченных им в разных экземплярах комедии, сделал заключение не только о существовании какого-то одновременного «второго» ее издания, но и определил его как якобы подпольное, нелегальное, являющееся «едва ли не первым в России подпольным изданием художественного произведения вообще»[7].

А. И. Мацай пишет: «Экземпляры комедии, разошедшиеся по рукам до отобрания большей части тиража у Крутицкого, не могли удовлетворить огромного на нее спроса. Это и родило идею издать «Ябеду» нелегально, под видом первого, «дозволенного цензурой» и частью разошедшегося по рукам издания».

Никаких других доказательств, кроме замеченных им в экземплярах разных видов «Ябеды» опечаток и перестановок запятых, А. И. Мацай не приводит, и поэтому предположение его малоубедительно. Огромный спрос на комедию основанием для такого предположения тоже служить не может, так как, скажем, на «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева спрос был куда больший, но, однако, о подпольных и нелегальных изданиях его книги, никто даже не смел и думать. Во времена Екатерины II и, в особенности, Павла I с такими делами не шутили. Они пахли не только Сибирью...

Спрос на книгу Радищева удовлетворялся ходившими по рукам многочисленными рукописными списками. Именно благодаря им «Радищев, рабства враг — цензуры избежал».

Избежала цензуры и комедия Капниста «Ябеда». Она тоже ходила по рукам в списках, тем более, что по размеру своему она была значительно легче для переписки, чем радищевское «Путешествие».

Все, что далее сообщает А. И. Мацай в защиту своей гипотезы, так же бездоказательно. По его словам: «...Капнист и Крутицкий, по-видимому, были участниками нелегального, подпольного издания...»

Еще далее сообщается: «Для того, чтобы осуществить нелегальное издание, комедию пришлось вновь набрать тем же шрифтом, каким было набрано первое издание...» «Но как ни велико было мастерство рабочего-наборщика,— пишет А. И. Мацай,— он не смог выполнить свою совершенно необычную работу, требующую поистине изумительной виртуозности, с абсолютной точностью».

Поэтому, по мнению А. И. Мацая, и получились некоторые мелкие несовпадения: фамилия издателя в одном случае набрана «Крутицкого», а в другом — «Крутицкаго», в «легальном издании» напечатано «потряхает», а в «нелегальном» — «потряхивает» и так далее.

Отстаивая свою точку зрения, А. И. Мацай сообщает, что им изучено тринадцать экземпляров «Ябеды», из которых пять он считает первого легального издания и восемь якобы второго «подпольного». Подсчитывая в них типографские разночтения, которые можно найти только с лупой и сантиметром, А. И. Мацай, почему-то обходит молчанием главное разночтение между первыми и вторыми.

По его же словам, все первые пять экземпляров «легального» издания имеют 138 страниц текста, в то время, как все восемь экземпляров «подпольного» — только 135.

Так где же «виртуозность» подделывателя — наборщика?

Сумев сделать подделку так, что «два издания «Ябеды» специалисты принимали за одно целых полтора столетия», подделыватель спокойно не набирает и не печатает вовсе две страницы текста, и этой его «ошибки» не замечает никто?

Думается, что не было никакого второго «подпольного» издания «Ябеды». Было одно, но напечатанное, по манере того времени, в трех видах: несколько экземпляров роскошных «подносных», какое-то количество — просто хороших, «для любителей и знатоков» и остальное — «обыкновенные», для продажи. В экземпляры первого и второго вида издатели посчитали необходимым приложить страницы с письмами, а третий вид выпущен без них.

Исследователь «Ябеды» А. И. Мацай нашел в библиотеках пять экземпляров, относящихся ко второму виду издания, а восемь — к третьему. Первого, «роскошного» вида ему не попалось.

Экземпляры «роскошные», так же, как и экземпляры второго вида издания «Ябеды» 1798 года, и по количеству страниц, и по набору, абсолютно одинаковы. При переводе типографской машины на печать третьего, «обыкновенного» вида издания, по каким-нибудь техническим причинам пришлось некоторые страницы набрать заново. Вот, собственно, и все.

Какие-либо другие, более смелые предположения, либо надо подтверждать документально, либо они так и остаются только предположениями.

В общем, вокруг «Ябеды» создалось две легенды. Одна о том, что Павел I приказал отдельно для себя поставить комедию, остался ею доволен и велел вернуть с дороги высланного в Сибирь Капниста. Другая легенда повествует о наличии какого-то второго якобы нелегального подпольного издания «Ябеды».

Думается, что первая легенда заслуживает большего доверия. Павел I был именно таким: сумасшедшим, стремительным, могущим в секунду возвысить своего подданного или тут же ввергнуть его в узилище. Произошла ли подобная история с Капнистом или не произошла, но она очень похожа на правду.

Вторая легенда — о «подпольном» издании «Ябеды» — не внушает доверия, прежде всего, по именам лиц, в ней участвующих. Очень был вольнолюбивый и смелый человек В. Капнист. Автор исследования «Ябеды» А. И. Мацай говорит об этом верно и убедительно. Но ни сам создатель «Ябеды», ни тем более актер Крутицкий «свергателями воли монаршей» отнюдь не были.

И это, мне думается, самый действенный аргумент против существования какого-то второго, «нелегального и подпольного» издания «Ябеды».

Ко всему этому считаю не лишним добавить, что в моем собрании имеется, например, книга басен моего друга Сергея Владимировича Михалкова, с рисунками Е. Рачева, изданная в Москве в 1957 году. Книга эта — подарок автора. На ней его автограф: «Старателю-собирателю книг редкостных и обыденных тоже — Николаю Смирнову-Сокольскому от Сергея Михалкова». Далее идет его же шутливое двустишие:

«Среди Крыловых и Зиловых,
Есть место и для Михалковых».

Сообщаю я об этом не для того, чтобы похвастаться дружбой с писателем (хотя дружбу эту я очень ценю), а потому, что экземпляр книги его вовсе не «обыденный». Это один из «сигнальных» экземпляров, несколько отличающийся от тех, которые после поступили в продажу. Между ними есть кое-какие типографские и прочие разночтения, чуточку похожие на те, которые были в разных видах одного и того же издания «Ябеды» Капниста 1798 года.

Как видите — это случается и теперь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Капнист, В. Ябеда, комедия в пяти действиях. С дозволения Санктпетербургской цензуры. В Спб., 1798, печатано в Имп. тип. Иждивением г. Крутицкого. 8^0 (22 × 14 см.) Гравир. фронтиспис, загл. л., 6 нен., 138 стр.

В обычных экземплярах — 135 стр.; это — особый, подносной.

2. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1955, стр. 121.

3. «Русская старина», 1873, кн. 5, стр. 714.

4. Там же, стр. 715.

5. Впервые напечатано в № 5 «Виленского портфеля», 1858 г.; перепечатано в «Библиографических записках», 1859, т. 2, стр. 47.

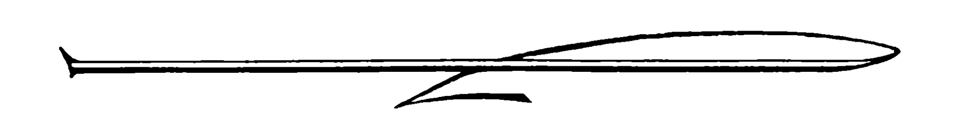
6. Пушкинский Дом. Архив, фонд 93, оп. 3, № 556, л. 5.

7. Мацай, А. «Ябеда» Капниста. Киев, Изд. Киевского ун-та им. Т. Г. Шевченко, 1958. Глава «История изданий», стр. 175.

Библиографическая повесть об Иване Крылове

«НАВИ ВОЛЫРК»

Библиографическая повесть об Иване Крылове

Появление в печати произведения писателя, выход в свет книги — самые значительные события в его жизни. Для изучения творчества писателя важно не только содержание самого произведения, но и как оно появилось в печати: отдельной ли книгой, или в журнале, и при каких обстоятельствах. Это, иногда, открывает такие подробности, такие важные факты жизни и творчества писателя, каких не найдешь ни в каких других источниках.

Как-то мне повезло, и я в 1931 году купил у букиниста собрание сочинений И. А. Бунина. Книги были самого обыкновенного вида, да и издание тоже самое обыкновенное — приложение к марксовскому журналу «Нива» за 1915 год. Всем известное шеститомное собрание сочинений, переплетенное в три издательских переплета. И уплатил-то я всего пять рублей.

Страницы всех шести томов были испещрены какими-то пометками, на которые я, по совести говоря, не обратил тогда должного внимания. Бунина я уже давно читал, это издание у меня уже было, его кто-то взял, но позабыл отдать, и вот пришлось купить еще раз.

Купил, поставил эти книги на полку, и они стали ждать своего часа. Недавно как-то пришел ко мне в гости почтенный мой друг Николай Сергеевич Ашукин, литературовед, знаток книг. Понадобился ему зачем-то Бунин. Достал книги с полки, рассматривал их, рассматривал, да, вдруг, и говорит:

— А вы знаете, батенька, что это у вас такое? Личный экземпляр Ивана Алексеевича Бунина, с его собственноручной разметкой: где, когда, в каком именно журнале, или альманахе напечатано то или иное стихотворение, тот или иной рассказ.

Стали рассматривать экземпляр вместе. Действительно — клад! У каждого произведения рукой Бунина сделана пометка: когда и где оно было напечатано раньше. Замелькали названия давно забытых сборников и периодических изданий: «Зарницы», «Перевал», «Образование», «Новое слово», «Журнал для всех» и другие. И все это — с числом, номером, с указанием измененного заглавия произведения. Указаны сокращения, какие были при первом издании и, наоборот, что именно впоследствии дополнено. Для библиографа и литературоведа — это годы труда, да и то так дотошно и подробно не сделать.

— Видел, ведь, я этот экземпляр-то, у самого Бунина,— продолжал рассказывать мне Н. С. Ашукин.— Хвастался им Иван Алексеевич. Говорил, что поработал, мол, для будущих биографов... И, вот,— на тебе!

История, как попал этот экземпляр ко мне, проста: Бунин (по словам Н. С. Ашукина) дал этот размеченный экземпляр литературному критику Ю. В. Соболеву для работы. Сам писатель вскоре эмигрировал, а Ю. В. Соболев умер, и часть его библиотеки очутилась у букинистов. Сейчас автобиблиография И. А. Бунина цела и интересующимся может быть в любой час дана для работы.

Названия органов, где печатались впервые произведения того или иного писателя, говорят о литературных группировках, к которым принадлежал писатель, говорят... Словом говорят, иногда, гораздо больше и точнее, чем некоторые биографы и исследователи.

Еще больше рассказывают о жизни и творчестве писателя не нашего времени прижизненные издания его книг.

Здесь все весьма важно: год издания, когда книга разрешена цензурой, и кто цензор, кем она издана, в какой типографии напечатана, какой был тираж и т. д. Важно, как быстро разошлась книга, стала ли она редкостью, или ее еще и сегодня, по прошествии многих лет, можно легко найти на книжном рынке.

У Валерия Брюсова в «Терцинах к спискам книг» есть примечательные слова:

«...угадывать великое в немногом,
Воссоздавать поэтов и века
По кратким предварительным пометам:
«Без титула», «в сафьяне» и «редка»...» [1]

Помогают порой «воссоздавать поэтов и века» пометы и на самих книгах. Интересны экслибрисы их прежних владельцев, их надписи, если, конечно, они имеют непосредственное отношение к данной книге. Вспоминаются строки Н. А. Некрасова:

«Одно заметил я давно,
Что как зазубрина на плуге,
На книге каждое пятно —
Немой свидетель о заслуге» [2].

Во всем, что я говорю, нет ничего нового, и, однако, собирая много лет все прижизненные издания великого русского баснописца Ивана Андреевича Крылова, я, например, нигде не нашел их полного и подробного библиографического описания.

Существующие сведения разбросаны по многочисленным источникам, часть которых уже ненаходима. Эти источники крайне неполны и составлены с пренебрежением к самым необходимым подробностям.

Это тем более обидно потому, что жизни, деятельности и анализу творчества И. А. Крылова у нас посвящен ряд замечательных работ наших крылововедов — С. М. Бабинцева, Д. Д. Благого, А. П. Могилянского, И. В. Сергеева, Н. Л. Степанова и других.

Сейчас развеян миф о Крылове, как о добродушном анекдотическом «дедушке», басни которого старое реакционное литературоведение определяло, главным образом, как полезное чтение для детей. Лицо Крылова-сатирика, публициста-борца, писателя для народа, намеренно замаскировывалось.

Это подлинное лицо И. А. Крылова всегда было ясно прогрессивному лагерю литературы и, в первую очередь, В. Г. Белинскому, который много писал о политической направленности сочинений Ивана Андреевича, о сатиричности и народности его басен, о значении его публицистических произведений.

Ниже делается попытка рассказать о судьбе всех отдельных книг, журналов и пьес И. А. Крылова, напечатанных при его жизни. Затрагиваемые попутно факты из биографии писателя носят лишь иллюстративный характер. Это — или от книги к факту, или от факта к книге. Ни на что большее настоящая работа не претендует.

«УТРЕННИЕ ЧАСЫ»

Молодой Крылов впервые увидел себя в печати в журнале «Лекарство от скуки и забот», издававшемся в Петербурге Федором Туманским. В декабрьском номере этого журнала за 1786 год была помещена «Епиграмма», начинающаяся словами:

«Ты здравым хвалишься умом везде бесстыдно,
Но здравого ума в делах твоих не видно».

В эпиграмме всего 16 строк и подписаны они «И. Кр.» Так в сокращенном виде обозначена фамилия Ивана Андреевича Крылова впервые в печати. Журнал этот просуществовал недолго (с июля 1786-го по июль 1787-го года), как, впрочем, и многие другие частные журналы того времени. Участие Крылова в этом журнале было случайным, и кроме указанной «Епиграммы» и еще нескольких мелочей, ему приписываемых, крыловского в нем ничего нет.

Можно считать, что по-настоящему деятельность Крылова как журналиста началась с сотрудничества в другом журнале — «Утренние часы», выходившем в Петербурге в 1788—1789 годах [3].

Журнал издавался с 20-го апреля 1788 года по 12-ое апреля 1789-го, и было напечатано его всего 52 номера. На обороте титульных листов каждой части имелась монограмма «И. Р.», обозначавшая, что издателем «Утренних часов» был Иван Герасимович Рахманинов, один из интереснейших людей того времени. В его роду, столетием позже, появился русский композитор С. В. Рахманинов. Сын состоятельного помещика, Иван Герасимович Рахма-

УТРЕННІЕ

ЧАСЫ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ.

ЧАСТЬ III.

Печатано съ дозволенія указнаго.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1788.

57. «Утренние часы». Титульный лист журнала, издававшегося в 1788 году И. Г. Рахманиновым при ближайшем участии И. А. Крылова.

нинов был страстным поклонником Вольтера. Произведения этого вольнодумца он усердно переводил на русский язык и для напечатания их, еще будучи офицером, завел собственную типографию в Петербурге. В этой типографии, кроме сочинений Вольтера, он печатал переводы и других французских просветителей. Здесь же печатался и журнал «Утренние часы».

Вокруг И. Г. Рахманинова образовался кружок вольнодумно настроенных литераторов, часть которых входила и в «Общество друзей словесных наук», организованное М. И. Антоновским. «Общество друзей словесных наук» издавало в 1789 году журнал «Беседующий гражданин», в котором принимал ближайшее участие А. Н. Радищев.

Связь между этими двумя журналами несомненна. Принимавший деятельное участие в организации журнала

«Беседующий гражданин» Петр Александрович Озеров одновременно был одним из самых видных участников рахманиновского журнала «Утренние часы». В перечне подписчиков на «Утренние часы» было напечатано имя А. Н. Радищева, участие которого в этом журнале предполагается. По мнению проф. П. Н. Беркова, таким предполагаемым произведением А. Н. Радищева в журнале «Утренние часы» может быть отрывок «Уединенный Пармен», напечатанный на стр. 113-ой третьей части [4]. Так ли это, или не так, но личное знакомство и общение молодого Крылова с Радищевым бесспорны.

В журнале «Утренние часы», кроме предполагаемого произведения А. Н. Радищева, переводов из Вольтера и Мерсье, проникнутых духом вольнодумия и сделанных главным образом самим Рахманиновым, печатались сочинения и переводы П. А. Озерова, А. А. Нартова, А. Ф. Лабзина, В. С. Подшивалова, Т. И. Ильина, С. Д. Печенеева, Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева и других.

Наиболее деятельное участие в «Утренних часах» принял молодой И. А. Крылов. Он напечатал в этом журнале несколько своих ранних басен.

Басни эти были настолько еще несовершенны, что после, когда Крылов окончательно отдал себя этому жанру, он даже не включал их в число заслуживающих повторного тиснения.

Мы, вероятно, никогда бы и не узнали, что басни, напечатанные в «Утренних часах», принадлежат перу великого баснописца. Делу помог литературовед Ф. А. Витберг. Ему посчастливилось где-то раскопать редакционный экземпляр первых двух частей журнала с расшифровкой всех имен авторов произведений, напечатанных в большинстве случаев анонимно [5]. Было установлено, что в первых двух частях Крылову принадлежат басни: «Счастливый игрок», «Судьба игрока» и «Павлин и соловей». Кроме того, в третьей части журнала напечатана басня «Недовольный гостьми стихотворец», которая тоже бесспорно принадлежит Крылову, так как была позже перепечатана им в его журнале «Зритель» (1792, ч. I стр. 111). Надо думать, что и басни, напечатанные в третьей и четвертой частях «Утренних часов» («Олень и заяц», «Новопожалованный осел», «Картина», «Родины» и «Червонец и полушка»), тоже написаны молодым Крыловым, хотя это и не подтверждено документально.

В четвертой части «Утренних часов» за полной подписью Ивана Крылова напечатана ода «Утро». С большой

достоверностью ему приписываются также напечатанные в журнале сатирические сочинения: «Роднябар» (если разъединить это непонятное слово — получается «Родня бар»), «Письмо Смиренномудрого» и «Модные торговки».

Близкое участие в «Утренних часах» — важнейший факт в биографии молодого Крылова. Дружба с И. Г. Рахманиновым, знакомство через него с представителями передовой интеллигенции столицы, сыграли огромную роль в формировании мировоззрения великого сатирика и баснописца.

«Утренние часы» не блещут высокими литературными достоинствами, но дух вольнодумия, мысль, что «человек сотворен для пользы человека»,— делают журнал прогрессивным явлением в журналистике 18-го века.

Журнал чрезвычайно редок. Много лет считая периодические издания 18-го века одним из главнейших предметов своего собирательства, я сумел найти не мало очень редких журналов, но «Утренние часы» были неуловимы.

Журнал этот не был указан в каталогах дореволюционных антикваров, и я думал, что мне не удастся познакомиться с ним поближе.

На помощь пришел советский литературовед Г. П. Макогоненко, подаривший мне третью и четвертую части этого журнала. Хотя это всего вторая половина полного комплекта «Утренних часов», но для моего собрания подарок оказался неоценимым.

Причин для исчезновения «Утренних часов» с книжного горизонта много. Тут и малый тираж журнала (число подписчиков едва-едва достигало ста) и те репрессии, которым подверглись все издания И. Г. Рахманинова вскоре после ареста А. Н. Радищева и разгрома, учиненного Екатериной II издателю Н. И. Новикову.

Приближение этой грозы и для себя И. Г. Рахманинов почувствовал ранее других и, ликвидировав свою типографию в Петербурге (ниже будет рассказано, что он уступил ее «Крылову с товарищи»), переехал к себе в имение в село Казинка Тамбовской губернии. Здесь он открыл новую типографию, искренне думая, что подальше от столичных соглядатаев он сумеет продолжать печатать своего излюбленного Вольтера. Действительно, он успел напечатать в этой новой своей типографии, помимо ряда других книг, «Полное собрание всех доныне переведенных на российский язык и в печать изданных сочинений господина Вольтера». Издание было в трех томах. Место и время издания показаны — город Козлов, 1791 год.

По доносу поссорившегося с Рахманиновым городничего Сердюкова, Екатерина II через генерал-прокурора Самойлова в 1793 году прислала указ тамбовскому губернатору: «Чтобы вы как наискорее и без малейшего разглашения приказали помянутую типографию у Рахманинова запечатать и печатание запретить, а книги все конфисковать и ко мне всем оным прислать реестр»[6]. Указ этот был мгновенно исполнен, и на дверях рахманиновских складов и типографии появились замки и печати. Дело хотя и затянулось до следующего царствования, но все равно могло бы кончиться для И. Г. Рахманинова плохо. На счастье в 1797 году запечатанная типография и склад со всеми книгами, изданными «русским вольтерьянцем», внезапно сгорели.

Нет никакого сомнения, что пожар произошел не без участия самого И. Г. Рахманинова. Рахманиновское «дело» после этого само собой прекратилось, и лишь все изданные им книги было приказано «собрать и без изъятия сжечь».

Это, разумеется, не могло поощрить читателей хранить такие издания, а в их числе значился и журнал «Утренние часы».

Неудивительно поэтому, что журнал, явившийся первой ареной литературной деятельности молодого Крылова, стал чрезвычайно редким.

«ПОЧТА ДУХОВ»

Сам Иван Андреевич Крылов позже говорил об издателе «Утренних часов» И. Г. Рахманинове, что он «был очень начитан, сам много переводил и мог назваться по своему времени очень хорошим литератором. Рахманинов был гораздо старее нас и, однако ж, мы были с ним друзьями; он даже содействовал нам к заведению типографии и дал нам слово участвовать в издании нашего журнала «Спб-ский Меркурий», но по обстоятельствам своим должен был вскоре уехать в Тамбовскую деревню. Мы очень любили его, хотя, правду сказать, он не имел большой привлекательности в обращении: был угрюм, упрям и настойчив в своих мнениях»[7].

Умный и опытный литератор И. Г. Рахманинов очень ценил молодого Крылова, угадывая в нем нечто большее, чем сатирик сам в то время мог думать о себе.

Еще не закончилось издание журнала «Утренние часы», как И. А. Крылов задумал, а И. Г. Рахманинов дал ему возможность осуществить, издание собственного сатирического журнала «Почта духов», журнала задиристого, острого, продолжавшего традиции лучших сатирических журналов, блиставших в конце шестидесятых и начале семидесятых годов того же века. Начало изданию сатирических журналов указанного периода было положено выходом «Всякой всячины», к которой близкое отношение имела Екатерина II. Она надеялась этим журналом направить русскую сатирическую мысль в сторону абстрактного морализирования. Она указывала путь сатире «на пороки», «на нравы», уводя ее от конкретной обличительности, от «сатиры на лицо».

Тяжкое положение крепостных рабов «Всякая всячина» звала рассматривать не как социальную проблему, а как этическую, предлагая направить огонь сатиры на «жестокосердие» отдельных помещиков.

Первые же появившиеся за «Всякой всячиной» частные сатирические журналы заняли резко противоположную позицию. Особенно остро были поставлены вопросы крепостного права и положения крестьянства. Здесь велика заслуга Н. И. Новикова, напечатавшего в «Живописце» «Отрывок путешествия в....», подписанный инициалами «И. Т.», позже высоко оцененный Н. А. Добролюбовым [8].

Сатирическая журналистика этих лет подводила русскую литературу к «Путешествию из Петербурга в Москву» А. Н Радищева.

Екатерина II, действовавшая сначала путем полемики и увещания, весьма скоро объявила открытую борьбу сатирическим журналам и стала их один за другим закрывать.

Под несомненным влиянием этих журналов находился молодой И. А. Крылов, когда в 1789 году начал издавать свой собственный первый журнал, носивший название «Почта духов» [9].

Издавался журнал с января по август включительно, но фактически последняя августовская книжка вышла лишь в марте 1790 года. На этой восьмой книжке журнал и закончил свое существование, вряд ли по желанию самого Крылова. Есть все основания думать, что журнал был также запрещен Екатериной II.

Время, в которое Крылов начал издавать «Почту духов», было весьма тревожным. Екатерина II, напуганная крестьянским восстанием в России и революцией во Франции, принимала все меры для удушения «крамолы», в том числе

и по линии печати. Фонвизин, выступивший на страницах «Собеседника любителей российского слова» с сатирическими вопросами к редакции журнала (1783 г.) подвергся изгнанию из литературы. Задуманный им сатирический журнал «Друг честных людей или Стародум» (1788) был категорически запрещен императрицей.

Надо удивляться, как И. Г. Рахманинову вообще удалось в это время добиться для Крылова разрешения на издание «Почты духов».

Впрочем, некоторые «поблажки» цензура иногда допускала. Так она разрешила сыну Федора Эмина — Николаю переиздать в том же 1788 году журнал отца «Адская почта», издававшийся в 1769 году. Правда, переиздание вышло в сильно урезанном цензурой виде и под несколько другим названием: «Адская почта, или курьер из ада с письмами».

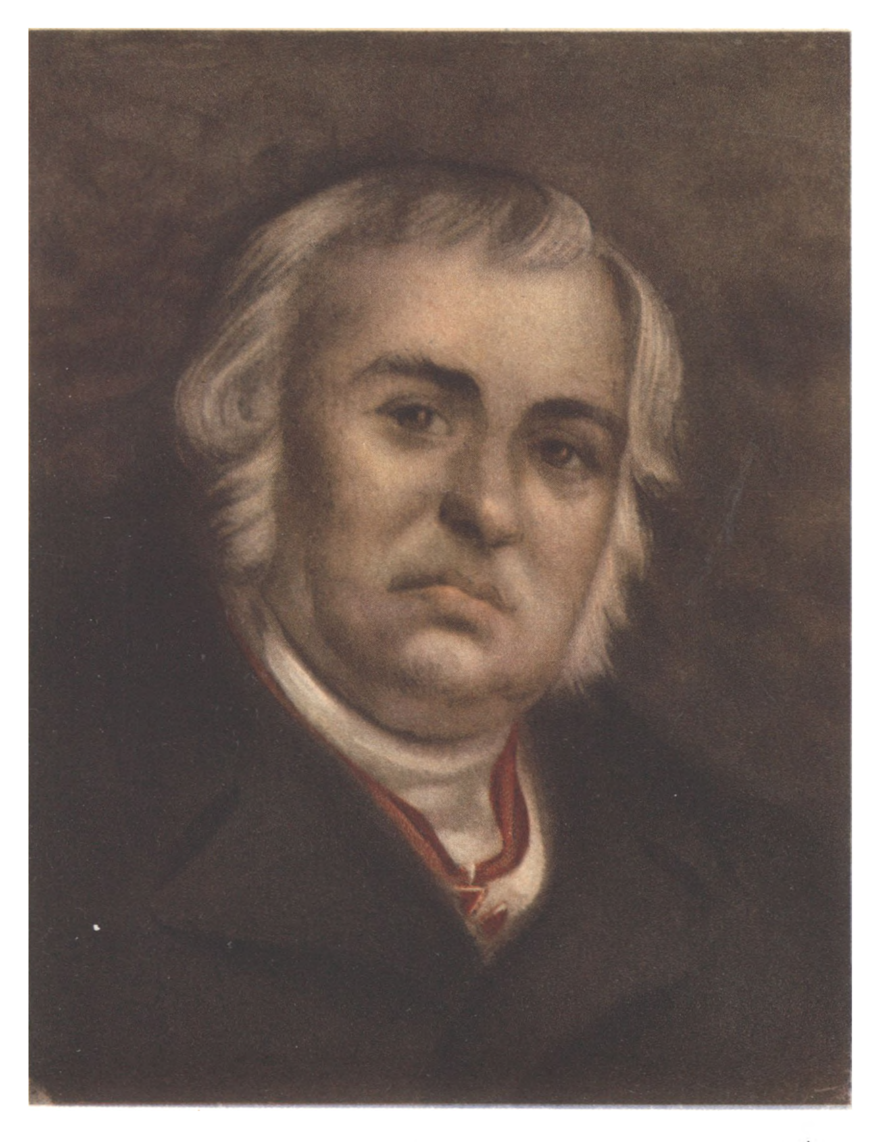
Безобидное содержание этой перепечатки и некоторое сходство названия с названием крыловского журнала «Почта духов», возможно, помогли Крылову в получении разрешения на его издание.

В своем журнале Крылов, под видом переписки якобы приехавшего в Россию арабского волшебника и философа Маликульмулька с «духами» Зора, Буристоном, Асторотом, Вестодавом, Дальновидом и другими, печатал злободневные фельетоны, анекдоты, новеллы, стихи, рассказы и философские статьи. Все это было чрезвычайно смело, остроумно и обличало корыстолюбие, взяточничество, тунеядство и бездельничество дворян.

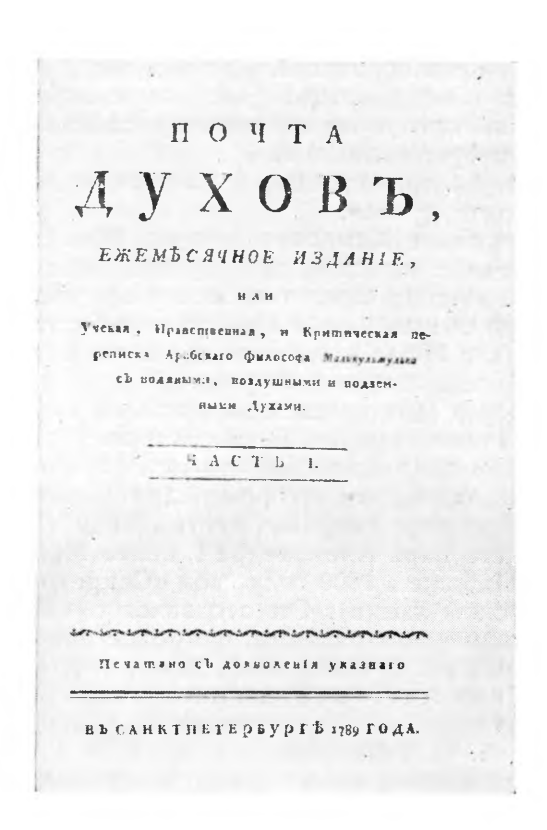
Крылов часто прибегал к весьма прозрачному эзоповскому языку. Беря под защиту невинных, угнетенных и обиженных, Крылов вступился, например, за художинка Скородумова. Скородумов учился за границей и пользовался там большой славой. Отвергнув выгодные предложения остаться за границей, он вернулся в Россию и здесь погиб от равнодушия и невнимания.

Выводя художника в своем журнале под именем Трудолюбова, Крылов заботится, чтобы читатель разгадал, кого именно он подразумевает. Он пишет: «...я, скоро думав, сделался теперь совершенной пьяницей; известно, что скорость не одному мне, но многим причинила пагубу». Слова «скоро думав», поставленные рядом, давали понять читателям крыловского журнала, о ком именно идет речь.

Немало страниц посвящено в «Почте духов» критике самой Екатерины II. Намеки на ее любовные похождения, насмешка над ее перепиской с французскими философами-

И. А. Крылов. Прижизненный портрет работы неизвестного художника. (Масло)

ПОЧТА

ДУХОВЪ,

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНIЕ,

или

Ученая, Нравственная, и Критическая переписка Арабскаго Философа Маликульмулька съ водяными, воздушными и подземными Духами.

ЧАСТЬ I.

Печатано съ дозволенія указнаго

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1789 ГОДА.

58. «Почта духов». Титульный лист журнала И. А. Крылова. Первое издание 1789 г.

просветителями, осуждение разбазаривания государственных земель ее фаворитам,— все это можно найти в письмах «духов» и «эльфов» к «философу Маликульмульку».

Много мест отведено в журнале театру и литературе. Необходимо отметить, что к журналу «Беседующий гражданин», выходившему одновременно с «Почтой духов», Крылов относился неприязненно, называя его «Бредящим мещанином». Несмотря на свою близость к отдельным членам «Общества друзей словесных наук», издававшим этот журнал, молодой Крылов резко расходился с ними в ряде вопросов, в частности, мистически-религиозных, которым «Беседующий гражданин» уделял немалое внимание. Кроме того, в «Беседующем гражданине», печатавшем такие смелые рассуждения А. Н. Радищева, как «Беседа о том, что есть сын отечества», некоторые сотрудники занимались

прославлением Екатерины II. Для молодого Крылова Екатерина II к тому времени уже утеряла даже и остатки своей популярности и он не скрывал своего несогласия с «Беседующим гражданином».

«Беседующий гражданин», в свою очередь, не жаловал журнала «Почта духов».

Всего в журнале Крылова помещено 48 писем: 45 от лица восьми различных «духов», одно письмо «философа Эмпедокла» и два письма самого «Маликульмулька», «секретарем» которого объявил себя единственный сотрудник и редактор журнала Иван Андреевич Крылов, кстати вовсе не указавший своего имени в журнале.

По вопросу о единоличном авторстве Крылова в «Почте духов» было немало споров. Резкость и смелость обличений «Почты духов» дали возможность некоторым литературоведам предположить, что автором ряда писем был А. Н. Радищев. Версию эту впервые пустил секретарь великого князя, будущего царя Александра I, некто Массон, опубликовавший в Париже в 1800 году свои «Секретные мемуары» (на французском языке). Он отозвался о «Почте духов», как о «периодическом издании, наиболее философическом и наиболее колком из всех, какие когда-либо осмеливались публиковать в России» [10]. По-видимому, именно это обстоятельство побудило Массона приписать ряд страниц «Почты духов» перу А. Н. Радищева.

Сейчас уже окончательно доказано единоличное авторство И. А. Крылова в «Почте духов». Есть предположение, что некоторыми материалами ему помогал И. Г. Рахманинов, чья издательская монограмма «И. Р.» стоит на оборотной стороне заглавных листов каждой части журнала. И. Г. Рахманинову принадлежала, как издателю, рукопись «Почты духов». В 1802 году, спустя более десяти лет после выхода журнала, когда почувствовалось некоторое послабление режима, И. Г. Рахманинов решил переиздать «Почту духов». Он продал право переиздания предпринимателям Акохову и Козыреву, а те, в свою очередь, петербургскому книгопродавцу Свешникову, который и напечатал новое издание «Почты духов». Содержание журнала было разбито на четыре части, но не было разделено на месяцы, как в первом издании.

В остальном различия между изданиями, за исключением малозначащих мелочей, почти нет [11].

Весьма вероятно, что в редактировании переиздания «Почты духов» принимал участие и сам И. А. Крылов, наезжавший в эти годы в Петербург. Издание И. Г. Рахмани-

нова не преследовало каких-либо коммерческих целей. Достаточно сказать, что по договору с Акоховым и Козыревым издателю И. Г. Рахманинову причиталось всего по семи рублей за печатный лист. Ни Рахманинова, ни Крылова, деньги эти никак не устраивали. Действовали, конечно, идейные соображения.

У меня есть оба издания, и оба они, в особенности первое,— большая библиографическая редкость. Незаконченный Крыловым журнал «Почта духов» был, вне всякого сомнения, прикрыт цензурой, хотя официальных документов о преследовании журнала не найдено. Не подверглись официальному преследованию автор всех помещенных в нем материалов И. А. Крылов и издатель его И. Г. Рахманинов. Но Екатерина II хорошо запомнила обе эти фамилии. Особенно И. А. Крылова, и сам Крылов знал, что его заметили и запомнили...

* *
*

Нельзя не остановить внимания на появившейся в 1954 году диссертации молодого библиографа-литературоведа И. М. Полонской, работающей в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Диссертация посвящена издательской деятельности И. Г. Рахманинова.

Имеющийся в моем распоряжении автореферат этой диссертации носит название: «И. Г. Рахманинов. Из истории русского книгоиздательства конца XVIII века» [12].

В работе И. М. Полонской, на основании ряда найденных ею некоторых архивных данных, доказывается, что известное книголюбам второе издание «Почты духов» Крылова, напечатанное в 1802 году, является на самом деле не вторым, а третьим изданием.

Удалившийся из Петербурга в село Казинка издатель И. Г. Рахманинов приступил в этой глухой провинции к печатанию не только сочинений излюбленного им Вольтера, но и ряда других книг. В частности, было напечатано в количестве 600 экземпляров фактически второе издание журнала «Почта духов». Напечатано оно в 1793 году, а в январе 1794 года, по указу императрицы, склад и типография И. Г. Рахманинова были опечатаны и опечатанным изданиям составлен список. В означенном списке фигурируют все 600 экземпляров «Почты духов» 1793 года, второго издания этого журнала.

Как уже говорилось, в 1797 году арестованный склад издательства И. Г. Рахманинова сгорел, и все напечатанные

им книги погибли. Погибло и второе издание «Почты духов» 1793 года.

До настоящего времени не было найдено ни одного его экземпляра, и о самом существовании этого издания я узнал только из работы И. М. Полонской.

Разумеется, не зная о существовании второго издания «Почты духов», книголюбы его и не разыскивали. Теперь, другое дело — будем искать! Опыт подсказывает, что напечатанные книги уничтожить полностью не удается. Где-нибудь, возможно, и сохранились хотя бы один-два экземпляра.

Во всяком случае, предполагаемый факт, что «Почта духов» 1802 года — издание не второе, а третье,— факт важный для изучения творчества Крылова и истории русской журналистики. Он опровергает, кстати, мнение некоторых исследователей, что «Почта духов» Крылова в первом своем издании якобы не имела успеха, печаталась в количестве всего чуть ли не 80 экземпляров, и издание прекратилось из-за убытков, которые понесли издатели. На самом деле журнал имел успех и закрыт был Екатериной II. Именно вследствие этого успеха И. Г. Рахманинов пытался напечатать второе, а потом оказал содействие появлению и третьего его издания.

«ОДА НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА»

Год выхода последней книжки журнала «Почта духов» 1790-й был тяжелым годом для Екатерины II. Вести о революции во Франции будоражили умы, и императрица решила беспощадно расправиться со всяким проявлением вольнодумства в России. Уже давно было дано повеление следить за деятельностью Н. И. Новикова в Москве, и гроза над ним, вот-вот, готова была разразиться.

И именно в этом 1790 году вышла книга А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

Автор был заключен в Петропавловскую крепость и ждал приговора, в беспощадности которого ни у кого не было сомнения.

Издатель «Почты духов» молодой Иван Крылов прочитал сочинение А. Н. Радищева и не понял — зачем умный и образованный автор написал эту книгу? Крылов разделял чувства и мысли А. Н. Радищева, но не представлял себе, как можно столь открыто высказать то, что высказал он в

своей книге? К чему это может привести? Книга не дойдет до читателя, а автор ее пожертвует жизнью.

Крылов не мог знать о том, что подвиг автора «Путешествия из Петербурга в Москву» рано или поздно будет высоко оценен историей.

Положение Радищева Крылову казалось безнадежным. Этим путем — сатирик Крылов не пойдет. Он давно уже решил для себя, что истину надо говорить «вполоткрыто», иносказательно, намеком. И в этом случае истина останется истиной. Еще в самом начале своей драматургической деятельности Крылов, обиженный писателем Княжниным и директором театра Соймоновым, написал последнему письма, которые в списках ходили по Петербургу и принесли немалый успех автору. Письма были преисполнены внешней почтительности, но каждая строка их дышала ядом. Соймонову Крылов писал: «И последний подлец, каков только может быть, Ваше превосходительство, огорчился бы...» и так далее. Или: «...видя глупое, Ваше превосходительство, можно ли не смеяться...» Только запятые делали эти, по существу оскорбительные письма Крылова, юридически невинными документами, к которым нельзя придраться.

По-своему, И. А. Крылов считал себя правым. Время было такое, что всякий иной путь к правде — это кнуты Шишковского, казематы Петропавловки, Сибирь, виселица.

Молодой Крылов мечется по городу с мыслью — чем бы можно помочь Радищеву? Может быть, написать Екатерине II письмо?

Письма она не поймет, да и фамилия у сочинителя «Почты духов» явно на подозрении.

И тогда Крылов пишет Екатерине II оду. Пишет и выпускает ее отдельным изданием, единственным, которое было не журналом, не пьесой, не книгой басен [13].

Внешним поводом для написания этой оды служит торжественное заключение мира со Швецией 3-го августа 1790 года. Крылов в самых высокопарных выражениях, которые так любила Екатерина II, обращается к ней не только с прославлением ее деятельности, но и с прямым призывом:

«О сколь блаженны те державы,
Где, к подданным храня любовь,
Монархи в том лишь ищут славы,
Чтоб, как свою, щадить их кровь!»

Щадить жизнь подданных призывает Крылов, щадить не только на войне, щадить в мирной жизни.

Всячески воспевая Екатерину II, Крылов напоминает ей, что она «друг Музам», что она «наукам храмы ставит, порок разит, невинность славит, дает художествам покой». И, невольно, возникал, конечно, вопрос: какой же «покой художествам», если писатель Радищев в это время сидит в застенке и ждет казни?

Екатерина II и сама понимала, что в деле Радищева необходимо проявить некоторое чувство меры, и показала немалую заботу, чтобы расправа ее над писателем имела вид «законного» суда. Такой, с позволения сказать, «законный» суд, как известно, приговорил Радищева к смертной казни, которую она «всемилостивейше» заменила ссылкой в Сибирь.

Роль крыловской оды во всем этом деле не была значительной, но сама по себе попытка ее автора помочь Радищеву,— заслуживает внимания.

Выпущенная Крыловым брошюра имела название «Ода на заключение мира России со Швецией».

Небезынтересно, что Крылов печатал это издание в типографии И. Шнора, у которого Радищев купил литеры и печатный станок для выпуска своего «Путешествия». Можно предположить, что типографщик Шнор, душа которого вряд ли в те дни была спокойной, знал о целях издания Крыловым оды и всячески пошел молодому автору навстречу.

Тираж оды, по всей вероятности, был совершенно ничтожный. Крылову был нужен, в сущности, только один ее читатель — Екатерина II.

Может быть этим и объясняется почти удивительная редкость этого издания. Я не знаю ни одного частного собрания (включая свое), которое владело бы этой печатной одой Крылова. Из государственных книгохранилищ она имеется, в двух экземплярах, только в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве. В других библиотеках оды Крылова я не видел.

Несомненно, что выпуская в свет отдельным изданием это произведение, Крылов, кроме желания вызвать сочувствие Екатерины II к Радищеву, преследовал и другую цель: показать ей и свою якобы благонамеренность.

Эта игра нужна была Крылову потому, что он еще не собирался складывать оружия и, несмотря на тревожные времена, затевал издание нового журнала «Зритель», первая книжка которого вышла из печати в феврале 1792 года.

«ЗРИТЕЛЬ» И «С. ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕРКУРИЙ»

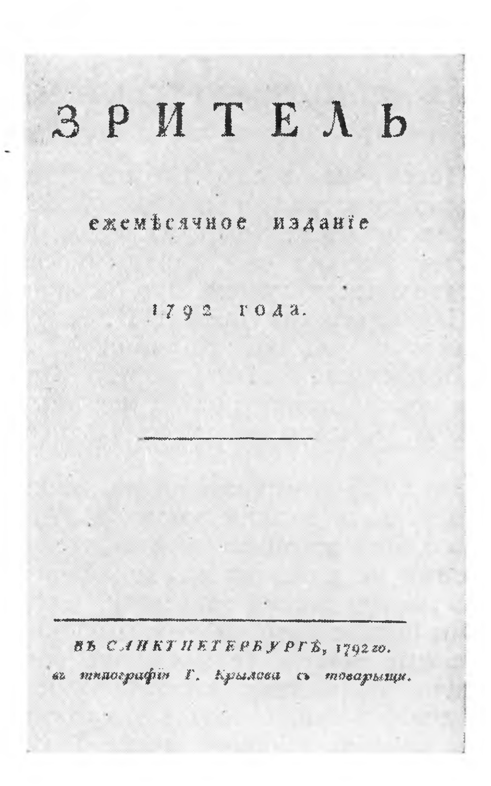
Уезжая из Петербурга в село Казинку, И. Г. Рахманинов уступил свою типографию молодому И. А. Крылову, причем на весьма льготных условиях. И. А. Крылов составил компанию из близких ему, главным образом, по его театральной деятельности людей. Это были: артист и драматург Петр Плавильщиков, артист И. А. Дмитриевский, критик и драматург А. И. Клушин. С ними вместе И. А. Крылов организовал «Типографию Крылова с товарищи», которая вскоре приступила к печатанию ряда книг. С ними же И. А. Крылов начал издавать журнал «Зритель» [14].

В составлении этой компании по изданию нового журнала не трудно угадать тонкий расчет И. А. Крылова. Он понимал, что издание журнала исключительно сатирического направления не избежит жесточайшего преследования цензуры и немедленного закрытия. Следовательно, в журнале должны быть статьи «положительного» характера, статьи посвященные театру, драматургии, вопросам искусства. Настоящая подлинная сатира, как ее понимал И. А. Крылов, должна существовать в журнале между прочим, отнюдь не занимая главного места. По этой причине в «Зрителе», наряду с злыми, умными и сатирическими статьями самого Крылова, есть немало всякого рода восхвалений деяний «просвещенной» монархини. На них не скупился Петр Плавильщиков, умевший сочетать эти восхваления с борьбой за народность театра, и ряд случайных сотрудников, вроде И. Варакина, А. Бухарского, В. Свистуновского, князя Г. Хованского и других.

Сатирическая часть журнала, наиболее ценная в нем, составляется из произведений И. А. Крылова и очень подружившегося с ним весьма способного журналиста А. И. Клушина.

Из сатирических произведений И. А. Крылова, напечатанных в «Зрителе», останавливает внимание, прежде всего, его восточная сказка «Каиб», являвшаяся в то время едва ли не самым смелым, после радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву», произведением, направленным против деспотизма и самодержавия.

Основная мысль «Каиба» выражена словами главного героя: «Не верьте в возможность существования идеальных государей. Это возможно только в волшебных сказках!»

ЗРИТЕЛЬ

ежемѣсячное изданіе

1792 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ, 1792 го.

въ типографіи Г. Крылова съ товарыщи.

59. «Зритель». Титульный лист журнала И. А. Крылова, издававшегося в 1792 г.

А именно «идеальным государем» считала себя Екатерина II. Проблема «идеального государя» была своего рода политической программой, противопоставляемой мечтам о республике. По этой «программе» и ударил И. А. Крылов.

Кроме «Каиба» он напечатал в «Зрителе» повесть «Ночи», дающую сатирическую картину нравов того времени, колкие и остроумные статьи: «Мысли философа по моде, или способ казаться разумным, не имея ни капли разума», «Речь, говоренная повесой в собрании дураков», «Похвальная речь в память моему дедушке» и другие.

Все это было как бы продолжением «Почты духов», и судьба журнала «Зритель» не могла быть иной, чем у первого журнала И. А. Крылова. Сатирик в то время еще не полностью овладел искусством маскировки, намеки его еще слишком легко угадывались, и «Зритель» на одиннадцатой книжке закончил свое существование.

Тираж журнала «Зритель» не установлен, но он вряд ли мог быть больше 250—300 экземпляров. Все три томика «Зрителя» сейчас уже почти ненаходимы. У меня — экземпляр из библиотеки П. А. Ефремова.

Документальных данных о запрещении «Зрителя» не найдено, но весь логический ход событий неминуемо вел журнал именно к такому концу. В типографии «Крылова с товарищи» еще летом был сделан обыск, во время которого у Крылова отобрали рукопись так и не дошедшего до нас его произведения «Мои горячки», а у Клушина — рукопись его сочинения — «Сны». За обоими авторами установили слежку.

Н. М. Карамзин писал И. И. Дмитриеву 3-го января 1793 года: «Правда ли, что издателей «Зрителя» брали под караул и за что?» [15].

К этому времени уже был арестован Н. И. Новиков и над головой молодого Крылова нависли тучи. Однако он еще не собирался отказываться от борьбы.

Он решил, что может сделать еще одну пробу, еще раз попытать судьбу.

От И. А. Крылова поспешили отойти П. А. Плавильщиков и И. А. Дмитревский, и Крылов только с одним, пока еще верным ему, А. И. Клушиным затевает издание нового журнала под названием «С. Петербургский Меркурий» [16].

Журнал этот уже вовсе не похож ни на «Почту духов», ни на «Зрителя». Это не сатирический, а общелитературный журнал. В нем гораздо больше произведений А. И. Клушина и других сотрудников, чем самого И. А. Крылова. Крылов печатает в журнале только стихи, оды, послания к друзьям. Во всем этом нет и тени сатиры. Всего лишь в двух статьях показывает, и очень осторожно, свое подлинное лицо И. А. Крылов. Он пишет «Похвальную речь науке убивать время» и «Похвальную речь Ермалафиду», которые вошли в число лучших сатирических произведений И. А. Крылова. Кроме этого он печатает рецензии на пьесы А. Клушина «Смех и горе» и «Алхимист».

Но и этого немногого оказалось много. Придравшись к рецензии А. И. Клушина (на пьесу «Вадим»), напечатанной в третьей части журнала и показавшейся слишком «вольнодумной», цензура направила в редакцию для наблюдения своего человека — И. Мартынова, который фактически отстранил от редактирования издателей — И. А. Крылова и А. И. Клушина. Кроме того, печатание журнала из типографии «Крылова с товарищи» было пере-

С. ПЕТЕРБУРГСКІЙ

МЕРКУРІЙ,

ежемѣсячное изданіе

1793 года.

Часть Первая.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

въ типографіи И. Крылова съ товарищи,

1793 года.

60. «С.-Петербургский Меркурий» 1793 г. Титульный лист последнего журнала И. А. Крылова.

несено в типографию Академии наук. Так, конечно, было вернее: больше гарантий, что в журнале и без того уже совершенно беззубом, не появится что-нибудь такое, чему не следует появляться.

Внешне это было обставлено так, что Крылову и Клушину печатать журнал в академической типографии должно было казаться даже как будто и выгодней: они были освобождены от расходов по его изданию.

В общем, подписной год «С. Петербургскому Меркурию» дали довести до конца.

Кроме Крылова и Клушина, в журнале сотрудничали: И. Мартынов, Н. П. Николев, Д. Горчаков, Г. Хованский, А. Бухарский, А. Струговщиков и другие. Но все они,

кроме И. Мартынова, печатались в журнале лишь эпизодически.

По сведениям В. П. Семенникова, «С. Петербургский Меркурий» печатался в количестве 580 экземпляров. Сведения эти, правда, касаются только последней четвертой его части, которая печаталась в типографии Академии наук. По всей вероятности, остальной тираж был такой же [17].

Комплект журнала сейчас весьма редок, в особенности в полном и хорошем виде. Мой экземпляр — из библиотеки П. А. Ефремова.

Журнал издавался неаккуратно, видимо, из-за цензурных перепитий. Последний номер, помеченный декабрем 1793 года, вышел в апреле 1794. В нем напечатано объявление от издателей, в котором говорится: «Год Меркурия кончился и за отлучкой издателей продолжаться не будет». Вместе с «Меркурием» окончилась журналистская деятельность молодого Крылова. Теперь он уже ясно понял, что высказывать свободные мысли в печати ему не дадут. Это подтвердила и личная его беседа с Екатериной II.

По-видимому, императрица, не считая молодого и несомненно талантливого журналиста И. А. Крылова «безнадежным», решила попытаться сделать его исполнителем своей воли. Литературные дела беспокоили Екатерину II. Разгром Радищева, Новикова и других, учиненный ею, в конце концов, никак не украшал «блестящий век Фелицы». Это она понимала сама. Надо было что-то противопоставить, и она начала свои «милостивые беседы» с писателями. В их число попал сначала Крылов, а потом Клушин.

Позже, Фаддей Булгарин, захлебываясь от восторга, писал об этом приеме Крылова («Северная пчела», 1845, № 8):

«Великая приняла ласково молодого писателя, поощрила к дальнейшим занятиям литературой».

Результат этого «поощрения» сказался очень быстро: А. И. Клушин тут же написал низкопоклонную оду государыне и стал собираться в заграничную командировку на казенный счет, а несговорчивый И. А. Крылов, бросив все свои дела и литературные занятия, уехал из Петербурга скитаться по чужим местам, подальше от столицы. Уехал сам, не дожидаясь пока его вышлют. Он хорошо знал, что с непокорными литераторами «великая» была коротка на расправу.

ПЬЕСЫ КРЫЛОВА И ЖУРНАЛ «ДРАМАТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

И. А. Крылову было всего двадцать пять лет. Он уехал из Петербурга разбитый, опустошенный. Он решил временно уйти от литературных занятий, считая, что отделался дешево, не разделив более печальной судьбы Радищева, Новикова и многих других.

Надежда в сердце была одна: «великой» было уже в это время 65 лет. Не будет же она жить вечно?

За плечами у молодого Ивана Андреевича, помимо разбросанных по разным журналам мелких произведений, были собственные журналы: «Почта духов», «Зритель», «С. Петербургский Меркурий». Была напечатана отдельным изданием «Ода». Не так мало для его возраста.

Да, еще же были и пьесы! Ведь Крылов начал свою литературную деятельность в качестве драматурга. Шестнадцатилетним мальчиком он написал комическую оперу «Кофейница» и даже получил за нее гонорар — на 60 рублей книг. Были и другие пьесы, но речь идет о пьесах, появившихся в печати. Таких всего было четыре: «Филомела», трагедия в 5 действиях, «Бешеная семья», комическая опера, комедии — «Проказники» и «Сочинитель в прихожей».

Пьесы эти были напечатаны в 39, 40 и 41 частях специального журнала «Российский феатр», издававшегося Академией наук. 39 и 40 части этого журнала вышли в 1793, а 41-я — в 1794 году.

По принятому тогда обычаю, эти же пьесы, тем же набором, печатались и отдельно, с прибавлением отдельного заглавного листа. Такие экземпляры, очевидно, давали в виде гонорара авторам. Этих отдельных оттисков крыловских пьес у меня нет, и библиографическое описание их я взял из «Росписей» В. А. Плавильщикова, работ А. Ф. Смирдина и В. С. Сопикова. Оттисков таких всего три: «Бешеная семья», «Проказники» и «Сочинитель в прихожей» [18].

Четвертой пьесе-трагедии И. А. Крылова «Филомела» не повезло. Она была напечатана в 39 части «Российского феатра», в которой была помещена и пьеса Я. Княжнина «Вадим Новгородский». Пьеса Княжнина была запрещена, и весь тираж 39 части журнала арестован в типографии.

Позже эту часть пустили в продажу, но с вырезанным из нее «Вадимом». Вместе с ним пострадали и несколько первых страниц пьесы Крылова. В моем комплекте «Российского феатра» — именно такая 39-ая часть. Очевидно, из этой части не делали и отдельных оттисков. Оттиск крыловской «Филомелы» не указан ни в одной «Росписи».

Много позже И. А. Крылов рассказывал М. Е. Лобанову: «В молодости моей я все писал, что ни попало, была бы только бумага да чернила; я писал и трагедию; она напечатана была в «Российском феатре», в одном томе с «Вадимом» Княжнина, с которым вместе и исчезла, да и рад тому: в ней ничего путного не было; это первые давнишние мои попытки» [19].

Любопытно, что Яков Княжнин и Иван Крылов были литературными врагами почти с первой встречи. Крылов неоднократно выводил Княжнина в своих сатирах и пьесах.

Во всех ранних драматургических произведениях И. А. Крылова, довольно слабых по форме, звучала подлинная социальная сатира. Осмеивался быт дворянского общества, осуждался гнет крепостного права, звучала издевка над литературными корифеями, зазнавшимися не по таланту, и многое другое. Ряд пьес его по этим причинам не увидел света рампы.

Таков был к тому времени перечень изданий, к которым имел непосредственное отношение И. А. Крылов, как писатель, журналист, драматург и редактор-издатель. И все это он предал забвению.

Начались годы скитаний. Рассказывают, что в первое время И. А. Крылов много играл в карты. Иногда даже выигрывал довольно крупные суммы, но, конечно, тут же их и проигрывал. Дворянская провинция жила скучно. Пьянство и азартные игры были распространенным явлением. Крылов ездил из города в город, из имения в имение, из гостей в гости. Скучающие хозяева были ему рады: свежий человек!

Изредка Иван Андреевич наведывался в Петербург. Иногда давал кое-какие мелочишки в журналы: стихи, переводы. Но все это так, без подписи, для души... В затеянный Карамзиным альманах «Аониды» Крылов тоже дал пару стихотворений: «Вечер» и «Вольное подражание псалму». И это Крылов подписывал только инициалами. Ему не нужно напоминать о своем существовании. Еще рано! И он тут же опять уезжает обратно в «никуда», просто в гости, к знакомым.

Но как раз в год появления «Аонид» (1796), поздней осенью умирает Екатерина II. Много-много позже о ней будут ходить по рукам злые строчки, которые станут приписывать перу Пушкина. В строчках этих будет подведен почти весь итог жизни императрицы:

«Насильно Зубову мила
Старушка умная жила
Приятно, но немножко блудно,
Вольтеру лучший друг была,
Писала прозой, флоты жгла
И умерла, садясь на судно...»

Крылов спешит в Петербург разведать, как обстоят дела. Престол наследовал Павел I, и, как говорится в русской пословице, «хрен» оказался «не слаще редьки». Наметанный глаз Крылова понял это сразу и писатель решил, что время его еще не наступило. Надо уезжать опять. За эти годы он сблизился с князем С. Ф. Голицыным и уехал к нему в Саратовскую губернию: учил его детей, ставил домашние спектакли. Здесь и была им написана злая сатира на царствование Павла I — пьеса «Подщипа» («Трумф»). Пьеса была сыграна с участием самого автора, но, разумеется, напечатана при его жизни не была, хотя списки ее и ходили по рукам у многих.

До этого Иван Андреевич наведывался еще раз в Петербург. В 1798 году он сдал в театральную цензуру перевод итальянской оперы «Сонный порошок», получил разрешение, и в феврале 1800 года она была показана зрителям.

В том же 1800 году Крылов, при содействии ловкого, но беспринципного А. И. Клушина, готовит к постановке и к печати свою оперу «Американцы» [20]. В театре, однако, она идет от имени А. И. Клушина. Против этого Крылов не протестовал, но когда Клушин и в печати попробовал выдвинуть себя на первое место, Крылова это удивило.

Издание это сейчас очень редкое, и, кроме Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в Москве, мне нигде не удалось его видеть.

Фамилии автора в издании не указано, и лишь в предисловии за подписью Клушина говорится: «г. Крылов, известный публике своими сочинениями, сделал основание оперы «Американцы». Далее Клушин говорит о своем соавторстве и пытается доказать, что в опере «кроме стихов, не осталось ни строки, принадлежащей перу Крылова».

Это была неправда, и Крылов, очевидно, обиделся. Совсем другим оказался А. И. Клушин. Он не стоил дружбы...

Опять И. А. Крылов уехал к Голицыным, к Бенкендорфам, обратно к Голицыным. Но как надоело ему быть гостем!

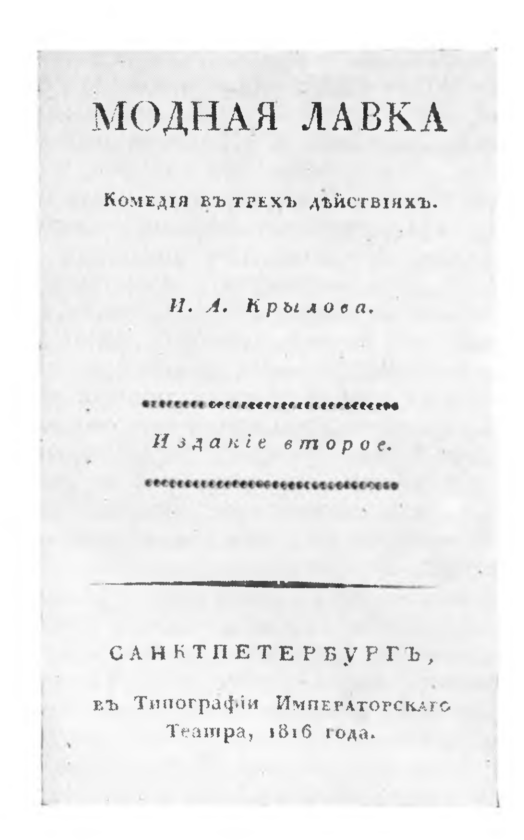
В это время князя Голицына назначают в Литву. Крылов принимает предложение стать его секретарем. Надо же что-то делать! Но Голицын попадает в опалу (при Павле I это случалось мгновенно), и опять Крылов, вместе со своим патроном, оказался в Казацком. Иван Андреевич думал, что это уже конец. Конец даже надеждам. Но Павел I был ненавистен не только Крылову. Наступил вскоре день, когда придворные задушили неугодного им императора. Крылову посчастливилось, может быть, первый раз в жизни. В это время князь Голицын вновь получил высокое назначение, на этот раз в Ригу, и Крылов поехал с ним, опять секретарем. Поехал снова выждать и посмотреть, что будет. Писатель уже стал старше, мудрее, он прошел суровую школу.

Летом 1802 года Крылов получает хорошие вести: прошла его пьеса «Пирог», вышла новым изданием «Почта духов». Однако осень приносит известие о самоубийстве Радищева. Значит, цари шиты все на одну колодку. И осенью 1803 года Крылов решает, что пора начинать литературную деятельность вновь. Что будет, то будет! Сколько же можно еще ждать? И так прошло, ни много, ни мало, почти десять лет!

Расставшись с Голицыным, побывав в Серпухове у любимого брата Левушки, осмотревшись, заехав в Москву и повидавшись с друзьями, Крылов решительно садится за перо и бумагу. Иван Андреевич переселяется вновь в Петербург. Начинать он думает с театра. Это уже знакомо; кроме того, успех в театре приходит быстрее.

И. А. Крылов возобновляет старые знакомства, заводит новые. Особенно интересным показалось ему знакомство с А. Н. Олениным, меценатом, художником и царедворцем. Крылов вводит его негласным компаньоном в свою типографию, бывшую «Крылова с товарищи». Разумеется, царедворцу Оленину это любопытно лишь как меценату. Для него Крылов пока еще просто интересный и талантливый человек, которого, пожалуй, следует поддержать. Что будет с ним дальше — покажет время.

Иван Андреевич энергично работает над новыми пьесами. Три из них вызывают всеобщий восторг. Это — комедии «Модная лавка», «Урок дочкам» и опера «Илья

МОДНАЯ ЛАВКА

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.

И. А. Крылова.

Изданіе второе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ Типографіи Императорскаго Театра, 1816 года.

61. «Модная лавка» И. А. Крылова. Титульный лист второго прижизненного издания комедии 1816 г.

богатырь». Они идут в театре с огромным успехом, и Крылов выпускает их отдельными изданиями [21].

Трудно сказать почему, но все эти книжки чрезвычайно редки. У меня есть только вторые издания «Модной лавки» и «Урока дочкам». Оперы «Илья богатырь» нет совсем.

Редкость этих изданий, может быть, объясняется тем, что охотников собирать пьесы, даже замечательных авторов, всегда было немного. Пьесы интересны, главным образом, только записным театралам.

Нет нужды останавливаться на значении этих произведений великого баснописца. Драматургия И. А. Крылова достаточно изучена. «Модная лавка» и «Урок дочкам» были направлены против увлечения галломанией, фран-

цузским воспитанием. Вопрос этот был тогда особенно злободневен. Опера «Илья богатырь» была высоко патриотична. На Западе гремели наполеоновские войны, и опера И. А. Крылова весомо напоминала о величии русского духа, о народе, силы которого неисчерпаемы.

Именно эта опера сразу же принесла новую славу И. А. Крылову. Но сам он был неудовлетворен. Не этим должен он заниматься! Театр был почти недоступен народу, а без служения народу писатель не мыслил своей жизни.

Вот, что, если басня? Она очень похожа на маленькую пьесу, которую он умеет делать. Но басня доходчивей, острей, действенней. Когда-то, на заре юности, он уже пробовал писать басни. Но разве можно сравнить его сегодняшний писательский опыт с прежним?

Как-то Крылов, очень почтительно, обратился к прославленному в то время поэту и баснописцу Ивану Ивановичу Дмитриеву с просьбой посмотреть его «безделку»: три басенки, которые он перевел из Лафонтена. Это были «Дуб и трость», «Разборчивая невеста», «Старик и трое молодых».

И. И. Дмитриев, сам когда-то переводивший эти же басни, пришел в восторг.

«Вы нашли себя,— говорил он И. А. Крылову.— Это истинный ваш род. Продолжайте. Остановитесь на этом литературном жанре» [22].

У И. А. Крылова не было оснований не доверять И. И. Дмитриеву. Старый поэт уже «парил на Олимпе», занимал высокий пост и мог позволить себе роскошь говорить правду.

Басни эти Крылов напечатал в журнале «Московский зритель», издававшемся Шаликовым, но Иван Андреевич понимал, что журнал этот — не арена для его новой деятельности. К тому же, басни его в дальнейшем вовсе не обещали быть безобидными, а князь Шаликов — трус.

Надо организовать собственный журнал, в котором он мог бы чувствовать себя хозяином.

И Иван Андреевич решил «тряхнуть стариной». Он составляет компанию, во главе которой ставит драматурга князя А. А. Шаховского, вполне «благонамеренного» человека. Крылов даже делает Шаховского полным хозяином. Журнал намечено посвятить вопросам театра. Придумано уже и название: «Драматический вестник». В компанию входят А. Н. Оленин, Д. И. Языков, А. А. Писарев, Н. И. Гнедич и другие.

Больше всех беспокоится о направлении журнала А. Н. Оленин. Он хорошо помнит прежнего Крылова — «якобинца». Как бы он не взялся за старое? Но Крылов успокаивает, говорит, что не будет писать ни статей, ни сатир, ни пьес, только басни. Во всем остальном — хозяйствуйте вы!

В январе 1808 года вышел первый номер «Драматического вестника», последнего журнала, затеянного И. А. Крыловым [23].

Комплект журнала с прибавлениями составляет большую редкость. У меня имеется экземпляр непереплетенный, в тетрадях, то есть в таком виде, в каком он рассылался подписчикам.

Его подарил мне ныне покойный критик и знаток театра Михаил Борисович Загорский, автор ряда книг по истории театрального искусства.

Журнал «Драматический вестник» особенно примечателен тем, что он является фактически первым русским периодическим изданием, посвященным исключительно вопросам театра. Выходивший до этого академический «Российский феатр» печатал на своих страницах только пьесы. Театральный журнал, в том понимании, в котором он существует и сегодня, тогда появился впервые. В «Драматическом вестнике» печатались теоретические статьи о театре, драматургии, рецензии на спектакли, театральная хроника. Крыловские басни появлялись в этом журнале под видом своеобразной «странички юмора».

Наукам, художествам и другим видам искусств (не театральным) отводилось место лишь в специальных приложениях.

Направление журнала «Драматический вестник» в целом вышло, однако, глубоко чуждым Крылову. А. А. Шаховской и его единомышленники встали на защиту классицизма, против влияния сентиментальной драмы, рисующей в идеалистических тонах жизнь «низких сословий». Крылов попробовал бороться и в статье о пьесе «Марфа-посадница» (единственной статье, помещенной им в этом журнале) высказался за реалистическое направление театрального искусства. В последствии Шаховской и Писарев вняли Крылову и тоже изменили свои взгляды на театр. Но Крылову это уже было неинтересно. Он думал теперь только о баснях.

В журнале фамилия его мелькает довольно часто: то перепечатывается его пьеса «Модная лавка», то появляются послания, ему посвященные. Однако басни свои

ДРАМАТИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ.

La critique est aisée, et l'art est difficile.

Хоть критика легка, но мудрено искуство.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ типографіи Императорскаго театра.

1808 года.

62. «Драматический вестник». Первый русский театральный журнал. Издавался при ближайшем участии И. А. Крылова.

он печатает за подписью «К». Он еще не знает, что из них выйдет.

Всего за год Крылов напечатал в журнале 20 басен; в первой части — 13, во второй — 2, в третьей — 1 и в четвертой — 4.

Баснописец прислушался: ничего, тихо... Хвалят все, хотя высказал он в этих первых же баснях весьма смелые мысли: «У сильного всегда бессильный виноват», «Что если голова пуста, то голове ума не придадут места» и так далее. О бесправии народа рискнул намекнуть И. А. Крылов в некоторых баснях и тоже ничего, сошло... Очевидно, басня — удобный вид сатиры.

И журнал Крылову становится не нужен. «Драматический вестник», сослужив ему свою службу, прекращается на 93 номере. Недодано пустяки: всего одиннадцать номеров. Но Крылов не единоличный хозяин журнала — есть и другие, пусть они отвечают.

У Крылова впереди выход первой его книги басен. Книги за полной его подписью «Иван Крылов». Это — начало его новой жизни.

ПЕРВЫЕ КНИГИ БАСЕН

Свою первую книгу басен И. А. Крылов выпустил в свет в 1809 году. Подошел он к этому важнейшему событию своей жизни обдуманно и осторожно. Все басни Крылов не только предварительно напечатал в «Драматическом вестнике», но и неоднократно читал их вслух в различных литературных салонах, в гостиных влиятельных лиц, в литературных кружках самых различных направлений.

Обладая незаурядными актерскими способностями, Иван Андреевич читал свои басни с удивительным мастерством и неизменно имел огромный успех. Постепенно он стал модной фигурой в петербургском свете. Он с охотой принимал приглашения на обеды, на вечера и, не отказываясь, читал басни. Читая, Крылов внимательно присматривался к выражению лиц слушателей: а не слишком ли прозрачен затаенный смысл басен? Или, наоборот, слишком глубоко спрятан? Но, нет, языком Эзопа баснописец овладел виртуозно. Его лисы, медведи, вороны, мартышки — богатым и сытым слушателям говорили одно, а народу совершенно другое... Избранный сатириком путь верен!

И еще одно обстоятельство заметил Иван Андреевич: оказывается, чрезвычайно важно его собственное поведение на этих вечерах и обедах, где он читает басни. Явную симпатию окружающих вызывает его несколько чрезмерный аппетит. По городу начали ходить анекдоты, что Крылов может запросто скушать целого гуся, поросенка, что он, вообще, чудак и оригинал. Это хорошо! Это сразу настраивает аудиторию на добродушный лад, на улыбку. Опасный внутренний смысл каждой басни прячется еще глубже от людей, от которых надо его прятать. Хорошо помогают Крылову разговоры о том, что Оленин ему всячески покровительствует. Надо постараться, чтобы эти разговоры усилились.

Так началось не только сочинение басен, но и «сочинение» жизни самого баснописца. Жизни, в которой должен быть обдуман каждый шаг, созданы особый облик, характер и поведение. Только так, может быть, и удастся писать и печатать такие басни, какими их задумал Крылов.

В своем мировоззрении, в своих убеждениях Иван Андреевич не собирался меняться ни на мгновенье. «Якобинский заквас» юности по-прежнему питал его мысли и чувства. Только проявлять этот «заквас» баснописец решил по-другому, чем раньше.

Опыт проведения первой же книги басен через цензуру показал Крылову, что предпринимаемые им меры предосторожности, отнюдь не напрасны. Книга, представленная в цензуру через Д. И. Языкова 27-го октября 1808 года, была задержана цензором И. О. Тимковским почти на месяц.

Басня «Парнас» вызвала резкое возражение цензора, и Крылов несколько раз ее переделывал и переписывал заново. А ведь И. О. Тимковский считался приятелем баснописца. Да и Д. И. Языков, через которого он представил книгу в цензуру, помогал как мог. Очевидно, всего этого мало. В следующий раз с его баснями пойдет в цензуру сам А. Н. Оленин — пусть помогает, его-то послушают наверняка!

Наконец, 24-го ноября того же 1808 года И. О. Тимковский подписал разрешение, и 24-го февраля 1809 года книга вышла из типографии Губернского правления[24].

Тоненькая книжка была напечатана весьма скромно, на голубоватой бумаге, без всяких украшений.

Тираж книги был невелик — всего 1200 экземпляров. Но Крылов еще не знал полностью силы своих басен. Не

знал, что книжка эта разойдется мгновенно и принесет ему сразу славу лучшего русского баснописца.

В книге напечатаны 23 басни: «Ворона и лисица», «Дуб и трость», «Музыканты», «Два голубя», «Лягушка и вол», «Ларчик», «Мор зверей», «Петух и жемчужное зерно», «Невеста», «Волк и ягненок», «Парнас», «Лев и комар», «Стрекоза и муравей», «Оракул», «Лев на ловле», «Роща и огонь», «Лягушки, просящие царя», «Человек и лев», «Старик и трое молодых», «Орел и куры», «Муха и дорожные», «Обезьяны», «Пустынник и медведь».

Сейчас это — одна из редчайших русских книг. Исследователь жизни и творчества Крылова В. Кеневич писал об этой книге:

«Единственный экземпляр, бывший у меня в руках, находится в имп. Публичной библиотеке (ныне Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— Н. С.-С.). На заглавном листе его карандашом сделана надпись: — Нет. Нет в продаже, нет в Академии и трудно где-либо отыскать» [25].

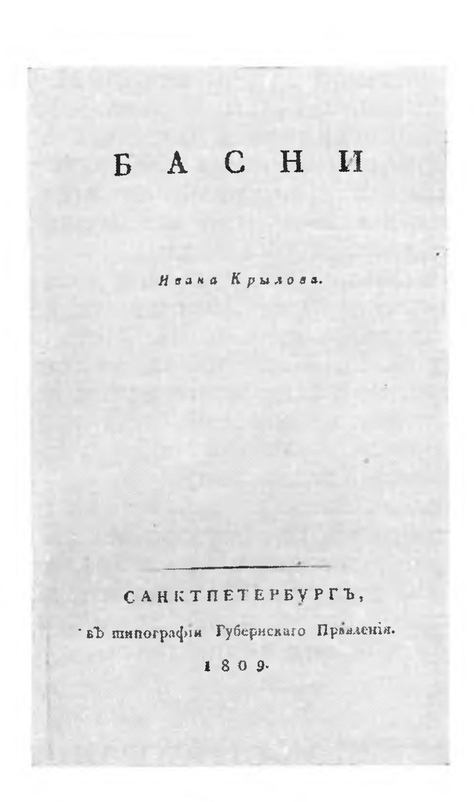
Возможно, что сейчас уже и найдены другие экземпляры этой, действительно редчайшей книги, однако в марте 1958 года ее не было в наличии в Отделе редких книг Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Я буду рад, если со временем именно туда попадет имеющийся у меня первоклассный экземпляр этой книги, пришедший ко мне из собрания З. Гржебина.

Тот же В. Кеневич, продолжая свое описание первой книги басен И. А. Крылова, высказывает такое соображение: «Издание это, которое Жуковский приветствовал известной статьей, особенно драгоценно потому, что представляет много весьма любопытных и при изучении Крылова важных вариантов».

Итак, первая книга басен имела огромный успех. Со всех сторон слышались требования и на нее и на новые басни.

Но Иван Андреевич не торопился. Он уже знал действенность своего оружия и понимал, что «дразнить гусей» надо с умом, осторожно, строго дозируя порции сатирических молний. Он рад слухам о том, что он якобы ленив до предела и поэтому не пишет. На самом деле, он работал упорно и много. Дошедшие до нас черновики его басен показывают, сколько раз он переделывал и поправлял каждое слово, каждую фразу.

БАСНИ

Ивана Крылова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Губернскаго Правленія.

1809.

63. Первое прижизненное издание книги басен И. А. Крылова 1809 г. Титульный лист.

По-прежнему Крылов принимал приглашения на обеды и вечера, с охотой читал новые, только что написанные басни. Это же лучшая проверка и текста басни и того впечатления, которое она производила на слушателей.

Только через два года после выхода в свет первой книги Крылов решается напечатать вторую, с новыми баснями. В цензуру на этот раз книга была представлена через самого А. Н. Оленина и в один день (8-го марта 1811 года) на нее было получено разрешение. Выпущена книга была из типографии Петербургского губернского правления 15-го ноября того же года. Напечатана вторая книжка басен столь же скромно, как и первая [26].

Тираж книги — 1200 экземпляров. В ней напечатана 21 новая басня.

Почти одновременно с этой книгой И. А. Крылов выпускает второе издание своего первого сборника басен, с существенными изменениями в их тексте[27].

Тираж этого издания — тоже 1200 экземпляров. Книга была представлена в Цензурный комитет 1-го сентября 1811 года, разрешена 16-го того же месяца, выпущена из типографии 9-го декабря 1811 года.

Обоих этих изданий 1811 года мне достать не удалось, и я описываю их по двум источникам: академическому изданию басен под редакцией А. П. Могилянского (М.-Л. 1956) и каталогу Л. И. Жевержеева, не имевшего первого издания 1809 года, но обладавшего этими двумя книжками 1811-го года, причем на каждой была собственноручная дарственная надпись Крылова: «Его высокоблагородию Василию Ивановичу Красовскому».

Ныне оба эти экземпляра с автографами находятся в замечательном собрании профессора Ивана Никаноровича Розанова. Судя по дореволюционным антикварным каталогам, редкостность изданий 1811 года несколько меньшая, чем у первой книги басен, напечатанной в 1809 году, но (вот поди ж ты!) мне они не попались.

ПЕРВОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ БАСЕН

Следующая книга И. А. Крылова, в которую, кроме уже напечатанных в изданиях 1809 и 1811 годов, вошли новые 36 басен, появилась только через четыре года, в 1815 году. Это была первая иллюстрированная книга басен И. А. Крылова

Четыре года, прошедшие между выходом в свет крыловских басен, были грозным временем для России: страна пережила Отечественную войну 1812 года. Естественно, что И. А. Крылов в своих баснях широко откликнулся на события этой войны. Откликнулся по-крыловски — умно, хитро и остро. Тревога, охватившая русский народ в докутузовский период войны, отражена, например, в басне «Раздел».

Заключительные слова в басне:

«В делах, которые гораздо поважней,
Нередко от того погибель всем бывает,
Что чем бы общую беду встречать дружней,

Всяк споры затевает
О выгоде своей»

— прямо указывали на грызню генералов «главной квартиры», действовавших из-за личных интересов в ущерб обороне родины.

В басне «Кот и повар» говорилось о том же. Назначение Кутузова главнокомандующим было сделано по воле общественного мнения, по воле народа, вопреки желанию царя. Формированию этого общественного мнения немало способствовал Крылов своими баснями, напечатанными в журналах и ходившими по рукам в списках.

В басне «Ворона и курица» Крылов оправдал оставление Москвы Кутузовым, считая это гениальным стратегическим шагом. «И на погибель им Москву оставил»,— писал о Кутузове Иван Андреевич, чем весьма помог полководцу, страдавшему от интриг тщеславного царя и придворной камарильи.

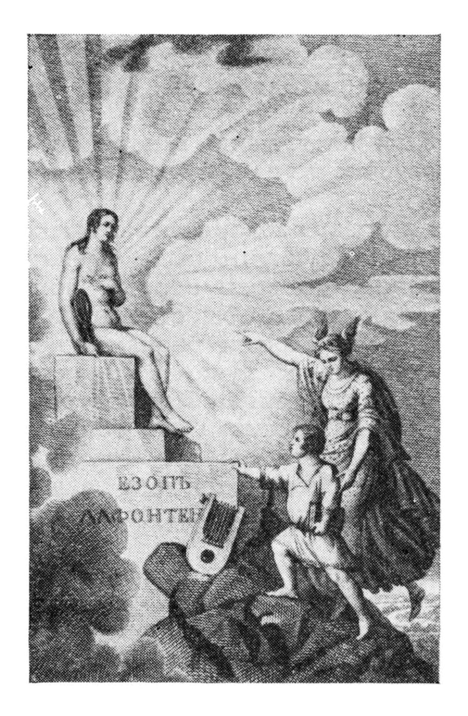
Одну из самых знаменитых басен Крылова «Волк на псарне» Кутузов прочитал перед фронтом солдат и офицеров. При словах: «Ты сер, а я приятель сед»,— Кутузов приподнял фуражку и указал на свои седины. Громкое «ура» покрыло чтение этой басни.

Крылов и далее помогал народному герою, выпуская такие басни, как «Обоз», в которой оправдывал его мудрую осторожность, «Щука и кот», где язвительно вывел царского приспешника адмирала П. В. Чичагова, упустившего, из-за нежелания выполнить кутузовский приказ, возможность пленения самого Наполеона.

Баснописец становится чрезвычайно популярным и в армии и в народе. Народ понял и полюбил его басни.

В эпоху Отечественной войны 1812 года произошел подъем народного самосознания, и, вместе с тем, возрос интерес к вопросам искусства и литературы. Самые широкие слои населения стали ощущать нужду в печатном слове, потянулись к книге. Передовая часть общества прониклась глубочайшими симпатиями к народу. Занималась заря деятельности дворянских революционеров-декабристов.

Такова была политическая обстановка, когда И. А. Крылов счел возможным выпустить свою новую книгу. Он охотно принял помощь царедворца А. Н. Оленина, который выхлопотал для него царскую субсидию на издание. В письме А. Е. Измайлова к Н. Ф. Грамматину (13-го января 1813 года) можно прочитать такие строки: «Крылов

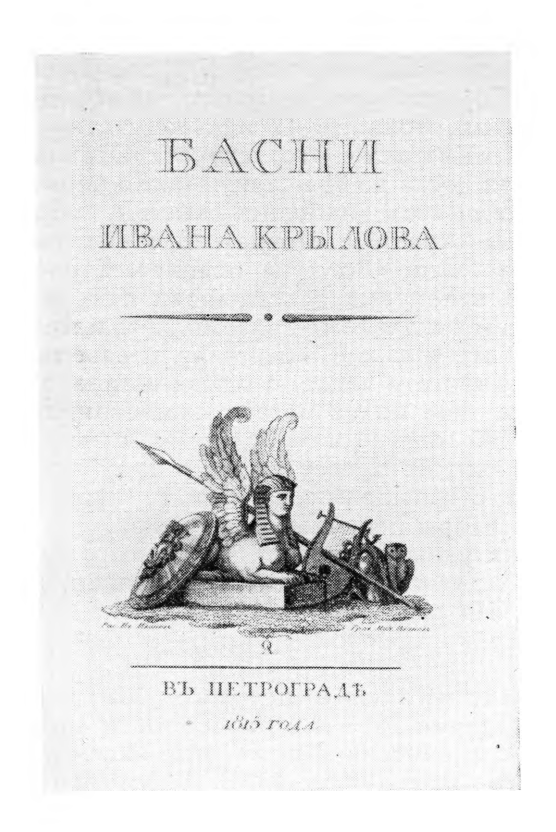
64. Первое иллюстрированное издание басен И. А. Крылова 1815 г. Гравированный фронтиспис. Рис. И. Иванов. Грав. М. Иванов.

на новое издание своих басен получил от государя через предстателя своего Оленина четыре тысячи рублей»[23].

Ниже, при описании следующего иллюстрированного издания крыловских басен, вышедшего в свет через десять лет, в 1825 году, об этой «помощи» Оленина Крылову будет рассказано более подробно.

Пока же достаточно сказать, что А. Н. Оленин составил смету издания новой книги, сам пригласил художников-иллюстраторов, следил за гравированием их рисунков. Каждую гравированную картинку в книге он метил своей монограммой «А. О.», обозначавшей, что гравирование прошло под его руководством.

Тираж книги был намечен в 2000 экземпляров, из которых сто — на веленевой бумаге, какая-то небольшая часть — на бумаге простой, но со всеми гравюрами, и все остальные — без гравюр вовсе, с одной заглавной виньеткой[29].

65. Первое иллюстрированное издание басен Крылова 1815 г. Гравированный титульный лист. Рис. И. Иванов. Грав. М. Иванов.

По «Опыту» В. С. Сопикова (№ 12832) цена книги была помечена: «На веленевой бумаге — 25 рублей, на обыкновенной — 15 рублей и то же, без картин — 8 рублей».

Подобное деление на три вида диктовалось, отчасти, особенностью медных гравировальных досок, которые большого тиража не выдерживали, «уставали» и начинали давать плохие отпечатки, или изнашивались вовсе.

Содержание книги было разбито на три части. Цензурное разрешение получено 25-го мая 1815 года, а поступили книги в продажу — две первых части около 1-го декабря того же года, а последняя часть — в январе 1816 года.

В издание вошло 70 басен.

Мой экземпляр — из числа веленевых, «подносных». Переплетен в красный марокен, с золотым обрезом.

Имеется такой же экземпляр второго вида, в простом переплете на обыкновенной бумаге со всеми гравюрами, кроме одной: на странице 47 первой части — гравированная виньетка «Квартет» отсутствует. Очевидно лопнула гравировальная доска во время печатания первых экземпляров. Вместо виньетки набрано: «Конец первой части». Кроме того, на странице 21 третьей части, почему-то выпало заглавие басни «Волк на псарне». Стоит просто номер: «XV». В веленевых экземплярах есть и номер и заглавие. Во всем остальном — экземпляры идентичны.

Имеется у меня также экземпляр третьего, удешевленного вида, без гравюр вовсе, с одной заглавной виньеткой.

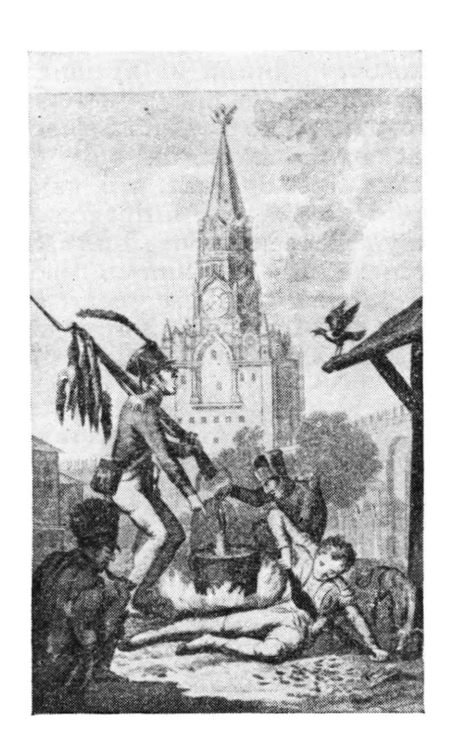
Следующее, еще более богато иллюстрированное издание басен 1825 года (оно будет описано отдельно, на своем месте), вышло в свет также в трех видах: на веленевой бумаге с гравюрами, на бумаге простой, с гравюрами, и экземпляры дешевые, без гравюр.

Тираж этих удешевленных (без гравюр) басен издания 1825 года был для своего времени громаден: десять тысяч экземпляров. Из них веленевых, вероятно, всего сто, а с гравюрами, но на простой бумаге,— экземпляров двести-триста.

Интересно отметить, что дешевые (без гравюр) экземпляры басен издания 1815 и в особенности 1825 года встречаются сейчас значительно реже, чем экземпляры второго и первого видов (с гравюрами). В. А. Верещагин, описывая эти книги в своем справочнике, сообщает: «Обе они (1815 и 1825 г.) были изданы, по всей вероятности, в весьма ограниченном количестве экземпляров и в тех, весьма редких случаях, когда они попадаются в продаже, оказываются большей частью переплетенными в современный изданию сафьяновый переплет с золотым обрезом»[30].

В. А. Верещагин, разумеется, видел и описал только особые иллюстрированные виды издания. Он абсолютно прав, говоря об их редкости. Однако, как ни редки они, как бы ни был мал их тираж,— экземпляры эти, все-таки, встречались и нет ни одного более или менее значительного собрания книг, где бы они не стояли на полке.

Другое дело — простые безгравюрные экземпляры. Несмотря на значительный их тираж и более дешевую цену, они почти совсем исчезли с книжного горизонта. Находящийся у меня простой безгравюрный экземпляр басен издания 1825 года в обложках я имею все основания считать уникальным, так как подобного экземпляра я не нашел ни в одном государственном или частном собрании.

66. «Ворона и курица».
Одна из иллюстраций в книге басен И. А. Крылова 1815 г.
Рис. И. Иванов Грав. С. Галактионов.

Объясняется это, конечно, тем, что дорогие «с картинками» экземпляры предназначались для привилегированного сословия, имевшего библиотеки, в которых книги эти тщательно сохранялись.

Из этих библиотек они изредка попадали потом на книжный рынок и продолжали украшать коллекции других собирателей.

Басни Крылова без гравюр, дешевые, покупал народ, который читал их, зачитывал «до дыр», и книги эти в конце концов, утрачивались, пропадали. Вот и получилось парадоксальное явление: экземпляры, отпечатанные в какой-нибудь сотне экземпляров — найти можно, а экземпляры, оттиснутые в количестве десяти тысяч — почти уникальны.

С точки зрения полиграфического искусства, иллюстрированные книги басен Крылова издания 1815 и 1825 года

образцовы и являются одними из лучших русских иллюстрированных изданий.

Как я уже говорил, мне посчастливилось: я имею оба эти издания во всех трех их видах.

Иван Андреевич Крылов знал, что книги его раскупаются мгновенно, и особенно интересовался тиражами именно простых, удешевленных изданий «для народа». О необыкновенном успехе этих изданий он говорил, что «басни его дают в руки детям, а дети не умеют беречь книг...» [31].

Лукавая улыбка баснописца при этом понимающим людям говорила о весьма многом.

ИЗДАНИЯ БАСЕН МЕЖДУ 1815 И 1825 ГОДАМИ

Ровно через год после выхода иллюстрированного издания (1815 года), в котором было три части, Крылов, в театральной типографии А. Похорского, последовательно, одну за другой, выпускает четвертую и пятую части с новыми баснями.

Эти новые две части служат прямым дополнением к иллюстрированному изданию 1815-го года. Цензурное разрешение на четвертую часть, содержащую 21 новую басню, получено 25 февраля 1816 года, а на пятую часть, с 23 баснями,— 7 марта.

Выпущены обе части из типографии А. Похорского 5-го апреля 1816 года [32].

Обе части напечатаны тиражом 1200 экземпляров, причем какое-то количество из них на особой бумаге, как приложение к особым «подносным» экземплярам 1815 года, остальные — на бумаге простой, такой же, как и у безгравюрных дешевых изданий того же 1815 года. Портрет И. А. Крылова здесь появился впервые.

На книжном рынке иногда встречались все пять частей басен издания 1815—1816 годов без гравюр, сброшюрованные вместе. Очевидно, некоторая доля безгравюрных экземпляров первых трех частей 1815 года была еще не распродана, и Крылов через год «оживил» продажу прибавлением двух новых (четвертой и пятой) частей, с новыми баснями.

А, может быть, к выпуску двух новых (четвертой и пятой) частей какое-то количество первых трех частей до-

печатали заново. Сейчас это установить трудно, но такие случаи в книгопродавческом деле бывали. А. Ф. Смирдин, например, при выходе 2-ой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя в 1832 году, взял да и напечатал заново 150 экземпляров первой части, появившейся и распроданной за год до этого. «Иначе,— говорил Смирдин,— второй книжки не покупали — требовали непременно и первую» [33].

Единственный, кто сообщал, примерно, то же самое по отношению к крыловским басням 1815—1816 года,— был М. Лобанов, [34], но его недокументированное утверждение не принято библиографами. Они считают бесспорным, что 4 и 5 части вышли отдельным изданием. В моем собрании обе эти части имеются в отдельном виде, на особой бумаге, с портретом. Такие экземпляры чрезвычайно редки.

Еще через год, в 1817-ом году вышла из печати отдельная брошюра с тремя новыми баснями И. А. Крылова: «Кукушка и горлинка», «Сочинитель и разбойник» и «Похороны» [35].

Брошюра выпущена из типографии 5-го января 1817 года. Обычной цензуры она не проходила, и на обороте заглавного листа имеется гриф: «Напечатано с дозволения главного начальства Императорской публичной библиотеки».

Надо ли напоминать, что таким «главным начальством» библиотеки был в это время Алексей Николаевич Оленин.

Это он, начиная с 1814 года, ежегодно, 2-го января устраивал в библиотеке торжественные собрания, на которые созывалась вся знать Петербурга. Читался отчет о деятельности библиотеки, какое-либо «ученое рассуждение» о пользе просвещения и, неизменно, в заключение выступал «служащий» библиотеки Иван Андреевич Крылов с новыми баснями.

Между прочим, как раз в 1817 году такое «торжественное собрание» было последним. Официальной причиной их прекращения служила ссылка на то, что «служащие не могут быть отвлекаемы от усиленных работ по составлению каталогов, во исполнение высочайшей воли» [36]. Разумеется, истинная причина была известна только самому Оленину, ловкому царедворцу, всегда угадывавшему настроение придворных кругов.

Очевидно, что брошюра с тремя прочитанными новыми баснями Крылова на этом последнем собрании, была напечатана для рассылки «на память» присутствовавшим на собрании. Какая-то часть тиража ее была напечатана на

особой бумаге, с большими полями, с приложением гравированного портрета Крылова, рисованного О. Кипренским. Такой именно экземпляр я видел в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве. У меня — экземпляр на обыкновенной бумаге, без портрета.

Возможно, что часть оставшихся от раздачи брошюр после и поступила в продажу. Однако в известной «Росписи» А. Смирдина она не фигурирует. Во всяком случае, сейчас эта брошюра чрезвычайно редка.

К концу 1818 года у Крылова собралась еще одна часть (шестая) новых басен, а так как все прежние книги его к этому времени были уже распроданы, он решил приступить к изданию всех шести частей сразу.

И. А. Крылов знал, что книги его басен не залежатся на полках книжных лавок.

«Иждивением» Александра Похорского, некоторые подробности о котором рассказываются ниже, в начале 1819 года была издана книга, простая и без затей, без портретов и гравюр, заключающая в себе все шесть частей басен Крылова, в которой напечатано уже солидное количество — сто тридцать девять басен [37].

Цензурное разрешение на первые пять частей получено 8-го октября 1818 года, а на последнюю — новую, шестую часть — 8-го марта 1819 года. Выпущено все издание из типографии 11-го марта 1819 года, тиражом 6000 экземпляров. Возможно, что небольшое количество напечатано, по обычаю, на лучшей бумаге, для подношений. Мне такие экземпляры не попадались. Мой экземпляр — на обыкновенной бумаге.

Как и почти все прижизненные издания басен Крылова, книга весьма быстро была раскуплена и стала библиографической редкостью. Еще в 1865 году В. Кеневич в «Русском архиве», описывая прижизненные издания Крылова, о книге басен 1819 года отметил:

«В публичной библиотеке (в Спб.) этого издания нет. За доставление этого издания автор приносит душевную благодарность Я. К. Гроту».

Позже это положение изменилось, и сейчас в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина имеется изумительный экземпляр этого издания с проложенными между страницами чистыми листами бумаги, на которых рукой Крылова сделаны многочисленные исправления. По этому экземпляру И. А. Крылов готовил следующее свое иллюстрированное издание басен 1825 года.

ТРИ НОВЫЯ БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА,

читанныя въ торжественномъ собранiи
Императорской публичной библiотеки
Января 2 дня сего года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографiи Императорскаго театра,
1817.

67. *«Три новые басни И. А. Крылова». Издание Публичной Библиотеки 1817 г. Титульный лист.*

БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА.

ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Иждивенiемъ Содержателя театральной типографiи
Александра Похорскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографiи Императорскаго театра,

1819.

68. *Книга басен И. А. Крылова, изданная в 1819 г. Титульный лист.*

Но с этим новым изданием Крылов не торопился. Больше того, хотел, чтобы и другие видели, что он не торопится. При выходе каждой своей книги басен он держался так, словно это его последняя книга, и автор, вообще, не считает это дело серьезным и важным. Как известно, Крылов также не любил когда спрашивали, кого именно он имел в виду в той или иной басне. Никого, кроме бесхитростных зверушек, лис, зайцев, волков, медведей, орлов!.. На самом деле, каждая его басня откликалась на то или иное политическое событие в стране, вставала на защиту попранных прав народа, била по произволу, по власть имущим. Крылов смертельно беспокоился, что эта позиция его будет разгадана. «Опекавший» его А. Н. Оленин все больше и больше донимал своими «советами» баснописца. И Крылов расчетливо медлил с выпуском новых басен: как бы не сказали, вообще,— довольно! Именно по этим соображениям, одновременно с выпуском книги басен в 1819 году, появилось объявление издателя, напечатанное в «С. Петербургских ведомостях» (1819, 28-го марта, № 25), где было сказано, что: «Автор, желая сим новым и последним изданием заключить достославное поприще свое, собрал все свои басни, со времени последнего издания им сочиненные, как манускриптами у него находящиеся, так и в разных повременных листках отпечатанные».

Словом — с баснями покончено, и присматриваться к их автору — уже незачем. У него «все в прошлом»...

В. Кеневич рассказывает, что известие об этом вызвало со всех сторон сожаления, выраженные даже и в печати.

Крылов действительно до 1823 года не печатает ни одной басни. В 1823 году его басня «Крестьянин и овца» появляется в альманахе декабристов «Полярная звезда».

Несколько позже в журналах печатаются басни: «Кошка и соловей», «Рыбьи пляски», «Вельможа и поэт», «Лев состарившийся» и другие.

Несколько слов о типографиях, печатавших до сих пор книги басен И. А. Крылова. Не считая Сенатской типографии, которая была выбрана для печатания иллюстрированного издания 1815 года, все остальные книги печатались в типографии Губернского правления, в типографии императорских театров и в театральной типографии А. Похорского. Но все это — одна и та же типография, та самая, которая была основана в 1791 году молодым И. А. Крыловым, вместе с Клушиным, Дмитревским и Плавильщиковым, под фирмой «Типография Крылова с това-

рищи». Типография прошла через сложные пертурбации, но связь Крылова с ней не прерывалась. В 1806 году он ввел в типографию в качестве компаньона А. Н. Оленина, субсидировавшего типографию личными средствами. Во главе типографии стоял брат Петра Плавильщикова — Плавильщиков Василий, какое-то время А. И. Ермолаев, в 1809—1812 годах — артист В. Рыкалов, а в 1813—1819 годах — Александр Похорский, управляющий конторой императорских театров. Позже типография была передана А. Смирдину, наследнику Василия Плавильщикова. С Александром Смирдиным у Крылова вскоре начались долговременные деловые взаимоотношения. Но это уже были отношения писателя с издателем, без какого-либо участия И. А. Крылова в делах типографских.

ВТОРОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ БАСЕН

«Предстатель» Крылова А. Н. Оленин, с семьей которого Иван Андреевич старался поддерживать самые близкие отношения, запросил у царя Александра I на издание новой иллюстрированной книги крыловских басен десять тысяч рублей, сумму, по тому времени, не малую.

Царь не очень любил баснописца. Он помнил, что в ответ на предложение написать басню, прославляющую его, Александра, «победы», Крылов написал что-то очень хитрое, обтекаемое... Кажется, сослался на то, что у него на это якобы не хватает голоса и таланта? Да, да! Крылов так и написал: «...жалею,

Что лиры Пиндара мне не дано в удел:
Я б Александра пел!»

Опасный писатель! Деньги ему можно дать, но пусть Оленин последит за ним, посмотрит...

Это было в апреле 1824 года. Ходатайство Оленина царь удовлетворил, и работы по подготовке нового издания начались.

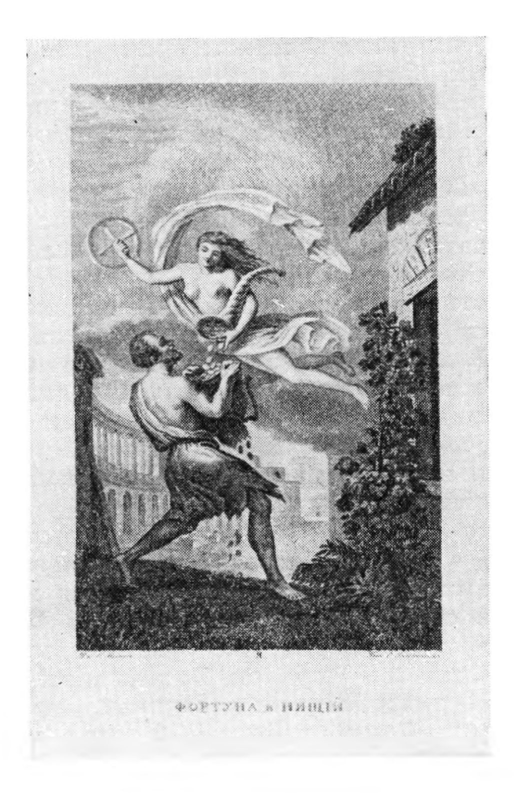
Надо думать, что сам А. Н. Оленин, если отбросить в сторону его обязанность своего рода «наблюдателя» за творчеством баснописца, получал и искреннее удовольствие от выпуска в свет образцово иллюстрированных книг Крылова, являющихся шедевром гравировального и типографского искусств. Сам художник и гравер, А. Н. Оленин

69. Второе иллюстрированное издание басен И. А. Крылова, 1825 г. Титульный лист. Рис. И. Иванов. Гравировал С. Галактионов.

все хлопоты по изготовлению рисунков и гравировальных досок взял на себя. Все гравюры появляются в книге с его монограммой «А. О.», обозначающей его личное участие в выполнении. Сыну своему, весьма недурному художнику Петру Алексеевичу Оленину, он поручил нарисовать портрет Крылова, и сын это сделал весьма искусно.

Иллюстрации первоначально было поручено выполнить замечательному художнику Александру Орловскому, но тот, сделав всего пять рисунков, по неизвестным причинам не дал их для издания и отказался от дальнейшей работы. Существует версия, что художник был недоволен иллюстрациями. Эти рисунки впервые были напечатаны только в 1907 году в Петербурге «Кружком любителей русских изящных изданий». Надо признать, что рисунки Орловским выполнены мастерски, но, конечно, они мало соответствуют стилю и характеру басен Крылова.

70. «Фортуна и нищий». Одна из иллюстраций в книге басен И. А. Крылова 1825 года. Рис. И. Иванов. Гравировал С. Галактионов.

Вместо А. Орловского были приглашены уже испытанный И. Иванов и А. Зауервейд. К гравированию привлеклись все светила гравировального искусства: С. Галактионов, И. Ческий, Ф. Иордан и другие.

Крылов тщательно отредактировал все старые басни и впервые добавил новую, седьмую часть (или «книгу», как стал называть он теперь), в которую вошли 26 новых басен. Всего в издании помещено 165 басен. Здесь же впервые Крылов отметил басни, заимствованные по сюжетам или переведенные. В общем числе басен таких оказалось тридцать четыре [38].

Книга поступила в цензурный комитет 2-го апреля 1824 года, получила разрешение 30-го августа того же года, но выпущена из типографии только 20-го марта 1826 года.

Надо думать, что такая задержка произошла из-за событий 14-го декабря 1825 года.

Тираж книги для своего времени весьма значителен: десять тысяч экземпляров. Разумеется, какое-то количество (вероятно 100), как и иллюстрированного издания 1815 года, вышло в виде роскошных «подносных» экземпляров, часть (не более 300 экземпляров) — с гравюрами, но в худших отпечатках, а все остальные — вовсе без гравюр, с одним портретом автора.

У меня есть все три вида издания. Никакой разницы, кроме качества отпечатков гравюр, качества бумаги и величины полей, между первым и вторым видами нет. Только портрет Крылова в экземплярах второго вида гравировал уже не И. Фридриц, а И. Степанов, причем подписано не «гравировал», а «копировал». Ясно, что работу своего сына А. Н. Оленин не пожелал дать с уже «усталой» доски, и портрет отгравировали заново.

С этой же степановской доски портрет оттиснут (и очень плохо) в общем (безгравюрном) тираже басен.

На печатных обложках, сохранившихся в моем экземпляре удешевленного вида, значится цена 12 рублей. По «Росписи» Смирдина видно, что экземпляры с гравюрами второго вида стоили 20 рублей. Экземпляры «подносные», первого вида — в продажу не поступали.

При описании басен издания 1815 года я уже говорил о том, что степень редкости всех трех разновидностей — обратно пропорциональна их качеству. Наиболее редкими оказались удешевленные безгравюрные экземпляры, напечатанные в количестве неизмеримо большем, чем дорогие и «подносные» с иллюстрациями. Эти — просто редки, а дешевые, предназначенные «для народа», — ненаходимы.

* *
*

На «подносном» экземпляре иллюстрированного издания басен Крылова 1825 года на листе форзаца имеется дарственная надпись Крылова: «Алексею Николаевичу Оленину от сочинителя». На следующем листе Крыловым собственноручно написано такое стихотворение:

«Прими, мой добрый меценат,
Дар благодарности моей и уваженья.
Хоть в наш блестящий век, я слышал, говорят,
Что благодарность есть лишь чувство униженья;
Хоть, может быть, иным я странен покажусь,
Но благодарным быть никак я не стыжусь.

Прими мой добрый Меценат
Дар благодарности моей и уваженья.
Хоть в наш блестящий век, я слышал, говорят,
Что благодарность есть лишь чувство униженья;
Хоть, может быть, иным я странен покажусь,
Но благодарным быть никак я не стыжусь.
И в простоте сердечной
Готов всегда и всем сказать, что на меня
Щедрот монарших луч склоня,
Ленивой музы и беспечной
Моей ты крылья подвязал.
И может без тебя мой слабый дар завял
Безвременно, без плода, без цвета
И я бы умер весь для света
Но ныне, если смерть свою переживу,
Кого коль не тебя виной в том назову.
При мысли сей мое живей сердце бьется.
Прими ж мой скромный дар теперь
И верь,
Что благодарностью не лестью он диктован.

И. Крылов

Апреля 18 дня
1826 года

71. *Стихотворение И. А. Крылова, посвященное А. Н. Оленину, на книге басен издания 1825 г. Автограф.*

И в простоте сердечной
Готов всегда и всем сказать, что на меня
Щедрот монарших луч склоня,
Ленивой музы и беспечной
Моей ты крылья подвязал.
И может без тебя мой слабый дар завял
Безвестен, без плода, без цвета
И я бы умер весь для света.
Но ныне, если смерть свою переживу,
Кого, коль не тебя, виной в том назову.
При мысли сей мое живее сердце бьется.
Прими ж мой скромный дар теперь
И верь,
Что благодарностью не лестью он дается.

И. Крылов.

Апреля 18 дня 1826 года».

Стихотворение это Иван Андреевич Крылов, вероятно, не без настояния самого «доброго мецената», не оставил безвестным, а довел до всеобщего сведения, напечатав в альманахе Дельвига «Северные цветы» на 1828 год.

Таким образом, роль Оленина, как «друга-мецената», была, казалось бы подтверждена самим Крыловым в печати.

Однако ни сам Оленин, ни официальные биографы Крылова, проливавшие, не жалея, слезы умиления по поводу «сердечной признательности» великого баснописца к своему «благодетелю», не заметили некоторой, весьма тонкой иронии, в этом, на первый взгляд, столь почтительном «мадригале».

Роль Оленина-мецената в стихотворении сводится к тому, что он, «щедрот монарших луч склоня» в сторону баснописца, тем самым, как говорит Крылов:

Ленивой музы и беспечной
Моей ты крылья подвязал.

В переводе с обычного эзоповского языка баснописца это можно понимать так, что «меценат» просто-напросто лишил свободы «беспечную музу» опекаемого им сатирика. Слово «подвязал» может иметь двоякое значение.

Двойственная роль А. Н. Оленина, который, под видом самой искренней дружбы к Крылову, по заданию правительства проводил негласную, «направляющую» форму политического над ним наблюдения и неофициальной цензуры, была давно ясна самому Ивану Андреевичу. Эта

72. Третий, безгравюрный, «массовый» вид издания басен И. А. Крылова 1825 г. Обложка.

«дружеская», под видом «добрых советов», цензура уже не раз показывала свои коготки, куда более острые, чем у цензуры официальной.

В басне своей «Соловьи» Крылов недвусмысленно говорил о собственной участи:

«А мой бедняжка соловей,
Чем пел приятней и нежней,
Тем стерегли его плотней».

Дочь Оленина, Варвара Алексеевна, объясняя позже библиографу В. Ф. Кеневичу скрытый смысл некоторых крыловских басен, против басни «Соловьи» сделала собственноручное примечание, гласящее, что басня эта написана «Для батюшки — А. Н. Оленина». Варвара Алексеевна точно знала, что под «соловьем» Крылов подразумевал себя, а под «стерегущим его» — Алексея Николаевича Оленина [39].

Крылов понимал, что без Оленина ему будет еще труднее. И он делал из своего «мецената» ширму не только для сатиры.

Когда разразились события 14-го декабря 1825 года, Крылов, отнюдь не полностью разделявший взгляды восставших, посчитал своим долгом быть на Сенатской площади.

Сами декабристы, завидев массивную фигуру баснописца, закричали ему из каре чтобы он немедленно уходил. Восставшие всячески оберегали от риска крупных писателей, в том числе и Крылова.

Крылов понял, что он на площади бесполезен, и мудро, не заходя домой, прямо пошел к Олениным, где и рассказал о своем похождении, которое было вызвано якобы простым любопытством.

«Я думал, что пожар»,— говорил баснописец, надеясь, что всем известная, анекдотическая его страсть смотреть пожары,— спасет его от ответственности.

Варвара Алексеевна Оленина в этот день записала в своем дневнике:

«Крылов 14-го декабря пошел на площадь к самим бунтовщикам так, что ему голоса из каре кричали: Иван Андреевич, уходите, пожалуйста, скорей!»

На вопрос Олениной Крылову: «Зачем он туда пошел?» — баснописец ей ответил более откровенно: «Хотел взглянуть на участников восстания»... [40].

Несмотря на всю маскировку, Крылов, все-таки, не избежал неприятностей. Его вызывали на беседу-допрос к самому Николаю I. Последний, однако, решил, что трогать пользующегося всенародной любовью баснописца не стоит.

Дело о «походе» Крылова замяли.

Возвращаясь к описанию экземпляра басен 1825-го года с автографом Ивана Андреевича, не трудно установить путь, по которому книга эта попала в мою библиотеку.

Дореволюционный петербургский антиквар, занимавшийся к тому же библиографией и издательским делом,— П. А. Картавов сообщил в своем «Литературном архиве», что личная библиотека и бумаги Оленина были в 1900 году приобретены у его наследников книгопродавцем В. И. Клочковым. Большинство книг и бумаг А. Н. Оленина Клочков продал в Публичную библиотеку в Петербурге, остальное пустил в розницу в своем магазине [41].

В «розницу» попала и книга с автографом Крылова. Это тем более вероятно, что на книге имеется книгопродавческий знак фирмы В. И. Клочкова. Книгу приобрел у Клочкова дореволюционный собиратель, некий Н. Н. Ефремов, который, уже в наше время, будучи глубоким стариком, уступил экземпляр мне.

Вот и вся история этой находки.

ИЗДАНИЕ БАСЕН, НАПЕЧАТАННОЕ В ПАРИЖЕ

Имя Крылова к 1825 году было широко известно не только в России, но и далеко за ее пределами. Весьма способствовало его славе издание басен на трех языках — русском, французском и итальянском, предпринятое в Париже графом Григорием Владимировичем Орловым.

Племянник всесильного екатерининского фаворита Григория Григорьевича Орлова, Г. В. Орлов при Екатерине II был сенатором и камергером. При вступлении на престол Павла I, жестоко преследовавшего «любимцев» матери, Г. В. Орлов поспешил удалиться в Париж, где и проживал со своей женой, урожденной Салтыковой. Ведя в Париже жизнь богатого вельможи, путешествуя и занимаясь собиранием картин и эстампов, Г. В. Орлов был не чужд и литературе. Он напечатал несколько собственных

работ, преимущественно по вопросам искусства. В его парижском особняке организовался литературный салон, который посещали лучшие поэты, писатели и художники.

В 1823 году, по мысли жены Г. В. Орлова — Анны Ивановны, большой поклонницы Крылова, было решено перевести лучшие его басни на французский язык. До этого, путешествуя по Италии, она уже собрала переводы крыловских басен на итальянский язык, сделанные «именитейшими поэтами Италии».

В парижском салоне Орловых закипела работа. Открылся как бы «турнир поэзии», в котором до 80 поэтов трудились над переводами басен «русского Лафонтена».

Среди французских переводчиков значится имя знаменитого автора «Марсельезы» Руже де Лилля, перу которого принадлежит перевод басни «Гуси». Содержание басни вполне отвечало революционному духу переводчика, пострадавшего при реставрации монархии во Франции от собственных «гусей», кичившихся тем, что их «предки Рим спасли», в то время, как сами они были тоже едва-едва «лишь годны на жаркое». Всеобъемлющее значение сатиры Крылова можно было применить не только к русским условиям и событиям.

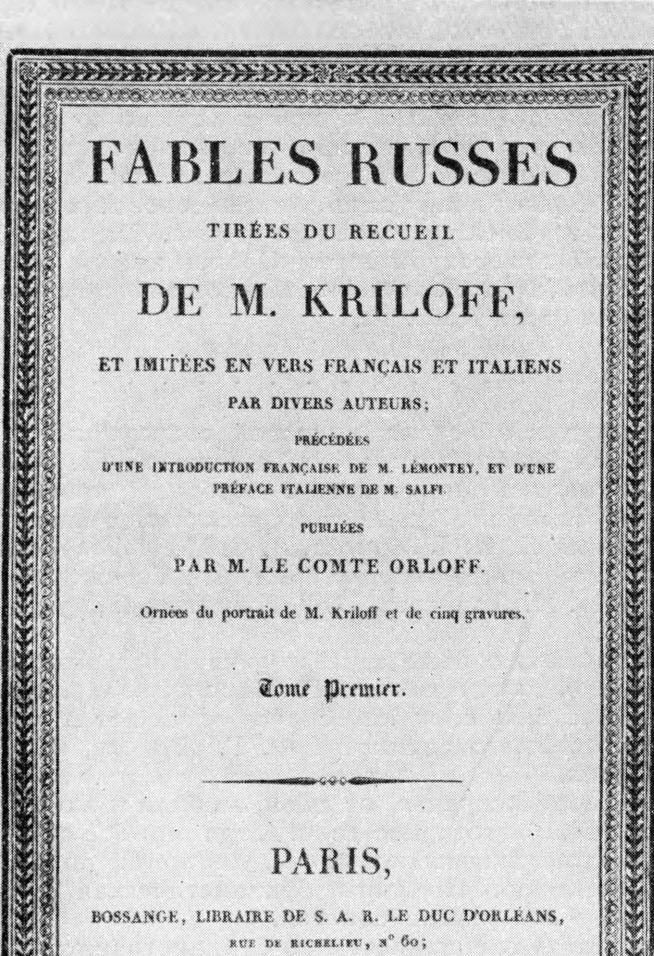
Орловы всячески помогали переводчикам. Это им не особенно удавалось, и некоторые переводы получились весьма далекими от оригиналов. В общем, было переведено на французский и итальянский языки восемьдесят девять басен Крылова.

Для осуществления издания Орловы не пожалели ничего. Два тома басен были напечатаны на трех языках в лучшей типографии Дидота. К изданию приложены портрет автора, гравированный Кеном и пять иллюстраций, одна из которых (к басне «Раздел») нарисована знаменитым художником Изабе.

Книги вышли из печати, примерно, в марте 1825 года, и главная часть тиража была быстро распродана в Париже. Торжество Крылова там было полное. В Россию попало, по-видимому, малое количество экземпляров, так как оба томика давно уже считаются редкостью [42].

Предисловие на французском языке г. Лемонте было перепечатано в наших периодических изданиях по-русски и вызвало известную статью А. С. Пушкина, отстаивающую народность творчества И. А. Крылова.

Издатель басен Г. В. Орлов, в своем предисловии, с обращением к автору басен: «Любезный друг, Иван Андреевич!», между прочим писал:

FABLES RUSSES

TIRÉES DU RECUEIL

DE M. KRILOFF,

ET IMITÉES EN VERS FRANÇAIS ET ITALIENS

PAR DIVERS AUTEURS;

PRÉCÉDÉES

D'UNE INTRODUCTION FRANÇAISE DE M. LÉMONTEY, ET D'UNE PRÉFACE ITALIENNE DE M. SALFI

PUBLIÉES

PAR M. LE COMTE ORLOFF.

Ornées du portrait de M. Kriloff et de cinq gravures.

Tome Premier.

PARIS,

BOSSANGE, LIBRAIRE DE S. A. R. LE DUC D'ORLÉANS,

RUE DE RICHELIEU, N° 60;

ET BOSSANGE FRÈRES, LIBRAIRES, RUE DE SEINE, N° 12.

1825.

73. Парижское издание басен И. А. Крылова 1825 г. Обложка.

«Пускай иноземцы, кои испытали всю твердость и силу русского меча, узнают, что сей народ не лишен также и изящных дарований, что он имеет своих поэтов, своих историков, своих ученых, что и с сей стороны, он заслуживает не менее уважения и почтения, как со стороны славы и побед, гремящих в честь его во всей вселенной!»

Это было напечатано в Париже через десять с небольшим лет после разгрома русскими наполеоновских полчищ и звучало, во всяком случае, весьма весомо. Для популяризации русской литературы затея Орловых была чрезвычайно полезной. В этом, конечно, главное значение парижского издания басен Крылова.

. . . .

Два томика в обложках чудесной сохранности сумел раздобыть для меня ленинградский антиквар — П. Ф. Пашнов,— один из тех книжников, с которыми прошла моя собирательская жизнь. В ряде своих рассказов я вспоминаю ныне покойных П. П. Шибанова, А. С. Молчанова, основателя «Книжной лавки писателей» Д. С. Айзенштадта, его помощника М. И. Шишкова, М. В. Кучумова и других знатоков книги.

Я часто называю ныне здравствующих книжников: основного моего советчика — А. Г. Миронова, ленинградца И. С. Наумова, знакомого мне с юношеских лет А. С. Бурдейнюка, старейшего антиквара Ф. Г. Шилова, А. Тарадина и других.

Все эти люди искренне, от души, любили и любят свое трудное и мало благодарное дело. Люди они все старые, и я не вижу, чтобы появлялись новые, равные им по знанию.

Снова напомню, что книга букинистическая и книга антикварная — это разные понятия.

Научить стать специалистом по букинистической книге не так уже трудно. Существует специальная школа, и среди молодых, ныне уже обученных «товароведов»,— немало любящих и хорошо знающих этот важный вид книготорговли.

Другое дело — специалисты по антикварной книге. Научить этому делу трудно. Это значит — научить весьма многому: истории литературы и истории просто, научить разбираться хотя бы в начатках всех многочисленных отраслей науки, знать биографии писателей и поэтов, разбираться в вопросах живописи и графики, уметь не спасовать перед книгой на любом языке.

74. «Раздел».
Одна из иллюстраций в парижском издании басен И. А. Крылова 1825 года. Рис. художника Изабэ.

При наличии такого количества знаний, разумеется, уже трудно оставаться в скромной должности «товароведа» букинистического магазина, этой «вершины карьеры» для книгопродавца-антиквара. К тому же должность эта и ценится недостаточно и необходимого уважения к этой трудной профессии, иногда, бывает маловато.

Вот и захотелось сейчас еще раз сказать о них доброе слово.

Думается, что и сам И. А. Крылов, друживший с такими энтузиастами книгопродавческого дела, как Василий Сопиков и Александр Смирдин, не посетовал бы за это отступление в рассказе об его прижизненных изданиях.

СОРОК ТЫСЯЧ ЭКЗЕМПЛЯРОВ

Разгром декабрьского восстания 1825 года, свидетелем которого был Иван Андреевич Крылов, окончательно укрепил его собственное мнение, что надо действовать еще осторожней, еще осмотрительней. Когда-то, в басне «Волк и лисица» Крылов сказал своим читателям, что «истина сноснее вполоткрыта». Крылов был теперь убежден, что истина в таком виде не только «сноснее», но и единственно возможна.

Крылов не боялся, что читатели его не поймут. Он говорил языком народа, а народ и сам выражает истину пословицей, поговоркой, намеком. Еще в первой своей книге басен 1809 года Крылов напечатал басню «Ларчик», в которой разъяснял, что «истина» в его творениях спрятана отнюдь не глубоко и что «ларчик открывается просто».

У каждого писателя свой путь, но Крылов выбирает именно путь намека, «истины вполоткрыта»,— путь, требующий огромной внутренней сдержанности, умения прятать чувства и мысли.

Крылов, хотя и не разделял полностью убеждений декабристов, но понимал, что декабрьское восстание не прошло даром, что Россия тронулась с места и что надо и ему сказать какое-то свое слово.

Но только в начале 1829 года, в альманахе «Северные цветы», который издавал Дельвиг, появляются три его новые басни: «Пушки и паруса», «Бритвы», и «Бедный богач». В баснях этих чувствуется, что сатирика глубоко волнуют дела государственные, политические.

Придраться к Крылову было невозможно. Мало ли о чем толкуют между собой «пушки» и «паруса» и мало ли что можно подумать о словах баснописца:

«Вам пояснить рассказ мой я готов:
Не так ли многие, хоть стыдно им признаться,
С умом людей боятся
И терпят при себе охотней дураков».

Кто поверит, что «осыпанный милостями» Крылов, этот «ленивый, спящий чуть ли не находу толстяк», метит в самого Николая I, который, в страхе и ужасе от восстания декабристов, разогнал, посадил, выслал передовых, умных

и мыслящих людей и окружил свой трон бездарностями.

Крылов приготовил новую книгу басен — восьмую по счету. Об этой последней и о предыдущей седьмой, печатавшейся в канун декабрьского восстания, Белинский писал: «Все басни Крылова прекрасны; но самые лучшие, по нашему мнению, заключаются в седьмой и восьмой книгах. Здесь он, очевидно, уклонился от прежнего пути, которого более или менее держался по преданию: здесь он имел в виду более взрослых людей, чем детей; здесь больше басен, в которых герои — люди, именно все православный люд; даже и звери в этих баснях как-то больше, чем бывало прежде, похожи на людей»[43].

Белинский неоднократно подчеркивал политическую направленность крыловской сатиры. Высказаться о Крылове более откровенно Белинскому не дала бы цензура.

О печатании новой, восьмой части басен, вместе со всеми уже вышедшими ранее, Крылов договаривается с издателем Александром Смирдиным.

В жизни Крылова А. Ф. Смирдин человек не случайный. В 1817 году Смирдина приглашает из Москвы в Петербург известный в то время издатель, книгопродавец и владелец библиотеки для чтения — Василий Алексеевич Плавильщиков, брат и наследник артиста и писателя Петра Плавильщикова, компаньона Крылова по делам типографии «Крылова с товарищи». Связь с делами этой типографии, много раз менявшей название, как уже говорилось выше, у баснописца продолжалась и в эти годы.

Своим трудолюбием, а так же любовью к книгам Смирдин покоряет Василия Плавильщикова, который перед смертью в 1823 году передает ему книжную лавку и библиотеку. Одновременно Смирдин становится и арендатором типографии, бывшей когда-то «Крылова с товарищи».

Какими бы льготными не были условия, на которых В. А. Плавильщиков завещал свое дело Смирдину, однако последнему нужны были наличные материальные средства для того разворота, каким вскоре блеснул этот талантливый книгопродавец и издатель.

Есть много оснований думать, что не имевшему копейки за душой А. Ф. Смирдину пришли на помощь И. А. Крылов, вместе с «предстателем» своим А. Н. Олениным, как известно, уже субсидировавшим после знакомства с баснописцем типографию, бывшую «Крылова с товарищи».

В апреле 1830 года И. А. Крылов заключил договор с А. Ф. Смирдиным на издание басен. По этому договору Крылов предоставлял Смирдину десятилетнее право пе-

чатать все восемь частей его басен. Предусматривался общий тираж сорок тысяч экземпляров и гонорар Крылова в сорок тысяч рублей ассигнациями.

Небывалому по цифрам и тиража и гонорара договору этому придана была широкая огласка, в которой опять чувствовалась мудрая рука Крылова. Не слава была нужна баснописцу, славы было и без того много. Ему нужно было, чтобы его оставили в покое, подумали, что наступил, действительно, конец: вот только эти восемь книг басен и все! Больше басен не будет!

Издателя А. Ф. Смирдина не смущало, что ему придется десять лет подряд печатать и продавать книгу одного содержания. Он был уверен в успехе, но решил всячески варьировать внешнюю сторону издания басен.

В том же 1830 году выходит первое смирдинское издание басен Крылова [44].

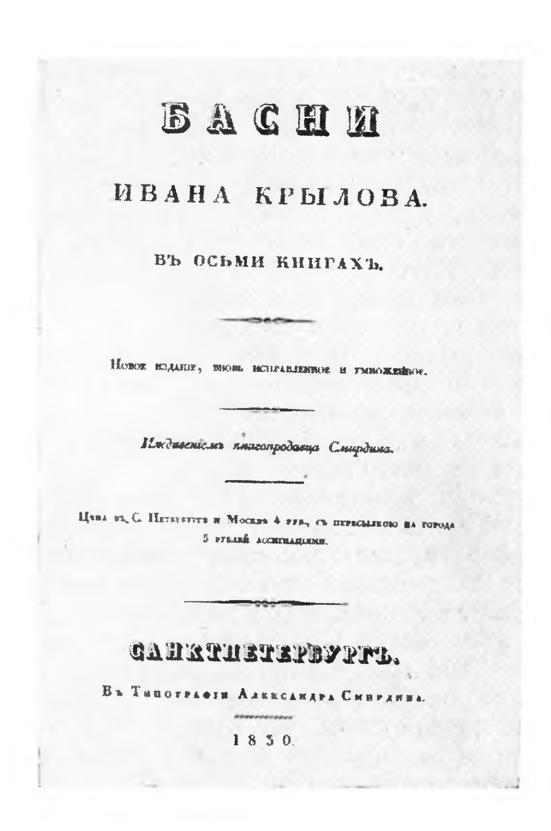
Дозволенная цензурой 26 апреля 1830 года, книга, как уже говорилось, выпущена из типографии в августе того же года. В книге 186 басен, против 165 в прежних изданиях.

Смирдин предназначал это издание для широких кругов читателей, выпустив его по доступной цене в количестве двенадцати тысяч экземпляров. Однако почти никто из библиографов не обратил внимания на то, что Смирдин выпустил эту книгу (равно как и несколько последующих ее переизданий) в трех разных форматах: в восьмую долю листа, в двенадцатую и в шестнадцатую, причем для последних форматов набор книги переверстывался заново, и количество страниц было уже не 309, а 371. Единственный экземпляр уменьшенного формата издания 1830 года мне довелось видеть в библиотеке имени В. И. Ленина в Москве.

О существовании этой уменьшенной разновидности издания не знали даже старые и очень опытные книгопродавцы. Не упоминались они и в антикварных каталогах и почему-то совсем исчезли с полок букинистических магазинов.

В моем собрании имеется первое смирдинское издание басен 1830 года только в формате восьмой доли листа. В ранние годы моего собирательства книга не считалась особенно редкой.

Несмотря на значительный общий тираж этого издания, Смирдин уже ровно через год имел возможность его повторить. Заглавный лист этого повторного издания в точности воспроизводит заглавный лист издания 1830 года, с

БАСНИ

ИВАНА КРЫЛОВА.

ВЪ ОСЬМИ КНИГАХЪ.

Новое изданіе, вновь исправленное и умноженное.

Иждивеніемъ книгопродавца Смирдина.

Цѣна въ С. Петербургѣ и Москвѣ 4 руб., съ пересылкою въ города 5 рублей ассигнаціями.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Александра Смирдина.

1830.

75. Первое смирдинское издание басен И. А. Крылова 1830 г. Титульный лист.

переменой даты на год 1831-й. Цензурное разрешение то же самое, а количество страниц — 266(?).

Повторное издание басен печаталось также в трех форматах, как и предыдущее, и книги уменьшенных форматов также вовсе не попадаются в магазинах. Их существование подтверждается «Росписью» Смирдина (№ 11855). Точный тираж не установлен. У меня этого издания нет ни в одном из трех его форматов. Не видел его и в какой-либо библиотеке.

Следующее издание басен Крылова Смирдин выпускает в 1833 году. Содержание и оформление одинаково с предыдущими изданиями. Количество страниц 297 (а не 296, как указано у А. П. Могилянского). Цензурное разрешение — 26 марта 1833 года. По сведениям, указанным в кни-

готорговых реестрах Смирдина, книга также печаталась тремя форматами. Книг уменьшенных форматов я нигде не видел. Имеющийся у меня экземпляр — в восьмую долю листа. Тираж книги не установлен.

Еще через год, в 1834 году, Смирдин снова повторяет издание басен, с тем же содержанием и оформлением книги. Количество страниц этого издания — 366. Цензурное разрешение от 17-го марта 1833 года. Издание выпущено из типографии 6-го июня 1834 года. По сведениям, данным в книготорговых реестрах Смирдина, оно печаталось, как и предыдущие, также в трех форматах. У меня имеется это издание в уменьшенном формате в двенадцатую долю листа, с количеством страниц 379. Это издание выполнено с того же набора, что и обычное издание в восьмую долю листа, путем переверстки.

Тираж басен в издании 1834 года тоже не известен. Однако, если взять установленную договором с Крыловым цифру общего тиража всех смирдинских изданий басен в сорок тысяч экземпляров и вычесть из этой цифры сумму тиражей установленных, то на издания 1831, 1833 и 1834 годов падает количество в 15 тысяч экземпляров.

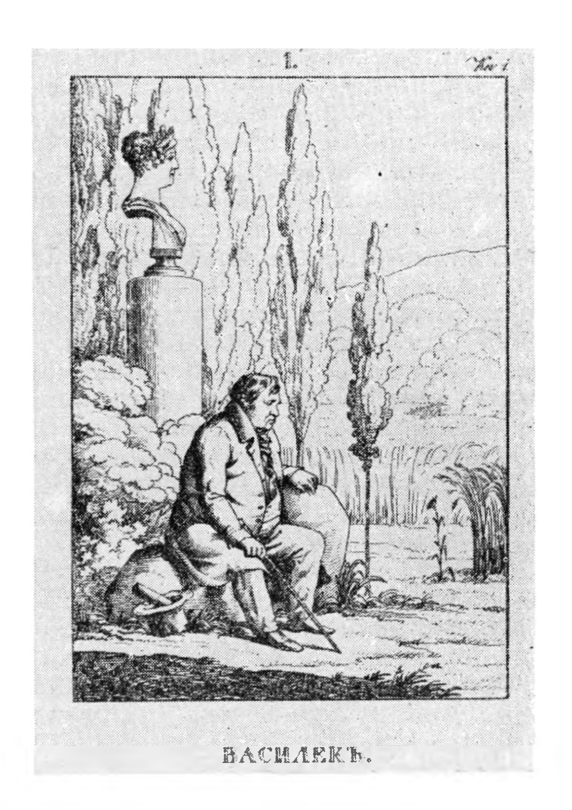
В том же 1834 году Смирдин выпускает новое роскошное иллюстрированное издание басен. Самое содержание книги остается прежним, но Крылов тщательно редактирует издание и располагает басни в ином порядке. Это — одно из лучших смирдинских изданий.

Для иллюстрирования басен Смирдин пригласил художника-гравера А. П. Сапожникова, который изготовил небывалое количество иллюстраций — девяносто три, резаных теневым контуром [45].

Цензурное разрешение на книгу было получено 17-го марта 1833 года.

Тираж этого издания, отпечатанного на прекрасной бумаге и действительно замечательно иллюстрированного, был всего 2000 экземпляров. Часть их поступила в продажу с раскрашенными от руки гравюрами. Ценились они чрезвычайно высоко — 175 рублей. Экземпляры черные, нераскрашенные, продавались по 25 рублей. Много позже оставшиеся нераспроданными экземпляры с раскрашенными иллюстрациями продавались по 40 рублей. Сейчас они — большая библиографическая редкость. У меня экземпляр нераскрашенный.

Несмотря на то, что в реестрах Смирдина это издание тоже указывается как вышедшее в трех форматах, большой знаток «крыловианы» С. М. Бабинцев в беседе со мной

*76. Иллюстрация к басне «Василек»
художника и гравера А. Сапожникова в издании басен 1834 г.
Изображен И. А. Крылов.*

высказал сомнение — были ли эти уменьшенные экземпляры полностью иллюстрированными? Резать заново доски всех 93 рисунков было дорогостоящей затеей. Не были ли эти уменьшенные экземпляры только с портретом? Кстати, я уменьшенных экземпляров нигде не нашел и не видел.

Как уже говорилось выше, все эти варианты форматов были нужны издателю Смирдину для более успешной продажи книги Крылова, содержание которой оставалось в течение десяти лет неизменным.

Поэтому и следующее издание 1835 года Смирдин задумывает выпустить в новом оригинальном формате, на этот раз как издание миниатюрное, в 32-ую долю листа. В типографии Экспедиции заготовления государственных

бумаг ему отливают особый мелкий шрифт типа нонпарель, удивительно четкий и ясный. Получилась маленькая книжка-игрушка, в очаровательных литографированных, кружевных, синее с белым, обложках[46]. К книжечке был приложен гравированный портрет автора.

В. Г. Белинский, всегда отмечавший издательские заслуги Смирдина, восторженно приветствовал появление этой книжечки словами: «Она возбуждает живейшее удивление и живейшую радость как доказательство, что у нас начинает распространяться вкус к красивым изданиям, а вместе с тем и успехи книгопечатания»[47].

Цензурное разрешение на книгу было получено 6-го марта 1835 года.

У меня — экземпляр в современном золототисненном марокене с золотым обрезом. Книга очень редка.

Новаторство Смирдина было встречено любителями крыловских басен весьма приветливо, и «тридцатая тысяча» разошлась довольно быстро.

В 1837 году Смирдин решает повторить это миниатюрное издание, но уже в количестве девяти тысяч экземпляров. Оно и по заглавному листу (только с новой датой: 1837 год), и по размеру, и по количеству страниц абсолютно одинаково с книгой издания 1835 года. Только портрет другой, не оленинский, а новый, гравированный на стали, без подписей художника и гравера. Цензурное разрешение от 22-го сентября 1837 года.

Каждую из девяти тысяч тиража Смирдин отличает пометой на заглавном листе: тридцать первая тысяча, тридцать вторая, тридцать третья и так далее до тридцать девятой тысячи включительно.

Кстати, это обстоятельство тоже почему-то прошло мимо внимания библиографов. Я сам заинтересовался этим только потому, что в некоторых каталогах увидел описания разных «тысяч»: в библиотеке Пушкинского Дома — «тридцать первая тысяча», в Библиотеке им. В. И. Ленина — «тридцать третья», у меня — «тридцать вторая». Впрочем, об имеющемся у меня экземпляре этой книги с автографом Крылова подробно рассказывается в следующей главе.

Осталось упомянуть последнее смирдинское издание басен Крылова, отпечатанное только в одном обыкновенном формате в восьмерку, с пометой издателя «сороковая тысяча». Напечатана эта книга в 1840 году и украшена иллюстрациями французского художника Гранвиля. Иллюстрации были заимствованы Смирдиным из парижского

77. Последнее смирдинское издание басен И. А. Крылова 1840 г. Гравированный заглавный лист.

издания басен Лафонтена. Они носят случайный характер и имеют отношение к крыловским басням лишь постольку, поскольку у Крылова существовало несколько басен, переведенных им, весьма впрочем своеобразно, с лафонтеновских. К книге приложен и портрет И. А. Крылова.

Цензурное разрешение на книгу получено 10 марта 1840 года. Издание было очень дешевым: 1 рубль 45 копеек серебром [48].

Напечатанное всего в тысяче экземпляров, издание быстро было распродано и тогда же стало редким. Мне удалось раздобыть его с большим трудом. Содержание книги такое же, как и в предыдущих изданиях, но расположение басен новое.

Крылов сам редактировал книгу.

В этом 1840 году, на этой сороковой тысяче экземпляров, кончился договор А. Ф. Смирдина с И. А. Крыловым на десятилетнее право издания его басен.

Издатель А. Ф. Смирдин добросовестно и полностью расплатился с баснописцем, оказавшим ему поддержку в начале издательской деятельности. А. Ф. Смирдину пришлось немало поработать над изданием и распространением книг И. А. Крылова. Сорок тысяч экземпляров для одной и той же книги, даже и за десятилетний срок, были тиражом в то время неслыханным.

В. Г. Белинский писал по этому поводу: «Таким успехом не пользовался на Руси ни один писатель, кроме Ивана Андреевича Крылова».

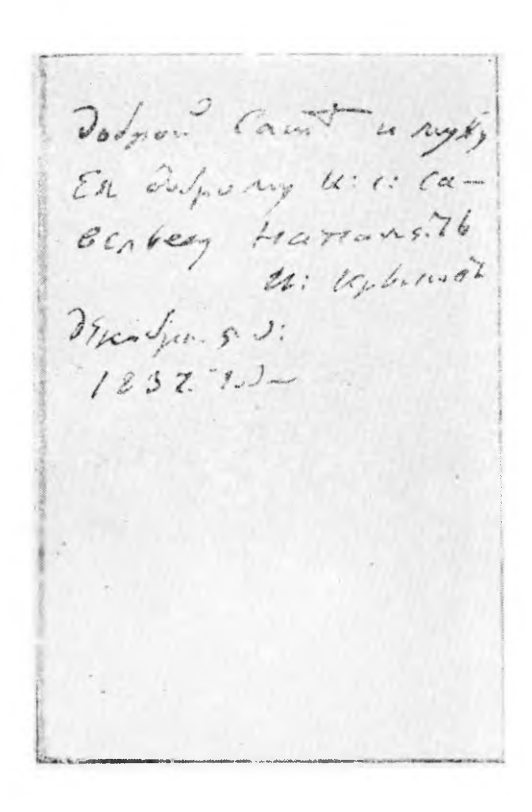
И, с присущей ему прозорливостью, В. Г. Белинский предсказывал:

«И будет еще время, когда его басни будут издаваться за один раз в числе 40 000 экземпляров» [49].

Таким временем явилось наше советское время, когда тиражи книг Ивана Андреевича Крылова во много раз превысили эти предположения В. Г. Белинского.

«НАВИ ВОЛЫРК»

На изящной книжечке миниатюрного издания басен Крылова 1837 года (с издательской пометкой «тридцать вторая тысяча») имеется на форзаце собственноручная дарственная надпись автора такого содержания: «Доброй Саше и мужу ее доброму К. С. Савельеву на память И. Крылов. Декабря 5 дня 1837 года».

78. Дарственная надпись И. А. Крылова на форзаце экземпляра смирдинского издания басен 1837 г.

Экземпляр переплетен в роскошный золототисненый зеленый марокен с золотым обрезом. Переплет — времени издания и работы первоклассного мастера. Видно, что баснописец предназначал подарок дорогим его сердцу людям.

Захотелось точно установить, кто же эти «добрая Саша» и ее муж «добрый К. С. Савельев»?

Современное литературоведение осуждает увлечение биографическими и библиографическими подробностями. Несомненно, что принципиального значения для науки эти подробности не имеют, но мне думается, что и полное пренебрежение к ним так же ничем не оправдано.

79. Миниатюрное издание басен И. А. Крылова, напечатанное А. Ф. Смирдиным в 1835 и повторенное в 1837 г. Обложка.

В книге И. В. Сергеева, выпущенной издательством «Молодая гвардия» в Москве в 1945 году и посвященной жизнеописанию Крылова, я на странице 192 прочитал:

«Потом он (Крылов — Н. С.-С.) вспомнил, что когда-то крестил дочь своего давнего знакомого Савельева. Иван Андреевич разыскал крестницу. Она жила в нужде, похоронив недавно своего мужа и оставшись с несколькими детьми на руках. Иван Адреевич усыновил всю семью...»

Я позволил себе сообщить писателю об имеющейся у меня дарственной надписи баснописца, и И. В. Сергеев, убедившись, что упоминаемый в ней К. С. Савельев никак не мог в одно и то же время быть и отцом и мужем крест-

ницы Ивана Андреевича, исправил эту свою ошибку во втором издании книги, вышедшей в 1955 году[50].

Впрочем, о существовании крестницы Крылова Саши и мужа ее К. С. Савельева биографам баснописца было известно давно.

В наиболее полном жизнеописании И. А. Крылова, составленном лично знавшим его П. А. Плетневым, говорится о том, что Крылов прожил всю свою долгую жизнь одиноким холостяком, и после смерти его «не осталось родственников, кроме усыновленного им семейства крестницы его Савельевой»[51].

Никаких подробностей об этой крестнице (год ее рождения 1814 или 1815) П. А. Плетнев не приводит, и только по разбросанным в его работе мелким фактам можно установить, что это была та самая «девочка, которая, проходя иногда с песенкой из кухни через залу, приносила без подсвечника восковую тоненькую свечку, накапывала воску на стол и ставила огонь (для прикуривания сигар) перед неприхотливым господином своим».

П. А. Плетнев поясняет так же, что на казенной квартире при Публичной библиотеке у Крылова «прислуга состояла из наемной женщины с девочкой, ее дочерью».

Имя этой женщины можно узнать уже у другого биографа Крылова — В. М. Княжевича, который рассказывает, что когда пятидесятилетний Крылов, на пари с другом своим переводчиком «Иллиады» Н. Гнедичем, начал изучать греческий язык и накупил для этого книг греческих классиков, то он и свою экономку Фенюшку научил узнавать эти книги. «Подай мне Ксенофонта,— говорил он,— подай «Иллиаду», «Одиссею» Гомера!» — и она подавала безошибочно»[52].

Дочка этой самой Фенюшки — Саша и была крестницей баснописца, или той самой «девочкой, которая проходя иногда с песенкой из кухни через залу» приносила ему свечку для прикуривания сигар. Никаких подробностей о том, кто был отец этой девочки и куда потом исчезла мать ее Фенюшка, ни один биограф Крылова не сообщает.

Известно только, что девочка-крестница Крылова Саша выросла, вышла замуж (примерно в 1833—1834 году) за чиновника К. С. Савельева, и уже ее дети окружили старого, подводящего итоги дней своих, баснописца тем семейным уютом, которого он был лишен долгие годы жизни.

П. А. Плетнев сообщает, что выйдя в 1841 году в отставку и освободив казенную квартиру при Публичной библиотеке, Крылов поселился на Васильевском Острове,

«усыновив семейство крестницы своей, которое и поместил на квартире с собою».

«Ему весело было,— пишет П. А. Плетнев,— когда около него играли дети, с которыми дома обедал он и чай пил. Девочка по имени Наденька, особенно утешала его. Ее понятливость и способности к музыке часто выхвалял он, как нечто необыкновенное».

В присутствии своей крестницы Саши, ее сына, дочери и мужа — Иван Андреевич Крылов и умер. Мужу крестницы К. С. Савельеву баснописец еще при жизни вручил все свои рукописи, письма и бумаги, которые наследник в 1877 году посчитал долгом передать в Академию наук.

Необыкновенная привязанность И. А. Крылова к своей крестнице Саше и ее семейству, странное замалчивание каких-либо подробностей этой стороны жизни баснописца современными ему биографами, заставили меня несколько насторожиться и критически отнестись к сообщаемым ими фактам.

Что-то тут показалось мне не совсем ясным.

Особенно остановила мое внимание заметка в газете «Северная пчела» (1847 год, № 22), в которой, устами некоего «приятеля Крылова, известного художника из Твери», в порядке воспоминаний рассказывалось о следующем любопытном эпизоде:

«Я зашел однажды к Ивану Андреевичу и обошел все комнаты. В них не было ни одной живой души. Плач ребенка привел меня на кухню. Я полагал найти в ней кого-либо из немногочисленных слуг его, но нашел самого хозяина. Он сидел на простой скамейке. В колыбели перед ним лежал ребенок, неугомонно кричавший. Иван Андреевич с отеческой заботливостью качал его и прибаюкивал. На спрос мой — давно ли он занимается этим ремеслом — Крылов преспокойно ответил: Что ж делать? Негодяи, отец и мать, бросили на мои руки бедного ребенка, а сами ушли бог знает куда! — Иван Андреевич продолжал усердно исполнять обязанности няньки до тех пор, пока не возвратилась мать».

Сопоставив уже известные факты, не трудно было предположить, что «неугомонно кричавший ребенок», которого нежно нянчил Иван Андреевич, была девочка Саша, будущая Савельева, а родители ее вовсе не «ушли бог знает куда», а были весьма недалеко: мать Фенюшка, пребывавшая у Крылова якобы в качестве экономки, тут же, как явствует из заметки, вернулась, а отец просто никуда и не уходил — это был сам И. А. Крылов.

Однако такое предположение необходимо было подтвердить документально. С помощью крылововеда С. М. Бабинцева мне удалось познакомиться с материалами из архива цензора А. В. Никитенко, находящимися в Пушкинском Доме Академии наук СССР. Здесь хранятся рукописные, до сих пор не опубликованные воспоминания М. А. Корфа, где прямо говорится: «Крылов никогда не был женат, но имел дочь, которую выдал замуж за служившего в этом Штабе (речь идет о Штабе военно-учебных заведений.— Н. С.-С.) чиновника...» Это уже было прямым подтверждением догадки.

Еще более любопытный документ нашелся в Рукописном отделе Государственной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Это — подлинник завещания И. А. Крылова, подписанного им за день до своей кончины.

Завещание было мною впервые опубликовано в 1952 году в томе 58 «Литературного наследства». Считаю необходимым привести его полностью и здесь:

«Тысяча восемьсот сорок четвертого года, ноября восьмого дня, я нижеподписавшийся в твердом уме и совершенной памяти, статский советник и кавалер Иван Андреев сын Крылов, не имея никаких родственников, никому не состоя по актам и без актов по сие число должным, и видя всегдашнее полное уважение, преданность, искреннее ко мне и всегдашнее усердие и услуги во всем, до меня относящемся, Штаба его императорского высочества главного начальника военно-учебных заведений аудитора — Калистрата Савельева, сим моим духовным завещанием завещаю: в вечную его собственность и владение все благоприобретенное мною имение, движимое и недвижимое, состоящее как то: петербургской части 2 квартала под № 487-м каменный дом, со всеми при нем строениями и землею, а равно капитал, состоящий в банковых билетах и по каким-либо другим актам и без актов в долгах, все, что окажется; сверх того: находящиеся в квартире моей все вещи, как то: серебро, всякого рода посуда и все без исключения вещи, экипажи, лошади, а так же написанные мною в продолжении жизни басни и прочие сочинения, с правом издавать в продолжении двадцати пяти лет со дня моей смерти; одним словом все, что состоит в моей собственности и моем владении, я, Иван Крылов, после смерти моей предоставляю в полное распоряжение и вечное владение Калистрата Савельевича Савельева, но при жизни моей, в случаях какого-либо

неуважения его ко мне, предоставляю себе право сие мое духовное завещание или изменить, или переменить, или совершенно уничтожить, а после подписи оного духовным моим отцом и свидетелями — прошу хранить оное до смерти моей его превосходительство генерал-майора Якова Ивановича Ростовцева.

Писал со слов завещателя Белевский купеческий сын Михаил Иванов сын Щукин.

Подпись: Статский Советник и кавалер Иван Андреев сын Крылов.

Что духовное сие завещание писано завещателем Иваном Андреевичем Крыловым в здравом уме, светлой памяти и чувствах о том свидетельствую — духовный его отец Морского собора протоиерей Тимофей Никольский.

У сего духовного завещания свидетелем был и руку приложил — коллежский советник и кавалер Сергей Сергеев сын Шилов. У сего духовного завещания свидетелем был и руку приложил — коллежский асессор и доктор медицины Фердинанд Яковлев сын Галлер. У сего духовного завещания свидетелем был и руку приложил — почетный гражданин опочецкий 2-ой гильдии купец и кавалер Василий Михайлов Калчин»[53].

Документ этот не только содержит новые фактические данные для биографии Крылова, но и приоткрывает завесу над трагической стороной личной жизни великого баснописца.

Родившись в бедной офицерской семье, Иван Андреевич Крылов, и по духу, и по воспитанию своему, принадлежал к простому народу. Нам известно, что брат баснописца, горячо им любимый «Левушка», несмотря на офицерский чин, был удивительно скромен и в быту мало чем отличался от рядового солдата. Интересы его не шли дальше хутора, хозяйства. Он обожал своего великого брата, которого именовал «тятенькой».

Баснописцу, при его связях, совсем не трудно было бы предоставить брату место в столице. Но Иван Андреевич понимал, что самому «Левушке» это не было нужно, а фигура его вряд ли будет соответствовать тому положению, которое занимал в столице ставший уже знаменитостью баснописец. Крылов решает оставить своего брата в провинции, трогательно заботясь лишь о его материальном благополучии.

Но свое «положение» (а оно было исключительным: Крылов запросто принимался в высших и даже в придворных кругах) Иван Андреевич создавал вовсе не ради са-

мого «положения». Крылов знал цену своим покровителям и всем своим творчеством доказал, что и жизнь его и его искусство — с первых же шагов предназначались служению народу.

Случайно уцелев еще при разгроме Радищева, он понял, что «плетью обуха не перешибешь» и сказать свое слово народу надо каким-то иным, отличным от радищевского, путем.

Он надевает на себя маску добродушного, беспечного, ленивого чудака-холостяка, от скуки пописывающего какие-то забавные басни, но на самом деле больше всего любящего поросенка с кашей.

Только таким его и приняли высшие и придворные круги, и только такому Крылову прощали его меткие стрелы сатиры. Басни его рассматривались как талантливое чудачество оригинала.

Крылов сам распространял анекдоты о своей лени, о своей беспечности, о своей любви покушать. Это были элементы маскировки, которая усыпляла настороженность царского правительства, давала некоторое подобие свободы творчества.

Но не всех И. А. Крылову удалось обмануть. Так, например, князь П. А. Вяземский писал о нем: «Крылов был вовсе не беззаботливый, рассеянный и до ребячества простосердечный Лафонтен, каким слывет он у нас... Но во всем и всегда был он, что называется, себе на уме... Басни и были именно призванием его, как по врожденному дарованию, о котором он сам даже, как будто, не догадывался, так и по трудной житейской школе, через которую он прошел. Здесь и мог он вполне быть себе на уме; здесь мог он говорить, не проговариваясь; мог под личиной зверя, касаться вопросов, обстоятельств, личностей, до которых, может быть, нехватило бы духа прямо доходить»[54].

Весьма вероятно, что, кроме Вяземского, Крылова «раскусили» и другие, но они молчали.

Когда-то, в дни молодости, Иван Андреевич Крылов придумал для себя псевдоним «Нави Волырк». Если прочесть эти слова наоборот, то и получится «Иван Крылов». Таким «человеком наоборот» и прожил свою долгую жизнь баснописец.

Жизнь эта была не легка. Прослывший ленивцем, которому якобы трудно даже поправить криво висящую над его головой картину, Иван Андреевич на самом деле был великим тружеником.

Тяжелее всего было построить «наоборот» личную семейную жизнь. Ну на ком Иван Андреевич мог бы жениться? Взять в жены девицу из высшего круга, от которого он зависел,— нельзя. Девица эта была бы ему чужда по духу и мешала бы цели, поставленной перед собой баснописцем.

Жениться же на полюбившейся простой и близкой Фенюшке — тоже нельзя, так как ее не покажешь на приемах у Олениных, как не покажешь и братца Левушку.

И семейная жизнь баснописца строится так же «вполоткрыто». Фенюшка поселяется у Крылова не как жена, а как якобы экономка. Родилась дочка — но она не дочка, а якобы крестница.

Причины, по которым И. А. Крылов не узаконил своего брака, понятны. Но и к жене и к дочери он относился высокоблагородно и честно. Дочь свою он нянчит и баюкает в колыбели, воспитывает ее, выдает замуж, проводит с ней и своими внуками последние годы жизни, а, умирая, оставляет ее семье все свое состояние, честно заработанное литературным трудом, отданным на служение родному народу.

Все, кроме своего имени, отдает Крылов дочери. Имя он отдать не может: брак его «не освящен законом».

В волчье время жил великий баснописец...

Даже и имущество опасно было отдать непосредственно самой дочери, так как она «внебрачная».

И завещание составляется, как мы видим, не на имя дочери, а на имя ее мужа «аудитора штаба военно-учебных заведений» К. С. Савельева, якобы «видя его всегдашнее полное уважение, преданность, искренность и всегдашнее усердие и услуги».

Все это тоже «Нави Волырк», тоже наоборот, «вполоткрыто».

Муж дочери К. С. Савельев становится собственником имущества Крылова, потому что его юридическое положение в жизни бесспорно.

И. А. Крылов хорошо знал, как могли бы отнестись высокопоставленные «покровители» к его внебрачной дочери. Под ханжеской маской ревнителей нравственности они, при случае, были бы способны и вовсе отсудить наследство.

Предупреждающая фраза в завещании о том, что в случае «неуважения», могущего быть оказанным наследником К. С. Савельевым к завещателю, завещание аннулируется, касается вовсе не отношения К. С. Савельева к самому

Ивану Андреевичу Крылову. Какое неуважение мог проявить к нему К. С. Савельев?

Фразой этой старик-отец, поставленный законами своего времени в безвыходное положение, символически еще раз взывал к честности и порядочности юридического получателя наследства.

Становится понятным и то, почему душеприказчиком своим Иван Андреевич назначил отнюдь не близкого ему по убеждениям генерал-майора Я. И. Ростовцева. Этот генерал был начальником того Штаба военно-учебных заведений, «аудитором» в котором служил муж дочери Крылова — К. С. Савельев. Этим самым Крылов-отец как бы обязывал и начальника проследить, чтобы подчиненный ему К. С. Савельев как-нибудь не обидел бы любимое детище завещателя.

Иван Андреевич Крылов за свою долгую жизнь имел великое множество оснований не особенно доверять людям.

К счастью, К. С. Савельев оказался весьма порядочным человеком, заботился о семье и о памяти Ивана Андреевича Крылова.

Что же касается отношений к семье Савельевых ближайших «друзей и высокопоставленных покровителей» покойного Ивана Андреевича, то здесь опасения завещателя были явно не лишены оснований. Многие из этих «друзей и покровителей» относились весьма насмешливо к дочери Крылова и к ее мужу.

Дочь называли между собой «последней неудавшейся басней Крылова», «крыловской притчей», «Миликтрисой Кирбитьевной» и так далее.

Эту печальную истину пришлось узнать из одного, чрезвычайно любопытного письма, которое удалось найти в архиве А. Н. Оленина.

Письмо написано после смерти Крылова его сослуживцем по библиотеке М. Лобановым к дочери «покровителя» баснописца А. Н. Оленина — Варваре Алексеевне Олениной, слывшей ближайшим другом Крылова. Таким же другом считал себя и автор письма М. Лобанов.

Вот его письмо:

«Я виноват перед Вами, вы верно поплакали от некоторых моих строк: такая уж моя натура, а еще я нарочно писал железным пером. Не удастся ли мне вас рассмешить, хоть это совсем не мой талант, дай попробую. Потрудитесь перевернуть листок.

П р и к л ю ч е н и е:

Был я у достопочтенной Миликтрисы Кирбитьевны и бил ей челом. Она, с огромным на голове страусовым пером, вероятно собираясь делать визиты, сидела (извините) растопырой на диване. Два кавалера с цыгарками в зубах (то были кантонисты) громко беседовали с нею и звучно хохотали; но голос Миликтрисы Кирбитьевны, как расстроенная литавра, раздавался по всем залам покойного нашего друга. Супруг в безмолвии, раболепно и со страхом возводил иногда очи на эту притчу самого последнего издания, и увы! сто раз увы! мы знаем ее издателя.

Вошедши, я оцепенел, уста мои безмолвствовали. Я отвел раболепного в другую комнату и начал ему говорить о бюстах и о хрустальной кружке; но чуткая на ухо возопила.

П р и т ч а: Что, что такое? Бр... бр... бр...

С у п р у г: Ничего, ничего... После...

П р и т ч а: Как ничего? Бюсты, кружки... Бр... бр... бр...

С у п р у г: Да, их желает иметь В[арвара] А[лексеевна].

П р и т ч а: А на что это ей? Бр... бр... бр...

С у п р у г: Да ведь ты знаешь, как она любила...

П р и т ч а (громко): Вот забавно! Отнимать? Бр... бр... бр...

Тогда уж и я дерзнул возвысить робкий мой голос:

— Нет не отнимать; она предлагает вам деньги. Не откажите милостивая государыня, Миликтриса Кирбитьевна! Ведь это приятно было иметь покойнику, а вам что в этом?

Притча, вытянув вершка на три губы, пробормотала что-то сквозь зубы, грозно взглянула на супруга и с шумом скрылась от очей наших. Супруг смущенный, оторопелый и аки петух, облитый проливным дождем, старался приосаниться и робко промолвил: Будет исполнено, будет исполнено.

Это случилось за месяц перед сим; кажется Притча выбралась на другую квартиру; следовательно о последствиях сей конференции будет вам сообщено в свое время.

Примечание: Если вы не рассмеялись, с отчаяния никогда ничего не буду вам рассказывать, право не буду.

Постскриптум: Мне нужно взглянуть на переводы басен Ив[ана] Ан[дреевича], изданные в чужих краях Гр. Орловым; вероятно они есть у вас, одолжите меня присылкою их. Разобраны ли наконец бумаги Ал[ексея] Ник[олаевича]? И не нашлось ли еще чего нибудь о Крылове?» (Примерная дата написания 1845—46 г.) [55].

Таково это отнюдь не веселое письмо. Надо ли разъяснять, что «Притча» и «Миликтриса Кирбитьевна» — дочь Ивана Андреевича Крылова, «раболепный супруг» — К. С. Савельев и что речь идет о каких-то бюстах и кружке, по-видимому подаренных Олениной в свое время баснописцу, но теперь, по ее мнению, не достойных находиться в руках его дочери. Оленина не прочь даже выкупить свои подарки.

Любопытно, что Оленина любила делать на всех получаемых ею письмах собственноручные замечания, тут же, над тем словом, или той фразой, которые почему-либо остановили ее внимание.

На этом письме она сделала два таких замечания, весьма характерных. Над фразой Лобанова, в которой он называет Крылова «покойным нашим другом» — Варвара Алексеевна надписала: «Бедный (Лобанов.— Н. С.-С.) ошибался. Крылов никогда не был ему другом и часто его подтрунивал. Они жили в одном доме, принадлежащем библиотеке».

Другое замечание Олениной сделано над фразой Лобанова, намекающей, что «Притча» — дочь Крылова. Он пишет: «Мы знаем ее издателя». Над этими словами Оленина делает примечание: «Это ошибочно. И. А. Крылов сам мне говорил, что она ему не дочь, а прикидывается».

Немудрой Варваре Алексеевне Олениной было невдомек, что говорил это ей не Иван Крылов, а «Нави Волырк», что Ивана Андреевича и в этом надо было понимать наоборот.

Какую глубокую личную трагедию должен был переживать великий баснописец, если о собственной дочери вынужден был говорить, что она «ею только прикидывается».

Тяжело, невыносимо тяжело было прожить жизнь «Нави Волырк'ом»!

Тяжело, но нужно. Только так и удалось стать Ивану Андреевичу Крылову честью, славой и гордостью нашей литературы.

ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА БАСЕН

Все годы, пока А. Ф. Смирдин печатал и продавал первые восемь частей его басен, И. А. Крылов, как всегда не торопясь, писал новые, подготовляя следующую девятую

часть. Новых басен, впрочем, было немного, и Крылов, чтобы не обижать Смирдина, почти все их предварительно напечатал в смирдинских же альманахах «Новоселье» (1833—1834), в журнале «Библиотека для чтения» (1834 и 1835), в сборнике «Сто русских литераторов» (1841).

В 1836 году на придворном маскараде Крылов лично у Николая I испрашивает разрешение на напечатание басни «Вельможа». Цензура что-то над этой басней задумалась, а Крылов этого не любил. Цензуре только дай потачку! И так застряли басни «Пестрые овцы», «Пир», кое-что другое. Исковеркан «Парнас», многое испортил своими советами Оленин. Что и говорить, «худые песни соловью в когтях у кошки...»

А басня «Вельможа», между прочим, тоже злая-презлая... В. Г. Белинский перепечатал ее целиком в своей рецензии и восторженно заявил, что «...талант Крылова еще удивляет своей силой и свежестью: для него нет старости!»[56].

Окончательно умолкает И. А. Крылов лишь после того, как 1-го февраля 1837 года в 11 часов утра он, вместе с Жуковским и Вяземским, выносит из церкви гроб с телом поэта, которого с первых шагов его считал гениальным,— гроб с телом А. С. Пушкина. Гибель Пушкина глубоко потрясла баснописца. На заре своей писательской жизни Крылов был свидетелем гибели А. Н. Радищева и Н. И. Новикова, совсем недавно пережил трагический конец А. С. Грибоедова и вот сейчас похоронил Пушкина. Крылов устал хоронить...

И Иван Андреевич решает, что пора ему подводить итоги. Свое писательское слово он сумел сказать до конца, сумел не сгореть, не погибнуть. Разве кто знает, какой ценой заплатил он за это?

Через год после смерти Пушкина Крылову был устроен пышный юбилей в ознаменование пятидесятилетия его литературного труда. Царь был несколько обеспокоен упорными слухами о том, что в гибели Пушкина замешано его «августейшее имя», и решил устройством крыловского юбилея доказать сколь якобы высоко «его величество» ценит литературу.

Пышное празднование и торжественный обед в честь Крылова должны были состояться под руководством верноподданных лакеев — Фаддея Булгарина и Николая Греча. Но в дело вмешались многочисленные друзья баснописца и все «испортили». Достаточно сказать, что В. А. Жуков-

ский, например, провозгласил тост с упоминанием имени Пушкина! Царь бесился от злости...

Но, конечно, не только подлинные друзья баснописца спасли его юбилей и помогли превратить расчетливую чиновничью затею в общественно-литературный праздник. Помогла всенародная слава Крылова.

Не получилось из юбилея Крылова той подлой ширмы, на которую так рассчитывал царь. Наоборот, еще раз была подчеркнута неблаговидная роль Николая I в жизни русской литературы.

Когда у самого Крылова спрашивали — понравился ли ему юбилей, Иван Андреевич, не забывая, что он все еще «Нави Волырк», охотно распространялся исключительно лишь об обеде.

«А обед то был — такого и не видывал,— лукаво улыбаясь говорил он,— икра свежая — зерно великан, а балык, семга, как весенний снег таяли... Все тут было. Беда только в том, что по усам текло, а в рот не попало... Ведь мне все время кланяться и благодарить приходилось или выслушивать и ответ подготовлять. Так и пропал обед — и какой обед!» [57]

Вот все, что рассказывал сам Крылов о своем юбилее. Он и в этом случае считал необходимым прятать свои истинные мысли и чувства.

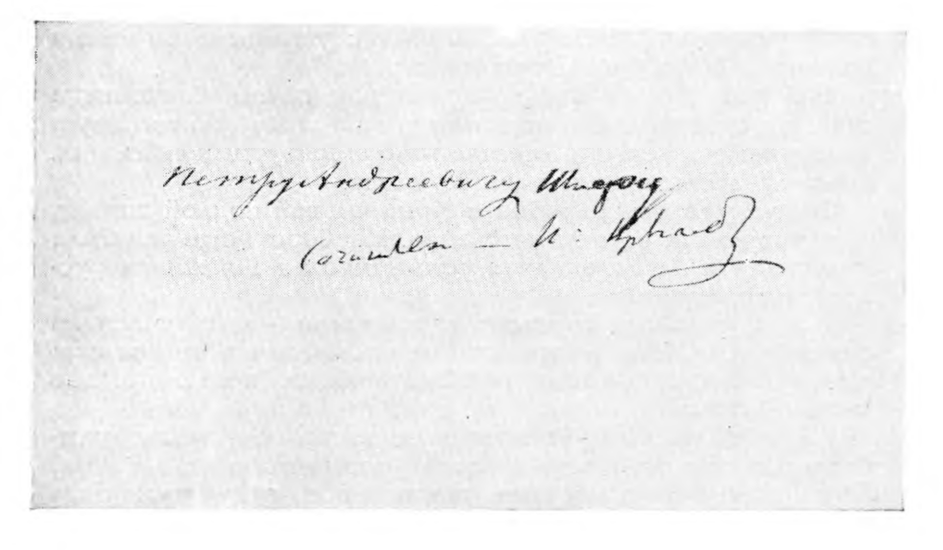
Но писать и работать дальше — нет, он уже не будет. У него накопилось одиннадцать басен, ровно на новую, девятую по счету часть. Да и первые восемь частей у Смирдина уже почти все разошлись. Вот и дело для старого баснописца! Привести басни в порядок, еще раз тщательно отредактировать и издать все девять частей — вместе, заново.

И. А. Крылов решает сам издать свою последнюю книгу. У генерал-майора Я. И. Ростовцева, начальника Штаба военно-учебных заведений, в котором служит муж дочери Крылова Сашеньки — К. С. Савельев, при штабе есть типография. Люди свои — помогут!

В начале 1843 года Крылов сдает в эту типографию свое последнее полное собрание басен. В цензурный комитет книга поступает 30-го июня того же года, разрешение подписывается в тот же день. Книга выходит из печати 8-го декабря 1843 года [58].

Книга была напечатана просто, без всяких украшений. Тираж ее — двенадцать тысяч экземпляров.

Но Крылов не торопится пускать книгу в продажу. Она долго лежит на складе типографии. Может быть об

80. Дарственная надпись на книге басен издания 1843 г. Рукой И. А. Крылова: «Сочинитель И. Крылов».

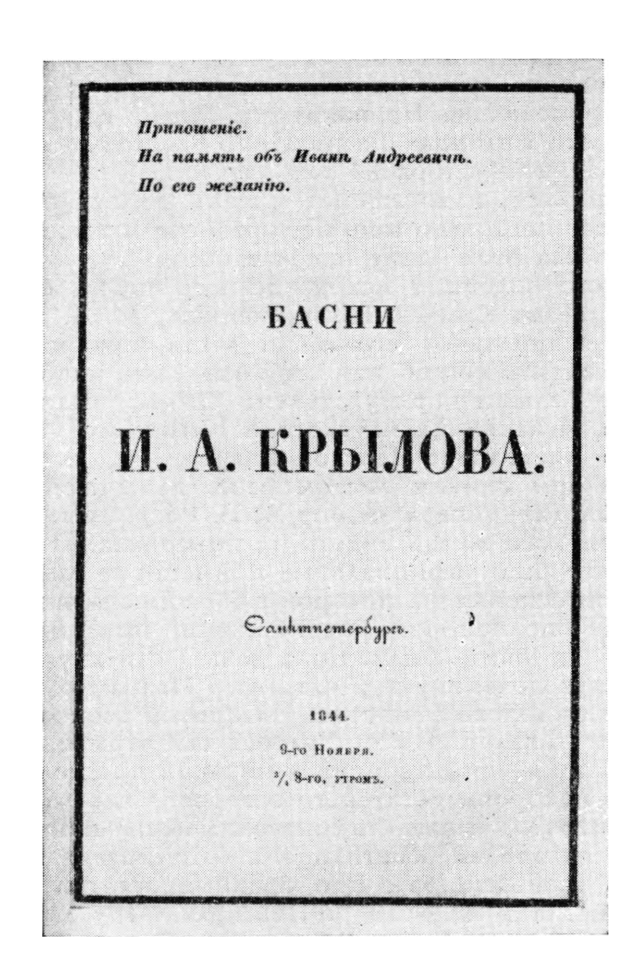
этом просит Смирдин — ему надо дораспродать оставшиеся предыдущие издания. Во всяком случае, объявлений о продаже новой книги не появляется. Они запестрели в газетах только после смерти баснописца.

Зато Крылов широко дарит экземпляры своей новой книги. Один он посылает В. Г. Белинскому, и тот уже в феврале 1844 года в «Отечественных записках» пишет на нее чудесную рецензию.

Друзей у Ивана Андреевича много. Настолько много, что, по преклонным годам своим, он уже не в силах делать полностью дарственные надписи на рассылаемых в подарок книгах. Имя, отчество и фамилию лица, которому посылается подарок, по продиктованному Крыловым списку, пишет зять — К. С. Савельев. Иван Андреевич только подписывает: «Сочинитель И. Крылов».

Как раз такой именно экземпляр, с таким «коллективным» автографом, попал в мою библиотеку: «Петру Андреевичу Шнору» надписано рукой К. С. Савельева, а рукой И. А. Крылова: «Сочинитель И. Крылов».

Кто такой Петр Андреевич Шнор — точно установить не удалось. Очевидно, это потомок того самого И. Шнора, типографщика, у которого А. Н. Радищев купил шрифт и станок для печатания «Путешествия из Петербурга в

Приношеніе.
На память объ Иванѣ Андреевичѣ.
По его желанію.

БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА.

Санктпетербургъ.

1844.

9-го Ноября.

³/₄ 8-го, утромъ.

81. Книга басен И. А. Крылова издания 1843 г.
Траурная обложка.

Москву». У Шнора сам Крылов печатал когда-то свою «Оду на мир».

У меня есть и другой экземпляр последней книги И. А. Крылова. Печальный экземпляр. Умирая баснописец распорядился раздарить как можно больше экземпляров его последней книги. Он не прочь, чтобы роздали и весь тираж бесплатно, «на память».

Воля покойного была частично исполнена. Свыше тысячи экземпляров книги было разослано знакомым и не-

знакомым. Была отпечатана специальная обложка, на которой в траурной рамке значилось:

«Приношение. На память об Иване Андреевиче.
По его желанию. Басни И. А. Крылова.
Спб. 1844. 9-го ноября 3/4 8-го, утром».

В экземпляре, находящемся у меня, вклеен еще добавочный лист несколько меньшего размера и тоже в траурной рамке. На этом листе напечатано:

«9-го сего ноября, в исходе осьмого утром, скончался Иван Андреевич Крылов. По неимению у И. А. родственников, душеприказчик его имеет честь покорнейше вас просить: почтить погребение его тела, 13-го ноября, в понедельник, вашим присутствием. Вынос назначен из церкви св. Исаакия Далматского, в 10-ть часов утра, а отпевание в Александро-Невской Лавре».

Экземпляры с этим листом разослал душеприказчик И. А. Крылова — генерал-майор Я. И. Ростовцев. Разослал только тем, кого желал видеть на похоронах. Преимущественно, это были официальные и именитые лица. И им в этом приглашении на похороны баснописца напечатали правду не полностью: родственники, как мы знаем, у Ивана Андреевича были. Была дочь, были внуки и зять. Но это были дочь, внуки и зять того Ивана Крылова, которого знали только немногие. Известный всем «статский советник и кавалер Иван Андреев сын Крылов», он же «Нави Волырк» — родственников никаких не имел...

Это на похороны «статского советника и кавалера» государь-император «повелеть соизволил исчисленную сумму девять тысяч рублей ассигнациями отпустить из государственного казначейства». Это бренные остатки *такого* Крылова несла в Александро-Невскую лавру невиданная по пышности процессия. Генеральские эполеты, шитые золотом чиновничьи мундиры, сверкающие ризы митрополитов оттесняли от гроба писателя простой народ, ради которого он жил и творил. Но так заканчивалось бытие «Нави Волырк'а».

Великий русский народный баснописец Иван Андреевич Крылов в это утро входил в бессмертие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Брюсов, В. Избранные произведения. Т. 1. М.-Л., Гиз, 1926, стр. 171.

2. Некрасов, Н. А. Стих. «Букинист и библиограф».

3. Утренние часы. Еженедельное издание. Ч. I-IV. Спб., печатано с указного дозволения, 1788—1789. 8°. Ч. I. 208, 8 нен. стр.; ч. II. 208, 6 нен. стр.; ч. III. 208, 6 нен. стр.; ч. IV. 208, 4 нен. стр.

4. Берков, П. Н. История русской журналистики XVIII в. М.-Л., 1952, стр. 537.
5. Витберг, Ф. А. Первые басни И. А. Крылова. Спб., 1900.
6. Подробнее о деле И. Г. Рахманинова — см. диссертацию И. М. Полонской: И. Г. Рахманинов. Из истории русского книгоиздательства конца XVIII века. (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина).
7. Жихарев, С. П. Записки современника. Т. 2. М.-Л., 1934, стр. 71.
8. Добролюбов, Н. А. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1935, стр. 170.
9. Почта духов, ежемесячное издание, или ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами. Печатано с дозволения указного. Спб., 1789. Ч. I-II. 8⁰. Ч. I. 8 нен., V, 302 стр.; ч. II. 6 нен., 320 стр.
10. И. А. Крылов. Исследования и материалы. М., Огиз, 1947. Статья Д. Благого «Сатирическая проза Крылова», стр. 11.
11. Почта духов, или ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами. Ч. I-IV. С дозволения Спб. цензуры. Спб., печатано в Имп. типографии, 1802 года. 12⁰. Ч. I. Загл. л., IV, 178 стр.; ч. II. Загл. л., 2 нен., 181 стр.; ч. III. Загл. л. 186, 2 нен. стр.; ч. IV. Загл. л., 180, 2 нен. стр.
12. М., 1954. (Моск. гос. библиотеч. ин-т). См. также: Полонская, И. К биографии И. А. Крылова.— Труды (Гос. б-ка СССР им. Ленина), т. 2, 1958, стр. 67.
13. Ода всепресветлейшей державнейшей великой государыне Екатерине Алексеевне самодержице всероссийской на заключение мира России со Швецией, которую всеподданнейше приносит Иван Крылов дня августа 1790 года. В Спб-ге, напечатано с дозволения указного у И. К. Шнора. 4⁰. 10 стр., включая загл. л.
14. Зритель. Ежемесячное издание 1792 года. Спб., 1792. В тип. г. Крылова с товарищи. Ч. I-III. 8⁰. Ч. I. (Месяцы: февраль — апрель). 250, 5 нен. стр. (список подписавшихся); ч. II. (Месяцы: май-август). 326, 2 нен. стр.; ч. III. (Месяцы: сентябрь-декабрь). 313, 7 нен. стр.
15. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. Спб., 1866, стр. 33.
16. С. Петербургский Меркурий, ежемесячное издание 1793 года. Ч. I-IV. Спб., тип. И. Крылова с товарищи, 1793. 8⁰. Ч. I. (Январь-март). 263 стр.; ч. II. (Апрель-июнь). 250 стр.; ч. III. (Июль-сентябрь). 270 стр.; ч. IV (Октябрь — декабрь). При имп. Акад. наук. 258, 5 нен. стр.
17. «Русский библиофил», 1914, № 6 — В. П. Семенников. Материалы, стр. 54.
18. 1) Бешеная семья. Комическая опера в 3-х действиях Ивана Крылова. Спб., при имп. Акад. наук, 1793. 8⁰. 74 стр. Цена 2 р. 50 к.— Роспись Плавильщикова, № 6001; Смирдин, № 7646.
2) Проказники. Комедия в 5 действиях Ивана Крылова. Спб., при имп. Акад. наук, 1793. 8⁰. 165 стр. Цена 5 р.— Сопиков, В. С. Опыт российской библиографии, № 5574
3) Сочинитель в прихожей. Комедия в 3 действиях Ивана Крылова. Спб., при имп. Акад. наук, 1794. 8⁰. 80 стр. Цена 2р.— Сопиков, № 5632.
19. Лобанов, М. Жизнь и сочинения И. А. Крылова. Спб., 1847, стр. 9.
20. Американцы. Опера комическая в 2-х действиях. Музыка г. Фомина. Спб., тип. при Губ. правлении, 1800. 12⁰. 96 стр.
21. 1) Модная лавка. Комедия в 3-х действиях И. А. Крылова. С дозв. Спб-кого Цензур. Комитета. Спб., в театральной типографии, 1807. 12⁰. 156.
То же. Изд. 2-е. Спб., тип. имп. театра, 1816. 12⁰. 152 стр.

2) Урок дочкам. Комедия в одном действии И. А. Крылова. С дозвол. Спб-ского Цензур. Комитета. Спб., тип. имп. театров, 1807.

То же. Изд. 2-ое. Спб., тип. имп. театров, 1816. 12^0. 94, 2 нен. стр.

3) Илья богатырь. Волшебная опера в 4 действиях Ивана Крылова. Спб., тип. имп. театров, 1807. 12^0. 133 стр.

22. Эти слова приводятся во всех биографиях И. А. Крылова.

23. Драматический вестник. Ч. I-IV. Спб., в тип. имп. театров, 1808. 8^0. Ч. I. (№№ 1-26). 216, 4 нен. стр.; ч. II. (№№ 27-52). 208, 4 нен. стр.; ч. III. (№№ 53-78). 200, 2 нен. стр.; ч. IV. (№№ 79-93). 120 стр.

На 93 номере журнал прекратился, хотя должно было быть 104 номера, по два в неделю. Одновременно с выходом номеров журнала, к нему давалось приложение (также тетрадями), которые составили вместе пятую и шестую части. Описание их таково:

Драматический вестник. Ч. V, содержащая в себе прибавления, относящиеся до наук, словесности и художеств вообще. Спб., в тип. имп. театра, 1808. 8^0. Иллюстрации: 2 складных гравир. л. с изображением вооружения римлян и земледельческих орудий. 184, 4 нен. стр.

То же. Ч. VI. 8^0. 96 стр.— Без загл. л.

24. Крылов, И. Басни. Спб., тип. Губ. правления, 1809. 8^0. (21 × 14 см.). Загл. л. 54, 2 нен. стр. (оглавление).

25. «Русский архив», 1865, стр. 1323.

26. Крылов, И. Новые басни. Спб., в тип. Губ. правления, 1811. 8^0. (21 × 14). Загл. л., 2 нен., 41, 1 нен. стр. Тираж книги 1200 экземпляров. В ней напечатана 21 новая басня.

27. Крылов, И. Басни. Вновь выправленные. Вторым тиснением. Спб., в тип. Губ. правления, 1811. 8^0. (20 × 12 см.) Загл. л., 2 нен., 48 стр.

28. «Библиографические записки», 1859, т. 2, стб. 419.

29. Крылов, И. Басни. В трех частях. Ч. I-III. Спб., в тип. Правит. Сената, 1815. 8^0. (23 × 14 см.) 6 нен., 47, 4 нен., 41, 4 нен., 41 стр.

Иллюстрации: 1. Фронтиспис «Езоп-Лафонтен», рис. И. Иванов, грав. М. Иванов. 2. Грав. загл. лист, с теми же подписями. 3. Виньетка в тексте «Амуры», рис. И. Иванов, грав. Кулыбин. 4. Гравюра на отд. листе «Вороний суп», рис. И. Иванов, грав. Галактионов. 5. Виньетка в тексте «Квартет», рис. И. Иванов, грав. Кулыбин. 6. Виньетка в тексте «Кот и повар», рис. И. Иванов, грав. Галактионов. 7. Гравюра на отд. листе «Осел и соловей», рис. И. Иванов, грав. М. Иванов. 8. Виньетка в тексте «Орел и паук», рис. И. Иванов, грав. Кулыбин. 9. Виньетка в тексте «Ручей», рис. И. Иванов, грав. А. Петров. 10. Гравюра на отд. листе «Безбожники», рис. И. Иванов, грав. Галактионов. 11. Виньетка в тексте «Демьянова уха», рис. И. Иванов, грав. М. Иванов. Все — с монограммой «А. О.».

30. Верещагин, В. А. Русские иллюстрированные издания. Спб., 1898, №№ 412-413.

31. Кеневич, В. Примечания к басням Крылова. Изд. 2-ое. Спб., 1878, стр. 347.

32. 1) Крылов, И. А. Новые басни. Часть четвертая. Иждивением содержателя типографии А. Похорского. Спб., в тип. имп. театра, 1816. 8^0. Гравир. портрет автора. Рис. Кипренский, грав. Уткин. Шмуцтитул, загл. л., 2 нен. (оглавление), 39 стр.

2) То же. Часть пятая. Спб., в тип. имп. театра, 1816. 8^0. Шмуцтитул, загл. л., 37, 2 нен. стр. (оглавление).

33. Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. Т. 1. М.-Л., Изд. АН СССР, 1940, стр. 504.

34. Книга М. Лобанова, указанная в примечании 19.

35. Крылов, И. А. Три новые басни, читанные в торжественном собрании Императорской Публичной библиотеки января 2 дня сего

года. Спб., В тип. имп. театра, 1817. 8^{0}. 13 стр., включая шмуцтитул и загл. л.

36. Имп. Публичная библиотека за сто лет. Спб., 1914, стр. 78.

37. Крылов, И. А. Басни в шести частях. Ч. I-VI. Иждивением содержателя театральной типографии Александра Похорского. Спб., в тип. имп. театра, 1819. 8^{0}. Шмуцтитул, загл. л., 2 нен., 114, 2 нен. стр., новый загл. л. (четвертой части), 95, 1 нен. стр. Наличие особого заглавного листа к четвертой части объясняется желанием книгопродавцев продавать издание непременно двумя томиками: в одном — первые три части, в другом — три последующие. Это помогало продаже.

38. Крылов, И. Басни в семи книгах. Новое, исправленное и пополненное издание. Спб., у книгопродавца Ивана Сленина, тип. Департамента нар. просвещения, 1825. 8^{0}. Загл. л., 2 нен., 312 стр.

Иллюстрации: 1. Портрет Крылова, рис. П. Оленин, грав. Ив. Фридриц. 2. Гравир. загл. л. с виньеткой, рис. И. Иванов, грав. С. Галактионов. 3. Гравюра «Конь и всадник», рис. А. Зауервейд, грав. И. Ческий. 4. Гравюра «Собачья дружба», рис. И. Иванов, грав. Ф. Иордан. 5. Гравюра «Фортуна и нищий», рис. И. Иванов, грав. С. Галактионов. 6. Гравюра «Осел и мужик», рис. И. Иванов, грав. С. Галактионов. 7. Гравюра «Напраслина», рис. И. Иванов, грав. И. Ческий. 8. Гравюра «Сочинитель и разбойник», рис. И. Иванов, грав. И. Ческий. 9. Гравюра «Василек», рис. И. Иванов, грав. И. Ческий. Всюду монограмма «А. О.».

39. Литературный архив, издаваемый П. А. Картавовым. Спб., 1902, стр. 75.

40. Рукописный отд. Гос. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Архив А. Н. Оленина.

41. Литературный архив, издаваемый П. А. Картавовым. Спб., 1902, стр. 73.

42. Басни русские. Извлеченные из собрания И. А. Крылова, с подражанием на французском и итальянском языках разными авторами и с двумя предисловиями, на французском г. Лемонтея, а на итальянском г. Салфия. Изданные Г. Орловым. Собрание сие украшено портретом автора и пятью отпечатанными рисунками. Ч. I. Париж, 1825. (Все повторено на франц. яз.) Шмуцтитул, 2 загл. л., 61, 242, 8 нен. стр. 8^{0}.

Иллюстрации: 1. Грав. портрет Крылова. 2. «Орел и паук». 3. «Мартышка и очки».

То же. Ч. II. Париж, 1825. 8^{0}. Шмуцтитул, 2 загл. л., 378, 3 нен. стр.

Иллюстрации: 1. «Кот и повар». 2. «Раздел», рис. Изабе. 3. «Прохожие и собаки».

43. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1955, стр. 114.

44. Крылов, И. Басни в осьми книгах. Новое издание, вновь исправленное и умноженное. Иждивением книгопродавца Смирдина. Спб., в тип. Александра Смирдина, 1830. 8^{0}. Загл., л., 309, 1 нен. стр. (Выходили также в форматах 12^{0} и 16^{0}). Издание повторялось в 1831, 1833 и 1834 годах, каждое из них — тоже в трех форматах.

45. Крылов, И. Басни. В осьми книгах. Спб., в тип. Александра Смирдина, 1834. (На обороте: Издание книгопродавца Александра Смирдина). Ч. I. 4^{0}. (24,5 × 20 см.). Шмуцтитул, загл. л., 2 нен., 187 стр.

Иллюстрации: 48 грав. теневым контуром рисунков к басням. Первый рисунок изображает Крылова — иллюстрация к басне «Василек». Имя художника-гравера нигде не указано. Все гравюры на отдельных листах.

То же. Ч. II. Спб., 1834. 4^{0}. Шмуцтитул, загл. л., 2 нен., 167, XX стр. (оглавление басням).

Иллюстрации: 45 грав. теневым контуром рисунка к басням на отд. л.
46. Крылов, И. Басни в восьми книгах. Тридцатая тысяча. Спб., в тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1835. (На обороте тит. л.: Издание книгопродавца Александра Смирдина). 32⁰. (10 × 6 см.). 1 илл. л. (Портрет Крылова, рис. П. А. Оленин, грав. Гоберт). Шмуцтитул, загл. л., 410, XI стр. (огл.). Издание было повторено (с другим портретом) в 1837 году.
47. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1953, стр. 105.
48. Крылов, И. Басни в восьми книгах. Сороковая тысяча. Спб., в тип. А. А. Плюшара, 1840. (На обороте тит. л.: Издание книгопродавца Александра Смирдина). 8⁰. (21 × 13,5 см.) Шмуцтитул, загл. л., 300, VIII стр.
Иллюстрации: 1. Портрет Крылова, гравюра на стали, без подп. 2. Грав. на стали загл. л.: группа животных. 3. 24 илл. (ксилография) в тексте.
49. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1953, стр. 114.
50. Сергеев, И. В. Иван Крылов. М., Детгиз, 1955.
51. Эта и последующие цитаты — из биографии Крылова, написанной П. А. Плетневым, даны по Собр. соч. И. А. Крылова. Т. 1. Спб., 1847.
52. Сборник статей, читанных в Отд. рус. языка и словесности имп. Академии наук. Т. 6. Спб., 1869 — статья В. М. Княжевича.
53. Подлинник завещания хранится в Отделе рукописей Гос. публ. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Собрание автографов, картон 14, № 32.
54. Вяземский, П. А. Собр. соч. Т. 1. Спб., 1878, стр. 163-64.
55. Отдел рукописей Гос. публ. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Архив А. Н. Оленина, № 882.
56. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1955, стр. 115.
57. Пушкин и его современники. Вып. 37. Л., 1928. Воспоминания Н. М. Еропкиной об И. А. Крылове, стр. 198.
58. Крылов, И. А. Басни в девяти книгах. Спб., в тип. Военно-учебных заведений, 1843. 8⁰. Загл. л., 2 нен., 326, VIII стр. (оглавление).

А. С. Пушкин. Портрет работы неизвестного мастера 1830-х годов (Масло). Писатель И. Ясинский, в собрании которого портрет ранее находился, определял автором его художника Яковлева, ученика Брюлова. («Известия», 1937, № 51)

Начиная с Пушкина

Книги, автографы, иллюстрации

СУДЬБА ОДНОГО АВТОГРАФА

В книге советского театроведа Михаила Загорского «Пушкин и театр» мое внимание остановили следующие строки:

«Близка Пушкину была и область так называемых «малых» сценических форм, в современной терминологии называемых «эстрадными». Очень показательно, например, его отношение к Александру Ваттемару — знаменитому трансформатору, чревовещателю и миму. Он вписывает ему в альбом: «Имя ваше легион, так как вас много» (написано по-французски, это перевод.— Н. С.-С.), пишет о нем жене («смешил меня до слез»), хлопочет о его представлении в письме к М. Н. Загоскину и извещает об этом самого Ваттемара. Чувствуется подлинное увлечение Пушкина искусством этого мима, бывшего, действительно, замечательным мастером в своем жанре»[1].

Собственно, в книге Михаила Загорского — это все, что сказано об эстрадном артисте Александре Ваттемаре, знакомце великого русского поэта. Записным пушкинистам имя Александра Ваттемара, вероятно, достаточно известно, но мне, по некоторому сходству его профессии с моей (я ведь тоже артист эстрады), захотелось узнать о нем поподробнее.

Прежде всего, нужно было уточнить — что этот Александр Ваттемар представлял из себя как артист? «Рассмешить до слез» Пушкина вряд ли было легко.

Узнать об этом оказалось, впрочем, совсем не трудно. Цензор А. В. Никитенко в известном своем «Дневнике» записал 10-го июня 1834 года: «Был на представлении Александра, чревовещателя, мимика и актера. Удивительный человек! Он играл пьесу «Пароход», где исполнял семь ролей, и все превосходно. Роли эти: влюбленного молодого человека, англичанина-лорда, пьяного кучера, старой кокетки, танцовщицы, кормилицы с ребенком и старого горбуна-волокиты. Быстрота, с которой он обращается из одного лица в другое, переменяет костюм, физиономию, голос, просто изумительна. Не веришь своим глазам. Едва одно действующее лицо ступило со сцены за дверь — вы слышите еще голос его, видите конец платья,— а из другой двери выходит тот же *Александр* в образе другого лица. Он говорит за десятерых, действует за десятерых. В одно время бывает и здесь и там. Необычайное искусство!».

Из этой записи очевидца мне стало ясно, что основной эстрадный жанр Александра Ваттемара, или просто «Александра», как называет его Никитенко,— это трансформация. Жанр нам знакомый! В свое время мы видели в Москве знаменитого «человека-молнию» — итальянца Угго Уччелини, игравшего даже не семь, а тридцать семь ролей и удивлявшего москвичей не столько талантом исполнения, сколько, действительно, необычайной быстротой переодевания. Позже у нас подвизались и другие трансформаторы. А уже совсем недавно работал в этом же жанре и наш советский артист Валентин Кавецкий.

Однако Александр Ваттемар выступал не только в качестве трансформатора. Талант его был многообразен. Ваттемар был еще и вентролог, т. е. чревовещатель.

В числе первых сведений об этом необходимо указать на переписку известных братьев Булгаковых, один из которых, Константин, служивший в Петербурге, пишет Александру, служившему в Москве (в январе 1832 года):

«После обеда у князя Голицына Василия, пел Този и делал штуки вентролог, недавно приехавший. Он очень забавлял всех, а сначала испугал дам, представляя драку на улице».

В мае того же года московский Булгаков сообщает петербургскому:

«Я тебе не рассказал странное мое приключение в понедельник у Марии Васильевны Обресковой. Сижу я у нее вечером, время прекрасное, окно открыто. Вдруг, на улице кричит кто-то: Александр Яковлевич! Я побежал к окну — гляжу — никого нет, к другому — нет. Тот же крик, все смеются, а хозяйка удивляется... Посылаю человека за ворота посмотреть, а между тем говорю: может быть это и не меня кличут: он не называет фамилии моей, а только — Александр Яковлевич? Едва я сказал это, как опять раздался крик: Александр Яковлевич Булгаков, поди-ка сюда! Булгаков! Я не знал, что и думать, но взглянув на незнакомое лицо какого-то немца (француза? — Н. С.-С.) тут же сидевшего, я вспомнил вдруг, что ты мне писал о каком-то славном вентрологе, ударил себя по лбу и закричал: верно это вентролог!

Тут все бывшие в секрете захохотали. Только такого совершенства постигнуть нельзя. Он повторил еще многие опыты...» [2].

Из этой переписки видно, что, по обычаю того времени, главнейшим полем действия артистов были великосветские гостиные Москвы и Петербурга.

Известно, однако, что Ваттемар добился в Петербурге и публичных выступлений в театрах. Очевидно, собираясь устроить такие же выступления и в Москве, он решил попросить Пушкина походатайствовать за него перед романистом М. Н. Загоскиным, бывшим в то время видной фигурой в театральном ведомстве.

Этим, конечно, и объясняется наличие письма Пушкина к Загоскину о Ваттемаре.

О посещении Пушкина Ваттемаром, рассказывает шурин Пушкина — Сергей Николаевич Гончаров, живший у него в доме:

«Его (Пушкина.— Н. С.-С.) кабинет был над моей комнатой, и в часы занятий или уединения Пушкина мне часто слышался его мерный или тревожный шаг. Но раз, к моему удивлению, наверху раздались звуки нестройных и крикливых голосов. Когда все собрались к обеду, я спросил у него, что происходило у него в кабинете:

— Жаль, что ты не пришел,— отвечал Пушкин.—

У меня был вентролог.— Тут же он распространился о его выходках».

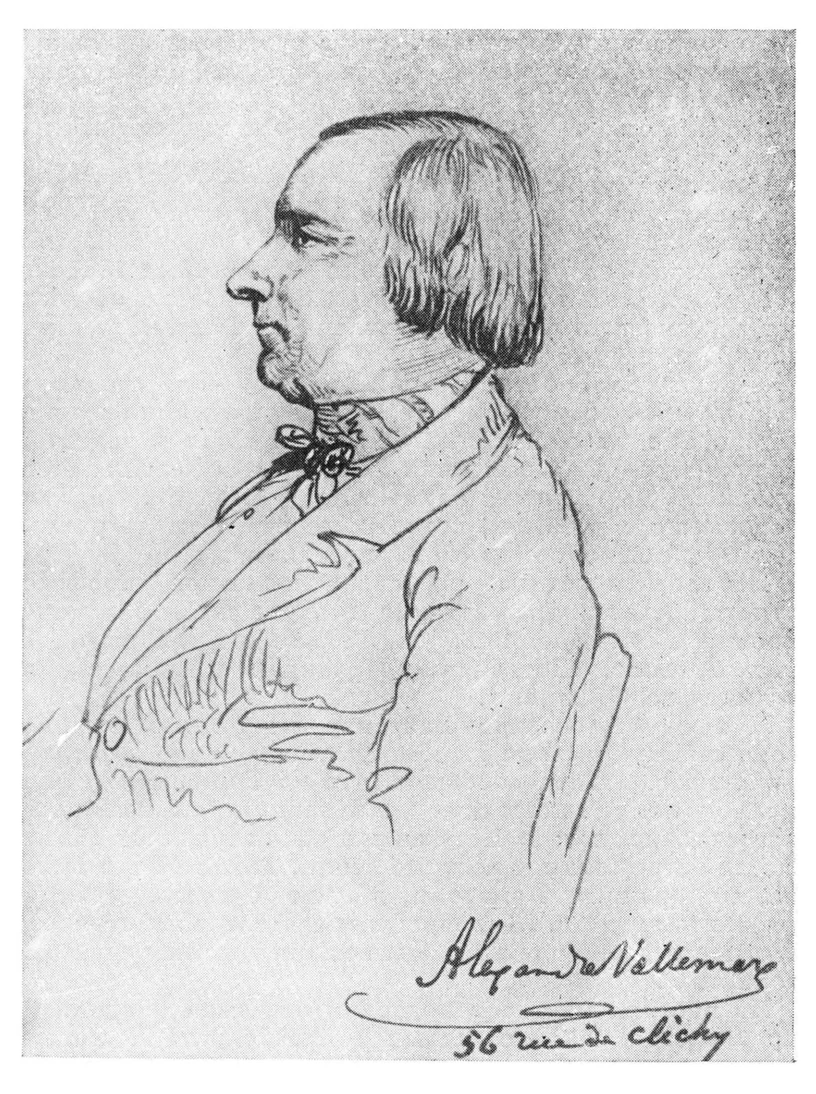
По рассказу шурина Пушкина, у чревовещателя Александра Ваттемара особенно «неподражаемо выходила сцена, в которой барин бранится со слугой, запертым в ларь и силящимся из него вылезти...»

Небезынтересен и дальнейший рассказ С. Н. Гончарова:

«По окончании обеда он (Пушкин.— Н. С.-С.) сел со мною к столу и, продолжая свой рассказ, открыл машинально евангелье, лежавшее перед ним и напал на слова «что ти есть имя? Он же рече: легион — яко беси мнози внидоша в онь» (от Луки гл. VIII, ст. 30). Лицо его приняло незнакомое мне до тех пор выражение. Он поднял голову, устремил взор вперед и, после непродолжительного молчания, сказал мне: «Принеси скорее клочок бумаги и карандаш». Исполнив поручение,— продолжает шурин поэта,— я сел против Пушкина и не спускал с него глаз. Он принялся писать, останавливаясь, от времени до времени задумываясь и часто вымарывая написанное. Так прошел с небольшим час: стихотворение было окончено. Александр Сергеевич пробежал его глазами, потом сказал мне: «Слушай». Слова евангелия вдохновили поэта. Он взял их эпиграфом, а стихи относились к вентрологу. Я пришел в восторг»[3].

Таков рассказ шурина Пушкина — С. Н. Гончарова. Посвященное поэтом Александру Ваттемару стихотворение бесследно исчезло, но эпиграф из евангелия: «Имя ваше легион, так как вас много», хорошо известен пушкинистам. Слова эти были вписаны Пушкиным в альбом Александра Ваттемара, и листок из его альбома с автографом поэта ныне хранится в Пушкинском Доме. Он перешел туда из коллекции Э. П. Юргенсона, известного дореволюционного собирателя. Там же хранится и собственноручное письмо Пушкина к Ваттемару, извещающее его о результатах ходатайства за него поэта перед Загоскиным. Письмо это поступило в Пушкинский Дом из коллекции другого петербургского собирателя — И. Куриса[4].

Сразу возникло два вопроса. Первый: что это за альбом, существовавший у эстрадного артиста Ваттемара, альбом, в который не пожалел дать свои автографы Пушкин, причем не только с указанным изречением из евангелия, но, как выяснится позже, еще и со стихами, уже не имеющими отношения к артисту? И вопрос второй: почему и изречение это, и личное письмо Пушкина, принадлежав-

82. Александр Ваттемар. Французский артист эстрады, собиратель автографов и рисунков.

шее парижанину Ваттемару, вдруг очутились в руках петербургских коллекционеров, от которых после попали в Пушкинский Дом?

Выяснилось, что на оба эти вопроса можно найти ответы.

Ответ на первый, объясняющий щедрость Пушкина к Ваттемару на свои автографы (а он, как известно, крайне бережно относился к рукописям), дает обширная статья в кукольниковской «Художественной газете» за 1837 год[5].

Из этой статьи мы узнаем, что, оказывается, не только уменье «смешить до слез» привлекло к Ваттемару внимание поэта.

«Александр Ваттемар,— пишет газета,— не только неподражаемый артист: он еще библиофил, нумизмат, антикварий. Где бы он ни был, везде отнимал у театра несколько часов для посещения библиотек, музеев, на чтение рукописей, на изучение памятников и медалей. Он вошел в сношения с учеными, которых не раз изумлял разнообразием и обширностью своих познаний».

Перелетная птица по своей основной профессии артиста, Александр Ваттемар (медик по образованию) «прошел Германию, Бельгию, Голландию и Россию. Посетил Англию, Шотландию, Ирландию и, наконец, возвратился во Францию».

И всюду Александр Ваттемар неутомимо составлял свою, ставшую вскоре знаменитой, коллекцию автографов и рисунков. Газета сообщает, что «в Германии Гете написал к нему записочку, исполненную восхитительной благосклонностью; в Шотландии он получил от Вальтер Скотта остроумные и лестные стихи. Томас Мур в Ирландии, во Франции Ламартин, в свою очередь, пожелали похвалить артиста. Живописцы и ваятели всех стран обогатили его альбом оригинальными рисунками редкого достоинства».

Из русских мастеров подарили ему свои рисунки Федор Толстой и замечательный акварелист Г. Гагарин. В его коллекции были автографы и давно умерших людей: Петра I, Наполеона, Екатерины II, Мазепы и многих, многих других.

Из статьи в «Художественной газете» мы узнаем, что Ваттемар изобрел целый план, или систему международных обменов и пополнений государственных и частных коллекций. С проектом этой системы он вошел в законодательные органы Франции и добился одобрения этой идеи.

Вот уже с какой особой известностью пришел артист Ваттемар к великому поэту.

Пушкин посчитал для себя возможным украсить коллекцию Ваттемара не только собственноручным обращением к нему, как к артисту, но и подарить ему еще листок с двумя своими стихотворениями из цикла «Подражание древним», начертанными также собственноручно. Одно стихотворение было из Ксенофана Колофонского, другое из Афенея.

Кстати, этот автограф Пушкина тоже вернулся обратно в Россию. На Пушкинской выставке 1899 года он фигурировал и даже был воспроизведен (одно первое стихотворение) в известном фишеровском альбоме, как находящийся в собрании П. Л. Вакселя[6].

Вот тут как раз и потребовался ответ на второй вопрос, вставший передо мною: каким образом автографы Пушкина, принадлежавшие парижанину Ваттемару, вернулись обратно в Россию?

Ответ этот получить тоже оказалось не так уж трудно. В журнале «Русская старина» за 1880 год была напечатана заметка Н. Богушевского, такого содержания:

«5-го декабря 1864 года в Париже, в отеле Друо, распродавалась с публичного торга знаменитая коллекция чревовещателя Александра Ваттемара, состоявшая из 1200 оригинальных рисунков и 10.000 автографов различных знаменитостей»[7].

Далее указывалось, что среди лиц, подаривших Ваттемару автографы, был царь Николай I, великий русский поэт Пушкин, украсивший альбом эстрадного артиста своими стихами, и многие другие. Разумеется, самого Ваттемара к этому времени уже не было в живых.

Наследство его раскупили на аукционе, и естественно, что русские собиратели, примчавшиеся для этого в Париж, прежде всего выхватили автографы Пушкина и привезли их обратно в Россию.

Путь замечательной коллекции Александра Ваттемара — обычный и печальный путь почти всех частных коллекций того времени. С эгоистической точки зрения, конечно, не жаль, что коллекцию Ваттемара не приобрело целиком какое-либо общественное учреждение Парижа: автографы бессмертного Пушкина навсегда бы там и остались.

А, так...— начал я мысленно подводить итог: стихотворение Пушкина о Ваттемаре никто, кроме брата его жены, не читал, и оно, очевидно, пропало бесследно, поскольку

и сам Ваттемар им не хвастался тоже. Запись евангельских строк, посвященных Пушкиным Ваттемару, была приобретена на аукционе в Париже русскими собирателями вместе с письмом Александра Сергеевича к этому артисту, извещающим о ходатайстве за него перед Загоскиным. Оба эти автографа сейчас в Пушкинском Доме. Письмо великого поэта к жене о Ваттемаре («смешил меня до слез»), равно как и его письмо к Загоскину, с ходатайством за Ваттемара, из России не выходили и сейчас хранятся тоже в Пушкинском Доме. Как будто все, что касается Пушкина и Ваттемара?

Впрочем, позвольте! А где же листок с двумя стихотворениями Пушкина «Подражание древним»? У Ваттемара он был? Был, и Ваттемар, судя по воспроизведению в упомянутом выше фишеровском альбоме, «украсил» правый уголок листа автографа Пушкина собственноручной подписью: «А. Ваттемар».

В Россию этот автограф вернулся? Вернулся: он фигурировал на выставке 1899 года с указанием: «Из собрания художника П. Л. Вакселя».

Где же автограф теперь? В государственных хранилищах его нет, это точно, следовательно, он у кого-то на руках? Стоит заняться!

Начались многолетние поиски. В качестве помощника для разыскания автографа я пригласил моего друга, старого московского книжника, с детства влюбленного в Пушкина. Одного из тех, которые отдали жизнь русской книге и которых не очень ценят нынешние, не всегда справедливые вершители книжной торговли.

Путем долгих бесед, споров, расспросов, воспоминаний и почти шерлок-холмовских умозаключений след автографа был найден. Собственно говоря, об этом можно было бы написать отдельное повествование, но это сейчас не входит в нашу задачу. Далее следовал длинный разговор с владельцем, причем рассказ об эстрадном артисте Ваттемаре сыграл здесь не последнюю роль, и вот драгоценный листок с собственноручными стихами Пушкина — на столе!

Листок этот прекрасной сохранности, размером 23×21 см. Бумага с водяным знаком «А. Г. 1830». Сверху рукой Александра Ваттемара чернилами по-французски: «Автограф Пушкина» и карандашом подпись «А. Ваттемар. 1833».

Далее, чернилами, уже рукой самого Пушкина:

Autographe de Pouchkine.

Подражание древним

1.

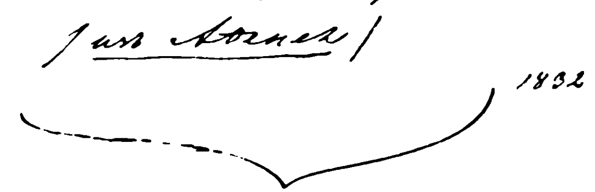
Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают,
Все уж увенчаны гости; иной обоняет, зажмурясь,
Ладана сладостный дым; другой открывает амфору,
Запах веселый вина разливая далече; ~~[illegible]~~ сосуды
Светлой, студеной воды, золотистые хлебы, янтарный
мед и сыр молодой: все готово; весь убран цветами
Жертвенник. Хоры поют. Но начало трапезы, о други,
Должно творить возлиянья, вещать благовещие речи.
Должно бессмертных молить, да сподобят нас чистой душою
Правду блюсти: ведь оно ж и легче. Теперь мы приступим:
Каждый в меру свою напивайся. Беда не велика
В ночь, возвращаясь домой, на раба опираться; но слава
Гостю, который за чашей беседует мудро и тихо!

(Из Ксенофана Колофонского)

А. С. Пушкин «Подражание древним». Автограф. Воспроизводится впервые. «Из Ксенофана Колофонского».

2

Славная флейта, Ѳеонъ здѣсь лежитъ. Предводи-
тель хоровъ,
Старецъ ослѣпшій отъ лѣтъ, некогда Скирпалъ
родилъ
И, вдохновенный, нарекъ младенца Ѳеономъ.
За чашей
Сладостно Вакха и музъ славилъ прі-
ятный Ѳеонъ.
Славилъ и Ватала онъ, молодого красавца:
прохожій!
Мимо гробницы идя, вымолви:
здравствуй, Ѳеонъ.

А. С. Пушкин «Подражание древним». Автограф.
Воспроизводится впервые. «Из Афинея»

«Подражание древним.

1.

Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают;
Все уж увенчаны гости; иной обоняет, зажмурясь,
Ладана сладостный дым; другой открывает амфору,
Запах веселый вина разливая далече; сосуды
Светлой студеной воды, золотистые хлебы, янтарный
Мед и сыр молодой: все готово; весь убран цветами
Жертвенник. Хоры поют. Но в начале трапезы, о други,
Должно творить возлиянья, вещать благовещие речи,
Должно бессмертных молить, да сподобят нас чистой душою
Правду блюсти: ведь оно-ж и легче. Теперь мы приступим:
Каждый в меру свою напивайся. Беда не велика
В ночь, возвращаясь домой, на раба опираться; но слава
Гостю, который за чашей беседует мудро и тихо!
(Из Ксенофана Колофонского)»

На обороте листка, так же рукою Пушкина:

«2.

Славная флейта, Феон здесь лежит. Предводителя хоров
Старец, ослепший от лет, некогда Скирпал родил,
И, вдохновенный, нарек младенца Феоном. За чашей
Сладостно Вакха и муз славил приятный Феон.
Славил и Батала он, молодого красавца: прохожий!
Мимо гробницы спеша, вымолви: здравствуй, Феон!
(Из Афенея) 1832».

Автограф беловой, с единственной поправкой в первом стихотворении: в четвертой строке зачеркнуто слово «сосуд» и написано «сосуды». В Пушкинском Доме имеются черновые карандашные наброски обоих этих стихотворений из собраний Майкова. Напечатаны оба стихотворения впервые в журнале «Библиотека для чтения» (1834, т. 5, № 8, отд. I, стр. 20). Из какого источника почерпнул Пушкин, почти не разбиравший по-гречески, стихотворения греческих поэтов, неизвестно. С. А. Венгеров делает предположение, что источник был французский. Белинский чрезвычайно высоко оценил эти стихотворения Пушкина, сказав, что от них так и «веет античным духом»[3].

Трудно переоценить тот интерес, который представляет найденный автограф поэта. Следует сказать, что сам

Пушкин относился к рукописям писателей с величайшим вниманием. В своем журнале «Современник» он писал: «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были ничто иное, как отрывок из расходной тетради или записки к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначащие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов»... Пушкин написал это, держа в руках автографы французского вольнодумца Вольтера, и вряд ли в то время думал, что каждая строчка, начертанная его собственной рукой, станет для русских людей еще более значительной и драгоценной.

Подаренный Пушкиным сто двадцать пять лет назад артисту эстрады Александру Ваттемару автограф этот прошел длинный и сложный путь. Был в Париже, вернулся обратно в Россию, побывал у художника Вакселя, собирателя Келлера, долго хранился у одного московского букиниста, побывал в собрании еще одного художника и вот опять пришел к артисту эстрады, уже другому.

Место автографу, конечно, в Пушкинском Доме. Туда он, вне всякого сомнения, и попадет.

Как говорится: «Ветер возвращается на круги своя...»

* * *

Несколько подробностей о Ваттемаре.

Приезд этого артиста в Россию в 1832—1834 гг. привлек всеобщее внимание. Кроме цитированной выше статьи о Ваттемаре в «Художественной газете», несколько рецензий на его выступления появилось в «Северной пчеле»[9]. Ничего нового к уже рассказанному мною эти рецензии не добавляют. Много позже в газете «Новое время» М. Пыляев поместил статью «Былые оригиналы», в которой посвятил Ваттемару такие строчки:

«Много чудесного в народе рассказывали про одного наезжавшего в Петербург иностранца француза-чревовещателя. Про него говорили, что он раз довел будочника, стоявшего на часах у будки до того, что он стал ломать будку алебардой, полагая, что в углу скрывается нечистый. В другой раз он довел бабу, несшую в охапке дрова, до полного отчаяния, разговаривая с ней из каждого полена»[10].

Все это, возможно, уже просто анекдоты, но само появление их говорит о широкой популярности Ваттемара.

Кроме А. С. Пушкина, с артистом познакомился и ряд других крупнейших писателей того времени. В дневнике поэта Ивана Козлова есть такая запись от 31 мая 1834 года (на французском языке):

«Были Жуковский и господин Александр, который поражает нас своим исключительным талантом. Что было особенно удивительно — это охотник, который ищет другого, а этот будит жену: ребенок плачет. Различные голоса четырех лиц и лай собак были переданы в совершенстве. Затем он изменил облик, голос, и вот еще одна сцена: пьяный лорд у очага. Это был прелестный и интересный вечер. Потом мы беседовали. Я написал ему стихи...»

Эти стихи Ивана Козлова, посвященные Ваттемару, удалось разыскать в «Северной пчеле» (№ 171, 1834 г.):

«К господину Александру.

Весь мир дивит твой дар чудесный
И чародея мне ль хвалить?
Но я могу ли позабыть,
Как ты, явясь в приют мой тесный,
Меня радушно веселил,
И хоть от мрака вечной ночи
Тебя мои не зрели очи,
Ты слух внимательный дивил:
Как два охотника кричали,
Собаки лаяли, визжали,
Как мужем вдруг пробуждена
Шумела сонная жена
И как младенец их единый
Заплакал на груди родимой.
Все было чудо, и тебя
За то хвалить не в силах я.
Но как беседуя со мною,
Ты часто увлекал меня
Высокой, ясною душою,
С каким приветом каждый раз
Твои глубокие признанья,
Забавный, умный твой рассказ
Мои лелеяли мечтанья —
Бесценной дружбою твоей
Пребудет в памяти моей

Иван Козлов».

Подпись поэта напечатана по-французски. Автограф стихотворения был подарен Ваттемару и позднее был напечатан в его «Всемирном альбоме».

SOUS LE PATRONAGE DE S. A. R. MGR LE PRINCE ROYAL DE PRUSSE.

ALBUM COSMOPOLITE,

OU

CHOIX DES COLLECTIONS DE M. ALEXANDRE VATTEMARE,

COMPOSÉ DE SUJETS HISTORIQUES ET RELIGIEUX,

PAYSAGES, MARINES, INTÉRIEURS, COSTUMES ET SCÈNES DE MOEURS, FLEURS, MÉDAILLES, PORTRAITS, MANUSCRITS, VITRAUX, ETC.

ANGLETERRE, AUTRICHE, BAVIÈRE, BELGIQUE, CASSEL, DUSSELDORF, FRANCE, PAYS-BAS, PRUSSE, RUSSIE, SAXE, SUISSE, ETC.

Accompagné de textes et Fac-simile d'autographes

DESSINÉS ET LITHOGRAPHIÉS PAR LES PLUS HABILES ARTISTES,

ET PUBLIÉ SOUS LA DIRECTION

DE M. P. HENRICHS,

DÉDIÉ AUX ARTISTES DE TOUS LES PAYS.

83. «Всемирный альбом» А. Ваттемара (Париж, 1837). Титульный лист.

Любопытно, что Я. Грот, перепечатавший приводимое здесь стихотворение Ивана Козлова из «Северной пчелы», первоначально указал, что оно обращено к... Александру Пушкину. Свою ошибку Я. Грот сам же исправил на основе цитированного выше дневника поэта Козлова [11].

Во «Всемирном альбоме» Ваттемара напечатано также весьма интересное письмо к артисту В. А. Жуковского. Как мне кажется, в России оно еще напечатано не было, и я, ввиду чрезвычайной редкости ваттемаровского альбома, решаюсь привести его текст. Письмо на французском языке, привожу его в переводе:

«Так как я вынужден сегодня уйти пораньше, спешу об этом Вас предупредить, чтобы Вам не пришлось напрасно ко мне подниматься. К тому же, чтобы я мог принять Вас, нужно выждать пока я найду другое помещение, так как моя комната слишком мала, чтобы вместить одновременно офицера, которому повезло, унылого слугу, страдающего водянкой охотника, пьющего доктора, маленькую горбунью, юную красавицу, которая уже не такова, надоедалу, полдюжины собак, пилу, рубанок и тысячи других одушевленных и неодушевленных предметов. Что касается лично Вас, любезнейший господин Александр, Вы всегда желанный

гость. Прошу Вас навестить меня в ближайшее воскресенье в 10 часов утра».

Письмо датировано 23 мая (месяц указан неразборчиво, возможно, июня) 1834 года. Кстати, по этому письму Жуковского становится ясным написанное Пушкиным Ваттемару изречение из евангелия «Имя ваше легион — так как вас много». Пушкин намекал на множество образов, представляемых Ваттемаром на сцене.

В том же «Всемирном альбоме» Ваттемара напечатано и письмо к нему великого баснописца И. А. Крылова. Иван Андреевич пишет: «Желаю Вам всякого благополучия, любезный Александр; я не говорю о славе — вы ею богаты. Прошу иногда вспомнить человека, который удивлялся Вашему таланту и любовался им. Желание и стремление сердца, чтобы Вам опять приехать охотно в Россию, где, хотя по словам злословия живут варвары, но умеют чувствовать прекрасное и отдавать ему справедливость. Ив. Крылов.»

Автограф этого письма Крылова не найден. В Пушкинском Доме имеется только печатное факсимиле из ваттемаровского «Всемирного альбома» [12].

Полный экземпляр «Всемирного альбома» А. Ваттемара мне удалось посмотреть только в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Точное его наименование (в переводе с французского) таково: «Всемирный альбом, или избранное из собраний г. Александра Ваттемара. Составлено из исторических сюжетов, пейзажей, бытовых сцен, морских видов и т. д. Оригинальные рисунки виднейших художников Европы. Сопровождено текстами и факсимиле автографов государей, ученых, писателей и т. д. Напечатано под руководством М. Б. Гейнрихса. Париж 1837» [13].

По принятой Александром Ваттемаром манере, каждое воспроизведение рисунка или факсимиле в его «Всемирном альбоме» сопровождалось небольшой заметкой об их авторах. В частности, при автографе А. С. Пушкина (евангельском изречении) напечатано следующее:

«Газеты сообщили о смерти несчастного Пушкина, стихи которого в России повторяют так же, как немцы распевают песни Шиллера, а венецианские гондольеры — строфы Тассо. Пушкин был не меньшей величины поэтом, чем они. «Цыганы», «Онегин», «Дон-Жуан», «Борис Годунов», «Кавказский пленник», «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан» и многие другие произведения поставили его в ряд самых знаменитых писателей его вре-

мени. «Кавказский пленник», которого он сочинил в дни своих странствий, является дидактической поэмой. В ней изображены живописные места Крыма (автор путает Крым с Кавказом.— Н. С.-С.). В «Цыганах» он с увлекающим очарованием описал нравы этого народа-кочевника. Но среди его наиболее ценимых произведений прекрасная трагедия «Борис Годунов» справедливо считается его высшим достижением. Пушкинский гений и чистота его стиля создали русскую литературу. Но, являясь образцом, он стоит слишком высоко, чтобы можно было с легкостью ему подражать. Его мать была дочерью арабского принца, любимца Петра Первого, и поэт, как говорят, сохранял еще в своем облике черты своего происхождения. Питомец Санкт-петербургского лицея, где он получил либеральное воспитание, он, в силу своей экзальтированности, рано пришел к руководству демократической партии (переведено дословно. Надо, по-видимому, понимать, что Пушкин стал близок с руководителями демократической партии, т. е. декабристами.— Н. С.-С.). Его первые стихи были откровенно революционны и повлекли за собой ссылку в Бессарабию, а потом на Кавказ. Он снова вошел в милость с воцарением имп. Николая, который дал ему придворное звание и поручил написать историю Петра Великого. «Я больше не популярен»,— говорил он с тех пор. (Тоже переведено дословно. Имеется в виду боязнь Пушкина потерять в народе имя революционно настроенного поэта.— Н. С.-С.). Но европейская известность его имени и его творений вполне стоила популярности, которая его так пленяла. Злополучная дуэль, в которой он пал в возрасте 38 лет, была для России одним из наиболее достойных сожаления событий».

Заметка эта кажется мне весьма интересной. На революционность и близость Пушкина к декабристам в те годы не часто намекали даже и в зарубежной печати. В силу редкости ваттемаровского альбома не убежден, что содержание этой заметки известно всем пушкинистам.

Помимо дважды выпущенного «Всемирного альбома», Александром Ваттемаром издан ряд работ на французском и английском языках. Эти работы посвящены, главным образом системе международного обмена предметами искусства, литературы и науки.

В примечаниях к этому рассказу читатель найдет относительно полную библиографию работ Александра Ваттемара по вопросу о международном книгообмене, помогающую дорисовать облик этого интересного человека [14].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Загорский, М. Пушкин и театр. М.-Л., «Искусство», 1940, стр. 272.

2. «Русский архив», 1902, т. 1, стр. 71.

3. «Русская старина», 1880, № 5, стр. 95. Сведения о том, из какой главы евангелия взято это изречение, расходятся со сведениями других источников, напр. «Рукою Пушкина», стр. 637.

4. «Рукою Пушкина». М.-Л., «Academia», 1935, стр. 637. Там же указаны источники сведений о Ваттемаре. Ранее этого и более точно они указаны в сборнике: Пушкин. Статьи и материалы. Одесса, 1925, стр. 46 — примечания, сост. М. П. Алексеевым.

5. «Художественная газета, издаваемая Нестором Кукольником». Спб., 1837, т. 1, стр. 233.

6. Альбом пушкинской юбилейной выставки в Академии наук. 1899. М., изд. К. А. Фишера, 1899. Фото на стр. 68, текст — № 83. Автограф воспроизведен не с подлинника, а с факсимиле из «Всемирного альбома» Ваттемара, 2-е изд.

7. «Русская старина», 1880, № 9, стр. 221.

8. Пушкин, А. С. Сочинения. Изд. Брокгауза под ред. Венгерова, т. 6, стр. 434.

9. «Северная пчела», 1834, №№ 129 и 146; 1835, № 219.

10. «Новое время», 1896, № 2397.

11. Дневник Козлова в «Известиях Отд. рус. яз. и слов. имп. Акад. наук», 1906, т. XI, кн. 1, стр. 219. Ошибочное сообщение Грота — там же, 1904, т. IX, кн. 2, стр. 80.

12. Крылов, И. А. Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1946, стр. 360 и 579.

13. Размер альбома ин-фолио. В нем 100 листов. Выходил он тетрадями в 1837—1843 годах и стоил по подписке 150 и 240 франков, в зависимости от сорта бумаги. В 1844—1849 годах было выпущено второе издание альбома, также тетрадями. Вышедшие тетради образовали два тома, размером в четверку и стоили 54 и 72 франка, также в зависимости от качества бумаги. В двух томах помещено 82 рисунка и 112 автографов. Есть основания думать, что во втором издании помещено факсимиле пушкинского автографа, находящегося у меня: «Чистый лоснится пол...» К сожалению, видеть 2-е издание ваттемаровского альбома мне не удалось. В справочнике Ж. Грессе «Сокровище редких и драгоценных книг» (т. 7, Приложение, Дрезден, 1869, стр. 21) альбом Ваттемара уже числился среди библиографических редкостей.

14. Список работ Александра Ваттемара (кроме «Всемирного альбома»):

1) Петиция к палатам о принятии закона, разрешающего учреждение всеобщей системы обмена дублетами книг и предметов искусства, находящихся в частных собраниях, в музеях и в библиотеках королевства, с такого же рода учреждениями, существующими в различных государствах Европы. Париж, тип. Крапелэ, 1835. 16 стр.— На франц. яз.

2) Прошение Александра Ваттемара о том, чтобы Сенат принял немедленные меры по закону.., утвердившему обмен дублетами библиотеки Конгресса. 15 июня 1840 г. Вашингтон, тип. Блэр и Ривз, 1846. 46 стр. — На англ яз.

3) Международный обмен. Протокол собрания граждан Соединенных штатов в Париже, в Королевском Атенее, 27 марта 1843 г. Включает обращение о литературном обмене, недавно установленном между Францией и Соединенными штатами, составленное А. Ваттемаром. Париж, тип. Винебон, 1843, 28 стр.— На англ. яз.

4) Ход международного литературного обмена между Францией и Северной Америкой, с января 1945 до мая 1846 г. С наставлениями по собиранию, препарированию и пересылке предметов естественной истории... и инструкцией, относящейся к антропологии и зоологии, сост. г. Исидором Жофруа де Сент-Илэром. Париж, тип. П. Дюпона, 1846, 46 стр.— На англ. яз.

5) Записка Александра Ваттемара, гражданина Франции, по поводу его плана международного книжного и научного обмена. 9 февраля 1848 г. Доложено Комитету по делам Библиотеки. [Вашингтон, тип. Типин и Стрипе, 1848]. 29 стр.— На англ. яз.

6) Доклад Александра Ваттемара Объединенному комитету по делам Библиотеки по вопросу о международном обмене. 29 сентября 1850. [Вашингтон], 1850. 137 стр.— На англ. яз.

7) Международный обмен. Прошение Александра Ваттемара по вопросу о системе международного обмена. 11 авг. 1848. Вашингтон, тип. Типин и Стрипе, [1848]. 64 стр.— На англ. яз.

8) Доклад о международном обмене. Александра Ваттемара. Вашингтон, тип. И. и Г. Гидсон, 1848. 29 стр.— На англ. яз.

9) Послание губернатора [штата Нью-Йорк] с препровождением доклада г. Александра Ваттемара по вопросу о международном обмене. [Олбэни, 1849]. 71 стр.— На англ. яз.

10) Международный обмен. Приложение к докладу г. Александра Ваттемара. Париж, 16 ноября 1851 г. [Париж, тип. П. Дюпона, 1851], 28 стр.— На англ. яз.

Источники:

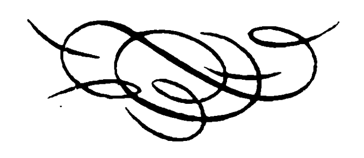
1) Каталог книг библиотеки Конгресса. Т. 156. Мичиган, 1946, стр. 166—167.— На англ. яз.

2) Керар, И.-М. Литературная Франция, или библиографический словарь ученых... Т. X. Париж, 1839, стр. 69 — На франц. яз.

3) Каталог Отдела эстампов Гос. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.

4) Всеобщий каталог французской книготорговли за 25 лет (1840—1865), составленный В. Лоренцом, издателем. Т. I. Париж, 1867, стр. 21.— На франц. яз.

Список работ А. Ваттемара составлен по моей просьбе Ю. С. Перцовичем. Им же сделаны переводы заглавий на русский язык.

«Я ПОМНЮ ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ...»

Старейшая детская писательница М. В. Алтаева-Ямщикова (псевдоним Ал. Алтаев) выпустила в 1955 году интересную книгу воспоминаний [1]. В главе «Однажды субботним вечером...» она рассказывает о далеких днях своего детства и об одной из «суббот» у ее отца, артиста и режиссера В. Д. Рокотова, потомка знаменитого русского портретиста 18-го века Федора Рокотова. Семья Рокотовых по имению издавна соседствовала с семьей Пушкиных.

«Субботы» отца писательницы были обычными артистическими вечеринками. Собирались близкие люди, артисты, писатели, художники. Между прочим, семью В. Д. Рокотова считал своей семьей крестный отец писательницы художник А. А. Агин, творец непревзойденных иллюстраций к гоголевским «Мертвым душам».

Гости и хозяева пели, читали, рисовали, шутили... Автор вспоминает момент, когда тенор Ф. П. Комиссаржевский, отец драматической актрисы Веры Федоровны Комиссаржевской, встал к роялю и запел романс Глинки на слова Пушкина:

«Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты».

Несмотря на желание певца (ниже будет ясно, почему) придать несколько иронический характер своему исполнению, бессмертные слова и музыка захватили присутствующих.

Среди них, здесь же, где-то в уголке, сидела чуточку чудаковатая, немного смешная, старенькая женщина, и по морщинистым щекам ее текли слезы... Она не замечала иронически-подчеркнутого обращения к ней певца, не замечала вообще ничего. Слушала, восторженно улыбалась и плакала...

Это была Анна Петровна Керн, которой в 1825 году влюбленный в нее Пушкин посвятил свои гениальные строки:

«Я помню чудное мгновенье...»

Об увлечении Пушкина Анной Петровной Керн написано много, и нет нужды подробно повторять общеизвестные факты. А. П. Керн родилась в 1800 году и умерла почти 80-летней старушкой. Жизнь ее сложилась невесело. Отданная родителями еще молодой девушкой замуж за старика-генерала Е. Ф. Керн, участника войны 1812 года, грубого и неумного солдафона, Анна Петровна возненавидела своего мужа. С Пушкиным она впервые встретилась у своих родичей Олениных в Петербурге в 1819 году. Молодой Пушкин влюбился в юную красавицу, но та на него не обратила никакого внимания. Вторая встреча произошла через шесть лет, в конце июня 1825 года, в Тригорском.

Об этом А. П. Керн в своих воспоминаниях рассказывает:

«Мы сидели за обедом и смеялись... вдруг вошел Пушкин с большой, толстой палкой в руках... Тетушка, подле которой я сидела, мне его представила. Он очень низко поклонился, но не сказал ни слова: робость была видна в его движениях. Я тоже не нашлась ему сказать, и мы не

J'ai relu votre lettre en long et en large et
je dis : милая ! прелесть ! divine !..
puis : ah, мерзкая ! — Pardon, belle
et douce ; mais c'est comme ça. Il n'y a
pas de doute que vous êtes divine, mais quel-
quefois vous n'avez pas le sens commun ; par-
don encore une fois et consolez vous, car
vous n'en êtes que plus jolie. Par ex.
que voulez vous dire avec ce cachet qui
doit vous <u>convenir et vous plaire</u> (l'heureux
cachet !) et dont vous me demandez le su-
jet ? à moins qu'il n'y ait là un sous
entendu, je ne conçois pas ce que vous
désirez. me demandez vous une devise ?
ça serait tout-à-fait à la Netty. allons,
gardez toujours le не скоро а здорово, pourvu
que cela ne soit pas la devise de votre
voyage à Trigorsky — et parlons d'autre
chose. Vous me dites que je ne connais
pas votre caractère. que m'importe votre
caractère ? je m'en moque pas mal...

А. С. Пушкин.
Письмо к А. П. Керн от 14 августа 1825 г. Автограф, стр. 1

est-ce que les jolies femmes doivent avoir
un caractère? l'essentiel ce sont les yeux
les dents, les mains et les pieds — (j'y au-
rais joint le cœur, mais votre cousine a
trop usé ce mot.) vous dites qu'il est
facile de vous connaître; vous vouliez
dire de vous aimer? je suis assez de votre
avis, et j'en suis même la preuve — je
me suis conduit avec vous comme un
enfant de 14 ans — c'est indigne — mais
depuis que je ne vous vois plus je reprends
peu à peu l'ascendant que j'avais
perdu, et je m'en sers pour vous gronder.
Si jamais nous nous reverrons, promettez-
moi. . . . — Non, je ne veux pas de vos
promesses; et puis une lettre est si froide
une prière par poste n'a ni force ni é-
-motion, et un refus n'a ni grâce,
ni volupté. au revoir donc et parlons
d'autre chose. Comment va la goutte
de Mr votre époux? j'espère qu'il
en a eu une bonne attaque le surlendemain
de votre arrivée. [illegible]

А. С. Пушкин.
Письмо к А. П. Керн от 14 августа 1825 г. Автограф, стр. 2

Savez-vous quelle aversion mêlée de respect je res-
sens pour cet homme! Divine, au nom
du ciel, faites qu'il joue et qu'il ait la
goutte, la goutte! c'est ma seule espérance.
En relisant encore votre lettre, j'y trouve
un terrible *si* que je n'avais pas remarqué
d'abord. *Si ma cousine reste je viendrai cet*
automne etc — au nom du ciel, qu'elle
reste donc! tâchez de l'amuser, rien de plus
facile; ordonnez à quelque officier de votre
garnison d'être amoureux d'elle, et quand
il sera temps de partir, ennuyez-la en lui
enlevant son soupirant; rien encore de
plus facile. Ne lui montrez pas cela au
moins: par entêtement elle est capable
de faire tout le contraire de ce qu'il faut.
Que fait votre cousin? mandez-
le moi, mais franchement. Envoyez-le bien
vite à son université, je ne sais pourquoi
je n'aime pas plus ces étudiants que
ne le fait Mr Kern. C'est un bien digne
homme que Mr K., un homme sage, pru-
dent etc; il n'a qu'un seul défaut. —

А. С. Пушкин.
Письмо к А. П. Керн от 14 августа 1825 г. Автограф, стр. 3

c'est celui d'être votre mari. comment peut-
-on être votre mari? c'est ce dont je ne
puis me faire une idée, non plus que du
paradis —

Ceci était écrit hier. aujourd'hui, jour
de poste, je ne sais pourquoi je m'étais mis
en tête de recevoir une lettre de vous. cela n'a
pas eu lieu et je suis d'une humeur de
chien le plus injustement du monde,
j'aurais dû être reconnaissant pour
la fois passée, je le sais; mais que vou-
-lez vous? je vous supplie, Divine —
compatissez à ma faiblesse, écrivez moi
aimez moi et je tâcherai alors d'être
aimable. adieu, j'aime [illegible]. 14 août

А. С. Пушкин.
Письмо к А. П. Керн от 14 августа 1825 г. Автограф, стр. 4

скоро ознакомились и заговорили. Да и трудно было с ним вдруг сблизиться: он был очень неровен в обращении,— то шумно весел, то грустен, то робок, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен,— и нельзя было угадать, в каком он будет расположении духа через минуту»[2].

Прошло три или четыре недели. Влюбленный поэт явно не нашел верного тона, и, несмотря на ответную заинтересованность Анны Петровны, решающего объяснения между ними не было.

Между тем, тетушка Анны Петровны — П. А. Осипова, с тревогой следившая за развитием романа, поспешила увезти «от греха» племянницу в Ригу. О расставании с Пушкиным Анна Петровна вспоминала: «Он (Пушкин) пришел утром и на прощанье принес мне экземпляр 2-й главы «Онегина», в неразрезанных листах, между которыми я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами:

«Я помню чудное мгновенье...»

Когда я собралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилу выпросила я их опять; что у него промелькнуло тогда в голове,— не знаю. Стихи эти я сообщила тогда барону Дельвигу, который их поместил в своих «Северных цветах». Мих. Ив. Глинка сделал на них прекрасную музыку и оставил их у себя»[3].

Увлечение Пушкина нашло свое отражение в переписке поэта с Анной Петровной. Переписка началась письмом поэта в Ригу от 25-го июля того же 1825 года. Оно начинается словами: «Я имел слабость просить позволения писать к вам, а вы — легкомыслие или кокетство — дать мне это позволение»[4].

Анна Петровна незамедлила ответом, который вызвал новое письмо Пушкина. Всего поэт написал шесть или семь писем. Судьба одного из них Б. Л. Модзалевским, посвятившим отношениям Пушкина с Керн отдельную работу, не совсем ясно определена. Помимо этих шести или семи писем было еще одно «коллективное» письмо, в котором находилась восхитительная приписка Пушкина в адрес Керн, подписанная «Яблочный пирог». На этом, собственно, вся переписка поэта с пленившей его Керн закончилась, если не считать позднейших трех или четырех полуделовых записок, не имеющих существенного значения. Переписка оборвалась 8-го декабря 1825 года, и

главнейшей причиной надо считать последовавшее вскоре восстание декабристов, причинившее немалые волнения поэту.

После Пушкин неоднократно встречался с Керн, между ними возникли и более близкие отношения, но подлинная весна любви уже окончилась. Немногим позже их пути разошлись совершенно.

Анна Петровна Керн долго хранила письма поэта. В 1859 году она решилась опубликовать их вместе со своими воспоминаниями в журнале «Библиотека для чтения»[5].

А. П. Керн была в дружественных отношениях с поэтами А. А. Дельвигом, Д. В. Веневитиновым, с братом Пушкина Львом и многими другими знакомыми и друзьями Александра Сергеевича. Из «Воспоминаний» ясно, что еще до встречи в Тригорском Пушкин и Керн уже хорошо знали друг друга по переписке Керн с А. Н. Вульф, которой пользовались Керн и Пушкин для выражения своих взаимных симпатий, а также по переписке Пушкина с А. Г. Родзянкой,— и здесь на первом плане опять-таки стояла Керн.

Этим, конечно, и объясняется то, что уже первые личные письма к Анне Петровне, написанные поэтом после свидания в Тригорском, полны очаровательной фривольности, остроумных шуток и блестящих сравнений.

Если мы обязаны Анне Петровне Керн как женщине, вдохновившей Пушкина на одно из самых замечательных своих лирических стихотворений «Я помню чудное мгновенье», то ей же мы обязаны и сохранением писем к ней великого поэта, являющихся, едва ли не самыми блестящими образцами его эпистолярного наследия.

Б. Л. Модзалевский в своей работе «Анна Петровна Керн» приводит такой отзыв о посвященном ей стихотворении Пушкина:

«Я помню чудное мгновенье» — одно из гениальнейших стихотворений Пушкина, изумительно прекрасное по музыкальности стиха, по изяществу формы, по глубине содержания, возвышенности и искренности чувства... «Я помню чудное мгновенье» может выдержать любое сравнение. Это такой дивный гимн в честь возрождающего и облагораживающего влияния одухотворенной красоты, которым могла бы гордиться любая литература.

Своим «Посланием к А. П. Керн» Пушкин обессмертил ее так же, как Петрарка обессмертил Лауру, а Данте — Беатриче»[6].

О письмах Пушкина к А. П. Керн Б. Л. Модзалевский цитирует высказывание В. Я. Стоюнина: «Прочитав его письма, каждый скажет, что их пишет не только влюбленный до безумия человек, но и человек необыкновенный. Тут раскрывается вся душа его, как и у всякого в порыве страсти. Все вообще его приятельские письма отличаются необыкновенным остроумием, неожиданными оборотами речи, шутливым тоном, даже и тогда, когда кажется совсем бы не до шуток; но в письмах к любимой женщине все это еще усиливается, а между тем здесь слышатся и бешеная любовь, и нежность, и опасения, и подозрения, и ревность,— и ничего нет натянутого, фальшивого, придуманного» [7].

Не будем анализировать, почему любовь Пушкина к Керн оказалась всего лишь «чудным мгновеньем», о чем он пророчески провозгласил в посвященных ей стихах. Была ли повинна в этом сама Анна Петровна, виноват ли поэт или какие-то внешние обстоятельства — всему этому, повторяю, отведено не мало строк в специальных исследованиях.

Темой настоящего рассказа служит судьба писем Пушкина к Керн, которые она опубликовала в своих воспоминаниях. Проследим за ними поподробнее.

Опубликовав находящиеся у нее шесть писем поэта и одно коллективное, с припиской к ней Пушкина (подпись «Яблочный пирог»), Анна Петровна в 1870 году, уже в возрасте семидесяти лет, продала их редактору журнала «Русская старина» М. И. Семевскому.

В продаже не было коммерческой заинтересованности. Анна Петровна получила от М. И. Семевского всего по пяти рублей за каждое письмо. Надо думать, что чувствуя в эти годы приближение неизбежного конца, Керн больше думала о лучшем устройстве дорогих ее сердцу реликвий, тем более, что просвещенный редактор-издатель «Русской старины» пообещал (и выполнил свое обещание) еще раз опубликовать их [8].

В преклонные годы Керн необычайно дорожила прошлым и не прочь была занять внимание собеседников рассказами о Пушкине. Письма его она носила постоянно в сумочке, часто их показывала, почему все эти, дошедшие до нас драгоценные документы, имеют несколько «усталый», по сравнению с другими рукописями Пушкина, вид.

Редактор «Русской старины» бережно хранил эти письма в своей коллекции до самой своей смерти в 1892 году. Дальнейшая судьба писем Пушкина к Керн казалась

неизвестной, кроме одного, самого первого письма от 25-го июля 1825 года, начинающегося словами, уже процитированными выше. Это письмо от Семевского попало в коллекцию В. И. Яковлева и в 1917 году поступило в Пушкинский Дом.

Так, по крайней мере, утверждал Б. Л. Модзалевский, выпустивший в 1926 году первый том писем Пушкина. В этот том вошли все опубликованные Керн и Семевским шесть писем Пушкина. В примечаниях ко всем письмам, кроме первого, находящегося в Пушкинском Доме, Б. Л. Модзалевский дал одинаковое указание:

«Подлинник был у М. И. Семевского — нам остался недоступен»[9].

Этим он, кстати, исправлял свою же ошибку, допущенную им в брокгаузовском издании сочинений Пушкина, где указывал, что еще одно из писем находится якобы в Публичной библиотеке. Это было не точно.

Через два года, в 1928 году, под редакцией Б. Л. Модзалевского вышел второй том писем Пушкина. В этом томе Модзалевский дал дополнительные примечания к предыдущему первому тому, в которых указал на изменение в судьбе всех писем Пушкина к Керн, кроме одного. Новое примечание к ним гласило: «Подлинник ныне в Пушкинском Доме»[10].

Действительно, примерно с 1923 года, письма Пушкина к Керн, проданные наследниками М. И. Семевского, появились на антикварном рынке. Осенью 1926 года, с помощью старейшего ленинградского книгопродавца-антиквара Ф. Г. Шилова, они нашли приют в Пушкинском Доме. Все, кроме одного письма от 14-го августа, письма самого большого и, как мне кажется, самого интересного по содержанию.

Судьба этого письма оказалась особой. Его приобрел некий И. С., насколько я знаю, — деятель кооперации. В тридцатых годах он купил для пополнения библиотеки своего учреждения целый сарай книг. Это была, буквально, «книжная каша», по внешнему виду годная разве лишь для растопки.

Сарай надо было срочно освободить, и, не знавший, как приступить к этому, И. С. обратился за помощью к моему другу Алексею Григорьевичу Миронову, ныне уже пенсионеру, а тогда считавшемуся «королем» антикварно-книгопродавческого дела. После Павла Петровича Шибанова я не назову никого, кто бы так знал и любил редкие книги, как русские, так и иностранные. До сих пор Але-

ксей Григорьевич служит живой энциклопедией книжного дела. К нему часто обращаются за разного рода справками сотрудники музеев и библиотек. Собирая книги в своей библиотеке, я весьма и весьма обязан его бескорыстной, дружеской помощи.

Работа, которую ему предложили, была «адова». Книги надо было разобрать, кое-что пополнить (тогда еще была эта возможность), другими словами, превратить «кашу» в библиотеку.

— Алексей Григорьевич! — молил владелец.— Тут сам чёрт ногу сломает! Книги-то хорошие,— когда-то принадлежали Клейнмихелю, но их грузили чуть ли не лопатами. Кто ж кроме тебя разберется — что есть, чего нету? А может быть, все — утиль?

Алексей Григорьевич посмотрел, поворошил книги, подумал и сказал:

— Утиль не утиль, но работы, действительно, много... По виду есть и замечательные книги — надо спасать.

Больше месяца, работая вечерами и в выходные дни на трескучем морозе, в нетопленном сарае, Алексей Григорьевич «колдовал над кашей», отогреваясь неимоверным количеством чая.

Когда работа была окончена, владелец ахнул. На стеллажах стояла, вытянувшись в стройные комплекты, готовая к перевозке, весьма ценная библиотека по вопросам истории и права.

— Ну, Алексей Григорьевич,— говорил восхищенный кооператор,— если бы не ты, с меня бы голову сняли. Рассчитываться буду с тобой сам лично, и не бойся, не деньгами! Знаю, что деньгами такую работу не оплатить... А вот, довелось мне сделать находку: купил я в Ленинграде какое-то письмо, говорят Пушкина. Мне оно ни к чему, а ты это дело любишь — владей! Специально и покупал для тебя...

Расстались А. Г. Миронов и кооператор весьма довольные друг другом.

Много лет после этого А. Г. Миронов считал себя счастливейшим из смертных, любуясь и изучая каждую букву письма поэта. И какого письма! По словам Б. Л. Модзалевского, «это полное движения письмо писано в ту пору, когда поэт был занят вопросом о бегстве за границу, озабочен денежными своими делами и изданием своих сочинений,— в пору, когда всем существом своим он рвался из заточения и видел всю тщетность своих надежд на скорое освобождение»[11].

Письмо написано на четырех страницах листа бумаги т. н. «контокорентного» размера (25 × 20 см), чернилами, по-французски. Несколько слов, вроде: «милая», «прелесть», «ах, мерзкая», «не скоро, а здорово», «дайте ручку» — по-русски. Письмо вложено в папку с печатной надписью:

«По редакции журнала «Русская старина» — М. И. Семевский». На папке рукой Семевского написано: «Письмо А. С. Пушкина к Анне Петровне Керн 14-го августа 1825 года. Напечатано в «Русской старине» изд. 1879 г. (ноябрь) том XXVI, стр. 506—509».

Полное факсимиле письма печатается в этой моей книге впервые.

А вот его перевод:

«Перечитываю Ваше письмо вдоль и поперек и говорю: милая! прелесть! божественная! а потом, ах, мерзкая! Простите, прекрасная и нежная, но это так! Нет никакого сомнения в том, что Вы божественны, но иногда в Вас решительно нет здравого смысла; еще раз простите и утешьтесь, ибо от этого Вы еще прелестнее. Например, что хотите Вы сказать, говоря о печатке, которая должна для Вас подходить и Вам нравиться (счастливая печатка!), и о разъяснении значения которой Вы спрашиваете меня? Если только тут нет какого-либо скрытого смысла, я решительно не догадываюсь, чего Вы желаете? Или Вы просите меня придумать девиз? Это было бы совершенно в духе Нетти. Пусть будет так, сохраняйте по-прежнему девиз: «не скоро, а здорово», лишь бы это не было девизом для вашего путешествия в Тригорское,— и поговорим о другом. Вы говорите, что я не знаю Вашего характера. А какое мне до него дело? — Очень я о нем думаю! Разве у хорошеньких женщин должен быть характер? Самое главное — глаза, зубы, ручки и ножки (прибавил бы: и сердце, но ваша кузина очень уж затаскала это слово). Вы говорите, что Вас легко узнать,— Вы хотели сказать, полюбить. С этим я весьма согласен и даже сам служу тому доказательством: я вел себя с Вами, как 14-летний мальчик — это не достойно, но с тех пор, что я более не вижу Вас, понемногу возвращаю себе утраченное превосходство над Вами и пользуюсь этим, чтобы побранить Вас. Если мы когда-нибудь снова увидимся, обещайте мне... Нет, не хочу я Ваших обещаний; да кроме того, письма — нечто такое холодное: в просьбе, переданной по почте, нет ни силы, ни волнения, а в отказе — ни грации, ни сладострастия. И так, до свиданья и поговорим о другом. Что

подагра Вашего супруга? Надеюсь, что у него был славный припадок на другой день после Вашего приезда. По делом ему! Если бы Вы знали, какое отвращение, смешанное с почтением, чувствую я к этому человеку! Божественная, ради бога, постарайтесь, чтобы он играл в карты и чтобы у него была подагра! В этом моя единственная надежда! — Перечитывая еще раз Ваше письмо, я нахожу в нем ужасное если, которого сначала я не заметил: если моя кузина останется, то этой осенью я приеду и проч. Ради бога, пусть же она останется! Постарайтесь развлекать ее,— ведь ничего нет легче: прикажите какому-нибудь офицеру Вашего гарнизона влюбиться в нее и, когда придет время ей ехать, досадите ей, отбив у нее вздыхателя: это еще того легче. Только не показывайте ей этого,— а то она из упрямства способна сделать противоположное тому, что нужно. Что делаете Вы с Вашим кузеном? Отвечайте мне, но откровенно. Отошлите-ка его поскорее в его университет; не знаю почему, но я этих студентов люблю не больше, чем любит их г-н Керн. Достойнейший человек этот г. Керн, степенный, благоразумный и т. д.,— один только в нем недостаток,— это, что он Ваш муж. Как можно быть Вашим мужем? Об этом я не могу составить себе представления, точно так же, как о рае.

Это все было написано вчера. Сегодня почтовый день, и, не знаю почему, я вбил себе в голову, что получу от Вас письмо. Этого не случилось, и я в самом собачьем настроении духа, хотя это уже совершенно несправедливо: я должен быть благодарным за прошлый раз, знаю; но что Вы хотите? Умоляю вас, божественная, выкажите сострадание к моей слабости, пишите мне, любите меня,— и тогда я постараюсь быть любезным. Прощайте, дайте ручку.

14-го августа».

Таково содержание этого письма.

Много лет я завидовал А. Г. Миронову, имевшему удовольствие держать его в руках, читать и перечитывать. Я очень хотел иметь письмо в своем собрании, но заранее знал безуспешность своих попыток им завладеть. Искреннюю любовь своего друга ко всему пушкинскому я знал отлично, так же, как сам он знал Пушкина, его эпоху, его соратников, его друзей...

Пробовал я оказывать Алексею Григорьевичу кое-какие дружеские услуги, но за них он всегда щедро и очень обязательно рассчитывался услугами же по книжной линии, причем никак не меньшими.

Откровенно говоря, дело это казалось мне безнадежным. Но тут наступил один памятный день. Мне присвоили высокое звание народного артиста. Одним из первых пришел поздравить меня Алексей Григорьевич. Торжественно и в то же время немного печально он сказал:

— Ну вот — дружим мы с тобой много лет... Что же, поздравляю. Держи! — и протянул мне заветное письмо Пушкина.

Помню, что я пытался что-то такое говорить, возражать, отказываться. Помню, сорвал со стены какую-то картину и отдавал ее ответным подарком... Но все это уже наше, личное, не для рассказа. На мой вопрос — как же он решился на такую жертву? — друг мой ответил:

— Да ведь у меня только одно это письмо и было. А у тебя уже собирается коллекция!.. Так что — одно к одному... В руки отдаю хорошие... Напишешь о письме рассказ...

Вот это я и сделал. Хорошо или плохо — не мне судить.

* *
*

Несколько слов о дальнейшей судьбе Анны Петровны Керн. Как я уже и говорил, умерла она в Москве, в глубокой старости. Второе ее замужество за А. В. Марковым-Виноградским можно даже назвать счастливым, хотя муж и был на двадцать лет ее моложе.

Он обожал Анну Петровну и окружил ее вниманием и заботами. Жили они безбедно, хотя и скромно. Единственным недостатком Анны Петровны, по-прежнему, была ее слабость поговорить о прошлом, о любви к ней великого поэта... Но муж сам любил Пушкина и охотно прощал жене ее бесконечные воспоминания.

Я еще застал хорошо знавшего Анну Петровну Керн старейшего артиста московского Малого театра — Осипа Андреевича Правдина, ныне покойного. Осип Андреевич бывал у меня и не раз рассказывал об Анне Петровне.

— Я уже не застал в Анне Петровне,— говорил Осип Андреевич,— даже и тени былой красоты. Было немного страшно смотреть на эту древнюю старушку, которая когда-то явилась Пушкину как «гений чистой красоты». Анна Петровна пережила свое время. Годы не украшают жизни...

Кстати, Осип Андреевич печатно потом развеял легенду, которая, с легкой руки редактора «Русского Архива» П. И. Бартенева, гласила, что будто бы «гроб

Керн повстречался с памятником Пушкину, который ввозили в Москву». На самом деле это был похожий, но совсем иной случай. Вот как рассказывал о нем О. А. Правдин:

«Года за два до смерти, Анна Петровна сильно захворала, так что за ней усилили уход и оберегали от всего, что могло бы ее встревожить. Это было, кажется, в мае. Был очень жаркий день, все окна были настежь. Я шел к Виноградским. Дойдя до их дома, я был поражен необычайно шумливой толпой. Шестнадцать крепких битюгов, запряженных по четыре в ряд, цугом, везли какую-то колесную платформу, на которой была помещена громадная, необычайной величины гранитная глыба, которая застряла и не двигалась. Эта глыба была пьедесталом памятника Пушкину. Наконец среди шума и гама, удалось-таки сдвинуть колесницу, и она направилась к Страстному».

«Больная так же встревожилась,— рассказывал дальше Осип Андреевич,— стала расспрашивать, и когда, после настойчивых ее требований (ее боялись взволновать), ей сказали в чем дело, она успокоилась, облегченно вздохнула и сказала с блаженной улыбкой: «А, наконец-то! Ну, слава богу, давно пора!»[12].

Анна Петровна умерла за год до торжественного открытия памятника поэту, которого она вдохновила на создание бессмертного стихотворения «Я помню чудное мгновенье...»

Сохраним к этому «гению чистой красоты» благодарную память.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алтаев, Ал. Памятные встречи. Москва, «Сов. писатель», 1955, стр. 16.

2. Выдержки из воспоминаний А. П. Керн цитируются здесь и дальше по книге: Модзалевский, Б. Л. Анна Петровна Керн. По материалам Пушкинского Дома. Л., изд. М. и С. Сабашниковых, 1924. Эту цитату — см. стр. 53.

В дальнейшем название этого источника упоминается сокращенно: Модзалевский, Керн.

3. Модзалевский, Керн, стр. 56. Дельвиг, с разрешения Пушкина, напечатал стихотворение в «Северных цветах» на 1827 год, стр. 341.

4. Переводы писем Пушкина к Керн (они написаны по-французски) цитируются по книгам: Пушкин. Письма. Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.-Л. Т. I. 1926; т. II. 1928; т. III. (изд. «Academia» под ред. Л. Б. Модзалевского) 1935. В дальнейшем источник указывается сокращенно: Пушкин, Письма. Цитируемое письмо — см. т. I, стр. 471, № 157.

5. «Библиотека для чтения», 1859, т. 154, март, стр. 111-144.

6. Модзалевский, Керн, стр. 84.

7. Модзалевский, Керн, стр. 85.

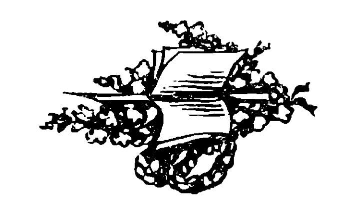
8. См. «Русская старина», 1879, т. XXVI, октябрь, стр. 291 и далее.

9. Пушкин, Письма, т. I. См. примеч. к №№ 157, 170, 173, 175, 181 и 192.

10. Пушкин, Письма, т. II — «Дополнения и поправки к тексту и примечаниям т. I-го», стр. 501. №№ указаны в предыдущем примечании.

11. Модзалевский, Керн, стр. 66-67.

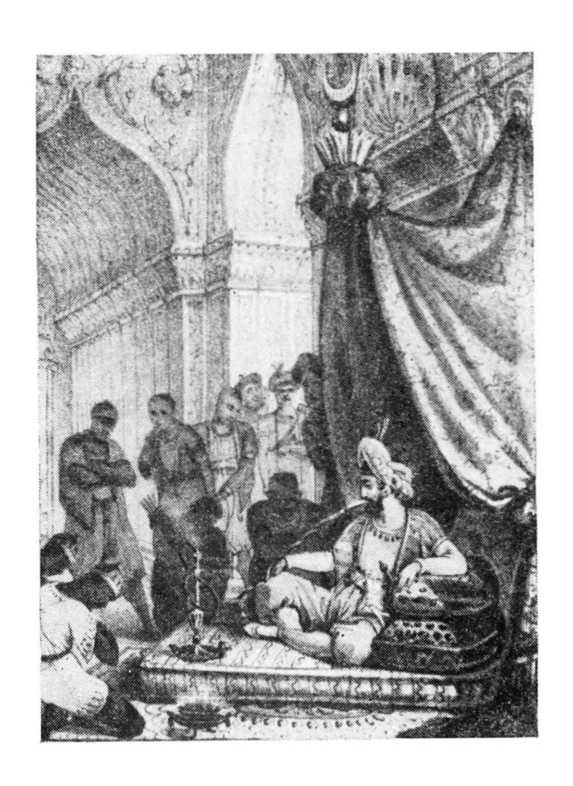
12. Цитирую рассказ по перепечатке, сделанной в книге: Модзалевский, Керн, стр. 122. Почти слово в слово О. А. Правдин говорил это и на специально устроенном вечере в Артистическом кружке, в Москве.

«АЛЬБОМ ТВОРЦА ТАТЬЯНЫ»

Число произведений Пушкина, вышедших при его жизни с иллюстрациями, было крайне невелико. Вот перечень этих иллюстраций: одна чудесная гравюра М. Иванова, сделанная по рисунку И. Иванова с монограммой «А. О.» (Оленина), приложенная к первому изданию «Руслана и Людмилы» 1820 года и четыре очаровательных гравюры С. Галактионова, рисованные им же, к «Бахчисарайскому фонтану». Они появились почти одновременно в 1827 году во втором издании этого произведения, вышедшем отдельно, и в «Невском альманахе» Егора Аладьина.

Если к этому добавить портрет Пугачева, снимок с его печати, а также несколько факсимиле, приложенных к «Истории Пугачевского бунта», изданной в 1834 году, да два-три портрета самого Пушкина — это все, что так или

84. Иллюстрация из парижского издания перевода «Бахчисарайского фонтана» А. С. Пушкина на французский язык. (1826 г.)

иначе иллюстрировало отдельные издания поэта при его жизни. Столь же не богат список иллюстраций к пушкинским произведениям, напечатанным в альманахах его времени. Помимо уже указанного повторения четырех галактионовских гравюр к «Бахчисарайскому фонтану» в «Невском альманахе», это — одна гравюра к «Кавказскому пленнику» (рис. И. Иванов, гравировал С. Галактионов), помещенная в «Полярной Звезде» А. Бестужева и К. Рылеева на 1824 год, одна гравюра к «Братьям разбойникам» (рис. И. Иванов, гравировал С. Галактионов) в «Полярной звезде», вышедшей в следующем 1825 году, одна гравюра к «Борису Годунову» (рисовал и гравировал С. Галактионов) в «Невском альманахе» на 1828 год и шесть гравюр в том же альманахе на 1829 год к «Евгению Онегину».

85. Иллюстрация из парижского издания перевода «Бахчисарайского фонтана» А. С. Пушкина на французский язык. (1826 г.)

Последние рисовал художник А. Нотбек, а гравировали Ческий, Гейтман, Галактионов, Збруев, М. Иванов. Иллюстрации выполнены художником весьма средне, и сам Пушкин, как известно, отозвался о них насмешливыми эпиграммами.

Список этот завершает гравюра в «Новосельи» А. Смирдина 1833 года к «Домику в Коломне»: рисунок «Кухарка бреется» был исполнен художником Александром Брюлловым, а гравировал его Ческий.

Вот и все, что увидел сам Пушкин из иллюстраций к своим бессмертным творениям [1].

Несомненная бедность этого списка достаточно объяснена и в биографиях А. С. Пушкина и в истории русской иллюстрации того времени.

В свете этого чрезвычайно любопытны три литографированные картинки к французскому переводу «Бахчисарайского фонтана», вышедшему отдельным изданием в Париже в 1826 году. Эти три литографии являются первыми по времени иллюстрациями к «Бахчисарайскому фонтану», так как упомянутые выше четыре гравюры Галактионова к тому же произведению вышли в свет годом позже.

Перевод «Бахчисарайского фонтана» на французский язык принадлежит французскому литератору Жану Мари Шопену, рисунки исполнены его братом — художником, а музыку к «Татарской песне», приложенной к книге на вкладном листе нот, написала жена переводчика [2].

Издана книжка великолепно. Оттиски литографий сочны, а на красивой печатной обложке дана изящная гравированная виньетка с изображением «Фонтана слез». Кстати, именно так — «La Fontaine des Pleurs», а не «Бахчисарайским фонтаном» назвал пушкинскую поэму переводчик. По словам французского же рецензента Геро (рецензия его была напечатана в парижском «Энциклопедическом обозрении» («Revue Encyclopedique») и полностью перепечатана в переводе в № 17 «Московского телеграфа» за 1826 год), переводчик вынужден был изменить заглавие, «боясь оскорбить татарским словом французскую привычку к сладкогласию».

Жан Мари Шопен служил несколько лет секретарем и библиотекарем у русского посла в Париже князя А. Б. Куракина. В 1812 году Шопен выехал вместе с Куракиным в Россию и только после смерти Куракина в 1818 году вернулся обратно во Францию.

В качестве «знатока русской жизни» Шопен написал несколько книг о России и, кроме того, собирался познакомить французов с лучшими образцами русской поэзии. Из пушкинских произведений в печати появился только «Бахчисарайский фонтан», хотя известно, что Шопен работал над переводами «Цыган», «Кавказского пленника» и «Евгения Онегина».

Шопеновский перевод «Бахчисарайского фонтана», по мнению исследователей французских переводов Пушкина, не принадлежит к удачным работам. Но это была первая попытка перевести произведения Пушкина на французский язык стихами. До Шопена существовали только прозаические переложения [3].

К концу тридцатых годов явно руссофильская деятельность Жан Мари Шопена стала необычайно полезна пра-

86. Онегин. Иллюстрация П. Соколова к «Евгению Онегину». Воспроизводится с оригинала.

вительству Николая I. Усиливавшаяся вражда Англии к России, вызванная осложнениями на севере Индии и в Персии и происходившая, по мнению Англии, якобы из-за происков русского царя в этих странах, породили в Париже своего рода «холодную войну» между русскими и англичанами за влияние на Францию.

По донесениям русского агента Третьего отделения, небезызвестного Якова Толстого, отметившего полезность деятельности Шопена, Николай I распорядился наградить его «перстнем ценою в тысячу двести рублей, как писателя, написавшего в хорошем духе работу о России».

К чести первого переводчика «Бахчисарайского фонтана» на французский язык, он в этих «работах о России» умел соблюсти некоторый декорум беспристрастного наблюдателя. Так, например, крепостное право в России он неизменно называл «темной стороной русской жизни».

Весьма возможно, что, не будь этого, Николай I преподнес бы ему перстень и в более дорогую цену.

«Бахчисарайский фонтан» в переводе Шопена сейчас является редчайшей книжкой среди всей прижизненной «пушкинианы». По-видимому, в Россию она попала в небольшом количестве экземпляров.

* *
*

Из более поздних иллюстраций к произведениям Пушкина наиболее значительными надо признать выполненные в 1855—1860 годы карандашные рисунки к «Евгению Онегину» художника Павла Петровича Соколова.

Рисунки Павла Соколова к «Евгению Онегину», в количестве 48, были мастерски исполнены свинцовым карандашом. Под ними, карандашом же, рукой художника был написан и весь текст «Евгения Онегина».

Годы выполнения рисунков были еще довольно близки к пушкинской эпохе, и можно поверить, что подлинниками «восхищались многие современники Пушкина и люди, близкие столь рано погибшему поэту». В кружке А. Хомякова Павла Соколова называли «творцом Татьяны», а ректор Академии художеств П. Клодт предлагал даже собственные средства на издание рисунков.

Издание, однако, не состоялось, так как весь альбом рисунков к «Евгению Онегину» пропал у художника при обстоятельствах, о которых я попытаюсь рассказать ниже.

Разыскать альбом удалось только в 1892 году издателю В. Г. Готье, который тут же поспешил издать его фото-

87. Татьяна. Иллюстрация художника П. Соколова к «Евгению Онегину». Воспроизводится с оригинала.

типическим способом. Альбом был напечатан в количестве 200 экземпляров (из них — 25 нумерованных, роскошных, на японской бумаге) и ныне, в свою очередь, стал редкостью.

Фототипии рисунков, выполненные К. А. Фишером в уменьшенном против оригиналов размере (с 33 × 22 до 23 × 15 сантиметров), даже и частично не передавали всей прелести подлинных рисунков. Однако альбом имел шумный успех, разошелся мгновенно, и достать экземпляр (у меня № 3 на японской бумаге) удалось с немалым трудом [4].

В предисловии к альбому издатель его В. Готье рассказывает, что подлинник «удалось открыть в библиотеке одной дамы, принадлежащей к высшему московскому обществу». Ни имени «дамы», ни обстоятельств, при которых попал к ней альбом, в предисловии не сообщается.

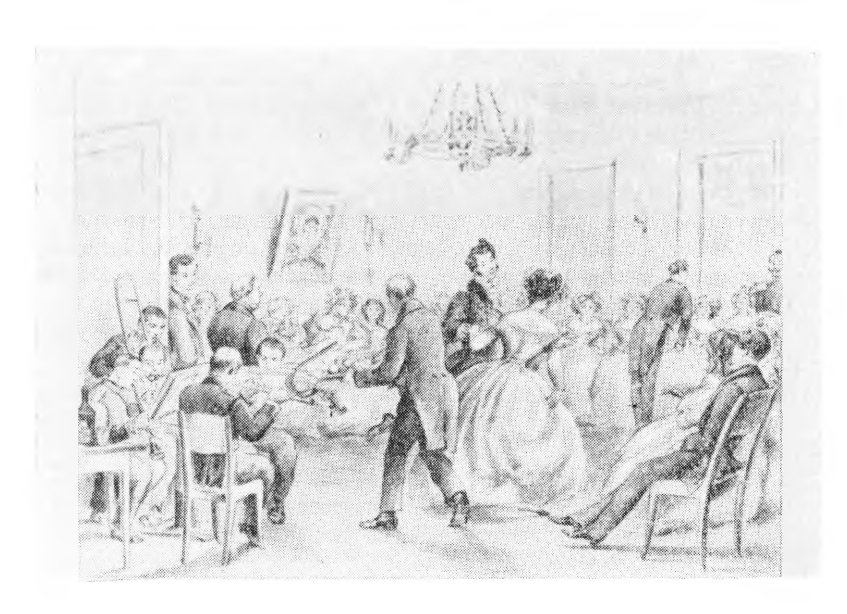
В своих воспоминаниях художник Павел Соколов писал: «Нужда не давала мне возможности сосредоточить все мои произведения в одном месте, или хранить их у себя. Тогда я продавал свои труды за бесценок, а многие пропали даром. Так, например, мои иллюстрации к «Евгению Онегину» я оставил в Москве у Булгакова (речь идет о Константине Булгакове, «гениальном повесе», как его называли в сороковых годах — Н. С.-С.), не желая везти их в Петербург. Булгаков умер, имущество его было описано и продано, в том числе были проданы и мои рисунки».

Автор воспоминаний тут же ставит сам под сомнение эту свою гипотезу: «Не могу утверждать,— пишет он,— но предполагаю, что Булгаков продал их еще при жизни, на что меня наводит письмо, полученное мною от Л. Майкова 4-го января 1894 (?) года, в котором он сообщает мне, что после долгих розысков он, наконец, узнал, где находятся рисунки к «Онегину». Они были куплены у Булгакова Дмитрием Аркадьевичем Столыпиным и подарены Марии Афанасьевне Катковой, урожденной Столыпиной, по первому браку — княгине Щербатовой, ныне жене Михаила Каткова, сына знаменитого Михаила Никифоровича» [5].

Академик Л. Н. Майков во всем этом был совершенно прав.

После долгих путешествий из рук в руки этот альбом подлинных иллюстраций Павла Соколова сейчас находится в моей библиотеке.

На листе форзаца имеется собственноручный экслибрис «дамы из высшего московского общества»: «Княгиня

88. Бал у Лариных. Иллюстрация П. Соколова к «Евгению Онегину». Воспроизводится с оригинала.

89. Дуэль. Иллюстрация П. Соколова к «Евгению Онегину». Воспроизводится с оригинала.

Мария Афанасьевна Щербатова, урожденная Столыпина». Далее, также собственноручная надпись Дмитрия Столыпина:

«Альбом этот продал мне Константин Булгаков за сто рублей. Несмотря на мое предложение, он не желал взять более, потому, что именно эту сумму заплатил художнику Павлу Соколову. Дмитрий Столыпин».

«Благородство» Булгакова, как мы теперь знаем, было весьма относительным. Он не заплатил Павлу Соколову даже и этих ста рублей.

Можно, кстати, подивиться и отсутствию щепетильности у представителей «высшего московского общества». Репутация Булгакова была всем достаточно известна, сам художник Павел Соколов был еще жив и тщетно разыскивал свои рисунки. А в это время представители знати — человек с громкой фамилией Столыпиных, дальний родственник (по бабке Арсеньевой) поэта Лермонтова, и «дама высшего общества» — ближайшая родственница хозяина «Московских ведомостей» М. Н. Каткова, за сто целковых покупают пятилетний труд живого художника и молчат!

Когда в 1892 году дотошный издатель Готье нашел этот альбом в библиотеке «дамы высшего общества», художник Павел Соколов тоже еще здравствовал. Волей-неволей, пришлось обратиться к нему, в то время уже академику, за разрешением на напечатание.

Художник согласился, но альбом, по-видимому, ему были вынуждены вернуть. По крайней мере, в книжной лавке, где мне его продали уже в наше время, заверяли, что он идет от наследников самого Павла Соколова.

Альбом чудесной сохранности. Переплетен в Париже, в оригинальный кожаный, с медными застежками, переплет. Рисунки нетронутой свежести. Отсутствует общий выходной лист, перепечатанный Готье, очевидно, со специально нарисованного Павлом Соколовым оригинала, и один рисунок, которого нет и в перепечатке Готье. О нем под подписью Дмитрия Столыпина на листе форзаца оригинала альбома есть его же приписка: «Лучшая из картинок «Письмо Татьяны» — осталась у Булгакова».

Любопытно, кому ее продал «гениальный повеса» сороковых годов? Много лет я безуспешно разыскиваю это «Письмо Татьяны».

Рисунки Павла Соколова на мотивы «Евгения Онегина», вне всякого сомнения, являются интереснейшими иллюстрациями к этому произведению. Сколько раз я

предлагал нашим издательствам сделать их перепечатку, но все как-то у работников издательств «не доходят руки». Жаль!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К этому можно добавить несколько лубочных народных картинок («Следствие порочной любви» 1832 г., «Талисман» 1833 г. и др.), а так же виньетки, украшавшие ноты со словами Пушкина.— См. «Русский библиофил», 1911, № 5, стр. 36.

2. La Fontaine des Pleurs, poème de M. Alexandre Pouschkine, traduit librement du russe par I. M. Shopin. Paris, 1826.

Фонтан слез. Поэма Александра Пушкина. Пер. с рус. Жан Мари Шопена. С прил. 3-х литогр. картинок. Париж, 1826. 8⁰. 3 литогр. картинки, 1 скл. лист нот, 40 стр., включая шмуцтитул и загл. л. В печатных обложках с виньеткой.

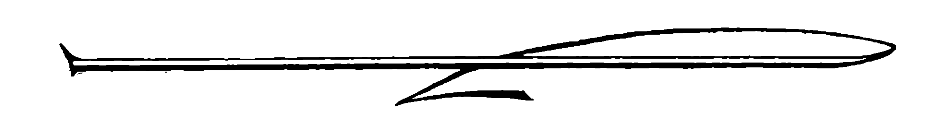
3. Шульц, В. А. С. Пушкин в переводе французских писателей.— «Древняя и новая Россия», 1880, № 6, стр. 308—310.

4. Иллюстрированный альбом к роману «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. 48 неизданных рисунков акад. Павла Петровича Соколова. 1855—1860. Фототипии К. А. Фишер. М., изд. В. Г. Готье, тип. А. Мамонтова. В лист. Загл. л., 2 нен. стр. (предисловие), 40 л. рис.

5. Соколов, П. Воспоминания. Л., 1930, стр. 112.— Автор писал воспоминания в глубокой старости и иногда путал имена и отчества. В приводимых цитатах эти ошибки исправлены.

Упоминаемый Дмитрий Аркадьевич Столыпин — не известный друг Лермонтова, а другой: сын двоюродного брата Столыпиных — Аркадия Дмитриевича Столыпина.

ПОРУБАННАЯ КНИГА ПУШКИНА

Цензурные мытарства с произведениями А. С. Пушкина начались, как известно, еще при его жизни. Как особую «милость» ему было объявлено, что все его сочинения будет цензуровать только сам царь Николай I.

В Пушкинском Доме Академии наук в Ленинграде мне довелось посмотреть (сознаюсь, что не без сердечного трепета!) беловую рукопись «Медного всадника» с помарками и купюрами, сделанными рукой царя. Это незабываемый документ!

На страницах, написанных рукой Пушкина (по-видимому, специально на сей случай разгонистым, нарочито разборчивым почерком), гуляет карандаш венценосного палача, безжалостно вычеркивающий отдельные слова, четверостишия, целые большие куски.

Каким надо было обладать чудовищным самомнением, уверенностью, что ты действительно какой-то «сверх-человек», «помазанник божий», чтобы позволить себе подоб-

ную вивесекцию над творением поэта, которого и тогда безоговорочно считали гением.

Потрясающее бесстыдство тупоголового, неумного, малообразованного солдафона чувствуется в каждом взмахе карандаша коронованного цензора. Когда видишь перечеркнутые им пушкинские строчки:

«И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфироносная вдова...»,

начинаешь понимать, что «помазанник божий» действовал не только как охранитель устоев самодержавия (что же в этих строчках опасного противоправительственного?); нет, он пытался учить Пушкина такту, прививать ему «вкус». Царь брал на себя роль не только цензора, но и литературного критика. Удивительная нелепость!

Однако подобная нелепость в отношении сочинений русского национального гения продолжалась почти до самой Октябрьской революции.

На разных этапах по-разному царская цензура коверкала, запрещала и сокращала произведения поэта.

Особым вниманием цензуры пользовались дешевые издания, предназначенные для народа. Помимо общей цензуры была создана еще цензура «педагогическая», которой подвергались уже напечатанные, прошедшие общую цензуру издания. При Ученом комитете Министерства народного просвещения был организован специальный «особый отдел», в чьи функции входило охранять народ от «тех немалочисленных изданий, которые имеют целью или могут расшатать умы и внести в них смуту в религиозном, политическом, социальном и нравственном отношении» [1].

Что именно считалось опасным в сочинениях Пушкина — можно узнать из сохранившегося в архиве «Отзыва» члена особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения А. Г. Филонова об изданной Ф. Ф. Павленковым «Иллюстрированной пушкинской библиотеке» (книжки 1-40) — 24 октября 1897 года [2].

Если бы это не было официальным документом и на нем не было бы резолюции товарища министра Н. М. Аничкова — «Согласен. 30-го ноября 1897 года», — все нижеперечисленные высказывания о сочинениях Пушкина можно было бы принять за пародию.

Трудно представить себе, чтобы человек, по-видимому, образованный, занимающий официальное положение в «ученых советах» мог бы сказать, например, о пушкинской поэме «Руслан и Людмила», что «в этой поэме много эротического, описывается баня, где хана моют девы молодые, описывается жестокая страсть и нежные затеи Киприды, а на страницах 76—77 опять представляется картина сладострастия».

И это о пушкинском «Руслане»! Именно в этой поэме господин Филонов нашел, что в ней еще «местами высказываются недобрые мысли», и в качестве примера приводит пушкинские строки:

«Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской верна.
Немножко ветренна... так что же?
Еще милее тем она».

И господин Филонов делает вывод, который следовало бы высечь на его памятнике: «Эта поэма не пригодна для народа».

О «Кавказском пленнике» Пушкина сей «ученый муж» пишет, что и «в этой поэме есть эротические места, но не столь соблазнительные, как в первой».

О «Бахчисарайском фонтане» Филонов отозвался кратко, сказав, что это сочинение Пушкина «и по эротическим местам и по отсутствию необходимых объяснений (на стр. 7 слово «шербет») — допустить нельзя».

Так же «допустить нельзя» оказалось и поэму Пушкина «Цыганы», потому что «здесь высказываются мысли односторонние. Например, на странице 8 Алеко говорит:

...В городах
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег и цепей».

Сказка Пушкина «О попе и работнике его балде» вызвала такое суждение Филонова: «Не следует, по нашему мнению, пускать в народ подобного рода сказки и тем усиливать не совсем благоприятное отношение народа к духовенству».

В идиотской оценке этой прелестной сказки Пушкина Филонов был не одинок. В 1902 году Цензурный комитет

запретил перевод этой сказки на татарский язык, сделанный Енакиевым. Цензура признала нежелательной и вредной тенденцией стремление «досужих татарских грамотеев» выбирать «для ознакомления своих единомышленников с русским народом и его литературой лишь то, что может доставить им лишний случай и материал злорадно посмеяться над русским человеком».

По мнению Филонова, нельзя допустить, оказалось, и «Повести Белкина», потому что, видите ли, «Гробовщик» производит тяжелое впечатление своими описаниями ужасов и пьянства», а «Выстрел» «непригоден для простого человека, ищущего в книге чего-нибудь полезного или наставительного».

В «Песнях западных славян» внимание Филонова остановили строчки Пушкина:

«Против солнышка луна не пригреет,
Против милой жена не утешит».

И Филонов пишет: «Подальше бы от народа издания, такими дурными мыслями исполненные.— Допустить нельзя!».

О «Евгении Онегине» член «особого отдела» Ученого комитета Министерства народного просвещения написал, что «роман этот для народа нельзя одобрить». В романе, оказывается, тоже «много эротических мест» и, кроме того, «мыслей много неудобных», например:

«Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей...»

Филонов вряд ли предполагал, что эта «неудобная мысль» касается и его самого: не презирать этого человека действительно трудно.

Своими резолюциями «нельзя допустить» он «украсил» и «Графа Нулина», и «Анджело» («В этой поэме много соблазнительного»), и «Каменного гостя», и «Русалку», в которой «мужчина сравнивается с петухом, а женщина с наседкой».

«Неудобными» были признаны «Моцарт и Сальери», «Дубровский», а в «Пиковой даме» Филонова особо возмущало, что «графиня стала раздеваться — а герой, тайком пробравшийся в ее кабинет, глядел в щелку...»

Трудно поверить, что пушкинский «Домик в Коломне» был одобрен Филоновым только потому, что «в этом игривом рассказе дается добрый совет»:

«Тогда блажен, кто крепко словом правит
И держит мысль на привязи свою».

Этого «умения держать мысль на привязи» господин Филонов не нашел в «Борисе Годунове», ни, тем более, в «Истории Пугачевского бунта»: оба этих произведения по его «просвещенному» мнению тоже оказалось «допустить нельзя».

Не хочется перечислять все анекдотические частичные «изъятия», которые рекомендовал Филонов сделать в остальных произведениях Пушкина. В своей совокупности высказывания Филонова напоминают гоголевские «Записки сумасшедшего».

В заключение, приведу только его суждения о «Письмах А. С. Пушкина», издания которых также были представлены на его рассмотрение и которые он также украсил резолюцией: «Допустить нельзя».

Свои обоснования к запрещению писем Филонов разбил на три раздела: 1. По ненадлежащему отношению поэта к религии, 2. По суровым отзывам о цензуре и 3. По резким отзывам о разных предметах.

Опуская филоновский «анализ» отношения поэта к религии и его «резких отзывов о разных предметах», стоит остановиться на отношении Пушкина к цензуре, возмутившем Филонова. Оказывается, Пушкин «называет цензуру своей «приятельницей», «голубушкой», признает цензуру «ужасно бестолковой», «очень глупой», пишет: «Признаюсь, что я думал увидеть знаки роковых ее когтей в других местах», «Я выбросил то, что цензура выбросила бы и без меня... не уступай этой суке... огрызайся за каждый стих», «Бируков и Красовский невтерпеж были глупы», «Богатая мысль напечатать Наполеона, да цензура-дура...»

Вряд ли думал поэт, когда писал о цензуре-дуре, что тоже самое он мог бы сказать о ней и в 1897—1902 годах. А, как видите, мог бы!

В архивах хранятся протоколы и доклады Филонова не только по поводу именно этого издания пушкинских сочинений. То же самое он изволил «начертать» и по поводу сытинского издания 1899 года, в котором Филонова возмутила даже и биография великого поэта.

Разумеется, и позже Филонова настороженность царской цензуры к сочинениям Пушкина не ослабевала.

Об одном из таких более поздних нападений цензуры на сочинения Пушкина делается попытка рассказать здесь.

В 1908 году издатель А. И. Маслов напечатал в Москве, в типографии А. Поплавского, небольшую книгу под названием: «А. С. Пушкин. Стихотворения, не изданные в России» [3].

В книге были напечатаны отрывки из «Гаврилиады», сказка «Царь Никита», «Андрей Шенье», ряд других стихотворений и эпиграмм, либо, действительно, вовсе не напечатанных в России, либо напечатанных в недоступных народу изданиях. Для искушенного читателя нового в книжке ничего не было. Издатель ее, по всей вероятности, еще помнил относительную «свободу печати» в период 1905—1906 гг. и наивно писал в своем предисловии: «При жизни самого поэта об опубликовании этих произведений не могло быть и речи. Это как нельзя лучше характеризует первую половину прошлого столетия — годы мрачной реакции и боязни всего светлого и живого».

Наивный, повторяю, издатель не рассчитал, что первые же годы нового столетия не только не уменьшили эту «боязнь светлого и живого», а наоборот — усилили. Перепуганные революцией 1905 года, царские чиновники начали усердствовать куда больше, чем их коллеги в первой половине прошлого столетия.

Весь напечатанный тираж книги был немедленно арестован еще в типографии, и специальным постановлением Совета министров было приказано уничтожить «крамольного Пушкина» [4].

Уничтожение «крамольных» книг делалось двояким способом: книга либо сжигалась в печах или на костре, либо уничтожалась путем переработки в бумажную массу. В последнем случае книга предварительно пускалась под нож типографской резальной машины и рубилась на три, на четыре части. В таком «порубанном» виде книга запечатывалась в мешки и отправлялась на бумажную фабрику для переварки.

Производилась вся эта процедура под неусыпным оком полиции, в присутствии специального «инспектора типографий» и некоторого количества городовых, зорко следящих, чтобы «крамольная» книга была уничтожена вся, без остатка.

Однако «остаток» всегда был, и вот почему в библиотеках любителей-собирателей, а также в государственных хранилищах, можно найти редчайшие экземпляры уцелевших от уничтожения казненных книг.

Как же образовывался этот «остаток», всегда, правда, из крайне незначительного количества экземпляров?

Во-первых, для этого существовал путь официальный. Уничтожалась книга или не уничтожалась, но 20—30 экземпляров ее всегда отсылалось в Главное управление по делам печати, из которых некоторую часть получали особые фонды государственных публичных библиотек в Петербурге и Москве, некоторые экземпляры забирали для личных собраний министры, крупные чины управления и т. д. Часть хранилась в архивах цензуры.

Был, однако, и другой путь спасения книг от костра или ножа палача, сохраняющий, разумеется, тоже лишь незначительное количество экземпляров. Эти экземпляры успевали спрятать за пазуху рабочие-типографщики, которые обязаны были под наблюдением чинов полиции уничтожать книги. Да и сами «чины полиции», зная, что за такую припрятанную книгу можно с любителей взять порой немалые деньги, не прочь были сунуть в портфель (а городовые — просто за голенище) один-два экземпляра «крамольной» книги.

Этим путем часть книг избегала казни и потом попадала в частные собрания. Конечно, такие книги очень редки.

До Октябрьской революции был собиратель С. Р. Минцлов, библиотека которого особенно славилась обилием экземпляров арестованных, уничтоженных и сожженных книг. В полиции у него были «свои люди», специально поставлявшие ему подобную литературу.

Любопытно, что С. Р. Минцлов сумел даже выпустить каталог таких запрещенных книг. Сделал он это довольно ловко. Он спросил в цензуре: могут ли в его каталоге фигурировать запрещенные книги? Ему ответили, что если такие издания в его библиотеке занимают случайное и незначительное место, то, пожалуй, их можно и поместить в каталоге.

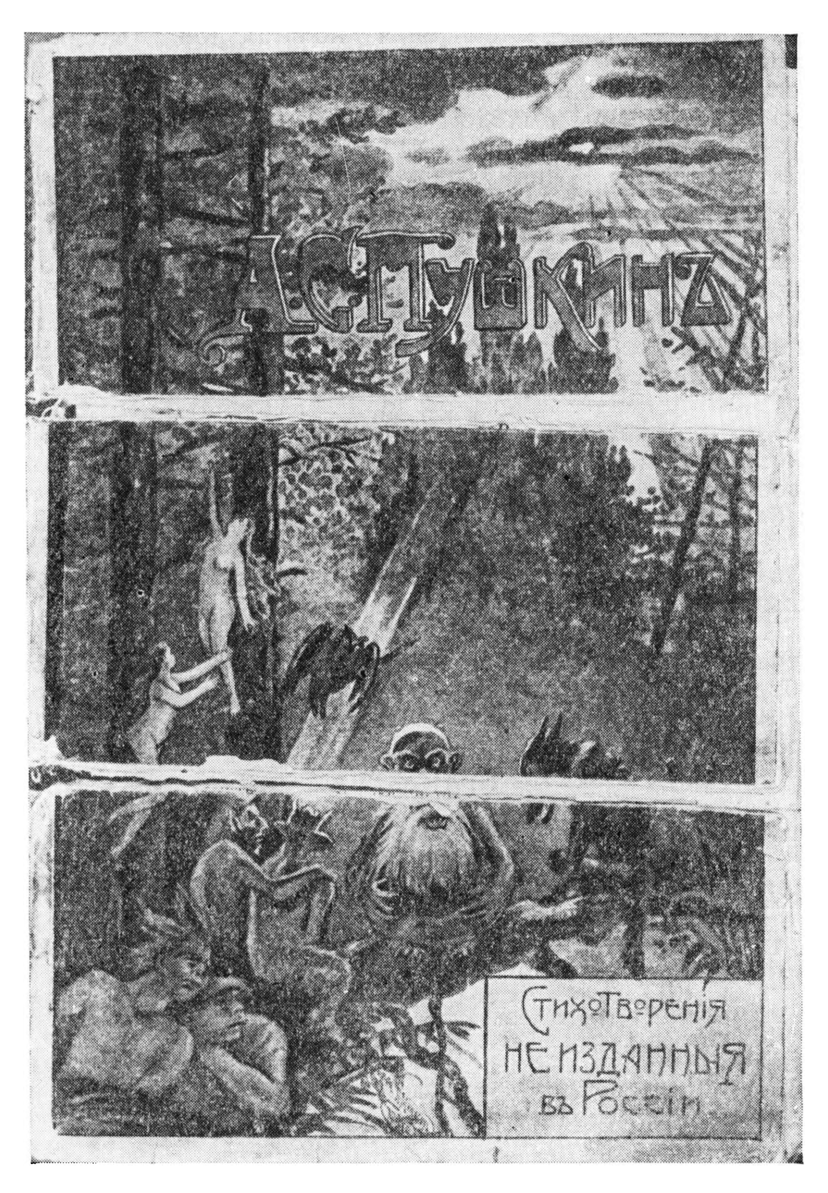
— А скажите,— спросил далее Минцлов: — я могу, после того, как каталог мой пройдет цензуру, что-нибудь в него вставить?

Ему ответили: — Боже вас сохрани!

— А что-нибудь из каталога выбросить?

— Это можно.

Минцлов так и поступил. Он представил в цензуру обширный каталог бывших и не бывших у него книг, среди которых арестованные издания занимали, действительно, лишь незначительную часть. Получив разрешение на напечатание такого каталога, он выбросил из него все, представленное лишь для обмана цензуры, а необходимый для

90. «Стихотворения А. С. Пушкина, не изданные в России» (1908 г.). Весь тираж был пущен под нож резальной машины.

каталога список имеющейся нелегальной литературы оставил. Таким образом и получился известный каталог запрещенных книг, в свое время вызывавший немалое удивление своим выходом в свет [5].

Возвращаясь к книге «А. С. Пушкин. Стихотворения, не изданные в России», надо сказать, что ей особенно не повезло. Не знаю, сколько экземпляров ее сохранилось на пути «официальном», но на втором, назовем его условно «любительском», пути, ее не сохранилось вовсе. То ли пристав, присутствовавший при «порубании» книги оказался более бдительным, чем другие, то ли по каким иным причинам, но только весь тираж, до последнего экземпляра, попал под нож резальной машины.

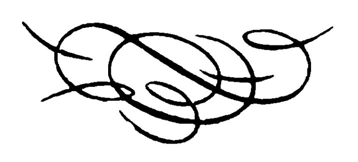
Самому владельцу типографии А. Поплавскому удалось выкрасть буквально единственный экземпляр и то не в целом, а уже в «порубанном» виде. Этот экземпляр, с весьма своеобразным экслибрисом А. Поплавского, попал ко мне в библиотеку.

Экземпляр разрублен поперек на три части, которые едва-едва скреплены между собой полосками клейкой бумаги. Экземпляр — своего рода уника.

При всем понимании дореволюционных условий книгопечатания, при самом холодном отношении к этой своеобразной казни, совершенной над книгой поэта, смотреть на «порубанную» палачами книгу Пушкина — очень тягостно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цитируется по статье Л. Полянской в журнале «Красный архив», 1937, № 1 (80), стр. 217, в сноске. Слова А. И. Георгиевского — руководителя Ученого комитета.
2. Этот «Отзыв» напечатан в том же журнале — см. стр. 220 и дальше.
3. Пушкин, А. С. Стихотворения, не изданные в России, М., тип. А. П. Поплавского. 8⁰. 118, 2 нен. стр. В литогр. красочной обложке. Цена 1 р. 50 к. (Б. г.)
4. См. «Указатель книгам и брошюрам, арест на которые утвержден судебными установлениями на 1 января 1911 года».
5. Книгохранилище С. Р. Минцлова. Спб., 1913.

«ИСТИННЫЙ ДРУГ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

Существует одна, в свое время очень распространенная, но вряд ли соответствующая истине, легенда. Когда граф А. Х. Бенкендорф, инициатор и создатель знаменитого «Третьего отделения собственной его величества канцелярии», или, проще говоря, пресловутой «охранки», вступал в должность верховного шефа этого малопочтенного учреждения, он спросил у Николая I:

«— Будут ли какие руководящие со стороны вашего величества инструкции для моей предстоящей деятельности?»

Николай I, державший в этот момент в руках носовой платок, будто бы протянул его удивленному генералу и ответил:

«— Вот тебе вся инструкция. Чем больше отрешь слез этим платком, тем вернее будешь служить моим целям»[1].

С такими якобы «высокогуманными» целями была создана подлейшая в мире организация, занимавшаяся до самых дней свержения самодержавия политическим сыском и шпионажем за гражданами Российской империи. Царская охранка не утирала слезы, а выжимала их, вместе с потом и кровью, у «верноподданных» российского самодержца.

Управляющим Третьим отделением и правой рукой Бенкендорфа был небезызвестный Максим Яковлевич Фон Фок, особенно прославившийся организацией слежки за А. С. Пушкиным.

Отдаваясь мерзкой своей профессии с любовью, даже со страстью, далеко не глупый и хорошо образованный, Фон Фок сумел, с помощью обширного штата шпионов, создать действенную агентурную разведку. Как известно, среди агентов Третьего отделения не последнюю роль играл увековеченный эпиграммами Пушкина Фаддей Булгарин.

Низкопоклонный подхалим, грубый льстец перед «власть имущими», шпион и доносчик Фаддей Булгарин был (вместе с Н. Гречем) редактором-издателем своеобразного официоза того времени — газеты «Северная пчела», полностью отражавшей дух и убеждения своего редактора.

Как-то раз, еще до событий 14-го декабря, поэт К. Ф. Рылеев, выведенный из себя пресмыкательством булгаринской газеты, крикнул ему в лицо:

«Когда случится революция, мы тебе на «Северной пчеле» голову отрубим!»[2].

Но революция «случилась» почти только через сто лет. Задолго до нее был казнен сам поэт-декабрист Рылеев, а провокатор Булгарин благополучно дожил до старости.

Разная судьба у людей, но и не одинаковую память о себе оставляют они потомству...

Имя Фаддея Булгарина, редактора-издателя «Северной пчелы», автора многочисленных романов и еще более многочисленных доносов в Третье отделение,— постыдное имя в истории русской литературы.

Редактор «Литературного наследства» И. С. Зильберштейн подарил мне первую часть (всего было четыре) исторического романа Фаддея Булгарина под названием «Дмитрий Самозванец». Книга вышла в начале 1830 года. Нет нужды говорить о содержании, достоинствах и недостатках очередного рукоделия Фаддея Венедиктовича. Не в них дело![3].

ДИМИТРІЙ
САМОЗВАНЕЦЪ,
ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ,
СОЧИНЕНІЕ
Ѳаддея Булгарина.

„Что зло сдѣнхъ, свидѣтельствуйте мн и не жалюся."
Софійскій Временникъ

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Александра Смирдина.
1830.

91 «Дмитрий Самозванец» Фаддея Булгарина. Титульный лист первого тома, изд. 1830 г.

Истинному другу человечества,
поборнику истины,
Доброму и благороднѣйшему
Максиму Яковлевичу
Фонъ Фоку.
отъ умѣющаго цѣнить его
и любящаго душевно
Автора.
16 февраля 1830
СПб

92. Дарственная надпись Ф. Булгарина — Фон Фоку на книге «Дмитрий Самозванец» 1830 г.

На листе форзаца книги, рукой автора начертано:

«Истинному другу человечества, поборнику истины, доброму и благороднейшему Максиму Яковлевичу Фон Фоку от умеющего ценить его и любящего душевно автора. 16 февраля 1830. Спб.».

Этот «истинный друг человечества» — директор канцелярии «охранки» Максим Яковлевич Фон Фок, по всей вероятности, был единственным, кроме самого Булгарина, кто не удивился обилию подхалимских эпитетов, обращенных к его имени автором книги.

Дело в том, что «поборник истины, добрый и благородный» Фон Фок вполне заслужил благодарность своего шпиона Булгарина. Он только что оказал ему немаловажную услугу, выручил его из беды и, кроме того, готовился оказать содействие в деле еще более важном. И то и другое было связано с выпуском в свет именно этого опуса Фаддея Венедиктовича — «Дмитрий Самозванец».

Завистливый к чужой литературной славе, Булгарин, накропав своего «Самозванца», был крайне обеспокоен растущим успехом вышедшего из печати исторического романа М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» и слухами о поданном уже в цензуру «Борисе Годунове» Пушкина.

Наглый, но трусливый Булгарин почувствовал, что между двумя такими явлениями в литературе его «Дмитрий Самозванец» будет раздавлен, как тля, и он решил «принять меры».

С «Юрием Милославским» он надеялся расправиться собственными средствами. В трех номерах «Северной пчелы» пером рецензента Очкина яростно поносили Загоскина и, в конце концов, даже написали: «Советуем ему (Загоскину — Н. С.-С.) не верить тем, которые станут в глаза хвалить и уверять, что он рожден для сочинений в сем роде. Советуем ему оставить историю и древности в покое и заняться сочинением романов из нынешнего дворянского, купеческого и более мужицкого быта, да попросить какого-нибудь семинариста выправлять его рукописи» [4].

Здесь Булгарин явно перегнул палку. В Петербурге было хорошо известно, что никто иной, как сам царь Николай I, в глаза хвалил и уверял М. Н. Загоскина, что «он рожден для сочинений вроде «Юрия Милославского».

Разъяренный непрошенной критикой своих действий, самодержец тут же приказал Бенкендорфу «унять Булгарина». Потребовалось все «мягкосердие» Фон Фока к своему агенту, чтобы отвести громы и молнии, готовые

93. Первое прижизненное издание «Бориса Годунова» А. С. Пушкина (Спб., 1831). Обложка.

обрушиться на голову Фаддея. Оба редактора «Северной пчелы» — Булгарин и Греч — отделались кратковременным арестом.

Много позже, когда на место Фон Фока в Третье отделение пришел Л. В. Дубельт, «лукавый генерал», как его называли, с Булгариным обращались проще. Презиравший собственных же агентов-доносчиков, Дубельт ставил порой нашкодившего Булгарина в угол носом, как школьника, и не шутя, как школьника же, грозил высечь.

Пока же «добрый и благороднейший» Фон Фок, по существу командовавший и ленивым до работы Бенкендорфом, делал всяческие послабления своему агенту, автору

«Дмитрия Самозванца». Выручив Булгарина из беды, Фон Фок решил оказать ему и более существенную поддержку, а именно — «попридержать» выпуск в свет пушкинского «Бориса Годунова» до тех пор, пока булгаринский «Самозванец» не разойдется среди читающей публики.

Ненавидевшие Пушкина Бенкендорф, Фон Фок и Булгарин наивно предполагали, что более поздний выход «Бориса Годунова» даст возможность обвинить поэта в «контрафакции», то есть в заимствовании у Булгарина.

«Борис Годунов» был задержан в цензуре до декабря 1830 года, но мера эта ожидаемых результатов, разумеется, не дала.

Воспроизводимый здесь форзац «Дмитрия Самозванца», с собственноручной надписью автора, еще раз свидетельствует о тесной связи, существовавшей между Булгариным и Третьим отделением, фактическим хозяином которого в то время был Максим Яковлевич Фон Фок, «истинный друг человечества»...

Разумеется, кроме задохнувшегося в припадке подхалимажа Фаддея Булгарина, так называть Фон Фока не мог никто. «Истинный друг человечества» в применении к начальнику «охранки» звучало столь же нелепо, как и удивлявшее Пушкина название: «Императорское человеколюбивое общество».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лемке, М. Николаевские жандармы и литература. Спб., 1909, стр. 17.

Он же. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX ст. Спб., 1904.

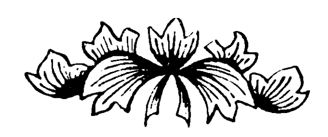
2. Он же. Николаевские жандармы и литература, стр. 235.

3. Булгарин, Ф. Дмитрий Самозванец. Исторический роман. Ч. I-IV. Спб., тип. А. Смирдина, 1830.

В 1 ч.— грав. загл. л. (без подп.), одна грав. карт. вне текста (рис. Зеленцов, грав. Галактионов), 302 стр. Во 2 ч.— грав. карт. вне текста (грав. Ческий), 301 стр. В 3 ч.— грав. карт. вне текста (грав. Галактионов), 362 стр. В 4 ч.— грав. карт. вне текста, 517 стр.

Роман был издан еще дважды: в том же 1831 году и в 1842 г. Некоторому его успеху способствовала беспардонная реклама, которую делал своему сочинению редактор «Северной пчелы».

4. «Северная пчела», 1830, № 9.

„КОЛПАЧОК"

Вслед за нашумевшим альманахом «Полярная звезда», изданным писателями-декабристами А. Бестужевым и К. Рылеевым в Петербурге в 1823—1825 годах, в Москве, почти один за другим, вышли четыре томика нового полужурнала-полуальманаха «Мнемозина» (1824—1825), находившегося в сфере той же декабристской идеологии[1].

Издателями «Мнемозины» были поэт-декабрист В. К. Кюхельбекер и В. Ф. Одоевский. Большую идейную и материальную поддержку издателям оказал А. С. Грибоедов, программным стихотворением которого «Давид» открывается стихотворная часть первого томика «Мнемозины». В альманахе приняли также участие А. С. Пушкин, Д. В. Давыдов, П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, Н. Ф. Павлов, Н. А. Полевой, С. П. Шевырев и другие.

В четвертой книжке появилось стихотворение поэта Н. М. Языкова, тогда еще молодого, но уже признанного выдающимся самим Пушкиным.

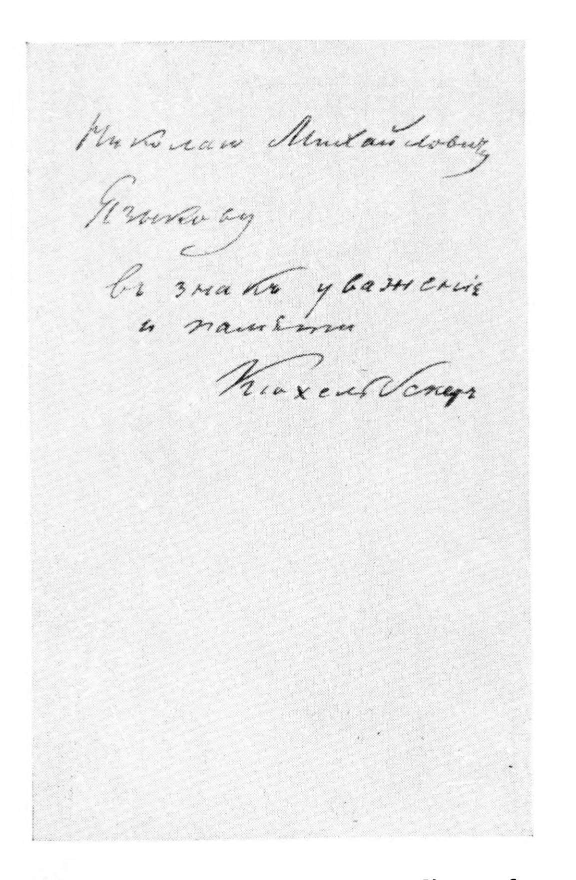
«Николаю Михайловичу Языкову в знак уважения и памяти — Кюхельбекер» — написано чернилами на оборотной стороне крышки картонажного издательского переплета первого томика «Мнемозины» из комплекта, находящегося в моей библиотеке. По-видимому, комплект этот был подарен Языкову Кюхельбекером на память, как одному из участников. Надо думать, что это было и своего рода «гонораром» за напечатанное Языковым в альманахе стихотворение.

Примечательно, что этот комплект альманаха отличается от обычных экземпляров тем, что все четыре томика отпечатаны на лучшей бумаге, переплетены в издательские печатные картонажи, с повторением рисунка фронтисписа, и украшены золотым обрезом. О существовании таких «особых» экземпляров было известно также из приписки к рецензии К. Рылеева на «Мнемозину», напечатанной в журнале «Благонамеренный». Приписка эта говорит: «Подписка на Мнемозину принимается в Москве, в театральной типографии г. Похорского и во всех московских книжных лавках. Цена за все четыре части на хорошей белой бумаге, напечатанные четкими литерами, с картинками, нотами и виньетами, в красивой картонной обертке и с золотым обрезом 30 рублей, а без золотого обреза — 25 рублей ассигнациями»[2]. Разумеется, такие экземпляры реже обычных.

Несмотря на недолгое существование, «Мнемозина» вызвала живейший интерес и шумную газетно-журнальную полемику. Незначительное число подписчиков на первую часть (157) быстро росло, и перед выпуском второй части Кюхельбекер был вынужден допечатать еще шестьсот экземпляров первой части, а последующие части сразу пускать в машину по тысяче двести экземпляров, по полному «заводу». Для своего времени такой тираж считался немалым.

Прогрессивная идеология писателей-декабристов, по разному выраженная в «Полярной звезде» и «Мнемозине», оставила заметный след в журналистике последующих лет. Значительный интерес представляла статья В. К. Кюхельбекера «О направлении в нашей поэзии». В ней он много писал о народной поэзии и рекомендовал обращаться к ней как «к вернейшему и чистейшему источнику для нашей словесности».

94. «Мнемозина», изд. В. Одоевским и В. Кюхельбекером в 1824—25 гг. Литографированный титульный лист.

95. Дарственная надпись В. Кюхельбекера — Н. Языкову на томике «Мнемозины»

В числе задач поэта он ставил не любование самим собою, своими скорбями и наслаждениями, а высокие гражданские чувства, призывал поэта быть «мечущим перунов в супостатов». Впрочем, в высказываниях обоих редакторов «Мнемозины» — В. Кюхельбекера и В. Одоевского — встречались порой и не очень четкие мысли. Как бы то ни было, впечатление, произведенное «Мнемозиной», было чрезвычайно яркое. Яростные нападки на нее «литературных и ученых староверов» доходили порой до непристойной брани[3]. Об этом позже вспоминал В. Одоевский: «Я и мои товарищи были в совершенном заблуждении. Мы воображали себя на тонких философских диспутах портика или академии, или, по крайней мере, в гостиной. В самом же деле — мы были в райке: вокруг пахнет салом и дегтем, говорят о ценах на севрюгу, бранятся, поглаживают нечистую бороду и засучивают рукава. А мы выдумывали вежливые насмешки, остроумные намеки, диалектические тонкости, ищем в Гомере или Вергилии самую жестокую эпиграмму против врагов наших, боимся расшевелить их деликатность... Легко было угадать следствие такого неравного боя»[4].

Несомненно, что события 14-го декабря и одиозность имени В. К. Кюхельбекера как «преступника» повлияли на то, что «Мнемозина» почти исчезла с книжного рынка. Комплекта ее позднее не было в таких обширных собраниях, как собрания Я. Ф. Березина-Ширяева, Л. И. Жевержеева, К. М. Соловьева и других. Реже других альманахов фигурировала «Мнемозина» в каталогах дореволюционных антикваров, в особенности в полном виде, со всеми картинками, нотами и прочими приложениями.

Попавший ко мне экземпляр, помимо автографа Кюхельбекера на первом томике, имел еще и «довесок» или, как говорили старые книгопродавцы-антиквары, «колпачок». Обычно такими «колпачками» служили, в сущности, произвольные вложения в продаваемую книгу либо оригинала напечатанного в ней рисунка, либо какого-нибудь письма или записки автора, редкой рецензии о книге и т. д.

В данном случае, в качестве такого «колпачка» в альманах было вложено собственноручное письмо В. Кюхельбекера к племяннице его Александре Григорьевне Глинке, дочери старшей сестры поэта Юстины Карловны (жены Григория Андреевича Глинки), известной своей верной дружбой с братом — декабристом.

Письмо датировано 13 ноября 1834 года и написано в Свеаборгской крепости. Там, в каземате, Кюхельбекер,

13. Н-бр.
1834.

Милый друг мой Саша! Ты трево-
жишься насчет моей хандры:
благодарю тебя, мой милый друг,
слава богу, я совершенно теперь
поправился; сочиняю, занимаюсь,
читаю — и вовсе не скучаю. Искренно
я доверяю Ему, как нечто
признательное к Милосердию
Господню, что и в самое
это унылое расположение
духа никогда не посещает
меня в глубокую осень или
при начале зимы [illegible].
Весною легче развлекаться, а
в Октябре, Ноябре etc. вероят-
но больше еще видимое
склонен одиночества; — я [illegible]
в собственном даже и бороться
с нею. — За ваши предупредительно
[illegible] письма очень
вам благодарен и целую ваши
ручки. — впрочем [illegible]
что и помню, [illegible]

96. *Письмо В. Кюхельбекера к племяннице А. Г. Глинке из Свеаборгской крепости 1834 г. Первая страница.*

после пребывания в Петропавловской, Шлиссельбургской и Динабургской крепостях, отбывал уже девятый год одиночного заключения. Письмо это до моей находки опубликовано не было, и я привожу его здесь целиком:

«13-го ноября 1834. Милый друг Саша. Ты тревожишься насчет моей хандры: благодарю тебя, мой милый друг; слава богу, я совершенно теперь поправился; сочиняю, занимаюсь, читаю — и вовсе не скучаю. Истинно я должен быть как нельзя признательнее к милосердию господню, что и самое это унылое расположение души никогда не посылается мне в глубокую осень или при начале зимы: летом, весною легче развлечься, а в октябре, ноябре etc., вероятно, болезнь еще бы долее меня одолевала; — я бы не был в состоянии даже и бороться с нею. За ваши предосторожности касательно писем очень вам благодарен и целую вам ручки. Впрочем верь мне, что и поныне, когда шутил с вами, так шутил искренне, от доброй души, а не прикидывался только веселым.

Душу радует живость, с какою говоришь ты о картине Брюло[5]. Да, друг мой! Вот так должно чувствовать прекрасное и такое участие зрителя или слушателя есть лучшая награда для художника. Терпеть не могу холодной хвалы; особенно ненавистно мне слово joli, когда говорится о предметах, которые или beaux (т. е. высоко-прекрасны), или никуда не годятся. Слава богу, вы, мои милые, живо чувствуете, вы не потому хвалите, что «ведь должно же похвалить», а потому, что прекрасный предмет вас сильно поражает. Говорю это не об одной тебе, как о Наташе: еще теперь с наслаждением вспоминаю, как хорошо, как естественно живо отзывалась она об игре одной отличной немецкой актрисы, которую она имела случай видеть и слышать.— Я, вероятно, никогда не увижу картины Брюло; но если с нее будет эстамп,— я бы желал его иметь; в библиотеке есть, правда, литографический очерк, но это ровно ничего не значит. Сам Брюло в Петербурге ли? Говоря о картинах, не могу не благодарить тебя душевно за Исакиевскую площадь, которой портрет служит виньеткой к письму твоему. Итак, церковь уже отделана?

Напрасно думаешь, что лишение бесед с сестрою хотя мало-мальски отравляет удовольствие, какое чувствую, зная, что она с матушкою, с вами. К таким лишениям я уже привык; честью уверяю тебя, что умею и могу радоваться и вчуже; впрочем, как мне назвать вас чужими? Не вы ли лучшая моя половина здесь на земле, т. е. луч-

шее, прекраснейшее, о чем дано мне думать и чувствовать? Таких родных, каковы наша Старушка, ваша Маминька, вы трое и, наконец, наша дорогая приезжая, бог не всякому дает. Я, точно, беспокоился, точно, отчасти по причине ожидаемого приезда сестры тосковал. Но осень, ветры, бури были причиной этой тоски. Теперь от сердца отлегло: я очень счастлив, что сестра приехала. Обнимаю и целую тебя, милая, добрая Саша!

Твой друг В. Кюхельбекер» [6].

Письмо написано чернилами на четырех страницах почтового листа. К «Мнемозине» оно, разумеется, никакого отношения не имеет. Просто так — «колпачок» — по содержанию печальный, но свидетельствующий о несломленном духе поэта-декабриста, размышляющего о вопросах искусства даже и в одиночном каземате крепости.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мнемозина. Собрание сочинений в стихах и прозе. Издаваемая кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером. Ч. I-IV. М., в тип. А. Похорского, 1824—1825 8⁰. В ч. 1 — иллюстрации: 1. Литографированный фронтиспис с лирой. 2. «Старики» — литогр. 3. «Сей череп вы примите..» — литогр.; 3 складн. л. нот, 199, 3 нен. стр.,— В ч. II — иллюстрации: 1. Фронтиспис тот же. 2. «Мария» — литогр.; 2 складн. л. нот; 185, 6 нен. стр. В ч. III — иллюстрации: 1. Фронтиспис — тот же. 2. Портрет Байрона — литогр.; 3 складн. л. нот; 199, 1 нен. стр.— В ч. IV — 2 складн. л. нот, 214 (ошиб. пагинация), XII, 2 нен. стр.

Примечание: Фронтиспис к четвертой части отсутствует. Также отсутствует картинка, о которой есть такое объяснение издателей: «Совсем отпечатанная картинка к сей части, по некоторым обстоятельствам должна была быть уничтожена, а другая в замену ее печатается и немедленно будет доставлена гг. подписчикам».

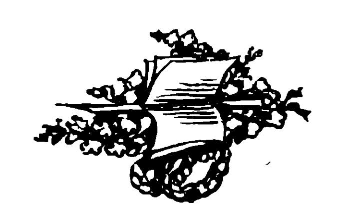
2. «Литературное наследство», т. 59, стр. 284.

3. Все подробности о «Мнемозине» — см. Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950, стр. 229.

4. Русский биографический словарь. Обольянинов-Очкин, стр. 134.

5. Речь идет о картине К. П. Брюллова «Гибель Помпеи».

6. Письмо опубликовано мною впервые в «Лит. наследстве», т. 58, стр. 1008.

ПОДАРОК ГОГОЛЯ

Комедия Гоголя «Ревизор» поставлена была впервые на сцене Александринского театра 19-го апреля 1836 года. В этот же день вышел впервые из типографии и печатный текст комедии в виде небольшой, весьма скромно оформленной книжки.

Изданием ее ведал школьный товарищ и друг Гоголя — Н. Я. Прокопович. В воспоминаниях П. В. Анненкова содержатся следующие строки: «По окончании спектакля Гоголь явился к Н. Я. Прокоповичу в раздраженном состоянии духа. Хозяин вздумал поднести ему экземпляр «Ревизора», только что вышедший из печати, со словами: «Полюбуйтесь на сынку!» Гоголь швырнул экземпляр на пол, подошел к столу и, опираясь на него, проговорил задумчиво: «Господи боже! Ну если бы один, два ругали, ну и бог с ними, а то все, все...» [1].

97. Н. О. Дюр — первый исполнитель роли Хлестакова. С рис. Петра Каратыгина.

Раздражение Гоголя было вызвано не только отношением публики, но и игрой актеров. Особенно не понравилась ему игра Николая Осиповича Дюра, первого исполнителя роли Хлестакова. В «Отрывке из письма к одному литератору» Гоголь писал: «Главная роль пропала; так я и думал. Дюр ни на волос не понял, что такое Хлестаков». Далее, как известно, Гоголь подробно разбирает недостатки игры этого актера, находя, что в исполнении Дюра Хлестаков явился одним из «целой шеренги водевильных шалунов, которые пожаловали к нам повертеться из парижских театров» [2].

Причина неудачи Дюра была вовсе не в отсутствии у него таланта. В год исполнения роли Хлестакова ему было всего 29 лет. Попробовав свои силы до этого в балете и даже в опере, Дюр, несомненно, был хорошим актером, воспитанным, однако, в традициях, не способствовавших

пониманию новой гоголевской «натуральной школы» и всей глубины идей, которые Гоголь вкладывал в образ Хлестакова.

Мог ли Дюр думать, что Хлестаков — это «лицо должно быть тип многого разбросанного в русских характерах, но которое здесь соединилось случайно в одном лице, как весьма часто попадается и в натуре. Всякий хоть на минуту, если не на несколько минут, делался или делается Хлестаковым, но натурально в этом не хочет только признаться...»

Далее Гоголь говорит: «И ловкий гвардейский офицер окажется иногда Хлестаковым, и государственный муж окажется иногда Хлестаковым, и наш брат, грешный литератор, окажется подчас Хлестаковым».

Всего этого не знал, да и не мог знать Дюр, подошедший к роли Хлестакова весьма добросовестно, но, конечно, бездумно, по готовым рецептам и штампам.

Это, по-видимому, понимал и сам Гоголь, преподнесший ему печатный экземпляр первого издания «Ревизора» с собственноручной надписью: «Николаю Осиповичу Дюру от автора». Такой же экземпляр он преподнес и Михаилу Семеновичу Щепкину, первому исполнителю роли городничего в Москве 25-го мая 1836 года, на сцене Малого театра.

Надпись Гоголя на щепкинском экземпляре более теплая и гласит: «Моему доброму и бесценному Михаилу Семеновичу Щепкину от Гоголя».

Щепкинский экземпляр «Ревизора» находится сейчас в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина и поступил туда от Константина Сергеевича Станиславского, которому в 1896 году эту книгу подарил «маг и волшебник» Михаил Васильевич Лентовский, режиссер и антрепренер, основатель московского сада и театра «Эрмитаж»[3].

Экземпляр «Ревизора» с дарственной надписью Гоголя Дюру уступил мне, примерно, в тридцатых годах, мой друг, ленинградский антиквар И. С. Наумов. Надо сказать, что расстался он с этой примечательной книгой не легко. Во всяком случае, материальная сторона здесь не играла абсолютно никакой роли.

Вместе с «Ревизором» И. С. Наумов уступил мне и несколько собственноручных писем самого Дюра, адресованных к современному ему книгопродавцу-издателю И. Т. Лисенкову, близко знакомому не только с Дюром, но и с Пушкиным, Крыловым, Шевченко и другими.

РЕВИЗОРЪ

КОМЕДІЯ,

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

соч. Н. ГОГОЛЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ПЛЮШАРА.

1836.

98. *«Ревизор» Н. В. Гоголя. Титульный лист первого прижизненного издания 1836 г.*

РЕВИЗОРЪ.

99. *Дарственная надпись Н. В. Гоголя — артисту Н. О. Дюру на шмуцтитуле первого издания «Ревизора».*

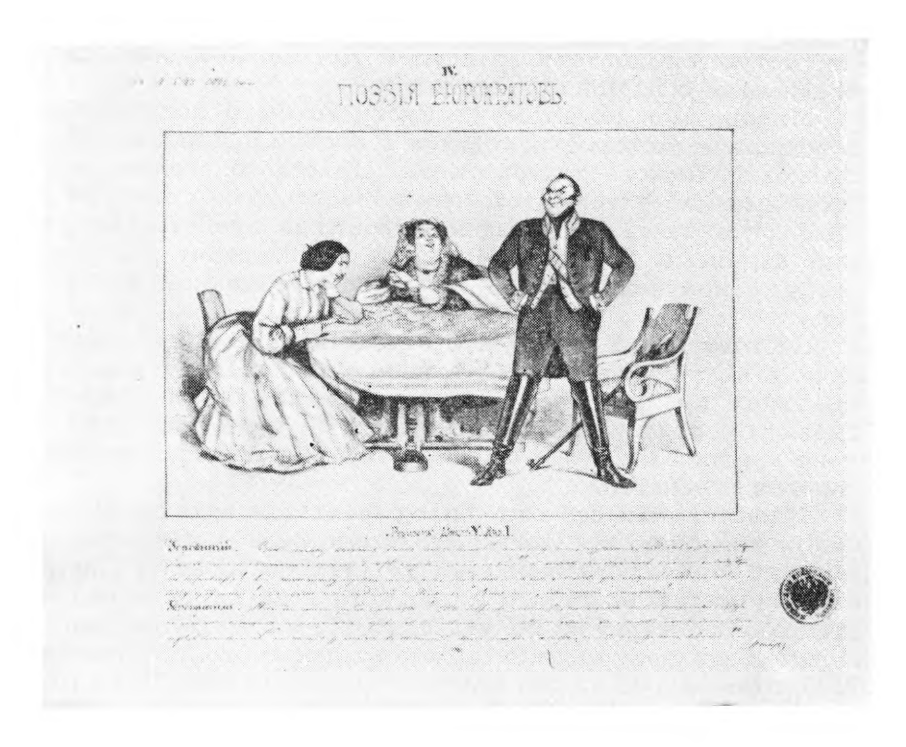
100. Хлестаков. Рис. худ. П. Боклевского из его неизданной тетради рисунков к «Ревизору». Воспроизводится с оригинала.

Письма Дюра датированы февралем и мартом 1839 года, когда он тяжко заболел. Как известно, 16-го мая того же года его не стало.

Эти предсмертные письма примечательного артиста Николая Осиповича Дюра к книгопродавцу и издателю И. Т. Лисенкову касаются исключительно книг, и, мне думается, что вполне уместно привести здесь содержание писем.

25-го февраля 1839 года Дюр пишет: «Любезнейший Иван Тимофеевич! Я слег в постель, но читать еще могу,— пришлите мне, пожалуйста «Сына отечества» за прошлый генварь и еще что нибудь новенькое. Вы меня обяжете. Ваш — Николай Дюр».

В первых числах марта того же года Дюр обращается к Лисенкову: «Почтеннейший Иван Тимофеевич! С чув-

101. Сцена из «Ревизора». С рис. П. Боклевского из его «Бюрократического катехизиса». Воспроизводится с оригинала.

ствительной благодарностью возвращаю вам ваши книги и прошу, с чувством умиления, прислать мне «Живописное обозрение» последний нумер и «Сына отечества» или «Библиотеку для чтения», т. е. запаса на праздник, чем премного обяжете вашего Николая Дюра».

Наконец, 10 марта, рукой, по-видимому, едва держащей карандаш, Дюр пишет Лисенкову: «Голубчик! Пришлите мне что-нибудь, хоть «Сына отечества», за генварь или февраль, да еще одолжите календарь на нынешний год. Не могу писать — сил нет! Николай Дюр».

Одновременная находка этих писем и экземпляра «Ревизора» с дарственной надписью Гоголя тому же Дюру, заставило предположить, что все это идет из одного источника, имеющего близкое отношение не к Дюру, а к издателю Лисенкову, которому адресованы письма.

Очевидно, что, когда Дюр умер, родственники его, возвращая Лисенкову взятые покойным книги, отдали и всю

небогатую библиотеку артиста, в том числе и экземпляр «Ревизора» с надписью Гоголя.

Мнение мое по этому вопросу не было поколеблено сообщением, которое находится в воспоминаниях артиста Александринского театра А. А. Нильского. Автор этих воспоминаний утверждает, что в 1881 году он ставил «Ревизора» по экземпляру издания 1836 года с собственноручной надписью Гоголя: «Николаю Васильевичу Дюру от автора», полученному им якобы из Публичной библиотеки [4].

Не говоря уже о том, что отчество Дюра не «Васильевич», а «Осипович», все остальное, сообщаемое Нильским по этому поводу, тоже неверно. Никакая библиотека не выдала бы подобного экземпляра театру «для постановки» и не хранила бы его у себя без соответствующих на нем шифров и печатей.

Думается, что все это — плод фантазии артиста Нильского, возможно и слышавшего что-нибудь о гоголевском подарке Николаю «Васильевичу» (так он пишет!) Дюру, но, разумеется, никогда и ни от кого этой книги «для постановки в театре» не получавшего. Да и сама затея постановки «Ревизора» именно по тексту печатного экземпляра 1836 года весьма сомнительна. В указанный им 1881 год уже давно существовали позднейшие, исправленные Гоголем редакции комедии.

Экземпляр первого издания «Ревизора» с дарственной надписью Гоголя Николаю Осиповичу Дюру, как говорят книголюбы, «девственного» вида, и, кроме надписи Гоголя, никаких пометок — штемпелей или экслибрисов прежних владельцев — не имеет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Анненков, П. Литературные воспоминания. Л., 1928, стр. 70.
2. Эта и следующие две цитаты из «Отрывка из письма к одному литератору» (см. Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. Т. 4. М.-Л., Изд. АН СССР, 1951, стр. 99).
3. Экземпляр с надписью Гоголя Щепкину воспроизведен в «Лит. наследстве», т. 58, 1952, стр. 563. Там же воспроизведен впервые и мой экземпляр с надписью Гоголя Дюру. См. мою статью в том же томе «Лит. наследства», стр. 1006.
4. Нильский, А. А. Закулисная хроника. 1856—1894. Спб., 1897, стр. 161.

ТАИНСТВЕННЫЙ „ТЕАТРАЛЬНЫЙ АЛЬБОМ“

«Театральный альбом» 1842-43 года — неуловимая мечта каждого собирателя книг «по театру» — прежде всего, действительно замечательное, и не только для своего времени, издание[1].

Большие тетради, размером в лист (ин-фолио), судя по предисловию, должны были быть изданными в количестве шести, и в каждой из них «в превосходной обертке, с отпечатанными золотом надписью и очерками прелестной группы фигур», должно было находиться: «А) Два портрета, с отдельными к ним биографическими очерками.— Б) Один лист со сценами и особенное при нем описание.— В) Нот от 10 до 15 страниц, с цветными орнаментными бордюрами. Независимо от сего, к некоторым тетрадям

приложены: Г) Рисунки декораций и Д) Новые неизданные романсы и танцы композиторов, любимых публикой»[2].

Тетради намечено было выпускать с литографиями черными и раскрашенными от руки, по цене три и пять рублей за тетрадь.

Имена художников, писавших для альбома портреты артистов и сцены из спектаклей, говорили сами за себя. Это были Василий Тимм, Александр Гау, Карл Шрейнцер, Е. Житнев. Должны были участвовать Карл Брюллов и П. Басин. Рисовал на камне Г. Шмидт, литографировал К. Поль.

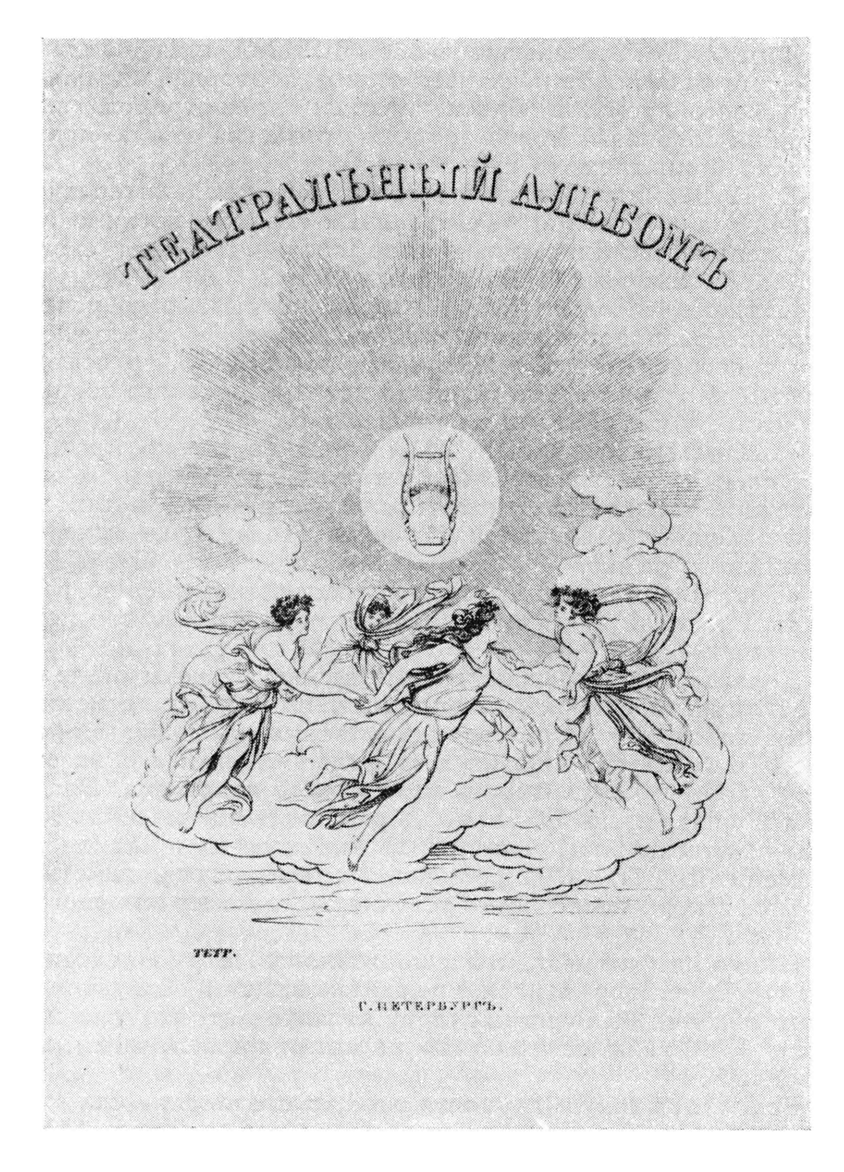
Из литераторов участвовали Н. Некрасов (под псевдонимом Н. Перепельский), Федор Кони, В. Строев, Р. Зотов и Александр Башуцкий.

Последний, не называя имени издателя альбома (почему-то это держалось в секрете), нисколько не преувеличивал, говоря в предисловии, что «кто хоть немного знает, что значит у нас предпринять художественное, подобного рода издание, при требовании от него возможного совершенства, а не принимая безразлично и беспонятно все, что вам думает дать рисовальщик, печатник и др. Кто понимает, скольких это требует беспокойств, досад, хлопот, чистых утрат, какого стоит времени и каких ужасных издержек, тот должен истинно подивиться и решимости издателя, и любви его к искусству, и терпению, с которыми он, через все препятствия вел свое дело три года. Одни оригинальные портреты, писанные нарочно акварелью, составляют коллекцию, в полном смысле драгоценную».

Эти портреты и в напечатанном виде, особенно раскрашенные от руки, остались настоящими произведениями искусства. Портреты популярных артистов того времени — Луизы Мейер, Ольги Шлейфохт, К. В. Гриневой, Н. В. Самойловой, Карла Лашука, Е. Я. Андрияновой, Т. П. Смирновой, Луи Маурера и других,— великолепно исполнены и художниками и печатниками.

По несколько сцен на каждом листе (т. н. «крокады») очаровательно сделал замечательнейший мастер Василий Тимм. Балетные спектакли «Озеро волшебниц», «Морской разбойник», «Тень», драма «Велизарий» — как бы оживают перед глазами.

К каждой тетради приложены и листы нот, окруженные художественным орнаментом. Музыка Доницетти, Адама, Обера и Келлера, Мауера переложена для фортепиано К. Лядовым, К. Мейером и другими.

102. «Театральный альбом» 1842-43 гг. Литографированный заглавный лист.

В целом, «Театральный альбом» 1842-43 года — выдающееся произведение печатного станка, повторяю, не только для своего времени. Среди русских иллюстрированных изданий сороковых годов прошлого столетия ему по праву должно принадлежать первое место.

В. Г. Белинский в своем обзоре «Русская литература в 1842 году» отметил: «Театральный альбом» истинно великолепное издание, имеет свое значение и идет своим путем. Доселе вышло его два выпуска»[3].

Казалось бы все сулило «Театральному альбому» успех, широкое распространение, которое могло бы обеспечить ему и сегодня место, может быть, редкого, но, во всяком случае, доступного документа по истории русского театра.

Этого, к сожалению, не произошло.

«Театральный альбом» 1842-43 года не только прекратил свое существование на четвертой тетради и на нескольких, выпущенных уже после, отдельных листах из заготовленных следующих, но и то, что вышло — исчезло с книжного рынка.

«Театральный альбом» превратился в величайшую редкость, никем не виданную, хотя бы в приблизительно полном виде.

Дореволюционные книголюбы и библиографы окутали «Театральный альбом» легендами и вымыслами, доходившими вплоть до того, что единственный, обращавшийся среди библиофилов более или менее полный его экземпляр якобы ускорял смерть каждого его владельца. Называлась целая цепь фамилий дореволюционных собирателей — Александрова, Синицына, еще кого-то и, наконец, знаменитого П. А. Ефремова, скончавшегося, действительно, вскоре после приобретения этого «смертоносного» альбома.

Никто не учитывал, что и почтенному Петру Александровичу Ефремову, и всем предшествовавшим обладателям этого издания было по паспорту столько лет, что уже никакие «Театральные альбомы» не могли ни помочь им, ни повредить.

Всю чудовищную глупость этой, с позволения сказать, «легенды» я понимал великолепно, но когда в 1934-1935 годах, именно этот, так называемый «ефремовский» экземпляр «Театрального альбома», «плыл» мне, что называется, в руки, милейший мой старый друг, ленинградский книжник-антиквар Андрей Сергеевич Молчанов, много и бескорыстно помогавший моему собирательству, без особого труда уговорил меня воздержаться от покупки.

— Не связывайтесь с этой чумой,— говорил он; — мы с вами соберем экземпляр не хуже «ефремовского»...

Слово свое он сдержал, несмотря на то, что это было далеко не легкой задачей. «Ефремовский» экземпляр «Театрального альбома», хотя и был тоже сборным, но отличался прекрасной сохранностью и исключительной полнотой.

Полнота его была даже чрезмерна. По присущей П. А. Ефремову собирательской манере, он, пользуясь услугами очень хорошего переплетчика, пополнял принадлежащие ему экземпляры книг всякого рода портретами, рисунками, газетными вырезками и многими другими вещами, по теме хотя и имеющими отношение к данной книге, но отнюдь для нее не предназначенными. Получались, благодаря этому, весьма ценные и, иногда, очень интересные пухлые тома, никак не похожие на те, которые были выпущены в свет издателями.

Так было и с принадлежавшим ему «Театральным альбомом». Рядом с портретами артистов, литографированными специально для этого издания, появились портреты из известного «Листка Тимма». К тиммовским же «крокадам», изображающим сцены из балетов и спектаклей, прибавились литографии сцен из этих же спектаклей, сделанные для журнала «Пантеон» и т. д.

Учтя все это, старый книжный «волк» Молчанов пригласил меня «приступить к делу».

Потребовалось, прежде всего установить, что же именно было в «Театральном альбоме»? Наиболее полное его библиографическое описание сделано Н. Обольяниновым в «Русском библиофиле», на основе, как он пишет, «самого полного и лучшего из известных экземпляров, подносного экземпляра из библиотеки императрицы Александры Федоровны, находящегося теперь в библиотеке Румянцевского музея в Москве» [4].

Работа Н. Обольянинова подтвердила, что в свет вышло всего 4 тетради «Театрального альбома», вместо объявленных шести, причем, третья-четвертая тетрадь была сдвоенной. Описание портретов, крокад, нот и текстов, находящихся в этих четырех тетрадях, Обольяниновым сделано правильно.

Другой дореволюционный библиограф — В. В. Верещагин, трижды до этого писавший о «Театральном альбоме», весьма туманно говорил все время об одном и том же, далеко не полном экземпляре, принадлежавшем, по-видимому, ему лично [5].

103. Артистка Т. П. Смирнова. Литогр. портрет из «Театрального альбома» 1842-43 гг. Рис. Житнев.

Н. Обольянинов, описавший полный экземпляр «Театрального альбома», лишь вскользь упомянул о существовании еще кое-каких портретов, крокад и нот, не относящихся к выпущенным четырем тетрадям. Эти портреты, ноты и крокады были, как я говорил выше, пущены в розничную продажу издателем уже вне «Театрального альбома». Среди них — ноты к балету «Гитана», крокады В. Тимма к операм «Роберт» и «Фенелла», портреты артистов В. Асенковой, Н. С. Аполлонской, М. И. Ширяевой, А. М. Степановой, И. Н. Никитина и других. Разумеется, именно эти листы стали наиболее редкими.

Все это сумел достать для меня неутомимейший А. С. Молчанов, потративший со мной несколько лет на «сколачивание» нового полного экземпляра «Театрального альбома».

В основу был положен неполный экземпляр этого издания, принадлежавший издателю «Русского библиофила»

104. Артист И. Никитин. Литогр. портрет из «Театрального альбома» 1842-43 гг. Рис. Шнейцер.

Н. В. Соловьеву, к нему добавлен также неполный экземпляр, приобретенный у Л. И. Жевержеева (крупнейшего ленинградского собирателя книг «по театру»), и далее — от кого лист, от кого два.

Смело можно сказать, что после нашей совместной работы по комплектованию альбома вряд ли у кого из любителей-собирателей осталось что-либо значительное, относящееся к этому изданию. Работой этой заинтересовались многие и, зачастую, совершенно бескорыстно, приходили на помощь. Советские книголюбы этим выгодно отличаются от своих дореволюционных предшественников.

Получился у нас, действительно, «неслыханный по полноте» экземпляр «Театрального альбома», со всеми обложками, нотами, текстами, крокадами и портретами (и те и другие — все в двойной сюите — черные и крашеные), как принадлежавшими к основным четырем тетрадям, так и выпущенными после отдельно.

В дополнение к этому, А. С. Молчанов умудрился где-то раскопать и оригинал В. Тимма — писанный маслом портрет артистки Н. В. Самойловой в роли Кетли из пьесы «Влюбленный рекрут». Очаровательная картинка, воспроизведенная в «Театральном альбоме», является одной из лучших работ этого художника.

Оставалось узнать: кто же издатель «Театрального альбома», чем объясняется его некая «таинственность» и каковы причины исключительной редкости альбома.

Собственно говоря, изданием, «покрытым той непроницаемой тайной, которая возможна только у нас, при удивительной скудости наших библиографических сведений», назвал «Театральный альбом» искусствовед В. А. Верещагин.

«Кто был издателем «Театрального альбома,— вторил ему Н. Обольянинов в «Русском библиофиле»,— не так легко решить. По крайней мере, у меня нет никаких данных, чтобы приписать издание кому-либо».

И далее он же продолжал: «Заявление Верещагина, что издатель альбома был А. Башуцкий,— едва ли справедливо, хотя предисловие и подписано этим писателем».

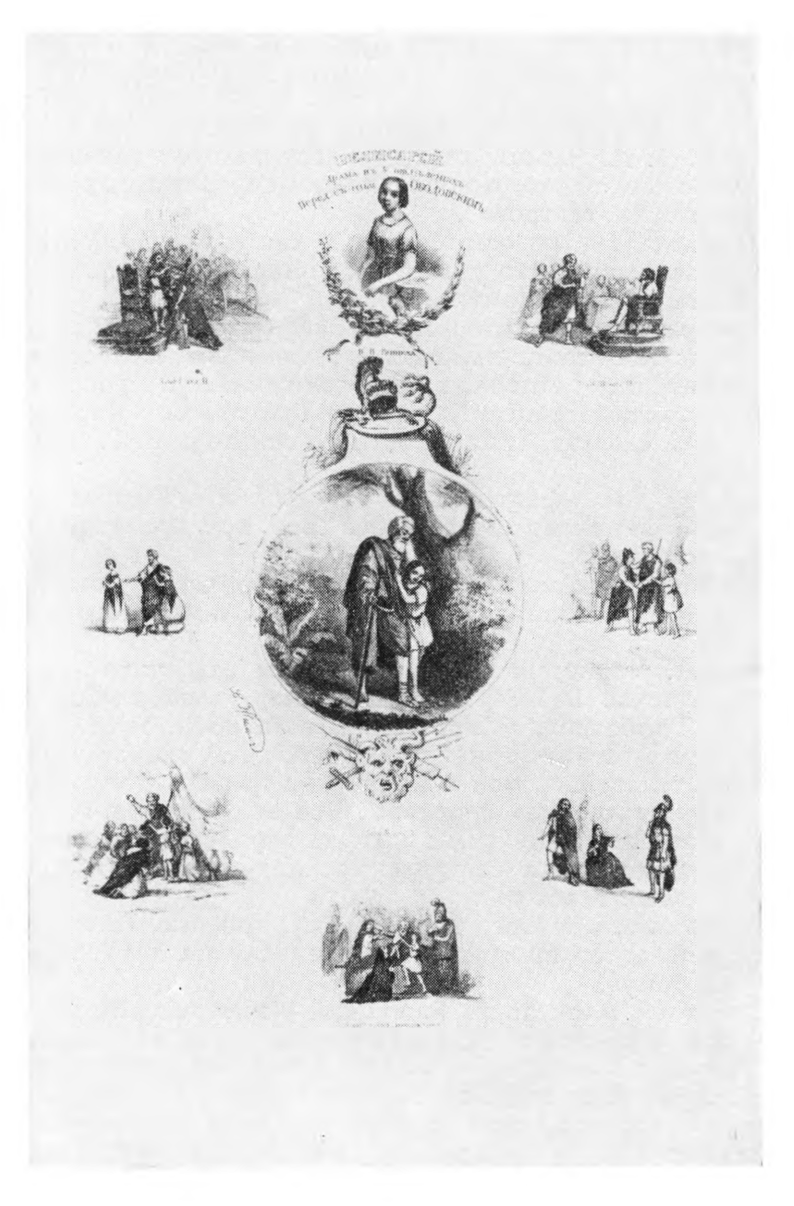
Как раз в этом Н. Обольянинов был абсолютно прав. Однако, перечисляя фамилии старых библиографов — Геннади, Губерти, Черткова, Остроглазова и Березина-Ширяева,— из которых якобы «никто не упоминает ни одним словом про «Театральный альбом» 1842-43 г.», Н. Обольянинов явно ошибался.

Кто-кто, но Григорий Геннади, в своей весьма популярной книжке «Русские книжные редкости», не только не пропустил «Театрального альбома», но и прямо указал его фактического издателя. Геннади писал: «Я не мог до сих пор отыскать полный экземпляр, выходившего тетрадями в лист «Театрального альбома», изданного А. Черноглазовым, Спб., 1842, с литографированными портретами артистов петербургских театров и нотами. Экземпляры Публичной библиотеки и Московского университета не полны, а в продаже они не попадались» [6].

Как видите, фамилия издателя интересующего нас альбома вовсе не оказалась «окутанной непроницаемой тайной».

Остается только подивиться отсутствию любопытства во многом другом весьма дотошных исследователей — В. Верещагина и Н. Обольянинова.

Наконец, если даже предположить, что книга Г. Геннади просто случайно не попалась им на глаза, то в весьма

105. Крокады В. Тимма (литогр.) к драме «Велисарий» из «Театрального альбома» 1842-43 гг.

известном каталоге библиографических изданий Н. Бокачева, книги, которой ни Верещагин, ни Обольянинов не видеть просто даже и не могли, под № 736 значится: «Геннади Г. Н. Описание осмотренных им экземпляров, изданного в Спб. А. Черноглазовым «Театрального альбома» в большой лист, с литографированными портретами артистов петербургских театров»[7].

Неправда ли, хорошо звучит в свете этого обольяниновское заявление, что у него «нет никаких данных, чтобы приписать издание кому-либо»?

Этот «кто-либо», которому А. Башуцкий в своем предисловии, почему-то не называя его фамилии, желает: «Да ниспошлет ему Апполон всевозможнейший успех!»,— А. Черноглазов, точнее Александр Григорьевич Черноглазов, кстати сказать, брат известного сенатора В. Г. Черноглазова.

Что он был фактическим издателем «Театрального альбома», финансировавшим все это предприятие,— вне всякого сомнения.

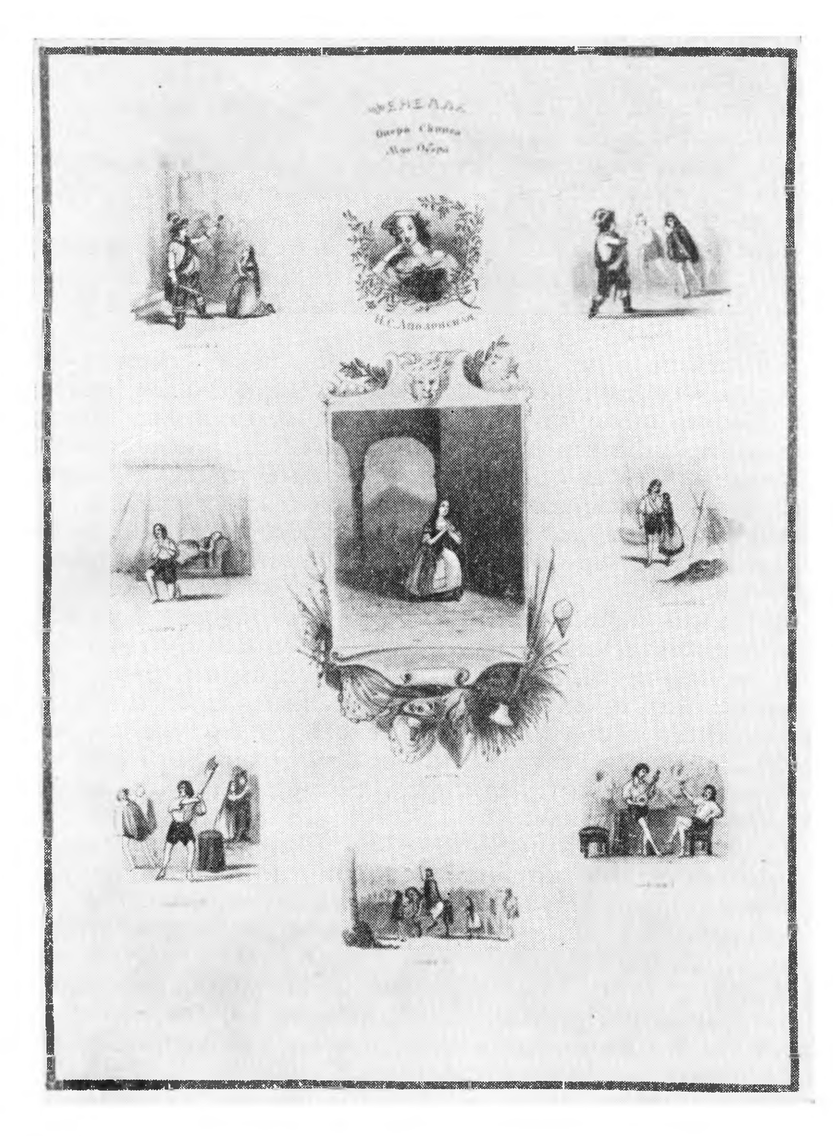
Но, также вне всякого сомнения и то, что душою, изобретателем и вдохновителем этого замечательного издания — был не он.

Имя А. Черноглазова как издателя встречалось и на других книгах. В 1854 году, например, вышло «Горе от ума» А. Грибоедова (Спб., тип. Штаба Воен. Учеб. Зав.), на котором стоит гриф: «Издание А. Черноглазова». В годы Севастопольской кампании он издавал популярные «ура-патриотические» брошюры. Все эти издания, однако, не рисуют его способным выдумать и поднять такое грандиозное даже и для сегодняшнего дня мероприятие, как «Театральный альбом».

Вдохновителем этого издания был, конечно, Александр Башуцкий, автор программного предисловия к «Театральному альбому».

Писатель Александр Башуцкий — интереснейшая фигура своего времени. И. И. Панаев в своих «Воспоминаниях» пишет о нем:

«Говорил Башуцкий с большим искусством. Когда Башуцкий развивал свои проекты разных коммерческих предприятий (а они рождались у него чуть не ежедневно), его слушатели, пораженные его красноречием, готовы были отдать на эти предприятия последний грош. Так убедителен и заманчив казался оратор. Это фантазер, облекавший свои фантазии в щегольские фразы, которыми он сначала только любуется, не веря им, но которыми потом

106. Крокады В. Тимма (литогр.) к опере «Фенелла» из «Театрального альбома» 1842-43 гг.

сам увлекается до такой степени, что принимает их серьезно».

И далее И. И. Панаев указывает: «Он затевал все в роскошных широких размерах, рассчитывал на десятки и сотни тысяч, но его литературные и другие затеи никогда почти не удавались и не приносили ему ничего, кроме убытка» [8].

Последнее не совсем верно. Сам Башуцкий убытка не терпел, поскольку, кроме красноречия, необычайной силы убеждения, размаха и фантазии, никаких ценностей у него не было.

Убытки терпели другие и, в данном конкретном случае, издатель «Театрального альбома» А. Черноглазов, очередная жертва необузданной фантазии Александра Башуцкого. Затеянное в невиданных масштабах художественное издание ничего ему не принесло, кроме убытка и разорения. Для возвращения громадных денежных средств, потраченных на художников, литографов, сотрудников, печать и бумагу, надо было иметь такое же громадное количество подписчиков и покупателей, а их не было.

Читатели сороковых годов были равнодушны к роскошным художественным изданиям, в особенности, отечественного производства. В гостиных аристократов и буржуазии пылились на столах модные заграничные «кипсеки», а людям среднего сословия затеи Александра Башуцкого были не по карману. «Театральный альбом» оказался выше вкусов своего времени и прогорел, едва-едва дотянув только до четвертой тетради.

Годом раньше, а именно, в 1841 году в Петербурге же лопнуло и другое крупное мероприятие А. Башуцкого — сборник «Наши, списанные с натуры русскими». На этот раз жертвой его был петербургский издатель — книгопродавец Я. Исаков.

Издание тоже было задумано и начало уже осуществляться широко, роскошно, с размахом. Тетради были украшены модными тогда деревянными гравюрами, резанными Клодтом, Дерикером, Недельгорстом, по рисункам В. Тимма, Т. Шевченко, И. Щедровского и других. В. Г. Белинский приветствовал издание словами, что «по части изящно-роскошных изданий мы можем собственными силами и средствами не уступать иногда и самой Европе» [9].

Все было напрасно! Не помог даже цензурный скандал с напечатанным в сборнике очерком самого А. Башуцкого «Водовоз». Цензор А. Никитенко в своем «Дневнике» так отметил это обстоятельство:

107. Артистка М. Ширяева. Литогр. портрет из «Театрального альбома» 1842-43 гг. Рис. А. Гау.

«Водовоз» наделал много шуму. Демократическое направление его не подлежит сомнению. В нем, между прочим, сказано, что народ наш терпит притеснения и добродетель его состоит в том, что он не шевелится. Государь очень недоволен»[10].

Однако не «недовольство государя» послужило причиной прекращения издания «Наших, списанных с натуры русскими» на 14 выпуске. Причина была самая прозаическая: подобное же издание Курмера в Париже, с которого А. Башуцкий взял пример для своего художественного сборника, собрало свыше двадцати двух тысяч подписчиков, а книгопродавец Я. Исаков для «Наших, списанных с натуры» собрал едва-едва восемьсот! И, конечно, лопнул с треском, проклиная заворожившую его «сирену» — Александра Башуцкого.

До этого, в 1834 году, А. Башуцкий от своего имени (хотя, вероятно, за ним скрывались какие-нибудь Черноглазовы или Исаковы) начал издавать также с невиданной роскошью «Панораму Санкт-Петербурга». Сто шестьдесят пять тысяч рублей золотом, неслыханная цифра для того времени, была затрачена только на одно гравирование за границей видов и планов Петербурга.

Разумеется, и это издание прогорело на половине обещанного, не собрав необходимого количества подписчиков. На чью-то голову свалились бешеные убытки.

После А. Башуцкий затевал и другие издания, подобного же характера, но они все кончались, примерно, таким же образом.

Однако, несмотря на незаконченность всех этих изданий, душой и вдохновителем которых был А. Башуцкий, история русской иллюстрированной книги обязана ему великолепными образцами подлинной художественности, вкуса и богатства содержания. И не вина, а беда Башуцкого, что он не сумел преодолеть равнодушия читателей своего времени.

«Театральный альбом» 1842-43 г. — лучшее подтверждение издательских заслуг Александра Башуцкого.

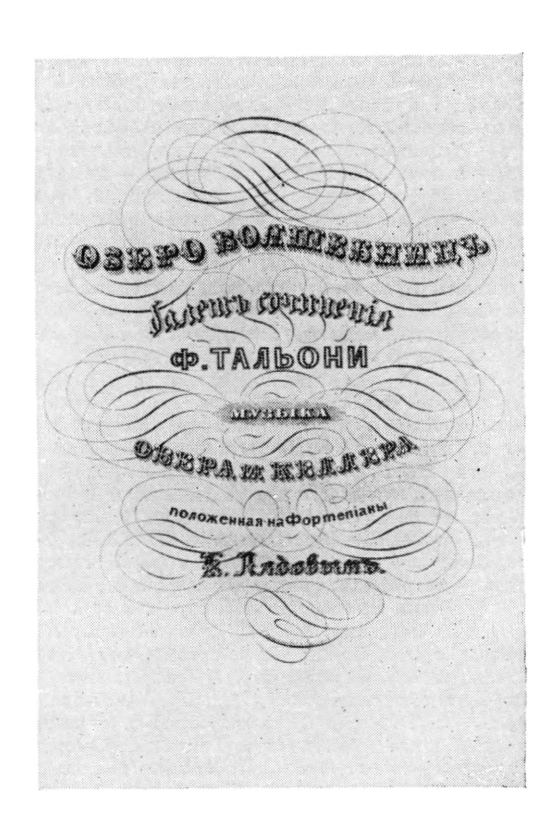
Любопытна дальнейшая судьба этого человека. Авантюрная жилка, несомненно бившаяся в его сердце, толкнула А. Башуцкого в какую-то темную историю с бриллиантами, пожертвованными с благотворительной целью [11]. Позднее он поступил послушником в монастырь, писал образа, сочинял мракобеснейшие статьи для пресловутой «Домашней беседы» обскуранта Аскоченского. Потом бросил все это и, вдруг, увлекся гомеопатией. Уходя в монастырь, он сумел уговорить и собственную жену также решиться на этот шаг. Видимо, сила его красноречия и убедительности была, действительно, необыкновенна. Умер он в самом преклонном возрасте. Впрочем, это все уже не имеет отношения к интересующему нас «Театральному альбому».

Осталось сказать только несколько слов о причине его чрезвычайной редкости. Это, собственно, уже сделал тот же Г. Геннади в упомянутой выше его книге. Он вынес такое, совершенно точное, по-моему, определение: «К легко истребляемым произведениям (а, следовательно, в дальнейшем редким. — Н. С.-С.) принадлежат издания, выходившие листами и тетрадями».

Это определение полностью относится и к «Театральному альбому». Тетради его выходили несброшюрован-

Артистка Н. В. Самойлова в роли Кетли. С оригинала работы художника В. Тимма (Масло). Портрет напечатан в «Театральном альбоме» 1842—1843 гг.

108. Один из литографированных заглавных листов к нотам «Театрального альбома» 1842-43 гг.

ными. Портреты артистов разбирались любителями по папкам, вешались на стены для украшения, ноты клались на рояль — они для этого и печатались.

От самого альбома у немногочисленных современных владельцев его (тираж был весьма незначителен) фактически в целом виде ничего не оставалось: это же не книга для чтения. «Театральный альбом», что называется «растаял», и оставшиеся целые и полные экземпляры его (всего шесть-семь, как насчитывают специалисты-книжники) — подлинные диковинки библиотечного царства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Библиографическое описание имеющегося экземпляра таково: Театральный альбом. Спб. Тетрадь первая. Литогр. загл. л. с виньеткой (лира в сиянии, внизу хоровод граций), шмуцтитул (на обороте:

В типогр. Спб-го Губ. правления). Текст: Вместо предисловия. А. Башуцкий (2 нен. стр. в 2 стб.). 2. Л. В. Маурер. Биогр. очерк б. п. (3 нен. стр. в 2 стб., I пустая стр.) 3. «Тень», балет в 3-х действ. Соч. балетмейстера Тальони. Муз. Маурера. Очерк В. Межевича (3 нен. стр., I пустая стр.) — Рисунки: I. Луи Маурер, директор музыки Имп. Спб-ких театров — с нат. Шрейнцер, на камне — Шмид, лит. К. Поля в Спб. (I л. черн. и 2 раскр., разн. раскраски). 2. Луиза-Александра Мейер (в Жарвис) — те же подп.— (I л. черн. и 2 раскр. разн. раскр.). 3. «Тень». Балет соч. Тальони, муз. Маурера. Портрет артистки Тальони и 8 сцен из балета. Литогр., подп. В. Тимм (I л. черн. и I крашен.).— Ноты: «Тень», балет... муз. положена для фортепиано К. Мейером.— Литогр. золотом з. л., 2-11 стр. нот.

Тетрадь вторая. (Загл. л. такой же). Текст: I. Карл Лашук.—Очерк б/п. (2 нен. стр. в 2 стб.) 2. О. Шлейфохт. Очерк б/п. (2 нен. стр. в 2 стб.) 3. «Морской разбойник», балет в 2-х действ. Соч. балетмейстера Тальони, муз. Адама. Очерк В. Строева (4 нен. стр. в 2 стб.) — Рисунки: I. Карл Лашук (в балете «Морской разбойник») — с нат. Шрейнцер, на камне — Шмид, лит. К. Поля (I л. черн. и I крашен). 2. Ольга Шлейфохт (в балете «Морской разбойник») — с нат. В. Тимм, остальные подп. те же (I л. черн. и I крашен.). 3. «Морской разбойник», балет соч. Тальони, муз. Адама. Портр. О. Шлейфохт и 8 сцен из балета— лит. б/п. (несомненно В. Тимма).— Ноты: «Морской разбойник», балет...— литогр. золотом з. л., 2-11 стр.

Тетрадь третья — четвертая. (Загл. л. такой же). Текст: I. К. В. Гринева. Очерк Р. З. (Рафаил Зотов) (2 нен. стр. в 2 стб.). 2. Н. В. Самойлова. Очерк, его же (2 нен. стр. в 2 стб.). 3. «Велисарий», драма в 5 д. соч. Э. Шенка, перев. с нем. П. Г. Ободовским. Очерк Н. Перепельского (псевдоним Н. Некрасова). (4 нен. стр. в 2 стб.). 4. Е. Я. Андреянова. Очерк Р. Зотова (3 нен. стр. в 2 стб.). 5. Т. П. Смирнова. Очерк В. В. В. (так подписывался В. Строев) (I нен. стр.). 6. «Озеро волшебниц», больш. пантомимный балет Скриба и Тальони. Очерк Федора Кони (4 нен. стр. в 2 стб.) — Рисунки: I. К. В. Гринева (в драме «Велисарий») — с нат. Шрейнцер, на камне — Шмид, лит. К. Поля (I л. черн., I крашен. и I отпеч. на японской бумаге). 2. Н. В. Самойлова (в роли Кетли) — с нат. В. Тимм, остальные подп. те же (I л. черн. и I крашен.). 3. Е. Я. Андриянова (в Сартарелла) — лит. б/п. I л. черн. и I крашен.). 4. Т. П. Смирнова, танцовщица (в опере «Карл Смелый») — рис. с нат. Житнев, остальн. подп. те же. (I лист. черн., I — крашен. и I на японск. бумаге). 5. «Велисарий», драма... Портрет К Гриневой и 8 сцен из спектакля. Лит. В. Тимма (I л. черн. и I крашен.). 6. «Озеро волшебниц», балет соч. Тальони, муз. Келлера и Обера. Портрет Никитина и 8 сцен из балета — лит. б/п (несомненно В. Тимма) (I черн. и I крашен.).— Ноты: I. «Велисарий», опера в пяти актах, муз. Доницетти. Литогр. загл. л., 2—13 стр. 2. «Озеро волшебниц», балет... перелож. на фортеп. К. Лядовым. Литогр. золотом загл. л., 2—11 стр.

Материалы к невышедшим тетрадям: Рисунки: I. И. Н. Никитин, в балете «Луиза и Колен»— с нат. Шренцер, на кам.— Шмид (I л. черн.) 2. Н. С. Аполлонская (в роли Фенеллы) — с нат. Житнев, на кам. Шмид, лит. К. Поля (I л. черн.). 3. М. И. Ширяева (в водевиле «Жених на расхват») — с нат. Гау, на кам.— Шмид (I л. черн. и I крашен.) 4. А. М. Степанова (в опере «Бронзовый конь», в роли Пеки) — с нат. Гау, на кам. Головачевский (I л. черн. и I крашен.). 5. В И. Волкова, танцовщица Имп. Спб. Театра — с нат. Гау, на кам. Головачевский, лит. Мошарского (I л. черн.). 6. «Фенелла», опера Скриба, муз. Обера. Портрет Н Аполлонской и 8 сцен из спектакля — лит. б/п (несомненно В. Тимма) (I л. крашен.). 7. «Роберт», опера Скиба, муз. Мейербера.

Портрет артистки М. Л. Нейрейтер и 8 сцен из спектакля — лит. В. Тимма (I л. черн.).— Ноты: «Гитана», балет соч. Ф. Тальони, муз. Шмидта и Обера. Литогр. загл. л., 2—13 стр.

Примечание: Принадлежность портретов артисток Степановой и Волковой к «Театральному альбому» требует подтверждения.

2. «Театральный альбом» — предисловие А. Башуцкого.

3. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. Т. 6. М., 1955, стр. 539.

4. «Русский библиофил», 1912, № 6, стр. 5.

5. Верещагин. Русские иллюстрированные издания, № 856; «Антиквар», 1902, № I; Верещагин — Тимм — стр. 93.

6. Геннади, Г. Русские книжные редкости, стр. 18 в сноске.

7. Бокачев, Н. Описи рус. библиотек. Т. I. Спб., 1890, № 736.

8. Панаев, И. И. Литературные воспоминания. М., ГИХЛ, 1950, стр. 122—123. О Башуцком см. также в «Русском биографическом словаре», том «Алексинский-Бестужев», стр. 619.

9. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1954, стр. 602.

10. Никитенко, А. В. Дневник. Запись от 22-го января 1842 года.

11. «Лит. наследство», т. 22/24, стр. 276.

«Я ПОКАЖУ ИМ ИРОНИЮ»

Маленькая, в шестнадцатую долю листа, скромная книжечка, носящая такое же скромное название: «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым». Первая часть появилась на свет в Петербурге в 1845 году [1].

Почтенный цензор А. Крылов, утомленный чтением журнальных статей, в которых — ах, что ни строчка, непременно подкоп под существующий порядок! — с радостью поставил разрешительную печать на первом выпуске такого полезного, а главное, благонамеренного издания.

Издатель — солидный артиллерийский штабс-капитан Н. С. Кирилов, преподаватель Павловского кадетского корпуса, через некоторое время лично пришедший за разрешением на второй выпуск «Карманного словаря», еще

больше успокоил цензора. В совсем благодушное настроение привела его предъявленная издателем бумага от штаба главного начальника военно-учебных заведений, брата царя, великого князя Михаила Павловича, разрешающая посвятить второй выпуск «Словаря» его «августейшему» имени.

Единственно, против чего запротестовал цензор,— это против помещения на обложке объявления об уже вышедшей в свет книжке под редакцией того же штабс-капитана Кирилова, носившей название «Тертый калач. Сцены из провинциальной жизни».

— Неудобно, господин капитан! На первом выпуске я вам это разрешил — пожалуйста. А сейчас неудобно. Августейшее имя и вдруг «Тертый калач». Нехорошо!

— Да ведь книжка-то уже вышла и вами разрешена...

— Я знаю, знаю. И, представьте, жалею. Все эти «типы современных нравов» — на поверку — вредная вещь! А в «Тертом калаче» и конец неприятный: «Где много дураков — житье там подлецам!» Это, правда, из Измайлова, запрещать не было оснований, но нехорошо. Кстати, вы, господин капитан, только редактор, а кто автор?

Штабс-капитан предпочел замять разговор. Ему во всех отношениях было не выгодно ставить в известность цензора, что автором «Тертого калача» был он сам...»[2].

Второй выпуск «Карманного словаря иностранных слов» вышел в свет, имея на обложке надпись:

«Издание Н. Кирилова, удостоенное посвящения его императорскому высочеству, великому князю Михаилу Павловичу».

И, вдруг, скандал! Кто-то, заинтересовался разговорами, которые возбудил этот, казалось такой невинный, благонамеренный словарик, и задумал внимательно прочитать его «от доски до доски».

Волосы зашевелились на голове у читавшего. Он увидел, что слово «ирония» было объяснено авторами «Словаря» таким, например, образом:

«Иронией называется кажущийся разлад между мыслью и формой ее выражения... Так, например, нельзя не приписать иронического характера сочинению Маккиавели «О Монархе»... Можно догадаться, что похвалы его деспотам суть не что иное, как сильная сатира».

Слово «оракул» объясняло читателям, что учение Христа «имеет основным догматом милосердие, а целью — водворение свободы и уничтожение частной собственности».

Разъясняя слово «анархия» авторы словарика говорили, что «так называется отсутствие законного правления в государстве», причем намекали, что «анархия иногда господствует и в таком государстве, где *по-видимому* существуют и стройность и порядок в управлении, *но в сущности* нет ни прочных постановлений, ни строгого выполнения их».

Слова «по-видимому» и «в сущности» нарочно были выделены курсивом, чтобы читатели не пропустили и без того более чем ясного намека.

В статейке, разъясняющей слово «орден», авторы не только рассказали читателям, что «при нынешнем развитии общества ордена потеряли прежнюю силу и значительность, чему наиболее содействовала неумеренность в роздаче их», но еще и привели цитату из гоголевского «Капитана Копейкина», где говорится, что «не было примера, чтоб у нас в России человек, приносивший, относительно, так сказать, услуги отечеству, был оставлен без призрения...» «И без вознаграждения» — добавляли от себя авторы словаря, всячески подчеркивая относительность услуг награждаемых.

Основы учения Сен-Симона, Фурье, Прудона, слова и идеи, о которых не только писать — думать боялись в то время, во всеуслышание, толково и обстоятельно, прибегая к намекам и параллелям, рассказывал читателям маленький словарик.

Принципы социализма особенно подробно излагались в объяснении слова «овенизм», понятия «организация производства» и в объяснении других слов и понятий.

Позже, когда цензору Крылову пришлось оправдываться перед начальством, он ссылался на то, что в свое время сам донес Цензурному комитету, что по-видимому «редакция словаря видит во всем ненормальное, как она выражается, положение и напрягается всеми силами развивать способы к приведению общества в другое положение, нормальное».

По этому поводу в «Исторических сведениях о цензуре в России» было замечено: «Инстинкт не обманывал цензора: перед ним были первые основания весьма полной системы, которую он только не умел назвать,— социализма» [3].

Когда разразился скандал и выяснилась вся «злонамеренность» авторов и издателей словаря, не поздоровилось бы ни цензору, ни тем, кто хоть как-нибудь был причастен к изданию.

Однако трюк с посвящением «Карманного словаря» члену царской фамилии сковывал по рукам и ногам даже ничем не стесняющееся Третье отделение.

Дело временно решили замять. Цензору Крылову объявили всего-навсего выговор, оставшиеся нераспроданными экземпляры первого выпуска словаря несколько позже негласно отобрали у книгопродавцев, а второй, почти целиком подвергли аресту. После книгу сожгли, но издателей и авторов словаря решили не трогать.

Казалось — тем дело и кончено. Но Николай I был не из тех, кто мог что-нибудь забыть. За участниками издания словаря установили негласное наблюдение, продолжавшееся три года.

Выяснилось, прежде всего, что официальный издатель «Словаря» — штабс-капитан Кирилов — лицо не главное. Вдохновителем, душой и основным исполнителем всего дела оказался Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский. По происхождению дворянин, он служил чиновником в Министерстве иностранных дел и организовал вокруг себя кружок интеллигентной петербургской молодежи. Собираясь у Петрашевского по пятницам, кружок занимался обсуждением политических вопросов, критикой существующего строя, вопросами освобождения крестьян и так далее.

Из литераторов в кружок входили М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, Валерьян Майков, А. Плещеев, А. Пальм. Причастным к «петрашевцам» оказался и Белинский. Только смерть спасла его от ареста по этому делу.

У самого М. В. Петрашевского и его ближайших соратников были далеко идущие цели. «Охранка» ввела в кружок провокатора Антонелли, доносы которого позволили в апреле 1849 года нанести сокрушительный удар по организации.

Николай I разъяренно стучал кулаком по столу:

— Я покажу им иронию!

Был затеян процесс, крупнейший после декабристов политический процесс в России. Двадцать один человек были приговорены к расстрелу за «злоумышленное намерение произвести переворот в общественном быте России».

Правительство Николая I побоялось, однако, расстрелять петрашевцев. Инсценировав на Семеновской площади сцену казни, Николай I в последний момент заменил ее каторжными работами. Гнусность подобной инсцени-

КАРМАННЫЙ

СЛОВАРЬ

иностранныхъ словъ,

вошедшихъ въ составъ Русскаго языка,

издаваемый

Николаемъ Кириловымъ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

При второмъ выпускѣ (который выйдетъ въ непродолжительномъ времени) будетъ приложена

КРАТКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ НАУКЪ.

1845.

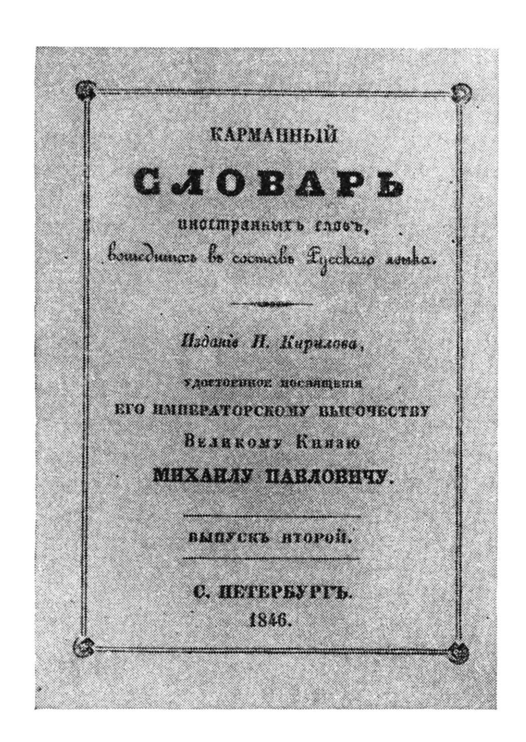
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

109. «Карманный словарь иностранных слов». Обложка первого выпуска 1845 г.

ровки, которая происходила в Петербурге на Семеновском плацу 22-го декабря 1849 года, в присутствии трехтысячной толпы, под охраной вооруженных войск, никак не служила украшением и без того отвратительной биографии гнуснейшего из русских самодержцев.

Даже по донесениям агентов Третьего отделения Петрашевский вел себя необычайно мужественно, стараясь всячески поддержать дух своих товарищей. В одном из таких донесений говорится:

«Весь процесс, предшествующий смертной казни, был исполнен с точностью, но, к сожалению, должно сказать, что в преступниках не было замечено того благоговейного чувства и страха, какого должно ожидать в столь горестные минуты жизни человеческой. Петрашевский был более всех дерзок. Он принимал позы, не свойственные его

КАРМАННЫЙ

СЛОВАРЬ

иностранныхъ словъ,

вошедшихъ въ составъ Русскаго языка.

Изданіе Н. Кирилова,

удостоенное посвященія

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

Великому Князю

МИХАИЛУ ПАВЛОВИЧУ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1846.

110. «Карманный словарь иностранных слов». Обложка второго выпуска 1846 г.

положению, помогал приковывать к ногам своим цепи. Когда надели на преступников саваны, он сказал своим злоумышленникам: «Господа! Как мы должны быть смешны в этих костюмах!» А по окончании чтения конфирмации, промолвил: «И только!»[4].

Никакое, самое сочувствующее перо не сумело бы описать лучше героического поведения Петрашевского и его товарищей во время этой мерзкой церемонии над ними. К тому же, сама церемония явно провалилась, не сломив и не запугав борцов за лучшее будущее своего народа.

Петрашевский пробыл на каторге и поселениях 17 лет. Он так и умер в Сибири. Побывал на каторге и Ф. М. Достоевский. Жестоко пострадали другие[5].

В процессе петрашевцев в материалах обвинения виднейшую роль играл «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка». Ведущие статьи

первой его части написаны Валерьяном Майковым, во второй — самим Петрашевским.

Любопытно, что юридического издателя «Карманного словаря» штабс-капитана Н. С. Кирилова официально решили не трогать. В деле «петрашевцев» его имя не фигурирует вовсе, а в книге «Общество пропаганды в 1849 году», изданной Э. Каспровичем в Лейпциге в 1875 году, сказано, что издатель «Карманного словаря» «остался без всякого за то преследования, не опрошен даже о лицах, доставивших статьи, отличающиеся такими дерзостями, какие у нас едва ли когда бывали не только в печати, но и в рукописях»[6].

Привлечение Кирилова к делу, вне всякого сомнения, затрагивало бы вопрос о посвящении второй части «Карманного словаря» члену царской фамилии. Как раз именно этот вопрос — всячески заминался. Возможно, что с штабс-капитаном расправились в келейном порядке.

Книга «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» — не только одна из редчайших русских книг, но и интереснейший памятник по истории русского революционного движения.

* *
*

В Центральном государственном историческом архиве (ЦГИАЛ) в Ленинграде я познакомился с некоторыми подлинными документами, непосредственно касающимися дела об издании «Карманного словаря иностранных слов».

Из этих документов видно, что еще до объявления словаря «подлежащим уничтожению» разгорелся спор между цензором Крыловым и Петрашевским по поводу статьи последнего «Организация промышленности», предназначенной для помещения в словаре.

Очевидно, что почувствовав «опасную» сущность содержания этой статьи Петрашевского и, вместе с тем, не желая полностью что-либо запрещать в издании, «удостоенном посвящения члену царской фамилии», цензор Крылов попробовал поступить со статьей, как якобы неподходящей для словарей вообще, а подходящей лишь для изданий, именуемых энциклопедиями. Было такое положение, предусматривающее в уставе о цензуре подобную разницу.

М. В. Петрашевский попробовал оспаривать это соображение цензора.

В делах Петербургского Цензурного комитета имеется собственноручное «Прошение» М. В. Петрашевского. «Прошение» это таково:

«В СПБ-ский цензурный комитет — Кандидата прав Михаила Васильевича сына Буташевича-Петрашевского — прошение.

Так как статья, предназначенная к напечатанию в Словарь Иностранных Слов, значительно изменена г. цензором Крыловым по той причине, что она, как ему кажется, более написанной для энциклопедии, нежели для словаря, как это выражено им в надписи, сделанной им собственноручно на статье: то прилагая при сем статью мою «Организация промышленности» и объявление об издании, которое было цензуровано самим г. Крыловым и где именно значится, что издание сие имеет быть «Энциклопедией понятий, внесенных иностранной образованностью в русскую литературу» — покорнейше прошу цензурный комитет обратить внимание на сие недоразумение должное внимание, уяснить его и сделанные в этом духе уничтожительные наметки г. Крыловым на статье моей «Организация промышленности» — устранить, как делающие ее бессмысленной в противность §§ 6. 11. 12. 15. 14 Цензурного устава. См. 4 т. Свода Гражданских Законов. Кандидат прав Михаил Буташевич-Петрашевский».

Это прошение было подано в Цензурный комитет 12-го марта 1846 года, о чем имеется соответствующая пометка регистратуры.

Прошением Петрашевского начинается папка дела, озаглавленного первоначально: «Дело 1846 года (68) об издании Кириловым «Карманного словаря...»

Далее слово «об издании» зачеркнуто и надписано «о конфискации и уничтожении изданного Кириловым «Карманного словаря». Началось 12-го марта 1846 г.— Кончено 10 декабря 1849 года на 33 листах».

К делу приложен экземпляр второго выпуска «Словаря» [7].

В ответ на прошение Буташевича-Петрашевского, цензор Крылов написал пространное объяснение на имя председателя Цензурного комитета Мусина-Пушкина. Написано это объяснение весьма любопытно и тоже приложено к «Делу».

Как и следовало ожидать, Мусин-Пушкин принял во внимание объяснения цензора, а не Петрашевского, и далее следует протокол заседания Цензурного комитета, из которого видно, что все действия цензора Крылова были

признаны правильными, а самому Петрашевскому предложено впредь «издавать статьи подобные этой — отдельной книгой — на общих основаниях».

Единственно, чему можно подивиться,— это быстроте производства: прошение Петрашевского подано 12-го марта, рапорт Крылова датирован 18-м, а протокол заседания Цензурного комитета — 19 числом того же месяца.

Несомненно, что причиной столь ускоренного прохождения делопроизводства был тот же ловкий трюк с посвящением словаря «августейшему имени».

Надо думать, однако, что спор, в который вступил Петрашевский с цензурой, был его роковой ошибкой. На словарь обратили излишнее и ненужное его издателям внимание.

Документальное подтверждение этому находим в делах Канцелярии министра народного просвещения, на имя которого попечитель С.-Петербургского учебного округа, бывший одновременно председателем Цензурного комитета,— Мусин-Пушкин прислал следующее отношение:

«Господину министру народного просвещения. В заседании 14-го сего мая (1846 г.) объявил я Спб-скому Цензурному комитету, что прочитав напечатанную в нынешнем году книгу, под названием: Карманный словарь иностранных слов (и т. д.), в 2-х томах — я нашел в ней многие мысли и выражения неприличные, могущие служить поводом для умов легкомысленных, к толкам и заключениям лживым и вредным. При этом обратил я внимание так же на два обстоятельства, во-первых, что рукопись с которой некоторые статьи книги были печатаны, так перемараны поправками, что трудно определить, были ли многие сомнительные места в виду у цензора во время самого рассматривания ее, или они после были прибавлены в виде поправок, во-вторых, что многие резкие и неблагородные выражения напечатаны курсивом с очевидным намерением обратить на них особенное внимание читателей. Вследствие сего я подтвердил рассматривающему помянутую книгу цензору статскому советнику Крылову об усилении строгости при ее цензуровании и в то же время объявил издателю ее штабс-капитану Кирилову, чтобы он приостановил продажею 2-го выпуска своего издания и выдачей его в публику, впредь до окончательного разрешения».

Далее запрашивается, как будет «благоугодно поступить» с книгой «Карманный словарь», и сообщается, что по показанию г. Кирилова и смотрителя типографии Гу-

бернского правления книга эта напечатана в числе 2000 экземпляров, из них состоит на лицо в типографии 1260, у переплетчика Бриссие 294 и у издателя в квартире 45 — всего 1599 экземпляров. Продано книгопродавцами в СПб-ге 27 экз., разослано ими в другие города 148, роздано издателем в Спб-ге 17, разослано иногородним 170, роздано в подарок 32 и доставлено в Ценз. комитет 7 — всего 401 экземпляр».

В заключение, председатель Цензурного комитета Мусин-Пушкин делает попытку всячески выгородить из этого дела цензора Крылова, «известного своим усердием, долговременной службой и благородным образом мыслей, а следовательно не имевшего в деле этом вредного намерения».

Последнее, однако, не помогло. Последовало строжайшее предписание министра Уварова от 16-го мая того же года, где приказывается цензору Крылову объявить строгий выговор, отобрать все экземпляры у издателя и типографии и дальнейшее издание словаря воспретить.

В этом документе, между прочим, говорится: «Не могу не предположить предосудительного намерения со стороны сочинителя, который резкие и неблаговидные места напечатал курсивом, чтобы обратить на них особенное внимание...»

По всему видно, что этот злополучный курсив, которым столь широко пользовались авторы «Словаря», особенно возмущал министра Уварова.

Далее в «Деле» имеется отношение Цензурного комитета, уведомляющее министра о том, что «артиллерии штабс-капитан Кирилов представил в Спб-ский Цензурный комитет находящиеся у него, в типографии и у книгопродавцев 1586 экземпляров полных и 14 неполных — всего 1600 экземпляров... Книги хранятся теперь в Ценз. комитете за печатью в особом сундуке».

Это отношение датировано 23-го мая 1846 года.

Беда, которая разразилась над вторым выпуском словаря, грозившая не только приостановкой дальнейшего его издания, но и находившемуся в продаже первому выпуску, не обескуражила Петрашевского и его представителя — штабс-капитана Кирилова.

Они решили бороться, чему служит приложенное к делу крайне любопытное заявление, составленное, по-видимому, Петрашевским и подписанное Кириловым. Содержание этого заявления таково:

«При усиленном старании моем, я успел собрать 1600 экземпляров 2-ой части моего издания, которые имею

честь представить в Цензурный комитет... При этом считаю за долг присовокупить, что начальство мое, вполне убежденное в благонамеренности образа мыслей моих, будет ходатайствовать у г-на Министра Нар. Просв. о благосклонном разрешении перепечатать все статьи г. Петрашевского, допущенные мною в издание по безусловной доверчивости моей и особенному цензорскому просмотру и одобрению; но некоторые из них по отпечатании оказались более чем несоответствующими главной цели моего издания, удостоенного посвящения князю Михаилу Павловичу. По этому случаю прошу приостановить уничтожение представленных мною экземпляров...»

По заявлению этому видно, что издатели все еще продолжали возлагать надежды на «августейшее имя», которому был посвящен второй выпуск словаря.

Надежды эти были не напрасны. Трюк с «посвящением» заставлял и министра народного просвещения и председателя Цензурного комитета продолжать заниматься делом о «Карманном словаре» значительно дольше, чем он в их глазах заслуживал.

26-го июля 1846 года министр народного просвещения Уваров специальным отношением уведомил Мусина-Пушкина о том, что в принципе он согласен удовлетворить просьбу Кирилова о возможности заменить страницы словаря, неудовлетворяющие требованиям цензуры — новыми, «соблюдая при этом особую осмотрительность».

В силу этого министр рекомендовал «поручить нескольким цензорам, независимо один от другого», заново пересмотреть словарь.

Это распоряжение министра было выполнено, и в особом ответе председателя Цензурного комитета по этому поводу говорится (9-го сентября 1846 г.), что «я поручил гг. цензорам Никитенко и Фрейгангу, независимо один от другого, пересмотреть вновь второй выпуск «Карманного словаря», и они, прочитав книгу, «исключили из нее все места, которые по их мнению могут казаться более или менее непозволительными».

Однако, сообщается далее, как «подобного рода мест оказалось в словаре весьма много, то Цензурный комитет, признавая невозможным перепечатать только некоторые его страницы, полагает оставить вытребованные от г. Кирилова экземпляры этой книги при делах Комитета, считая их уничтоженными...»

На документе резолюция: «г. Министр согласился с мнением оставить перепечатку книги».

Таковы архивные документы, иллюстрирующие цензурную историю «Карманного словаря иностранных слов».

Запечатанные в сундуке Цензурного комитета, экземпляры второй части словаря хранились довольно долго.

Из документов видно, что даже и в 1851 году (очевидно по инициативе пресловутого «Комитета 2-го апреля») потребовалось полное изложение «дела о словаре». В этом «изложении» за подписью старшего секретаря Янкевича особо опять отмечается, что «издание посвящено было в бозе почившему великому князю Михаилу Павловичу».

Наконец, уже 3-го марта 1853 года, судя по протоколу, хранящемуся в деле Цензурного комитета, все арестованные экземпляры второго выпуска «Карманного словаря» были преданы сожжению.

Так заканчивается история этого замечательного издания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым. Вып. I, Спб., В тип. Губ. правл. 1845.

То же. Вып. II. Спб., 1846 — На специальном листе перед текстом: «Его императорскому высочеству, государю великому князю Михаилу Павловичу, главному начальнику военно-учебных заведений всепреданнейше посвящает Николай Кирилов». 16°. Ч. I. Загл. л., 176 стр.; Ч. II. Нен. л. с посвящением, 177—324 стр., 17 стр. оглавлений, 4 л. чертежей к статье «Орден».

О первом выпуске словаря Белинский написал рецензию — См. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. Т. 9. М., 1955, стр. 60.

2. Типы современных нравов, представленные в иллюстрированных повестях и рассказах, издаваемых под редакцией Николая Кирилова. Спб. [Печат. во франц. тип.], 1845. На следующем выходном листе: Выпуск первый. Тертый калач. Сцены из провинциальной жизни. С 38 рис. Е. Ковригина, гравированными на дереве бар. Неттельгорстом. 8° (малая). 121 стр.— Все рисунки в тексте. Обложки иллюстр.

Книжка интересная и по содержанию и по иллюстрациям. О том, что автор «Тертого калача» — сам Н. Кирилов, мне сообщил профессор А. А. Сидоров. В его статье, помещенной в «Русской книге» (М., Гиз, 1925), на стр. 211-212 значилось, что повесть «Тертый калач» написал «молодой Чернышевский». Это ввело меня в заблуждение, и я повторил это утверждение при первом печатании настоящего рассказа в журнале «Смена» (1945, № 14). По словам А. А. Сидорова, у него это была опечатка, которую он не успел исправить. Следовало читать «молодой Петрашевский». Так как в целом ряде литературоведческих статей говорилось, в свое время, что Кирилов — это псевдоним Петрашевского, то, естественно, что теперь, когда давно уже выяснено, что Кирилов — живое лицо, помогавшее Петрашевскому в издании «Карманного словаря», профессор А. А. Сидоров считает именно его автором «Тертого калача». Документального подтверждения этому не имеется.

На книжку Кирилова была рецензия Белинского — см. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. Т. 9. М., 1955, стр. 56.

3. Цитируется по статье А. И. Малеина и П. Н. Беркова.— Труды Ин-та книги, документы, письма. Т. 3, ч. 2. Л., 1934, стр. 54.

4. «Былое», 1907, № 1, стр. 154.

5. Подробности о деле петрашевцев — см. «Дело петрашевцев». Т. 1—3. М.-Л., 1937. Интереснейшие новые сведения (в частности, о пытках, применявшихся на следствии к петрашевцам) — см. «Лит. наследство», т. 63, стр. 165.

6. Общество пропаганды в 1849 г. Собрание секретных бумаг и высочайших конфирмаций. Лейпциг, изд. Э. Каспровича, 1875, стр. 17. Составитель книги приводит это сведение, как цитату из «Мнения д. с. с. Липранди в высоч. учрежден. комиссию о злоумышленниках, 17-го августа 1849 г.», отпечатанного «совершенно секретно». Липранди играл омерзительную роль в деле петрашевцев. Провокатор Антонелли — его ставленник.

7. Все цитируемые и упоминаемые в этой части рассказа документы хранятся в ЦГИАЛ: а) фонд 777 — Спб-ский Цензурный комитет 1846, опись I, дело № 208615; б) фонд 772 — Канц. Министра Нар. Просв. по Гл. Упр. Ценз. (опись 4, дело № 149084).

«КАБИНЕТ АСПАЗИИ»

Известный дореволюционный библиофил и знаток русских иллюстрированных изданий В. А. Верещагин в 1914 году в Петербурге выпустил почтенной толщины книгу «Памяти прошлого»[1]. В книге помещен ряд статей и заметок о старинной мебели, о веерах, о модах, о книгах и о многом другом. Все эти статьи и заметки были ранее напечатаны автором в журналах «Старые годы», «Русский библиофил», «Столица и усадьба» и других.

Весьма возможно, что напечатанные порознь, статьи эти оставляли приятное впечатление, но будучи собранными вместе, в одну книгу, они стали чуточку напоминать каталог комиссионного магазина, владелец которого расхваливает свой товар исключительно только по той причине, что он старинный. Никаких других достоинств,

кроме древнего года рождения, у этого товара не оказалось.

Это тем более обидно, что В. А. Верещагин — человек с несомненным вкусом. Он был председателем петербургского Кружка любителей изящных изданий и выпустил ряд книг, образцовых по оформлению [2].

Любование стариной, вне связи с историей, развитием науки, культуры и искусства, — совершенно непонятно.

Предисловие автора книги «Памяти прошлого», в котором говорится: «От современной нам тусклой бездарности, от томительных будней мы словно стремимся уйти в мир иной, где жили полнее и благороднее чувствовали»,— сейчас просто смешно. Это же опять знаменитое: «В старину живали деды веселей своих внучат»...

Забавно, что в самой старинной книге, имеющейся у меня в библиотеке, в сочинении Семеона Полоцкого «Притча о блудном сыне», примерно это же самое говорилось в 1685 году, почти триста лет назад!

Да когда же, в конце концов, эти самые деды жили действительно лучше? При Адаме, или при Ное?

В книге В. А. Верещагина «Памяти прошлого» мое внимание остановила заметка, озаглавленная: «Кабинет Аспазии. Альманах на 1815 год».

Заметка написана в том же сентиментально-восторженном тоне, как и вся книга. Начинается заметка словами: «Вы конечно помните Аспазию, знаменитую гречанку, красавицу, умницу, обучавшую афинян красноречию, жену Перикла, друга Алкивиада и Софокла. Ее памяти посвящен прелестный альманашек 1815 года».

И далее: «Благоуханными цветами он усыпает свою дальнюю дорожку. Это не пышные розы и не роскошные орхидеи, пробуждающие своей чувственной прелестью греховные помыслы. Это скромные полевые цветочки: голубые васильки и незабудки, желтые лютики и алые лазоревки, душистые и нежные...»

Ряд примеров, приводимых В. А. Верещагиным, показывает, что альманах «Кабинет Аспазии» посвящен авторами и издателями (ни тех ни других В. А. Верещагин не называет) — женщинам, «прекрасному полу»... Разговор идет о модах, о «прелестных ручках и ножках» и о всем прочем, что характеризует подобные же издания того времени, вроде «Журнала для милых», «Дамского журнала» и так далее.

Заканчивает свою статью В. А. Верещагин призывом: «Перелистайте же альманах лучше сами! Вы найдете, я

111. «Кабинет Аспазии». Обложка альманаха — журнала Б. Федорова 1815 г.

уверен, на его пожелтевших страницах еще много таких же маленьких розовых жемчужин. Пробегите его нежные мадригалы и наивные эпиграммы, чувствительные романсы и элегии, дифирамбы и сказки, побасенки и песни. Они очаровательны любезной своей искренностью и свежей непосредственностью».

Я уже говорил, что альманахи и сборники — это своего рода «конек» моего книжного собирательства. Однако «Кабинета Аспазии» я в своем собрании не имел и, честно говоря, до В. А. Верещагина ничего о таком альманахе не слышал. Неудивительно, что я кинулся к своим «книжникам, но не фарисеям» с воплем: «Достаньте мне «Кабинет Аспазии»!

Книжники пожимали плечами и отвечали, что-де слыхать они о таком альманахе слыхали, но что он уже давненько не попадался...

— Да как давненько-то? — спросил я у одного, наиболее расположенного ко мне «мага и волшебника» книги,— год, два, десять?

— Ну, десять — не десять,— ответил мне «маг и волшебник»,— но я, как вы знаете, работаю в книжном деле лет сорок, так вот все сорок лет и не попадался...

Я понял, что «Кабинет Аспазии» принадлежит к тем непрославленным книжным редкостям, которые порой встречаются куда реже знаменитых и прославленных раритетов. О последних все знают, все их берегут, а такие вот «Кабинеты Аспазии», если иногда и появляются, то на них никто и внимания не обращает. При случае, их можно купить за копейки, только где же искать случай?

Но случай все-таки пришел.

У меня было одно чрезвычайно приятное знакомство, которым я очень дорожил и берег его, что называется как «зеницу ока». Это — знакомство (с горечью говорю — было) с ленинградским профессором-литературоведом Василием Алексеевичем Десницким, скончавшимся недавно на 81 году жизни.

Автор многочисленных трудов о Пушкине, Горьком и других русских писателях, В. А. Десницкий собрал библиотеку, которую смело можно было считать одной из достопримечательностей Ленинграда. Впрочем, покойный Василий Алексеевич и сам был неотъемлемой достопримечательностью этого города. Познания Василия Алексеевича в книжном деле были безбрежны, и нет ничего удивительного, что в одно из своих посещений этого чудесного человека, я обратился к нему с вопросом, что он может рассказать мне о «Кабинете Аспазии»?

Василий Алексеевич погладил бороду и, поблескивая очками спросил, в свою очередь:

— Это какой же «Кабинет Аспазии»? Восемьсот пятнадцатого года, наверное?

Я было кинулся рассказывать профессору о статье Верещагина, о своих долгих и бесплодных поисках этого «альманашка», но В. А. Десницкий, остановив поток моего красноречия, протянул руку к полке и достал маленькую, толстую книжку в стареньком переплете. Жестом, полным нарочитой, но очаровательной небрежности (ах, надо знать библиофилов!), он перебросил эту книжку на мой конец стола:

— Вероятно, вы говорите об этом «Кабинете Аспазии»?

На моем лице отразилось при этом столько откровенного удивления и еще более откровенной зависти, что Василий Алексеевич не выдержал, расхохотался и сказал:

— Ну ладно, ладно! Не завидуйте! Владейте этим «Кабинетом»,— мне он вовсе не нужен...

В. А. Десницкий проживал в Ленинграде почти в самом конце Каменноостровского проспекта. До «Европейской гостиницы», где я останавливаюсь,— немалый конец. Я не стал ждать ни такси, ни автобуса, а отмахал пешком это расстояние в рекордно короткий срок, производя вероятно, на встречных прохожих впечатление не очень нормального человека. Но, что знают прохожие о ни с чем не сравнимой радости прибежать домой и начать перелистывать долгожданную книжку?

Прежде всего, оказалось, что «Кабинет Аспазии» — не альманах в строгом значении (кстати, очень спорном) этого слова. Точное именование книги: «Кабинет Аспазии. Литературный журнал». Издание выходило ежемесячными книжками, примерно, от 80 до 100 страниц в каждой. Всего за половину 1815 года вышло шесть книжек. Однако назвать «Кабинет Аспазии» журналом — оснований не много. В конце шестой книжки объявление издателей гласит, что продавался этот полужурнал-полуальманах сразу полугодием, «в двух частях в переплете», по цене 12 рублей. Внешне, по размеру (шестнадцатая доля листа), да и по характеру содержания, он так же ближе к альманаху [3].

В следующем полугодии вышла еще одна седьмая книжка «Кабинета Аспазии», но ее нет в моем экземпляре, да и вряд ли она находима вообще. Первые шесть книжек, продававшиеся переплетенными вместе, еще могли уцелеть, как нечто единое, а уж отдельная книжонка, существовавшая, что называется, на отшибе,— вовсе исчезла с книжного горизонта.

Ознакомление с содержанием этого «Кабинета Аспазии» показало, что и первые-то шесть номеров этого «литературного журнала» хранить в библиотеках современным ему собирателям нужды особой не было.

Нельзя не согласиться с критиком «Сына отечества», который в этом «Кабинете Аспазии», именовавшем себя литературным журналом, «не увидел ни журнала, ни литературы». Это — случайное собрание плохих стихов, прозаических подражаний Карамзину, пошловато-сентиментального порядка. Мелочи, анекдоты о ручках и ножках «милых», хвалебная статейка в честь графа Хвостова

и две-три «антикритики», огрызающиеся на «Сына Отечества» и другие журналы. Сомнительно, чтобы сама Аспазия, знаменитейшая женщина Греции, выбрала бы именно этот альманах в качестве своего «кабинета».

Если он и представляет какой-то интерес сейчас, то отнюдь не с той стороны, с которой восторгался им В. А. Верещагин. Издавал «Кабинет Аспазии» пресловутый Борис Федоров, и, просматривая сейчас его «нежные эпиграммы и наивные мадригалы», невольно вспоминаешь экспромт, написанный не то Дельвигом, не то Соболевским:

«Федорова Борьки
Мадригалы горьки,
Эпиграммы сладки,
А доносы гадки...»[4].

Деятельность стихотворца, драматурга, журналиста и писателя для детей Б. М. Федорова, во всем, кстати сказать, равно бездарного, может служить материалом для исследования литературных нравов своего времени, но отнюдь не должна вызывать чьи-либо умиления и восторги.

В. Г. Белинский почти все рецензии на федоровские книжки для детей заканчивал неизменным возгласом: «Бедные дети!» В рецензиях на прочие сочинения Б. М. Федорова у В. Г. Белинского всегда звучали только сарказм и насмешка. Не жаловал великий критик этого писателя! Да и не за что было его жаловать.

Один из отвратительнейших поступков Б. М. Федорова заслуживает, как мне кажется, более подробного рассказа. Он относится к 1858 году, когда, после появления сатирического журнала «Весельчак», издававшегося Адольфом Плюшаром, на улицу высыпал дождь юмористических листков с самыми «зазывными» названиями.

Уличные листки эти подробно описаны Н. А. Добролюбовым в известной его статье, специально посвященной их разбору и характеристике. Уже в наше время напечатана статья И. Г. Ямпольского, также посвященная этим уличным листкам и содержащая ряд новых, интересных подробностей[5].

Появление журнала «Весельчак», породившего уличные листки 1858 года, а вслед затем выход в свет лучшего русского сатирического журнала шестидесятых годов «Искра», во главе с В. С. Курочкиным и Н. А. Степановым, вызваны подъемом общественной мысли после падения Севастополя

ВЕСЕЛЬЧАКЪ

ЖУРНАЛЪ ВСЯКИХЪ РАЗНЫХЪ СТРАННОСТЕЙ

СВѢТСКИХЪ, ЛИТЕРАТУРНЫХЪ, ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ И ИНЫХЪ

№ 1. — 1 ФЕВРАЛЯ. — 1858 ГОДА.

МИЛОСТИВѢЙШІЕ ГОСУДАРИ,

112. «Весельчак».
Лист первого номера журнала 1858 г.

в 1855 году. Появился спрос на обличительную литературу, которая, с одной стороны, блеснула «Губернскими очерками» М. Е. Салтыкова-Щедрина и прогрессивным демократическим журналом «Искра», а с другой — имела в своем арсенале и ряд бесцветных журналов, вроде того же «Весельчака», «Арлекина», «Гудка», «Развлечения» и других.

К их числу необходимо отнести и весь «вихрь» уличных листков, откровенно спекулировавших на этом спросе на обличительную литературу.

М. А. Антонович в своих мемуарах писал об этих листках:

«В то время свирепствовала мания, какое-то поветрие

на издание сатирических листков, которые натуживались забавлять и смешить читателей»[6].

Литературный материал этих листков был низкого качества, но распространение они имели весьма значительное. Н. А. Добролюбов, в своей статье об уличных листках 1858 года приводит такую сценку:

«Я сам видел, как одного почтенного горбатого чиновника, бежавшего в департамент с портфелем под мышкой и, по-видимому, с очень мрачными мыслями, остановил вдруг на Невском проспекте ловкий господин, запустивший руку в карман пальто почтенного чиновника. «Что это, что это значит?» — забормотал испуганный чиновник. — «Пять копеек-с, — развязно отвечал ловкий господин, указывая на листок «Смеха», торчавший уже из кармана горбатого чиновника. Бедняк, застигнутый врасплох, остановился, разинув рот, но, не будучи в состоянии произнести ни одного слова, с видом отчаяния и покорности судьбе взглянул он на «Смех», медленно вынул из кармана пятачок и молча подал его развязному господину, с такою печальною, убитою гримасой, что на него смотреть было жалко. Но развязный господин был, по-видимому, слишком весел для того, чтобы проникнуться чувством сострадания: он жадно схватил пятачок, проговорил с улыбкою: «точно так-с» и исчез»[7].

Так, примерно, распространялись эти листки газетчиками на улицах. Листки и внешне имели сходство с газетой, они издавались размером в пол-листа, на четырех страницах.

Кстати, эта газетная форма юмористических листков, служила, по мнению цензуры, одной из причин их большого распространения. Позже, когда было решено покончить с листками, их прежде всего предложили печатать уже не в форме газеты, а в виде брошюр, размером в восьмую долю листа. Получилось нечто вроде книжек, которые продавать на улице было уже неудобно, и издания эти быстро исчезли. Впрочем и увлечение ими тоже прошло, так как немудрящее содержание их перестало удовлетворять даже тех невзыскательных читателей, на которых листки были рассчитаны.

В истории журналистики появление уличных листков 1858 года было чрезвычайно характерным фактом. Этот факт, правда очень своеобразно, повторился в начале семидесятых годов, в разгул реакции.

Появился почти такой же «вихрь» лубочных изданий, на этот раз имевших форму уже не газеты и не брошюры,

СМѢХЪ И ГОРЕ.

Продается везде, безъ подписки.

ГОВОРУНЪ

Цѣна 5 коп. серебромъ за листъ.

БЕЗСТРУННАЯ

БАЛАЛАЙКА.

ЛИСТОКЪ

ЗАБАВНАГО СМѢХОСЛОВІЯ И

ЮМОРИСТЪ.

ЛИТЕРАТУРА ВЪ ХОДУ.

1-го Мая 1858 года.

ДЯДЯ ШУТЪ ГОРОХОВОЙ,

СО ПЛЕМЯННИКИ

ЧЕПУХОЙ И ДРЕБЕДЕНЬЮ.

113. Несколько «уличных листков» 1858 года.

и носивших подзаголовок «альманах», или «литературный сборник». Все они были размером в четвертую долю листа и имели от 8 до 16 страниц текста; по содержанию они мало чем отличались от «юмора» летучих листков 1858 года. Эти издания указаны в моей книге «Русские альманахи и сборники 18 и 19 веков»[8].

Можно вспомнить, что во время революционных событий 1905—1906 годов появился тоже целый вихрь сатирических изданий — однодневок, выходивших в форме журналов, кончавших свое существование, за редкими исключениями, на первом, втором, или третьем номере. Разумеется, революционное содержание этих журналов не идет ни в какое сравнение ни с уличными листками 1858 года, ни с лубочными альманахами и сборниками семидесятых годов. Различны и причины возникновения тех и других. Речь идет лишь о формальном сходстве.

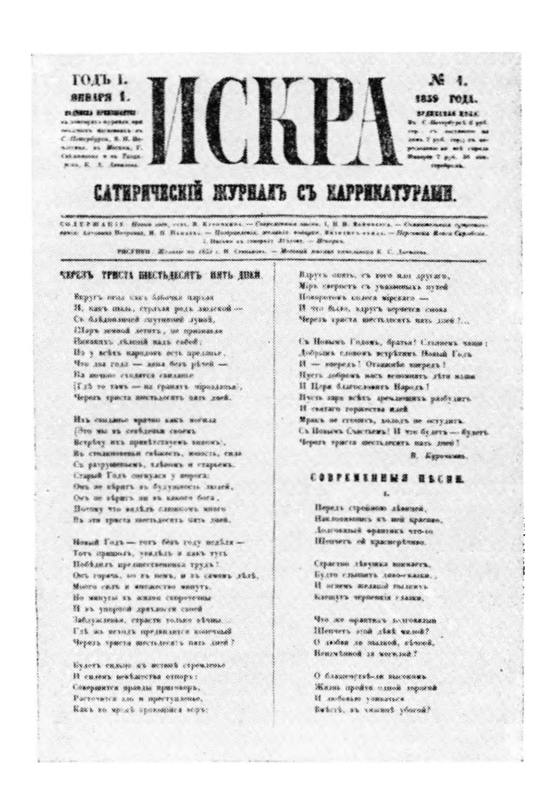
Немало было выпущено сатирических изданий, разнообразных по форме и, в большинстве случаев, убогих по содержанию, после февральской революции 1917 года. Это был тоже своего рода «вихрь» листовок и журналов.

В последний раз нечто подобное такому же «вихрю» уличных юмористических листков, появилось было уже в наше советское время, в 1922 году.

В какой-то мере, в этом последнем «ренессансе» был повинен я сам. Хорошо относившийся к моим эстрадным выступлениям народный комиссар просвещения Анатолий Васильевич Луначарский, как-то поддался на мои уговоры о необходимости популяризации эстрадного репертуара и разрешил мне издать его в виде юмористической газеты. Был я тогда еще очень молод и, не задумываясь, написал какую-то забавную «передовую», смешную «хронику», сатирические «объявления» и прочее. Самое же главное, дал газетке более чем неуместное название: «Известия Смирнова-Сокольского».

Курьезная газетка незаслуженно прошумела и привлекла внимание, мною никак не ожидавшееся. Появились и другие юмористические газетки, вроде «Веселой простокваши», просто «Простокваши» и так далее. Все это отличалось крайне невысоким качеством и быстро было прикрыто тем же Анатолием Васильевичем. Встречаясь со мной, он долгое время после этого, еще издали, сердито грозил мне пальцем: «Я покажу вам «Известия»!»

Это было не страшно, так как человека, равного Анатолию Васильевичу по душевной доброте, не было на свете. Этот талантливейший, европейски образованный публи-

ГОДЪ I.
ЯНВАРЯ 1.

ИСКРА

№ 1.
1859 ГОДЪ.

САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ СЪ КАРРИКАТУРАМИ.

ЧЕРЕЗЪ ТРИСТА ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЯТЬ ДНЕЙ.

В. Курочкинъ.

СОВРЕМЕННЫЯ ПѢСНИ.

I.

114. «Искра». Лист первого номера журнала 1859 г.

цист и политик обладал большим чувством юмора и единственно, к чему относился непримиримо,— это к пошлятине, в чем бы она ни проявлялась. Был он страстным библиофилом, и его многоязычная библиотека являлась предметом, о котором он говорил много и охотно. А говорил он ярко, красочно, увлекательно. Незабываемый человек! Множеству советских артистов, писателей и художников он оказал чуткую помощь и поддержку.

Возвращаясь к летучим листкам 1858 года, надо сказать, что сейчас они, разумеется, чрезвычайно редки. Ну кто же собирал подобную литературу? Конечно, только специалисты — литературоведы. Коллекция, собранная именно таким специалистом — П. А. Ефремовым, и попала в мою библиотеку. После мне удалось пополнить ее: изредка листок-другой еще попадались на книжном рынке. Я приведу здесь их список, так как самые названия листков

характеризуют в достаточной степени содержание и направление этих летучих изданий. Вот он:

«Смех № 0», «Смех № 00», «Смех под хреном», «Смех смехович», «Пустозвон» (три номера), «Смех и горе» (три номера), «Ералаш» (два номера), «Шутник», «Потеха» (два номера), «Пустомеля», «Рододендрон», «Щелчок», «Дядя шут гороховый, со племянники чепухой и дребеденью», «Бесструнная балалайка», «Юморист», «Раек» (два номера), «Сплетни», «Литература в ходу» (два номера), «Правда деда Федота», «Фантазер», «Сплетник», «Фонарь», «Смех» («Чудеса в решете»), «Русский мужичок-говорун», «Смех и горе-горемыка», «Смех и горе», «Бардадым», «Бессонница», «Попугай», «Всякая всячина», «Новейшие юмористические рассказы» (два номера), «Картинки с натуры» (три номера), «Не журнал и не газета», «Разгулье на петербургских островах», «Говорун», «Муха», «Юбки кринолины», «Турусы на колесах» (два номера), «Правда в стихах и прозе». Вероятно были и другие, но не много.

Авторами и, в большинстве случаев, издателями этих листков являлись следующие лица: А. К. Фриде, С. И. Турбин, Е. Бернет, Г. П. Надхин, П. И. Пашено, Б. И. Корзон, Е. С. Щукин, Н. Н. Герасимов, А. Узанов, К. Т. Козлов, А. К. Нестеров, М. Евстигнеев, А. Балашевич, И. К. Зейдель, А. Троицкий, Танеев, Л. Пивоваров, Н. Брусков.

Часть этих людей — писатели, которые стали участниками листков случайно, часть — профессионалы лубочной литературы.

Труд и тех и других в летучих листках не внес в литературу какого-либо мало-мальски ценного вклада, но и не нанес ей существенного вреда. Можно вполне согласиться с цензором А. В. Никитенко, записавшим у себя в дневнике следующее: «Поутру был у князя Щербатова. Неутешительный разговор о современных делах. В Главном правлении училищ генерал-губернатор напал на несчастные листки, которых развелось ныне множество и которые продаются на улицах по пяти копеек. Это его пугает. Между тем, в этих листках нет ничего ни умного, ни опасного. Им строго воспрещено печатать что-нибудь относящееся к общественным вопросам. Это пустая болтовня для утехи гостинодворцев, грамотных дворников и пр. Один господин литератор и мне говорил, что их следовало бы запретить. Зачем? — отвечал я. — Конечно, это вздор, но он приучает грамотных людей к чтению. Все-таки это лучше кабака и харчевни. Между тем, от вздорного они

БАСНЯ

ОРОСКОПЪ КОТА

(акростихъ)

Котъ Васька, [illegible] и кривой
Отсюда въ альбіонъ забрался,
[illegible] придумалъ край родной,
Онъ въ чужихъ [illegible], ума набрался;
Къ [illegible] рядамъ присталь,
Онучи съ полушубкомъ тертымъ,
Лежанку, на которой спалъ.
Ѣ . . . .
Щипесь, да рвать, не уставалъ
И весь тотъ соръ — въ журналѣ издавалъ!
Какъ вдругъ молва о томъ идетъ
У бриттовъ alien bill — въ законъ войдетъ!

Пришельцу Васькѣ, сталъ грозить
Европы общій приговоръ:
Такихъ какъ онъ велятъ ловить;
Ловить, чтобы печатный издеръ,
Ясновельможный котъ и воръ,
Гремучимъ [illegible] сорочъ
Отнюдь не бросалъ въ людей.
Тутъ Ваську, какъ [illegible] хоромъ,
Отправятъ вдругъ въ Ботанибей.
Велятъ: за [illegible] надѣть,
А колоколъ коту — къ хвосту привѣсить;

И выйдетъ тутъ такой трезвонъ,
Что мыши, крысы и педанты,
Сулилъ которымъ гибель онъ,
Не попадутъ ужъ въ арестанты!

[illegible]

Въ типографіи Х. Гинце.
Печатать позволяется. Цензоръ [illegible]. С. Петербургъ, [illegible] Апрѣля 1858 г.

115. «Ороскоп кота».
Листок Б. Федорова 1858 года, направленный против А. Герцена, Н. Чернышевского и Н. Некрасова.

мало-помалу перейдут и к дельному. Ведь и хлеб вырастает из навоза. Да и что это за система — все запрещать. К чему только протянет руку русский человек самым невинным образом, тотчас и бить его по рукам. Ведь и в старину издавались же для народа лубочные картины с разными рассказами и сказками! Но наши великие администраторы во всем видят опасность»[9].

Повторяю, что с этими суждениями о летучих листках цензора Никитенко можно было бы согласиться, если бы в их число не внес и своего «вклада» интересующий нас сейчас Борис Михайлович Федоров. «Вклад» его был, разумеется, просто подлый, и листки его резко отличны от всех других листков 1858 года.

В приведенный выше список летучих листков я нарочито их не включил, так как считал, что подобные

«опусы» Бориса Федорова заслуживают быть представленными отдельно. «Листков» у него было всего два и назывались они: «Басня ороскоп кота (акростих)» и «Моим трутням совет».

Первый листок напечатан в Петербурге, в типографии X. Гинце и имеет цензурное разрешение от 10-го апреля 1858 года. Это — второе издание листка. Первое вышло в феврале того же года. Весь текст напечатан на одной стороне листа и представляет из себя стихотворение-акростих следующего содержания:

«Кот Васька, желчный и кривой
Отсюда в Альбион забрался,
Ломать придумал край родной,
Он в чуже, знать, ума набрался:
К мадзиновским рядам пристал.
Онучки с полушубком тертым,
Лежанку на которой спал,
Ь . . . .
Щипать, да рыть не уставал
И весь тот сор — в журнале издавал!
Как вдруг молва о том идет
У бриттов alien bill — в закон войдет!
Пришельцу Ваське стал грозить
Европы общий приговор:
Таких как он велят ловить,
Ловить, чтобы печатный вздор,
Ясновельможный кот и вор,
Гремучим наполняя сором,
Отважно не бросал в людей!
Тут, Ваську, как освищут хором,
Отправят вдруг в Ботанибей,
Велят: за полюса — звезду повесить,
А колокол коту к хвосту привесить.
И выйдет тут такой трезвон,
Что мыши, крысы и педанты,
Сулил которым гибель он,
Не попадут уж в арестанты!»

Вся эта галиматья подписана «Ижицын», расшифрованным ныне псевдонимом Бориса Федорова.

Из первых букв этого, с позволения сказать, акростиха получается фраза: «Колокольщику петля готова». Не трудно догадаться, что под «Колокольщиком» подразумевался издатель «Колокола» А. И. Герцен. Злобная пена

МОИМЪ ТРУТНЯМЪ СОВѢТЪ.

(акростихъ.)

О, богатый, хлыщеватый,
Бородатый и косматый
Евстигнѣичъ — полный духъ,
Заключишь ли — ты мой кумъ?
Іо, бьютъ Итальянцы,
Я, затѣялъ эти стансы:
На бѣду врагу — Русскому врагу!
Аль учитель, аль люстраторъ,
Минтъ другой: что — литераторъ!
Ъ . . . .

Трутень прихотливый,
Рьяный балагуръ,
Ежикъ ты болтливый
Звонко фальшивишь: чуръ!
Внемли же совѣту
«Оресковъ»: не твой!
Не брани же по свѣту
Астрологъ бой!

Примѣчаніе. Въ краткомъ и отчетливомъ руководствѣ: «О выборѣ стихотворнаго размѣра», изд. въ Москвѣ, въ 1856 г., на стр. 50. ч. I, между прочимъ сказано: «Сочиненіе можетъ быть написано стихами равномѣрными, или стихами разномѣрными. Басни обыкновенно разсказываются стихами *произвольно разномѣрными*, что называютъ вольными». Поставляемъ это правило на видъ одному учителю преславутой азъ-буки, который въ № 16 «Иллюстраціи», въ «дневникѣ знакомаго человѣка», проявилъ не знаніе не только этого правила, но даже и самаго обыденнаго употребленія и склоненія именъ прилагательныхъ. Въ бранчивой нелѣпости про какой-то торговый домъ, онъ ухитрился вставить родительный падежъ женскаго, вмѣсто именительнаго падежа мужескаго рода, написавъ: «*торговой домъ*»! Невольно спрашивается въ какой-же модной лавкѣ «смѣшенья языковъ французскаго съ нижегородскимъ», стяжалъ подобныя педагогическія познанія, учитель, сравнившій насъ съ русскимъ нѣмцемъ Клейстеромъ изъ «извѣстной» булочни, и безсознательно поместившій насъ, вставивъ насъ въ рядъ издателей «по питанку»! Но эти лица, содѣйствуя трудомъ и благонамѣренной и безкорыстной цѣли пониженія высокихъ цѣнъ, вкоренившихся въ русской книжной торговлѣ, достойны не порицанія, а справедливой похвалы; относительно же легкости юмора и даровитости, они, по самой безпристрастной оцѣнкѣ, стоятъ несравненно выше азбучнаго преподавателя, незнающаго правилъ стихотворнаго «искуства», о которыхъ «топорщась, хмурясь и пыхтя» желаетъ толковать.

Подобно этому, нѣкто, обратился къ намъ, по поводу изданной нами басни «Оресковъ кота» (*), съ грудою такихъ нелѣпыхъ вопросовъ, на которые мы не имѣемъ ни охоты, ни возможности, возь-

(*) Продается въ книжномъ магазинѣ г. Пичкевича, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора, въ домѣ № 44.

116. «Моим трутням совет». Второй листок Б. Федорова 1858 г.

тупорылой шавки брызжет на него и в самом содержании стихотворения.

Несколько загадочными казались последние четыре строки стихотворения, из начальных букв которых получается непонятное «ИЧСН». Долгое время это расшифровывали, как «и черт с ним», то есть — полностью: «Колокольщику петля готова и черт с ним». Советский литературовед Ю. Г. Оксман предложил куда более точную расшифровку «ИЧСН». Это значит: «и Чернышевскому с Некрасовым», или полностью: «Колокольщику петля готова и Чернышевскому с Некрасовым». Ю. Г. Оксман, конечно, держится более правильного мнения о мере подлости господина Федорова.

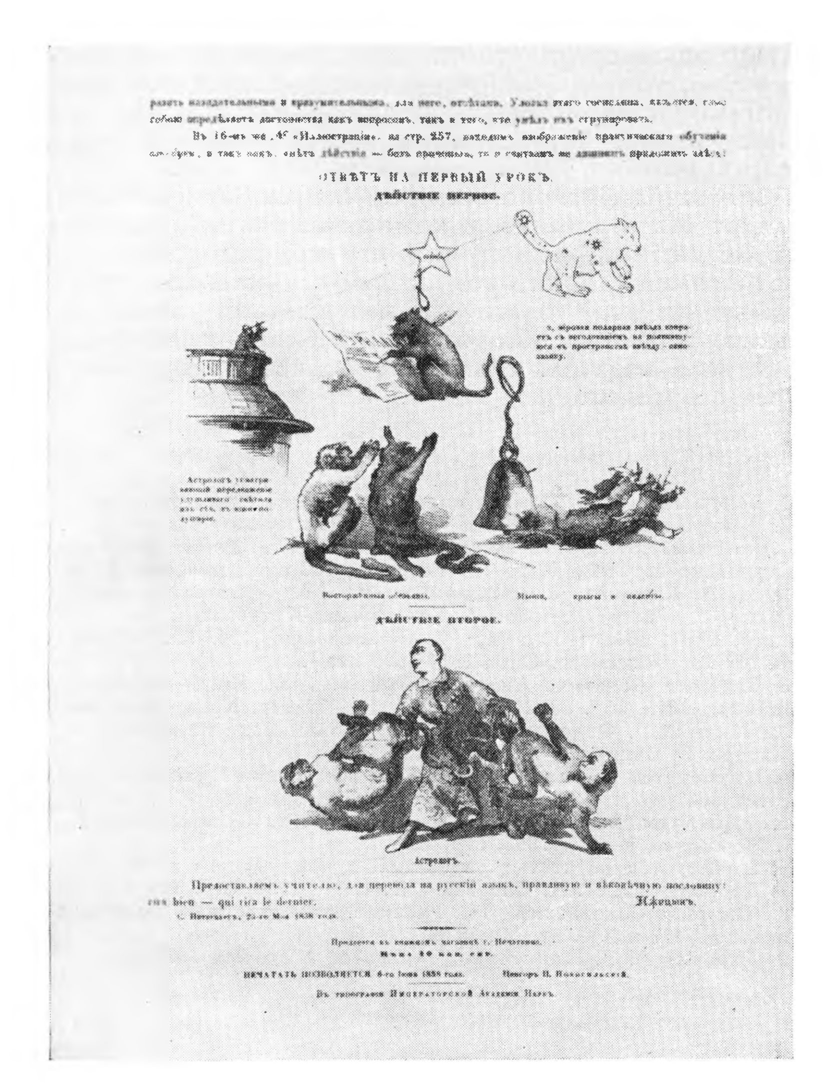
Листок этот, несомненно, издан с благословения и при помощи Третьего отделения, в котором Борис Федоров считался своим человеком. Популярность летучих листков была использована охранкой в целях своеобразной агитации против А. И. Герцена, Н. А. Некрасова и Н. Г. Чернышевского. Имя Герцена не было полностью названо, так как существовало запрещение даже упоминать эту фамилию в печати. Охранка не хотела нарушать своих же собственных постановлений.

Пасквиль не мог нанести Герцену какого-либо вреда, и он высмеял его у себя в «Колоколе» (1858 г., № 17), перепечатав целиком. «Наконец-то,— писал Герцен,— разрешено в России говорить о «Колоколе», хотя для начала только по-китайски, читая буквы сверху вниз...»

Н. А. Добролюбов написал ироническую рецензию в «Современнике», прикинувшись ничего не понимающим в содержании акростиха, но так, что читателям было все ясно. Рецензию эту цензура из журнала вырезала, но с текстом познакомила Федорова, подбивая его на ответ.

До Н. А. Добролюбова против пасквилянта выступила «Иллюстрация» В. Р. Зотова, разумеется, тоже в крайне осторожной форме.

В ответ Б. Федоров выпустил второй листок, так же под псевдонимом «Ижицын», с названием «Моим трутням совет». Здесь был напечатан акростих, из начальных букв которого выходило «Обезьянам трезвона», подразумевая «подражателей» А. И. Герцена. В содержании самого акростиха заключалась беспардонная брань по их адресу. На обороте листка напечатано несколько рисунков, изображающих колокол, петлю, обезьян-подражателей и так далее. Листок напечатан в типографии Академии наук и разрешен цензурой 6-го июня 1858 года.

117. «Моим трутням совет». Оборотная сторона листка Б. Федорова.

Надо ли говорить, что оба пасквильных листка Бориса Федорова сделаны бездарно, без тени остроумия. Но они представляют несомненный интерес как документы, свидетельствующие о борьбе лагеря крепостнической реакции с революционным демократом А. И. Герценом.

Подловатая физиономия пасквилянта Бориса Федорова выглядит отвратительно, и можно еще раз подивиться, как В. А. Верещагин, рассматривая его же, федоровский, «Кабинет Аспазии», нашел возможным с умилением говорить, что альманах этот «благоуханными цветами усыпает свою дальнюю дорожку»? «Дорожка» эта была, отнюдь не дальней и вела издателя альманаха Бориса Федорова прямо в Третье отделение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Верещагин, В. А. Памяти прошлого. Статьи и заметки. Спб., 1914.

2. Четыре книги, имеющиеся у меня, заслуживают такого определения. Они называются: 1. «Невский проспект» Н. В. Гоголя, с рисунками Д. Кардовского. Спб., 1905. (Напечатано 150 экземпляров); 2. Четыре басни И. А. Крылова, с неизданными рис. А. Орловского. Спб., 1907 (500 экз.); 3. «Рассвет», поэма А. Голенищева-Кутузова, с рис. А. Пятигорского. Спб., 1908 (250 экз.); 4. «Казначейша», М. Ю. Лермонтова, с рис. М. Добужинского. Спб., 1914 (500 экз.).

3. Кабинет Аспазии. Литературный журнал. Кн. I—VI. Спб., тип. И. Байкова, 1815. 16°. 88, 106, 127, 114, 111, 77 стр. Кроме многочисленных сочинений Б. Федорова (издателя) в альманахе помещены работы А. Рихтера, В. Бахирева, И. Исакова и др.

4. Цитируется по книге В. Вересаева «Спутники Пушкина». Т. 2. М., 1937, стр. 366.

5. «Доклады и сообщения филолог. ин-та Ленингр. ун-та им. А. А. Жданова», вып. 2, 1950, стр. 117.

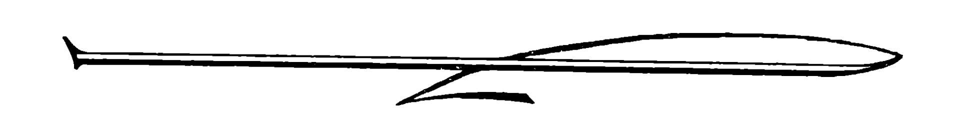
6. Цитируется по статье, указанной в предыдущем примечании.

7. Добролюбов, Н. А. Собр. соч. Т. 1. М., 1950, стр. 599.

8. Смирнов-Сокольский, Н. Русские литературные альманахи и сборники XVIII и XIX вв. М., 1956.

9. Дневник А. В. Никитенко. Запись от 17-го мая 1858 года.

ТЕТРАДЬ ПЕТРА КАРАТЫГИНА

Примерно в 1935 году, в руках одного московского букиниста оказалось несколько старинных книг «по театру» и небольшая связка рукописных тетрадей и бумаг, приобретенных, по его словам, у дальних родственников известного историка театра А. А. Чебышева.

Самые рукописи, среди которых выделялась толстая, старенькая тетрадь с какими-то черновыми записями стихов и экспромтов, по мнению букиниста, принадлежали перу владельца — театроведа А. А. Чебышева и за таковые были уступлены мне, вместе с книгами.

При проверке тетрадь и бумаги оказались, однако, значительно более интересными. Все они являлись частью личного архива артиста петербургского Александринского

театра Петра Андреевича Каратыгина, брата знаменитого русского трагика Василия Каратыгина.

В толстенной тетради, переплетенной в старенький того времени переплет, содержались черновики и переписанные набело рукой самого Каратыгина его стихи и экспромты. Они же были написаны и на многочисленных отдельных листках. Здесь же имелась рукопись переделанной Каратыгиным с французского пьесы «Черное пятно», представленной «в первый раз на Александринском театре 8-го января 1865 года». На задней крышке старинного марокена, в который была переплетена рукопись, наклеена исполненная маслом самим Каратыгиным (он был и художник) иллюстрация к этой пьесе — «Действие первое, явление десятое». Пьеса, по-видимому, была подготовлена к печати, и к ней приложена программа первого представления с указанием исполнителей.

В отдельном пакете собраны различного рода письма и документы, относящиеся к Каратыгину. Среди них — официальные послания от «Министерства Императорского двора»,— одно с извещением Каратыгина, что он назначен преподавателем Театрального училища, а другое — предваряющее об его отставке. Кроме того, имелось несколько писем, повесток, приглашающих на репетиции, печатные листки с некоторыми произведениями Каратыгина, автограф любопытнейшего стихотворения поэта А. Н. Криницына («Барон Пузин») и ответ Каратыгина на это стихотворение. Оба последние произведения были напечатаны в «Русской старине»[1]. Зато кое-что в черновиках самого Каратыгина было явно и «непечатного» содержания.

Все это, разумеется, интереснейший материал для историка театра. Букинист, которому этот материал «приплыл» в руки, очевидно за недосугом, не успел в нем разобраться и расстался со всеми книгами и бумагами, что называется, «без печали и воздыхания».

Петр Каратыгин (1805—1879) — современник Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Щепкина, Сосницкого, Шаховского, Семеновой, Яковлева, Брянского, а во второй половине своей жизни — Белинского и Некрасова, Чернышевского, Герцена и Добролюбова,— был актером, о котором В. Г. Белинский писал, что он — «талант односторонний, годный не для многих ролей, но тем не менее весьма замечательный». Роль Репетилова в грибоедовской комедии послужила началом его успеха.

Более известен Петр Каратыгин, как автор замечательных «Записок»[2], обнимающих полувековую историю рус-

ского театра, а так же как драматург, написавший свыше семидесяти водевилей, не сходивших, в свое время, со сцены. Переделывая и приспособляя к «русским нравам» французские, и отчасти, немецкие комедии, Каратыгин обильно снабжал их куплетами на злобу дня, придавая водевилям сатирическую направленность. Его водевиль «Авось, или Сцены в книжной лавке» — бил по Гречу и Сенковскому, «Знакомые незнакомцы» — по Булгарину и Полевому; особенно долго держались в репертуаре «Вицмундир», «Черное пятно» и другие.

Но больше всего способствовали популярности Петра Каратыгина его злободневные эпиграммы, экспромты, стихи и басни на политические, театральные и литературные темы, которые потом долго ходили по Петербургу, обижая одних и доставляя радость другим. Кое-что из этого его литературного наследия было напечатано еще при жизни автора, кое-что — после его смерти, но громадное большинство осталось в черновиках, значительная часть которых находится сейчас в поле нашего зрения.

Эпиграммы и экспромты Петра Каратыгина — это тоже своеобразная летопись его эпохи, носящая, правда, негативный характер, вследствие отсталых взглядов автора. Воспитанный в традициях классицизма, преклоняясь перед Шекспиром, Мольером, Шериданом, Бомарше и Гольдони, Петр Каратыгин ненавидел бытовой репертуар и во второй половине своей жизни стал ярым врагом «натуральной школы». Человеку с воззрениями двадцатых и тридцатых годов пришлось встретить сороковые годы — эти переходные годы между двумя этапами русского освободительного движения — дворянским и разночинским, или буржуазно-демократическим. Он пережил эпохи шестидесятых и семидесятых годов, не поняв крушения старого и не оценив наступления нового.

Черновая тетрадь его эпиграмм, стихов и экспромтов начинается периодом Севастопольской войны 1853 года и кончается почти последними днями его жизни. Для образца стоит взять наудачу немногое. Вот, например, басня «Русский молодец и заморские гости». Она из серии тех многочисленных «ура-патриотических» стихотворений, которые в изобилии выходили в первые месяцы Севастопольской кампании.

Кончается басня «шапкозакидательским» возгласом: «Еду не свищу, а как наеду — не спущу».

Только в 1862 году Каратыгин делает приписку к басне:

«Не я один — мы все так рассуждали,
За песни громкие мы рано принялись,
На бога мы свои надежды возлагали
И здесь и в небесах в расчетах обожглись...
И оправдалась та пословица над нами:
«Надейтеся на бога вы, да не плошайте сами!»

Кажется, что нет события, на которое не откликнулся бы в своей тетради Каратыгин. В 1855 году праздновался юбилей М. С. Щепкина. Вот какими стихами приветствовал юбиляра со сцены Петр Каратыгин:

«Театру русскому еще столетья нет,
А ты уж в нем полвека служишь честно,
Прими же от своих товарищей привет —
Всем торжество твое приятно нам и лестно!
Хотя завиден твой почетный юбилей,
Но не найдешь ты в нас ни зависти, ни лести,
Вот общий голос всех твоих друзей:
Художник! Ты вполне достоин этой чести!»

В тетради множество эпиграмм и экспромтов, посвященных Сосницкому, Дюру, выступлению трагика Ольриджа, попадаются «послания» к Нестору Кукольнику, Тургеневу, Данилевскому, Некрасову, Островскому и другим. Вот эпиграмма на скандальное, в свое время, выступление артистки Вестфали в мужской роли Гамлета:

«Скажите нам, мамзель Вестфали,
«Зачем вы «Гамлета» играли?
Ведь эта штука не легка:
В мужском костюме нам вы только показали
Вестфальские окорока,
А принца датского мы вовсе не видали!»

Появление журнала «Весельчак» (1858 г.), издававшегося А. Плюшаром под редакцией О. Сенковского (Барона Брамбеуса), Каратыгин встречает следующей эпиграммой:

«Ну вот «Весельчака» прочли мы первый нумер,
Однако со смеху никто из нас не умер,
В насмешку назвали его «Весельчаком»
И кажется, что нас подписчиков дурачат,
Плюшару весело с Брамбеусом вдвоем,
Нам вовсе не смешно, а деньги наши плачут...»

Журналу «Москвитянин», который издавался М. П. Погодиным, Каратыгин посвящает такую эпиграмму:

«Кто хочет разницу постичь,
Что значит «Москвитянин» и москвич?
Москвич подчас смешон и зачастую тучен,
А «Москвитянин» — сух и скучен».

Нападки Каратыгина на некоторые реакционные явления в литературе того времени отнюдь не значат, однако, что он был настоящим приверженцем демократической литературы.

Когда газета «Северная пчела», избавившись, наконец, от мракобесов Фаддея Булгарина и Николая Греча, попыталась встать под новым редакторством на какие-то иные, более прогрессивные рельсы, Каратыгин разразился таким стихотворением:

«Читая нынешнюю «Пчелку»,
Спросить хочу я, под рукой,
Скажите: что же в этом толку,
Что в ней редактор стал другой?
И чем же он газету улучшает?
Не в том ли весь ее прогресс,
Что Гоголя в ней с жаром выхваляют
И что Белинского возносят до небес?
Хоть против прежнего газета шире стала,
Но не прибавилось ума в ней ни на грош,
И тут пословицу невольно приведешь:
«Хоть лоб широк, да мозгу мало»...

Время повернуло эту пословицу против самого Каратыгина, но что мог знать тогда этот талантливый, но явно обывательски настроенный «артист императорских театров?»

Убежденный ретроград, он принимает активное участие в организованной травле Н. А. Некрасова, когда 16-го апреля 1866 года, в дни разгула реакции редактор «Современника», рассчитывая спасти журнал от неминуемого разгрома, делает величайшую и роковую ошибку в своей жизни — читает в Английском клубе вынужденные стихи в честь Муравьева-вешателя.

Играя словами, Каратыгин пишет по этому поводу эпиграмму:

«Из самых КРАсных наш НеКРАсов либерал,
Суровый демоКРАт, неподкупной сатирик,
Ужели не КРАснел, когда читал,
Ты Муравьеву свой преКРАсный панегирик?

Многократно повторяемое в эпиграмме «Кра-кра-кра» прозвучало в то время зловещим карканьем могильного ворона над головой травимого со всех сторон редактора «Современника».

Каратыгин, не поняв поэта-революционера, посвящает ему и такую эпиграмму:

«Кого стихами ты своими обманул?
Куда девалася Маратова свирепость?
Иль ветер на тебя с той стороны подул,
Где Петропавловская крепость?»

История давно поняла неверный, но вызванный необходимостью, тактический шаг революционного поэта-демократа Н. А. Некрасова. Но поднятая в то время травля и злопыхательство вокруг его имени, доставили поэту неописуемые страдания. Впрочем, возлагать особую вину на одного Каратыгина тоже не следует, так как этой тактики Некрасова не сразу понял даже и Герцен[3].

Реакционная позиция Каратыгина становится ясной из целого ряда его эпиграмм, посвященных представителям «натуральной школы» и больше всего А. Н. Островскому. Сейчас, например, даже странно читать эпиграмму, которой он «приветствовал» в 1871 году постановку «Леса».

«Островскому везет теперь не так счастливо
И неудачи все же — пришлось ему терпеть:
От «Денег бешеных» была плоха пожива,
«Горячим сердцем» он не мог нас разогреть.
Теперь является с каким-то диким «Лесом»,
С обновкой сшитою из пестрых лоскутков —
И «Лес» провалится подобно тем пиесам:
Чем дальше в лес — тем больше дров!»

Вот другое стихотворение Каратыгина, которое еще яснее рисует его идейные позиции:

«Вот по дороге по Московской,
Несутся тройкой удалой —
Потехин, Писемский, Островский,
Триумвират — передовой!
То — земляки одной деревни,
Поэты в грязных зипунах,
Их вся поэзия в харчевне,
Или в разгульных кабаках.
Для них — амброзия — настойка

118. Иллюстрация, нарисованная П. Каратыгиным к его переводу пьесы «Черное пятно». С оригинала (масло).

И славы храм — питейный дом,
Вперед, вперед лихая тройка,
Катай, валяй по всем по трем!»

Какую же борьбу пришлось вынести мастерам русского реалистического искусства с косностью и ретроградством, царившими тогда в «императорских» театрах! Сам Каратыгин не скрывает, что взгляды его устарели и что он не понимает и не хочет понимать нового. Одно из его стихотворений так и называется «Отсталый человек»:

«Да, сознаюся я, пожалуй,
Что слишком устарел мой вкус,
Я точно — человек отсталый
И в слабости своей винюсь...»

Но, будучи отсталым, он «не складывает оружия» и продолжает стихотворение так:

«Пусть буду старого я складу,
Но отличу от правды — чушь
И не приму за «Иллиаду»,
Я знаменитых «Мертвых душ!»

Какими жалкими выглядят сейчас все эти высказывания «жреца чистого искусства», воспитанного в «храмах славы», руководимых бездарнейшими чиновниками николаевского режима. Выросший в нравах времен крепостного права, Каратыгин не сумел разглядеть всей мерзости царского строя, не понял и не оценил величия людей, пытавшихся сломать старое. Впрочем, он ли один? В патриархальном быту старого Александринского театра царила затхлая атмосфера жреческого служения «чистому искусству», атмосфера, которая была способна раздавить все живое, новое.

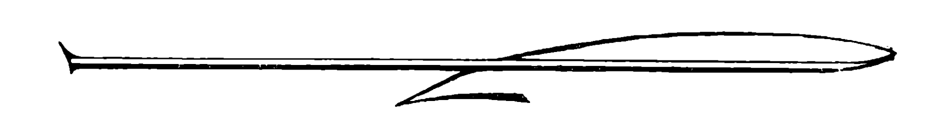
Застыть на «любви к Шекспиру» и не искать новой сегодняшней драматургии, любить Пушкина и не суметь из-за этого найти достоинств в стихах современного молодого поэта — вовсе не значит быть «хранителем традиций святого искусства». Это — позиция кладбищенского сторожа, незавидная позиция во все прошедшие и настоящие времена.

В этом отношении старенькая черновая тетрадь стихов Петра Каратыгина достаточно поучительна и для некоторых сегодняшних деятелей искусства.

119. Страница из собственноручной тетради артиста Петра Каратыгина с его стихами и экспромтами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Русская старина», 1880, № 1, январь, стр. 149; № 3, март, стр. 651.
2. Каратыгин, П. А. Записки. Т. т. 1 и 2. Л. «Academia» 1929—1930.
3. Подробно об этом эпизоде см. в книге К. Чуковского: Некрасов. Статьи и материалы. Л., «Кубуч», 1926. Статья «Поэт и палач», стр. 5-61.

ПОЭТ, КОТОРОГО ЯКОБЫ НЕ БЫЛО

Семен Афанасьевич Венгеров в своем «Критико-библиографическом словаре русских писателей» начинает статью о «поэте-самоучке» 30-х и 40-х годов прошлого века Егоре Алипанове следующими словами:

«Перелистывая как-то несколько лет тому назад немецкий оригинал «Истории всемирной литературы» Шерра, мы в главе, посвященной России (в русском переводе эта глава выброшена) с немалым удивлением натолкнулись на следующую тираду:

— Находившийся под влиянием Шекспира и Гете кружок поэтов, к которому принадлежали Веневитинов, Хомяков, Бенедиктов и Якубович, больше обещал, чем дал. Зато Алексей Кольцов, а после него С. Алипанов и А. И. Ульянов, пропели песни, во всей своей свежести и самобытности вырвавшиеся из народной души и откры-

вающие собою новую оригинальную полосу в русской лирике».

Далее С. А. Венгеров совершенно правильно критикует Шерра, называя это его сообщение «одним из курьезов, столь обильно уснащающих все, что пишется иностранцами о России».

«Как тут не подумать,— продолжает С. А. Венгеров,— что даже самые имена-то этих мнимых сверстников Кольцова сочинены. Наполовину наши сомнения и оправдались. Поэта Ульянова никогда не существовало, а удалось нам только розыскать в нотных каталогах фамилию композитора Ульянова, сочинявшего романсы»[1].

Вот, собственно, против последнего, столь категорического утверждения С. А. Венгерова относительно якобы «никогда не существовавшего» поэта Ульянова и хочется сказать два слова.

Дело в том, что поэт Ульянов, и именно «поэт-самоучка», такой же, как Алипанов и Слепушкин, на свете был, и немецкий историк литературы Шерр имел все основания назвать его имя. Правда, инициалы Ульянова не «А. И.», а «Н.», но ведь у Шерра и Алипанов «С», когда на самом деле он Егор, и это, однако, не помешало С. А. Венгерову найти его в списке «поэтов-самоучек».

Можно было бы и не останавливать внимания на этой явной ошибке С. А. Венгерова, если бы в вышедшем уже в наше время тринадцатом томе Полного собрания сочинений В. Г. Белинского (Л., 1948), в примечаниях и комментариях редактора тома В. С. Спиридонова эта ошибка не была бы еще раз подтверждена словами: «Поэта Ульянова, как уже указывалось С. А. Венгеровым, не существовало в русской литературе».

Далее, в именном указателе, нужнейшем, кстати сказать, указателе, помещенном в том же томе, об этом еще раз говорится самым категорическим тоном: «Ульянов. Поэт, упоминаемый в труде Шерра, но не существовавший в русской литературе»[2].

Книга этого «не существовавшего в русской литературе» Ульянова — сейчас у меня перед глазами. Она называется: «Сочинения Ульянова. В двух частях с 16 картинками». Напечатана в Петербурге, в 1856 году, в типографии Дмитриева[3].

В первой части книги помещены стихи, оды, басни. Во второй части — прозаические повести и т. д. Из содержания книги можно узнать, что автор ее в 40-х годах «был в Петербурге и исполнял там должность приказчика при

оптовой хлебной торговле». На этой должности автор, по-видимому, как-то «разжился» и в 1854 году уже носит звание «рыбинского купца».

Я отнюдь не «первооткрыватель» книги Ульянова. Брат библиографа Ивана Остроглазова, Остроглазов Василий, поместивший описание своей библиотеки в «Русском архиве» в 1914 году, найдя эту же книгу Ульянова, поспешил возвести ее в сан «редкостей», как «издание, которое не удалось найти Венгерову» [4].

Книжка, впрочем, действительно редкая, и найти ее и С. А. Венгерову, и В. С. Спиридонову — действительно, может быть, не удалось.

Но как оба они не нашли довольно обширную рецензию на книгу Ульянова, написанную ни больше ни меньше, как самим Н. Г. Чернышевским — это по-настоящему удивительно.

Опубликованная впервые в 1856 году в № 9 «Современника», рецензия вошла и в собрание сочинений Н. Г. Чернышевского (том 2, 1906 год).

Разбирая «Сочинения Ульянова», Н. Г. Чернышевский пишет: «Правда, у него нет таланта, но один ли он виноват в этом грехе? Разве есть талант у иных стихотворцев, которыми многие восхищаются? Правда, у него нет литературного навыка; но тем больше чести ему, что он без всякого образования пишет часто совершенно так же, как пишут иные поэты, которые и в университетах бывали, и в образованном кругу обращаются, и о свободном творчестве умеют поговорить или помолчать с многозначительной улыбкой».

Н. Г. Чернышевский приводит несколько образцов творчества Ульянова, иронически отмечая при этом:

«...мы уверены, что у иных, даже очень высоко превозносимых поэтов, если поискать хорошенько, найдутся такие стихотворения, как например:

Я тайну твою, друг, подметил случайно
И вздох твой летучий вполне разгадал,
Он в сердце моем, будто эхо, печально
Откликнулся. И вот что я в нем прочитал и т. д.

или такие, как, например, «Песня воинам, взявшим Карс»:

Здравствуйте, ребятушки,
Здравствуйте, друзья!
С песенкой воинской
В стан пришел к вам я... и т. д.»

120. Обложка книги поэта-самоучки Н. Ульянова, изд. в 1856 г.

Заканчивает рецензию Н. Г. Чернышевский такими словами: «Сочинения г. Ульянова надобно было бы причислить к серобумажной литературе, но у кого, после вышеизложенных соображений, достанет духу на такой строгий приговор?» [5].

Однако, каков бы ни был этот приговор Н. Г. Чернышевского, он, во всяком случае, сам по себе весьма весомо напоминает библиографам и литературоведам, что поэт-самоучка Ульянов на свете был и что его никак нельзя считать «не существовавшим в русской литературе».

Не следует, конечно, только на основании этого, выносить строгое суждение и о самих библиографах. Дело у них трудное, важное, кропотливое и крайне неблагодарное.

Замечательный русский библиограф В. И. Межов когда-то с горечью говорил:

«...едва лишь явился какой-либо указатель, как многие встречают его весьма враждебно. Пусть он на сотни справок ответит удовлетворительно, за это даже не скажут спасибо составителю. Но стоит только двумя-тремя ошибками не угодить справляющемуся, как на голову несчастного библиографа посыпятся обвинения в недобросовестности и невежестве, а его труд сочтут годным только на макулатуру» [6].

Ни в каком случае, никогда я не хотел бы напоминать собою людей, на которых так справедливо жалуется В. И. Межов, отдавший жизнь русской книге.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Венгеров, С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. I. Спб., 1889, стр. 422.

2. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. Т. XIII. Под ред. В. С. Спиридонова. Л., 1948, стр. 245 и стр. 696.

3. Сочинения Ульянова. В двух частях с 16 картинками. Ч. I—II. Спб., в тип. А. Дмитриева, 1856 8°. Ч. I. Загл. л., 2 нен., IV, 152 стр. Ч. II. Загл. л., 2 нен., 134 стр. К разделу басен в первой части приложены на отд. листах 16 иллюстраций, рисованных В. Кононовым и гравированных А. Сыроежиным. Иллюстр. обложки с теми же подписями.

4. «Русский архив», 1914, кн. 1, стр. 585.

5. Чернышевский, Н. Г. Собрание сочинений. Т. II. Спб., 1906, стр. 557.

6. Цитируется по книге С. А. Рейсера «Хрестоматия по русской библиографии». М., Госкультпросветиздат, 1956, стр. 275.

«ДЛЯ ВСЯКОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ»

В мае 1891 года в Москве, в богадельном доме графа С. Д. Шереметева (ныне Московский городской н.-и. институт скорой помощи имени Н. В. Склифосовского) умер поэт-сатирик и артист Павел Васильевич Шумахер. Родился он в 1817 году в Орше.

Образованный, владеющий многими языками, тонкий знаток литературы, талантливый поэт и артист, Шумахер оставил литературное наследство, которое почти полностью уместилось на 250 страничках небольшой книжки, изданной в наше время, в 1937 году, в серии «Библиотека поэта»[1].

Жизнь П. В. Шумахера сложилась неудачно, как и судьба его книг.

Не прошло еще и 20 лет со дня его смерти, а напечатанная о нем статья в журнале «Исторический вестник» 1910 года уже носила название: «Забытый поэт-сатирик»[2].

Юность свою П. В. Шумахер провел в Орше. Учился там в училище иезуитов. Потом учился в Петербурге в Коммерческом училище. Начал служить в военном министерстве, не помышляя о литературе. Дважды служил в далекой Сибири, причем последний раз управляющим золотыми приисками. В Сибири, между прочим, неоднократно встречался с высланными декабристами.

В начале 50-х годов Шумахер вернулся в Петербург, женившись по дороге на вдове богатого купца. Года три жил за границей, преимущественно в Париже, после — в Нижнем Новгороде в доме богатого деда жены. Здесь попробовал (от скуки!) играть в любительских спектаклях и выступать в качестве чтеца-рассказчика. Имел шумный успех, который весьма пригодился впоследствии. Кое-что начал писать в журналах.

В Нижнем Новгороде Шумахер в феврале 1858 года встретился с Тарасом Шевченко и первый познакомил его с нелегальным герценовским «Колоколом». К этому времени Шумахер уже сам приобрел некоторую известность.

Переселившись в Петербург, Шумахер вскоре разошелся с женой. Материальные дела его были плохи.

Началась трудовая жизнь литератора, осложненная тем обстоятельством, что цензура сразу отнеслась к его творчеству с подозрением и ставила рогатки к напечатанию стихотворений и к публичному их исполнению.

Шумахер сотрудничал в издававшейся В. С. Курочкиным «Искре» — журнале, руководимом революционно-демократической группой разночинцев.

Сатирические стихи Шумахера в эти годы полны вражды к крепостничеству, глубокого сочувствия к трудовому народу. С усилением реакции сатирическое жало стихов Шумахера притупляется. Поэт явно устает от борьбы. В восьмидесятых годах он пишет о себе горькие стихи:

«Какой я, Машенька, поэт!
Я нечто вроде певчей птицы,
Поэта мир — весь божий свет;
А русской музе тракту нет, —
Везде заставы, да границы.
И птице волю дал творец —
Свободно петь на каждой ветке;

Я ж верноподданный певец,
Свищу, как твой ручной скворец,
Народный гимн в цензурной клетке».

Цензура, действительно, сбивает сатирика, запугивает его, и к концу жизни мировоззрение Шумахера отличается от его же убеждений шестидесятых и семидесятых годов. Однако и до последних дней он писал оппозиционные стихи, служившие объектом пристального внимания Третьего отделения. Это неусыпное внимание и преследование сбивали поэта порой на стихотворения откровенно циничного характера, а иногда, вдруг, и на отнюдь не прогрессивные слова и мысли. Но все это были отдельные срывы, и популярность стихов Шумахера росла и была больше, чем он думал об этом сам. Современники сравнивали его с Беранже за умение остро и быстро откликаться на политические и социальные вопросы.

В 1871 году Шумахер делает попытку выпустить первый сборник своих сатирических стихотворений. Напечатанная в Петербурге книга была немедленно арестована в типографии, автора привлекли к суду. Товарищ прокурора в своей обвинительной речи дал такую характеристику стихотворениям, напечатанным в этой книге: «Книга Шумахера большей частью заключает в себе очень краткие с очень легким содержанием стихотворения, начинающиеся с обыкновенных эротических тем и оканчивающиеся серьезными целями: об исторических судьбах народа»[3].

Помимо этого, критик-прокурор нашел в стихах Шумахера и «неприличное осмеяние великих реформ Петра», и «осмеяние награды орденами, исходящей от высочайшей власти», а в стихотворении «Пруссофобы» еще и «осмеяние национальности, многие представители которой стояли и стоят в высших сферах».

Дело о книге перешло в Судебную палату, которая определила: Шумахера личному взысканию не подвергать, но книгу его истребить всю без остатка.

Проделано это было, очевидно, настолько усердно, что Н. Ф. Бельчиков, редактировавший советское издание стихотворений Шумахера в 1937 году и сумевший поднять все архивы — как цензурные, так и личный архив поэта — книги «Для всякого употребления» не нашел.

К сожалению, ко мне эта книга попала после выхода в свет нового советского издания стихотворений Шумахера, и помочь редактору Н. Ф. Бельчикову было уже

поздно. Книга представляет собой типографскую верстку, присланную автору для корректуры. Страницы испещрены всякого рода исправлениями и поправками, сделанными рукой автора. На титульном листе книги его же дарственная надпись:

«Единственный уцелевший экземпляр дарю уважаемому Н. М. Соколовскому. П. Шумахер. Май 1872. Спб.».

Владелец, по-видимому, очень дорожил подарком поэта, и книга его переплетена в роскошный кожаный переплет с золотым обрезом. Каждая страница с пометками автора переложена вплетенными листами папиросной бумаги. Впрочем, книга этого стоит — она уникальна [4].

Обвинение Шумахеру было предъявлено по статьям 1001-ой (цинизм) и 1045-ой, карающей за «политические выпады против существующего строя». Об этом имеется карандашная заметка, сделанная также рукой автора на листе шмуцтитула книги.

В книге имеется ряд стихотворений, оставшихся ненапечатанными в последующих сборниках Шумахера, включая и издание 1937 года. В частности, есть очень забавное «Посвящение» книги Ивану Сергеевичу Персину, вероятно, врачу по профессии:

«А я к тебе с презентом:
Прими, брат, от души!
Скажи и пациентам
Пусть примут — пропиши.
А если будет нужно
Направить животы,
То можно и наружно
Прикладывать листы.—
Служа французороссам
Ты славу залучил
И все остались с носом,
Которых ты лечил».

Но, разумеется, не эти шутливые строки вызвали преследование книги. О ее содержании можно судить хотя бы по такому стихотворению:

«Тятька, эвон что народу
Собралось у кабака:
Ждут каку-то все слободу:
Тятька, кто она така?
— Цыц! Нишкни, пущай гуторят,

Единственный уцелевший экземпляръ дарю уважаемому Н. М. Соколовскому

Май 1872. П. Шумахер

СПб.

ДЛЯ ВСЯКАГО УПОТРЕБЛЕНІЯ

СТИХИ

П. В. Шумахера.

121. П. Шумахер. «Для всякого употребления». Титульный лист уничтоженной цензурой книги с дарственной надписью автора.

Наше дело сторона,
Как возьмут тебя да вспорят,
Так узнаешь, кто она!»

Арест книги расстраивает и без того плохие материальные дела поэта, и он переезжает из Петербурга в Москву. Здесь он ненадолго поступил в число артистов труппы «Артистического кружка».

Мысль об издании сборника стихов не покидает его, но Шумахер понимает, что в России это неосуществимо. На помощь ему приходит И. С. Тургенев, который издает в Берлине в 1873 году сборник стихов Шумахера под названием «Моим землякам». Через семь лет (1880) там же в Берлине и с помощью того же И. С. Тургенева, была выпущена вторая книжка под тем же заглавием.

Судя по сохранившимся письмам И. С. Тургенева, обе берлинских книжки приносят Шумахеру очень малые деньги. Так же мало дает ему и разрешенная наконец-то в России единственная тощая тетрадочка его стихов, под названием «Шутки последних лет». Она вышла в Москве в 1879 году. В письме к Е. А. Краевскому Шумахер пишет (18-го апреля 1879 г.): «Посылаю вам мою оскопленную книжонку. Вот все, что цензура дозволила и то в искалеченном виде» [5].

Это — все книги, которые увидели свет при жизни писателя, принимая во внимание, что первая из них «Для всякого употребления» — увидела только свет костра, на котором ее сжигали.

Литературный заработок никак не обеспечивает Шумахера. Он живет сначала у Н. Х. Кетчера, потом в доме гражданского губернатора В. С. Перфильева, с женой которого, Прасковьей Федоровной, у него завязалась сердечная дружба и, наконец, переселяется в странноприимный дом С. Д. Шереметева, где и заканчивает свою жизнь.

Хорошо знавший поэта редактор «Русского архива» П. Бартенев написал у себя в журнале: «Скончавшийся 11-го мая 1891 года П. В. Шумахер был человек достопримечательный. Он памятен еще многим москвичам: с цитристом Бауэром много лет сряду привлекал он слушателей и почитателей превосходным стихочтением в клубах и в частных домах» [6].

Очевидно это «стихочтение» в то время давало тоже немного, и поэт проводит свои последние годы, хоть и под покровительством самого графа С. Д. Шереметева, но, все-таки, у него в богадельне. Невеселая судьба поэта,

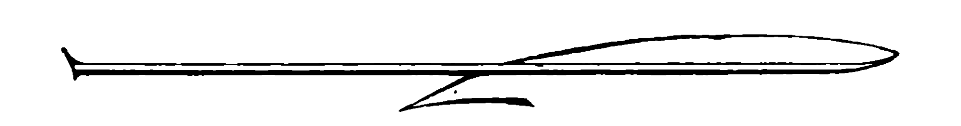
безуспешно провоевавшего всю жизнь с цензурой за право увидеть свои стихи в печати.

В благодарность Шереметеву одинокий поэт оставил ему все свои рукописи, весь свой богатый архив и переписку. В 1902 году Шереметев издал посмертную книжку его стихов под названием «Стихи и песни». Цензура исковеркала и эту книгу, и только в наше время, в 1937 году стихи Шумахера вышли в свет в том виде, в каком они были написаны. Надо было бы эту книжку переиздать вновь — ее уже давно нет в продаже. К тому же сейчас есть возможность воспользоваться и сожженной первой книгой поэта «Для всякого употребления». Один экземпляр ее сохранился.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шумахер, П. В. Стихотворения и сатиры. Вступит. статья, редакция и примечания Н. Ф. Бельчикова. М., «Советский писатель», 1937.
2. Белов, А. М. Забытый поэт-сатирик.— «Исторический вестник», 1910, № 2, стр. 504. О Шумахере — см. так же в указанной выше книге под ред. Н. Ф. Бельчикова (приводится библиография).
3. Подробности об этом «Судном деле» (так называл его сам Шумахер) — в «Щукинском сборнике», вып. 10. М., 1912, стр. 193.
4. Для всякого употребления. Стихи П. В. Шумахера. [Без указания года и места печати]. 12⁰. Шмуцтитул, загл. л., 4 нен., 147, IV стр.
5. Цитируется по книге, указанной в примеч. 1.
6. «Русский архив», 1909, т. I, стр. 286.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ДЛЯ НЕМНОГИХ

В предыдущих рассказах не раз заходила речь об особых «подносных» экземплярах книг, экземплярах, напечатанных в весьма малом количестве. Однако такие экземпляры всегда печатались сверх обычного, общего тиража этих же самых книг и отличались от них лишь чисто внешними, качественными признаками.

Но были книги, которые печатались вообще только в крайне ограниченном количестве. Нарочито малые тиражи таких книг не превышали 10, 25, 50 экземпляров.

Делалось это либо по указанию цензуры, которая таким нарочито малым тиражом ограничивала возможность проникновения книги в широкие народные массы (например, суворинская перепечатка «Путешествия» Радищева в 1888 году), либо — по воле самих авторов и издателей,

не желавших, по тем или иным причинам, чтобы их труд получил большее распространение.

Книги, напечатанные нарочито малым тиражом исключительно по желанию самих авторов и издателей — это особые книги, и о таких книгах хочется поговорить отдельно.

Разумеется, такие книги заслуживают внимания только в том случае, если содержание их представляет какой-либо общественный интерес. Есть целый ряд подобных изданий чисто семейного, личного порядка, как, скажем, пресловутая «История моего котенка», сочиненная малолетней дочерью барона М. Корфа и отпечатанная в количестве всего 30 экземпляров. Конечно, кроме папы и мамы этого «чудо-ребенка», такая книга никому не нужна и упоминания о ней в ряде антикварных каталогов и библиографических справочников, подающих эту кошачью историю, как «величайшую редкость», надо рассматривать лишь как потворство вкусам особой части собирателей, так называемого «геннадиевского толка»[1].

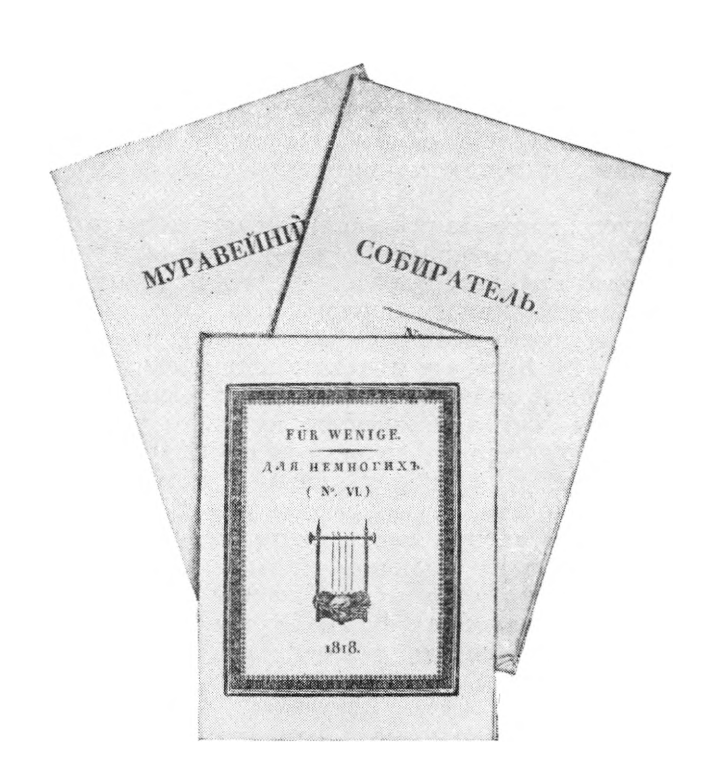
«Для немногих» (Für wenige) назвал в 1818 году свой полужурнал-полуальманах В. А. Жуковский, и именно с этой книги можно начать разговор об изданиях, напечатанных нарочито малыми (условимся так их называть) тиражами.

Вкратце история появления этой книги такова. В июне 1817 года завербованная в невесты будущему царю Николаю I прусская принцесса Шарлотта, переименованная после свадьбы в Александру Федоровну, решила вместе с женихом провести зиму в Москве.

Для ознакомления будущей царицы с русской литературой и для более основательного изучения ею русского языка, к ним был приглашен поэт В. А. Жуковский, считавший себя, по примеру Гете, придворным поэтом.

Так же, как и Гете, В. А. Жуковский искренне полагал, что он этим выполняет высокую миссию воспитания «добрых чувств» в будущих властителях народа. Мысль об «идеальном государе» очевидно владела поэтом и он отдавал свое время воспитанию будущих царя и царицы, а далее уже их собственных отпрысков, так же предназначенных для наследования престола.

История показала, что труды Жуковского пропали даром, но какую-то роль в смягчении «ндрава» царей, хотя бы по отношению к судьбе некоторых представителей литературы и искусства, ему, несомненно, удалось сыграть.

122. Альманахи В. А. Жуковского «Для немногих», «Собиратель» и «Муравейник» (1818, 1829 и 1831 гг.)

Так вот, начиная с января по июнь 1818 года, В. А. Жуковский, для вышеуказанных целей «просвещения» будущей царицы, предпринял издание полужурнала-полуальманаха «Для немногих». Печатался этот своеобразный орган в Москве, в типографии Августа Семена, и было выпущено его шесть номеров, примерно по 32 страницы в каждом, тиражом никак не более 25—30 экземпляров, предназначавшихся для самого ограниченного придворного круга[2]. В это количество не входят пять обязательных экземпляров, представлявшихся в цензуру.

Заполнялись страницы этого издания произведениями самого В. А. Жуковского и его же переводами из Гете, Шиллера и других. Печаталось все это на двух языках (русском и немецком), и многие из произведений В. А. Жуковского здесь появились впервые.

Именно это обстоятельство позволяет считать «Для немногих» не пустой придворной забавой, а одним из прижизненных изданий произведений выдающегося русского поэта.

В 1829 году, в Петербурге, уже в качестве пособия при воспитании наследника Николая I — Александра, В. А. Жуковский издавал без цензуры другой полужурнал-полуальманах, под названием «Собиратель»[3]. Печатался он всего в 10—15 экземплярах и вышло его только два номера. Кроме всяких «отрывков и выписок», а также статей В. А. Жуковского напечатаны одно его стихотворное произведение и большой отрывок из «Полтавы» Пушкина — «Полтавский бой».

Прижизненное опубликование пушкинских строчек делает «Собиратель» особенно ценным.

Первый номер этого редчайшего сборника ко мне попал с собственноручными правками самого В. А. Жуковского (корректурный экземпляр). Правки, преимущественно, грамматические, но одна довольно любопытна: зачеркнуты набранные слова «слепое самолюбие царя» и надписано В. А. Жуковским «заблуждение царя».

Последним изданием точно такого же характера, т. е. с той же целью создать пособие при воспитании наследника, у В. А. Жуковского был полужурнал-полуальманах, носящий название «Муравейник, литературные листы, издаваемые неизвестным обществом неученых людей»[4]. Издан он был, так же без цензуры, в Петербурге, в 1831 году. Вышло всего пять номеров от 22 до 32 страниц в каждом. Заполнен «Муравейник», главным образом, произведениями В. А. Жуковского и лишь немногие страницы отведены сочинениям самих, воспитывавшихся им «отпрысков». В этом году для компании наследнику на уроки В. А. Жуковского приглашались дочери царя Мария и Ольга, а также молодые граф И. Виельгорский и А. Паткуль. Затея В. А. Жуковского была рассчитана и на них.

В целом, «Муравейник» надо считать тоже одним из прижизненных изданий произведений В. А. Жуковского. Печатался он в количестве несколько большем, чем «Для немногих» и «Собиратель», но никак не более сорока экземпляров.

Все три издания являются большой библиографической редкостью (в особенности «Собиратель») и среди книг, напечатанных нарочито малым тиражом, любопытны, как документы, относящиеся к деятельности В. А. Жуковского,

имя которого теснейшим образом связано с А. С. Пушкиным и его эпохой.

У меня все три эти издания отнесены в отдел русских альманахов и сборников, к которым они, конечно, ближе, чем к периодическим изданиям.

* *
*

К изданиям, напечатанным нарочито малым тиражом, принадлежит «труд» барона Модеста Андреевича Корфа, составившего тенденциозно неверное описание восстания 14-го декабря 1825 года.

Напечатано было два издания этой книги. Сам барон Корф учился, как известно, вместе с Пушкиным, в Лицее, где отличался пристрастием к чтению «душеспасительных» церковных книг. Соученики его Пушкин, Илличевский, Кюхельбекер и другие дали ему презрительную кличку «Мордан-дьячок». По окончании Лицея Корф быстро сделал служебную карьеру, стал камергером. Был членом знаменитого бутурлинского цензурного комитета, прославившегося резкими мероприятиями по удушению русской печати. В 1849 году Корф стал директором Публичной библиотеки.

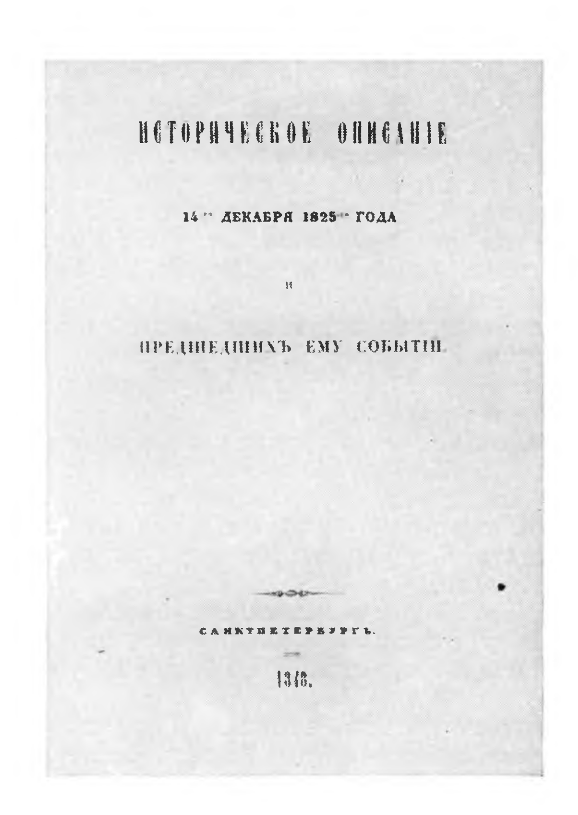
Он написал воспоминания о Пушкине, носящие недоброжелательный, клеветнический характер. Фальсифицированное описание декабрьского восстания составлено М. А. Корфом, разумеется, в верноподданническом, угодном царю тоне.

История появления работы Корфа в печати изложена в предисловии к книге, во втором ее издании. Эта история такова:

«Осенью 1848 года приехала в Россию государыня великая княгиня Ольга Николаевна. Незадолго перед тем было окончено составление настоящего рассказа. Великая княгиня, услышав о нем в царственной семье, изъявила редактору желание иметь для себя список. Он отвечал, что единственный экземпляр находится у государя наследника-цесаревича, а черновые тетради истреблены».

Словом, великая княгиня высказала пожелание, чтобы работа Корфа была напечатана, хотя бы для членов царской фамилии. Государь «повелеть соизволил» напечатать ее в количестве 25 экземпляров.

Таким образом появилась книга, носящая заглавие:

123. Книга бар. Корфа о событиях 14-го декабря 1825 г. Титульный лист.

«Историческое описание 14-го декабря 1825 года и предшествующих ему событий. Спб., 1848. В типографии II-го Отделения собственной ЕИВ канцелярии».

В 1854 году Корф собрал некоторые дополнительные материалы и книга его вышла вторым изданием, также в количестве 25 экземпляров [5].

Оба эти придворные издания, напечатанные таким ограниченным тиражом, разумеется, весьма редки. Напечатаны они на великолепной бумаге и роскошно, по-придворному, оформлены. Ко мне они попали из магазина «Международной книги» в первые годы его существования. Магазину что-то понадобилось для срочной отправки за границу, и Павел Петрович Шибанов, ведавший такими делами в «Международной книге», выменял у меня

«что-то» (что именно, не могу вспомнить) на описываемые сейчас книги. В то время подобные обмены практиковались.

Как материал для историков оба указанных издания книги Корфа, сейчас сами по себе ценны лишь относительно, так как в 1857 году было напечатано третье издание или «первое для публики». Это издание несколько перередактировано Корфом и менее полно. Ряд документов в него не вошло.

Но зато, именно это издание «для публики», вызвало страстный, горячий протест А. И. Герцена, который при этом отозвался о двух первых тиснениях книги, как о «семейной тайне» Николая I.

Эта «семейная тайна» в третьем издании стала достоянием общества, и Герцен, в форме письма к царю Александру II, наследовавшему престол после Николая I, пишет гневные строки, в которых, обливая презрением автора — Модеста Корфа, стыдит царя за подлую фальсификацию истории.

Работу Корфа Герцен называет «отталкивающей, по своему тяжелому татарскому раболепию, по своему канцелярскому подобострастию, по своей уничиженной лести».

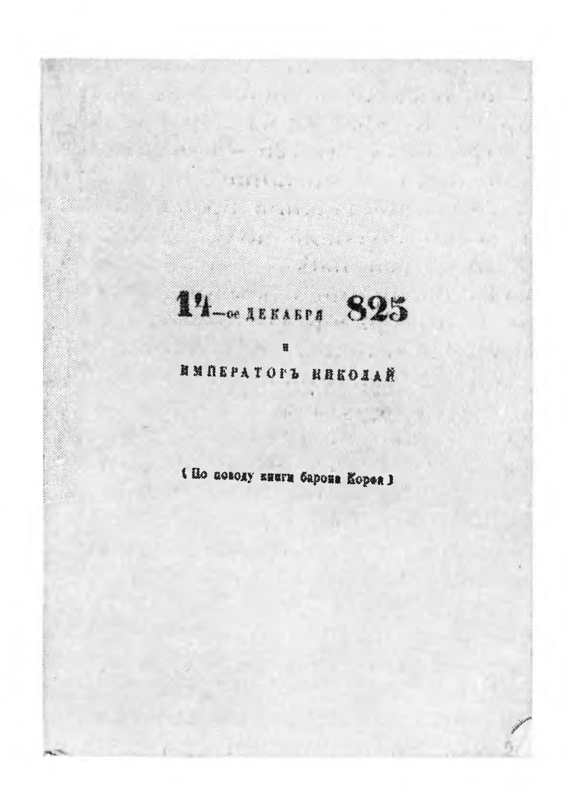
«Неужели вы думаете,— пишет Герцен царю,— что история поверит какому-нибудь Корфу, со всеми поправками ваших дядюшек?»

Корф явно перестарался и, называя, через тридцать лет после событий, осужденных участников декабрьского восстания «гнусными развратниками, буйными безумцами, негодяями», вызвал всеобщее возмущение.

В 1858 году, в Лондоне, А. И. Герцен выпустил книгу, которая называлась: «14-ое декабря и император Николай. Издано редакцией «Полярной звезды». По поводу книги барона Корфа».

В этом произведении вольного печатного станка А. И. Герцен страстно вступился за декабристов, доказав документально высокие идейные цели их восстания. Уничтожающе была разбита холуйская книга барона Корфа, не делающая чести ни автору, ни всей царской фамилии, санкционировавшей появление этого гнуснейшего пасквиля.

А. И. Герцен, как известно, вообще чрезвычайно высоко чтил участников декабрьского восстания. «Восстание декабристов разбудило и «очистило» его»,— писал об издателе «Колокола» В. И. Ленин [6].

124. Особый экземпляр книги А. И. Герцена с ответом на пасквиль бар. Корфа о событиях 14-го декабря. Обложка.

В книге А. И. Герцена помещены следующие материалы: «Оглавление» (стр. III), «От издателей» (стр. V), «Предисловие» (стр. VII-XIV — подпись Герцена), «Донесение следственной комиссии» (стр. 1-114), «Верховный уголовный суд» (стр. 117-181), «Письмо Александру II» (стр. 183-202 — подпись Герцена), «Разбор книги Корфа» (стр. 203-308 — подпись Р. Ч.).

Я подробно выписал все содержание этой, довольно известной книги только потому, что у меня есть экземпляр, резко отличный от всех и по виду и по композиции.

Экземпляр заключен в серенькую обложку, на которой грубо набрано и тиснуто явно на ручном станке следующее: «14-ое декабря 1825 и император Николай. (По поводу книги барона Корфа)».

Ни выходного листа, ни места, ни года печати нет. Книга начинается со шмуцтитула «Письмо к императору

Александру II». Далее следует самое письмо на страницах 1-18, с подписью Искандера. Далее идет шмуцтитул: «Разбор книги барона Корфа» и на страницах 1-118 — текст разбора, а на страницах 119-126 — примечания к нему.

На этом кончается содержание книги, которая, кстати сказать, носит следы небрежной брошюровки: одни листы необрезаны и имеют большие поля, другие, наоборот, обрезаны почти по самый набор. Пагинация у книги своя, не совпадающая с пагинацией обычных экземпляров книги «14-ое декабря и император Николай».

В книгу вклеен листочек, на котором чернилами, по-видимому, рукой прежнего владельца экземпляра, написано: «Эта книга напечатана в России, в самом Петербурге на ручном станке, во время студенческих волнений, при Филипсоне и Путятине. Место печати — Офицерская у Большого театра. Полагаю, книга наиредчайшая».

Это можно было бы принять за истину (а может быть, так оно и есть?), если бы в собрании сочинений А. И. Герцена под редакцией М. Лемке не имелось следующего примечания редактора:

«Мне пришлось встретить экземпляр с обложкой без указания года, города и типографии и с подзаголовком «По поводу книги барона Корфа» и при том только с первыми 126 страницами. Таких экземпляров было сделано около 25 для скорейшей отправки книжки друзьям в России с А. А. Тучковым, которому она была переслана через Рейхель» [7].

Так как внешние данные — количество страниц, текст обложки, отсутствие места и года печати — совпадают с имеющимися у меня экземплярами, то М. Лемке говорит, очевидно, как раз о таком же, то есть об одном из сделанных А. И. Герценом в количестве «около 25». Но, как я уже отмечал, в моем экземпляре не «первые 126 страниц» обычного вида этой книги, а 126 страниц с собственной пагинацией. Значит, экземпляры эти А. И. Герцену пришлось либо набирать заново, либо хотя бы сверстать по-новому.

Это дало повод включить описываемый экземпляр книги А. И. Герцена в число напечатанных нарочито малыми тиражами, хотя, на этот раз по особой, своеобразной причине. Книжку эту можно считать уникальной.

* * *

К изданиям, близким по назначению к описанной выше работе М. Корфа, можно отнести две книги на тему иссле-

дования скопческой секты в России, напечатанные также для ограниченного круга лиц высшего чиновного звания.

Исследования эти написаны В. И. Далем и Н. И. Надеждиным. Оба служили в начале сороковых годов у министра внутренних дел графа Л. А. Перовского и по его поручению составили эти труды по вопросу сектантства, бывшему тогда чрезвычайно злободневным.

Первым свою работу напечатал В. И. Даль. Книга его называется: «Исследование о скопческой ереси. Печатано по приказанию министра внутренних дел. 1844». В книге 238 страниц и пять литографий на отдельных листах, изображающих сцены хлыстовских «радений». Книга была напечатана в количестве менее 20 экземпляров, да и они, по свидетельству П. М. Мельникова-Печерского, почти все сгорели. Уцелевшие единичные экземпляры являются большой редкостью.

Работа В. И. Даля не удовлетворила министра, и он поручил Н. И. Надеждину написать ее заново. Пользуясь собранными В. И. Далем материалами, бывший редактор и издатель «Телескопа» выполнил работу очень быстро, и ровно через год появилась книга под тем же заглавием: «Исследование о скопческой ереси. Напечатано по приказанию г. министра внутренних дел. 1845.»

Работа обширней далевской: в ней 384 и 120 страниц и семь цветных литографий на отдельных листах. Напечатана книга в количестве 25 экземпляров, исключительно для членов особой комиссии, занимавшейся делами раскола под председательством И. П. Липранди. Книга также чрезвычайно редка.

Я плохо разбираюсь в вопросах, которых касаются работы В. И. Даля и Н. И. Надеждина, хотя не без интереса прочитал обе эти, имеющиеся у меня книги. В романах П. И. Мельникова-Печерского (кстати, бывшего помощником Н. И. Надеждина по работе над исследованием раскола) «В лесах» и «На горах» мне многое стало более ясным.

Нельзя не согласиться с С. А. Венгеровым, считавшим эти работы Н. И. Надеждина и В. И. Даля сделанными слишком догматично, с явно выраженным «православным» взглядом на раскольничество, господствовавшим в официальных кругах. В обеих работах нет анализа глубоких социальных корней и причин возникновения всякого рода «ересей», бытовавших в старой дореволюционной России [8].

Обе книги принадлежат не только к числу напечатанных нарочито малыми тиражами, но и, в какой-то степени,

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

О

СКОПЧЕСКОЙ ЕРЕСИ.

1844.

125. Книга Вл. Даля «Исследование о скопческой ереси» 1844 г. Титульный лист.

к «секретным» книгам. В тех редчайших случаях, когда они попадались в антикварных каталогах, книги эти оценивались весьма высоко.

Старые книжники рассказывают, что Алексей Максимович Горький, работая над повестью «Жизнь Клима Самгина», долго разыскивал эти труды В. И. Даля и Н. И. Надеждина. К величайшему сожалению, в то время я еще не был знаком с Алексеем Максимовичем. С наслаждением отдал бы ему обе эти книги.

* *
*

Среди огромного количества воспоминаний современников о великом русском поэте А. С. Пушкине, анекдотов

и рассказов о его жизни, имеется брошюрка, изданная всего в десяти экземплярах, под заглавием: «Рассказ об отношениях Пушкина к Дантесу. Записан со слов князя Александра Васильевича Трубецкого, 74 лет, генерал-майора, состоящего на службе при артиллерийском складе в Одессе. Воскресенье, 21-го июня 1887 года. Павловск, дача Краевского».

На обороте заглавного листа значится: «Дозволено цензурой, Спб. 17-го апреля 1898 года. Типография П. Сойкина».

Содержание этой брошюры подробнейшим образом разобрал П. Е. Щеголев в сборнике «Пушкин и его современники»[9]. Самой брошюры П. Е. Щеголев в то время, очевидно, не видел, так как сообщал, что на ней якобы не указано типографии, где она печаталась (а типография указана), и, кроме того, говорил, что в брошюре всего 10 страниц, тогда как в ней VIII + 43 страницы.

Брошюра отпечатана оригинально: на формате в восьмую долю листа (24 × 16,5 см) набор занимает посредине маленький прямоугольник размером 5,5 × 4 см. Все остальное — поля.

Предисловие к «Рассказу Трубецкого» весьма кратко, и его стоит привести целиком.

Вот оно: «Князь Трубецкой не был приятельски знаком с Пушкиным, но хорошо знал его по частым встречам в высшем петербургском обществе и, еще более, по своим близким отношениям к Дантесу.

В 1836 году, летом, когда кавалергардский полк стоял в крестьянских избах Новой деревни, князь Трубецкой жил в одной хате с Дантесом, который сообщал ему о своих любовных похождениях, вернее о своих победах над женскими сердцами.

Это обстоятельство и дало возможность кн. Трубецкому, узнать об истинных, быть может, причинах роковой дуэли, 27-го января 1837 года.

Трудно предположить вымысел со стороны кн. Трубецкого, почтенного 74-летнего старца; быть может, некоторые подробности затемнились в его памяти, другие же получили несколько иную окраску, но рассказ его должен иметь в основании своем, истинное происшествие.

Князь Трубецкой в течение многих лет упорно отмалчивался о том, какие именно подробности в отношении Пушкина к Дантесу ему известны. Лишь совершенно случайно удалось выпытать у него этот рассказ, тотчас же записанный со слов его.

Так как лишь в печатном виде рассказ может получить разъяснения или опровержение, то и явилась необходимость выпустить его в свет.

Нежелание же распространять его в массе побудило печатать его лишь в 10-ти экземплярах».

Нет нужды останавливаться на содержании самого рассказа престарелого князя Трубецкого. Он перепечатан П. Е. Щеголевым в указанном выше сборнике «Пушкин и его современники».

Текст рассказа был взят П. Е. Щеголевым из журнала «Русская старина»[10], где издатель брошюры, о которой здесь идет речь, В. А. Бильбасов, несмотря на «нежелание распространять рассказ Трубецкого в массе», счел возможным, однако, напечатать его еще раз, с некоторыми, правда, сокращениями.

Суть этого пресловутого рассказа князя Трубецкого заключается в том, что Пушкин якобы вызвал на дуэль Дантеса вовсе не из-за ревности к своей жене Наталье Гончаровой, а — к ее сестре Александрине, некрасивой, но очень умной девушке, будто бы и бывшей настоящей «мечтой поэта».

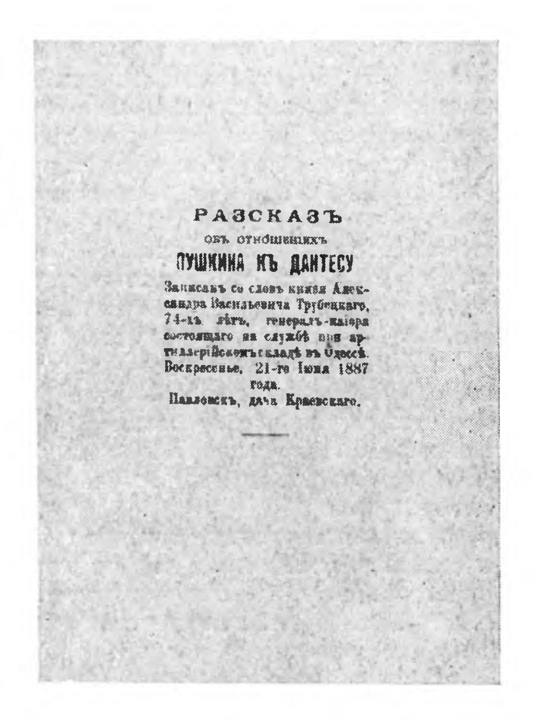
Все это противоречит подлинным фактам, затуманивает политическую сущность вопроса, в котором домогательства царя Николая I, всеми способами пытавшегося затравить и добиться гибели опасного для него поэта, несомненно, являлись главной причиной роковой дуэли.

«С полнейшей уверенностью можно утверждать,— пишет П. Е. Щеголев,— что история с Александриной никакого отношения к дуэли Пушкина с Дантесом не имеет».

Рассказ престарелого князя А. В. Трубецкого, записанный и изданный В. А. Бильбасовым, является отражением тех великосветских сплетен, которые мутной волной бились вокруг имени Пушкина, и лишь с этой стороны может представлять какой-то интерес для исследователей.

Изданная всего в 10 экземплярах, брошюра является величайшей редкостью.

Думается, однако, что тираж ее «десять экземпляров», указанный издателем, не совсем соответствует действительности. Какое-то количество экземпляров сверх этого должно было обязательно поступить в распоряжение Главного управления по делам печати, раз брошюра печаталась официально, с разрешения цензуры. Этим объясняется, что мне, например, «Рассказ Трубецкого» попадался три или четыре раза, и я имел возможность выбрать для себя экземпляр в обложках хорошей сохран-

РАЗСКАЗЪ

объ отношеніяхъ

ПУШКИНА КЪ ДАНТЕСУ

Записанъ со словъ князя Александра Васильевича Трубецкаго, 74-хъ лѣтъ, генералъ-маіора состоящаго на службѣ при артиллерійскомъ складѣ въ Одессѣ. Воскресенье, 21-го Іюня 1887 года.

Павловскъ, дача Краевскаго.

126. «Рассказ об отношениях Пушкина к Дантесу». Напечатан в 10 экземплярах (1898 г.) Обложка книги.

ности. Правда, это произошло на протяжении трех десятилетий, но я убежден, что подлинный тираж «Рассказа Трубецкого» был минимум экземпляров пятнадцать.

* *
*

Литературный кружок «Арзамас» (1815—1818), тесно связанный с именами А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, П. А. Вяземского и других, был организован С. С. Уваровым, который в зрелые годы резко переменился, сумел сделать карьеру, стал министром народного просвещения, одним из мракобеснейших реакционных деятелей.

В молодости, однако, он был совсем другим человеком и считался одним из самых «заводных» членов «Арзамаса». По обычаю этого литературного кружка, боровшегося против Шишкова и шишковистов, Уварову дана была шутливая кличка «Старушка». Пушкина называли «Сверчком».

Константин Батюшков, один из виднейших русских поэтов, оказавший своим творчеством влияние на Пушкина, прозывался среди арзамасцев «Ахиллом».

Был в «Арзамасе» еще один молодой литератор, тоже из «озорных» и тоже впоследствии ставший министром (юстиции) — это Д. В. Дашков, арзамасская кличка которого была «Чу».

Деятельность литературного кружка «Арзамас» достаточно изучена, и сейчас о нем вспоминается лишь постольку, поскольку три арзамасца — «Ахилл», «Старушка» и «Чу» — создали в 1820 году книжку, которая называется «О греческой антологии»[11]. Тираж книги был всего 70 экземпляров, тридцать из которых было разослано членам «Арзамаса» (тогда уже прекратившего свое существование), а остальные 40 поступили в продажу по 5 рублей. Вся выручка, без вычета расходов на печатание, пошла на благотворительные цели.

Книжке предпослано шутливое предисловие, характерное для «арзамасцев». Оно потом не повторялось в других изданиях и его стоит привести целиком:

«От издателя. Сию рукопись получили мы из Арзамаса следующим образом. За несколько лет перед сим жили там два приятеля, оба любящие страстно литературу. Во время свободное от хозяйственных занятий читали они вместе поэтов древних и новых, и нередко старались им подражать для собственного наслаждения; не для публики, которая их не знала и о коей они не помышляли. По стечению обстоятельств были они принуждены прекратить дружеские беседы свои; один из них был избран в земские заседатели; другой поступил во внутреннюю стражу, и бумаги их остались в руках арзамасского трактирщика, от которого мы оные получили. В том числе находилась статья, которую мы решились напечатать. Она, конечно, не может удовлетворить совершенно справедливое требование знатоков: безделки двух беспечных провинциалов могут ли не оскорбить невольно утонченный вкус столицы? Впрочем, предаем мы их на общий суд без дальнейших объяснений».

Статья была подписана так: «Ст... и А...».

Надо ли объяснять, что «Ст...» — значит «Старушка», то есть поэт К. Н. Батюшков, «А...» — «Ахилл» — С. С. Уваров. В роли издателя этой книжки выступил «Чу» — арзамасец Д. В. Дашков.

С. С. Уварову принадлежит все прозаическое рассуждение о древне-греческой поэзии, сейчас, кстати, кажу-

О

ГРЕЧЕСКОЙ

АНТОЛОГІИ.

Arcades a...

VIRG.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1820.

127. «О греческой антологии». Титульный лист книги, изданной «арзамасцами» в 1820 г.

щееся старомодным и не очень верным. Зато стихотворные иллюстрации этого «рассуждения», сделанные К. Н. Батюшковым, — совершенно очаровательны. Они принадлежат к лучшим творениям поэта.

К книжке приложены переводы этих же стихотворений на французский язык. Это дело рук С. С. Уварова и Д. В. Дашкова.

В целом — это очень приятная и крайне редкая книжечка пушкинской поры, чудесная памятка о литературном кружке «Арзамас». Помимо будущих реакционеров, вроде Уварова, Блудова и Кавелина, омрачивших потом

славу арзамасцев, в этот кружок в 1817 году вступили и будущие декабристы: Н. И. Тургенев, М. Ф. Орлов, Никита Муравьев. Именно в «Арзамасе» с ними познакомился молодой «Сверчок» — Пушкин, и это знакомство сыграло не малую роль в формировании его свободолюбивого мировоззрения.

* *
*

Нарочито малыми тиражами печатал свои издания грозный временщик граф Аракчеев, наперсник Павла I, друг Александра «благословенного», самая мрачная фигура, затемнившая собой почти три царствования.

Организатор военных поселений, солдафон-диктатор, проливший реки человеческой крови, по-своему понимал искусство, пытаясь насадить его среди военных и собственных крепостных, с помощью кнутов и палок.

При Штабе военных поселений он завел типографию, в которой печатал различного рода издания, никак, впрочем, не украсившие русскую литературу. Это были различные «правила поведения» для людей, загнанных в военные поселения, или книги, посвященные прославлению его змеиного гнезда — села Грузино.

Одно из таких изданий — «Виды села Грузино» — можно назвать роскошным.— Этот альбом из шести тетрадей, в которых помещено сорок литографий, исполненных крепостными художниками и литографами совсем не плохо. Альбом этот — редчайший, так как напечатан не для продажи и, вероятно, тоже в весьма малом количестве экземпляров.

Год его выпуска, примерно, 1823—1824-й.

Редкость всех изданий Аракчеева обуславливается еще тем обстоятельством, что всесильный временщик не только печатал свои издания малыми тиражами, но и не считал для себя обязательными правила, установленные для всех типографий. Он печатал книги без цензуры и без предоставления каких бы то ни было обязательных экземпляров в Управление по делам печати. Неудивительно, что издания Аракчеева крайне редки даже и в государственных книгохранилищах.

У меня, помимо вышеназванного альбома, есть всего несколько его изданий, а именно:

1. В Грузине мера саду в разных местах и расстояние деревень. 1818 года. (Без места печати. 8°. 13 страниц).

2. Опись церковной утвари, имеющейся в грузинском соборе святого апостола Андрея Первозванного. Сделана и поверена в 1821 году. (Без места печати. 8°. 172 стр. К книге три «Дополнения» 1823, 1824 и 1825 годов: — 11, 24 и 15 страниц).

3. Указатель в селе Грузине для любопытных посетителей. Получать можно в оном селе у инвалида Синицы. Печатано в типографии Штаба военного поселения 1821 года. (8°. 9 стр.).

4. Расписание в какие дни именно, какие употреблять для звона колокола при грузинском соборе, учрежденное создателем святого храма сего, графом Алексеем Андреевичем Аракчеевым. Спб. Печатано в типографии Штаба военных поселений. 1825. (8°. 8 страниц).

5. О военных поселениях. Спб. Печатано в типографии Штаба военных поселений. 1825 (4°. 32 страницы).

Список этот приводится исключительно для того, чтобы был яснее характер всех так называемых «аракчеевских изданий». В журнале «Русский библиофил», (1911, № 4) список их значительно обширней (22 номера), но и он не исчерпывающ.

К изданиям, напечатанным нарочито малым тиражом, относятся две аракчеевские книги, кстати сказать, наиболее интересные из всех. Первая носит следующее название: «Рескрипты и записки государя императора Павла Первого к графу Аракчееву». Книга издана без указания места и года печати, переплетена в темно-зеленый марокен с оттиснутым золотом на крышке гербом Аракчеева, с его знаменитым девизом: «Без лести предан». В книге 42 страницы, на которых напечатаны личные записки и распоряжения Павла I Аракчееву. Некоторые записки были написаны царем, очевидно, во время заседаний, вроде: «Кто старее: Давыдов или Каннабих?», или «О караулах в мое отсутствие».

Некоторые, хотя и весьма краткие распоряжения Павла I, собранные в этой интересной книге, живописуют его мрачную эпоху иногда лучше, чем многотомные труды. Есть, например, такая записка:

«Екзекуции быть завтре. Если покажется много двенадцать раз, то остановите настольки, чтобы смерть не приключилась, а если выдержит, то все двенадцать раз. Павел».

Книга особенно важна еще и потому, что проливает некоторый свет на гатчинское пребывание Павла, которое мало отражено в литературе.

РЕСКРИПТЫ

и

ЗАПИСКИ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

ПАВЛА I.

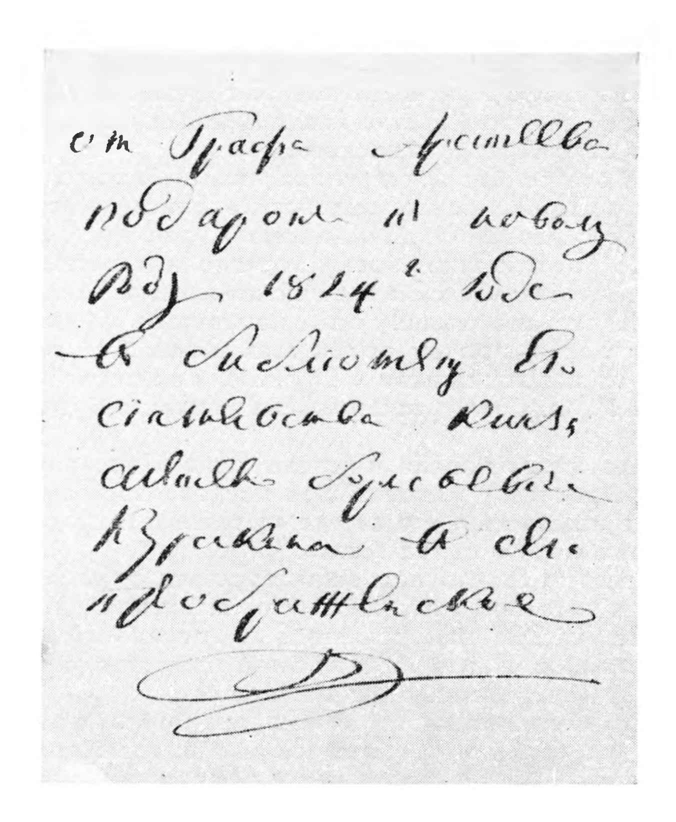
Къ Графу Аракчееву

128. «Рескрипты и записки Павла I-го». Напечатаны Аракчеевым в 10 экземплярах (1821 г.). Титульный лист.

Вторая книга Аракчеева называлась «Рескрипты и письма императора Александра Первого к графу Аракчееву с 1796 по 1825 годы». Книга значительно обширней первой и напечатана в 2-х частях.

Оба сборника писем и записок Павла и Александра, покровителей и друзей временщика, изданы, судя по архивным данным, примерно, в 1821 году[12], когда дальновидный Аракчеев решил начать завоевывать личное к себе внимание двух предполагаемых наследников престола: Константина и Николая.

Для этого, по мнению Аракчеева, надо было документально подтвердить его интимную дружбу с их отцом Павлом и братом Александром.

от Графа Аракчеева
подарок на новой
годъ 1824 г. въ
библиотеку Его
Сиятельства Князя
Александра Борисовича
Куракина в Его
Надеждинске

129. Дарственная надпись Аракчеева — Куракину на книге «Рескрипты и записки Павла I-го».

«Рескрипты и записки» Павла I были напечатаны в количестве всего десяти экземпляров, а «Рескрипты и письма» Александра I — в тридцати. И то и другое печаталось в типографии военных поселений тайно, и Аракчеев, сам будучи в Грузине, писал своему фактотуму И. Ф. Самбургскому, чтобы «тщательно переплести книги в футляры», «черновые сжечь», а главное — «строго наблюдать, чтобы ни один экземпляр никому не был отдан»[13].

Первой книгой, как уже говорилось, были «Рескрипты и записки» Павла. Аракчеев сам распределил все десять ее экземпляров, стараясь, чтобы они попали в руки приближенным к наследникам людям. На имеющемся у меня

экземпляре этой книги — собственноручная надпись Аракчеева: «От графа Аракчеева подарок к новому 1824 году в библиотеку его сиятельства князя Алексея Борисовича Куракина в село Преображенское».

Книга эта сейчас почти уникальна. Библиограф Г. Геннади в своих «Книжных редкостях» описал именно этот экземпляр с дарственной надписью Куракину [14].

Но по содержанию своему гораздо интереснее другая книга Аракчеева: «Письма и записки» к нему Александра I. Как уже сказано выше, она напечатана в количестве 30 экземпляров, причем почти весь тираж был замурован в одной из колонн церкви в Грузине. Как писал Аракчеев тому же И. Ф. Самбургскому, «сие удивлять будет потомство».

Однако книга попала на глаза царю Николаю I, и он выразил Аракчееву «высочайшее неудовольствие», издевательски написав ему, что это-де «дерзко сделано, конечно, без ведома вашего сиятельства».

Аракчеев трусливо поспешил отречься от своей причастности к изданию этих книг. Но наряженное негласное следствие нашло замурованные в церковной колонне 18 экземпляров книги, и они были преданы сожжению. Звезда Аракчеева начала закатываться.

У меня нет печатного экземпляра этого редчайшего издания, но есть полная писарская копия, переплетенная в точно такой же переплет, как и «Рескрипты и записки» Павла.

Происхождение этой копии нетрудно установить. В одном из писем к И. Ф. Самбургскому Аракчеев писал: «Я рескрипты императора Павла получил... посылаю вам еще две, в переплете книги, с коих прошу списать копии, а потом по дружбе своей, заведенным осторожным порядком напечатать...» [15]

Следует понимать это так, что Аракчеев, получив уже напечатанные «Рескрипты и записки» Павла I, послал Самбургскому подлинники писем Александра I, с которых приказал предварительно снять копии и уже их дать в типографию.

Именно такая копия, сделанная рукой какого-нибудь верного крепостного писаря и переплетенная для аккуратности в той же крепостной переплетной в военных поселениях, позже всплыла на антикварном рынке, откуда и попала ко мне.

Книга чрезвычайно интересна. Письма Александра I охватывают период с 1796 по 1825 год. Некоторые из пи-

сем — явно личного, интимного характера и рисуют автора их, «освободителя Европы», человеком, с мышлением рядового мелкого мещанина. Вполне понятно, что брат его, царь Николай I, не мог допустить опубликования подобных писем и предал огню все найденные печатные экземпляры. Аракчееву, мечтавшему похвастаться близостью своей к «благословенному», не приходило в голову, что само содержание этих писем компрометирует его державного «благодетеля». У Николая I хватило разума понять это.

Одно из писем царя, датированное 1818 годом, касается какого-то театрального инцидента, какого именно — я не мог докопаться. Вот содержание этого любопытного письма:

«При сем прилагаю записку военного генерал-губернатора (записки этой нет.— Н. С.-С.) о случившемся происшествии в театре.

Наглость сия мне крайне не нравится. Я нахожу, что слабо было поступлено по сему делу. Первого виновного нахожу я жандармского офицера, непошедшего на место, дабы лично видеть, что происходит. Второго — унтер-офицера, не умевшего заставить себя слушать и не вытолкнувшего за плечи того, которого следовало вывесть: чем бы, вероятно, все происшествие окончилось. Как уже довольно времени прошло, то мне кажется вновь возобновлять сию историю не у места. Но никак не намерен попускать впредь подобные наглости. Посему объяви военному генерал-губернатору и министру полиции дабы строго было надсматриваемо за поведением сих трех актеров и даже прочих и при первой дерзости, арестовав виновного, и тогда в смирительный дом уж не иначе из оного выпустить, как с выключкою из труппы и с отсылкою на жительство в Вятскую, Пермскую и Архангельскую губернии в пример другим, весьма мало заботясь, что расстройство труппа от сего терпит.

Я предпочитаю иметь дурной спектакль нежели хороший, но составленный из наглецов. В России они терпимы не должны быть. Притом нахожу, что жандармский унтер-офицер разжалован был в рядовые, за то, что не умел заставить себя слушать, а офицер арестован на неделю за то, что не пошел сам прекратить беспорядок.

Александр.»

Интересно, кто эти три актера и что за инцидент, возбудивший негодование царя? Впрочем, самый стиль письма тоже любопытен, как образец стиля всех писем Александра I к Аракчееву.

Некоторые из таких посланий, в особенности, например, с выражением сочувствия Аракчееву по поводу убийства его любовницы Минкиной и советы его, «не жалея злодеев, достойно отомстить за пролитую кровь сердечного друга», рисуют автора их с самой отвратительной стороны.

В письмах — множество интереснейших материалов, освещающих события русской жизни, в особенности, в годы, последовавшие за окончанием войны с Наполеоном.

Перелистывая письма и записки Александра I, невольно вспоминаешь потаенные, но дошедшие до нас стихи о нем Пушкина:

«Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда».

Как это удивительно верно!

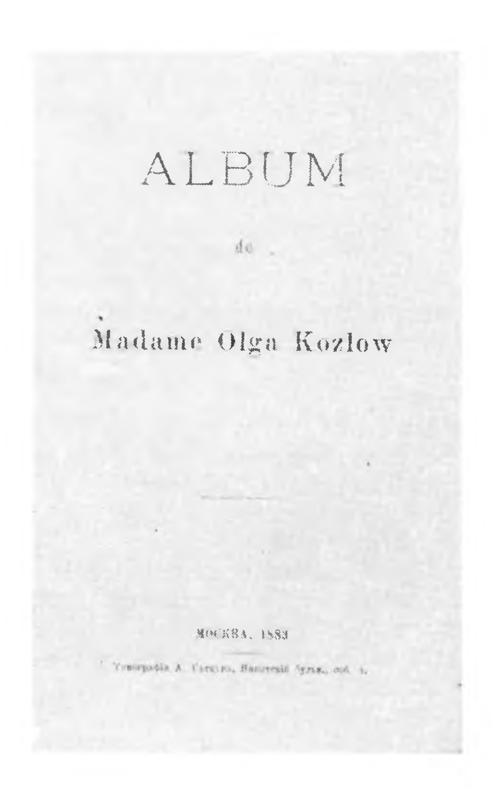
* *
*

Среди книг, напечатанных нарочито малым тиражом, весьма интересно издание, выпущенное в свет всего в количестве 40 экземпляров, под названием: «Альбом мадам Ольги Козловой» (название напечатано по-французски).

На имеющемся у меня экземпляре автограф: «Князю Владимиру Андреевичу Долгорукову — 11-го января 1884 года. № 30»

К книге приплетен фотографический портрет мадам Козловой, довольно пышной русской красавицы. Выпущено издание из типографии А. Гатцука в Москве в 1883 году. Экземпляр роскошно оформлен, очевидно, самой издательницей, в кожаный золототисненный переплет. Альбом издан, разумеется, «не для продажи»[16].

По каталогам собраний К. М. Соловьева и Л. И. Жевержеева можно узнать, что в 1889 году выпущено второе издание этого альбома уже в количестве всего 10 экземпляров. По мнению Н. Киселева («Известия», 1934, номер от 15-го ноября) — это второе издание, вышедшее без указания места и года печати и без цензурного разрешения, сделано из остатков первого издания альбома, в котором некоторые страницы вырезаны и заменены новыми, а также добавлены страницы с новыми, последними записями. Этого второго издания в Государственной библиотеке СССР имени

ALBUM

de

Madame Olga Kozlow

МОСКВА, 1883

130. «Альбом Ольги Козловой». Напечатан в 1883 году в 40 экземплярах. Титульный лист.

В. И. Ленина имеется два экземпляра. Первое издание альбома было у Л. Модзалевского и описано им также в «Известиях» (1934 г., номер от 29 октября). Имеется первое издание альбома и в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Оба издания воспроизводят рукописный альбом Ольги Козловой, в который сделали свои собственноручные записи почти все литературные корифеи того времени: Виктор Гюго, Дюма (отец и сын), Проспер Мериме, Сюлли Прюдом, А. Н. Островский, А. А. Фет, гр. А. К. Толстой, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. Ф. Писемский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский, И. С. Аксаков и многие другие.

В подлиннике альбома было много акварельных рисунков виднейших западных и русских художников, которые в печатном экземпляре фигурируют лишь в виде списка.

Среди них — имена А. Айвазовского, Петра Соколова, А. Боголюбова и так далее. Имелись нотные автографы композиторов — П. И. Чайковского, Антона и Николая Рубинштейнов, Верди.

По всему видно, что подлинник альбома представлял из себя большую историко-литературную и художественную ценность. Такие альбомы были в большой моде в 20-х, 30-х и 40-х годах минувшего столетия. В этих альбомах встречались записи А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. А. Жуковского и других. Мода эта держалась еще в шестидесятых и семидесятых годах и постепенно увядала. Альбом Ольги Козловой — едва ли не один из последних отголосков этого увлечения.

Л. Модзалевский считал, что подлинник альбома утерян. Однако в журнале «Временник общества друзей русской книги», издававшемся в Париже (1928, кн. 2, стр. 55) сообщалось, что альбом цел и находится в Париже, в коллекции частного собирателя.

Здесь мы говорим лишь о печатном воспроизведении текстовой части альбома, из которого получился весьма интересный сборник.

Прежде всего, кто же эта «мадам Ольга Козлова», собравшая и издавшая альбом? Это — Ольга Алексеевна Козлова, жена известного поэта-переводчика Павла Алексеевича Козлова (1841—1891). Он прославился переводами Байрона и, между прочим, романсом, до сего времени не вполне забытым: «Глядя на луч пурпурного заката».

Занимая крупную чиновничью должность при московском губернаторе, Козлов часто бывал за границей, а у себя в Москве организовал нечто вроде литературного салона, в котором бывали крупнейшие представители литературы и искусства. Знакомства в литературном и художественном мире, как в России, так и за рубежом, позволили жене Козлова создать альбом, о котором сейчас идет речь.

Альбом открывается стихами поэта Якова Полонского:

«В альбом сей, цены не имеющий,
Как будто в блестящий салон,
Поэт в русской жизни коснеющий,
Радушно войти приглашен...»

Драматург А. Н. Островский оставил в альбоме такую запись:

«Вы вашим альбомом ставите драматического писателя в драматическое положение... Я не знаю, имел ли я смо-

лоду столько легкости и остроумия, сколько их нужно, чтобы без труда, без тоскливого чувства своего бессилия, написать приятную или шутливую безделицу. Теперь я очень хорошо чувствую, что все, что было во мне молодого и игривого, утрачено безвозвратно... Но богатое талантами общество, в которое вы меня радушно приглашаете, манит меня; я не могу отказать себе в удовольствии войти в него и только прошу извинения, что занимаю страницу блестящего альбома несвязными строчками. (11 апреля 1874 г.)»

Творец «Обрыва», «Обломова» и «Обыкновенной истории» — И. А. Гончаров оставил такой автограф:

«С робким смущением являюсь я на ласковое приглашение в этом блестящем собрании — и пробыв в нем минуту, не успев оглядеться среди сокровищ умов и талантов — со вздохом от старости и бессилия стать рядом — спешу спрятаться в свой обломовский угол. (Март 1872)»

Алексей Феофилактович Писемский написал в альбом довольно мрачный, но любопытный экспромт:

«Когда Марлинского «Фрегат»,
Попал на мель и в бричке скромной
Изволит Чичиков катать,
Что в этот век в листок альбомный,
Скажите,— может написать
Наш брат, в сатире закоснелый,
Как только разве восклицать,
Что гений века — жулик смелый!»

Запись датирована 1879 годом, за два года до смерти писателя. Это — одни из последних его строчек.

Ф. М. Достоевский написал в альбом нечто весьма любопытное:

«Посмотрел ваш альбом и позавидовал. Сколько друзей ваших вписали в эту роскошную памятную книжку свои имена! Сколько живых мгновений пережитой жизни напоминают эти листы! Я сохраняю несколько фотографий людей, которых наиболее любил в жизни,— и что же? я никогда не смотрю на эти изображения: для меня, почему-то, воспоминание равносильно страданию, и даже чем счастливее воспоминаемое мгновенье, тем более от него и мучения. В то же время, несмотря на все утраты, я люблю жизнь горячо; люблю жизнь для жизни и, серьезно, все еще собираюсь н а ч а т ь мою жизнь. Мне скоро пятьдесят лет, а я все еще никак не могу распознать: оканчиваю ли я мою

жизнь или только лишь ее начинаю. Вот главная черта моего характера, может быть и деятельности».

Подобные записи в альбомах действительно тоже напоминают фотографии. В этих нескольких строчках Ф. М. Достоевского — портрет писателя.

Известное впечатление должен был производить в подлиннике альбома «разворот», где на левой стороне по-французски рукой Сюлли Прюдома написано его стихотворение: «Ту вазу, где цветок ты сберегала нежный», а на правой — рукой А. Апухтина известное его переложение этого стихотворения на русский язык:

«Не тронь ее — она разбита!»

В печатном виде этот «разворот» много проигрывает.

И. С. Тургенев записывает в альбом в июне 1873 года, в Карлсбаде, следующее:

«Желал я очень написать вам что-нибудь стихами, но я так давно расстался с музой, что мне остается заявить смиренной прозой, что я очень рад и свиданию с вами и случаю попасть в отборное общество, наполняющее ваш альбом».

О музе вспоминает и поэт Н. А. Некрасов, оставив в ноябре того же 1873 года такую запись:

«Не имея ничего нового, я долго рылся в моих старых бумагах и нашел там исписанный карандашом лоскуток. Я ничего не разобрал (лоскуток, сколько помню, относится к 1848 году), кроме следующих осьми стихов:

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.
Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистел, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

Извините, если эти стихи не совсем идут к вашему изящному альбому. Ничего другого не нашел и не придумал.»

Несомненно, что запись Н. А. Некрасова выглядит острой и саркастичной, и он ею как бы делает упрек владелице «изящного альбома», в котором многовато, конечно, «охов и вздохов» А. Фета, А. Апухтина, К. Случевского и других.

От некоторой доли сарказма не удержался и М. Е. Салтыков-Щедрин, который выбрал для записи в альбоме ма-

ленький отрывок из своего сочинения «За рубежом». Думается, что выбор великого сатирика тоже не случаен. Вот его содержание (январь 1882 года):

«Как ни приятна сытость, но и она имеет существенные неудобства. Она отяжеляет человека, сообщает его действиям сонливость, его мышлению вялость. Чересчур сытый человек требует от жизни только одного: чтоб она как можно меньше затрудняла его, как можно меньше ставила на его пути преград и поводов для пытливости и борьбы. Сытные наслаждения, в глазах сытого человека приобретают ценность лишь в том случае, когда они достаются легко, приливают к нему, так сказать, сами собой. Мы, русские сытые люди, круглый год питающиеся блинами, пирогами и калачами, кое-что знаем о том духовном остолбенении, при котором единственную лучезарную точку в жизни человека представляет сон с целой свитой утробных сновидений и кошмаров. От того, быть может, у нас и нет тех форм обеспеченности, которые представляет общественный политический строй на Западе. Но зато у нас есть блины».

И есть альбомы,— вероятно хотел сказать Михаил Евграфович,— сытые хозяйки которых заставляют своих гостей-литераторов, после сытного ужина, записывать те или иные сытые изречения.

Не смею, конечно, говорить за Салтыкова-Щедрина, но выбранный им отрывок в альбом мадам Ольги Козловой наводит на такие мысли.

Я прошу извинить меня, что привел довольно много записей из этого любопытного альбома, но все они принадлежат известнейшим людям в литературе и большая часть их нигде не опубликована, кроме описываемой сейчас книги, изданной нарочито малым тиражом, а потому чрезвычайно редкой.

* *
*

Книг, напечатанных «для немногих», вовсе не так мало. К их числу надо отнести редкие официальные издания, которые, подобно книгам В. И. Даля и Н. И. Надеждина «О скопческой ереси», издавались и по другим вопросам. Весьма в малом количестве экземпляров печатались некоторые подносные «оды» XVIII века, описания фейерверков, празднеств. Издавались, подобно упоминаемому выше альбому «Виды села Грузино», гравированные или литографи-

рованные виды других «дворянских гнезд», например: «Виды села Надеждино», «Виды села Влахернского» и т. п. Среди этих альбомов есть альбомы, выполненные с большим художественным вкусом, образцы полиграфического искусства. Все они чрезвычайно редки и ценны.

На рассказы обо всех таких изданиях не хватило бы нескольких книг. Кроме того, далеко не все напечатанное «для немногих» заслуживает подробного рассказа.

У меня есть, например, книжка поэта Аполлона Григорьева, выпущенная в Петербурге в 1846 году[17]. Сама по себе книжка очень интересна, как интересна и биография ее автора. Сборник 1846 года — это единственная прижизненная книга стихов поэта. Творчеством А. Григорьева очень увлекался Александр Блок и, собрав все его разбросанные по разным журналам стихотворения, напечатал их в 1916 году, в издательстве К. Ф. Некрасова.

В примечаниях А. Блок говорит, что сборник Аполлона Григорьева 1846 года был напечатан всего в 50 экземплярах. В качестве источника этого сведения он указывает каталог библиотеки К. М. Соловьева, составленный Ю. Битовтом. Последний, действительно пишет, что книжка Аполлона Григорьева в 1846 году напечатана в количестве 50 экземпляров, однако, откуда им взята именно эта цифра — указаний нет.

Ю. Битовту можно поверить на слово, так как редкостность книги Аполлона Григорьева — вне сомнений. Однако никаких особых причин печатать свою первую книжку стихов именно таким нарочито малым тиражом у Аполлона Григорьева не было. Значит, это с его стороны простая дань эстетству: печатать свои творения непременно «для немногих», «для избранных».

В двадцать три года (возраст, в котором Аполлон Григорьев печатал свою книжку) многое, конечно, можно простить, но если причиной нарочито малого тиража того или иного издания является желание автора распространить его только среди «избранных», то необходимо сознаться, что обстоятельство это не заслуживает уважения.

Ни Пушкин, ни Гоголь, ни Лермонтов, ни Некрасов, ни действовавшие после них Горький и Маяковский никогда не печатали своих сочинений тиражами, рассчитанными на какой-то узкий круг читателей. Наоборот, каждые лишние сотни или тысячи напечатанных книг, написанных ими, были предметом их гордости. Искусство, предназначенное только «для избранных» — не искусство!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Геннади, Г. Русские книжные редкости. Спб., 1872. «История моего котенка» значится у него под № 208.

2. Для немногих. М., в тип. Августа Семена, 1818 (повторено на немецком языке). №№ 1—6. 12^{0}. 32, 33, 31, 33, 25, 28 стр.

3. Собиратель. Год первый. 1829. (Без указания места печати). №№ 1—2. 8^{0}. 19, 30 стр.

4. Муравейник, литературные листы, издаваемые неизвестным обществом неученых людей. 1831. (Без указания места печати). 8^{0}. 32, 31, 32, 23, 22 стр. (№№ 1—5).

5. а) Историческое описание 14-го декабря 1825-го года и предшествующих ему событий. Спб., тип. 2-го отд. собств. ЕИВ канцелярии, 1848. 8^{0} (большая). VI, 168 стр.

б) Четырнадцатое декабря 1825 года. Второе издание. Спб., 1854. 8^{0} (большая). VI, 230 стр.

6. Цитируется по книге «Ленин о культуре и искусстве». М., 1938, стр. 67.

7. Герцен, А. И. Полн. собр. соч. Под ред. М. Лемке. Т. 9, стр. 584.

8. Белинский, В. Г. Полн. собр. Под ред. С. А. Венгерова. Т. I, стр. 408. (Примечание С. А. Венгерова).

9. «Пушкин и его современники», вып. 25—27, 1916, стр. 309.

10. «Русская старина», 1901, февраль, стр. 256.

11. О греческой антологии. Спб., в тип. Департамента нар. просвещения, 1820. 8^{0}. VI, 44 стр.

12. «Русская старина», 1873, апрель, стр. 477.

13. Там же.

14. Геннади, Г. Русские книжные редкости. Спб., 1872, № 224.

15. «Русская старина», 1873, апрель, стр. 477.

16. Album de Madame Olga Kozolow. М., тип. А. Гатцука, 1883, 12^{0}. Фотопортрет Козловой, 180, V стр.

17. Стихотворения Аполлона Григорьева. Спб., в тип. К. Крайя, 1846. 16^{0}. 178, 3 стр.

КНИГИ, РАЗОЧАРОВАВШИЕ АВТОРОВ

Этот рассказ приходится начинать с книги, которой у меня нет и которой мне, пожалуй, уже не достать.

Один раз (в начале тридцатых годов) она поманила возможностью прийти ко мне на полки, но обстоятельства сложились так, что я должен был ее уступить. Книга ушла в государственное хранилище. Это была редчайшая из редких русских книг — первая прижизненная книга молодого Николая Васильевича Гоголя — «Ганц Кюхельгартен»[1].

Написанная стихами, эта «Идиллия в картинах» была выпущена Гоголем под псевдонимом «В. Алов» в 1829 году. Гоголю было в это время всего 20 лет.

Книга поступила в магазины в конце июня 1829 года и оставалась в продаже около месяца, не вызвав решительно никакого спроса.

Зато появилась резко отрицательная рецензия Н. Полевого в «Московском телеграфе» и такая же в «Северной

пчеле», гласившая, что «свет ничего бы не потерял, когда бы сия первая попытка юного таланта залежалась под спудом». На молодого Гоголя рецензии эти подействовали угнетающе, и он, по свидетельству П. А. Кулиша, «тотчас же, в сопровождении верного своего слуги Якима, отправился по книжным магазинам, собрал экземпляры, нашел в гостинице нумер и сжег все до одного» [2].

Уцелело, по подсчетам библиографов, три или четыре экземпляра книги, представляющие собой величайшую библиографическую редкость. Я не слышал, чтобы «Ганц Кюхельгартен» имелся сейчас в каком-либо частном собрании.

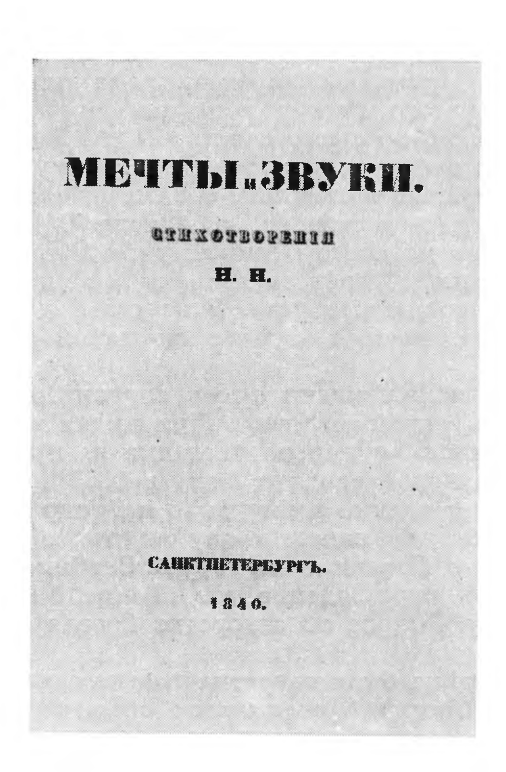
Гоголь до конца жизни сумел сохранить в тайне, что «В. Алов» — это его псевдоним. При жизни автора книжка не переиздавалась, и первое указание на принадлежность ее перу Гоголя последовало лишь в 1852 году. Документальное подтверждение этому было найдено и того позже. Только в 1909 году нашли и опубликовали в «Русском архиве» письмо Гоголя к цензору К. Сербиновичу, с просьбой ускорить прохождение его «Ганца Кюхельгартена» через цензуру. Вопрос об авторстве Гоголя стал уже бесспорным.

До этого тайна была известна только самому Гоголю и его верному Якиму. Догадывался об этой гоголевской тайне друг и соученик его по Нежинской гимназии Н. Я. Прокопович, но он молчал до 1852 года. В этом году гениальный русский сатирик, начавший свою деятельность сожжением «Ганца Кюхельгартена» и кончивший ее сожжением рукописи второго тома «Мертвых душ», ушел в вечность.

Один из весьма немногих уцелевших экземпляров сожженной автором книги «Ганц Кюхельгартен» мне лишь единожды удалось подержать в руках. Только подержать...

* *
*

Аналогичной оказалась судьба и первой книги Н. А. Некрасова. Отправленный отцом в Петербург устраиваться на военную службу в 1838 году, молодой Некрасов, вопреки воле родителя, устроился в университет. Разъяренный отец круто разорвал с сыном, и юноша оказался в Петербурге предоставленным самому себе. Нужда была беспросветная.

131. «Мечты и звуки» Н. А. Некрасова. Книга уничтожена автором. Обложка.

О начале жизни в Петербурге и о появлении в 1840 году своей первой книги «Мечты и звуки» уже много позже сам поэт рассказывал так:

«Я готовился в университет, голодал, подготовлял в военноучебные заведения девять мальчиков по всем русским предметам. Это место доставил мне Григорий Францевич Бенецкий, он тогда был наставник и наблюдатель в Пажеском корпусе и чем-то в Дворянском полку. Это был отличный человек. Однажды он мне сказал: «напечатайте ваши стихи, я вам продам по билетам рублей на 500.» Я стал печатать книгу «Мечты и звуки». Тут меня взяло раздумье, я хотел ее изорвать, но Бенецкий уже продал до сотни билетов кадетам и деньги я прожил. Как тут быть!.. В раздумье я пошел со своей книгой к В. А. Жуковскому. Принял меня седенький, согнутый старичок, взял книгу и велел придти через несколько дней. Я пришел, он какую-то мою пьесу похвалил, но сказал:

— Вы потом пожалеете, если выдадите эту книгу.

— Но я не могу не выдать (и объяснил почему).

Жуковский дал мне совет: снимите с книги ваше имя. «Мечты и звуки» вышли под двумя буквами «Н. Н.»

Меня обругали в какой-то газете, я написал ответ, это был единственный случай в моей жизни, что я заступился за себя и свое произведение. Ответ был глупый, глупее самой книги.

Все это происходило в 40-м году. Белинский тоже обругал мою книгу»[3].

Именно отзыв Белинского, чрезвычайно резко отозвавшегося о «Мечтах и звуках», особенно подействовал на Некрасова. Мог ли думать тогда Белинский, что неведомый ему «Н. Н.» через несколько лет станет его другом, соратником и редактором «Современника»?

Впрочем, отзыв Белинского о «Мечтах и звуках» не был несправедливым. Первые опыты молодого Некрасова даже и отдаленно не напоминали того, что потом вышло из-под его пера. В «Мечтах и звуках» были напечатаны стихи явно подражательного характера, с разными «страшными» названиями, вроде: «Злой дух», «Ангел смерти» и прочее[4].

В другом своем автобиографическом наброске, сделанном для редактора «Русской старины» М. И. Семевского, Некрасов рассказывает дальнейшую судьбу первой своей книги:

«Роздал книгу на комиссию; прихожу в магазин через неделю — ни одного экземпляра не продано, через другую — тоже, через два месяца — тоже. В огорчении отобрал все экземпляры и большую часть уничтожил. Отказался писать лирические и вообще нежные произведения в стихах»[5].

Из этого мы видим, что первая книга Некрасова играла немалую роль в формировании будущего творчества поэта-демократа. Как он сам писал, «это был лучший урок».

В дальнейшем Некрасов не включал из книги «Мечты и звуки» ни одного стихотворения в собрания своих сочинений. Тем не менее, историко-литературное значение его первой юношеской книги — большое. Она — важный этап в биографии «певца народного горя».

Нет ничего удивительного, что книжка эта давно уже считается редкостью. От уничтожения уцелело, конечно, несколько более экземпляров, чем «Ганца Кюхельгартена» Гоголя, но, все равно, день, когда мне в Ярославле удалось найти чудесный, в обложках томик этих стихов, я считал праздничным днем.

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ

ВЪ ПРОЗѢ И СТИХАХЪ

И. ЛАЖЕЧНИКОВА.

Dans la littérature on accorde l'indulgence à la jeunesse en faveur de l'esperance.

Laharpe.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1817.

132. «Первые опыты». Первая прижизненная книга И. Лажечникова, изд. 1817 г. Титульный лист. Книга уничтожена автором.

* *
*

Есть у меня еще одна книга, судьба которой одинакова с судьбой гоголевского «Ганца Кюхельгартена» и книги Некрасова «Мечты и звуки». Появилась она в свет в 1817 году в Москве и носит название: «Первые опыты в прозе и стихах». Автор ее не скрывал своего имени, и на выходном листе значится: «И. Лажечников»[6].

Имя Ивана Ивановича Лажечникова в русской литературе всегда ставится рядом с именем М. Н. Загоскина, которому принадлежит слава первого русского исторического романиста.

Разумеется, романы Загоскина «Юрий Милославский», «Рославлев», «Аскольдова могила» значительнее лажечни-

ковских «Последнего Новика» или «Ледяного дома», но, тем не менее, произведениям И. И. Лажечникова принадлежит видное место в зарождении и развитии русского исторического романа.

Белинский в «Литературных мечтаниях» написал о «Последнем Новике», что это «произведение необыкновенное, ознаменованное печатью высокого таланта».

Писать и печататься Лажечников начал необычайно рано, чуть ли не в пятнадцатилетнем возрасте. Еще будучи офицером, он собрал разбросанные по разным журналам свои незрелые произведения и выпустил их отдельной книжкой, о которой здесь идет речь.

В эти годы он подражал Карамзину или, как он сам пишет в своей автобиографии, был, «к сожалению, увлечен сентиментальным направлением тогдашней литературы, которой заманчивые образцы видны в «Бедной Лизе» и «Наталье, боярской дочери».

Напечатанные в разных журналах подобные его работы, очевидно, не производили отрицательного впечатления, но, будучи собраны в одну книжку, потрясли своим несовершенством самого автора, который, по собственным же его словам, «увидев их в печати и устыдясь их, вскоре поспешил истребить все экземпляры этого издания»[7].

Так погибли от руки самого Лажечникова его «Первые опыты в прозе и стихах».

Оставшиеся, очевидно, в самом незначительном количестве экземпляры этой книги стали чрезвычайно большой редкостью. Редкость их усугубляется тем обстоятельством, что книги эти в продажу вообще не поступали. Автор их уничтожил дома, едва получив из типографии.

* *
*

Мы с вами рассмотрели три книги писателей, которые, неудовлетворившись своими первыми опытами, сами безжалостно предали их уничтожению. Я не занимался специально этим вопросом, но думаю, что список таких книг можно было бы продолжить.

Однако в моей библиотеке таких книг более нет и, следовательно, говорить мне о них трудно.

Но существуют книги, являющиеся преимущественно тоже первыми отдельными публикациями сочинений писателей, которые, если не уничтожали их, то не любили, не способствовали их сохранению, а порой и просто отказывались от них, скрывая свое авторство.

Таких именно книг в моем собрании несколько.

Вот, например, две скромных брошюрки, на обложках которых напечатано всего по одному слову: «Параша» — на первой и «Разговор» — на второй.

На заглавном листе сведений несколько больше. Мы узнаем, что «Параша» — это «рассказ в стихах», сочинения «Т. Л.», напечатанный в Петербурге в типографии Э. Праца в 1843 году.

На заглавном листе второй брошюры сведений еще больше. Мы узнаем, что «Разговор» — это стихотворение, написанное Ив. Тургеневым («Т. Л.»).

Напечатана брошюра также в Санктпетербурге уже в 1845 году[8].

Разумеется, не новость, что обе эти брошюры принадлежат перу Ивана Сергеевича Тургенева. Инициалы «Т. Л.» обозначали: «Тургенев — Лутовинов». Свою литературную деятельность Иван Сергеевич начал как стихотворец. Помимо нескольких стихотворений и поэм, напечатанных в журналах и сборниках, «Параша» и «Разговор» были выпущены им отдельными брошюрами, которые сейчас и служат предметом нашего внимания.

Написаны оба эти произведения чудесно. Белинский приветствовал «Парашу» большой статьей, в которой говорил, что он видит поэму — «не только написанную прекрасными поэтическими стихами, но и проникнутую глубокою идеею, полнотою внутреннего содержания, отличающуюся юмором и иронией»[9].

Не менее благожелательно отозвался Белинский и о «Разговоре».

И однако, Тургенев не только не включал эти свои стихотворные дебюты в последующие собрания сочинений, но в письмах к друзьям говорил: «Я чувствую положительную, чуть ли не физическую антипатию к моим стихотворениям и не только не имею ни одного экземпляра моих поэм, но дорого бы дал, чтобы их вообще не существовало на свете»[10].

Так отнесся к первым своим книжкам сам автор. Не поддержанные последующими переизданиями и напоминаниями о них, обе эти брошюры Тургенева быстро исчезли с книжного рынка. Имя писателя в те годы еще не гремело, поэтому и собирателей, стремившихся сохранить эти две невзрачные на вид брошюрки у себя на полках, было немного. «Параша» и «Разговор» сделались весьма и весьма редкими книгами. Едва-едва мне удалось найти их.

ПАРАША.

РАЗСКАЗЪ ВЪ СТИХАХЪ.

Т. Л.

писано въ началѣ 1843 года.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1843.

РАЗГОВОРЪ.

СТИХОТВОРЕНІЕ

ИВ. ТУРГЕНЕВА (Т. Л.)

Санктпетербургъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1845.

133—134. Две первые прижизненные книги И. С. Тургенева «Параша» и «Разговор», изд. 1843 и 1845 гг. Титульные листы.

* *
*

Такой же редчайшей книгой сделался первый юношеский сборник стихов Афанасия Афанасьевича Фета (Шеншина), занимающего не малое место в истории русской поэзии. В известном письме к Н. А. Некрасову Н. Г. Чернышевский писал о нем, что Фет «однако же, хороший поэт» [11].

Писать стихи Фет начал очень рано, и первая его книжка под названием «Лирический Пантеон» вышла в 1840 году в Москве к двадцатилетию со дня рождения автора. Имя Фета на ней было скрыто под инициалами «А. Ф.» [12].

Сам Фет так рассказывает об этой книге: «Мало ли о чем мечтают 19-летние мальчики! Между прочим, я был уверен, что имей я возможность напечатать первый свой стихотворный сборник, который обозвал «Лирическим Пантеоном», то немедля приобрету громкую славу, и деньги, затраченные на издание, тотчас же вернутся сторицей. Разделяя такое убеждение, Б. (девушка, которую юноша Фет считал своей невестой.— Н. С.-С.) при отъезде моем в Москву, вручила мне из скудных сбережений своих 300 рублей ассигнациями на издание, долженствующее по нашему мнению, упрочить нашу независимую будущность».

Далее Фет рассказывает, что он «...тщательно приберег деньги, занятые на издание, и к концу года выхлопотал из довольно неисправной типографии Селивановского свой «Лирический Пантеон», который,— продолжает Фет, «...появясь в свет, отчасти достиг цели. Доставив мне удовольствие увидать себя в печати, а Барону Брамбеусу поскалить зубы над новичком, сборник этот заслужил одобрительный отзыв «Отечественных записок». Конечно, небольшие деньги, потраченные на это издание, пропали бесследно» [13].

Разумеется, пропали не только деньги, но исчезло совершенно и само издание, носящее столь громкое название: «Лирический Пантеон». Стихи, напечатанные в этом сборнике, были незрелыми, подражательными и никак не предвещавшими того поэтического дара, который пришел к автору позже.

По-видимому, это понимал и сам поэт, так как в следующем своем сборнике стихов, вышедшем через десять лет, в 1850 году, из «Лирического Пантеона» он поместил

135. Первая прижизненная книга стихов А. Фета (1840 г.). Титульный лист.

только четыре стихотворения, а еще позднее — в книге стихов (под редакцией И. С. Тургенева) 1856 года — всего одно.

Сочувственный отзыв «Отечественных записок» не вскружил голову поэта. «Лирический Пантеон» спроса, конечно, не имел никакого и только усердно раздавался автором среди знакомых. А знакомые, очевидно, отнюдь не усердно хранили этот дар у себя на полках. Вот книжка и сделалась редкостью.

Когда-то, в Лавке писателей, Давид Самойлович Айзенштадт, старый и умный книжник, устроил мне полное собрание первых изданий Фета. Это (с переводами) — более двадцати томов. Собрание было уникальным: все в одинаковых роскошных переплетах, оно принадлежало

ранее родственникам Фета — Боткиным, известным дореволюционным чаеторговцам, на дочери одного из которых Фет был женат. На многих томах этого собрания красовались собственноручные дарственные надписи Фета. Собрание было исчерпывающим по полноте, но «Лирический Пантеон» отсутствовал.

На мой вопрос: неужели же у Боткиных не было «Лирического Пантеона»? — Давид Самойлович посмотрел на меня сквозь чудовищной толщины стекла очков и осуждающе ответил:

— И не могло быть, дорогой товарищ. Афанасий Афанасьевич Фет в зрелые свои годы немедленно уничтожал эту книгу, как только она попадалась ему на пути...

К сожалению, я не нашел документального подтверждения словам Айзенштадта, но готов верить: он знал великое множество подробностей о книгах.

Позже, я, все-таки, достал себе «Лирический Пантеон». Его уступил мне один яростный поклонник поэзии, презирающий все, что написано не стихами.

Я к таковым поклонникам не принадлежу, но первая книга поэта — всегда его первая книга и для собирателя особенно интересна.

Сам Фет так писал о своем «Лирическом Пантеоне», связанном с его первою юношеской любовью: «Весь этот невероятный и, по умственной безмощности, жалкий эпизод можно понять только при убеждении в главенстве воли над разумом. Сад, доведенный необычно ранней весной до полного расцвета, не станет рассуждать о том, что румянец, проступающий на его белых благоуханных цветах, совершенно несвоевременен, так как через два-три дня все будет убито неумолимым морозом»[14].

* *
*

Последней книгой, имеющейся у меня в этом любопытном разделе библиотеки, я считаю «Упырь», сочинение Красногорского. Напечатана книга в Петербурге, в типографии Фишера, в 1841 году. Фронтиспис и обложка украшены очаровательной картинкой, резанной на дереве в Париже[15].

Красногорский — это Алексей Константинович Толстой, известный русский поэт, назвавшийся так в первой напечатанной им книге по месту своего рождения в Красном Роге.

136. Гравированный фронтиспис первой прижизненной книги А. К. Толстого «Упырь» 1841 г.

Было тогда А. К. Толстому двадцать три года, и всякая фантастика на него производила неотразимое впечатление. «Упырь» — это прозаический длинный рассказ, наполненный всякой чертовщиной, довольно забавный по содержанию.

Б. Маркевич, напечатавший в восьмидесятых годах в «Русском вестнике» неизданный юношеский рассказ Тол-

стого «Семья вурдалака», писал, что «в те же молодые годы напечатан был им (А. К. Толстым) по-русски, в малом количестве экземпляров и без имени автора, подобный же из области вампиризма рассказ, под заглавием «Упырь», составляющий ныне величайшую библиографическую редкость» [16].

Вот, собственно, вся история этой книги. Остается добавить, что сам А. К. Толстой не придавал этой ранней своей книжке ровно никакого значения и не перепечатывал ее до конца жизни. Произведение это лишь в 1900 году вторично увидело свет, перепечатанное Вл. Соловьевым, также отмечавшим редкость первого издания «Упыря».

Однако книжку эту в свое время не пропустил В. Г. Белинский. Не зная ничего об авторе, он с гениальной прозорливостью, не только приветливо ее встретил, но и предсказал, что автор займет видное место в русской литературе. Сквозь юношескую незрелость увидел он «во всем отпечаток руки твердой, литературной» и нашел в авторе «решительное дарование» [17].

В этой же рецензии Белинский высказывает мысли, которыми смело можно закончить обзор судьбы некоторых ранних книг русских писателей. Белинский пишет, что молодость — «это самое соблазнительное и самое неудобное время для авторства: тут нет конца деятельности, но зато все произведения этой плодовитой эпохи в более зрелый период жизни предаются огню, как очистительная жертва грехов юности».

«Исключение остается только за гениями»,— пишет далее Белинский, напоминая, однако, что «...и ранние произведения гениев резкою чертою отделяются от созданий более зрелого их возраста...»

Как все это верно! И как хочется еще раз подивиться мужеству и решимости русских писателей, не задумывавшихся предавать огню или забвению свои же собственные книги, если они, по их мнению, оказывались не достойными остаться в памяти.

Здесь даже нельзя сослаться на то, что это делалось только под влиянием неблагожелательной критики. О гоголевском «Ганце Кюхельгартене», помимо разносных статей, был и очень сочувственный отзыв О. М. Сомова в «Северных цветах» на 1830 год. Сомов писал, что в «сочинителе виден талант, обеспечивающий в нем будущего поэта». Гоголь, если бы захотел, мог поверить ему, а он не поверил! Дорога стихотворца не стала его дорогой.

Не все не понравилось Жуковскому в «Мечтах и звуках» Некрасова, о книге Лажечникова не было печатных отзывов вовсе, «Парашу» и «Разговор» Тургенева, равно как и «Упырь» Алексея Константиновича Толстого, Белинский, наоборот, похвалил. Появилась, кроме отрицательной, и сочувственная статья о «Лирическом Пантеоне» Фета.

Ясно, что не только в отзывах дело! Вопрос заключается в личном понимании писателями качества своего труда. Высокая требовательность к себе, к своим произведениям — всегда была замечательной чертой русских литераторов.

Книги, о которых я попытался рассказать здесь, служат чудесным этому подтверждением.

* *
*

Книгу «Упырь» Алексея Константиновича Толстого подарил мне другой Толстой — Алексей Николаевич. Думается, что об этом уместно здесь рассказать.

Познакомил меня с Толстым мой друг — режиссер Давид Гутман. Это было в 1925 году в «Аквариуме», где шли спектакли Театра сатиры, представлявшего злейшую пародию на пьесу А. Н. Толстого и П. Е. Щеголева «Заговор императрицы». Достаточно сказать, что пародия называлась «Ой, не ходы, Грицю — на заговор императрицы». Жена моя, артистка этого театра С. П. Близниковская, изображала Вырубову, кстати, тоже очень смешно.

Несмотря на то, что и сам Толстой и его соавтор Щеголев весь спектакль хохотали громче всех, пришли они за кулисы знакомиться с актерами чуточку злые. Давид Гутман представил меня Толстому как книжника, и я, искренне любуясь импозантной фигурой Алексея Николаевича, не нашел ничего умнее, как сказать ему:

«Мечтаю, Алексей Николаевич, о вашей книге с автографом...»

Толстой посмотрел на меня и, выдержав паузу, громко, так что слышали все, рявкнул:

— Непременно! К следующей встрече, молодой человек, купите на развале моего «Князя Серебряного» — я надпишу!

И затрясшись от приступа, на этот раз уже искреннего хохота (а как он хохотал!), хлопнул меня по плечу и сказал:

Обидно? А мне, думаешь, не обидно? Целый вечер вы, господа сатирики, мерзавили и кого? Автора «Царя Федора Иоановича»!

Его самого всегда веселило то, что он Толстой и тоже Алексей. В шутках своих он, впрочем, не забывал и Толстого Льва Николаевича. Как-то, уже позже, в последнюю военную зиму, мы засиделись в гостях у поэта Николая Асеева. Домой мы шли вместе, после 12 часов ночи. Патрули уже несколько ослабили свою деятельность, но все-таки были, а ночных пропусков у нас, наоборот, не было. Каждому патрулю, останавливавшему нас на улицах, мы вынуждены были предъявлять паспорта, а я еще — долго доказывать, что вот, мол, я артист такой-то, а это писатель — Толстой. Толстой непременно добавлял к этому одни и те же слова: «Автор «Войны и мира».

Патрулирующие, хорошо зная Алексея Николаевича, неизменно вскидывали руку к козырьку и, улыбаясь, немедленно нас пропускали. Толстого это веселило до крайности. Впрочем его веселило все на свете. Такого обилия жизнерадостности я не встречал больше ни в ком. Смеяться он просто любил.

Как-то я ему сказал: — Был вчера на выставке советских графиков и, почему-то, не видел, Алексей Николаевич, ваших работ...

— А какое я имею отношение к графикам?

— Ну как же, Алексей Николаевич, вы же бывший граф, то есть, график, а теперь наш, советский график...

Над этой немудрящей остротой Толстой хохотал до слез.

— До чего глупо! — восклицал он: — До чего божественно глупо! Придумать это нельзя — это осенение свыше!

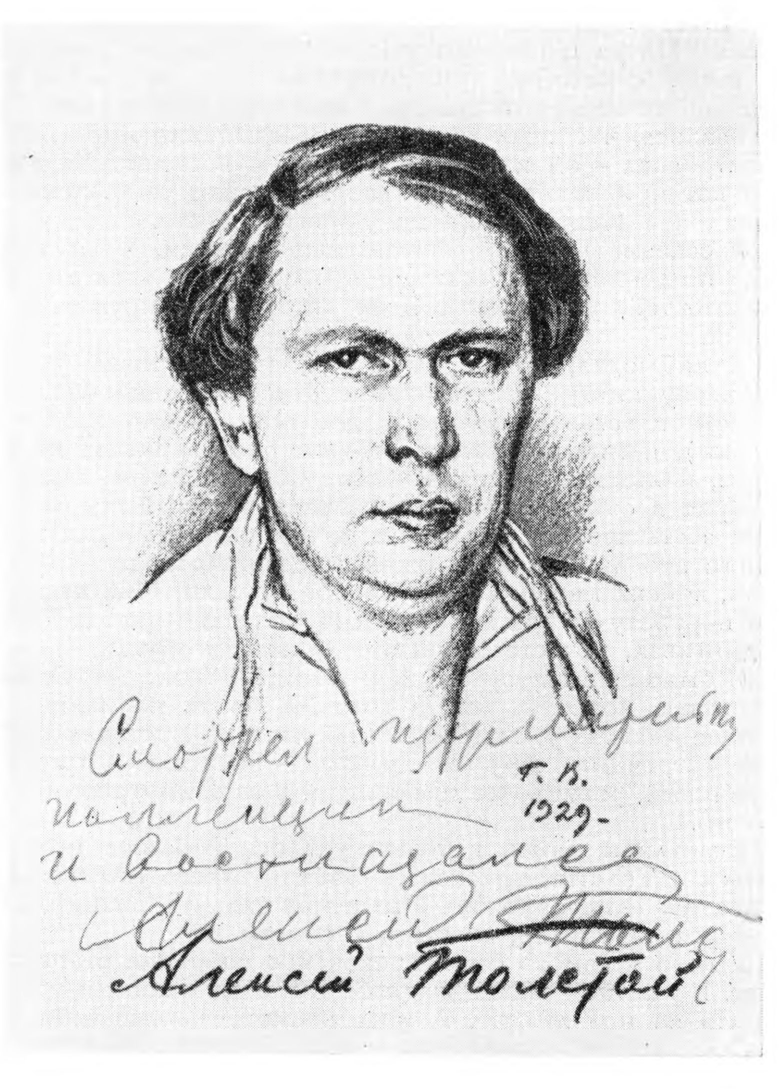
И каким неузнаваемым становился этот веселый человек, когда добирался до полок с книгами.

Жил я тогда в «Мюзик-Холле», в общежитии для артистов. Мне была предоставлена громадная полутемная комната, которую я заставил стеллажами с книгами. Книг было много — до потолка.

Мебели, наоборот, не было. За большим столом вместо стульев стояли вышедшие из строя куски рядов театральных кресел, с откидными нумерованными сиденьями.

Толстому это нравилось. Приходя, он доставал из кармана какой-нибудь старый театральный билет и, как будто сверяя номер, говорил кому-нибудь из сидящих:

— Простите, это, кажется, мое место...

137. А. Н. Толстой. Портрет с его дарственной надписью. (Собр. соч. Т. 1. М., «Недра», 1929)

Интересовали его, конечно, в первую очередь книги времен Петра I, которых у меня было немало. Относился он к ним с какой-то нежной жадностью и готов был рассматривать или рассказывать о каждой книге часами. Чувствовалось, что знал он о них чрезвычайно много. И не просто знал — он как бы жил в этом времени. Казалось, что вот при нем откройся дверь и войди сам Александр Данилович Меньшиков,— не удивится никто.

Рассказывал он с тысячей подробностей, именуя каждого по имени и отчеству, с прибавлением всех титулов, должностей, упоминая о всех внутренних пружинах событий.

Я наблюдал, как однажды он рассматривал у меня «Марсову книгу» (редчайшее петровское издание 1713 года, известное всего в полутора десятках экземпляров — все разные), и мне показалось, что он рассматривает не гравюры, иллюстрирующие военные победы Петра, а как бы смотрит в окно... Каждая гравюра для него была не плоское застывшее изображение, каким оно было для нас,— у него это изображение оживало, двигалось: пушки стреляли, войска маршировали, корабли плыли. Мне казалось, что портрету Петра I Алексей Николаевич иногда просто подмигивал, как старому доброму знакомому...

И было еще ощущение каких-то двух Толстых. Один — весельчак, хохотун, всегда готовый пойти на любую забавную авантюру, любитель поболтать о пустяках с первым встречным. Другой Толстой — писатель. Огромный, вдумчивый, ревниво не пускающий в свой внутренний мир никого.

Счастливы люди, которым удалось поближе познакомиться с Толстым-писателем. Забыть такого Алексея Николаевича — невозможно. Это глыба таланта, знаний, любви к родной стране, к людям и книгам.

У него у самого было прекрасное собрание старинных книг. Но он не казался жадным коллекционером и мог подарить из них любую. Любил посмотреть чью-либо библиотеку, коллекцию картин, гравюр. Ради этого его можно было уговорить поехать куда угодно.

Однажды ему понравилась у меня акварель художника В. Садовникова, изобразившего вид старого Петербурга. Ничего особенного акварель из себя не представляла, но Толстой так долго и шумно ею восхищался, что я ему эту акварель отдал.

Месяца через два (бывал он у меня редко) он принес мне книгу «Упырь» Толстого Алексея Константиновича.

Редкостность книги я знал, но это был особый, любительский экземпляр. В одном переплете с «Упырем» помещались все, невошедшие в собрание сочинений произведения этого автора. Тут был «Сон Попова» (вырезка из журнала «Русская старина» 1882), «Русская история от Гостомысла» (тоже из «Русской старины» 1883 года и в отдельном берлинском издании 1884 г.) и, наконец, «Семья вурдалака» — вырезка из «Русского вестника».

Разумеется, я очень обрадовался подарку. Алексей Николаевич схватился было за карандаш — надписать книгу, но я, зная, что надпись будет непременно шутливая и непременно по поводу одинаковости фамилий, воспротивился.

— Нет, нет, Алексей Николаевич! Надпись должна быть на книге другого Толстого, ныне здравствующего.

Я подал ему первый том полного собрания его собственных сочинений в издании «Недра».

— Что писать? — спросил Алексей Николаевич.

— Все, что угодно — только без моей фамилии. Мне нужен ваш автограф, а не удостоверение о знакомстве с Толстым...

— Вкусом щеголять хотите? — прорычал Алексей Николаевич и надписал на портрете:

«Смотрел изумительные коллекции и восхищался. Алексей Толстой».

Вот все. Если из этой фразы устранить слово «изумительные», остальное в ней — сущая правда. Оба подарка замечательного художника слова доставляют мне и сейчас искреннее удовольствие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ганц Кюхельгартен, идиллия в картинах. Соч. В. Алова (Писано в 1827). Спб., печатано в типографии вдовы Плюшара, 1829. 12^0. 4 нен., 71 стр.

Остроглазов насчитывает четыре экземпляра: 1) погодинский, присланный автором с анонимной надписью «М. П. Погодину от издателя»; этот экземпляр попал в библиотеку Остроглазова; 2) подаренный, так же инкогнито, автором П. А. Плетневу; 3) экземпляр Н. С. Тихонравова; 4) экземпляр П. В. Щапова (библиотека Щапова поступила в Исторический музей).

2. Цитируется по комментариям к I-му тому Полн. собр. соч. Н. В. Гоголя. М., 1940, стр. 493. Там же и ряд других подробностей.

3. См. «Лит. наследство», т. 49—50, стр. 148.— См. также: Скабичевский, А. М. Сочинения. Т. 2. Спб., 1890, стр. 343.

4. Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н. Спб., в тип. Егора Алипанова, 1840. 8^0. Загл. л., 2 нен., 103 стр.

5. «Лит. наследство», т. 49—50, стр. 162.

6. Первые опыты в прозе и стихах И. Лажечникова. М., в Университетской тип., 1817. 8°. 160 стр.

7. Скабичевский, А. М. Сочинения. Т. 2. Спб., 1890, стр. 721; «Русский худож. листок» В. Тимма, 1858, № 7.

8. Параша. Рассказ в стихах Т. Л. Писано в начале 1843 года. Спб., в тип. Э. Праца, 1843. 8°. 46 стр. Разговор. Стихотворение Ив. Тургенева (Т. Л.) Спб., в тип. Э. Праца, 1845. 8°. 39 стр.

9. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1955, стр. 66.

10. Цитируется по статье С. Венгерова в Энц. словаре Брокгауза, полутом 67.

11. См.: История русской литературы. Т. 8, ч. 2. М., 1956, стр. 251 — сноска.

12. Лирический пантеон. А. Ф. М., в тип. С. Селивановского, 1840. 8°. 120, 2 нен. стр.

13. Фет, А. Ранние годы моей жизни. М., 1893, стр. 169, 174 и 180.

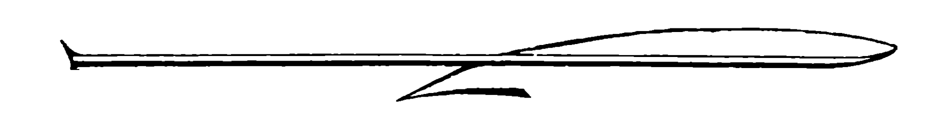
14. Там же, стр. 170.

15. Упырь. Сочинение Красногорского. [Спб.], в привилегированной типографии Фишера, 1841. 8°. Загл. л., грав. на дереве фронтиспис, 177 стр.

16. «Русский вестник», 1883: «Семья вурдалака». Неизд. рассказ А. К. Толстого. Публикация Б. Маркевича.

17. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1954, стр. 474.

МИНИАТЮРНЫЕ КНИГИ

На страницах наших газет и журналов нет-нет да и появляются заметки о находках якобы «редчайших книг размером с самую маленькую почтовую марку».

Одну из таких заметок, появившуюся в «Огоньке» 1956 года (№ 6), стоит привести целиком:

«В фондах Запорожского областного краеведческого музея хранится книга, вложенная в серебряный футляр с увеличительным стеклом на верхней крышке. Длина ее 29, ширина 19 и толщина 10 миллиметров. На корешке коленкорового переплета тисненная серебром надпись: «Адам Мицкевич — Поэзия». На обложке, таким же тиснением, дан портрет автора, с надписью: «В память юбилея 1798—1898». Издана книга в Варшаве на польском языке в ознаменование столетия со дня рождения великого польского поэта».

Заметка подписана директором областного краеведческого музея.

До этой заметки в «Комсомольской правде» промелькнуло сообщение, что в Челябинском краеведческом музее обнаружена такая же крошечная книжечка сочинения А. С. Пушкина. Заметка была озаглавлена: «Уникальное издание Евгения Онегина».

Можно припомнить еще несколько таких же заметок о других «книгах-малютках», кажущихся директорам и научным сотрудникам музеев тоже «уникальными изданиями» [1].

Попытаемся внести в это дело ясность.

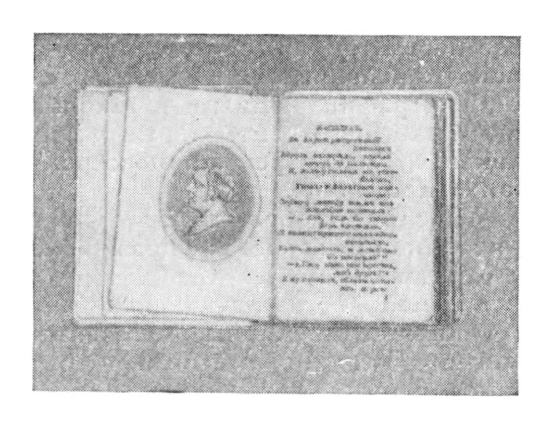
История русского типографского искусства знает только одну, действительно замечательную книгу, размером в почтовую марку, а именно 28 × 22 миллиметра (размер набора 22 × 14 мм). Это — «Басни» Крылова, издания 1856 года. Напечатана книжечка в Петербурге, в типографии Экспедиции заготовления государственных бумаг. В книжечке 86 страничек, на которых уместились 25 басен. К изданию приложен чудесный литографированный портрет баснописца в медальоне, а вся книжечка заключена в печатный красочный картонаж [2].

История появления на свет этой книжечки, вкратце, такова:

Директор Экспедиции заготовления государственных бумаг Райхель, чтобы «выказать степень совершенства, до какого у него доведено печатное искусство», в 1855 году приказал отлить специальный микроскопический шрифт «Диамант», которым и была набрана и напечатана вышеуказанная книжечка басен Крылова. Только крепкие глаза могут читать это издание, а между тем, рассматривая печать в увеличительное стекло, видишь совершенную четкость и правильность набора этого, действительно, чуда типографского искусства.

Рассказывают, что на Парижской выставке была экспонирована «самая маленькая книга в мире» — изданная в Милане «Божественная комедия» Данте. Но и она уступала «Басням Крылова». На пространстве одной страницы «Басен» было набрано 20 строк, в то время как на таком же пространстве страницы «Божественной комедии» умещалось всего только 17 строчек.

Практического читательского значения «Басни» Крылова в этом издании, разумеется, не имеют никакого, но, как документ, свидетельствующий о высоком искусстве русских типографских умельцев, могущих при случае и

138. Миниатюрное издание басен И. Крылова 1856 г. Напечатано шрифтом «Диамант». Натуральная величина.

«блоху подковать», книжечка отмечается во всех библиографических работах.

Она чрезвычайно редка, но и ей не принадлежит титул «уникальной». В каталогах дореволюционных антикваров она была довольно частым гостем. В наши дни я знаю не менее десятка любителей и собирателей, у которых эта книжечка имеется в библиотеках. Есть она и у меня. О государственных книгохранилищах — нечего и говорить.

Неоценимое достоинство книжечки, прежде всего, в том, что она — самостоятельно изданная книга, набранная и напечатанная в типографии, как любая обычная книга.

В этом отношении она вовсе не похожа на все эти «книжечки-малютки», о которых, с охотой возводя их в «уни кумы», сообщают директора краеведческих музеев и библиотек.

То, что попадает им в руки,— это игрушки, не стоящие ни того, чтобы их хранили в музеях, ни того, чтобы о них сообщали в газетах и журналах.

Некий варшавский предприниматель в девяностых годах прошлого века широко рекламировал подобные «книги-брелоки», отличительным признаком которых был непременный серебряный или металлический футляр с маленьким увеличительным стеклом на верхней крышке.

Самые книжечки не набирались в типографиях, а печатались посредством снятия в уменьшенном размере с обыкновенных нормальных книг — цинкографических клише. Прочитать эти «малютки», даже и с лупой, почти не представлялось возможным.

Но главное не в этом. Главное, что они были не книгами, набранными специально, а уменьшенными, с помощью фотоцинкографии, копиями с таковых. Идя таким путем, можно было изготовить и не «книгу-малютку», а «книгу-великана», сделав фотокопию огромного размера с любой нормальной книги.

Это все — отнюдь не образцы типографского искусства, каким несомненно является упоминаемая выше книжечка басен Крылова.

В дни моей молодости этими «книгами-брелоками» были полны часовые и ювелирные магазины. Это были и «Евгений Онегин» Пушкина, и его же «Полтава», молитвенники, кораны, словари и так далее и так далее. Ценились они от рубля до трех за штуку, в зависимости, главным образом, от футляров, которые в некоторых случаях были и золотыми.

Много было и иностранных «книг-брелоков». В «Известиях книжных магазинов Вольфа» было напечатано объявление о вышедшем в Париже «словаре-крошке», изданном также в виде брелока и продававшемся по цене два франка (около восьмидесяти копеек) за штуку.

Никакого другого значения, кроме «подарочного», эти книги-брелоки не имели. Подарки эти, к тому же, считались дурного вкуса, и кроме замоскворецких купеческих щеголей, любивших обвешивать себя всякой мишурой, иных покупателей на них не было.

Резко отличен от этого недавний опыт типографии «Красный пролетарий», выпустившей к дням Всемирного фестиваля молодежи в Москве «Песню о соколе» и «Песню о буревестнике» Максима Горького, с его портретом. Эта книжечка, размером 45 на 30 миллиметров, издана фотолитографическим путем с обычного нормального тома собрания сочинений Горького. Книжечка очень изящна и, во всяком случае, возможна для чтения. Не нужно забывать, что размер ее больше чем вдвое и упоминаемых «Басен Крылова» и так называемых «книг-брелоков».

Вообще, я не стремлюсь опорочить способ фотолитографического переиздания книг в уменьшенном, разумеется не до абсурда, формате. Способ этот дает и значительную экономию бумаги и, вероятно, дешевле нового набора.

Вспоминается книга Ив. Лазаревского «Среди коллекционеров», которая в 1922 году была таким образом переиздана, причем, формат книги, против первого, нормального издания, был уменьшен почти вчетверо. Переиздание

139. Разворот «Фестивального сувенира» — два произведения Максима Горького. Напечатано тип. «Красный пролетарий» в 1957 году. Натуральная величина.

оказалось дешевле и даже приятнее в пользовании, сохранив при этом всю удобочитаемость [3].

Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина имеет специальное фотобюро, которое по заказу желающих (и очень недорого) может переснять любую нужную книгу на пленку. Получается так называемая «микрокнига», которую потом читают с помощью нехитрого проекционного аппарата.

Но копия — есть копия, каким бы способом и в каком бы размере, увеличенном или уменьшенном, она ни была сфабрикована. Принимать копию за самостоятельное издание, да еще «уникальное»,— нет никаких оснований.

* *
*

История русской книги отмечает периоды, когда те или иные размеры книг были продиктованы вкусом читателей.

В двадцатые и тридцатые годы прошлого столетия большое распространение получили альманахи удобного, «карманного» формата в 16-ю долю листа, т. е. примерно 13 $\times$ 10 сантиметров.

Дошло до того, что когда первая книжка лучшего альманаха того времени, издававшегося будущими декабристами А. Бестужевым и К. Рылеевым — «Полярная звезда»,— в 1823 году вышла на 3-4 сантиметра больше указанного формата, то в общем хоре похвал по ее адресу

некоторые рецензенты писали в качестве единственного упрека: «формат велик, книжка толста».

Издатели были вынуждены внять этим указаниям, и следующие две книжки «Полярной звезды» на 1824 и 1825 годы вышли в уменьшенном формате.

Некоторые альманахи, особенно детские, стали издаваться в 32-ю и даже в 64-ую долю листа.

К началу сороковых годов увлечение «карманными» книжками ослабевает, и название «альманах» постепенно заменяется словом «сборник», формат и толщина которого становятся отнюдь не для «карманного» употребления.

Однако увлечение «миниатюрными изданиями» не пропадает вовсе. Появились любители-собиратели книг исключительно малого формата.

Дело идет, разумеется, не о книгах размером с почтовую марку, таковая, повторяю, была единственная — «Басни Крылова» 1856 года. Были кое-какие ей подражания, преимущественно, детские книги-игрушки, но печатались они уже не специальным шрифтом «Диамант», а петитом или нонпарелью и, кроме своего прямого дела — быть игрушкой для детей, другого значения не имели.

Об одной такой книжице — «Елка, альманах для детей на 1844 год» (Спб., 1844) — В. Г. Белинский писал: «Елка» недурно издана и хороша, как игрушка. Пусть дети играют ею, но с условием, чтоб, отнюдь, не читать ее»[4].

В моей коллекции есть забавное издание: «Краткая арифметика для детей» (Москва, 1844). Книжка размером 4×3 сантиметра. В ней изложены четыре основные правила арифметики. Набор осуществлен петитом. По всей вероятности, книжка эта чрезвычайно редка, да и как могло быть иначе, если она вкладывалась в елочные хлопушки и шоколадные «бомбы» в качестве «сюрприза»?[5]

Русские миниатюрные издания, которые служили предметом особого увлечения книголюбов, за некоторыми исключениями, все были размером ровно в половину обычного «карманного» альманаха, т. е. в 32-ю долю листа. Классическим примером такого «миниатюрного издания» служит «Евгений Онегин» Пушкина, выпущенный в год его смерти. Это — последняя книга, которая готовилась еще при жизни великого поэта. Размер ее набора — 70 на 45 миллиметров. Издал ее Илья Глазунов, печатавший книгу в типографии Экспедиции заготовления государственных бумаг. Мелкий, но чрезвычайно четкий шрифт и очаровательные кружевные обложки делают эту книжечку выдающейся по изяществу.

Двумя годами раньше издатель Александр Смирдин, в той же типографии, таким же набором и в таких же кружевных обложках выпустил сборник басен И. А. Крылова с портретом автора. В 1837 году это издание потребовало повторения.

Появилась целая серия изданий в таком же излюбленном «миниатюрном» формате. От «Душеньки» Богдановича до «Карманного песенника» 1838 года, изданного Михаилом Сухановым. В 1839 году, в таком же формате вышло второе издание комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», напечатанное в петербургской Военной типографии.

В 1841 году библиофилам особенно полюбилась изящная книжечка «Райская птичка. Мечтание», напечатанная в Петербурге, в типографии А. Плюшара. Размер книжечки был гораздо меньше: 47 на 33 миллиметра. В книжечке 117 страниц, и она украшена пятью чудесными иллюстрациями В. Тимма, резанными на дереве К. Клодтом, замечательным мастером своего дела [6].

Книжечку по традиции относят к альманахам, хотя в ней напечатано всего одно произведение — руссифицированная, т. е. «приспособленная к русским нравам» (так тогда называли), сентиментальнейшая легенда, явно западного происхождения, о птичке, пения которой не могли слышать «люди, если они не были чисты сердцем». Птичка попадает в Кронштадт и там играет роль в судьбе одной русской девушки.

Любители русских иллюстрированных изданий, давно и справедливо причислившие эту книжечку к числу редчайших книг, не всегда задумывались — кто же ее автор и издатель?

А между тем, узнать об этом оказалось не столь трудно. В воспоминаниях Д. Григоровича говорится: «Раз Плюшар (речь идет именно об А. Плюшаре, в чьей типографии печаталась «Райская птичка».— Н. С.-С.) вошел ко мне в комнату вместе с неимоверно длинным и тощим господином. Это был Алексей Николаевич Греч — сын Н. И. Греча. Я потом несколько раз заходил к Алексею Николаевичу, и всегда поражала меня у этого рослого человека страсть ко всему крошечному, микроскопическому: его чернильница, письменные принадлежности, головная щетка, бритвенный нессесер имели вид совершенных игрушек. Он жил в доме отца, занимая отдельное помещение, которое делил с другом своим, художником В. Тиммом. Алексей Николаевич Греч занимался сочинением и изданием крошечных детских книжек...» [7].

РАЙСКАЯ

ПТИЧКА.

МЕЧТАНІЕ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ПЛЮШАРА

1841.

140. «Райская птичка» 1841 г. Титульный лист. Натуральная величина

Сопоставляя приведенные имена — владельца типографии А. Плюшара, у которого печаталась «Райская птичка», живших вместе Алексея Греча и художника Василия Тимма, сделавшего для книжечки иллюстрации, мне думается, можно смело предположить в любителе всего «крошечного и микроскопического» Алексее Грече — создателя «Райской птички».

Увлечение миниатюрными изданиями вспыхнуло вновь в девяностых годах прошлого столетия, когда киевское издательство Ф. А. Иогансона блеснуло целой серией «Библиотеки-крошки». В размере 75 на 56 миллиметров (набор 53 на 36 мм) были выпущены отдельные сочинения и сборники произведений Пушкина, Лермонтова, Хемницера, Кольцова, Капниста, Котляревского, Козлова, Богдановича и многих других. Несколько книжечек было издано и с сочинениями современных авторов.

Вся серия этих, довольно изящно изданных книжечек, имела большой успех и значительно пополнила своеобразные библиотечки любителей миниатюрных изданий.

В советское время можно отметить небольшое количество книг, изданных в миниатюрном формате. В частности,

141. Одна из иллюстраций к «Райской птичке». Натуральная величина.

в удобном, «карманном» формате, близком к миниатюрным изданиям, выпущено ряд книг политического содержания — отчеты партийных съездов и другие. Тираж этих книг, разумеется, весьма значителен, но напечатаны они любовно.

Вот примерная картина так называемых «миниатюрных изданий», к которым можно по-разному относиться, но которые, несомненно, имеют свое место в истории русского книгопечатания.

Речь идет, разумеется, только о специально изданных книгах, выполненных с самостоятельного набора, а не о копиях, сделанных в виде «книг-брелоков», о нахождении которых в тех или иных музеях и библиотеках пора перестать уведомлять читателей. Ни практического, ни исторического значения все эти «находки» не имеют, и их можно демонстрировать лишь в качестве своеобразного курьеза.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Последняя заметка была напечатана в газете «Советская культура», в № 123 от 17-го сентября 1957 г. Она сообщала, что житель г. Темрюка Ф. Бабенко преподнес краеведческому музею «уникальную книгу-малютку», со стихами Пушкина. Книжечка эта «благодаря металлическому футляру хорошо сохранилась».

2. Басни Крылова. (Без года и места печати. Спб., тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1856). 256^{0} (размер набора — 22 на 14 мм). 4 нен., 86 стр. Фронтиспис — литографированный миниатюрный портрет Крылова.

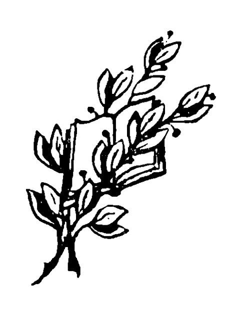
3. Лазаревский, Ив. Среди коллекционеров. Изд. 3-е. Издательство З. И. Гржебина. Петербург-Берлин, 1922.

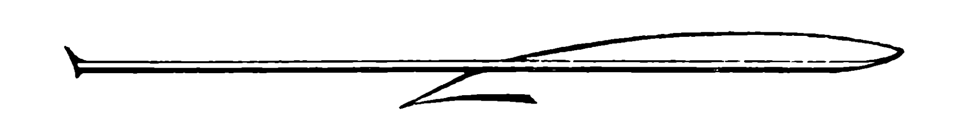
4. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1955, стр. 121.

5. В библиотеке Пушкинского Дома имеется коллекция подобных же миниатюрных книг (принадлежала А. В. Бестужеву-Рюмину), изданных в 1835—36 гг. Кроме «Арифметики», здесь и «Краткая география для детей», и «Краткая история» (несколько книжек), и «Басни для детей». Все это заключено в игрушечный, картонажный библиотечный шкафчик и, очевидно, так в свое время и продавалось. Там же имеется очень редкая миниатюрная книжечка, тоже детская: «Краткое изображение российской истории» Г. Шлецера. Книжечка размером в 64^{0}, набрана мелким петитом, и в ней помещено шесть очаровательных гравюр. Издана она в 1806 г. в Москве. Подробное описание — см. у Обольянинова, № 2940.

6. Райская птичка. Мечтание. Спб., в тип. А. Плюшара, 1841. 70 $\times$ 52 мм. 5 гравир. на дереве гравюр, рис. В. Тиммом., рез. К. Клодтом. 117 стр.

7. Григорович, Д. Воспоминания. М.-Л., «Academia», 1928.

СЕКРЕТНЫЕ КНИГИ

Истории борьбы русских революционеров с царской охранкой, с жандармерией, возглавляемыми пресловутым Третьим отделением собственной его императорского величества канцелярии, в нашей литературе, мне кажется, уделяется недостаточно внимания.

Я с радостью прочитал в 5 и 6 номерах журнала «Дон» 1958 года повесть А. Степанова «В керченской крепости». Автор увлекательно рассказал о подпольной борьбе русских революционеров-большевиков.

Не мне судить о художественных достоинствах или недостатках повести, но познавательная ее ценность — вне сомнения. Самоотверженная борьба подпольщиков-большевиков, сумевших из-под носа жандармов, провокаторов и предателей вывести заключенных товарищей из крепости, захватывающе интересна.

Не очень понятно, почему, например, исчезли из репертуара наших театров пьесы А. Н. Толстого и П. Е. Щеголева «Азеф» и «Предательство Дегаева» В. В. Шкваркина, пьеса, когда-то премированная на конкурсе. Может быть, эти пьесы были написаны недостаточно хорошо, но пьесы, подобные им, очень нужны. Я знаю, что слова Владимира Маяковского: «Эту ночь глазами не проломаем, черную как Азеф»,— когда-то понятные всем и каждому, сейчас необходимо подробно комментировать.

Один знакомый мне молодой человек уже говорил про эту самую ночь у Маяковского, что она «черная, как Азнефть»...

Имя подлейшего из царских провокаторов Азефа принадлежит к тем именам, которые не очень хочется помнить, но которые никак не следует и забывать.

Работа царской охранки отнюдь не была примитивной, как это думают некоторые молодые товарищи. В помощь своей мерзкой работе по удушению всего передового, прогрессивного, революционного, как в общественном движении, так и в литературе, царская охранка издавала свои собственные книги, руководства и даже учебники. В них звучало не только сакраментальное «тащить и не пущать», и они наносили существенный вред революционному движению.

Издавались эти книги, конечно, строго секретно, в незначительном количестве экземпляров и выдавались для пользования только высшим чинам жандармерии и политического сыска.

Такие книги в дореволюционное время были, разумеется, недоступны для собирателей, но после революции немногие их экземпляры просочились на книжный рынок. Сейчас они представляют собою любопытнейшие документы, освещающие русское революционное движение с точки зрения организации, призванной с ним бороться, призванной истреблять «крамолу».

Правительство заботилось, чтобы охранники были в достаточной степени осведомлены о «вредном» направлении прогрессивных органов печати, о программах политических партий, их лидерах и вождях. Составлялись эти книги людьми, не способными мыслить объективно, поэтому в них множество таких суждений, которые сейчас кажутся нелепыми.

Но многое освещалось более или менее точно.

У меня сейчас несколько таких книг, три из которых заслуживают, как мне кажется, подробного описания.

Секретно.

СОБРАНІЕ МАТЕРІАЛОВЪ

о направленіи

различныхъ отраслей русской словесности

за послѣднее десятилѣтіе

и

отечественной журналистики

за 1863 и 1864 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

142. «Секретная» книга, изданная в 1865 году. Титульный лист.

Первая из них, наиболее ранняя, носит следующее заглавие:

«Секретно. Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 г. Спб., 1865».

На обороте заглавного листа: «Печатано по распоряжению Министра внутренних дел. В типографии министерства»[1].

Книга представляет собою своего рода критический обзор, отдел поэзии и прозы в котором составлен П. И. Капнистом, драматургии — Б. М. Маркевичем, а обозрение журналистики — цензорами А. В. Никитенко, И. А. Гончаровым, Н. В. Варадиновым и другими.

Надо ли говорить, что обзор всей литературы и журналистики сделан с реакционных позиций, всячески прославляющих издания благонамеренные и осуждающих все явления прогрессивного порядка.

За непреложную истину выдается мысль, что «оставя путь свободного развития, литература наша значительно отклонилась в несвойственную ей среду одностороннего служения временным политическим, гражданским и общественным вопросам».

Авторы обзора делают попытки быть объективными и называют, например, Н. А. Добролюбова «замечательным талантом». Однако, они тут же пишут, что «влияние его было крайне невыгодно для развития нашей изящной литературы». Под его влиянием, видите ли, «литература наша окончательно отшатнулась от своего прямого назначения и стала служить политической и социалистической пропаганде».

С этой же позиции анализируется творчество Н. А. Некрасова и других. Что касается Н. Г. Чернышевского, то о нем просто пишут: «С удалением одного из главных деятелей — Чернышевского, дававшего тон известному, эксцентрическому направлению журнала «Современник», успех этого издания заметно поколебался».

Нельзя сказать, что авторы этого «обзора» недооценивали деятельности революционных демократов! Об «Искре», например, сообщается тоже, что «резкий тон этого журнала значительно вообще смягчился с устранением от редакции В. Курочкина».

В общем, знаменитое «устранен» — показывает способ борьбы с прогрессивными редакторами и журналами, причем произносится это «устранен» авторами обзора, как нечто само собой разумеющееся. Очень интересная книга, о полном содержании которой не расскажешь бегло и сжато.

Следующей, подобной же книгой, в моем собрании является:

«Обзор социально-революционного движения в России. Спб. 1880». На обороте заглавного листа значится: «Печатано по распоряжению III-го отделения собственной ЕИВ канцелярии. В Типографии В. Демакова»[2].

Книга так же считалась «секретной». По словам библиографа П. А. Ефремова, «во время набора и печатания этой книги в типографии присутствовал представитель полиции, гранки с набором тщательно запирались и по напечатании немедленно рассыпались»[3].

ОБЗОРЪ
СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННАГО
ДВИЖЕНІЯ
ВЪ РОССІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

143. «Секретная» книга, изданная охранкой в 1880 году. Титульный лист.

Не подлежитъ оглашенію.

ЗАПИСКИ
по исторіи революціоннаго движенія
въ Россіи
(до 1913 года).

Изданіе Департамента Полиціи.

Составилъ Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ
Подполковникъ РОЖАНОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Штаба Отд. Корп. Жанд. В. Вульфова ул., д. № 22.
1913.

144. «Учебник» для чинов охранки. Издан «секретно» в 1913 году.

Книга содержит попытку «научно» поведать историю социально-революционного движения на Западе и у нас, причем, в последнем случае отведено значительное место «зловредной деятельности» Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена и других. Много интереснейших подробностей, освещенных, конечно, очень своеобразно, о крупных революционных процессах, о приемах революционной пропаганды, о способах борьбы с ней и так далее и так далее.

Как раз в этом отношении еще более любопытной книгой является третий «литературный цветок» царской охранки, уже более позднего времени. Заглавие этой книги, вышедшей с грифом «Не подлежит оглашению», таково: «Записки по истории революционного движения в России (до 1913 года). Издание Департамента полиции. Составил Отдельного корпуса жандармов подполковник Рожанов. Спб., в типографии Штаба отд. корпуса жандармов, 1913»[4]. На книге множество гербовых печатей херсонского жандармского управления, откуда она, очевидно, и попала на рынок.

По-видимому, это уже просто «учебник» для «господ», которых именовали в то время «гороховыми пальто». Сначала бегло рассказывается история революционного движения, приводятся краткие программы партий, потом, уже подробно, повествуется о многочисленных случаях «поимок преступников», а, главное, называется множество фамилий революционных деятелей, еще не арестованных, с краткими приметами их и характеристиками.

Разумеется, характеристики эти не точны и доказывают, что жандармы были, порой, информированы лишь наполовину. Это и понятно, так как у революционеров были свои законы конспирации.

Автор-жандарм не скупится иногда и на такие подробности, которые, казалось, мало должны интересовать охранников. Так, рисуя портрет Николая Ивановича Кибальчича, повешенного по делу покушения на царя 1-го марта 1881 года, он сообщает: «На суде Кибальчич заявил об изобретенном им воздухоплавательном аппарате, эскиз и проект которого он передал своему защитнику Герарду».

Даны сжатые, но довольно верные портреты писателей Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, А. А. Слепцова, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Л. Н. Толстого (о нем особенно подробно) и других. Любопытны характеристики популярных революционных деятелей, сделанные без ма-

лейшего желания принизить их значение. Автор, наоборот, всячески подчеркивает, что противники, с которыми приходилось иметь дело чинам охранного отделения,— умны, пользуются большим влиянием и именно поэтому «особо опасны».

Книга эта, конечно, самая любопытная из всех ей подобных.

У меня имеется еще «научный труд» небезызвестного генерала от жандармерии А. И. Спиридовича, выученика пресловутого деятеля царской охранки С. В. Зубатова, организатора так называемой «зубатовщины» — попытки отвлечь рабочий класс от революционной политической борьбы путем фальшивой, показной защиты его экономических требований.

Генерал от жандармерии А. И. Спиридович читал на эти темы чинам охранного отделения своеобразные «лекции», которые были напечатаны, также секретно, в двух томах, под заглавием «Революционное движение в России». Том первый вышел в Петербурге в 1914, а том второй — в 1916 году. Оба тома печатались в типографии Штаба Отдельного корпуса жандармов.

Автор пытается в этом своем «труде» теоретизировать по поводу программ различных партий, и это у него получилось нестерпимо глупо.

При Керенском А. И. Спиридович был сначала арестован, потом выпущен. Он ухитрился напечатать свои «лекции» вторым изданием или «первым для публики». Накануне Октябрьской революции генерал-жандарм бежал за границу, где напечатал пасквильную «Историю большевизма в России». Сделан этот пасквиль был настолько безграмотно и мерзко, что даже в эмигрантской печати получил отрицательную оценку [5].

Последнее, впрочем, уже не имеет отношения к книгам, которые царское правительство издавало «секретно», тайно от глаз народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 8⁰. 296 стр. Напечатано 100 экз., мой — № 56.
2. 8⁰, 322 стр.
3. «Библиографические известия», 1919, стр. 72.
4. 8⁰. 510 стр. Номер. моего экз. 381. Печаталась в количестве 500 экз.
5. «Новая русская книга», Берлин, 1922, № 4, стр. 23.

ЕЩЕ О ПРИЖИЗНЕННЫХ ИЗДАНИЯХ

В 1958 году вышел последний девяностый том полного собрания сочинений Льва Толстого. Начатое в 1928 году, в ознаменование столетия со дня рождения великого писателя, издание это продолжалось тридцать лет, и завершение его — большое событие в истории советской культуры.

Творчество Льва Толстого представлено здесь во всем его разнообразии и с исчерпывающей полнотой. Подобного памятника работе писателя нет в мировой литературе. Завершен труд большого коллектива советских ученых, текстологов и литературоведов, значение которого невозможно переоценить.

С большим волнением я снимаю с полки небольшую скромную книжку, напечатанную в Петербурге в 1856 году. Книжка называется: «Военные рассказы графа Л. Н. Тол-

стого». Это — первая прижизненная книга великого писателя[1]. В этом же году вышла и другая его книга — «Детство и отрочество».

Эти две книги были истоком того, что в наше время выросло в 90 томов полного собрания сочинений.

Лев Толстой прожил длинную жизнь и видел множество изданий своих книг. Изданий было так много, что некоторых он, возможно, даже не видел. Задушенные цензурой многие его статьи печатались на гектографах, переписывались от руки, на пишущих машинках и так далее и так далее.

У меня есть брошюра со статьей Льва Толстого «Солдатская памятка», изданная совершенно особым способом, о котором я до нахождения этой брошюры (есть ли она где-нибудь еще?) не имел понятия[2].

В 1902 году Лев Толстой находился в Гаспре. В феврале он написал обращение к солдатам с требованием, чтобы они отказывались повиноваться начальникам, если те приказывают стрелять в их братьев — крестьян и рабочих.

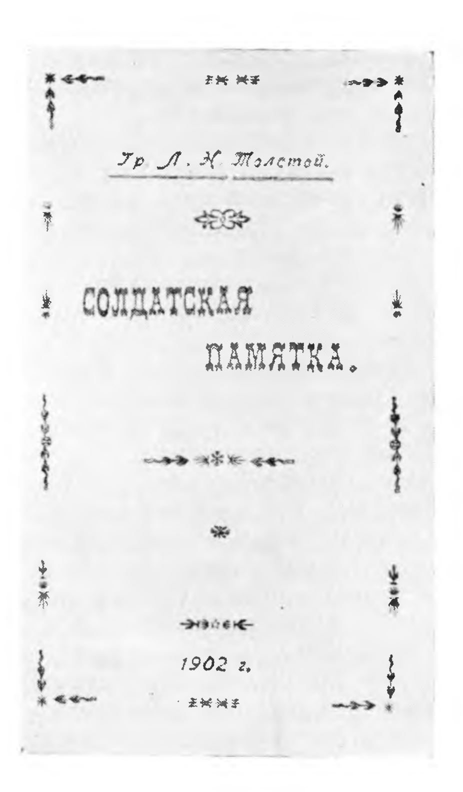
Я не знаю, какими еще способами печаталась и распространялась эта статья, но имеющийся у меня экземпляр напечатан чрезвычайно своеобразно.

В годы моего детства была в ходу игрушка, которая называлась «Домашний печатник Гутенберг». В коробочке находилась дощечка с продольными прорезями, заполненными каучуковыми буквами, цифрами и знаками. К этому полагались ручка-верстатка с жестяной прорезью, пинцет и штемпельная подушка.

Пинцетом можно было букву за буквой набрать какую-нибудь строчку, допустим, фамилию, и отпечатать себе визитные карточки.

В зависимости от цены, количество букв набора, равно как и количество строк в верстатке, увеличивалось. Можно было уже изготовить штемпель в три, четыре, пять и более строк.

Продавались и более серьезные наборы, в которых букв было уже порядочное количество, а верстатка-штемпель такова, что ею можно было набрать небольшие бланки счетов, фактур и так далее. Большие верстатки изготовлялись в виде валиков строк на двадцать-тридцать набора. Швейцары коммерческих подворий и гостиниц печатали таким способом ежевечерний список приезжих тиражом штук сто, полтораста. Эти списки приезжих приобретали торговые фирмы, которым было важно знать, кто из купцов-покупателей сегодня прибыл в Москву.

145. Нелегально изданная в 1902 г. посредством штемпельного набора брошюра Л. Н. Толстого «Солдатская памятка». Титульный лист.

В ранней юности я сам владел таким «Гутенбергом» и с успехом печатал программы любительских спектаклей, в которых начал свою театральную деятельность.

Никак не думал, однако, что приобретя несколько таких «Гутенбергов» (а стоили они 10—15 рублей), можно изготовить целую брошюру, тираж которой зависел лишь от трудолюбия печатника. Кто-то догадался, и вот подпольная «Солдатская памятка» Льва Толстого — образец подобной догадки.

Несомненно, что революционеры-подпольщики печатали, вероятно, этим же способом и некоторые прокламации.

В толстовской брошюре 13 страниц. Она в обложке, отпечатанной штемпелем, но более крупным шрифтом.

Такой каучуковый шрифт тоже, я помню, продавался в магазинах — каждая буква на отдельной палочке-ручке — для конторских нужд: ими штемпелевались ярлыки с ценами товаров.

Любопытно, как это полиция, столь строго следившая за настоящим типографским шрифтом, ведя учет его во всех типографиях, прохлопала возможность подобного использования детской игрушки «Гутенберг».

Л. Н. Толстой зримо ощущал результаты своего творчества не только во многих, вышедших при его жизни отдельных книгах, но и в целых собраниях своих сочинений.

Книги А. Н. Радищева уничтожались цензурой, но он их успел хотя бы повидать вышедшими из под печатного станка. Немало своих собственных книг перелистывали при жизни гиганты русской литературы А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь. Целые собрания своих сочинений могли подарить друзьям И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов и даже М. Е. Салтыков-Щедрин, хотя он и писал о себе: «Чего со мной не делали! И вырезывали, и урезывали, и перетолковывали, и целиком запрещали, и всенародно объявляли, что я — вредный, вредный, вредный»[3].

Держали в своих руках довольно значительное количество собственных печатных книг писатели зари русской литературы. К ним принадлежит гениальный Михаил Ломоносов, гордо ответивший президенту академии Шувалову: «Я не токмо у вашего превосходительства, но и у самого господа бога моего — в дураках быть не согласен!» За Ломоносовым следует первый профессор русской элоквенции, поэт Василий Тредьяковский, который в ранней юности отправился за границу для пополнения образования и который «за крайней бедностью своей пришел в Париж пеш»... Не был обижен количеством прижизненных книг Гаврила Романович Державин, видел напечатанным своего «Недоросля» Денис Фонвизин.

Отдельные многочисленные книги и собрания своих сочинений видели при жизни позднейшие наши писатели А. М. Горький, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. И. Куприн, В. В. Маяковский и другие.

Список этот можно было бы расширить. Можно было бы рассказать о великих трудностях, с какими рождались некоторые книги этих писателей, о тяжких рогатках цензуры, которые приходилось им преодолевать. Но не книги этих мастеров слова являются темой настоящего рассказа.

Есть несколько замечательных русских писателей и поэтов, которые вовсе не увидели своих книг в печати. Ни одной книги своих стихов не увидел поэт Д. В. Веневитинов. Он умер 15-го марта 1827 года на двадцать втором году своей жизни. Только после смерти поэта друзья собрали его произведения, как разбросанные по разным журналам и альманахам, так и оставшиеся в рукописях, и издали в двух томиках: стихотворения в 1829 году и прозу в 1831 году.

Ни одной книги со своим именем не увидел и Н. А. Добролюбов. Первое собрание его сочинений в четырех томах вышло в 1862 году и было подготовлено к изданию Н. Г. Чернышевским. Умер Н. А. Добролюбов в ноябре 1861 года, а в июле 1862-го Н. Г. Чернышевский был арестован. Редактор проделал сложнейшую работу в рекордно короткий срок. Эти четыре томика сочинений Н. А. Добролюбова — свидетельство великой дружбы двух замечательных русских критиков.

Впрочем, удел критика — журнальная и газетная статья. Какие, например, книги со своим именем увидел при жизни В. Г. Белинский? Всего две: «Основания русской грамматики, для первоначального обучения» — труд молодого В. Г. Белинского, напечатанный им в Москве в 1837 году в количестве 2430 экземпляров и брошюра «Николай Алексеевич Полевой», изданная также самим Белинским в Петербурге в 1846 году[4]. Причиной появления последней брошюры является то обстоятельство, что автор ее, как известно, с 1-го апреля 1846 года прекратил работу в «Отечественных записках» А. Краевского и до перехода журнала «Современник» в руки Н. А. Некрасова и И. И. Панаева не имел места, где напечатать готовую статью о Полевом. Злободневность статьи проходила, и В. Г. Белинский напечатал ее отдельной брошюрой, весьма скромной на вид.

Оба издания — и «Основания грамматики», и брошюра о Полевом — крайне редки, так как мало кем сохранялись. Тем драгоценней эти прижизненные памятки о великом критике-демократе, тринадцать томов сочинений которого заканчиваются сейчас изданием, более полным, чем тринадцатитомное, под редакцией С. А. Венгерова (после его смерти — В. С. Спиридонова), выходившее в 1900—1948 годах и по-своему тоже замечательное.

Не увидел напечатанным главное свое творение — «Горе от ума» — А. С. Грибоедов. Только отрывки из комедии (три явления первого действия и полностью дей-

ОСНОВАНІЯ
РУССКОЙ ГРАММАТИКИ,
ДЛЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ОБУЧЕНІЯ
СОСТАВЛЕННЫЯ
Виссаріономъ Бѣлинскимъ.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
Грамматика Аналитическая
(Этимологія).
МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.
1837.

146. Первая прижизненная книга В. Г. Белинского «Основания русской грамматики» 1837 г. Титульный лист.

ствие третье) сумел как-то протащить в свой альманах «Русская Талия» в 1825 году Фаддей Булгарин.

Комедия появилась в печати после гибели автора. «Горе от ума» издано впервые в Москве в 1833 году, причем в изуродованном цензурой виде. Существуют еще два анонимных издания комедии, напечатанные либо несколько ранее, либо в одно время с изданием 1833-го года. Эти издания имеются в единственных экземплярах, и история их не изучена. Скорее всего эти издания напечатаны кем-то из типографщиков для себя (как говорят, в полковой типографии) в двух-трех экземплярах, и их можно рассматривать как своеобразные разновидности списков комедии, ходивших в то время по рукам в значительном количестве. Кто-то имел возможность изготовить для себя

такой «список» в печатном виде. В истории книжного дела это бывало.

Рассказывают, что владелец типографии А. С. Суворин, пожелав прочитать какую-то книгу, напечатанную слишком мелким шрифтом, позвал своего управляющего и приказал ему срочно набрать книгу более крупно, тиснуть ее в одном экземпляре и дать ему для прочтения. Рассматривать получившийся таким образом особый экземпляр книги как отдельное издание — нет оснований.

Какие же книги со своим именем как автора увидел при жизни А. С. Грибоедов? Таких всего две: комедия в одном действии, в стихах, «Молодые супруги», изданная в Петербурге в 1815 году, и одноактная комедия «Притворная неверность», переведенная с французского в соавторстве с А. Жандром и напечатанная также в Петербурге в 1818 году [5].

Последнюю комедию переводчики приспособили к русским нравам, поэтому А. Писарев в известной своей сатире посвятил обоим ранним комедиям А. С. Грибоедова такие строки:

«Он странным слогом нам прочел
Супружескую верность
И преневерно перевел
«Притворную неверность».

Обе комедии с успехом шли на сцене. По поводу «Притворной неверности» А. С. Грибоедов писал С. Н. Бегичеву: «Эту комедийку собираются играть на домашних спектаклях. Ко мне прислали рукописные экземпляры для поправки, много переврано, вот что заставило меня ее напечатать» [6].

Эти две печатных книжечки — все, на чем А. С. Грибоедов (если бы речь шла только о книгах) мог поставить свою дарственную надпись «От автора».

Немного больше возможностей для этого было и у другого русского классика — М. Ю. Лермонтова. Два издания повести «Герой нашего времени» и одна книжечка со стихотворениями — все прижизненные книги поэта.

Первое издание «Героя нашего времени» появилось в 1840 году в двух частях форматом в большую восьмерку. История издания изложена в «Кратком обзоре книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых» [7].

Автор «Краткого обзора» пишет: «Это первое издание романа Лермонтова, напечатанное типографией Глазунова,

МОЛОДЫЕ СУПРУГИ,

Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ.

А. Грибоѣдова.

Представлена въ первый разъ на Санктпетербургскомъ Театрѣ Россійскими Придворными Актерами, въ пользу Актрисы Г-жи Семеновой меньшой, Сентября 29 дня, 1815 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ Типографіи Императорскаго Театра,
1815.

147. Первая прижизненная книга А. С. Грибоедова — комедия «Молодые супруги». Спб. 1815 г. Титульный лист.

ГОРЕ
ОТЪ УМА,
комедія
въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ.
Сочиненіе
Александра Сергѣевича Грибоѣдова.

МОСКВА.
Въ Типографіи Августа Семена,
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.
1833.

148. Первое издание комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Вышло в 1833 году, после смерти автора. Обложка.

несмотря на хорошие отзывы в «Отечественных записках» В. Г. Белинского, сначала совсем почти не расходилось; это побудило издателей обратиться к Ф. В. Булгарину и попросить написать его в «Северной пчеле» статью об этом произведении. Как только появилась в «Северной пчеле»... статья Ф. В. Булгарина, издание раскупили почти что нарасхват».

Существует версия, что вовсе не издатели обратились к Фаддею Булгарину. Будто бы это бабушка М. Ю. Лермонтова — Е. А. Арсеньева, желая сделать внуку приятное, без его ведома, конечно, отправила Булгарину два экземпляра романа, вложив в один из них пять сотенных ассигнаций. Очевидно на это намекал и В. Г. Белинский, назвавший рецензию Булгарина «купленым пристрастием»[8].

Как бы то ни было, но статья Булгарина сделала свое дело, и в 1841 году потребовалось второе издание «Героя нашего времени». По словам другого обозревателя типографской деятельности Глазуновых — Н. М. Лисовского, у второго издания романа «изящен уже самый формат — маленький, карманный, рассчитанный, надо думать, на тех поклонников, которые желали бы не расставаться со своим любимым поэтом. В этих же видах, а отчасти, по обычаю старины, не любившей однотомных изданий, вся повесть разделена на две части»[9].

В 1840 году в типографии Глазунова напечатана и единственная прижизненная книга стихотворений М. Ю. Лермонтова[10]. В маленькой книжке всего 28 произведений. Н. М. Лисовский пишет о ее внешности: «В издании 1840 года всего 168 страниц. Каждая обведена тонкой рамочкой. Если б не сероватая бумага, издание могло бы считаться изящным и по нашему времени».

Но так мог написать человек, который слишком увлекся только типографскими достоинствами книги. На самом деле внешность единственной прижизненной книги стихотворений М. Ю. Лермонтова производит самое тягостное впечатление. Как будто нарочно обведены траурной рамкой и титульный лист и каждая страница стихов поэта.

Цензурное разрешение на выпуск книги было подписано цензором А. Никитенко 13-го августа 1840 года, а ровно через одиннадцать месяцев, 15-го июля 1841 года М. Ю. Лермонтов был подло убит на спровоцированной Николаем I и его приспешниками дуэли. Царь не забыл гневных строк наследника славы и гения великого Пушкина, обращенных к его приспешникам, но задевающих и самого коронованного убийцу:

СТИХОТВОРЕНІЯ

М. Лермонтова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Ильи Глазунова и К°.

1840.

149. Единственная прижизненная книга стихотворений М. Ю. Лермонтова, изд. 1840 г. Титульный лист.

«И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!»

И вот к праведной крови одного русского гения прибавилась кровь другого. Печаль, гнев и боль охватывает сердце, когда перелистываешь эти немногие напечатанные еще при жизни М. Ю. Лермонтова в траурных рамках страницы.

Все три прижизненных книги М. Ю. Лермонтова весьма редки, в особенности, книжка стихотворений 1840 года. Мне удалось сначала приобрести много редчайших и замечательных книг Пушкина, Гоголя и других писателей, изданных при их жизни, прежде чем я нашел хороший экземпляр лермонтовских стихотворений 1840 года.

Почти столь же редкой оказалась единственная прижизненная книга поэта Алексея Кольцова. «Поэта-прасола» открыл приехавший в 1831 году в Воронеж Н. В. Станкевич, глава литературно-философского кружка тридцатых годов, в который входили В. Г. Белинский, К. Аксаков, Т. Грановский, М. Бакунин и другие. Молодой А. Кольцов через Н. Станкевича познакомился сначала с московскими, а потом и с петербургскими литераторами. Особенное участие в его судьбе принял В. Г. Белинский. Успел обласкать народного поэта и А. С. Пушкин.

Первую и единственную прижизненную книгу стихов А. Кольцова напечатал на свой счет Н. В. Станкевич. Из довольно объемистой рукописной тетради поэта он выбрал всего 18 стихотворений, которые и были напечатаны в Москве в 1835 году скромной брошюркой в 40 страниц[11].

Сам Н. В. Станкевич находился в то время в деревне, и изданием книжки ведал В. Г. Белинский. Он хотел было в предисловии упомянуть о материальном содействии, которое при издании оказали поэту, но Н. В. Станкевич в специальном письме к В. Г. Белинскому потребовал «убрать эту позорную страницу». Книжка вышла без всякого предисловия.

Она так и осталась единственной прижизненной книгой произведений А. Кольцова. Только после его смерти, уже в 1846 году (Кольцов умер в 1842 г.), Н. А. Некрасов и Н. Прокопович осуществили первое, более или менее полное, собрание его стихотворений. Сборнику предшествовала большая статья о творчестве А. Кольцова, написанная В. Г. Белинским.

Единственная прижизненная книжечка стихов А. Кольцова, напечатанная в 1835 году, как уже говорилось, стала очень редкой. Причиной, вероятно, служило то, что и напечатано было ее немного экземпляров, да и хранителей книжки малоизвестного еще в то время поэта тоже можно было бы сосчитать по пальцам.

Такие старые и знающие продавцы-антиквары, как А. Г. Миронов и покойный Д. С. Айзенштадт, говорили, что за сорокалетнюю их работу в книжном деле они впервые только у меня увидели эту книжечку Алексея Кольцова.

Всего по одной прижизненной книге своих стихотворений имели и такие крупные русские поэты, как Антон Дельвиг («Стихотворения барона Дельвига». Спб., 1829), Денис Давыдов («Стихотворения Дениса Давыдова. Москва, 1832). Друг А. С. Пушкина Петр Андреевич Вязем-

150. Единственная прижизненная книга стихотворений Алексея Кольцова, изд. 1835 г. Титульный лист.

ский только семидесяти лет от роду увидел в печати первое и единственное свое собрание стихотворений «В дороге и дома» (Москва, 1862) [12].

Если не считать раннюю прозаическую книжку «Упырь», изданную в 1841 году, пьес и романа «Князь Серебряный», всего одну книжку своих стихов видел в печати и Алексей Константинович Толстой. Книжка вышла в Петербурге в 1867 году [13].

Только один сборник стихотворений «Думы» и поэму «Войнаровский» удалось напечатать при своей жизни отдельными книжками в 1825 году пламенному поэту-декабристу Кондратию Рылееву. После декабрьских событий имя казненного поэта было запрещено даже упоминать в печати. Эти две прижизненные книги К. Ф. Рылеева — па-

мятные реликвии и о нем, и о событиях 14-го декабря 1825 года. Обе книги давно уже ненаходимы[14].

Две прижизненных книги своих стихов увидел и поэт Ф. И. Тютчев, хотя он вовсе и не хотел их видеть. Первую значительную попытку ознакомить читателей с творчеством этого поэта сделал А. С. Пушкин в 1836 году. В своем журнале «Современник» он напечатал за подписью «Ф. Т.» 24 «Стихотворения, присланные из Германии». Эти же стихотворения в 1850 году, тоже в «Современнике», еще раз перепечатал Н. А. Некрасов, с восторженной оценкой.

В 1854 году Н. А. Некрасов печатает стихотворения Ф. И. Тютчева отдельной книжкой, под редакцией И. С. Тургенева. Сам поэт не принимает в издании никакого участия. И. С. Тургенев, считавший большой своей заслугой, что он сумел уговорить Ф. Тютчева на напечатание книжки, в шутливом экспромте, писал: «Я Тютчева заставил расстегнуться...»[15].

Никакого участия не принимает Ф. Тютчев и в выпуске второй книжки своих стихов, дополненной 74 новыми произведениями.

Книжку эту издает в 1868 году сын поэта при участии И. С. Аксакова. Ф. Тютчев решительно отказывается даже перечитать книжку. М. П. Погодину он делает на книжке такую дарственную надпись: «Стихов моих вот список безобразный, не заглянув в него, дарю им Вас...»[16].

Всего двумя книжками, объединяющими четырнадцать его рассказов, полюбовался при жизни Всеволод Гаршин: первая издана в 1882 году, вторая в 1885, одновременно со вторым изданием первой.

Только одну свою книгу — «Картины прошедшего», напечатанную в 1869 году, видел автор «Свадьбы Кречинского» А. Сухово-Кобылин. У меня есть, правда, еще отдельный оттиск «Свадьбы Кречинского», напечатанный Н. А. Некрасовым в количестве тысячи экземпляров, выданных автору в виде гонорара за помещение пьесы в 1856 году в журнале «Современник». Оттиск датирован тем же годом, имеет отдельный выходной лист и отдельное цензурное разрешение. Такое издание — большая редкость на книжном рынке[17].

Любопытно, должен ли быть при книге «Картины прошедшего» портрет А. Сухово-Кобылина? Кроме каталога В. В. Протопопова, портрет этот нигде не указывается. Я видел несколько экземпляров без портрета и без следов его пребывания в книгах.

ДУМЫ.

Сочиненіе К. Рылѣева.

Москва.

Въ Типографіи С. Селивановскаго.

1825.

151. Прижизненное издание книги К. Ф. Рылеева «Думы» 1825 г. Гравированный заглавный лист.

Однако недавно ко мне попал экземпляр с портретом и даже дарственной надписью на нем автора. Можно предположить, что портрет вкладывался только в подносные экземпляры. Но у И. С. Зильберштейна я видел тоже подносной экземпляр не только с дарственной надписью автора, а и с многочисленными пометками, сокращениями и дополнениями, сделанными А. Сухово-Кобылиным собственноручно. Однако портрета в этом экземпляре нет. Может быть, кто-нибудь знает о портрете точно?

Не одну, не две, а целых три книги (последняя даже в двух изданиях) увидел при жизни поэт Александр Полежаев. Но жизнь его нельзя назвать жизнью.

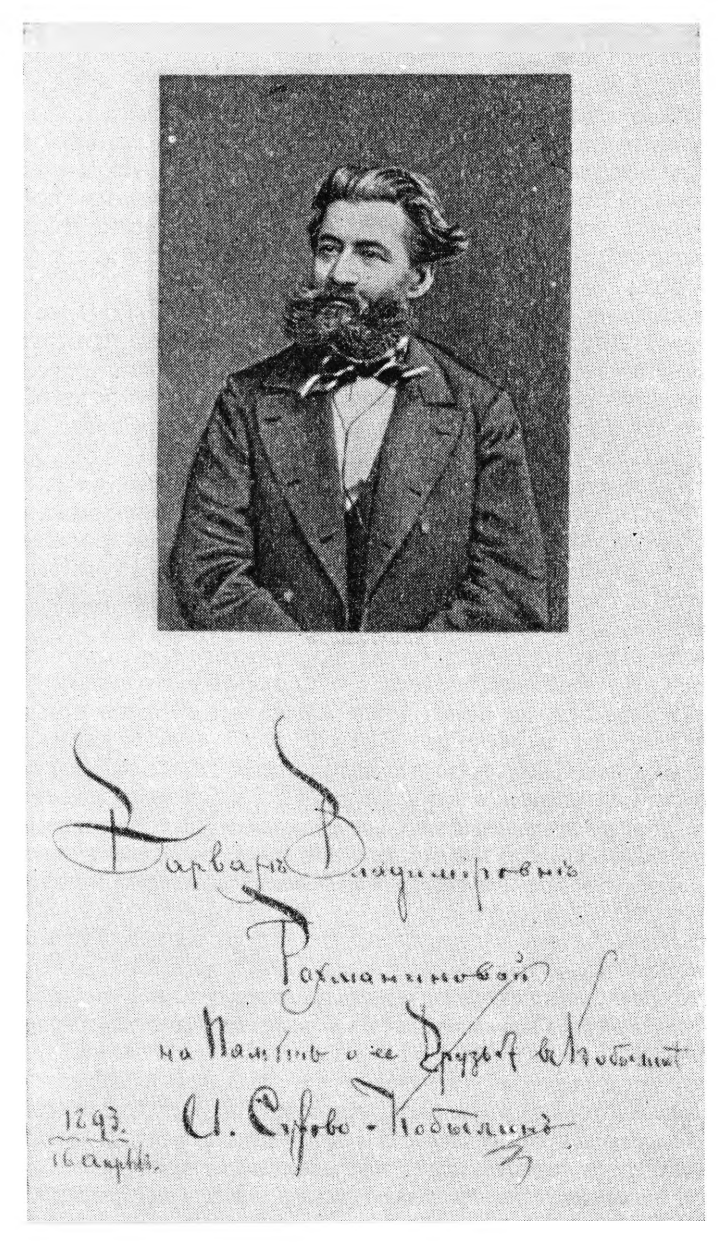
Стоит припомнить вкратце биографию этого талантливейшего поэта и несчастнейшего из людей.

Полежаев был внуком своеобразной «знаменитости» екатериненского времени — полусумасшедшего поэта-графомана Николая Струйского, прославившегося своими виршами, которые он печатал в собственной типографии. Вирши его были бездарны, но с точки зрения типографского искусства, эти так называемые «рузаевские издания» были образцово-художественными. Это была, конечно, работа крепостных типографов, и слава изданий Струйского — их слава. Печатались вирши, разумеется, не для продажи и все издания их крайне редки [18].

Сыновья Н. Струйского имели детей: Юрий — Дмитрия Юрьевича, известного в литературе под псевдонимом «Трилунный», а Леонтий, от связи с крепостной девушкой,— Александра, ставшего впоследствии поэтом Полежаевым. Фамилию эту поэт получил от саранского мещанина Ивана Полежаева, которого позвали «прикрыть грех» сынка рузаевского графомана-типографщика.

Отец поэта Полежаева Леонтий Струйский даже в то рабское время за жестокое обращение с крепостными был сослан в Сибирь.

Перед ссылкой беспутный Леонтий Струйский как-то побеспокоился о судьбе своего незаконного детища и определил будущего поэта в московский пансион Визара, откуда после молодой Полежаев поступил вольнослушателем в Московский университет. Здесь он сошелся с группой студентов, настроенных демократически-оппозиционно. В эту же группу входили братья Критские, а позднее А. Герцен и Н. Огарев. Тяжело переживал свою «незаконнорожденность» Полежаев. В ранних своих стихотворениях он выражал протест против того социально-бытового уклада, который тяготел над отпрыском «дворянского баловства

152. А. В. Сухово-Кобылин. Портрет с дарственной надписью Сухово-Кобылина В. В. Рахманиновой.

с крепостной девкой». На эту тему он написал поэму «Сашка». Поэма мгновенно разошлась во множестве списков. Нашелся, однако, какой-то подлый «доброхот», который в своем доносе на Полежаева, писал, что эта поэма наполнена «развратными картинами и самыми пагубными для юношества мыслями». Донос и поэма Полежаева попали к Николаю I, только что пережившему события 14-го декабря. Автор-студент был вызван лично к царю и тот, лицемерно соболезнуя, сослал его в солдаты унтер-офицером.

«В случае чего — обращайся немедленно ко мне — помогу»,— говорил при этом царь, любивший принимать картинные позы перед жертвами своего произвола.

Это, конечно, было обманом. Когда изнывавший под тяжестью военной муштры Полежаев пробовал писать царю, письма его оставались без ответа.

Думая, что письма его не доходят до Николая I, Полежаев бежал, решив добиться личного свидания с ним. Дорогой он изменил свое решение, вернулся, был разжалован в рядовые и приговорен к «прогнатию сквозь строй». Началось существование еще более тяжкое. За «оскорбление» фельдфебеля он опять был отдан под суд.

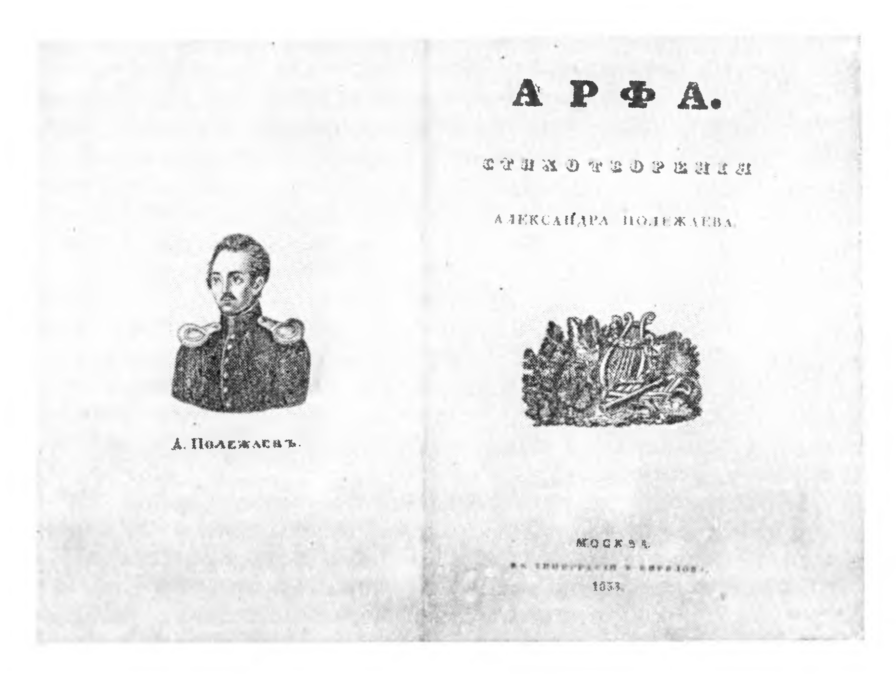
В это время началось «дело» о тайном обществе братьев Критских, в принадлежности к которому был заподозрен и Полежаев. Год он просидел в кандалах в «яме» при Спасских казармах в Москве. В 1829 году «преступник» был отправлен на Кавказ в действующий полк. С отчаянием бросался Полежаев в первые ряды храбрецов, надеясь завоевать более или менее человеческое существование. Все тщетно! В 1833 году, обойденный производством в чины и наградами, он возвращается в Москву по-прежнему рядовым.

Тяжелая жизнь подорвала его здоровье. У Полежаева развивается чахотка. Одинокий поэт умирает на койке солдатского госпиталя, в страшной нищете, всеми забытый.

Тело Полежаева валялось в морге. Крысы изувечили труп...

Хоронили его, по приказу Николая I в офицерском мундире. Царь очень заботился о внешнем декоруме. Учитывая литературную известность поэта, он приказал в находившихся в цензуре сборниках стихов Полежаева, с портретом автора в солдатской форме, пририсовать на этом портрете офицерские погоны.

А поэт Полежаев был в это время уже, действительно, достаточно известен. В походах, в тюрьме, в «яме» он не

153. Сборник стихотворений А. Полежаева «Арфа» 1838 г. Титульный лист и портрет поэта.

бросал пера, и стихотворения его, полные ненависти к самодержавию, ходили по рукам в многочисленных списках, а кое-какие были и напечатаны.

Поэт и царь смертельно ненавидели друг друга. Николай Огарев впоследствии метко сказал, что «Полежаев заканчивает в поэзии первую, неудавшуюся битву свободы с самодержавием» [19].

Первая прижизненная книга стихов Полежаева вышла в Москве в 1832 году, когда поэт был на военной службе. Кто издавал его книгу? Белинский писал: «Стихи Полежаева ходили по рукам в тетрадках, журналисты печатали их без спросу у автора, который был далеко; наконец они и издавались, или за его отсутствием, или без его ведома, на плохой бумаге, неопрятно и грубо, без разбора и без выбора» [20]. В «Русском архиве» (1881 г., т. I, тр. 359) говорилось: «Бедный поэт был беззащитной жертвой наглой наживы издателей-шарлатанов, книгопродавцев и журналистов, а потому едва ли получал какую-нибудь плату за свои сочинения».

Все прижизненные и ранние издания стихов А. Полежаева — большая редкость.

В первой прижизненной книге Полежаева, изданной в 1832 году, напечатано 54 стихотворения. Вторая книга поэта включает две поэмы: «Эрпели» и «Чир-Юрт», посвященные войнам на Кавказе. Она напечатана в Москве в том же 1832 году. Третья книжка — сборник из 16 стихотворений, под названием «Кальян», вышла в 1833 году. Она же была повторена в 1836-м.

Следующие книги А. Полежаева — третье издание «Кальяна» 1838-го года, «Арфа» 1838 года (первоначальное заглавие «Разбитая арфа») и «Часы выздоровления», вышедшая в 1842 году,[21] — все были поданы в цензуру еще при жизни поэта, но вышли уже посмертно, с портретами автора в офицерских погонах, до которых ему при жизни так и не удалось дослужиться...

Изданные при жизни поэта книги стихов, равно как и почти все дореволюционные посмертные издания его сочинений, не дают полного представления о его творчестве.

Только в наше советское время напечатаны полностью подлинные революционные стихи Полежаева.

Уменьшается ли значение прижизненных изданий дореволюционных писателей от того, что они выходили изуродованные цензурой, порой не давая подлинной картины творчества их создателей? Да, конечно, нет! Наоборот, изучая эти книги-документы, сопоставляя их с полными, свободными от всяких цензурных искажений и запретов, нашими советскими изданиями, начинаешь по-настоящему понимать тернистый путь великой русской литературы, поставившей себя на службу народу.

Первые прижизненные и ранние издания отдельных произведений писателей — один из самых увлекательных разделов книжного собирательства.

Раздел этот весьма трудный. Часто, приобретая последующие, более полные и «исправленные» издания, владельцы библиотек все предшествовавшие тиснения этих же книг просто-напросто изгоняли с полок. Экземпляры первых изданий многих книг стали неуловимы.

За много лет собирательства мне, например, так и не удалось подобрать всех прижизненных изданий Тараса Шевченко. Кроме первого издания «Кобзаря» 1840 года, «Гайдамаков» 1841-го, «Тризны» 1844-го и «Кобзаря» 1860-го года, я не нашел ничего. А это — меньше половины всех прижизненных изданий великого украинского поэта.[22]

А попробуйте сейчас собрать всего Владимира Маяков-

ского, изданного при его жизни? А разве книги эти неинтересны? Да никакое самое полное академическое собрание его сочинений не заменит этих маленьких, разноцветных, с причудливо набранными обложками, прижизненных книжек поэта-трибуна.

А собрать эти книжечки, все-таки, можно. В это дело надо только влюбиться.

Такие книги стоят любви!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Военные рассказы графа Л. Н. Толстого. Спб., 1856. 8⁰. 382 стр.

2. Гр. Л. Н. Толстой. Солдатская памятка. (Без указания места печати). 1902. 8⁰ (малая). 13 стр.

3. Салтыков-Щедрин, М. «Мелочи жизни». Введение.

4. а) Основания русской грамматики, для первоначального обучения, составленные Виссарионом Белинским. Ч. 1. Грамматика аналитическая (этимология). М., тип. Н. Степанова, 1837. 8⁰. 163 стр., 2 табл. на вкл.

б) Николай Алексеевич Полевой. Сочинение В. Белинского. Спб., в тип. Э. Праца, 1846. 8⁰. 55 стр.

5. а) Молодые супруги, комедия в одном действии, в стихах. А. Грибоедова. Представлена в первый раз на Спб-ском театре российскими придворными актерами, в пользу актрисы г-жи Семеновой-меньшой, сентября 29 дня 1815 года. Спб., в тип. имп. театра, 1815. 8⁰. 52 стр.

б) Притворная неверность. Комедия в одном действии в стихах. Переведена с французского А. Грибоедовым и А. Жандром. Спб., в тип. Н. Греча, 1818. 8⁰. 59 стр.

6. Грибоедов, А. С. Собрание сочинений. Т. 3. Пг., 1917, стр. 128. Письмо от 15-го апреля 1818 г.

7. Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет. Спб., 1903, стр. 71 и дальше.

8. Лермонтов, М. Собрание сочинений. Т. 4. Пг., 1916, стр. 385.

9) Краткий очерк столетней деятельности типографии Глазуновых. Составил Н. М. Лисовский. Спб., 1903, стр. 60 и дальше.

10. а) Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова, Часть первая (— вторая). Спб., В тип. Ильи Глазунова, 1840. 8⁰. В I ч.— 173 стр., во II ч.— 250 стр.

б) То же. Издание второе. Спб., 1841. 8⁰ (малая). В I ч.— 173 стр., во II ч.— 250 стр.

в) Стихотворения М. Лермонтова. Спб., В тип. Ильи Глазунова, 1840. 8⁰ (малая). Шмуцтит., загл. л. 168, 3 нен. стр.

11. Стихотворения Алексея Кольцова. М., В тип. Н. Степанова, 1835. 8⁰. 40 стр.

12. а) Стихотворения барона Дельвига. Спб., В тип. Департ. народного просвещения, 1829. 8⁰. 173, IV стр.

б) Стихотворения Дениса Давыдова. М., В тип. Августа Семена, 1832. 8⁰ (малая). XXIII, 111, 2 стр.

в) В дороге и дома. Собрание стихотворений кн. Петра Андреевича Вяземского. М., В тип. Бахметьева, 1862. 8⁰ (большая). 420 стр.

13. Стихотворения графа А. К. Толстого. Спб., тип. Морского министерства, 1867. 8⁰ (большая). IV, 387, I нен. стр.

14. а) Думы, стихотворения К. Рылеева. М., в тип. С. Селивановского, 1825. 8⁰. Гравир. загл. с виньеткой (А. Фролов), VIII, 172 стр.

б) Войнаровский. Сочинение К. Рылеева. М., в тип. С. Селивановского, 1825. 8⁰. XXIV, 64 стр.

15. Стихотворения Ф. Тютчева. Спб., в тип. Э. Праца, 1854. 12⁰. Шмуцтит., загл. л, 2 нен., 139, 4 нен. стр.

16. Цитируется по книге: Е. И. Рыскин. Основные издания сочинений русских писателей. М., 1948, стр. 131.

17. а) Свадьба Кречинского. Комедия в трех действиях А. Сухово-Кобылина. Спб., тип. Штаба воен. учебн. заведений, 1856. 8⁰. 76 стр.

б) Картины прошедшего. Писал с натуры А. Сухово-Кобылин. М., в универ. тип. (Катков и К⁰), 1869. 8⁰. 512, I нен., 2 нен. стр. (портрет). Имеются сведения, что в 1861 году в Лейпциге Сухово-Кобылин напечатал пьесу «Дело» в 25 экз. (См. статью К. Л. Рудницкого в «Ежегоднике Ин-та истории искусств». М., 1955, стр. 279). Экземпляры нигде не обнаружены.

18. О Струйском — у Н. В. Губерти в его «Материалах», том 2-ой. Описано до 15 его изданий. У меня есть пять-шесть. Многое о Струйском в «Русском архиве», 1865, стр. 961.

19. Цитируется по статье Н. Бельчикова в «Лит. наследстве», том 15, стр. 60.

20. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. Т. 6. М., 1955, стр. 121.

21. а) Стихотворения А. Полежаева. М., в тип. Лазаревых. Ин-т. Вост. яз. 1832. 8⁰. 283, 4 нен. стр.

б) Эрпели и Чир-Юрт. Две поэмы А. Полежаева. М., тип. Лазаревых, Ин-т. Вост. яз., 1832. 8⁰. 134, I нен. стр.

в) Кальян. Стихотворения А. Полежаева. М., в тип. Лазаревых, Ин-т Вост. яз., 1833. 12⁰. Литогр. портрет (А. Ястребилов), 132 стр.

г) То же. Издание второе. М., в универ. тип., 1836. 12⁰. 130, I нен. стр. (Портрет).

Его же издания, поданные в цензуру при жизни, но вышедшие посмертно.

а) Арфа. Стихотворения Александра Полежаева. М., в тип. В. Кириллова, 1838. (Ценз. разр.— Ноябрь 1835). 8⁰. Гравир. портрет в офицерских погонах, 112, 2 нен. стр.

б) Кальян. Стихотворения Александра Полежаева. (Издание третье). М., в тип. В. Кириллова, 1838. (Ценз. разр.— Ноябрь 1837 г.) 16⁰. Грав. портрет в офицерских погонах, 187 стр.

в) Часы выздоровления. Стихотворения А. Полежаева. М., в тип. А. Евреинова, 1842. 8⁰. 67, 2 нен. стр.

ДЕЛО О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРОПАГАНДЕ В ИМПЕРИИ

В 1873 году, в журналах и газетах Москвы, Петербурга и ряда крупнейших городов вспыхнула жесточайшая полемика по весьма пустому, на первый взгляд, делу. Горничная Ефросинья Ульянова пожаловалась мировому судье Серпуховского участка, что ее хозяйка — жена провизора Мария Енкен, побила ее ночью и выгнала из дома, не отдав паспорта.

Причиной гнева необузданной барыни была какая-то, неподанная вовремя горничной, бельевая корзина.

Мировой судья, которому подобное поведение разгневанной барыни показалось безобразным, приговорил ее к десятидневному аресту.

Барыня апеллировала в высшую инстанцию, в так называемый «Съезд мировых судей», но и съезд утвердил приговор.

Казалось бы трудно найти сторонников жестокой расправы барыни, учиненной ею над своей горничной. Как ни свежа была еще память о только что отмененном в 1861 году крепостном праве, как ни обманчива была сама по себе эта реформа, однако, встретить откровенных апологетов новоявленных «салтычих» было уже не легко.

Однако это только казалось! Влиятельнейшая газета того времени — «Московские ведомости», возглавляемая пресловутым М. Н. Катковым, разразилась гневной статьей, в которой вопияла, что «мировые судьи расшатывают общественный порядок», что они, «вместо того, чтобы чинить суд по закону, тенденциозно законодательствуют по вопросу об отношениях между нанимателями и нанимаемыми» [1]. Выталкивание прислуги ночью на улицу, с произнесением скверных слов, «достопочтенный» Михаил Никифорович публично назвал «священными правами человека и гражданина».

«Словно прорвалась навозная плотина, которая несколько лет удерживала в пруду протухшую воду»,— писали «Отечественные записки» по поводу этих разглагольствований катковских «Московских ведомостей» [2].

В полемику по этому вопросу вступили «Вестник Европы», «Русские ведомости», «Русский мир», «Гражданин», «Неделя», «Одесский вестник», «Биржевые ведомости», «Новое время» и другие газеты и журналы того времени.

Полемика развернулась не столько по линии взаимоотношений «господ с прислугой», сколько по вопросу самого института мировых судей, введенного в действие в 1864 году.

Мировые судьи избирались уездными земскими собраниями, а в городах — городскими управами из лиц, владевших недвижимым имуществом и отвечающих требованиям ряда других ограничительных цензов.

Но и эта, в сущности, жалкая пародия на общественные выборы, бесила реакционеров типа Каткова, казалась им излишним демократизмом. Они требовали судей, назначаемых правительством, то есть чиновников, которые, по их мнению, только одни и могли бы «охранить правильный порядок, спокойствие и благочиние», заключающиеся, как они считали, прежде всего, в безнаказанности битья по физиономии людей, «ниже их стоящих».

Все статьи по этому вопросу, как «за», так и «против», умело собрал в книгу никому тогда еще не известный Ипполит Никитич Мышкин (1848—1885) — революционер-

154. Ипполит Никитич Мышкин, революционер-народник.

народник, только что организовавший типографию в Москве, на Тверском бульваре, в доме Полякова. Типография была организована с целью подпольного печатания революционной литературы, а официально печатала пока невинные каталоги и такие же невинные брошюры по уголовным процессам.

Своего компаньона, ничего не знавшего о целях организованной типографии, опытного метранпажа-печатника Гольдмана, Мышкин приставил к обучению наборному искусству целой группы женщин-революционерок, которые и должны были, по его плану, в будущем печатать нелегальную литературу.

«Я намерен,— говорил Гольдману, для отвода глаз, Мышкин,— поближе сойтись с этими барышнями в деле. Они больше трудятся, в праздничные дни не гуляют» [3].

Такими «барышнями» были жены и дочери офицеров и чиновников: Е. Супинская, Елена и Юлия Петрушкевичи, С. Иванова, О. Фетисова, Е. Ермолаева и другие.

Ничего не подозревавший Гольдман усердно обучал их типографскому искусству, набирая пока вместе с ними погодинскую «Простую речь о мудреных вещах».

Наконец, Мышкин решил пустить «пробный шар», первую пропагандистскую книгу, сделанную им, как сказано выше, из тенденциозно подобранных полемических статей по делу горничной, побитой разгневанной барыней. Книга называлась: «Об отношении господ к прислуге и о мировом институте» (Москва. В типографии Мышкина на Тверском бульваре в доме Полякова, 1874) [4].

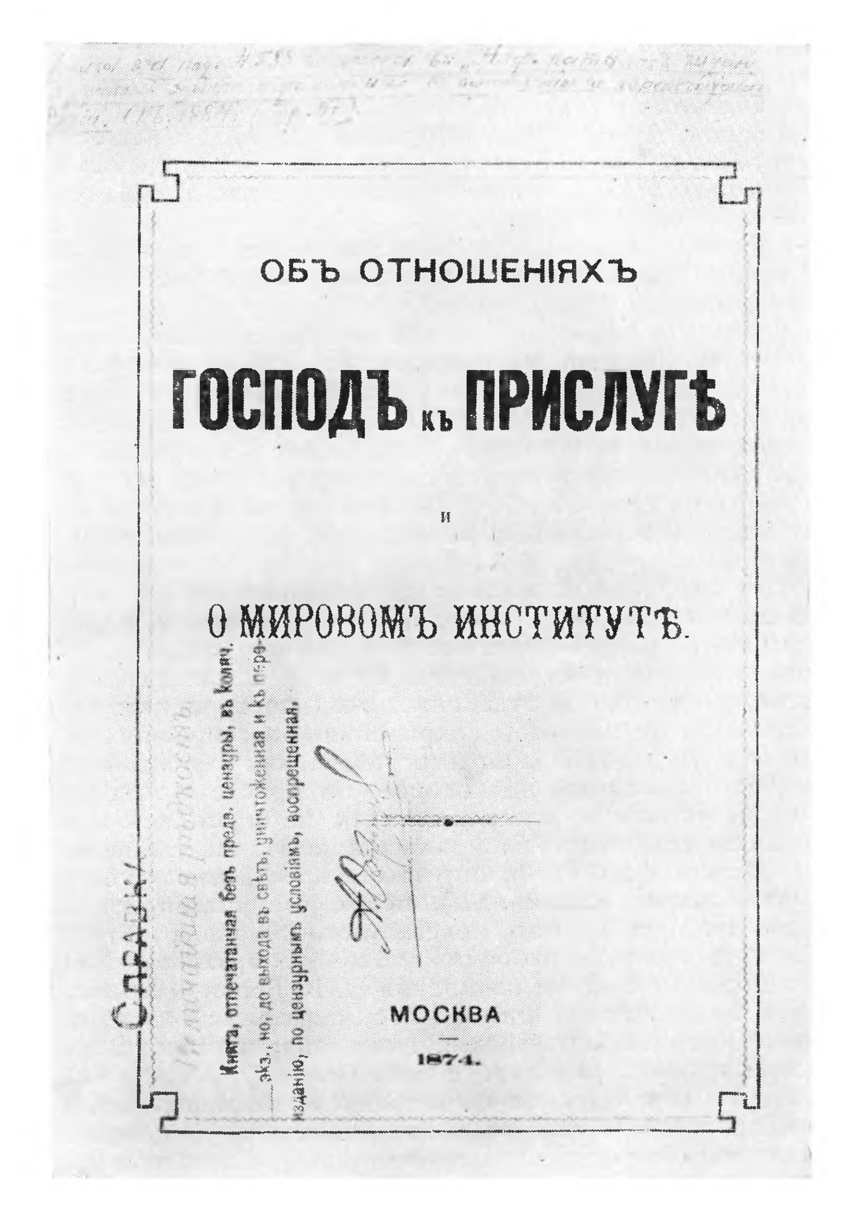
Рукопись этой книги Мышкин попытался провести предварительно через цензуру, но Московский цензурный комитет книгу запретил, причем на основании ст. 71 устава цензуры сама рукопись была задержана. Тогда Мышкин решил напечатать книгу без цензуры, поместив требующийся по закону гриф «Дозволено цензурой 9 января 1874 года» на задней странице обложки, на которой были напечатаны объявления о вышедших из его же типографии брошюрах о «Замечательных уголовных процессах». Таким образом гриф «Дозволено цензурой» сам по себе не был подложным и без опасений был представлен инспектирующему типографию чиновнику. Однако, на самом деле, относился гриф не к книге, а лишь к объявлению о брошюрах. Объявление это действительно было дозволено к печати в виде отдельного листка.

Мышкин пока явно искал пути и возможности распространения революционной литературы.

Трюком с листком объявлений, разрешенным цензурой, удалось обмануть только чиновника, инспектирующего типографию. В инстанции повыше — трюк разгадали. На книгу, выпущенную таким образом, поступил донос, и по поводу ее вышло такое заключение цензора, просматривавшего книгу:

«Книга Мышкина имеет целью: 1. Группировкой статей произвести на читателя сильнейшее впечатление, 2. Пропагандировать уравнение прав и отношений двух классов и 3. Вселить в читателях недоверие к мировому институту».

По докладу начальника Управления по делам печати книга Мышкина постановлением Комитета министров от

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

ГОСПОДЪ къ ПРИСЛУГѢ

и

О МИРОВОМЪ ИНСТИТУТѢ.

МОСКВА

1874.

Книга, отпечатанная безъ предв. цензуры, въ колич. экз., но, до выхода въ свѣтъ, уничтоженная и къ пере-изданію, по цензурнымъ условіямъ, воспрещенная.

155. Первая нелегально изданная И. Н. Мышкиным книга «Об отношении господ к прислуге» 1874 г. Обложка.

18-го июня 1874 года была запрещена, отобрана у типографии и затем уничтожена [5].

Найденная мною эта бесцензурная пропагандистская книга, напечатанная в типографии одного из пионеров русской подпольной революционной печати семидесятых годов Ипполита Никитича Мышкина, сейчас весьма редка и чрезвычайно интересна.

Впрочем, деятельность самого Мышкина и работа организованной им подпольной типографии этой книгой только лишь началась.

Боясь, что его «пробный заход» обратит ненужное внимание полиции на типографию на Тверском бульваре, Мышкин расходится с фактическим владельцем типографии Вильде, у которого он был только арендатором, и открывает новую типографию на Арбате в доме Орлова.

Именно в этой типографии, просуществовавшей вплоть до разгрома ее полицией, Мышкин весьма продуманно начал массовое печатание нелегальной революционной литературы.

Типография состояла из двух помещений. В первом мужчины-наборщики, по-прежнему, набирали и печатали различного рода «благонамереннейшие» издания. Вход в это отделение был свободен. Во второе, так называемое «женское» наборное отделение, вход посторонним не допускался, в целях якобы сохранения «благонравного поведения» женщин-наборщиц и их нежелания слушать «сквернословие мужиков», на которое, по правде сказать, русские печатники в то время никак не скупились. В этом «женском отделении» набирались и печатались такие вещи, как «История одного французского крестьянина» (переделанная самим Мышкиным), некоторые статьи Лассаля, статьи из зарубежного нелегального журнала «Вперед», «Книга для чтения рабочим», «Что-й-то братцы», «Хитрая механика», некоторые сочинения Н. В. Берви-Флеровского и многое другое. Помимо этого, печатались паспортные бланки для снабжения фальшивыми «видами на жительство» распространителей в народе этой литературы [6].

Печатная продукция типографии не фальцевалась и не брошюровалась в Москве, а прямо листами упаковывалась в ящики и отправлялась в провинцию, где печатные листы брошюровались в книги и выдавались на руки распространителям.

Все это Мышкин проделывал на средства ближайшего своего соратника, тоже виднейшего революционера-народника, Порфирия Ивановича Войнаральского. Последний

все свое состояние в несколько десятков тысяч рублей, доставшееся ему по наследству, предоставил в распоряжение народнической организации.

На себя он взял только руководство распространением напечатанной Мышкиным литературы.

С этой целью Войнаральским были открыты отделения, под видом сапожных и столярных мастерских, в Саратове, Пензе, Калуге и других городах.

В эти адреса Мышкин отправлял ящики с отпечатанными листами, под видом ящиков с лимонадом и сельтерской водой, пронося эти ящики мимо носа ничего не подозревавшего полицейского чина, дежурившего в типографии.

Работа Мышкина столь ловко была поставлена, что его типография избежала провала. Провалилось саратовское отделение Войнаральского, законспирированное под видом сапожной мастерской некоего Пельконена. Сделанный 31-го мая 1874 года обыск, дал понять полиции, что это за «сапожная мастерская», и «охранка» начала распутывать клубок, приведший потом к знаменитому процессу по «Делу о революционной пропаганде в империи», процессу, носящему в истории также название «Большого процесса» или «Процесса 193-х».

Описанию напечатанного в 1878 году, но немедленно сожженного цензурой, «Стенографического отчета» по этому процессу — замечательной и редчайшей русской книги, будет уделено в этом рассказе наибольшее внимание [7].

Пока вернемся к будущему главному герою «Процесса 193-х» — Ипполиту Никитичу Мышкину.

Когда полиция размотала клубок этого дела и начала хватать правых и виноватых (первоначально было арестовано до двух тысяч человек), Мышкин ареста избежал. Из Саратова ему в Москву, на имя одной из его наборщиц, была послана следующая телеграмма:

«Потрудитесь передать Пудикову (такова была конспиративная кличка Мышкина.— Н. С.-С.), чтобы он готовился к принятию наших давно ожидаемых знакомых, которые только что посетили нас в Саратове и, вероятно, вскоре посетят вас» [8].

Мышкин немедленно скрылся за границу, успев ликвидировать свою «женскую наборную».

Собственно этим для него все могло бы и кончиться. Но Мышкин не умел оставаться без дела. Недаром Владимир Ильич Ленин позже высоко оценил его революционную

деятельность, поставив имя Мышкина наряду с именами П. Алексеева, С. Халтурина и А. Желябова [9].

В 1875 году Мышкин нелегально возвращается в Россию и здесь задумывает организовать побег Н. Г. Чернышевского, томившегося в то время в далеком Вилюйском остроге.

Ни расстояние, ни опасности, ни трудности не останавливают Мышкина. Переодевшись жандармским офицером и имея на руках фальшивые, но ловко сделанные предписания о производстве им обыска у арестанта Чернышевского и препровождения его, якобы, для доследования в Благовещенск, Мышкин выехал в Вилюйск. И он и его соратники предполагали в дальнейшем переправить Чернышевского за границу.

Хорошо задуманный побег не удался, как всегда, по самым пустяковым причинам. Принято думать, что на Мышкине неправильно были надеты офицерские аксельбанты, и это послужило причиной его провала. Однако М. Александров в журнале «Былое» рассказывает, что встретившийся по дороге в Вилюйск Мышкину помощник Вилюйского исправника, задал ему несколько наводящих вопросов, на которые Мышкин не сумел правильно ответить. Заподозривший неладное, помощник исправника предупредил своего шефа в Вилюйске о предстоящем приезде к нему подозрительного жандармского офицера. Вилюйский исправник немедленно по приезде Мышкина в Вилюйск арестовал его.

Отправленный в Якутск с двумя стражниками, Мышкин по дороге, отстреливаясь и ранив одного их них, бежал в лес. Через несколько дней его выдали якуты-охотники [10].

Все это подтверждают материалы предварительного следствия «Процесса 193-х», героем которого оказался Мышкин, в особенности, благодаря произнесенной им на суде яркой революционной и зажигательной речи, произведшей огромное впечатление на все передовое русское общество того времени и особенно на революционно настроенную молодежь. Речь Мышкина тогда же была отлитографирована и нелегально распространена.

И. Мышкин, П. Войнаральский, Д. Рогачев и С. Ковалик привлекались как организаторы «сообщества», поставившего своей задачей «ниспровержение существующего строя». Мышкину, кроме того, инкриминировали попытку устроить побег Чернышевского.

Из привлеченных по делу почти двух тысяч подсудимых многие подверглись высылке в административном порядке

еще до процесса, часть была освобождена по отсутствию улик. Многие подсудимые провели по 3—4 года в предварительном заключении, и из них некоторые умерли, некоторые кончили жизнь самоубийством, некоторые посходили с ума, некоторые бесследно исчезли. Количество свидетелей было огромно.

Процесс происходил в «Особом присутствии» Сената с 18-го октября 1877 года по 23 января 1878 года и закончился приговором 28 подсудимых к каторге от 3 до 10 лет; многие были отправлены в ссылку, остальные освобождены, ввиду продолжительности предварительного заключения.

Первоприсутствующим (так тогда называли председателя) был сенатор К. Петерс, обвинял товарищ обер-прокурора В. Желяховский. Среди защитников был весь цвет тогдашней адвокатуры: Стасов, Герард, Потехин, Корш, Боровиковский, Спасович, Коробчевский, Гернгрос, профессор петербургского университета Таганцев, Щепкин, Александров, Самарский-Быховец и другие.

При организации процесса были допущены всевозможные беззакония, нарушены основные права подсудимых. Под видом якобы отсутствия достаточно вместительного зала была нарушена гласность суда, и процесс фактически велся при закрытых дверях.

Это обстоятельство и разбивка подсудимых на 17 групп вызвали с их стороны мужественные протесты.

На вопрос первоприсутствующего о виновности, один за другим подсудимые вставали и отвечали: «Я подвергнут был три года предварительному заключению и теперь приведен сюда силой и отказываюсь от всякого участия в суде».

Подсудимый Волховской на тот же вопрос о виновности ответил:

«Если бы у меня даже не отняли навсегда здоровье, силы, способности, поприще деятельности, свободу, домашний очаг, жену, ребенка, если бы я не проводил шестой год в одиночном заключении — я бы все равно постарался не быть пешкой, передвигаемой на шашечной доске арлекина, снабженного всеми атрибутами палача рукой. Я прошу вас удалить меня отсюда!» [11]

Стенограмма рассказывает, что после этих слов все подсудимые кричат: «Мы присоединяемся к заявлению нашего товарища и просим нас удалить из суда на тех же основаниях!»

Первоприсутствующий удаляет подсудимых за «оказание неуважения к суду».

Защитники не раз ставили первоприсутствующего в смешное положение. Когда на вопрос о виновности, подсудимая Гейштор ответила: «Я должна заявить, что настоящий строй в России мне ненавистен, потому что в нем всем живется очень гадко, не исключая и вас, господа судьи...», — то первоприсутствующий приказал удалить подсудимую из суда «за оказанное неуважение». Тогда присяжный поверенный Герард заявил: «Подсудимая вовсе не желала оскорблять суд. Она только сказала, что при таком порядке вещей всем живется в России очень скверно, не исключая и вас, господа судьи. Вот были ее слова!»

Первоприсутствующий, не поняв всей иронии этого заявления защитника, ответил: «Я не расслышал. В таком случае верните подсудимую» [12].

Защита, вообще, в пределах предоставленной ей возможности, действовала смело и решительно.

Весьма характерен такой, например, эпизод. Обер-прокурор, избравший непристойную манеру допроса свидетелей путем т. н. «наводящих вопросов», спрашивает у свидетеля Белякова: «Говорили ли подсудимые о братстве, равенстве и свободе?», или: «Говорили ли, что государь налагает большие подати, что деньги тратит на балы, на театры, на поездку за границу?», или: «Говорили ли, что бедные существуют от того, что у нас существуют чиновники, дворяне, купцы?»

Запуганный свидетель на все эти вопросы, буквально как попугай, отвечает: «Да, говорили».

Защитник Гернгрос прерывает допрос возгласом: «Свидетель не понимает смысла вопросов и отвечает «да», на все, что ему предлагают!»

Слова Гернгроса вызывают строжайшее ему предупреждение со стороны первоприсутствующего.

Тогда присяжный поверенный Дорн задает свидетелю, много раз уже подтвердившему, что «подсудимые занимались пропагандой», такой вопрос: «Как вы понимаете слово «пропаганда»? Что это такое: зверь или растение?»

Свидетель чистосердечно отвечает: «Ей-богу, не знаю!»

Дружный хохот присутствующих подчеркивает всю неприглядность подтасованных следствием свидетелей [13].

Эта подтасованность свидетелей, а, зачастую, и прямая покупка их показаний следователями, подтверждается на процессе множеством еще более ярких примеров. Так, некий «свидетель» Сима, на вопрос присяжного поверенного Бардовского: «Как вас рассчитывают за предательство: поденно или поштучно?» — со всей искренностью

поспешил ответить: «Я не знаю их расчета. Я получил от шефа жандармов 350 рублей за все»[14].

На процессе выяснилось, что у свидетелей вырывали нужные для полиции показания также и запугиванием, арестами, вождением их по улицам под конвоем, голодом и пытками.

Этими же методами заставляли и подсудимых в некоторых случаях выдавать своих товарищей. Подсудимый Любавский на суде сказал: «Будучи заключен в одиночную камеру так называемой Пугачевской башни, о содержании в которой могут судить только те, которые были заключены в ней, я легко поддавался влиянию лиц производивших дознание и показывал заведомо ложь»[15].

И. Н. Мышкину первоприсутствующий задал такой вопрос:

«Вы обвиняетесь в том, что с целью распространения участвовали в составлении, печатании и рассылке сочинений, по содержанию своему направленных к явному возбуждению и неповиновению власти верховной. Признаете ли вы себя в этом виновным?» На это Мышкин ответил:

«Я признаю, что считал своей обязанностью в качестве содержателя типографии печатать и распространять книги. Мысль о печатании этих книг созревала во мне постепенно, уже давно, и только в 1874 году я решился привести ее в исполнение, потому что окончательно убедился, что печать наша находится в безнадежно жалком положении, не соответствующем ни массе, ни интеллигенции. У нас каждый неподкрашенный рассказ из жизни русского народа, освещающий его страдания, каждая статья, указывающая на язвы в организме народной жизни — все это воспрещено и строго преследуется...»[16].

Неоднократно прерываемый и перебиваемый первоприсутствующим, Мышкин в своей обширной и смелой речи развернул перед судом и публикой грозную картину наступления революции.

«Не нужно быть пророком,— говорил он,— чтобы предвидеть при нынешнем, отчаянно бедственном положении русского народа, как неизбежный исход из этого положения вещей — всеобщее народное восстание».

Коснувшись положения крестьян, Мышкин опять был прерван первоприсутствующим: «Вы не представитель крестьян. Они одни могут судить о том, каково их положение!»

На это Мышкин ответил: «Я сын крепостной крестьянки и солдата. Я видел уничтожение крепостного

права и тем не менее не только не благословляю эту реформу, но стою в рядах отъявленных врагов ее. Освобождение крестьян, в конце концов, сводится к одному — к переводу более 20 миллионов населения из разряда помещичьих холопов — в разряд государственных или чиновничьих рабов».

Мышкин успевает коснуться положения рабочего класса, вопросов религии, доказать всю неприглядность и фальшивость принципов народного образования и, между прочим, говорит:

«Нас обвиняют, что будто мы возводим невежество в идеал. Я считаю это клеветой, и опровергнуть эту клевету мне не стоит труда: кого скорее можно считать невежественными — тех ли, кто печатает, например, книги Лассаля, или тех, кто их сжигает?»

Первоприсутствующий употребляет все усилия, чтобы спутать Мышкина и заставить его замолчать, но Мышкин, остроумно «вышибая скамейки» из-под всех возражений растерявшегося сенатора, продолжает обличать самодержавие в тяжких преступлениях перед народом. Он говорит о насилиях и пытках, которые применялись к заключенным.

О себе он рассказывает, что «после первого же допроса я, за нежелание отвечать на некоторые из предложенных мне вопросов, был закован сначала в ножные кандалы, а затем и в ручные. Я был лишен права пользоваться не только собственным чаем, но даже простой кипяченой водой».

«Когда я унижался,— продолжал Мышкин,— до ничтожной просьбы о дозволении носить под кандалами чулки, потому что от кандалов образовались на ногах язвы, то даже на эту ничтожную просьбу я получил отказ».

На слова первоприсутствующего, что подобное заявление подсудимого голословно, Мышкин доказывает блестящими документированными примерами, что обращение с подсудимыми было «хуже, чем турок с христианами», и говорит в заключение:

«Я могу, я имею полное право сказать, что это не суд, а простая комедия, или нечто худшее, более отвратительное, более позорное, чем дом терпимости. Там женщина из-за нужды торгует своим телом, а здесь сенаторы, из подлости, из холопства, из-за чинов и крупных окладов, торгуют чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгуют всем, что есть наиболее дорогого для человечества!»

Далее беспристрастный стенографический отчет приводит такую запись стенографов: «Тут поднялся такой шум и крики, что последних слов уже не было слышно. Жандармы столпились около подсудимых и, оттолкнув некоторых из них, начали избивать Мышкина и остальных. Присяжный поверенный Потехин, вместе с некоторыми другими, обратился к суду с просьбой, чтобы было занесено в протокол, что жандармы позволяют себе бить заключенных».

Суд удаляется на совещание и заседание объявляют прерванным до 16-го ноября.

Когда 16-го ноября тот же Потехин обратился в начале заседания к первоприсутствующему с вопросом — «будет ли занесено в протокол его заявление об избиении подсудимых», первоприсутствующий, с хладнокровием, достойным лучшего применения, ответил: «Я считаю это излишним!» [17]

Как говорилось выше, Мышкин был из тех, кто получил на этом процессе высшую меру наказания — десять лет каторги. Среди подсудимых, освобожденных ввиду продолжительности предварительного заключения, были, тогда еще молодые,— А. Желябов, С. Перовская, Н. Саблин, которые, получив первую закалку на этом процессе, впоследствии сказали свое громкое слово в революционном движении. Некоторые из них, правда, пошли по неверному пути индивидуального террора, который был не в пользу, а в ущерб массовым революционным выступлениям трудящихся, но их личный героизм в борьбе против самодержавия несомненен.

Героична и вся дальнейшая судьба Ипполита Никитича Мышкина.

Осенью, на пути следования в Сибирь, в Карийскую тюрьму, Мышкин в Иркутске, в тюремной церкви, над гробом революционера-народника Льва Дмоховского, умершего в тюремной больнице, произносит революционную речь, кончающуюся такими словами:

«На почве, удобренной кровью таких борцов, как ты, дорогой товарищ, расцветет древо русской свободы!»

Стоявший тут же в полном облачении тюремный священник — яростно воскликнул: «Врешь — не расцветет!» [18].

Сей почтенный «служитель бога», конечно, мало чем отличался от сенаторов, приговоривших Мышкина к десятилетней каторге. Однако за эту свою речь Мышкин получает тут же еще, добавочно, двадцать лет. Итого — тридцать!

В 1882 году Мышкин организует побег с Кары, но во Владивостоке его арестовывают и отправляют в Шлиссельбургскую крепость. Неоднократно избиваемый, измученный кандалами и одиночными заключениями, Мышкин доходит до последнего предела. Он ищет смерти. Но мысль о самоубийстве не приходит ему в голову. Он ищет смерти революционера.

В конце декабря 1884 года он бросает тарелку в лицо жандармского офицера-смотрителя, причем, тут же, на первом допросе, говорит: «Я не сделал это с намерением оскорбить смотрителя, но чтобы в этом был повод к достижению смертной казни».

Царские чиновники понимали, что казненный Мышкин для них более опасен, чем Мышкин, умерший своей смертью, но они вынуждены были в январе 1885 года его расстрелять. Оставлять оскорбление действием жандармских офицеров со стороны политических заключенных безнаказанным — тюремное начальство не рискнуло.

Так был окончен жизненный путь одного из организаторов печатания и распространения подпольной революционной литературы в семидесятых годах — И. Н. Мышкина.

Несколько подробностей о самой книге «Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи».

Как уже говорилось, одним из пунктов нарушения прав подсудимых было отсутствие широкой гласности процесса, предусмотренной существовавшим в то время законодательством. Печатавшиеся в «Правительственном вестнике» и других официальных органах фальсифицированные отчеты вызывали только возмущение у подсудимых.

Защита обратилась с ходатайством о разрешении ей за свой счет пригласить стенографов и записать процесс с целью последующего издания стенограммы.

Отказать в этом первоприсутствующий не мог и на одном из первых заседаний торжественно провозгласил подсудимым:

«Отчет будет напечатан стенографический, полный, следовательно в этом отношении вы получите полное удовлетворение».

Какова была цена этому торжественному заверению царского сенатора, видно из последующей судьбы самого стенографического отчета.

Напечатанный в 1878 году в типографии Стасюлевича в Петербурге, на деньги защитников (официальным изда-

СТЕНОГРАФИЧЕСКІЙ ОТЧЕТЪ

ПО ДѢЛУ

О РЕВОЛЮЦІОННОЙ ПРОПАГАНДѢ ВЪ ИМПЕРІИ

ЗАСѢДАНІЯ ОСОБАГО ПРИСУТСТВІЯ

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 л. 7.

1878

156. Уничтоженное цензурой издание «Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи» 1878 г. Титульный лист.

телем считался профессор Н. С. Таганцев), том первый отчета был немедленно по напечатании арестован в типографии.

Министр внутренних дел А. Е. Тимашев 1 ноября 1878 г., в своем представлении Комитету министров так мотивировал арест книги: «Учитывая вредные последствия, которые по существу содержащихся в помянутом стенографическом отчете подробностей, могли бы иметь из-за распространения этого издания в различных слоях общества и в особенности между молодежью, считаю необходимым представленное в цензурный комитет частное издание, заключающее в себе стенографический отчет по этому делу, воспретить».

Постановлением Комитета министров 14-го ноября 1878 года книга была запрещена и 22-го декабря того же года уничтожена в количестве 1175 экземпляров[19].

«Стенографический отчет» по делу 193-х не был переиздан и до наших дней. Лишь в 1906 году, в дни относительной свободы печати, издательством Саблина, с предисловием В. Каллаша, была издана книга под названием «Процесс 193-х». Но в книге, кроме предисловия Каллаша и официального обвинительного акта, хорошо известного и до этого — никаких подробностей о процессе не приведено[20].

А между тем, сожженная цензурой книга «Стенографический отчет», уцелевшая, как говорят опытные книжники, всего не более, чем в десяти экземплярах (включая и находящийся у меня), полна самого захватывающего интереса и подробно рассказывает об одной из ярких страниц русского революционного прошлого.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Московские ведомости», 1873, №№ 320, 328; 1874, №№ 17, 65.
2. «Отечественные записки», 1874, т. CCXII, кн. 1, отдел «Современное обозрение», стр. 123.
3. Из речи свидетеля Гольдмана на суде — «Стенографический отчет», стр. 497.
4. Точнее: «Об отношении господ к прислуге и о мировом институте. М., тип. И. Н. Мышкина, на Тверском бульваре в д. Полякова, 1874». 8⁰. Загл. л., 2 нен., 160 стр. На задней обложке с объявлениями — гриф: «Дозволено цензурой 9 января 1874 г.».
5. Главн. Управл. по делам печати, II отд. 1874 г., дело № 93. То же: Спб. Ценз. Ком. 1874; дело № 51. То же: Алфавитный каталог, запрещенных изданий. Спб., 1884, № 588.
6. См. «Стенографический отчет», а также материалы обвинительного акта в книге «Процесс 193-х». (М. 1906).

7. Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи. Заседания особого присутствия Правительствующего Сената. Т. 1. Спб., тип. М. Стасюлевича, 1878. 8^0. Загл. л., 634 стр.

8. Процесс 193-х. М., 1906, стр. 125.

9. Ленин, В. И. Сочинения. Изд. 4. Т. 5, стр. 416.

10. «Былое», 1906, № 10 стр. 259. См. также обвинительный акт и «Стенографический отчет».

11. Стенографический отчет, стр. 43.

12. Там же, стр. 120.

13. Там же, стр. 48—49.

14. Там же, стр 423.

15. Там же, стр. 72.

16. Эта и все дальнейшие цитаты из речи Мышкина — см. «Стеногр. отчет», стр. 484 и далее.

17. Стеногр. отчет, стр. 506.

18. Этот факт, а также все дальнейшие цитируемые фразы — из статьи М. Р. Попова в «Былом», 1906, № 2, стр. 252.

19. Главн. управл. по делам печати, II отд. 1878, дело № 70; Спб. Ценз. Ком. 1878, дело № 65.

20. Некоторые сведения о процессе, речь Мышкина и обвинительный акт напечатаны в 3-м томе сборников «Государственные преступления в России», изданных за границей под ред. В. Базилевского. См. журн. «Былое», 1906, № 3, стр. 299.

ЛЮСТРА, ЗАЖЖЕННАЯ НА РАССТОЯНИИ

В невеселом списке книг, уничтоженных царской цензурой, значится роман М. А. Филиппова «Скорбящие». Книга была напечатана в Петербурге в типографии А. Моргиеровского, в 1873 году, тиражом в 2000 экземпляров. Цензор В. М. Ведров арестовал весь тираж книги [1].

О содержании романа «Скорбящие» лучше всего рассказывает тогдашний министр внутренних дел А. Е. Тимашев, который в своем «Представлении комитету министров» писал:

«Принимая в соображение, что в книге Филиппова представляется ряд возмутительных злоупотреблений упраздненного крепостного права, что нравы помещиков и вообще высшего сословия изображены в ней с явной тенденциозностью в самом отвратительном свете, с крайним цинизмом, оскорбляющим нравственное чувство; что

автор книги с грубым укором и с нескрываемым презрением относится вообще к нашему гражданскому и социальному строю и к военному сословию и что книга его, несмотря на переменившиеся ныне отношения помещиков к крестьянам, по тону своему и по представлению в ней высших классов в отвратительном виде, направлена к возбуждению ненависти одного сословия к другому и презрения к нашим общественным условиям, а также оскорбляет нравственные чувства приличия,— нельзя не признать распространение означенной книги несомненно вредным»[2].

Разумеется, после такой «рецензии» царского министра, дальнейшая судьба напечатанной книги была решена быстро. Постановлением комитета министров 7-го декабря 1873 года она была уничтожена в количестве 1965 экземпляров. Официально уцелело всего 35 экземпляров, один из которых удалось найти мне.

Очень хорошая находка! Я люблю писателей, о которых столь четко и определенно высказывались царские министры. Не каждый, даже присяжный критик или рецензент умели так делать. Сразу видно, и к какому лагерю литературы принадлежит писатель, и что в его книге по-настоящему прогрессивно и интересно.

Однако книга эта оказалась еще интересней, чем я думал. Для этого надо было только покопаться в биографии автора ее М. А. Филиппова.

Должен сознаться, что это оказалось делом нелегким. Сведений об этом писателе я нашел немного. Я узнал, что он сотрудничал в «Современнике», является автором многих исторических романов, в числе которых один, особенно прошумевший в 1885 году, назывался «Патриарх Никон». Перу этого же автора принадлежит ряд юридических и публицистических работ, а также обличительная повесть «Полицмейстер Бубенчиков», шедшая в «Современнике».

Но едва ли не самое интересное, что мне удалось узнать из биографии этого несомненно прогрессивного писателя, то, что он является отцом Михаила Михайловича Филиппова, одного из замечательнейших людей нашего дореволюционного прошлого.

Окончивший юридический и физико-математический факультеты Петербургского и Новороссийского университетов, доктор философии Гейдельбергского университета Михаил Михайлович Филиппов был литератором, философом, ученым и изобретателем. М. М. Филиппов основал и редактировал журнал «Научное обозрение» (1894 г.)

В этом журнале помещал свои статьи В. И. Ленин, сотрудничали Г. В. Плеханов, Д. И. Менделеев, К. Э. Циолковский и другие.

Самое любопытное о М. М. Филиппове удалось прочитать у А. М. Горького. В очерке «Беседы о ремесле» (1930—1931 гг.), Алексей Максимович написал: «В текущем году Маркони передал по воздуху электроток из Генуи в Австралию и зажег там электрические лампы на выставке в Сиднее. Это же было сделано двадцать семь лет тому назад у нас литератором и ученым М. М. Филипповым, который несколько лет работал над передачей электротока по воздуху и в конце концов зажег из Петербурга люстру в Царском Селе. На этот факт не было обращено должного внимания, Филиппова через несколько дней нашли в его квартире мертвым, аппараты и бумаги его арестовала полиция» [3].

Здесь Алексей Максимович не внес в свое сообщение одну важную подробность: М. М. Филиппов одновременно с работами по передаче энергии без проводов производил опыты по передаче волн взрыва на большие расстояния. Именно последнее послужило причиной гибели изобретателя. Он отравился газами у себя дома, в лаборатории, в 1903 году. Я не силен в технике и, может быть, не точен в терминологии.

Важно, что именно опыты взрывов на расстоянии безмерно встревожили царскую охранку, и она, опасаясь, как бы это изобретение не было использовано революционерами в своих «преступных» целях, действительно поспешила забрать все чертежи и аппараты изобретателя.

Аппараты и химические реактивы были уничтожены, а научные записи Филиппова вскоре оказались таинственным образом похищенными из охранки.

Как бы то ни было, но люстра, зажженная на расстоянии, без проводов, была впервые продемонстрирована русским ученым.

Как известно, проблема передачи энергии без проводов и сейчас волнует умы ученых. Было бы хорошо, если бы кто-то, весьма авторитетно, напомнил, что дело это было впервые нащупано в нашей стране и что так же, как и изобретение радио и очень многое другое, принадлежит умам наших отечественных ученых. Мы иногда излишне скромничаем в этих вопросах.

В 1958 году исполнилось столетие со дня рождения М. М. Филиппова, широко отмеченное советской общественностью.

Маленькое дополнение ко всем этим фактам. Года три назад я сидел в кабинете моего старого друга Б. М. Филиппова, директора Центрального Дома работников искусств. Этого человека знают и любят артисты, писатели, художники, едва ли не всей нашей страны. До этого он был директором Театра народного творчества, директором Московской государственной эстрады, где я сам работаю много лет.

Зашла речь о книгах. Я начал рассказывать, примерно то, что рассказываю сейчас. Закончил рассказ вопросом:

— Интересный был у вас однофамилец, правда, Борис Михайлович?

Воцарилась пауза, после которой Борис Михайлович задумчиво ответил:

— Для меня этот однофамилец, конечно, особенно интересен. Человек, о котором вы рассказываете, мой родной отец, а автор романа «Скорбящие» — дед...

Мир, оказывается, действительно довольно тесен.

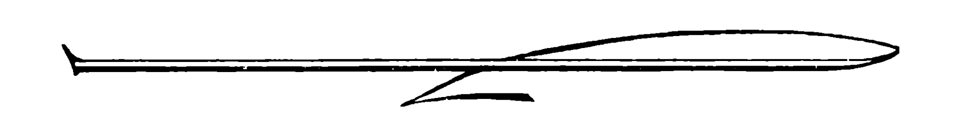
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Скорбящие. Роман М. А. Филиппова. Ч. 1—2. Спб., тип. А. Моргиеровского, 1873. 8°. 459 стр.

2. Архив Главного Управления по делам печати. II отд. 1872 г., дело № 153 и архив Спб. Цензурного комитета, 1872, дело № 128.

3. Горький, М. Собрание сочинений. Т. 25, М., ГИХЛ, 1953, стр. 312.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Множество фактов и интересных цифровых данных о национальном хранилище драгоценнейших сокровищ культуры — Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве, приведено в очерках И. Романовского, вышедших в 1950 году под названием «Книга и жизнь»[1]. Каждая из приводимых цифр в этой книге наполняет гордостью сердца советских людей, тем более, что основной показатель общего количества книг и журналов в библиотеке — десять миллионов экземпляров — за немногие годы, прошедшие со дня выхода в свет очерков И. Романовского, уже успел вырасти почти вдвое!

Однако еще в 1913 году В. И. Ленин призывал «...видеть гордость и славу публичной библиотеки не в том, сколько в ней редкостей, сколько каких-нибудь изданий XVI века или рукописаний X века, а в том, как широко обра-

щаются книги в народе, сколько привлечено новых читателей, как быстро удовлетворяется любое требование на книгу...»[2]

Но и по числу посетителей и по количеству выдаваемых ею книг Библиотека В. И. Ленина оставила далеко позади и библиотеку конгресса США в Вашингтоне и библиотеку Британского музея в Лондоне.

Свыше полутора миллионов посещений, более семи миллионов выданных книг за год — разве это не свидетельствует о бурном росте культуры в наше советское время? Достаточно сказать, что за весь дореволюционный период существования Публичной библиотеки в Москве (с 1862 по 1917 год) в ней насчитывалось всего около миллиона книг и журналов.

Царское правительство отнюдь не было заинтересовано в повышении культуры народа. Неудивительно, что история дореволюционного существования Библиотеки Московского публичного и Румянцевского музеев (так раньше называлась Библиотека имени В. И. Ленина в Москве) — история и печальная и славная одновременно; это более полувека беззаветной борьбы ревнителей русского просвещения с тупым равнодушием царских чиновников.

На пополнение библиотеки не только не отпускалось средств, но даже широкому дарственному потоку книг от частных собирателей — библиофилов властями чинились всевозможные препятствия.

Сколько было упущено и безвозвратно потеряно для народа бесценных книжных собраний, коллекций рукописей и гравюр, хотя иной раз их даже и не надо было покупать, а можно было просто упаковать и перевезти,— но средств не было и на перевозку.

Обо всем этом интересно написано И. Романовским в его очерках «Книга и жизнь», и только об одном факте хочется привести некоторые упущенные им подробности, несколько выходящие, правда, за пределы рассказа о сокровищах Библиотеки им. В. И. Ленина.

Речь идет о знаменитом книжном собрании красноярского купца Юдина. Собранная им библиотека состояла из 80 тысяч томов и огромного количества рукописей. Как пишет автор очерков «Книга и жизнь», собрание это было в свое время предложено владельцем «нескольким университетам и публичным библиотекам, в том числе и Румянцевскому музею, но денег у покупателей не нашлось, и переговоры остались безрезультатными. В конечном счете Юдин продал свою библиотеку за границу».

Все это абсолютно верно; и все же слова «продал за границу» требуют расшифровки. Как известно, библиотеку Юдина купил специально приезжавший в Россию из Америки некий Бабин, официально — для библиотеки конгресса США в Вашингтоне.

Сам господин Бабин представился Юдину как «состоящий на службе при библиотеке конгресса в Вашингтоне и заведующий там отделением книг на славянских языках».

Нетрудно, однако, понять, что полномочия и цели господина Бабина, специально прибывшего из Вашингтона в Красноярск, шли значительно дальше его интереса к русской литературе и славянским языкам. Эта мысль подтверждается даже беглым ознакомлением с содержанием библиотеки Юдина.

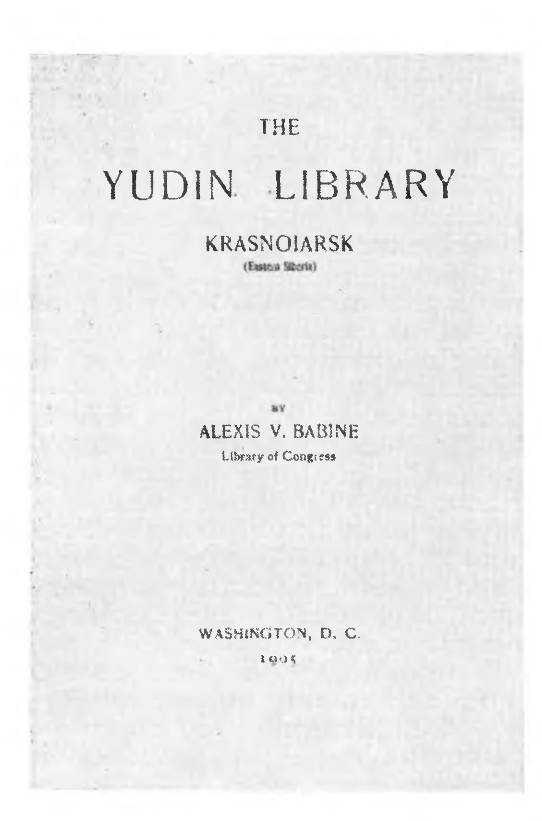
Состав этой библиотеки не совсем точно описан автором очерков «Книга и жизнь». Он остановил свое внимание только на том, что в библиотеке Юдина были «первые и прижизненные издания русских классиков, комплекты журналов XVIII и XIX столетий, иностранные книги, посвященные России. С особой полнотой были собраны им все издания Пушкина. Другой библиографической страстью Юдина было собирание всех бесцензурных или запрещенных цензурой изданий».

Все это тоже абсолютно верно, но отнюдь не одним лишь этим была знаменита библиотека Юдина и не эта именно ее часть прельстила заокеанских агентов, подосланных к нему «пополнять библиотеку конгресса».

Истинные интересы господина Бабина были разоблачены им же самим в специально изданной книге: «Библиотека Г. В. Юдина в Красноярске. Очерк А. Бабина, Вашингтон, 1905» [3].

Книга вышла на двух языках — английском и русском, и на странице 32 мы читаем: «Как и следует ожидать, библиотека г. Юдина богата книгами о Сибири — путешествиями по Сибири, сочинениями по истории, археологии и этнографии Сибири».

Далее, господин Бабин рассказывает: «За последнее время г. Юдин начал интересоваться рукописями, которых у него имеется до полумиллиона номеров. Около двухсот из этого полумиллиона относятся к заселению Америки русскими и к Дальнему Востоку. Неподписанная рукопись, найденная между бумагами Н. П. Резанова, русского пионера в Америке, указывает на первые поселения русских в Америке в 1741 году. Записная книжка, подписанная

THE

YUDIN LIBRARY

KRASNOIARSK

(Eastern Siberia)

BY

ALEXIS V. BABINE

Library of Congress

WASHINGTON, D. C.

1905

157. Книга А. Бабина с описанием библиотеки Г. Юдина. Издана в Вашингтоне в 1905 г. на англ. и рус. языках. Титульный лист.

10-го ноября 1783 года, приводит счета с экипажем судна «Трех святителей», принадлежавшего Русско-Американской Компании: ее вел другой пионер — Г. И. Шелехов. От Шелехова осталась опись товарам, присланным из Америки и Камчатки в Москву в 1786 году. Указ императрицы Екатерины II от 12-го мая 1794 года дает Шелехову поселенцев, о которых он просил ранее, и поручает ему продолжать исследование американского побережья. Русский миссионер пишет Шелехову 18-го мая 1795 года об успехах христианства на острове Кодяке. Одна рукопись представляет извлечения из журнала судна «Юнона», плававшего из Новоархангельска в Калифорнию и обратно в 1806 году: журнал вел лейтенант Хвостов. От Резанова сохранились: копия с его доклада императору Але-

ксандру I о плавании в Калифорнию, верительная грамота ему, как посланнику в Японию, и собственноручная Резанова нота — для будущего «конгресса с Японией, ежели случится, касательно торговли и рыбной ловли в восточных водах».

Перечень Бабина далеко не полон и сделан, несомненно, с некоторой осторожностью в отношении более подробного перечисления тех богатств, какие имелись в библиотеке Юдина.

И, разумеется, не «с особой полнотой собранные все издания Пушкина», а книги и карты Сибири, отчеты «Колумбов российских», редчайшие указания на местоположение природных сокровищ — вот главное, что интересовало господина Бабина и что он приобрел у собирателя Юдина при благосклонном попустительстве царских чиновников.

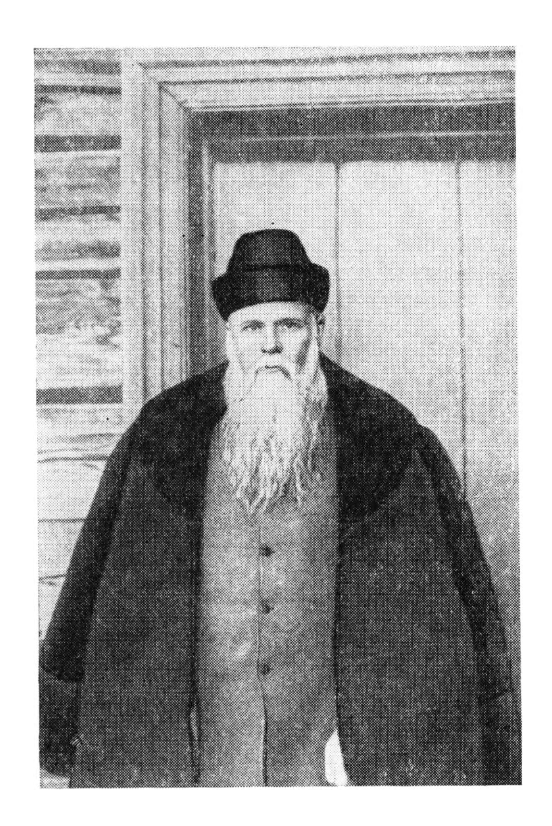
Эта, своего рода разведывательная операция, безнаказанно проведенная американскими агентами, была начисто лишена каких бы то ни было романтических атрибутов. Не было ни масок, ни револьверов, ни даже подкупа. Использовано было только то беспардонно-низкопоклонное холуйство перед заграницей, каким славились наше царское правительство и его чиновники.

Холуйство и низкопоклонство были доведены до такой степени, что, по ходатайству американского посла, царское правительство поспешило обеспечить скоростной, прямой, без задержек провоз библиотеки Юдина по железной дороге через всю Сибирь и Европейскую Россию до германской границы. Устроили своего рода «зеленую улицу» для документов и книг, могущих весьма и весьма помочь чужеземному государству конкретно, с картой в руках узнать богатства русской Сибири.

Нетрудно себе представить, как довольно ухмылялся в то время еще молодой, но уже многообещающий господин Герберт Гувер, будущий президент Соединенных Штатов Америки, чьи личные концессионно-колонизаторские интересы были вплоть до Октябрьской революции тесно связаны с Россией.

Какая это действительно страшная и подлая вещь — низкопоклонство! Оно согнуло дугой перед американцами и кондового сибиряка, каким являлся «герой» этой невеселой повести — купец Геннадий Юдин.

Стоит в немногих словах изложить его биографию. Отец Геннадия Юдина, житель города Красноярска — замечательный русский математик-самоучка. Он пристрастил своего сына к чтению и собирательству русских книг.

158. Г. В. Юдин, красноярский купец-книголюб.

Молодой Юдин разбогател случайно: он последовательно выиграл в лотерею 200 и 75 тысяч! Поместив деньги прибыльно в винокуренный завод, молодой Юдин всецело отдался своей страсти — собирательству русских книг.

Покупал он широко, по-купечески — библиотеками, собраниями, «штабелями»... К нему попали книги из замечательнейших собраний Погодина, Семевского и многих других. Делу этому он посвятил тридцать пять лет, затратив более полумиллиона и превратив эти деньги с купеческой точки зрения — в мертвый, не приносящий дохода капитал.

О том, какие золотые книжные россыпи стеклись к Юдину в Красноярск можно узнать из письма Владимира Ильича Ленина, отбывавшего в 1897 году ссылку близ

Красноярска и писавшего тогда М. И. Ульяновой: «Вчера попал-таки в здешнюю знаменитую библиотеку Юдина, который радушно меня встретил и показывал свои книгохранилища. Он разрешил мне и заниматься в ней, и я думаю, что это мне удастся». Далее Владимир Ильич пишет: «Ознакомился я с его библиотекой далеко не вполне, но это во всяком случае замечательное собрание книг»[4].

Однако размеры этого замечательного собрания явно уже превышали силы и возможности его владельца. Юдин начал попросту тонуть в книгах. Восточная поговорка гласит: «Султан, у которого тысячи жен — уже не семейный, а скорее холостой человек».

К тому же, пришла старость. Материальные дела несколько пошатнулись. Один сын застрелился, другой рассорился с отцом.

Библиотека стала тяжким грузом на сердце человека, несомненно любившего книгу...

В одном из опубликованных писем Юдин говорит: «Если бы я располагал достаточными финансовыми средствами и дела мои были бы в прежнем цветущем состоянии, я, в мои преклонные годы, отдал бы мои книги, по русскому обычаю, в одно из наших общественных учреждений. К сожалению, я не имею возможности так поступить, несмотря на все мое желание...»

К чести Юдина надо сказать, что он настойчиво предлагал свою библиотеку русским книгохранилищам, просил самые минимальные суммы, но, как мы знаем,— безрезультатно.

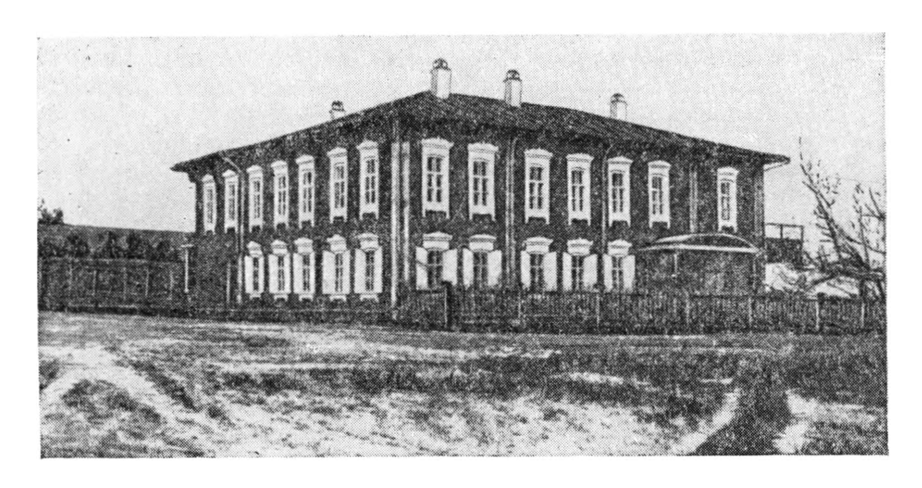
Именно в это время к Юдину и был подослан из Америки господин Бабин.

И Юдин не устоял. Патриотизм русского купца не выдержал испытания денежным соблазном. К тому же окружающие господина Бабина холуйствующие царские чиновники хором твердили Юдину, что, отдавая свою библиотеку в Америку, он делает «угодное просвещению и государю-императору» дело.

Так, человек, библиотеку которого Владимир Ильич Ленин считал «замечательным собранием книг», вольно или невольно стал участником преступления перед Родиной и народом.

Бабин заплатил Юдину смехотворно малую цифру. Примерно, на круг — рубль за антикварную книгу, не считая документов. Всего сорок тысяч долларов...

В отчете библиотеки конгресса за 1906—1907 год (где, кстати, опубликовано цитируемое письмо Юдина) можно

159. Дом в Красноярске, в котором помещалась библиотека Г. В. Юдина. Здесь работал В. И. Ленин весной 1897 г.

прочитать следующие «стыдливые» строчки: «Хотя формально это была покупка, но затраченная сумма далеко не соответствовала приобретению. Поэтому поступление юдинской библиотеки можно рассматривать как дар, и как таковой она и была представлена публике»[5].

Не оправдались надежды Юдина, что его библиотека будет в Вашингтоне «приведена в надлежащий порядок и станет доступной для всякого интересующегося литературой и прогрессом России».

В книговедческом журнале «Временник Общества друзей русской книги» за 1925 год, издававшемся в Париже, устами В. Зензинова говорится:

«Разработка юдинского собрания еще не закончена — сил двух человек, конечно, слишком мало для этого; многие журналы остались еще не разобранными, очень многие книги ждут еще переплетов — ассигновки на Славянский отдел, надо признаться, проходят туго»[6].

Это написано через восемнадцать лет после торжественного водворения юдинского собрания в библиотеку конгресса!

Далее В. Зензинов пишет: «Если юдинская библиотека и является украшением библиотеки конгресса (сам мистер Путнам сказал мне, что юдинской библиотекой он гордится), то все же это украшение мертвое — редко-редко, когда заглянет сюда случайный посетитель».

В. Зензинову, разумеется, невдомек, что отнюдь не для «посетителей» предназначался в библиотеке конгресса «дар» красноярского купца Юдина.

* *
*

Этот рассказ был мною напечатан впервые в «Литературной газете» в 1950 году в № 87. Через семь лет, в журнале «Москва», в № 6 за 1957 год, появился очерк Виктора Уткова: «Судьба одного книгохранилища», тоже на тему о библиотеке Юдина.

Автор приводит несколько подробностей, отчасти уже рассказанных мною (так это и должно быть — главнейшие источники одни и те же), а отчасти новых.

Так, например, мне не было известно, что на железнодорожной школе № 4 в Красноярске укреплен барельеф В. И. Ленина и мемориальная доска с надписью:

«Здесь в библиотеке Юдина, весной 1897 года ежедневно работал Владимир Ильич Ленин, политический ссыльный, задержавшийся в Красноярске на пути к месту ссылки — село Шушенское».

По сведениям, имеющимся у В. Уткова, В. И. Ленин работал в библиотеке Юдина около двух месяцев, подбирая материалы к книге «Развитие капитализма в России», писал статью «К характеристике экономического романтизма (Сисмонди и наши отечественные сисмондисты)» и делал выписки к другим задуманным работам.

Все это чрезвычайно интересно. Также интересно, что в Красноярском областном архиве в 1940 году были обнаружены многие документы и рукописи из собрания Юдина. Известно, что продав свою библиотеку в Америку, Юдин снова стал собирать книги и успел накопить их (он умер в 1912 году) около пятнадцати тысяч томов. В 1920 году книги эти были национализированы и переданы в библиотеку при Красноярском городском музее.

Все это, разумеется, только крохи в сравнении с тем, что уплыло в Америку.

Автор очерка Виктор Утков, правильно обрушиваясь на «тупость царских чиновников и невежество царя», не там, по-моему, ищет причины, побудившие Юдина продать библиотеку за границу.

Я упоминаю о том, что дела Юдина к моменту продажи библиотеки несколько пошатнулись. Однако это обстоятельство было весьма относительным. Продав библиотеку в Америку, Юдин за свой счет перевел на русский язык

и издал книгу Г. Смолла «Иллюстрированное описание библиотеки конгресса в Вашингтоне» (Москва, 1910). В этом «Описании», в котором Г. Смолл отводит место и поступившему юдинскому собранию (иначе, зачем бы Юдин стал тратиться на издание книги?), напечатано, между прочим, объявление о том, что Юдин «по преклонности лет» продает нижеследующее: «1. Винокуренный завод.— 2. Участок земли в Красноярске со всеми строениями.— 3. Четырнадцать недвижимых имуществ в разных частях Красноярска и 4. Золотые прииски в Ачинском, Красноярском и Минусинском уездах».

Можно быть уверенным, что сорок тысяч долларов, полученных Юдиным за свой «дар» конгрессу, никак не решали его материальных затруднений.

И уж конечно, не боязнь революционных событий 1905 года руководила Юдиным при продаже его библиотеки за границу.

Касаясь этих революционных событий, автор очерка Виктор Утков пишет о Юдине: «...умный и по своему зоркий, он понял, что еще один-два таких удара — и самодержавие рухнет бесповоротно. И не зная выхода, больше всего боясь за судьбу своего сокровища, Юдин сообщил в Вашингтон о согласии продать библиотеку за предложенную цену...»

Мне кажется, что, во-первых, человек, понимающий, что вот-вот «самодержавие рухнет» и поэтому спешащий, «боясь за судьбу своего сокровища», продать это сокровище за границу, не заслуживает того сочувственного тона, каким это сказано, а во-вторых — это, конечно, не верно.

Избавиться от своей библиотеки Юдин мог гораздо проще, и в этом отношении безвыходного положения у него не было. Известно, что, примерно в это же время, к нему специально приезжал из Петербурга доверенный крупнейшей книжно-антикварной фирмы Н. В. Соловьева — Андрей Сергеевич Молчанов, предлагавший Юдину отнюдь небезвыгодные условия покупки библиотеки.

Но Юдин не хотел видеть свое собрание распыленным, распроданным частями антикварными магазинами. По словам сына Юдина, «он мечтал видеть свою библиотеку вполне устроенной, как библиотеку города Красноярска, или Томска, или одного из университетских городов Европейской России, при условии, чтоб она носила имя ее собирателя»[7].

Вот чего не могли предоставить Юдину невежественные царские чиновники и вот именно на какой «крючок» поймал русского купца-собирателя господин Бабин.

Желание видеть свое собрание сохраненным как единое целое — закономерно для любого собирателя. Имя Павла Михайловича Третьякова, отдавшего свою картинную галерею Москве, высоко чтут в наше советское время, и галерея носит имя ее создателя. На нечто подобное мог бы претендовать и Геннадий Юдин, если бы у него не отсутствовала именно та самая «зоркость», о которой пишет автор очерка Виктор Утков.

Громкое название: «Юдинский отдел библиотеки американского конгресса», плюс, как это ни дешево, но все-таки 40 тысяч долларов, заслонило Юдину и истинные цели господина Бабина и преступную, антипатриотическую сущность всей этой операции.

Журнал «Сибирские вопросы» тогда же писал по этому поводу: «В Америку отвезена из Красноярска знаменитая библиотека Г. В. Юдина... все тяжелые последствия этого станут еще более ясны будущему поколению... оно оценит этот факт и горьким словом помянет своих отцов...»[8]

Вот почему свой рассказ об этом я и назвал не «Судьба одного книгохранилища», как это сделал В. Утков, а «История одного преступления».

Мне кажется это более верным. Сейчас, в альманахе «Наш современник», из очень интересного очерка И. Фейнберга («История одной рукописи») стало известно, что архив Геннадия Юдина и остатки собранных им рукописных сокровищ недавно поступили из Красноярского областного архива в Москву[9]. Осталось не полмиллиона рукописей, о которых сообщал Бабин, но примерно десять тысяч «единиц хранения» имеется, причем ряд «единиц» весьма ценных.

И. Фейнберг сообщает, что в этих бумагах Г. Юдина он нашел рукописный черновик произведения Н. В. Гоголя «Повесть о капитане Копейкине», в первоначальной, еще не изуродованной цензурой редакции.

Рукопись эта для нас, разумеется, бесценна, но надо ли напоминать, что господина Бабина, представителя библиотеки Конгресса, меньше всего интересовали автографы великого русского сатирика...

Я рад, однако, что от книжных и рукописных сокровищ собирателя Геннадия Юдина все-таки хоть что-нибудь осталось и на долю его Родины.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Романовский, И. Книга и жизнь. Очерки о Государственной библиотеке СССР имени Ленина. М., «Московский рабочий», 1950.

2. Ленин, В. И. Сочинения. Изд. 4. Т. 19, стр. 247.

3. Библиотека Геннадия Васильевича Юдина в Красноярске. Очерк А. Бабина. Вашингтон, 1905. (На русск. и англ. языках). 8^0. 20 л. с илл., 40 стр. текста.

4. Ленин, В. И. Письма к родным. М., Партиздат, 1934, стр. 26.

5. Цитируется по книге проф. Д. И. Анучина «Судьба первого издания «Путешествия» Радищева». М., «Пролегомены», 1918, стр. 28—34.

6. «Временник Общества друзей русской книги», Париж, 1925, № 1, стр. 27.

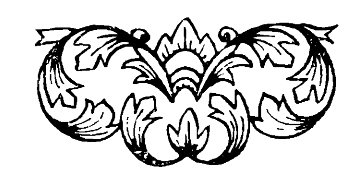
7. Цитируется по очерку В. Уткова «Судьба одного книгохранилища», в журн. «Москва», 1957, № 6.

8. То же.

9. Наш современник. Альманах. М., 1958, № 1, стр. 349.

См. также: Синельников, А. Редкая коллекция.— «Вечерняя Москва», 1959, 17 янв.

Архив Юдина находится в ЦГАЛИ в стадии разборки и изучения. Мне удалось познакомиться с этим архивом: в нем много весьма интересного.

ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗ

Когда все эти рассказы я дал прочитать одному из старых друзей — книжников, он спросил меня, а верно ли я делаю, что в работе, озаглавленной «Рассказы о книгах», отвожу значительное место автографам писателей, рукописям, иллюстрациям, портретам и многому такому, что, на первый взгляд, как будто бы и не имеет прямого отношения к книгам?

Откровенно говоря, мне это казалось закономерным, но коль скоро у кого-то возникает сомнение, хочется сказать несколько слов по этому поводу.

Было бы наивно лишний раз утверждать, что главное в книге — это, конечно, ее содержание. Но если книга захватила читателя, сделалась для него любимой, то еще наивнее было бы думать, что читателю безразлично как,

на какой бумаге, каким способом эта книга напечатана, оформлена, проиллюстрирована.

Можно не повторять прописную истину о том, что полиграфия — это искусство, и если оно кого-то оставляет равнодушным, то это факт из биографии равнодушного, а отнюдь не беда самого искусства.

Великий русский первопечатник Иван Федоров вошел в историю культуры не только как изобретатель и типограф. Иван Федоров был борцом за просвещение и большим художником. Вряд ли кого может сейчас увлечь содержание напечатанного им «Апостола» 1564 года, или «Библии», напечатанной в Остроге в 1581 году, но обе эти книги были и останутся образцами высокого полиграфического и гравировального искусства.

Когда же это полиграфическое искусство и искусство художника соединяются с таким же высоким искусством мастера слова — писателя, перед вами самое великое чудо из всех чудес на свете — книга.

Как же можно сказать, что в таком чуде — какая-нибудь сторона его вас не интересует, не трогает?

Когда на заре своей юности я впервые прочитал «Войну и мир» Толстого, меня увлекла не только судьба героев романа, но я поспешил узнать все, что можно, об авторе этого, захватившего мою душу произведения. Я начал собирать репродукции с портретов Толстого, подбирать и читать все статьи и книги о нем, заинтересовался историей войны с Наполеоном, историей самого Наполеона. Толстой «открыл» мне поэта-партизана Дениса Давыдова и многое, многое другое.

Я усердно бегал по книжным лавкам и собирал тогда еще бывшие довольно доступными карикатуры из эпизодов войны 1812 года работы Венецианова, Теребенева, Иванова и других. Эти очаровательные лубки первых русских карикатуристов, знаменитая «Теребеневская азбука» 1812 года и сейчас кажутся мне необходимыми иллюстрациями к великому толстовскому роману.

В «Литературном наследстве» в 1935 году был, между прочим, опубликован находящийся у меня автопортрет Тараса Григорьевича Шевченко[1]. Автопортрет написан маслом в 1860 году и является частью художественного, а не литературного наследия великого украинского поэта.

Но надо ли делить это? Разницы между Шевченко-поэтом и Шевченко-художником не усмотрел даже Николай I, который при высылке поэта-революционера варварски запретил ему одинаково и писать и рисовать.

Понятие «книга», мне кажется, весьма многогранным и многообъемлющим понятием.

Кто побывал в книжных магазинах в традиционный «День поэта», или на «книжных базарах», когда за прилавками стоят сами писатели и поэты, тот, конечно, вспомнит какие иногда длинные очереди читателей выстраиваются к литераторам с просьбами дать автографы на книгах.

Книга, на которой написано хотя бы и очень скупое «читателю такому-то от автора», становится для собирателя еще более любимой, более ценной. И надпись автора делается неотъемлемой частью книги.

После, когда неумолимое время отодвинет в прошлое и самого писателя, и человека, которому он подарил и надписал свою книгу, такой автограф на ней может поведать весьма о многом.

К сожалению, иногда либо сами люди, которым автор надписал свою книгу, либо их наследники, расставаясь с библиотеками спешат из ложной щепетильности отрезать, или тщательно зачеркнуть фамилию адресата дарственной надписи.

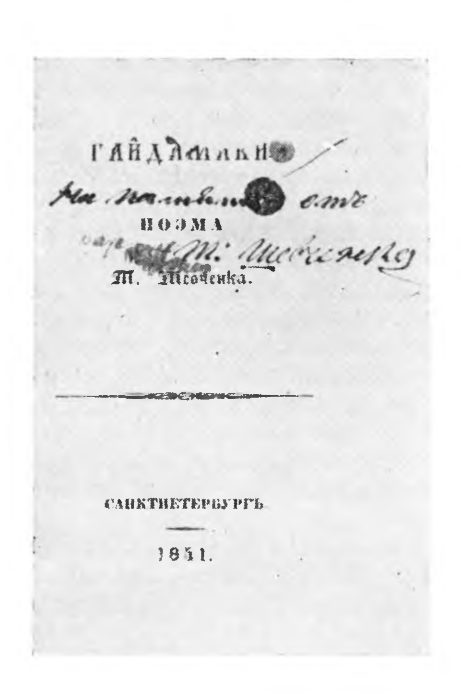
Прошу простить маленькое отступление как раз именно по этому поводу.

У меня есть первое издание «Гайдамаков» (1841 года) Тараса Шевченко с надписью: «...на память от несчастного Т. Шевченко». Фамилия лица, которому Т. Г. Шевченко подарил книгу, и какие-то слова, обращенные к нему автором, отрезаны. Автограф казался варварски изуродованным, обезличенным.

Однако на следующем листе книги просочившиеся чернила дали очень слабый оттиск того, что было написано на отрезанном кусочке. Прочитать это простым глазом невозможно, но, мне думается, что с помощью рентгеновских, или других каких-либо лучей, это удастся сделать. Автограф, представляющий немалый интерес для шевченковедов, будет полностью восстановлен.

Наука пришла на помощь музеям, исследователям и собирателям. Сегодня уже трудно продать картину-фальшивку. Просвечивания обнаруживают более поздние наслоения красок, следы реставрации, позволяют установить время создания картины. Ученые помогают прочитать совершенно стершиеся рукописи, анализируют состав чернил, устанавливают эпоху написания документа.

Научная экспертиза почерка сейчас так же поставлена на чрезвычайную высоту и почти исключает возможность

ГАЙДАМАКИ

ПОЭМА

Т. Шевченка.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1841.

160. Т. Шевченко. «Гайдамаки».
Первое прижизненное издание. Экземпляр с дарственной надписью автора.

подделки. Путем научного анализа экспертиза может установить тождественность почерка того или иного анонима, даже если аноним старался нарочито писать так, чтобы рука его осталась неузнанной.

Известен сравнительно недавний пример подобной экспертизы, которую блестяще провел ленинградский эксперт-криминалист А. А. Сальков с подметными письмами, полученными А. С. Пушкиным накануне роковой дуэли.

Речь идет об анонимных пасквилях («дипломах рогоносца»), сыгравших трагическую роль в биографии поэта.

Много лет существовало только предположение о том, кто являлся творцом этой анонимной мерзости. Кое-кто, очевидно, знал это имя, но, по разным причинам, молчал. Автор «Тарантаса» писатель В. А. Соллогуб утверждал: «Стоит только экспертам исследовать почерк, и имя на-

стоящего убийцы Пушкина сделается известным на вечное презрение всему русскому народу. Это имя вертится у меня на языке, но пусть его отыщет и назовет не достоверная догадка, а божье правосудие»[2].

Все давно уже знали, что настоящий убийца Пушкина — это Николай I и его мрачное крепостническое время. Однако исследователи, а так же друзья и почитатели великого поэта желали знать имена и прямых выполнителей убийства, к которым, кроме Дантеса, принадлежали и авторы подметного пасквиля.

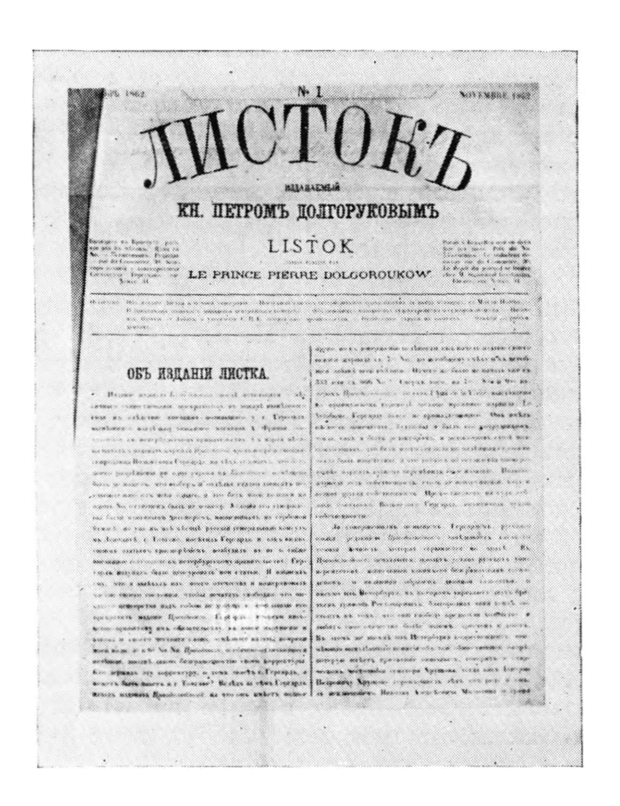
Уцелевшие подлинники этих пасквилей (два экземпляра) секретно хранились в III отделении (один) и у некоего частного лица (второй), передавшего его в музей лишь незадолго до революции. Исследователям-литературоведам оба эти документа были долгое время недоступны и они могли строить лишь те или иные предположения об авторах пасквилей.

В 1863 году А. Амосов выпустил брошюру под названием: «Последние дни жизни и кончины А. С. Пушкина. Со слов его лицейского товарища и секунданта К. К. Данзаса».

В этой брошюре, вызвавшей своим появлением немало шума (она была перепечатана также в журнале «Современник»), впервые указывались имена авторов мерзостной анонимки: князья И. С. Гагарин и П. В. Долгоруков.

Оба названных князя, будучи молодыми людьми, принадлежали к «высшему свету» и были близки к голландскому посланнику барону Геккерну, пресловутому «приемному отцу» Дантеса.

В год опубликования амосовской брошюры князь П. В. Долгоруков числился политическим эмигрантом, яростным врагом царского двора и его окружения. Он был представителем того дворянского фрондерства, которое, чаще всего по личным мотивам (обиды, обход наградами и чинами), становилось в оппозицию царской фамилии Романовых и, находясь заграницей, всячески разоблачало дворцовые «тайны». Перейдя в эмиграцию П. В. Долгоруков издал ряд обличительных книг, брошюр и даже выпускал газеты в виде некоторого подобия герценовского «Колокола». Комплект такой его газеты под названием «Листок, издаваемый кн. Петром Долгоруковым» находится в моем собрании[3]. Это редчайшее в России и крайне интересное издание уступил мне ныне покойный ленинградский радищевовед — Д. Смолянов.

№ 1

ЛИСТОКЪ

издаваемый

КН. ПЕТРОМЪ ДОЛГОРУКОВЫМЪ

LISTOK

LE PRINCE PIERRE DOLGOROUKOW

ОБЪ ИЗДАНІИ ЛИСТКА

161. «Листок, издаваемый кн. Петром Долгоруковым» (Брюссель — Лондон 1862—1864 гг.) Первый лист.

Именно в этом «Листке» (№ 10 от 4-го августа 1863 года) Петр Долгоруков напечатал посланное им в редакцию «Современника» опровержение брошюры А. Амосова, а также специальную статью под названием «Замечания по поводу книжки Амосова».

И в статье, и в письме, Петр Долгоруков с возмущением и весьма аргументированно выгораживал себя, всячески открещиваясь от какого бы то ни было участия в сочинении и рассылке пасквиля.

«Но обвинение,— писал он,— и какое ужасное обвинение! напечатано было в «Современнике» и долг чести предписывает русской цензуре разрешить напечатание этого письма моего».

Брошюру Амосова Петр Долгоруков называл клеветнической и считал ее плодом «мести» со стороны тех людей, которых он разоблачал в своих изданиях.

Оправдания Долгорукова показались убедительными (его поддержал А. И. Герцен), и дело об авторе пасквиля вновь было предано забвению.

Обвинение это казалось чудовищным еще и потому, что как-то не хотелось верить, чтобы князь Петр Долгоруков, род которого считался более знатным, чем царский род бояр Романовых, чтобы «князь рюрикович» мог быть замешан в таком подлом деле.

Но вот в 1927 году вопрос этот решил вновь поднять советский историк и пушкинист П. Е. Щеголев. На 91-м году со дня смерти Пушкина П. Е. Щеголев собрал собственноручные письма и документы, написанные в разное время тремя подозреваемыми лицами: бароном Геккерном и князьями И. Гагариным и П. Долгоруковым. Приобщив к этому два подлинных «диплома на звание рогоносца», разосланных Пушкину и его друзьям с целью опорочить семейную жизнь поэта, П. Е. Щеголев обратился к ленинградскому эксперту-криминалисту А. А. Салькову с просьбой установить: чей почерк из указанных трех подозреваемых лиц идентичен с почерком, которым написаны пасквили.

Произведя кропотливый научный анализ, эксперт-криминалист А. А. Сальков выдал П. Е. Щеголеву письменное заключение. Оно было в свое время опубликовано П. Е. Щеголевым, но мне кажется будет не лишним привести полностью это заключение здесь:

«На основании детального анализа почерков на данных мне анонимных пасквильных письмах об А. С. Пушкине и сличения этих почерков с образцами подлинного почерка князя Петра Владимировича Долгорукова в разные годы его жизни, а также с умышленно измененным почерком анонимного письма шантажного характера к князю Воронцову в 1856 году, отождествленного с почерком князя Петра Владимировича Долгорукова экспертом Теофилем Деларю в 1861 году в Париже (был такой процесс, обвиняющий Долгорукова в шантаже уже во времена его пребывания в эмиграции — Н. С.-С.) — я, судебный эксперт Алексей Андреевич Сальков, заключаю, что данные мне для экспертизы в подлинниках пасквильные письма об Александре Сергеевиче Пушкине в ноябре 1837 года — написаны несомненно собственноручно князем Петром Владимировичем Долгоруковым»[4].

Вот, и все встало на место. Никакого «божьего правосудия», на которое надеялся в этом деле писатель В. А. Соллогуб, ждать не пришлось. Советский историк,

вместе с экспертом-криминалистом, точно и научно сумели обличить жалкого пасквилянта из «рюриковичей».

Я вспомнил, в порядке отступления, эту историю, только потому, что хотелось еще раз подчеркнуть, сколько увлекательно-интересного, а, иногда, и научно-важного могут дать те или иные найденные автографы, рукописи, письма и насколько связано все это с биографиями писателей, с историей их книг.

Надо сказать, что раздел собирательства автографов — самый трудный. Советские музеи, архивы и книгохранилища давно уже и чрезвычайно энергично приобретают все документы и книги с автографами популярных деятелей литературы, науки и искусства, как далекого прошлого, так и нашего времени.

Однако кое-что проходит мимо внимания музеев. Документы в них поступают в большом количестве, целыми собраниями, коллекциями. У музеев и библиотек иногда нет ни сил, ни возможностей, проследить судьбу какого-нибудь одного автографа, одного письма, одной книги с дарственной надписью.

Вот здесь-то и дело для собирателя-коллекционера, который должен проявить творческую (не боюсь сказать это слово!) инициативу и сообразительность.

И дело здесь отнюдь не в материальных возможностях того или иного собирателя. Я знавал книголюбов, обладавших более или менее значительными материальными средствами, но не сумевших собрать для себя интересной личной библиотеки. В лучшем случае они удивляли только количеством купленных книг.

Но я так же знаю многих собирателей со скромнейшими материальными возможностями, у которых дома был всего-навсего один маленький шкафчик с книгами, но они доставали из него и показывали мне порой такие диковинки, что я только «крякал» и, по старому русскому обычаю, почесывал затылок. Я не спрашивал — откуда и как доставались этим собирателям подобные жемчужины книжного царства. Я уже понимал, что это — результаты упорного труда, терпеливых розысков и, прежде всего, знаний.

Конечно, иногда на помощь собирателю приходит и простой случай. Позволю себе рассказать об одном из них.

Однажды я был в гостях у одного страстного собирателя книг «по театру». Небольшая его библиотека была подобрана с огромным знанием, любовью, и театр, в особенности, русский, был представлен рядом замечательных книг, гравюр и портретов. Кстати, надо сказать, что все

не относящееся к театру, этого собирателя мало интересовало и подобное обстоятельство всегда было предметом нашего с ним спора.

Блуждая взглядом по полкам собранных им книг, я обратил внимание на шесть небольших томиков в стареньких переплетах, стоявших, как мне показалось, на отшибе от прочих книг библиотеки.

— Что это у вас такое? — спрашиваю.

— А вы посмотрите! Кстати, вещь мне совсем ненужная, так сказать, «не моего романа», а вас может быть и заинтересует. Готов меняться...

— Как же эти книги к вам попали?

— Подарок. Приятель у меня один, зная, что я интересуюсь театром, увидел книги у букиниста и поспешил порадовать. Прочитал в заглавии слово «театр» и решил, что это как раз то, что мне надо. А «театр», то «театр», да только «Театр судоведения». ...Это что-то о судах и тюрьмах, как раз, по-моему, по вашей части...

Мы быстро уговорились об обмене и я побежал домой разбирать, что это за «зверь» попался ко мне «в тенета».

Заглавие этих шести томиков было довольно длинное:

«Театр судоведения, или чтение для судей и всех любителей юриспруденции, содержащее достопримечательные и любопытные судебные дела, юридические исследования знаменитых правоискусников и прочие сего рода происшествия, удобные просвещать, трогать, возбуждать к добродетели и составлять полезное и приятное времяпрепровождение. Собрал и издал Василий Новиков».

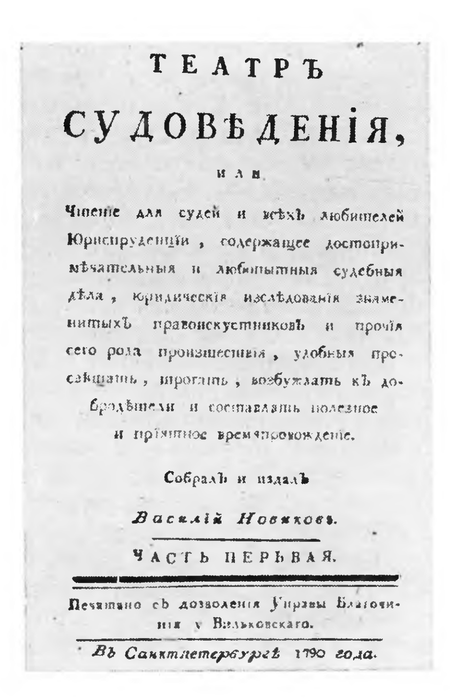
Первая часть напечатана в Петербурге в 1790 году, а остальные пять частей — в Москве в 1791—1792 годах[5].

Попытки мои установить — кто такой Василий Новиков и что из себя представляет его труд с таким пышным названием, далеко не сразу увенчались успехом. О самом существовании и о некоторой исторической значимости этого труда удалось узнать только у Н. А. Добролюбова в его статье «Русская сатира в век Екатерины». Н. А. Добролюбов напомнил, что отсутствие гласности в русском судопроизводстве XVIII века возмущало еще Дениса Фонвизина. Он считал, что «способом печатания тяжеб и решений глас обиженного достигнет во все концы отечества. Многие постыдятся делать то, чего делать не страшаться».

В известных своих «Вопросах» Екатерине Фонвизин спрашивал императрицу: «Отчего у нас тяжущиеся не печатают тяжеб своих и решений правительства?»

Екатерина ответила («с величественным лаконизмом» —

ТЕАТРЪ

СУДОВѢДЕНІЯ,

или

Чтеніе для судей и всѣхъ любителей Юриспруденціи, содержащее достопримѣчательныя и любопытныя судебныя дѣла, юридическія изслѣдованія знаменитыхъ правоискусниковъ и прочія сего рода произшествія, удобныя пресѣкщать, штогать, возбуждать къ добродѣтели и составлять полезное и пріятное времяпровожденіе.

Собралъ и издалъ

Василій Новиковъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Печатано съ дозволенія Управы Благочинія у Вильковскаго.

Въ Санктпетербургѣ 1790 года.

162. Гравированный фронтиспис и титульный лист «Театра судоведения», изданного В. Новиковым в 1790—1792 гг.

как пишет Н. А. Добролюбов): «Оттого, что вольных типографий до 1782 года не было».

Разумеется, ответ Екатерины был простой отговоркой и Н. А. Добролюбов далее пишет: «Судебные процессы не печатались у нас при Екатерине — неизвестно по каким причинам. Была одна попытка в 1791 г. Некто Василий Новиков стал тогда издавать «Театр судоведения, или чтение для судей», в котором печатал замечательные судебные дела, иностранные и несколько русских...» [6]

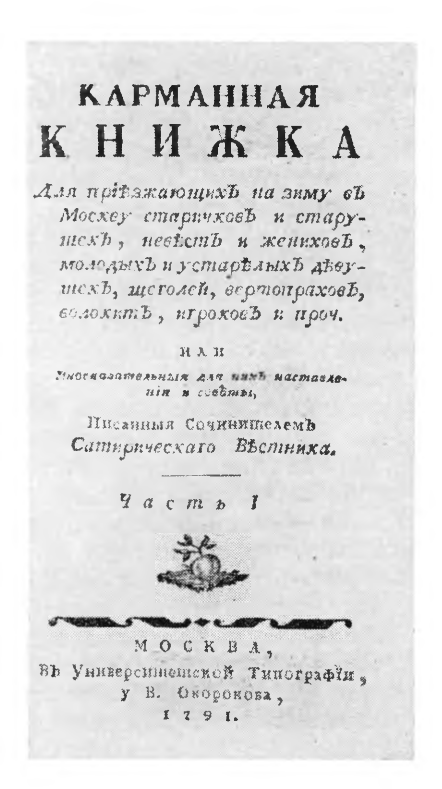
Характер «Театра судоведения» — этой первой в России попытки предать гласности содержание судебных процессов, стал для меня ясен. Попытка эта в те годы вряд ли могла встретить одобрение правительства, поэтому автор, описав только несколько русских судебных дел, остальные очерки заимствовал из сочинений английского филантропа и тюрьмоведа Джона Говарда. Последний, как известно, объездил весь мир, изучая быт заключенных, путешествовал в 1790 году и по России. Он умер в Херсоне, заразившись тифом при ухаживании за больными. В Херсоне Говарду поставлен памятник.

Кто же, однако, переводчик этих некоторых очерков Говарда и автор остального содержания «Театра судоведения»? Кто Василий Новиков? Самый «Театр судоведения» сделался весьма редким изданием и из дореволюционных собирателей, указавшим его в своем каталоге, был один К. М. Соловьев, который владел только первыми четырьмя частями этого издания.

Между прочим, В. Сопиков и А. Смирдин, указывающие «Театр судоведения» в своих библиографических работах, говорят только о московском издании 1791—1792 года[7]. У меня же имеется первая часть, напечатанная в Петербурге в 1790 году. По-видимому, В. Новиков начал издавать свой труд в Петербурге в 1790 году, но по каким-то причинам, напечатав только первую часть, перенес издание в Москву, где оттиснул не только все последующие части, но и повторил первую часть вторым изданием. На эту любопытную подробность не указал ни один из библиографов.

Где же, все-таки, искать сведения о самом авторе «Театра судоведения»? Конечно, в государственных архивах возможно и есть какие-нибудь документы о нем, но тогда что же у меня за «личная библиотека», если она сама не сумеет ответить на этот вопрос? Тем более, что на первом томике «Театра судоведения» у меня имеется ключевой автограф: «Другу Н. Страхову от автора». Немногословно, но уже кое-что!

Единственный известный в конце XVIII века Николай Страхов — это издатель журнала «Сатирический вестник», выходившего в 1791 году (в 1795 было его второе издание). Журнал этот весьма примечательный, создан явно под влиянием «Почты духов» И. А. Крылова. Кроме «Сатирического вестника», в том же 1791 году Н. Страхов выпустил сатирическую книжку «Переписка моды», а главное «Карманную книжку для приезжающих на зиму в Москву старичков и старушек, невест и женихов, молодых и устарелых девушек, щеголей, вертопрахов, волокит, игроков и проч.»[8] Книжка эта (второе издание ее было в 1795 году) — одна из самых замечательных книг XVIII века. По силе обличения крепостного права, нападения на дворянские пороки и безобразия, по гневным словам в защиту угнетенных,— «Карманная книжка» Н. Страхова, в какой-то мере, приближается к «Путешествию» А. Н. Радищева, с той лишь разницей, что А. Н. Радищев бил по самодержавию, породившему крепостное право и угнетение, а Н. Страхов видел всю беду лишь в самом

КАРМАННАЯ
КНИЖКА
Для прїѣзжающихъ на зиму въ Москву старичковъ и старушекъ, невѣстъ и жениховъ, молодыхъ и устарѣлыхъ дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ, волокитъ, игроковъ и проч.

или

Многозначительныя для нихъ наставленія и совѣты,

Писанныя Сочинителемъ Сатирическаго Вѣстника.

Часть I

МОСКВА,
Въ Университетской Типографїи, у В. Окорокова,
1791.

163. «Карманная книжка» Н. Страхова. Первое издание 1791 г. Титульный лист.

крепостном праве, в помещиках, полагая, что зло — только в них самих.

В год, следовавший за арестом и высылкой А. Н. Радищева, подобное выступление в печати было весьма мужественным. Сатирик Н. Страхов принадлежит к числу незаслуженно забытых писателей XVIII века. Достаточно сказать, что в посвященной ему статье в «Истории русской литературы» АН СССР ни разу не названо ни его имени, ни его отчества. Страхов — и все...[9]

После выпуска ряда его обличительных книг в 1791 году и почему-то повторного их появления в 1795 году, сатирик Страхов, по-видимому, вынужден был умолкнуть. Он отправляется на службу чиновником в Астрахань, где, по очевидной честности своей натуры, вступает в неравную борьбу со взяточниками и лихоим-

цами. Доносами недругов он в 1804 году отстраняется от должности и почти до 1810 года состоит под следствием. Лишь в 1810 году ему едва удается выпутаться из этого дела и то «оставленным под подозрением». Н. Страхов вновь переезжает на жительство в Петербург.

Возобновление его литературной деятельности в Петербурге ознаменовывается выпуском двух, осмеянных критиками, новых книг «Мои петербургские сумерки» (1810) и «Рассматриватель жизни и нравов» (1811) [16]. Обе эти последние книжки Н. Страхова даже отдаленно не напоминают его сатирических выступлений в 1791—1795 годах. Самодержавие сломило волю и дух сатирика, и в книгах этих слышатся лишь сентиментальные жалобы на обиды, помещены нравоучительные и религиозные рассуждения, горестные заметки, тенденциозные и неумные.

Мне удалось собрать все книги Николая Страхова, давно уже ставшие почти ненаходимыми и именно в одной из последних его книг — «Мои петербургские сумерки» — я нашел кое-какие сведения об авторе «Театра судоведения» Василии Новикове. В очерке «Тюрьма» Страхов, говоря о заслугах английского тюрьмоведа Говарда, между прочим пишет: «Во веки будь благословенна память и нашего русского Говарда — Василия Васильевича Новикова, который первый в отечестве нашем в заступление за невинность издал убедительные примеры напрасных осуждений и в доказательство того поместил особую статью о невинноосужденном сержанте Зотове».

В другом своем очерке Страхов называет автора «Театра судоведения» Василия Васильевича Новикова своим «покойным другом» и намекает на местопребывание его в Калужском наместничестве. Это, кстати, подтверждается наличием у Сопикова брошюры: «Речь на случай собрания калужского дворянства для выбора судей, говоренная В. Новиковым» (Спб., 1786).

Таким образом, довольно подробные сведения о Василии Васильевиче Новикове, «русском Говарде», гуманисте, зачинателе и первом борце за гласность русских судебных процессов, за освещение их в печати — были выявлены. Выдержала экзамен и «личная библиотека», сумевшая ответить на поставленные вопросы, доказана еще и еще раз ценность дарственной надписи автора на книге.

Отпадает, как мне кажется, и вопрос о том, что книги — это, якобы, одно, а автографы, портреты писателей, их рукописи, иллюстрации к их произведениям — другое. Нет, мне кажется, что все это, вместе взятое, и есть книга.

Мое искреннее убеждение, что если вы только прочитали роман Николая Островского «Как закалялась сталь» и тут же не заинтересовались, не ознакомились с героической биографией самого писателя, не прочитали критических статей о нем, о времени, в котором он жил и работал, не зашли (если, конечно, у вас была возможность) в его квартиру — музей в Москве, на улице Горького, не постояли, задумавшись перед его кроватью, прикованным к которой создавал свои произведения этот сильнейший духом и любовью к Родине человек,— значит до вас книга его еще по-настоящему не дошла и вы, в сущности, еще не знаете «Как закалялась сталь»...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Литературное наследство», т. 19—21, 1935, цветная вклейка в начале тома. См. здесь так же статью И. Айзенштока «Судьба литературного наследства Т. Г. Шевченко», стр. 482.

2. Соллогуб, В. А. Воспоминания, М.— Л., 1931, стр. 375.

3. Листок, издаваемый кн. Петром Долгоруковым. Ноябрь 1862 г. (№№ 1—5 — в Брюсселе, №№ 6—22— в Лондоне. Последний № вышел 28-го июля 1864 г.). Комплект из 22 №№ в обложке, на которой напечатано: «Листок, издававшийся кн. Петром Долгоруковым. Берлин. Книжн. магаз. Штура (О. Герстман). 30 см. 176 стр.

4. Щеголев, П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е. М.— Л., 1928, стр. 103.

5. Часть первая. Печатано с дозволения управы благочиния у Вильковского. В Спб-ге 1790 года; части вторая — пятая. Москва, в университетск. типогр. у В. Окорокова, 1791; часть шестая — там же, 1792 г. 8⁰. Ч. 1. Гравирован. фронтиспис, 222 стр.; Ч. II. 210 стр.; Ч. III. 153 стр.; Ч. IV. Гравирован. план, 143 стр., Ч. V. 167 стр.; Ч. VI. 165 стр.

6. Добролюбов, Н. А. Собр. соч. в 3-х томах. Т. 2. М., Гихл, 1952, стр. 328.

7. Каталог библиотеки К. М. Соловьева. М., 1914, № 920. Битовт, Ю. Редкие русские книги. М., 1905, № 2346; Сопиков, № 11 752; Смирдин, № 2126; Обольянинов, Н. Каталог рус. иллюстр. изд. Т. 2. М., 1915, № 1754. У всех указано только московское издание.

8. Карманная книжка для приезжающих на зиму в Москву старичков и старушек, невест и женихов, молодых и устарелых девушек, щеголей, вертопрахов, волокит, игроков и проч., или иносказательные для них наставления и советы, писанные сочинителем Сатирического вестника. Часть первая — третья. М., в университет. типогр. у В. Окорокова, 1791. 8° (малая). Ч. 1. 107 стр.; Ч. II. 101 стр.; Ч. III. 82 стр.

В 1795 году вышла вторым изданием, так же, как и другое сочинение Н. Страхова «Сатирический вестник». По-видимому это не вторые издания, а лишь перепечатанные заново заглавные листы, наклеенные на остаток нераспроданных экземпляров первого издания.

О Страхове, как о продолжателе традиций Радищева в борьбе против крепостного права, см. статью А. Н. Пыпина «В XVIII веке» («Вестник Европы», 1886, т. III, кн. 6—7).

9. Т. IV. Ч. 2-я. М.—Л., 1947, стр. 296.

10. Мои петербургские сумерки. Сочинение Николая Страхова, издателя Сатирического вестника, Переписки моды, Карманной книжки и пр. Часть первая — вторая. Печатано иждивением сочинителя. Спб., в сенатской тип., 1810. 12°. 126 и 115 стр.

Рассматриватель жизни нравов. Сочинение Николая Страхова. Часть первая — третья. В сенатской типогр. печатано иждивением сочинителя, 1811. 12°. 130, 136 и 139 стр.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

(Все иллюстрации воспроизведены из собрания автора)

Вклейки:

I. И. А. Крылов. Прижизненный портрет работы неизвестного художника.

II. А. С. Пушкин. Портрет работы неизвестного художника, 1830-е гг.

III. А. С. Пушкин. «Подражание древним». Автограф. Воспроизводится впервые. 1. «Из Ксенофана Колофонского». 2. «Из Афинея».

IV. А. С. Пушкин. Письмо к А. П. Керн от 14 августа 1825 г. Автограф. Стр. 1—4.

V. Артистка Н. В. Самойлова в роли Кетли. С оригинала работы художника В. Тимма (масло). Портрет напечатан в «Театральном альбоме» 1842—1843 гг.

В тексте:

1. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. Обложка первой главы первого издания.
2. «Притчи Эссоповы». Титульный лист книги, напечатанной в Амстердаме в 1700 г.
3. «Ведомости». Страница первой русской печатной газеты 1703 г.
4. «Новая манера укреплению городов». Гравированный фронтиспис книги, напечатанной в 1711 году в Москве.
5. «Трутень». Титульный лист первого издания сатирического журнала Н. И. Новикова 1769 г.
6. «Сельский житель». 1778 г. Титульный лист первого русского сельскохозяйственного журнала. Редактор Андрей Болотов.
7. «Журнал изящных искусств». 1807 г. Титульный лист.
8. «Мертвые души» Н. В. Гоголя. Литогр. обложка первого прижизненного издания 1842 г. Обложку рисовал Н. В. Гоголь.
9. «Современник». Титульный лист журнала, издававшегося в 1836 году А. С. Пушкиным.
10. «Современник». Титульный лист журнала, издававшегося с 1847 года Н. А. Некрасовым и И. Панаевым.
11. «Время». Титульный лист журнала, издававшегося при ближайшем участии Ф. М. Достоевского.
12. «Литературная газета», издававшаяся с 1830 года Антоном Дельвигом.
13. Л. Н. Толстой. «В чем моя вера». Титульный лист книги. Сожжена цензурой.
14. А. Чехонте. «Сказки Мельпомены». Обложка первого издания книги рассказов А. П. Чехова.
15. А. П. Чехов. «В сумерках». Титульный лист с дарственной надписью автора артисту А. П. Ленскому.
16. Факсимиле письма Л. Н. Толстого к искусствоведу С. П. Яремичу.
17. В. В. Маяковский.
18. «Полярная звезда». Фронтиспис к сборнику, издававшемуся А. И. Герценом.
19. «Жасмин и роза». Обложка альманаха 1830 г.
20. Демьян Бедный. С оригинала работы художника И. И. Бродского. На портрете дарственная надпись поэта.

21. «Манифест барона фон Врангеля». Листовка со стихами Д. Бедного.
22. Обложка книги стихотворений И. Бакунина с надписью Я. Грота.
23. К. Маркс «Капитал». Титульный лист первого русского издания 1872.
24. «Ежемесячное сочинение Пифагор» 1804 г. Титульный лист.
25. М. Чулков. «Пригожая повариха». Титульный лист издания 1770 г.
26. «Сказки духов». Титульный лист запрещенного издания 1785 г.
27. Гравирован. портрет А. Н. Радищева из «Собрания оставшихся сочинений» 1807 г. Грав. Вендрамини.
28. «Размышления о греческой истории» соч. аббата де Мабли. Титульный лист. Перевод А. Н. Радищева.
29. А. Н. Радищев. «Житие Федора Васильевича Ушакова». 1789 г. Титульный лист книги.
30. Дарственная надпись Демьяна Бедного на книге А. Н. Радищева «Житие Ушакова».
31. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Титульный лист первого прижизненного издания 1790 г.
32. Объявление в «Русских ведомостях» с предложением 1500 рублей за первое издание «Путешествия» А. Н. Радищева.
33. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Титульный лист рукописного экземпляра.
34. «Собрание оставшихся сочинений» А. Н. Радищева 1807—1811 гг. Титульный лист.
35. «Путешествие» А. Н. Радищева в издании А. И. Герцена, 1858 г. Титульный лист.
36. «Путешествие» А. Н. Радищева. Титульный лист спекулятивного издания 1868 г. Издатель книгопродавец Шигин.
37. Обложка сожженного цензурой собрания сочинений А. Н. Радищева 1872 г. под редакцией П. А. Ефремова.
38. «Путешествие» А. Н. Радищева. Титульный лист суворинской копии. Напечатано в 1888 г.
39. «Путешествие» А. Н. Радищева. Обложка последнего уничтоженного перед революцией 1905 года издания.
40. Николай Иванович Новиков. С оригинала работы художника Д. Левицкого (?) (масло).
41. Факсимиле первой страницы письма М. Н. Лонгинова к Н. И. Тургеневу.
42. «Живописец» (1772—1773 гг.) Титульный лист первого издания журнала Н. И. Новикова.
43. «Кошелек» 1774 г. Титульный лист сатирического журнала Н. И. Новикова.
44. «С.-Петербургские ученые ведомости» 1777 г. Титульный лист первого русского библиографического журнала.
45. «Модное ежемесячное издание». 1779 г. Титульный лист первого русского журнала для женщин.
46. «Щеголиха на гуляньи». Гравюра из «Модного ежемесячного издания» Н. И. Новикова 1779 г.
47. «Открытие нового издания» 1787 г. Титульный лист проспекта. Издал поручик Федор Кречетов.
48. «Не всио и не ничево» 1786 г. Титульный лист первого и единственного номера журнала. Издал поручик Федор Кречетов.
49. «Уединенный пошехонец». Титульный лист первого русского провинциального журнала. Издан в Ярославле в 1786 г.
50. «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». Титульный лист первого русского журнала, изданного в Сибири.

51. «Феатр чрезвычайных происшествий». Титульный лист книги П. Острогорского. Уничтоженное издание 1790 г.
52. «Анекдоты Оттоманского двора». Титульный лист книги П. Острогорского. Неоконченное издание 1787 г.
53. «Дон Педро Прокодуранте». Титульный лист комедии Я. П. Чаадаева. Первое издание 1794 г.
54. «Дон Педро Прокодуранте». Титульный лист второго издания. Напечатано в том же 1794 г.
55. «Оленька, или первоначальная любовь» 1796 г. Гравированный титульный лист оперы А. М. Белосельского-Белозерского.
56. «Ябеда» В. Капниста. Гравированный фронтиспис к первому изданию комедии 1798 г.
57. «Утренние часы». Титульный лист журнала, издававшегося в 1788 году И. Г. Рахманиновым при ближайшем участии И. А. Крылова.
58. «Почта духов». Титульный лист журнала И. А. Крылова. Первое издание. 1789 г.
59. «Зритель». Титульный лист журнала И. А. Крылова, издававшегося в 1792 г.
60. «С.-Петербургский Меркурий» 1793 г. Титульный лист последнего журнала И. А. Крылова.
61. «Модная лавка» И. А. Крылова. Титульный лист второго прижизненного издания комедии 1816 г.
62. «Драматический вестник». Первый русский театральный журнал. Издавался при ближайшем участии И. А. Крылова.
63. Первое прижизненное издание книги басен И. А. Крылова 1809 г. Титульный лист.
64. Первое иллюстрированное издание басен И. А. Крылова 1815 г. Гравированный фронтиспис. Рис. И. Иванов. Грав. М. Иванов.
65. Первое иллюстрированное издание басен Крылова 1815 г. Грав. титульный лист. Рис. И. Иванов. Грав. М. Иванов.
66. «Ворона и курица». Одна из иллюстраций в книге басен И. А. Крылова 1815 г. Рис. И. Иванов. Гравировал С. Галактионов.
67. «Три новые басни И. А. Крылова». Издание Публичной Библиотеки 1817 г. Титульный лист.
68. Книга басен И. А. Крылова, изданная в 1819 г. Титульный лист.
69. Второе иллюстрированное издание басен И. А. Крылова, 1825 г. Титульный лист. Рис. И. Иванов. Гравировал С. Галактионов.
70. «Фортуна и нищий». Одна из иллюстраций в книге басен И. А. Крылова 1825 года. Рис. И. Иванов. Гравировал С. Галактионов.
71. Стихотворение И. А. Крылова, посвященное А. Н. Оленину, на книге басен издания 1825 г. Автограф.
72. Третий, безгравюрный, «массовый» вид издания басен И. А. Крылова 1825 г. Обложка.
73. Парижское издание басен И. А. Крылова 1825 г. Обложка.
74. «Раздел». Одна из иллюстраций в парижском издании басен И. А. Крылова 1825 года. Рис. художник Изабэ.
75. Первое смирдинское издание басен И. А. Крылова 1830 г. Титульный лист.
76. Иллюстрация к басне «Василек» художника и гравера А. Сапожникова к изданию басен 1834 г. Изображен И. А. Крылов.
77. Последнее смирдинское издание басен И. А. Крылова 1840 г. Гравированный заглавный лист.
78. Дарственная надпись И. А. Крылова на форзаце смирдинского издания басен 1837 г.

79. Миниатюрное издание басен И. А. Крылова, напечатанное А. Ф. Смирдиным в 1835 и повторенное в 1837 гг. Обложка.
80. Дарственная надпись на книге басен издания 1843 г. Рукой И. А. Крылова: «Сочинитель И. Крылов».
81. Книга басен И. А. Крылова издания 1843 г. Траурная обложка.
82. Александр Ваттемар. Французский артист эстрады, собиратель автографов и рисунков.
83. «Всемирный альбом» А. Ваттемара (Париж, 1837). Титульный лист.
84—85. Иллюстрации из парижского издания перевода «Бахчисарайского фонтана» А. С. Пушкина на французский язык. (1826 г.)
86. «Онегин». Иллюстрация П. Соколова к «Евгению Онегину». Воспроизводится с оригинала.
87. «Татьяна». Иллюстрация художника П. Соколова к «Евгению Онегину». Воспроизводится с оригинала.
88. «Бал у Лариных». Иллюстрация П. Соколова к «Евгению Онегину». Воспроизводится с оригинала.
89. «Дуэль». Иллюстрация П. Соколова к «Евгению Онегину». Воспроизводится с оригинала.
90. «Стихотворения А. С. Пушкина, неизданные в России» (1908 г.). Весь тираж был пущен под нож резальной машины.
91. «Дмитрий Самозванец» Фаддея Булгарина. Титульный лист первого тома, изд. 1830 г.
92. Дарственная надпись Ф. Булгарина — Фон Фоку на книге «Дмитрий Самозванец» 1830 г.
93. Первое прижизненное издание «Бориса Годунова» А. С. Пушкина (Спб., 1831).
94. «Мнемозина», изд. В. Одоевским и В. Кюхельбекером в 1824—25 гг. Литографированный титульный лист.
95. Дарственная надпись В. Кюхельбекера — Н. Языкову на томике «Мнемозины».
96. Письмо В. Кюхельбекера к племяннице А. Г. Глинки из Свеаборгской крепости 1834 г. Первая страница.
97. Н. О. Дюр — первый исполнитель роли Хлестакова. С рис. Петра Каратыгина.
98. «Ревизор» Н. В. Гоголя. Титульный лист первого прижизненного издания 1836 г.
99. Дарственная надпись Н. В. Гоголя — артисту Н. О. Дюру на шмуцтитуле первого издания «Ревизора».
100. «Хлестаков». Рис. худ. П. Боклевского из его неизданной тетради к «Ревизору». Воспроизводится с оригинала.
101. Сцена из «Ревизора». С рис. П. Боклевского из его «Бюрократического катехизиса». Воспроизводится с оригинала.
102. «Театральный альбом» 1842—43 гг. Литографированный заглавный лист.
103. Артистка Т. П. Смирнова. Литогр. портрет из «Театрального альбома» 1842—43 гг. Рис. Житнев.
104. Артист И. Никитин. Литогр. портрет из «Театрального альбома» 1842—43 гг. Рис. Шнейцер.
105. Крокады В. Тимма (литогр.) к драме «Велисарий» из «Театрального альбома» 1842—43 гг.
106. Крокады В. Тимма (литогр.) к опере «Фенелла» из «Театрального альбома» 1842—43 гг.
107. Артистка М. Ширяева. Литогр. портрет из «Театрального альбома» 1842—43 гг. Рис. А. Гау.

108. Один из литографированных заглавных листов к нотам «Театрального альбома» 1842—43 гг.
109—110. «Карманный словарь иностранных слов». Обложки первого и второго выпусков 1845—46 гг.
111. «Кабинет Аспазии». Обложка альманаха-журнала Б. Федорова 1815 г.
112. «Весельчак». Лист первого номера журнала 1858 г.
113. Несколько «уличных листов» 1858 года.
114. «Искра». Лист первого номера журнала 1859 г.
115. «Ороскоп кота». Листок Б. Федорова 1858 года, направленный против А. Герцена, Н. Чернышевского и Н. Некрасова.
116. «Моим трутням совет». Второй листок Б. Федорова 1858 г.
117. «Моим трутням совет». Оборотная сторона листка Б. Федорова.
118. Иллюстрация, нарисованная П. Каратыгиным к его переводу пьесы «Черное пятно». С оригинала (масло).
119. Страница из собственноручной тетради артиста Петра Каратыгина с его стихами и экспромтами.
120. Обложка книги поэта-самоучки Н. Ульянова, изд. в 1856 г.
121. П. Шумахер. «Для всякого употребления». Титульный лист уничтоженной цензурой книги с дарственной надписью автора.
122. Альманахи В. А. Жуковского «Для немногих», «Собиратель» и «Муравейник» (1818, 1829 и 1831 гг.)
123. Книга бар. Корфа о событиях 14-го декабря. Титульный лист.
124. Особый экземпляр книги А. И. Герцена с ответом на пасквиль бар. Корфа о событиях 14-го декабря. Обложка.
125. Книга Вл. Даля «Исследование о скопческой ереси» 1844 г. Титульный лист.
126. «Рассказ об отношениях Пушкина к Дантесу». Напечатан в 10 экземплярах (1898 г.) Обложка книги.
127. «О греческой антологии». Титульный лист книги, изданной «арзамасцами» в 1820 г.
128. «Рескрипты и записки Павла I-го». Напечатано Аракчеевым в 10 экземплярах (1821 г.). Титульный лист.
129. Дарственная надпись Аракчеева — Куракину на книге «Рескрипты и записки Павла I-го».
130. «Альбом Ольги Козловой». Напечатан в 1883 году в 40 экземплярах. Титульный лист.
131. «Мечты и звуки» Н. А. Некрасова. Книга уничтожена автором. Обложка.
132. «Первые опыты». Первая прижизненная книга И. Лажечникова. 1817 г. Титульный лист. Книга уничтожена автором.
133—134. Две первые прижизненные книги И. С. Тургенева «Параша» и «Разговор» 1843 и 1845 гг. Титульные листы.
135. Первая прижизненная книга стихов А. Фета (1840 г.). Титульный лист.
136. Гравированный фронтиспис первой прижизненной книги А. К. Толстого «Упырь» 1841.
137. А. Н. Толстой. Портрет с его дарственной надписью.
138. Миниатюрное издание басен И. Крылова 1856 г. Напечатано шрифтом «Диамант». Натуральная величина.
139. Разворот «Фестивального сувенира» — два произведения Максима Горького. Напечатано тип. «Красный пролетарий» в 1957 году. Натуральная величина.
140. «Райская птичка» 1841 г. Титульный лист.
141. Одна из иллюстраций к «Райской птичке». Натуральная величина.
142. «Секретная» книга, изданная в 1865 году. Титульный лист.

143. «Секретная» книга, изданная охранкой в 1880 году. Титульный лист.
144. «Учебник» для чинов охранки. Издан «секретно» в 1913 году.
145. Нелегально изданная в 1902 г. посредством штемпельного набора брошюра Л. Н. Толстого «Солдатская памятка». Титульный лист.
146. Первая прижизненная книга В. Г. Белинского «Основания русской грамматики» 1837 г. Титульный лист.
147. Первая прижизненная книга А. С. Грибоедова — комедия «Молодые супруги». Спб. 1815 г. Титульный лист.
148. Первое издание комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Вышло в 1833 году после смерти автора. Обложка.
149. Единственная прижизненная книга стихотворений М. Ю. Лермонтова 1840 г. Титульный лист.
150. Единственная прижизненная книга стихотворений Алексея Кольцова 1835 г. Титульный лист.
151. Прижизненное издание книги К. Ф. Рылеева «Думы» 1825 г. Гравированный заглавный лист.
152. А. В. Сухово-Кобылин. Портрет с его дарственной надписью В. В. Рахманиновой.
153. Сборник стихотворений А. Полежаева «Арфа» 1838 г. Титульный лист и портрет поэта.
154. Ипполит Никитович Мышкин, революционер-народник.
155. Первая нелегально изданная И. Н. Мышкиным книга «Об отношении господ к прислуге» 1874 г. Обложка.
156. Уничтоженное цензурой издание «Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи» 1878 г. Титульный лист.
157. Книга А. Бабина с описанием библиотеки Г. Юдина. Издана в Вашингтоне в 1905 г. на англ. и рус. языках. Титульный лист.
158. Г. В. Юдин, красноярский купец-книголюб.
159. Дом в Красноярске, в котором помещалась библиотека Г. В. Юдина. Здесь работал В. И. Ленин весной 1897 г.
160. Т. Шевченко. «Гайдамаки». Первое прижизненное издание с дарственной надписью автора.
161. «Листок, издаваемый кн. Петром Долгоруковым» (Брюссель — Лондон, 1862—1864 гг.) Первый лист.
162. Гравированный фронтиспис и титульный лист «Театра судоведения», издаваемого В. Новиковым в 1790—1792 гг.
163. «Карманная книжка» Н. Страхова. Первое издание 1791 г. Титульный лист.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ Стр.

Власть книги 9
У полки старых книг 15
В городе книги 19
«Поговорим с народом!» 32
Какие собирать книги 39
«Только не воспоминания!» 45
Памятка гражданской войны 50
Книга без заглавия 56
«Никто не обнимет необъятного» 63

ГРОЗНОЕ ОРУЖИЕ

(О прижизненных и ранних изданиях сочинений Александра Радищева.)

Вступление 77
Первая книга Радищева 81
«Офицерские упражнения» 83
«Житие Ушакова» 85
Первенец вольной типографии Радищева . . 92
Первое издание «Путешествия из Петербурга в Москву» 94
Первое легальное издание собрания сочинений 106
«Путешествие» в издании Герцена 108
«Путешествие» в издании спекулянта . . . 110
Ефремовское издание «Путешествия» . . . 112

Еще два зарубежных издания «Путешествия» 117
Суворинская копия «Путешествия» 118
Последнее, уничтоженное цензурой, издание «Путешествия» 120
«Потомство за меня отомстит!» 122

О НЕКОТОРЫХ КНИГАХ XVIII века

«Новиков и московские мартинисты» 129
«О всех и за вся» 147
Первенцы русской провинциальной журналистики 154
«Феатр чрезвычайных происшествий» 166
«Дон Педро Прокодуранте» 174
«Оленька» 181
Арестованная комедия 186

«НАВИ ВОЛЫРК»
(Библиографическая повесть об Иване Крылове)

Вступление 199
«Утренние часы» 202
«Почта духов» 206
«Ода на заключение мира» 212
«Зритель» и «С.-Петербургский Меркурий» 215
Пьесы Крылова и журнал «Драматический вестник» 220
Первые книги басен 228
Первое иллюстрированное издание басен . . 232
Издания басен между 1815 и 1825 годами . . 238
Второе иллюстрированное издание басен . . 243
Издание басен, напечатанное в Париже . . 251
Сорок тысяч экземпляров 256
«Нави Волырк» 264
Последняя книга басен 275

НАЧИНАЯ С ПУШКИНА
(Книги, автографы, иллюстрации)

Судьба одного автографа 287
«Я помню чудное мгновенье» 303
«Альбом творца Татьяны» 315
Порубанная книга Пушкина 326

«Истинный друг человечества» 335
«Колпачок» 341
Подарок Гоголя 348
Таинственный «Театральный альбом» 355
«Я покажу им иронию!» 372
«Кабинет Аспазии» 385
Тетрадь Петра Каратыгина 403
Поэт, которого якобы не было 412
«Для всякого употребления» 417
Книги, изданные для немногих 424
Книги, разочаровавшие авторов 454
Миниатюрные книги 473
Секретные книги 483
Еще о прижизненных изданиях 490
Дело о революционной пропаганде в империи . . 511
Люстра, зажженная на расстоянии 528
История одного преступления 532
Последний рассказ 544
Список иллюстраций 559

Николай Павлович
СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ
Народный артист РСФСР

РАССКАЗЫ О КНИГАХ

Художественный редактор В. Ф. Ишутин
Технический редактор Ю. А. Поляков

Сдано в набор 7/XII—1958 г.
Подписано к печати 15/V—1959 г. А 04931.
Бумага 60 × 92$^{1}/_{16}$—35,5 п. л. 30,18 уч. изд. л.
Тираж 60 000 экз. (1—30 000). Заказ № 4272.
Цена 17 р. 70 к.

Издательство Всесоюзной книжной палаты
Москва, Брюсовский пер., дом 8/10

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская 16.

